

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Переводчики и переводы в России

до начала
XVIII столетия

Материалы
12 Международной конференции
«Комплексный подход
в изучении Древней Руси»
11–15 сентября 2023 г.

Выпуск 3

Москва
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
П 27

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории РАН 1.06.2023 г.

Сборник посвящается памяти Николая Михайловича Рогожина

Редакционная коллегия:
Беляков А. В., Гуськов А. Г., Кочегаров К. А.,
Лисейцев Д. В. (*отв. ред.*), Шамин С. М. (*отв. ред.*)

Рецензенты:
д.филол.н. С. В. Алпатов, д.и.н. А. А. Горский

Ц 44 Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории РАН. Вып. 3. — М. : Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — 2023. — 460 с.

ISBN 978-5-8055-0425-0

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, проходившей в ИРИ РАН 11–15 сентября 2023 г. Третий научный форум, ориентированный на изучение проблематики перевода иностранных текстов в России (до начала XVIII в.), проходил на площадке международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». В статьях и тезисах докладов подняты вопросы методологии работы над переводами различных текстов, отражения личности переводчиков в разных типах источников, реконструированы биографии специалистов по устному и письменному переводу. Книга адресована историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России. Издание посвящается памяти выдающегося ученого, крупнейшего специалиста по истории российской дипломатической службы XVI–XVII вв. Н. М. Рогожина.

ISBN 978-5-8055-0425-0 © Институт российской истории РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Содержание

<i>Е. Э. Бабаева, Т. В. Пентковская</i> Петр Андреевич Толстой как переводчик	7
<i>Т. А. Базарова</i> Переводчики западноевропейских посольств и петровские дипломаты в Стамбуле: контакты и неформальные связи	13
<i>А. В. Беляков</i> Устокасимовы: переводчики Посольского приказа второй половины XVI—XVII вв.	26
<i>Е. В. Белякова</i> К вопросу о переводе «Арменопула» на славянский язык в XVII в.	39
<i>Н. Ю. Болотина</i> Ученики школы переводчиков Йохана Николая Швиммера при Посольском приказе: служебные карьеры в первой четверти XVIII в.	52
<i>А. Г. Бондач, П. А. Рылик, С. К. Севастьянова</i> Послание Газского митрополита Паисия Лигарида патриарху Никону от 12 июля 1662 г. и его переводы XVII—XIX вв.	68
<i>К. В. Вершинин</i> Из древнерусской рукописной традиции бесед Василия Великого	71
<i>А. В. Виноградов</i> Переводчик Посольского приказа Суналей Тонаев в посольствах в Крымское ханство в 1610-х — 1620-х гг.	81
<i>Н. Н. Воробьева</i> «И ныне обучаютца тех вышеписанных языков с прилежанием»: к вопросу о подготовке переводчиков Коллегии иностранных дел (по материалам посольства А. П. Волынского в Иран 1715—1718 гг.)	99
<i>Д. В. Герасимов</i> Как поссорились переводчик Абдул Байцын с подьячим Иваном Истоминым	120

<i>А.Г. Гуськов</i>	Из неволи на дипломатическую службу: бывшие полоняники в Посольском приказе	128
<i>Н.Е. Домрачев</i>	Пристав-переводчик: к вопросу о назначении Семена Лаврецкого приставом польского резидента Ежи Довмонта	163
<i>Ю.П. Зарецкий</i>	Новые сведения о жизни и деятельности Ильи Копиевского в Амстердаме	178
<i>К.А. Кочегаров</i>	Солдат, невольник, странник – к биографии толмача Посольского приказа и участника Великого посольства Алексея Змеева	194
<i>О.Е. Кошелева</i>	Переводчик Адам (Иван) Дорн (вторая четверть XVII в.)	199
<i>Д.С. Кулмаматов</i>	Переводчики, толмачи Посольского приказа и среднеазиатско-русская дипломатическая переписка в XVII в.	210
<i>Д.В. Лисейцев</i>	Имущественное положение толмачей в российском социуме первых десятилетий XVII в.	215
<i>Д.О. Манин</i>	Стратегии и практики взаимодействия П.И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг.	222
<i>Р. Михнева, С. Арсениев</i>	«Всю правду высказать пред троном...» – миры, границы, люди (о создании корпуса переводчиков- востоковедов на примере Константинопольской дипломатической миссии России в первой половине XVIII в.)	232
<i>М.В. Моисеев</i>	Языки дипломатии в русско-османских отношениях XVI века	245
<i>А.В. Морохин</i>	Голландские переводчики в Стамбуле Тейльсы и Россия: к истории неофициальных контактов в 1714–1720-х гг.	248

<i>Т.А. Опарина</i>	Греческий толмач Посольского приказа Дмитрий Михайлов (Дрянов)	254
<i>А.А. Преображенская</i>	«Сия книга преводу и писма иеромонаха Симеона Полоцкого»: письменные переводы Симеона Полоцкого в контексте русской культурной ситуации второй половины XVII в.	264
<i>В.Д. Пузанов</i>	Толмач и ясачные люди в Сургутском уезде: дело 1709 г. ...	274
<i>О.В. Русаковский</i>	Иноземные полки в России, 1631–1634 гг.: Контуры языкового взаимодействия	279
<i>Н.В. Савельева</i>	Перевод как вариант адаптации текста (на материале сборника «Альфа и Омега», 40-е гг. XVII в.)	297
<i>А.А. Селин</i>	Толмачи похода принца Ханса Датского к Москве в августе-октябре 1602 г.	314
<i>Д.В. Сень</i>	Толмачи Войска Донского в XVIII веке: персональный состав, происхождение, функции	322
<i>А.С. Смирнова</i>	Иностранные источники в «Истории» Федора Поликарпова и их перевод	342
<i>Л.Б. Сукина</i>	Иноземные притчи в предисловиях лицевых Синодиков: особенности вербального и визуального перевода	349
<i>Л.А. Тимошина</i>	Славянский язык в окружении иерусалимского патриарха Феофана III Каракалла в 1620-х годах	367
<i>А.А. Турилов</i>	Неизвестный (и несколько неожиданный) перевод- компиляция Стефана Лукомского (зографский Лечебник- Травник («Гербар») Симона Сирения 1748 г.)	385
<i>Д. Уо</i>	К вопросу изучения текстов о путях в Китай и Индию, хранящихся в Приказе тайных дел	393

<i>И. А. Устинова</i>	
О владении русскими архиереями XVII в. иностранными языками и их участии в переводческой деятельности	415
<i>О. И. Хоруженко</i>	
Переводы польских гербовников в делопроизводстве Палаты родословных дел конца XVII в.	420
<i>К. С. Худин</i>	
«На встречу к аглинскому послу... послать неково»: из переписки Аптекарского и Посольского приказов третьей четверти XVII в.	428
<i>Л. А. Черная</i>	
Предисловия к переводной учебной литературе Петровского времени	434
<i>И. Н. Юркин</i>	
Переводчики при иностранных специалистах на петровских каналах в начале XVIII века	445
Список сокращений	454
Сведения об авторах	457

Петр Андреевич Толстой как переводчик

Петр Андреевич Толстой — государственный деятель и дипломат — оставил по себе значительное письменное наследие. Его карьера следует политическим поворотам эпохи. В 1665–1669 гг. он служил при своем отце, Андрее Васильевиче Толстом, на Украине, где принимал участие в обороне Чернигова от гетмана И.М. Брюховецкого. В 1677 и 1678 гг. участвовал в Чигиринских походах, а в 1696 г. — во втором, победоносном, Азовском походе [Путешествие стольника..., с. 254–255]. С 1697 по 1699 г. по поручению Петра I он путешествовал по Европе, где в Италии изучал морское дело. От этого периода жизни до нас дошел путевой дневник Толстого — его собственноручное описание жизни в Италии и всего того, что он видел в этой стране и в других европейских странах, от Польши до Долмации.

С 1702 по 1714 г. Толстой находился в Османской империи, куда был послан Петром I в качестве первого постоянного российского представителя. В этот период им были составлены статейные списки — подробные отчеты за каждый год пребывания русского посольства в Стамбуле (1702–1709), представляемые государю. Важно подчеркнуть, что Толстой попал в Турцию вскоре после русско-турецкой войны 1686–1700 гг., одним из итогов которой стало создание русского военно-морского флота [Гуськов, Кочегаров, Шамин]. Не случайно поэтому в соответствии с негласной инструкцией, полученной Толстым от Петра I, одной из важнейших задач русского посланника в Стамбуле стал сбор сведений об османской армии, флоте и крепостях, а также о населении, государственном управлении, об отношениях Порты с другими государствами. Эта задача решалась им как в собственных сочинениях, отправленных им в Посольский приказ, («Описание Черного моря» и «Состояние народа турецкого»), так и в переводе.

В период пребывания в Османской империи Толстой перевел итальянскую версию сочинения П. Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire», озаглавив ее «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской». Однако его перевод с определенными исправлениями был напечатан лишь в 1741 г. в Санкт-

Петербурге под названием: Рикот П. Монархия турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польского на российский язык. СПб.: Тип. Акад. наук, 1741. Этапы развития истории текста перевода реконструированы С.И. Николаевым [Николаев, 1988; Николаев, 2010].

С.И. Николаев указал на две сохранившиеся рукописи перевода, озаглавленные «Гистория управления настоящего империи Оттоманской». В рукописи БАН 31.3.22 на л. 262 об. имеется приписка о том, что перевод выполнен с итальянского языка на русский «сиятельнойшим графом... Петром Андреевичем Толстым в Цареграде». В 1724 г. эта рукопись была представлена в Синод. При подготовке к печати была изготовлена наборная рукопись БАН 34.5.28. Она содержит два слоя правки, один из которых принадлежит сыну Толстого Ивану. Однако печать книги была остановлена в 1727 г. и отослана для допечатания в Академию наук. На последнем этапе подготовки перевода к печати текст его был отредактирован А.И. Богдановым по польскому оригиналу, а имя переводчика на титульном листе не указано.

Важно отметить, что тематика переведенного сочинения П. Рико во многом перекликается с тематикой подготовленных Толстым донесений, что делает необходимым сопоставление этих текстов на лингвистическом уровне. Перевод «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской» должен рассматриваться как существенная составная часть решения возложенной на Толстого задачи представления и систематизации сведений об Османской империи.

Упоминание о том, что Толстой перевел книгу с итальянского языка, содержится в переведенном И.Ю. Ильинским сочинении Д.К. Кантемира «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1722 г.: «его же книгу, Господи́нь Петръ Андрѣевичъ Толстои, бывъ при Портѣ Отманскои, полномочнымъ Посломъ, съ Итали́анскаго языка, на простой Рускаго Діалекта штіль преведе (кн. 6, гл. 32)¹. В этом замечании дается характеристика перевода Толстого как выполненного на «простой русский диалект». Между тем в сопроводитель-

¹ *Кантемир Д.К.* Книга систима или Состояние мухаммеданския религии / Напечатана повелением его величества Петра Великаго императора и самодержца всероссиискаго. В типографии царствующаго Санктпитебурха, 22 дек. 1722. С. 338–339.

ном письме Ф.А. Головину 1706 г. сам Толстой характеризовал свое описание Черного моря как «книгу на славянском языке» [Зайцев, Орешкова, с. 47]. Характеристики языка обоих сочинений не являются диаметрально противоположными, так что, по всей вероятности, «русский» и «славянский» в данном случае следует рассматривать как синонимы (ср. [Успенский, с. 388]).

После возвращения в Россию в 1714 г. Толстой служил в Посольской канцелярии, участвовал в дипломатических переговорах. В 1716 г. как советник он сопровождал Петра I в поездке по Европе [Путешествие стольника... с. 259]. Таким образом, карьерная траектория Толстого при Петре I была в большей степени военно-дипломатической, чем собственно придворной. Это обстоятельство должно было отразиться на его языковой практике.

Следует отметить, что нам практически ничего не известно о раннем этапе образования Толстого. Его отец Андрей Васильевич был окольничим. Вероятно, его сыновья получили традиционное домашнее образование, куда входило, видимо, начальное изучение церковнославянского языка по церковным книгам. Существует гипотеза, согласно которой П.А. Толстой следовал нормативным установкам, представленным в московской редакции грамматики М. Смотрицкого [Соколов, Малышева, 2019, с. 36], однако не имеется никаких данных относительно знакомства будущего дипломата с этим трудом. Можно предположить, что в целом источником лингвистических компетенций Толстого являлся его читательский опыт. Высказывались также мнения о том, что в 1670-е гг. Толстой вращался в кругу интеллектуалов, сблизившись с Симеоном Полоцким, Карионом Истоминым, Сильвестром Медведевым, историками А.Я. Дашковым, Д.Г. Черкасским, А.И. Лызловым [Путешествие стольника..., с. 254]. Неясно, однако, в какой мере и как это предполагаемое сближение повлияло на его язык. Вместе с тем Толстой, скорее всего, был знаком с книгой Лызлова «Скифская история», которая сразу же после ее создания в 1692 г. разошлась в большом количестве списков.

Некоторые детали позволяют предполагать знакомство Толстого с польским языком. Будучи в Ченстохове во время своего путешествия по Европе, Толстой описывал «монастырь каменной», в котором находится почитаемая и католиками, и православными икона Пресвятой Богородицы, заметив: «Хотящаго же ведать подлинно о том святом Пресвятыя Девы образе и о чудесех, от него бывающих, отсылаю до чтения гистории печатной на полском

языке о том святом образе и о чудесах, от него бывающих». Издатели «Путешествия» установили, что имеется в виду книга: Ambroży Nieszporkowicz. *Odrobiny stołu krolewskiego, abo historia o cudownym obrazie Naświęt. Panny Maryey Częstochowskiey.. W drukarni F. Cezarego, 1683 (2-е изд. там же, 1686 г.) [Путешествие стольника..., с. 331, примеч. 94]. В том же монастыре он особо отмечает наличие польских и латинских книг: «В лавках есть товаров немало, а паче всего много книг латинских и полских всяких печатных» (цит. по: [Путешествие стольника..., с. 31]). В его оригинальных сочинениях, как и в переводе «Гистории», немало лексических полонизмов, при этом они не представляют собой вкрапления, многие из них являются давними заимствованиями.*

В языке перевода «Гистории» встречаются хорошо освоенные русским книжным языком лексические полонизмы, в частности, *законникъ* ‘священник, монах’, *казнодѣи* ‘проповедник’ *наприкладь* ‘например’, а также *уживати* для перевода итал. *godere* ‘наслаждаться, пользоваться, иметь, обладать’ (<*używać* ‘использовать, применять, употреблять, прибегать, наслаждаться’). Лексема *уживати* ‘пользоваться, использовать’ встречается уже в переводе ГБ 1499 г. (Иудифь 3:6). Она активна в языке XVII в. (отмечается, в частности, у И. Пересветова, а также в Римских деяниях) [СлРЯз XI–XVII вв., с. 247]. Неудивительно поэтому ее неоднократное употребление в языке Толстого, чей стиль письма сформировался во второй половине XVII в. Вероятно, ко времени, когда производилась правка, эта лексема была сочтена архаичной и несколько раз глоссирована нейтральной лексемой *употреблять*. Это изменение отражено в печатном русском тексте (только в одном случае в одном из контекстов не произведена замена, видимо, случайно).

Толстой владел латынью. В 1704 г. по просьбе капудан-паши Османа он составил проект договора о торговле по Черному морю на латинском языке [Зайцев, Орешкова, с. 39]. Он соотносил латинские богослужебные тексты с церковнославянскими, приводя перевод темы проповеди в монастыре в Опаве: «Потом, отпустя обедню и причастя всех причастников, сказал казание езувита, на катедре стоя... Того казания тот казнадей, помянный езувита, положил тему семи словесы святого Иоанна Богослова, написанными в Святом Евангелии: “Аще аз не иду, утешитель не придет”» (цит. по [Путешествие стольника..., с. 34]; ср. Московская Библия 1663 г.: «аще бо не идѹ азъ, оутѣшителъ не прїидеть к вамъ» (Ин. 16:7, л. 469 об.)).

Обращает на себя внимание, что и историк Лызлов, ровесник Толстого, был обучен латыни и польскому языку. Вероятно, единственным местом в Москве, где можно было познакомиться с этими языками, был Андреевский монастырь: известно, что Федор Ртишев, учившийся у Епифания Славинецкого, был интеллектуально связан с православными элитами Польши и Украины. И Толстой, и Лызлов могли посещать монастырь в первой половине 1670-х гг.

Выделим несколько явлений, значимых для описания языка переводов Толстого. Сопоставление оригинальных текстов Толстого с переводом «Гистории» показывает общность авторских приемов в обоих случаях, и в то же время демонстрирует определенные различия, обусловленные разницей характера двух текстов — оригинала и перевода. У Толстого нет ограничения на употребление заимствований не только польского происхождения, но и от латинских корней. Он свободно употребляет итальянские заимствования, в случае «Гистории» передавая итальянские особенности произношения, которые потом правились (непоследовательно) редакторами [Соколов, Малышева 2021, с. 189]. В «Состоянии народа турецкого», например, есть заимствование флота (ж.р.) > итал. *flotta* (а не флот > франц. *flotte*). Вместе с тем фонетической передачи итальянских заимствований там нет.

Примечательно, что в «простом штиле русского диалекта» находится место конструкциям, восходящим к разным регистрам. С одной стороны, в нем представлены книжные конструкции (во) еже (бы) с инфинитивом, Асс. *cum inf.*, которые по происхождению являются кальками оборотов классических языков, вошедшими в церковнославянские грамматики. С другой стороны, здесь отмечаются конструкции с повтором референта при относительном местоимении *который*. Это явление обусловлено в текстах более раннего периода двояко: подобные конструкции есть в приказном языке и в переводах с польского языка, где они воспроизводят аналогичные конструкции оригинала [Пентковская, Бабаева, с. 141–148]. В «Гистории» они не находят параллелей ни в итальянском оригинале, ни в польской версии, и поэтому можно считать, что их употребление у Толстого связано именно с деловым языком. Частотны такие конструкции и в оригинальных произведениях Толстого. В переводе «Гистории» зафиксировано также употребление частицы *de* для выражения эвиденциальности того же происхождения. В нескольких случаях в переводе «Гистории»

калькируются конструкции с глаголом *avere*, входящим в качестве вспомогательного в разные временные формы (имеемъ сказано – *habbiamo detto*, ср. в польск. переводе (to) *com powiedział*). Такого рода конструкции не отмечаются в оригинальных текстах Толстого. Типологически они напоминают одну из разновидностей перфекта (перфектоподобных конструкций), встречающуюся в разных славянских языках.

Таким образом, язык Толстого-переводчика включает в себя элементы, восходящие как к деловому языку, так и к церковно-славянской системе. Очевидно, использование таких конструкций составляло часть его лингвистической выучки. «Гистория» до редактуры демонстрирует одну из разновидностей русско-церковнославянского языка петровской эпохи, дальнейшая эволюция которой состояла в постепенном устранении маркированных церковнославянских элементов. Однако в язык самого Толстого они входили вполне органично, и, очевидно, его представления о том, каким должен быть литературный русский язык, принципиально не исключали их употребления.

Литература

- Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.
- Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и Османского флота / сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006.
- Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
- Николаев С.И. Толстой Петр Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. Т. 3. СПб., 2010. С. 253–254.
- Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе 1697–1699 / издание подготовили Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992.
- Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э. Перевод Корана Петровской эпохи. М., 2022. СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 31. М., 2019.
- Соколов А.И., Малышева И.А. «Монархия Турецкая» в переводе П.А. Толстого как источник изучения русского языка XVIII века // Вестник Московского педагогического института. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 34–43.
- Соколов А.И., Малышева И.А. Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18(1). С. 187–201.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка. М., 2002.

Работа написана при поддержке гранта РНФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».

Переводчики западноевропейских посольств и петровские дипломаты в Стамбуле: контакты и неформальные связи

По условиям Константинопольского мирного договора (1700) Петр I получил возможность учредить постоянное дипломатическое представительство в Османской империи¹. 2 апреля 1702 г. царь подписал указ об отправке к султану Мустафе II посла стольника Петра Андреевича Толстого (1645–1729). Перед первым постоянным представителем России при Высокой Порте поставили задачу поддерживать мирные отношения между двумя державами, лишь недавно завершившими многолетнее военное противостояние². Секретная инструкция («тайные статьи») предписывала послу собирать информацию о государственном управлении, контактах Османской империи с другими державами, турецкой армии, флоте и крепостях³. Толстой не имел дипломатического опыта. Однако во время путешествия по Западной Европе (1697–1699) он не только овладел навыками кораблевождения, но и освоил разговорный итальянский язык, на котором общались европейские дипломаты в османской столице. В Посольском приказе Толстой получил наказ с «чужеземными министрами обходиться политично, и к ним ездить, и к себе призывать, как обычай во всем свете у министров, при великих дворах пребывающих»⁴.

В августе 1702 г. он прибыл в Эдирне (Адрианополь), где находились султан Мустафа II и османское правительство. Через несколько дней русскому послу передали послание иерусалимского патриарха Досифея II Нотары. Иерусалимский патриарх, его племянник Спилиот, а также сербский купец Сава Лукич Владиславич стали главными информаторами Толстого в первые годы его пребывания при Высокой Порте [Павленко, с. 133–135]. Много лет сотрудничавший с русским правительством патриарх Досифей

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. IV. СПб., 1830. № 1804. С. 71.

² П и Б. Т. 2. СПб, 1889. № 424. С. 53.

³ Там же. № 419. С. 30–34.

⁴ Там же. С. 30–38.

вскоре начал предостерегать Толстого об опасности контактов с европейскими дипломатами и их служителями: «тайну какую, когда им сказываеете... тотчас скажут о том Порте»⁵.

Между тем уже в Адрианополе по рекомендации Владиславич-Рагузинского к пока еще немногочисленным корреспондентам Толстого присоединился консул Дубровника (Рагузы) натурализованный неаполитанец Лука Барка-старший. Он возглавил консульство в османской столице после Карловицкого мира (1699) и был представителем Дубровника на Кипре, в Каире и Александрии [Фрейденберг, с. 243]. По словам Савы Лукича, «человек он доброго дерзновения и велми избранен при дворе турецком... преимущество твое может ему верно и безопасно вручить писма или ино что»⁶. Помимо исполнения консульских обязанностей, Лука Барка служил переводчиком у английского посла при Высокой Порте. Таким образом, он стал первым из переводчиков западноевропейских дипломатов, согласившихся сотрудничать с Толстым.

Упоминания о Луке Барке-старшем и других переводчиках западноевропейских посольств в Стамбуле встречаются в донесениях, статейных списках и расходных книгах Толстого, а также других петровских дипломатов (П.П. Шафирова, А.И. Дашкова, И.И. Неплюева и проч.). Эти материалы в основном отложились в РГАДА и АВПРИ (ф. 89 «Сношения России с Турцией»), а также Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова») и частично были опубликованы в многотомном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого». В ряде случаев изучение текстов документов позволяет установить, были ли контакты русских послов с иноземными переводчиками единичными и официального характера или складывалось многолетнее взаимовыгодное сотрудничество.

Следуя полученным в Посольском приказе инструкциям, петровские дипломаты должны были встречаться и общаться с западноевропейскими коллегами. В начале XVIII в. наиболее прочные связи у русских послов сложились с главами дипломатических миссий дружественных России держав — Англии и Голландии. Однако сотрудничество началось не сразу. В отличие от европейских дипломатов, которые долгие годы представляли интересы своих государств при Высокой Порте, свобода русских послов была огра-

⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 450.

⁶ Там же. 1702 г. Д. 1. Л. 161–161 об.

ничена. Летом 1703 г. П.А. Толстой пожаловался главе Посольского приказа Ф.А. Головину: «в великой тесноте я живу, держат в городе в Жидовской слободе, где безмерная теснота... А которые, государь, ныне во Андрианополи живут на резиденции переводчики цесарской и французской, аглинской и протчие, тем всем великая свобода и поволность. А ко мне, государь, на двор приттить отнюдь никто не смеет»⁷. В сентябре того же года после восстания янычар, возведшего на престол Ахмеда III, Толстой вслед за двором нового султана и правительством перебрался в Стамбул. Однако и там условия его жизни отличались от западноевропейских коллег. В османской столице место для русского посольского двора отвели поблизости от дворцов великого везира и османских вельмож — у Песочных ворот крепостной стены. Английский, голландский, венецианский, французский послы и другие дипломаты имели резиденции на противоположном берегу бухты Золотой Рог — в Пере и Галате. Оттуда до русского двора в непогоду на дорогу туда и обратно уходило около трех часов. Без разрешения Высокой Порты европейские дипломаты не могли ни посетить, ни принять у себя русского коллегу. Однако они могли прислать к нему с поручением секретарей и переводчиков, которых охрана из янычар беспрепятственно пропускала на посольский двор (конечно, кроме периодов обострения политической ситуации). Чаще всего повод был формальным — передача поздравлений (с прибытием, праздником, военными победами и проч.). Так, 27 сентября 1703 г. английский посол Роберт Саттон прислал поздравить Толстого с прибытием в Стамбул «дворянина да переводчика», с которыми передал, что «желает с ним, послом, быть в любовном союзе»⁸. 27 декабря того же года «присылал к послу галанской посол переводчика своего поздравлять с праздником Рождества Христова»⁹. По-видимому, во время таких формальных встреч происходило не только знакомство, но и неформальное общение (в том числе и передача секретной информации), в ряде случаев перераставшие в многолетнее сотрудничество.

Первый европейский дипломат нанес визит П.А. Толстому только через два с половиной года после его прибытия к Высокой Порте. 28 марта 1704 г. русский посольский двор посетил Р. Сат-

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 397.

⁸ Там же. Л. 445.

⁹ Там же. Л. 495 об.

тон. За четыре дня до этого англичанин направил к Толстому своего переводчика с сообщением, что «придет он, аглинской посол, ево, посла, поздравить приватно и немногочлюдно» и надеется на ответный визит¹⁰. В беседе с Толстым Саттон сообщил, что давно хотел лично поприветствовать посла, однако не мог этого сделать без разрешения Порты. Англичанин отметил, что поскольку в настоящее время королева с царем пребывает «в согласии», то и им тоже подобает быть «в согласии». В тот же день послы договорились об взаимном обмене информацией и услугами. Со временем Саттон помог Толстому наладить контакты с влиятельными персонами в Стамбуле, делился сведениями о событиях при европейских дворах и проч. [Подробнее см.: Базарова, 2015].

Англичанин не препятствовал неформальному общению с Толстым своего переводчика – Луки Барки. Рагузинский консул выполнял различные поручения русского посла, в том числе связанные с получением информации по конкретным вопросам. Например, в июле 1707 г. Толстой послал Барку к великому драгоману А. Маврокордато узнавать, с какой целью прибыл польский посол в Стамбул¹¹. Английскому переводчику также доверили передачу денег и подарков османским министрам, расположение которых требовалось завоевать. Толстой осознавал пользу, которые приносили Барка и другие агенты, привлеченные к русской службе Владиславичем-Рагузинским. Посол писал: «Строением господина Савы здесь приятели ево работают великому государю в чем могут усердно, а наипаче, государь, Лука Барка... чтоб ево Луку хотя малым чем потешить, аще же он и не просит ничего, однакоже бы небольшое что прислать»¹². Толстой пользовался услугами и связями Барки несколько лет, не обращая внимания на настойчивые предостережения иерусалимского патриарха. Незадолго до своей смерти Досифей выдвинул новые обвинения: «Зане опасайся от Луки Барки яко есть весь во всем французов... Лука Барка есть естественный враг православных»¹³. В 1709 г. Лука Барка-старший скончался. Консулом Рагузы стал его племянник – Лука Барка-младший, который продолжил дело дяди и стал ценнейшим помощником российского посольства.

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 131.

¹¹ Там же. 1707 г. Д. 3. Л. 206.

¹² Там же. Л. 169.

¹³ Там же. Л. 19 об.

После английских переводчиков Толстой установил контакты с сотрудниками голландского посольства. В его донесениях и статейных списках упоминаются выполнявший различные поручения некий Францышко Толнер, а также «изрядный переводчик» Гаспар Тест (Теста). В 1709 г. Толстой «перезвал от посла галанского» Теста к себе на службу, доложив в Посольский приказ: «И человек во своем деле достойный, знает языки турецкой, италианской и греческой изрядно и может служить здесь по достоинству»¹⁴.

9 ноября 1710 г. султан Ахмед III объявил войну России, и Толстого заключили в крепость Едикуле (Семибашенный замок). В ноябре 1711 г. в османскую столицу в качестве полномочных министров прибыли подписавшие Прутский мирный договор (12 июля 1711 г.) вице-канцлер П.П. Шафиров и генерал-майор М.Б. Шереметев. В Стамбуле они участвовали в русско-турецких переговорах, которые велись при посредничестве английского и голландского послов (Р. Саттона и Я. Кольера) и закончились заключением Константинопольского мира (5 апреля 1712 г.). В награду за помощь западноевропейским послам пообещали «персоны... аглинскому в 1400 рублей да мех соболей 1000 рублей, галанскому персону в 1300 рублей да мех в 700 рублей». Вознаграждение полагалось и переводчикам послов. Г.И. Головкин передал вице-канцлеру распоряжение царя: «переводчиков, а особливо Луку Барку... удовлетворять за их труды из наличной казны по рассмотрению вашему. И господина Луку Барку обнадежить и впредь милостию его царского величества, х которому и я при сем письмо, написав з благодарением за труды его, посылаю» [Базарова, 2016, с. 630].

В июне 1712 г., когда русско-турецкие отношения на недолгое время потеплели, Толстой, Шафиров и Шереметев с позволения Порты устроили на посольском дворе торжества в честь тезоименитства Петра I и Полтавской победы. Они отправили приглашения «ко всем чужестранным министром, обретающимся при дворе салтанском (кроме шведцкого)». Однако в русское посольство пришел только посланник Августа II – Ф.И. Гольц. Остальные послы прислали вместо себя секретарей и переводчиков [Базарова, 2016, с. 542]. В августе 1712 г. Шафиров и Шереметев получили грамоты о рангах чрезвычайных и полномочных послов. Но уже 31 октября Высокая Порта объявила войну России. Через несколько дней после этого русских послов заключили в крепость Едикуле, где они

¹⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 509.

провели почти полгода. Шафиров, Шереметев и Толстой покинули Стамбул только в сентябре 1714 г.

За время, проведенное в османской столице, Шафиров укрепил установленные Толстым связи с представителями западноевропейского дипломатического корпуса. Вице-канцлер не только продолжил сотрудничать с привлеченными Толстым переводчиками, но и значительно расширил их круг обещанием щедрых наград. В.А. Артамонов писал, что на содержании Шафирова «за исключением доверенных лиц австрийского резидента... были все переводчики посольств в Стамбуле» [Артамонов, с. 137], как дружественных, так и враждебных по отношению к России.

Однако на страницах сохранившихся до наших дней посольских документов имена западноевропейских переводчиков встречаются нечасто. Петровские дипломаты дорожили своими контактами и опасались, что с большим трудом установленные связи могут быть раскрыты османами. Известно, что с Толстым и Шафировым сотрудничали французские переводчики Александр и Николай Форнеты, а также зять Луки Барки венецианский переводчик Батиста Навон. В переписке с Посольским приказом послы, как правило, использовали только имена или псевдонимы. Например, иногда встречаются корреспонденты Иона и Серафим. По мнению В.А. Артамонова, за этими именами скрывался один человек – голландец Жан Батист Савари, переводчик при Карле XII и русский агент с 1709 г., привлеченный Толстым с помощью М. Каретты [Артамонов, с. 137]. Однако «Иона» (который, по-видимому, имел отношение к французскому посольству) в донесениях Шафирова появляется только в 1714 г. Переводчик посланника Станислава Лещинского К. Крышпина грек Серафим был привлечен Шафировым к русской службе в 1713 г. Вице-канцлер сообщил в Москву: «здесь ныне обретается от Станислава под именем посланника Кришпин... При нем ныне переводчиком бывшей прежде сего на Москве иеромонахом Серафим, которой ростригся, и женился, и служил у шведа. И я оного склонил обещанием некоторой дачи» [Базарова, 2023, с. 311].

Как и Толстой, вице-канцлер Шафиров высоко ценил сотрудничество с Лукой Баркой-младшим. В донесениях ко двору он не раз подчеркивал заслуги английского переводчика (которого также называл Лукой Кириковым и Макарием Степановым), связанные с получением достоверной секретной информации о позиции и намерениях османских министров и послов враждебных России

держав. Летом 1712 г. готовившийся покинуть османскую столицу Шафиров рекомендовал оставить резидентом в Стамбуле именно Луку Барку, «ибо он знает двор здешней с основания, и человек умной и о всех наших секретах сведом». 18 сентября 1712 г. из Москвы русским послам отправили патент о приеме Барки на царскую службу в качестве резидента и верительную грамоту для подачи султану Ахмеду III¹⁵. Однако это назначение не состоялось, а русским послам пришлось задержаться в Османской империи.

Во время заключения русских дипломатов в Едикеле Лука Барка помогал им осуществлять связь с внешним миром. Однако многолетнее сотрудничество прервалось после освобождения Шафирова и Шереметева из тюрьмы в марте 1713 г. Как оказалось, еще весной 1712 г. английское правительство запретило Р. Саттону вмешиваться в переговоры Османской империи с Россией и Польшей¹⁶. Однако посол и его переводчик некоторое время продолжали оказывать поддержку русским послам, стараясь напрямую не нарушать полученный приказ.

Перемена в отношении прежних верных «доброжелателей» оказалась для Шафирова и Толстого (а также для Головкина) абсолютно неожиданной. 24 марта 1713 г. послы выехали в Адрианополь, чтобы начать новые мирные переговоры. Вице-канцлер рассчитывал на помощь Барки, который помимо разовых подарков получал от русского правительства ежегодное вознаграждение в 1000 рублей. Однако тот не спешил покидать берега Босфора. Вице-канцлер сообщил Владиславич-Рагузинскому: «Мы многократно его чрез письма свои просили, чтоб он домогся у посла своего, дабы он послан от него был сюда вместо друга переводчика, которой от него здесь живет, чтоб мы могли от него здесь какую помощь иметь»¹⁷. 2 апреля 1713 г. Толстой написал вице-канцлеру: «Господин Макарий весьма от меня чуждается... сколько можно ласкати его не престану, долдеже познаю его намерение»¹⁸. Затем уже и Шафиров написал Головкину, что Лука Барка «ни во что не хотел вступать, внушая нам, будто турки не мыслят о мире. И отбивал нас, чтоб мы о том и не промышляли»¹⁹.

¹⁵ П и Б.Т. 12. Вып. 2. М., 1977. Примеч. к № 5551. С. 395.

¹⁶ The Despatches of sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714) / Ed. by A.N. Kurat. London, 1953. P. 7.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 6. Л. 43 об. – 44.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 5898. Л. 3.

¹⁹ П и Б.Т. 13. Вып. 1. М., 1992. Примеч. к № 6027. С. 420.

После возвращения Шафирова, Шереметева и Толстого в Россию контакты русского правительства с Баркой не прекратились, хотя настороженное отношение к нему сохранилось. В 1715 г. готовившийся к поездке к султану с царской грамотой майор И. Натали получил рекомендацию в Посольской канцелярии осторожно обходиться с английским переводчиком Лукой Баркой (хотя и имел поручение передать ему значительную сумму денег). В 1719 г. руководство Посольской канцелярии советовало чрезвычайному и полномочному посланнику А.И. Дашкову по возможности продолжить контакты с английским послом и его переводчиком Баркой, но секретную информацию не сообщать («ибо король их ныне с его царским величеством в несогласии обретается»)²⁰.

Сотрудничество английских переводчиков с русскими послами носило «семейный» характер. Выше уже упоминался зять Барки венецианский переводчик Б. Навон, казненный турками в 1715 г. Толстой также принял на службу брата Луки Барки-младшего и племянника Луки Барки-старшего — Николая. В 1706 г. Петр Андреевич отправил Н. Барку в Москву в Посольский приказ с тем, чтобы тот после того, как в совершенстве освоит русский язык, вернулся в русское посольство в Стамбуле в качестве переводчика²¹. Николай (которого для того, чтобы османы не прознали про его родство с английским переводчиком, стали называть Чернышовым) прибыл в османскую столицу только в конце 1711 г. вместе с полномочными министрами Шафировым и Шереметевым. Чернышов занимал должность посольского секретаря и участвовал в русско-турецких мирных переговорах. Как писал Шафиров, «непрестанно в посылках к Порте и в переводах турецких имеет дело» [Базарова, 2016, с. 444]. Однако 7 октября 1712 г. Николай Чернышов (Барка) скончался.

В мае 1713 г. закончилась русская служба и упомянутого ранее Г. Теста. Голландец, «человек умной, и в языках искусной», — как писал Шафиров, — «страдал в Едикуле и служил нам в пересылке писем чрез брата своего, венецкого переводчика, верно» [Базарова, 2023, с. 72]. В апреле 1713 г. он прибыл в Адрианополь, где Шафиров и Шереметев уже начали напряженные мирные переговоры с османским правительством. Г. Тест не выдержал враждебной обстановки и угрозы нового тюремного заключения. «За болезнью,

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 19 об.

²¹ Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 287–288.

а паче от страха» он попросился в отставку [Базарова, 2023, с. 182]. Впоследствии Шафиров доложил в Санкт-Петербург: «А потом явилось за тем Тестом многое воровство в дачах, которые чрез его руки туркам и иным особам мы посылали за их труды, что он оные крал себе, а им не отдавал».

Надежные и долговременные связи сложились у петровских дипломатов с голландскими переводчиками Тейлсами. В начале 1712 г. во время русско-турецких переговоров в Стамбуле Шафиров обратил внимание на первого переводчика голландского посольства Вилима Тейлса. По словам вице-канцлера, без совета своего переводчика посол Я. Кольер «ничего не делает и не может делать» [Базарова, 2016, с. 507]. 9 июня 1712 г., т.е. уже после подписания Константинопольского мирного договора, вице-канцлер «склонил» Вилима Тейлса и его сына Николая, «чтоб они служили его царскому величеству в проведывании всяких ведомостей и во остережении во всяких случаях» [Базарова, 2016, с. 507]. Шафиров пообещал им выплачивать по 800 левков в год, а младшего сына первого переводчика, Ивана, принять на русскую службу «и давать ему жалованье против молодых переводчиков, которые у Петра Андреевича». Отец и сыновья Тейлсы «обещались с клятвою его царскому величеству во всем том служить вечно» [Базарова, 2016, с. 507–508].

Во время заключения русских послов в Едикуле В. Тейлс, также, как и Л. Барка, помогал им пересылать письма в Москву, передавал сведения о событиях в Европе и Османской империи. С разрешения голландского посла 9 марта 1713 г. Тейлс выехал из Стамбула и через пять дней уже был в Адрианополе, где ему удалось убедить османских министров освободить Шафирова и Шереметева и начать с ними новые конференции²². В отличие от Барки, Тейлс сотрудничал с русскими послами и в Адрианополе. По словам Шафирова: «И истинно служит, сколько может, тайно (ибо явно его к нам не допускают), и мочно видеть, что он природной галанец и не заражен здешним воздухом» [Базарова, 2023, с. 71]. Во время переговоров в Адрианополе Тейлс делился с послами полученной от своих агентов информацией и помогал поддерживать переписку с царским двором через Вену. По просьбе Шафирова голландец ездил в Демирдеш, где находилась ставка Карла XII

²² *Theyls W. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII roi de Suède. Leyde, 1722. P. 72–78.*

и куда отправились под видом загородной прогулки великий везир Ходжа Ибрагим-паша и крымский хан Каплан-Гирей. Вернувшийся в Адрианополь Тейлс сообщил послам о провале попытки шведско-турецких переговоров [Базарова, 2023, с. 89].

Первый переводчик голландского посольства написал Г.И. Головкину: «Что приналежит до меня, похваляюся токмо тем, что швецкия адгеренты меня здесь за наивеличайшаго своего неприятеля объявляют и всеу трудились меня с моим старшим сыном отсюда изгнать, понеже я за справедливое дело по моей малой возможности стою»²³. В 1722 г. на французском языке были опубликованы записки Тейлса, в которых голландец превозносил свой вклад в дело в установлении мира между Османской империей и Россией²⁴.

Шафиров много лет полагался на помощь голландского переводчика. В сентябре 1713 г. он заверил Головкина, что Тейлс «яко добрый человек, всегда будет верен... от него верные ведомости, такие, как ни от кого иного иметь будем»²⁵. В 1714 г. на царскую службу поступил еще один сын Тейлса — Антоний. Он окончил Падуанский университет со степенью доктора философии и медицины и по рекомендации Шафирова был принят на службу в качестве врача («и, кажется, нарочито искусен, а паче для того, чтоб обязать их к лутчей верности, когда он будет в его царского величества государстве»)²⁶. 3 апреля 1714 г. голландский «дохтор» приехал в Вену, где получил весьма получен от посла А.А. Матвеева на проезд в Москву 200 ефимков и нелестную характеристику: «едва ли он поятен будет там фортуна приятну себе у нас сыскать по его чрезвычайному нраву и по поступкам, несходным с честию» [Базарова, 2013].

В расходных книгах Шафирова упоминаются дорогие ткани и меха, которые по различным поводам посылали Тейлсу и его сыновьям. Другие члены семьи голландских переводчиков также получали подарки. На «на свадьбу к Тейлисовой дочери за службу отца ее» отослали алмазный перстень. А на крестинах, «на которые зван подканцлер в восприемники, за службу того переводчика и по обычаю здешнему» дочери Тейлса подарили 60 червонцев, меха

²³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 11. Л. 24 об. — 25.

²⁴ *Theyls W. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII roi de Suède.* Leyde, 1722.

²⁵ П и Б. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. Примеч. к № 6119. С. 358.

²⁶ Там же.

горностаев и соболей, а также «ластры и атласу по десяти аршин»²⁷. Шафиров, уже готовясь к отъезду из османской столицы, в одном из донесений написал о Тейлсе, что он тайно будет верно служить и «престерегать» интересы царя при Порте, поскольку ему невозможно явно поступить на российскую службу, «понеже обязан республике Галанской, яко природной их подданной»²⁸.

Покинув в 1714 г. Стамбул, Шафиров оставил Тейлсу «в надсмотрение» киевского подьячего Григория Иванова, обучавшегося турецкому, итальянскому языкам и латыни²⁹ (впоследствии тот служил переводчиком у посланника А.И. Дашкова и резидента И.И. Неплюева). В течение нескольких лет Тейлс вел переписку с Шафировым и Головкиным и получал жалование из царской казны. С 1715 по 1719 г. ежегодно выплачивалось В. Тейлсу 800 левков, его сыну Николаю 600, а Ивану 250 левков³⁰.

Руководство Коллегии иностранных дел рассчитывало, что Я. Кольер и Тейлсы будут помогать и чрезвычайному посланнику А.И. Дашкову, отправленному к Высокой Порте в 1719 г. Секретная инструкция прямо предписывала посланнику искать у голландцев содействия в Стамбуле. Однако Дашков доложил из османской столицы, что Кольер действовал в интересах цесаря и даже склонял Порту объявить войну России. Тейлс, напротив, стремился помочь русскому посланнику советами и информацией. Дашков не испытывал доверия к старому переводчику, опасаясь, что содержание его бесед с Тейлсом будет сообщено австрийцам. К тому же Дашков узнал, что Николай Тейлс перешел на службу к австрийцам и «явился в интересах российских противен, и с отцом в ссоре». В связи с этим голландцам перестали выплачивать жалованье [Базарова, 2015, с. 105].

У прибывшего в 1721 г. к Высокой Порте резидента И.И. Неплюева сложилось другое мнение о Тейлсе: «за старостью против прежнего услужить не может, однако доброжелателен и по возможности своей служит»³¹. При содействии голландца резидент привлек к русской службе узбекского агента Мухаммеда-эфенди

²⁷ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб., 2011. Ч. 2. № 291. С. 375–376.

²⁸ Там же.

²⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 173–174.

³⁰ Там же. Д. 17. Л. 1.

³¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 233.

(с обещанием 200 левков в год)³². Выплату жалования Тейлсам возобновили. В 1722 г. Иван Тейлс приехал в Москву, чтобы «бить челом» об обещанных ему и его отцу деньгах. Коллегия иностранных дел постановила выделить Тейлсу по 1000 левков за 1721 и 1722 г., а Ивану по 250 левков за 1720, 1721 и 1722 гг. Деньги для отсылки в Стамбул были переданы доктору Антонию Тейлсу, который с 1714 г. служил в Московской Главной аптеке [Базарова, 2016, с. 106].

Сохранились расписки Виллема и Ивана Тейлсов в получении жалования. Виллем Тейлс написал ее в Пере 7 августа 1722 г. Иван Тейлс дал расписку в Москве 31 мая о том, что принял у своего брата Антония переданные тому Коллегией иностранных дел 750 левков³³. По возвращении в Стамбул Иван попросил Неплюева принять его на службу. Однако, по мнению резидента, «оной Иван Телс к делам ни х каким не потребен и состояния весьма лехкого, ежели б ево признавать за служителя, весьма б сие пред протчими нациями подозрительно, будто мы имеем в таковых людях нужду»³⁴. В 1728 г. И. Тейлс опять прибыл в Россию за невыплаченным жалованьем и снова просил, «чтоб быть ему в российской службе». Тогда же Иван сообщил о смерти своего отца в феврале 1725 г.³⁵

Таким образом, в петровское время взаимодействие русских дипломатов с западноевропейскими переводчиками осуществлялись по разным направлениям. Первые встречи происходили в рамках дипломатического этикета — переводчики передавали приветствия и поздравления своих послов, представляли свои дипломатические миссии на встречах и мероприятиях на русском дворе, когда послы не считали возможным по различным причинам появляться лично. Переводчики английского и голландского послов также участвовали в русско-турецких мирных переговорах, где сумели проявить себя с лучшей стороны. Для решения поставленной перед ними основной задачи — сохранения мира с Османской империей — Толстому, а затем Шафирову требовалось получать оперативную информацию из различных источников. Решению этой проблемы способствовали их «неформальные» контакты с переводчиками западноевропейских посольств. На оплату их услуг выделялись значительные средства из посольского бюджета, которые, по-видимо-

³² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 75–75 об.

³³ Там же. Л. 274–278.

³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 17. Л. 3–3 об.

³⁵ Там же. Л. 4 об. — 5.

му, невозможно точно подсчитать. В расходных книгах такие траты «записываны тогда глухо» или под видом, например, денежных подарков музыкантам. Встречи с переводчиками послов, занимавших враждебную позицию по отношению к России, тщательно скрывались. Служители английского и голландского посольств Лука Барка и Виллем Тейлс выполняли поручения петровских дипломатов и получали за свою службу вознаграждение с разрешения своих послов. Сотрудничество с русскими послами стало их многолетним «семейным делом». Упоминания о Луке Барке и Виллеме Тейлсе наиболее часто встречаются в дипломатической переписке. Они отправляли свои донесения не только русским послам в Стамбуле, но в Посольский приказ в Москве.

Литература

- Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990.
- Базарова Т.А.* «В делах его царского величества вспоможение чинят...»: Русско-британское дипломатическое сотрудничество при османском дворе (1704–1713) // Россия – Великобритания. Пять веков культурных связей: Материалы VI Международного петровского конгресса (6–8 июня 2014 года). СПб., 2015. С. 285–308.
- Базарова Т.А.* «Голландские сюжеты» в походных канцеляриях А.Д. Меншикова и П.П. Шафирова: По материалам Научно-исторического архива СПбИИ РАН // Санкт-Петербург – Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб., 2013. С. 322–337.
- Базарова Т.А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: Исследование и тексты. СПб., 2016.
- Базарова Т.А.* Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г.: Исследование и тексты. СПб., 2023.
- Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
- Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989.

Устокасимовы: переводчики Посольского приказа второй половины XVI–XVII вв.

Изучая историю организации дипломатической службы в Московском государстве XV–XVII вв., исследователи постоянно сталкиваются с недостатком источников. Это касается и ранних сведений о лицах, обеспечивавших контакты с дипломатическими контрагентами — подьячих, толмачах, переводчиках. Только с 1630-х гг. сохранившиеся архивные материалы позволяют создать более или менее полную картину. По предшествующему периоду мы обладаем только единичными сведениями [Лисейцев, 2003; Куненков, 2007; Беляков, 2017].

Все это относится и к институту толмачей и переводчиков Посольского приказа [Переводчики...]. В последнее время в этой области наметился определенный прогресс. Установлено, что долгое время переводы с восточных языков осуществляли представители семей служилых татар, для которых такая служба была наследственной. Изучая подобные династии даже в условиях острого дефицита архивных свидетельств можно установить тенденции в становлении и развитии переводческой службы, а также принципах испомещения и материального содержания этих лиц [Беляков, 2019 (1); Беляков, 2021 (2); Моисеев, 2019; Моисеев, 2020].

Полученные данные можно экстраполировать на иных служилых татар Московского государства, не использовавшихся в посольской практике. Ниже я буду говорить о судьбе семьи Устокасимовых (Стокасимовых), служивших переводчиками Посольского приказа со второй половины XVI по конец XVII в. Здесь уже сложилась своя историография, хотя по-прежнему остается ряд спорных вопросов [Лисейцев, 2003, с. 372–373; Куненков, 2007, с. 488–489; Беляков, 2017, с. 100–101, 120–121, 128, 337; Переводчики..., с. 204–207, 249; Лаврентьев].

Первым во внешнеполитическом ведомстве фиксируется Кучук Устокасимов. 15 июня 1571 г. он с Булгаком Никитиным сыном Шибачеевым переводил в селе Братошине грамоты крым-

ского хана Девлет-Гирея¹. К этому времени Кучук уже приобрел статус крупного, если не главного специалиста в своем деле. До 1584 г. его поместный оклад составлял 1000 четей, годовое денежное жалование равнялось 130 руб. В Вяземском уезде переводчику принадлежало 600, а в Можайском 400 четей поместной земли. В челобитной Кучук сообщал: «всякие мудрые грамоты турецкие и фарсовские, и арапские, и татарские перевожу и с русского писма, в мусюлманские государства, в Бухар и в Юргенч, и в ыные государства мудрые предисловья пишу, и с отцом твоим, государем нашим, во многих походах бывал, и вам, государем, служил з дворяны в ряд»².

Данное сообщение следует разобрать особо. Кучук Устокасимов не называет себя переводчиком. Этот термин появился в приказной документации только в последней трети XVI в., а окончательно отделился от применяемого до этого понятия толмач только в 1-й трети XVII в. При том в официальных документах Кучук часто называется бакшеем³. Этот термин в свое время был позамысловат в ордынской канцелярии, но на русской почве претерпел значительную эволюцию. В XVI в. в русском внешнеполитическом ведомстве так обозначали наиболее авторитетных переводчиков с восточных языков [Беляков, 2021 (1)]. Под «мудрыми предисловиями», похоже, скрываются invocatio, интитуляции и инскрипции официальных грамот. По-видимому, помещенные в титулярнике 1577 г. фрагменты дипломатических посланий на Восток создавались и переводились Кучуком Устокасимовым⁴. А вот знание переводчиком нескольких языков следует поставить под сомнение. Длительное время в России испытывали дефицит специалистов по фарси, греческому, грузинскому и ряду иных «восточных» языков. Их успешно заменял татарский (тюрки) язык, служивший универсальным языком межкультурного общения [Моисеев, 2021]. Уникальным является сообщение о службе «з дворяны в ряд». Членом Государева двора мог быть только православный. Поэтому в боярских книгах мы не встретим имени Кучука. Но свидетельство подобных служб имеется.

¹ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 330.

² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2.

³ Там же. Л. 1 об.; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. 230.

⁴ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 53–93.

В 1580-х гг. Устокасимов участвовал в церемонии приема послов в Кремле. На ней он не выполнял функции переводчика, а вместе с иными дворянами в золотном платье встречал иностранных дипломатов: «в сенех, вышед из ызбы, направе по лавке, что на рундук сидели, и от тех по лавкам же до сенных дверей»⁵. Это важный факт, дающий возможность пересмотреть взгляды на Государев двор в XVI в. Иван IV любил окружать себя татарской знатью⁶ разного статуса. Но до этого нам были известны только крещеные люди, здесь же мы видим мусульманина. На настоящий момент не ясно, насколько этот случай был уникален.

Между 1584 и 1589 гг. в Посольском приказе фиксируется реформа, затронувшая как минимум систему окладов переводчиков. Поместные оклады и денежное жалование, похоже, решили унифицировать, не увеличивая общего финансирования ведомства. Оклад Кучука сократили: теперь он составлял 600 четей и 70 руб. Параллельно с этим фиксируется рост окладов другого переводчика, Абдрахмана Тенишева, которому к 400 четям и 50 руб. прибавили 200 чети и 20 руб. Можайское поместье было конфисковано. После челобитья в ноябре 1589 г. поместный оклад восстановили в прежнем объеме. Недостающие 400 четей Кучуку следовало приискать самому⁷. Возможно, его дополнительно испоместили в Шацком (Мещерском) уезде. А вот с денежным окладом ясно не все. Судя по выписи второй половины XVII в., годовой денежный оклад переводчика составлял 170 руб.⁸ Но эти данные требуют проверки. Следует указать, что по своему статусу в Посольском приказе Устокасимовы и Тенешевы-Бакшеевы, похоже, были наиболее близки [Моисеев, 2019].

Устокасимов продолжал служить в переводчиках: 10 мая 1590 г. он переводил речи персидских послов Бутак-бека и Анди-бека на приеме у царя Федора Ивановича; 13 мая присутствовал при визите упомянутых послов, а также гилянского посла Хозя Асана на двор боярина Б.Ф. Годунова⁹; 13 декабря «толмачил» на приеме у царя Федора Ивановича грузинских послов кн. Сулеймана и Хуршита;

⁵ *Сторожев В.И.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. Материалы исторические. С. 59.

⁶ Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2, 1 об.

⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 84.

⁹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. С. 125, 135.

19 апреля 1591 г. переводил на встрече все тех же послов с боярином Б.Ф. Годуновым с глазу на глаз¹⁰. После этого Кучук более не упоминается в источниках.

В 1595/96 г. в Вяземском уезде отмечено прожиточное поместье вдовы Кучука Бузан-салтан (Базай-салтан) с сыновьями Резепом и Пантаралеем и дочерью. В половине сельца Зинеева с деревнями в пересчете на добрую землю значилось 317 четей земли, 123 копен сена, 4,5 десятин пашенного и 15 десятин не пашенного леса, двор помещиков, 9 ½ двора людских, 41 и 19 дворов крестьянских и бобыльских, в которых проживало 43 крестьянина и 22 бобыля. Интересный факт: вторая половина сельца принадлежала переводчикам Посольского приказа братьям Степану и Вельямину Степановым¹¹. На рубеже XVI–XVII вв. они также фиксируются как одни из главных специалистов по восточному направлению. В их обязанности входил не только перевод, но также выполнение самостоятельных посольских миссий и консультации по отдельным вопросам судей внешнеполитического ведомства [Переводчики..., с. 187, 246; Виноградов]. Похоже, что ранее все село принадлежало Кучукаю Устокасимову. Это очень важное наблюдение. По-видимому, в XVI в. служащие Посольского приказа (в данном случае толмачи и переводчики) имели первоочередное право на выморочные поместья своих коллег.

Отцом Кучука был некто Устокасим. В описи царского архива XVI в. имеется запись, относящаяся к периоду не позднее первой половины 1570 г.: «[...]ского царя ссылку Устакасима золотаря»¹². Данное сообщение трудно интерпретировать. Слово «ссылка» может означать как отправление в результате опалы куда-либо под надзор или даже в тюрьму, а также на выполнение некоего, по-видимому, дипломатического поручения [СлРЯз XI–XVII вв., с. 171–172]. В октябре 1571 г. была получена отписка от русского посла в Крым А. Нагого. В ней сообщались сведения о некоторых лицах, убежавших из России, «как... разгромили под Серпуховом Якова Волынского». В частности, о новокрещене Иване Урманове, испомещенном в Ржевском уезде. О нем сказано, что он шурин Устокасима¹³. А.В. Лаврентьев,

¹⁰ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 225, 230.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 619. Л. 238 об. – 248 об.

¹² Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 44.

¹³ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М., 2016. С. 76–77.

ссылаясь на слово «золотарь», высказал предположение о том, что Устокасим был казанским или касимовским ювелиром и создал так называемую Казанскую шапку [Лаврентьев]. У этой версии имеется слабое место. Дело в том, что потомки Устокасима неоднократно назывались мирзами. За некоторыми ветвями рода, принявшими православие, уже в XVIII в. было признано княжеское достоинство. На Востоке занятие ремеслом, пусть даже таким статусным, не было присуще родоплеменной верхушке. Возможно, «золотарь» следует рассматривать как прозвище или же указание на каллиграфа — золотописца, оформлявшего золотом грамоты.

Резеп Кучуков сын Устокасимов встречается среди переводчиков Посольского приказа на излете Смуты. С 1613—1614 гг. он регулярно посылался в Турцию (1613—1614, 1616 (отозван с дороги), 1622—1623)¹⁴, Крым (1620—1621, 1628—1630)¹⁵, Персию (1625—1626)¹⁶. В ходе последней крымской миссии в конце 1629 или самом начале 1630 г. на посольский стан «наехал» мирза Валиша Дивеев. Переводчик оказался бит обухами и «посечен» саблей. Через две недели от полученных ран Резеп умер [Новосельский, 1948, с. 187].

Есть сведения о том, как увеличивались поместный и денежный оклады переводчика. До зачисления в штат Посольского приказа он значится как касимовский служилый татарин с годовым окладом 30 руб.¹⁷ В 1615 г. оклад составлял уже 35 руб.¹⁸, при этом как минимум в 1620/21 г. Резеп являлся четвертчиком Устюжской чети¹⁹. В 1622/23 г. оклад подняли до 40 руб.²⁰ В 1623/24 г. он уже составлял 48 руб.²¹ В 1626/27 г. его увеличили до 50 руб.²² Возможно, его еще раз подняли до 52 руб.²³ Происходило и постепенное увеличение поместного оклада. В 1621/22 г. он составлял 750 чети²⁴; в 1623/24 г. его подняли до 800 четей; в 1626/27 г. был увеличен до

¹⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 85; Д. 4. Л. 34—35; Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 216, 217.

¹⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 246; Ф. 123. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 109.

¹⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 18; Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 155—156.

¹⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 85.

¹⁹ РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 699.

²⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 216, 217.

²¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 86.

²² Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 12. Л. 162.

²³ Там же. 1654 г. Д. 1. Л. 3.

²⁴ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 15.

850 четей²⁵. О поденном корме и хлебном жаловании Резепа Устокасимова нам ничего неизвестно. Это объясняется тем, что у испомещенных переводчиков эти дачи засчитывались за пашню. Сведения о землевладении переводчика у нас, по-видимому, неполные. Рассмотрим их ниже, вместе с землевладением его детей.

Сохранились сведения о детях переводчика, сыновьях Кутлумамете и Мурзабеке, и дочери Ширин-салтан. Также известны иные родственные связи переводчика. Он приходился племянником старичнику Посольского приказа Исиналею Облешеву. Предположительно, это родной брат супруги Кучука Устокасимова (от второго брака?). Резеп выдал дочь за Сафара мирзу князя Еникеева²⁶. Это семья, длительное время возглавлявшая служилых татар Темниковского уезда [Беляков, 2020].

Представители рода, служившие в Посольском приказе, всегда назывались Устокасимовыми. А вот иные члены семьи чаще использовали прозвище Стокасимовы. Оно же закрепилось за крестившимися уже в XVIII в. и получившими княжеское достоинство однородцами. Также родовое прозвище иногда приводится как Достокасимовы. Отмечу, что все три прозвища фиксируются в одном архивном деле²⁷.

О службах Мурзабека ничего неизвестно. А вот Кутломаммет продолжил семейную традицию и в 1638/39 г. стал переводчиком Посольского приказа. Он неоднократно нес службу в составе посольских миссий в Крым (1640–1642, 1652–1653, 1654, 1657–1681)²⁸. В последний раз (посольство Я. Якушнина и Г. Михайлова) русских дипломатов задержали в Крыму на долгих 24 года. Они не могли вернуться домой, но при этом не находились в заключении продолжали выполнять свои обязанности. После смерти посланника и подьячего Кутломаммет до возвращения в Москву возглавил миссию. Последняя часть статейного списка посольства была написана им. Также переводчик откомандировывался в действующую армию, где выполнял привычную для себя работу. В 1654/55 г. он отмечен в государевом смоленском походе. В 1655 г. находился на службе в Астрахани с боярином кн. Ф.Н. Одоевским (калмыц-

²⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 156.

²⁶ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 12 об., 32; [Лисейцев, 2003, с. 392].

²⁷ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267.

²⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 198; Ф. 159. Оп. 2. Д. 1559; Д. 2197. Л. 1; Ф. 123. Оп. 1. 1654 г. Д. 9, 15.

кий поход)²⁹. По указу от 31 октября 1689 г. он не включен в состав штата Посольского приказа³⁰. Дальнейшая его судьба неизвестна. В ряде документов Кутломамет назван Андреем. Однако о его крещении говорить все же не стоит. На это указывают следующие факты: 1) два имени встречаются попеременно на протяжении длительного времени; 2) его супруга всегда фиксируется с татарским именем, а в случае крещения мужа брак автоматически признали бы расторгнутым.

Материальное вознаграждение службы Кутломамета также хорошо прослеживается по документам. В 1642 г. его годовой оклад составлял 25 руб., а в марте 1643 г. был поднят до 30 руб.³¹. 1651/52 г. его увеличили до 42 руб.³² Следующую прибавку произвели в декабре 1683 г. Теперь годовой оклад составил 50 руб.³³ О поместном окладе известно, что он в 1662/63 г. равнялся 400 четям³⁴.

К выходу из Смуты Устокасимовы потеряли поместья в Вяземском уезде. Теперь их землевладение сосредоточилось в Мещере. Это понятие объединяло Касимовский, Елатомский, Шацкий (Малый Шацкий), Темниковский и Кадомский уезды. Можно предположить, что первые поместья в крае получил как компенсацию за утраченные можайские владения еще Кучук. Но нам известны данные, относящиеся только к его сыну и внукам. 5 мая 1613 г. запечатали грамоту в Темников о даче Резепу в поместье 40 четей (назван Ирзезгой мирзой Стокасимовым)³⁵. Но в писцовой книге уезда 1613/14 г. информация об этом пожаловании отсутствуют³⁶. В этом же году в Шацком (Малом Шацком)³⁷ уезде в деревне Ужове за ним отмечено поместье в 80 четей. 28 марта 1622 г. Резеп получил ввозную грамоту на придачу к старому шацкому поместью деревне Косминей (100 чети) в Шацком же уезде деревню Роменее (Родино, Бесеткино) (68 чети). 28 мая 1625 г. переводчику дали ввозную грамоту на деревню Мочково Касимовского уезда (21 четь). 20 ноября 1628 г. он получил ввозную грамоту на 30 четей в селе Бара-

²⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 53–53, 72–73.

³⁰ Там же. 1689 г. Д. 4. Л. 45–47.

³¹ Там же. 1643 г. Д. 2. Л. 23, 24.

³² Там же. 1649 г. Д. 13. Л. 346.

³³ Там же. 1683 г. Д. 5. Л. 6.

³⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 12. Л. 38.

³⁵ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 98.

³⁶ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/1614 г. Казань, 2015.

³⁷ Об исторической географии Мещеры см.: [Беляков, 2019 (3)].

мыкове Касимовского уезда. Тогда же за ним справили пустошь Коврову в Касимовском же уезде (5 четей). В 1630 г. все поместья (235 чети) отошли вдове Кутлусалтанке с несовершеннолетними детьми. При этом при подсчете поместной земли получаются иные цифры. А темниковское поместье вообще не упомянуто в этом году³⁸. Разница в размерах поместий, по-видимому, связана с тем, что в одних случаях приводится реальное землевладение, а в других его пересчитывают на «добрую землю».

Первоначально братья Кутломамет и Мурзабек владели поместьями нераздельно. После выделения доли в приданное вышедшей замуж сестре размеры их землевладения сократились до 203 четей. В июне 1644 г. братья променяли 30 четей в деревне Мочкове Касимовского уезда на 50 четей пашни и сенокосов на 50 копен в деревне Ужове Шацкого уезда у касимовского татарина Девлета Облешева (Аблешева). Здесь в помещиковом доме проживало четыре человека его людей, а в пяти крестьянских дворах 16 крестьян. Мурзабек в то время оставался несовершеннолетним, поэтому все земли по-прежнему были справлены за Кутломаметом. При этом опять в нарушение математических подсчетов за ними числилось 253 чети. В марте 1656 г. вдова и дочь Девлета Облешева поступились братьям своим прожиточным поместьем (38 четей) в Касимовском уезде (деревни Тонкачево, Казаково, Мочково). По-видимому, Девлет являлся сыном Исиная Облешева. Тогда вдова с дочерью приходились невесткой и племянницей братьям Устокасимовым. Хотя, как отмечено выше, родство могло быть не кровным. Термин «поступились» в данном случае должен указывать на получение этих земель в виде приданного. Возможно, дочь Девлета стала супругой Мурзабека. Теперь землевладение семьи должно было составлять без малого 300 четей. Но в документах продолжают фигурировать 253 чети. Предполагаемый брак Мурзабека объясняет это противоречие. 253 чети – размер поместий, которыми братья владели сообща. Отмечу, что в анализируемых документах ни разу не упоминаются приданные поместья от двух браков Кутломамета. Известные данные изначально не полные. Раздел поместий состоялся только в июле 1674 г. Причиной стали злоупотребления Мурзабека при совместном владении земель и крестьянами, на которые тот пошел, пользуясь длительным (24 года) пребыванием брата в Крыму.

³⁸ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 12–15 об., 32–32 об.

В деле о разделе отмечено, что братья Устокасимовы также владели вотчиной в Борисоглебском стане – четырьмя селами Пенково (Бундово тож). В ней насчитывалось 165 четей «средней земли». При пересчете в «добрую землю» получалось 132 чети. Здесь же находилось 23 крестьянских и бобыльских двора. Вотчины в Мещерском уезде появились только в 1-й четверти XVII в., когда за московское осадное сидение царя Василия Шуйского и прихода королевича Владислава (1618 г.) в награду отдельным лицам 1/5 их поместий переводилась в вотчину. В таком случае это пожалование должен был получить Резеп Устокасимов. А размеры его поместий в итоге были не менее 660 четей. Это вполне возможно, ведь его поместный оклад составлял в 1622/23 г. 750 четей. Но по одному из известий в это время Резепу принадлежало только 223 чети земли³⁹. На самом деле приводимые сведения далеко не полные. Они позаимствованы из судебного дела 1817 г. Доказывая дворянское происхождение Устокасимовых, одна из сторон представила подтверждающие это документы. Однако в семейных архивах хранили только не потерявшие актуальности материалы, подтверждающие земельные владения рода. Остальные не сохранились. На помощь приходит запись в книгах Печатного приказа. 8 декабря 1614 г. в приказе запечатали жалованную грамоту «Исинею Карамышевичю ильмюдеш Мусатову да его племянником Изерапу Достокасимову, Мустафе Мамаеву, Сутеку Мусатову на вотчину в Касимовском уезде в Борисоглебском стану в село Кусмор с деревнями... по прежней даче царя Василья Ивановича»⁴⁰. Изерап Достокасимов и есть Резеп Устокасимов. Нас не должно путать, что в одном документе упомянуто сельцо Пенково, а в другом село Кусмор. Оба эти населенных пункта, по-видимому, входили в дворцовую Кусморскую волость. После измены Исинея Карамышева (1616 г.) все его землевладение было конфисковано [Беляков, 2019 (3)]. Земли племянников сохранили за ними. Часть пенковских владений Резепа отписали после его смерти на государя, они пошли в поместную раздачу. А вот вотчина сохранилась за его вдовой и детьми. Это объясняет, почему в источниках кусморские и пенковские земли числятся за разными помещиками. Земли, отписанные у И. Карамышева, уже в 1617 г. принадлежали кн. А.С. Урусову⁴¹. А отпи-

³⁹ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 12 об. – 15, 32–35.

⁴⁰ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 333.

⁴¹ Писцовая книга Шацкого уезда 1617 г. // Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014. С. 259–261.

санные на государя после их смерти поместья Р. Устокасимова и М. М. Семендерева со временем отошли Надею Светошникову. Вот только у некоторых авторов по непонятным причинам Борисоглебский стан (территория Касимовского и Елатомского уездов) превратился в Подлесный (Малый Шацкий уезд) [Павлов, 2018, с. 229, 343].

Вернувшись в 1681 г. из крымской посылки Кутломамет обнаружил, что его поместья и вотчины отписаны в казну⁴². Дальнейшая их судьба неизвестна.

Кутломамет был женат дважды. Первая его супруга приходилась родной сестрой переводчику Посольского приказа Михаилу (Имраэлю) Семенову сыну Кошаеву. Это одна из ветвей темниковских Беханидов, князей Акчуриных [Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021, с. 108–110, 116, 118]. Второй раз он взял за себя некую Тин-салтану Уразаеву дочь⁴³. Ее происхождение неизвестно. Хотя история предыдущих браков в семье дает возможность предположить, что это дочь Урузая (Уразая) Тонкачева (Уразай б. Ямаш б. Джангалыч б. Салтанахмет б. Тонкач), представителя одного из знатнейших родов касимовских служилых татар [Акчурин и др., 2018]. В подтверждение этого предположения говорит и родство Устокасимовых со знатными сибирскими выходцами Карамышевыми-Мусаитами. По-видимому, супруга Кучука Стокасимова, Бузан-салтан, была сестрой И. Карамышева. В таком случае две ее сестры были замужем за сибирскими царевичами Арсланом б. Али и Мухаммед-Кул б. Ахмед-Гирей [Беляков, 2019 (2)]. Дело в том, что в таком случае одна из родственниц Тин-салтан, Девлет-пача Смолянова, также, по-видимому, была сибирской царицей и женой царевича Алтаная б. Кучума. Эти же родственные связи объясняют, почему в деле о разделе поместий и вотчин между Кутломаметом и Мурзабеком жене первого активно помогал переводчик Посольского приказа Абдул Безергенев сын Байцын. Его предки также выехали из Сибири и по одной версии находились в родстве или же свойстве с Карамышевыми-Мусаитовыми и сибирским царевичем Мухаммед-Кулом б. Ахмед-Гиреем [Беляков, 2019 (1)]. Упоминаются дети Кутломамет⁴⁴. Но от какого брака они были, равно как и их дальнейшая судьба, неизвестно.

⁴² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2197.

⁴³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 209, 238–246.

⁴⁴ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 15.

Подведем итоги. Происхождение семьи Устокасимовых остается неизвестным, хотя их родственные связи позволяют предположить, что они —

выходцы из Сибири с очень высоким статусом. В каждом поколении только один представитель рода связывал судьбу с Посольским приказом. Это был осознанный выбор, направленный на диверсификацию возможностей. При этом все Устокасимовы во внешнеполитическом ведомстве имели (приобретали со временем) высокий статус. Однако во 2-м и 3-м поколениях он не смог реализоваться полностью из-за ранней гибели и слишком долгого отсутствия в Москве. Свидетельств того, что в XVII в. представители семьи обладали некими уникальными навыками, недоступными другим, у нас нет. Возможно, разгадку следует искать в их происхождении. Оно могло открывать для них некоторые двери в странах Востока.

Наблюдение над историей семьи позволяет поставить вопрос о том, как происходило обучение языковым навыкам подрастающего поколения. Ранее делалось предположение, что обучение в первую очередь проходило дома. Однако, как видно, будущие переводчики из этой семьи довольно рано становились сиротами. Поэтому вопрос о подготовке переводческих кадров для внешнеполитического ведомства остается открытым.

Важными являются наблюдения за матримониальными правилами в роде. Они были консервативными и в целом присущими всем выходцам с Востока. Между аристократией и рядовыми служилыми татарами находилась огромная пропасть, и такие браки не одобрялись. У Устокасимовых фиксируется только одно исключение — брак (браки) с Облешевыми. Этот род не относился к мирзинским⁴⁵. Для его объяснения требуются дополнительные данные. Пока же можно констатировать, что эти две семьи объединяло только два фактора — служба в Посольском приказе и размещение землевладения в Мещере.

Полученные результаты позволяют объяснить бросающееся в глаза засилье среди переводчиков и толмачей татарского языка Посольского приказа лиц, связанных с Мещерой. В подавляющем большинстве они находились в родстве или свойстве. С Устокасимовыми оказались связаны Байцыны, Еникеевы, Енгальчевы (?), Кашаевы, Тефкелевы (Тевкелевы), Тонкачевы, Шакуловы.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 9. Д. 184. Стб. 5. Л. 110.

При этом все перечисленные роды имели знатное происхождение и видные родственные связи, в ряде случаев включая татарских царей и царевичей сибирского происхождения. Поэтому утверждение М. Кашаева о том, что его сослуживцы по Посольскому приказу ему «отечеством не в версту» [Куненков, 2007, с. 158] верно только отчасти. Здесь имелось большое количество лиц, которые при переходе в православие могли рассчитывать на дворянство по московскому списку и княжеское достоинство. По-видимому, стоило попасть в Мещеру нескольким служащим внешнеполитического ведомства, как они стали оказывать протекцию своим новым знакомцам, тем более что с некоторыми они успели породниться. Благодаря этому данная структура подчас функционировала как закрытый аристократический клуб. Они стремились контролировать назначения на выбылые места. Однако на практике это получалось далеко не всегда. По-видимому, в руководстве приказа осознавали этот их особый статус. Поэтому при назначении материального содержания знатному выходцу из молдавских бояр Николаю Спафарию [Переводчики..., с. 182–187] «на пример» смогли подобрать только сведения о годовом жаловании и поденном окладе Кучука Устокасимова. Точнее приказные судьи согласились с подобной аналогией. Возможно, в том числе и благодаря возникновению этого «кружка», несшие до этого посольскую службу московские служилые татары [Беляков, 2021 (2), Моисеев, 2020] оказались оттеснены на второй план. Так история одной семьи позволила понять внутренние движущие силы в подборе переводческих кадров внешнеполитического ведомства.

В последнее время происходит накопление данных, указывающих на значительные реформы в правление Федора Ивановича и Бориса Федоровича. Наблюдение за историей семьи также позволяют предварительно выделить отдельные элементы по реформированию внешнеполитического ведомства. Это относится к унификации окладов переводчиков и изменению привычного региона испомещения служилых татар Посольского приказа. Если ранее это были подмосковные уезды, то теперь шло его постепенное распыление и перенос в Мещеру.

Литература

- Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А.* Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань, 2021.
- Акчурин М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р.* Касимовские татары из рода Кыпчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 312–341.

- Беляков А.В.* Бакшеи – трансформация понятия // Восток. (Oriens). 2021 (1). № 4. С. 60–71.
- Беляков А.В.* Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII вв. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. Калуга, 2020. С. 738–759.
- Беляков А.В.* Переводчики Посольского приказа Байцыны // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019 (1). С. 217–229.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Беляков А.В.* Служилые татары из рода Баймаковых – Резановых на дипломатической службе Московского государства // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021 (2). № 3. С. 886–902.
- Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы, 2019 (2).
- Беляков А.В.* Историческая география Мешеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019 (3). № 1. С. 72–85.
- Виноградов А.В.* Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 32–40.
- Куненков Б.Н.* Посольский приказ 1613–1645 гг.: структура, служащие, дело-производство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Лаврентьев А.В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Вып. 12. М., 2008. С. 99–117.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Моисеев М.В.* Переводчики и толмачи на иранском направлении внешней политики Московского государства в конце XVI – начале XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 103–105.
- Моисеев М.В.* Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Вып. 13. Минск, 2020. С. 89–96.
- Моисеев М.В.* Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 83–87.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 2. СПб., 2018.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006.

К вопросу о переводе «Арменопула» на славянский язык в XVII в.

Объем переводов, сделанных Епифанием Славинецким в Москве, не может не удивлять. Это перевод с греческого сочинений отцов Григория Богослова, Василия Великого и Афанасия Александрийского, Догматики прп. Иоанна Дамаскина [Николаева], с латинского – «Большого атласа» Блау (части «Европа» и «Азия») [Николенкова], «Анатомии» А. Везалия, «Гражданство обычаев детских» Эразма Роттердамского. Епифанию принадлежит и редактирование перевода Библии на славянский язык для московского издания 1663 г., а позднее и создание нового перевода¹ [Махова; Пентковская, 2016; Пентковская, 2019]. Епифаний участвовал и в создании ряда славяно-греко-латинских лексиконов, и в «исправлении» богослужебных книг [Панченко, с. 311–312], хотя вопрос, как распределялась работа между ним и Арсением Греком, остался не выясненным.

К сожалению, обобщающие работы о переводах Епифания Славинецкого отсутствуют. Во многих случаях вопросы о рукописях, сохранившихся переводах, их взаимоотношении, других участниках перевода, связи его с предшествующими переводами, роли Евфимия Чудовского в обработке переводов Епифания остаются нерешенными.

Из юридических и канонических текстов Епифанием было переведено собрание византийских канонических и законодательных актов, изданных на греческом с переводом на латинский в 1596 г. во Франкфурте под названием *Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo*. Это издание было подготовлено Левенклавом (Левенклавием, Леунклавиусом, Леунклавием), но вышло уже после его смерти. Трудно объяснить, почему именно это объемное

¹ Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.): Четвероевангелие, Деяния Свв. Апостолов, Послания Свв. Апостолов, Апокалипсис. Подгот. изд., исслед. Т.А. Исаченко. Факсимиле. Paderbom–München–Wien–Zürich, 2004 (Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 2. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph).

издание выбрано для перевода. К этому времени в Европе было осуществлено уже значительное количество изданий церковных канонов. Эти издания пользовались известностью в греческом и славянском мире и даже переписывались греческими иерархами [Милаш, с. 389–396; Павлов, с. 22, Белякова, 2010].

Издание Левенклавия значительно расширяло собрание церковных канонов, в него были включены и новеллы византийских императоров по делам Церкви, начиная от Юстиниана, постановления патриарших синодов, канонические ответы и трактаты церковных писателей: Михаила Атталиата, Федора Вальсамона, Димитрия Хоматина, трактат Арменопула о ересь и другие. В издание входила и Исагога, Эклога, Земледельческий, Военный, Морской закон и целый ряд других законодательных византийских памятников. В библиотеке РГАДА имеется экземпляр издания Левенклава, принадлежавший Евфимию Чудовскому – РГАДА. БМСТ /ин. 448–449. На внутренней крышке переплета помещена надпись – «Константина Арменопула монаха Еуфимиа», а на первом переплетном листе – «Еуфимиева куплена». Экземпляр почти не содержит помет.

Возможно, обращение к франкфуртскому изданию 1596 г. связано с тем, что издание начиналось с Эпитоми Константина Арменопула. Константин Арменопул, судья, номофилакс в Фессалониках, создал свой труд «Шестикнижие» не позднее 1345 г. (так датируется вторая редакция рукописи) [Медведев, с. 235]. «Книга Константина Севаста Арменопула Номофилакта и судии Фессалоницкого» была упомянута в Номоканоне при Требнике среди канонических книг, необходимых для священника. В отличие от Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, почти сразу же переведенной на славянский, Шестикнижие и Эпитоми Константина Арменопула не были переведены синхронно. Отсутствие перевода Шестикнижия у сербов и болгар Папастасис объясняет тем, что в поствизантийский период необходимости в переводе не было, так как греческий язык являлся служебным языком церковных судов и имел широкое распространение на Балканах [Papastathis, s. 68]. Шестикнижие перевели полностью на славянский только в XVIII в. Тем не менее, в печатной Кормчей в главе 51 четыре раза содержатся ссылки на «четвертую книгу Константина Гарменопула, титла шестая»². И ссылки, и приводимый в них текст дословно воспроиз-

² Кормчая. М., 1653. Л. 531, 541, 549 об, 555 об.

дят слова из Требника Петра Могилы 1646 г.³ Петр Могила в разделе о браках ссылался на Шестикнижие Константина Арменопула. По-видимому, это первый перевод на славянский язык фрагментов Арменопула. М. Горчаков предполагал, что ссылки на Арменопула имелись уже в греческом протографе, использованном при составлении данной главы Требника, но он не смог указать греческие рукописи с подобными ссылками [Горчаков, с. 72].

Наличие в Кормчей ссылок на Арменопула не могло не вызывать интереса к этому автору. 4 книга Шестикнижия Арменопула посвящена брачному праву, что делало ее особенно актуальной, потому что вопросы брака относились к компетенции церковного суда [Розенкампф, 1839, с. 350–370; Медведев, с. 233–244]. О необходимости обращения к Шестикнижию по вопросам брака свидетельствовал Требник Петра Могилы. Но московские переводчики в это время использовали, по-видимому, исключительно печатные издания греческих текстов. В отличие от Шестикнижия, Епитоми уже была издана Леунклавием и, видимо, это стало причиной обращения к изданию *Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomii duo*. В этом же издании читатель мог найти первые главы Исагоги с определением закона, царя, патриарха, епископа и других важных для общества должностей. За все время нахождения под Константинопольскими патриархами на Руси не было переведено такого количества византийского законодательства, как содержащееся во Франкфуртском издании. Это можно объяснить тем, что в Византии (как и в средневековой Руси) отсутствовала тенденция распространения своего права на другие народы, а признавался «юридический плюрализм», сосуществование многих правовых систем различного происхождения [Медведев, с. 215; Белякова, 2010].

Печатные издания византийских юридических текстов и канонических текстов, осуществленные европейскими учеными в XVI–XVII вв., стали источником для знакомства с византийским правовым наследием русских книжников XVII в. и послужили основой для новых переводов [Белякова, 2020].

Г. Розенкампф в первом издании «Обозрения Кормчей книги в историческом виде» поместил сначала оглавление собрания Лувенклавия на греческом и латинском языке [Розенкампф, 1829.

³ Требник. Киев, 1646. Цит. по факсимильному изданию: Требник Петра Могилы. Київ 1646. Друге видання. Канберра-Мюнхен-Париж, 1988. Л. 372, 388, 394.

Прил. III, с. 39–90], а также предисловие к русскому переводу и русское оглавление перевода [Розенкампф, 1829, с. 91–123; Розенкампф, 1839, с. 370–463]. Намерение правоведа посвятить этому переводу специальный раздел книги осталось не осуществленным.

Предисловие к переводу Епифания Славинецкого, повествующее об истории работы, известно в трех редакциях. Первая редакция была опубликована Г. Розенкампфом без указания рукописи [Розенкампф, 1829, Прил. III, с. 91–92]⁴. Она совпадает с третьей (холмогорской) редакцией, опубликованной М. В. Корогодиной по спискам БАН 16.4.3 и БАН. Арх. Д. 434 [Корогодина, с. 298–300, 302–304], но в холмогорской редакции имеется дополнение о переписке книги на Холмогорах. Во второй редакции, в составе рукописи ГИМ Син. 129 отсутствует упоминание патриарха Никона, как инициатора («по желаннотщанию»), нет сведений и об исчезновении рукописи во время мора в Москве и о повторном переводе⁵. При этом все редакции содержат указание на то, что рукопись была исправлена самим Епифанием в 1675 г. (это год смерти Епифания), а в 1677 г. ее вложили в Успенский собор при патриархе Иоакиме в патриаршую казну. Т.е. редакции предисловия были составлены уже после смерти ученого переводчика.

В обоих случаях нет указаний на печатный источник перевода, а сама книга называется «Священная книга богодуховных отцев канони и благочестивых царей градстии закони, собрании вкратце всечестным Севастом и законохранителем Константином Арменополом». В обеих редакциях предисловия утверждалось, что книга была переписана «искусным каллиграфом с писма руки самага иеромонаха Епифания»⁶. Почерк этого «искусного каллиграфа» представлен в целом ряде рукописей этого периода. Им выполнена целиком рукопись ГИМ. Син. 129. Несомненно, что этому же писцу принадлежит и выборка из Арменопула, имеющаяся в сборнике ГИМ. Син. 377⁷, ошибочно обозначенная в описании как «Извлечения из Кормчей» [Протасьева, с. 95–96]. Этим же почерком в данной рукописи написаны, как отметила Т. А. Протасьева,

⁴ А. Ф. Бычков считал, что источником послужил сборник из Древлехранилища Погодина № 1963, составленный из 19 разных рукописей, содержащих перевод оглавлений к разным европейским изданиям [Бычков, с. 351–352.]

⁵ ГИМ. Син. 129. Л. 13 об. – 14.

⁶ Там же. Л. 13 об.

⁷ Там же. Син. 377. Л. 176–176 об. (из кн. 3), Л. 177–179 об. (из кн. 6), Л. 180–190 (из кн. 7); Л. 190–193 (из кн. 2); Л. 194–223. (из кн. 8 и т. 2).

«Собрание от древних философов о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита⁸ и Выписки из Хронографа («От летописца избрано вкратце о начале родословия от Адама первого дня и от коего колена его поидоша царие, судии и владелцы, и кто колико лет бысть мимошедшаго кола сего»⁹, а также «Сказание о славном выезде Яна Третьего короля Польскаго... и о погребении обоих полских королей»¹⁰ [Шамин, с. 197–198] и «О королевском и королевине короновании»¹¹.

Т.Н. Протасьева высказала предположение, что это рука Сильвестра Медведева или его писца [Протасьева, с. 96, прим. 2]. На наш взгляд, почерк каллиграфа скорее близок к почерку Евфимия Чудовского, но возможно, что это какой-то другой профессионал, переписавший целый ряд рукописей второй половины XVII в., в том числе и создавший беловой вариант переводов канонов Евфимия Чудовского. Евфимий Чудовский написал, что первый перевод Арменопула был сделан в 1653, а второй – 1656 г.¹²

Черновой вариант «Арменопула», над которым велась большая корректурная работа (киноварная разбивка на слова, расстановка ударений, правка «и», «о» и др., характерная для подготовки к печати) имеется в рукописи РГБ. собр. Унд. 40. Его сопоставление с беловым и принципы работы корректора – особая задача, которую мы не ставили, также, как и не проделали сопоставление с текстом Эпитоми, помещенном в состав переводов Евфимия Чудовского¹³.

В рукописи РГБ. Унд. 40¹⁴ и ГИМ. Син. 129 на последнем листе имеется запись, указывающая на протограф: «Грекоримскаго Закона правилнаго же и градского конецъ»¹⁵, а на Л. 591 об. помещено «Толкъ Леонклавия». В этом толковании обсуждался вопрос принадлежности новеллы Константину Порфиригениту или Роману Старому. Состав перевода, сделанного Епифанием, соответствует книге Леунклавия, в нем сначала помещены 9 книг, затем идет второй том без четкого деления на книги. Как и в издании Леунклавия, первым в переводе находится Эпитоми Арменопула. Текст представляет собой выдержки из канонov с толкованиями, разде-

⁸ ГИМ. Син. 377. Л. 38–71 об.

⁹ Там же. Л. 150–174.

¹⁰ Там же. Л. 223–229

¹¹ Там же. Л. 229–233.

¹² Там же. Син. 223. Л. 6.

¹³ Там же. Син. 226. Л. 3111–3251.

¹⁴ РГБ. Унд. 40. Л. 1987.

¹⁵ ГИМ. Син. 129 Л. 708.

ленные на шесть тематических частей: 1) О епископах; 2) О пресвитерах, дьяконах и иподьяконах; 3) О клириках; 4) О монахах и монастырях; 5) О мирянах; 6) О женщинах. Почти все каноны, вошедшие в это собрание, уже были переведены на славянский язык и входили в состав Кормчей книги, издание которой было начато в 1649 г., а завершено в 1653 г. и должно было быть известно Епифанию Славинецкому. В Епитоми Арменопула некоторые каноны приводились не дословно, а в обработке и с новыми толкованиями. По-видимому, переводчик не использовал непосредственно Кормчую. Перевод канонов, сделанный в Кормчей, нуждался в усовершенствовании, потому что не все греческие термины были переведены адекватно, кроме того перевод практически не редактировался с XIII в. Новый перевод, сделанный Епифанием, не только вводил новые понятия, приближая их к греческим, но и создавал новые формы от известных по славянским переводам словам. В результате этой работы текст не всегда становился более понятным читателю.

Ниже мы приводим примеры различия переводов как отдельных терминов, так и правил. Апостольские правила здесь особенно показательны, потому что входили во все канонические собрания и были на слуху, часто цитировались по памяти.

Правило	Печатная Кормчая	Епитоми
Ап. 2	поставляет	Хиротонисуетя
Ап. 12	Ставилные писания	Съставилная же суть послания
Ап. 32	Отлучен быв	Синодальное отлучение
Ап. 33	Чюждь презвитерь без ставилнаго писания не приятен. Аще же имать, да испытается, аще правоверен есть, аще же ни, потребная на путь взем, да отпустится	Странныи иереи без съставилнаго да възсуждается, аще право сечет, да приемлется, аще же ни, да отсылается, яже на потребу прием.
Ап. 43	Игрец и пьяница святитель	Костырствуя иереи и пьянствуя
Ап. 47	Второе крещая крещеннаго	Възкрещая крещеннаго
Ап. 60	Лживое писание нечестивых ерегик книги яко святы в церкви пред всеми почитает	Нечестиваго книгу церквьствуя, да низвергуется
Ап. 68	Дващи поставленыи	Дващи хиротонисан
I всел. 10	Отпадшии или не ведящим или ведящим поставльшим их поставлены быша, да извергуются	Елицы препадших проручествовашася или в ведении или не в ведении проручествовашого да низвергуется

Лаодик. 36	Волхв или обавник или чародеец или вещь или звездочтец, или узолник священник и всяк причетник да не обрящется	Священный или клирик волхв или напеватель или вещь (<i>мафиматик</i> ¹⁶), или звездословец или вьюнотный (<i>възрастный</i>) обвязник да изметається от церкви
Карфаг. 89	поставляющимся	Възхиротонисующася
6 всел. 21	Да стрижется токмо	Клирическим да стрижется образом
6 всел. 61	Иже себе узолником или демонном вдают, якоже се, неизреченное нечто уведети от них, 6 лет запрещение да примут, также и к держащим медведи, и ко обавником, и облаки гонящим прилепляющиеся, и в родословие и в получаи верующии, от церкви да изженутся.	Волхвом или глаголемым стоначалником себе давше, яко нечто от оных научушеся неизглагольных, шестолетие да подпадаютъ: или яко убиинца да запрещаются. По симъ же и медведи привлекающе, и случаи и имармену, и родословие гласяще и глаголемии облакогонителе, и чаровници, и хранителнии, и волхове пребывающе же, церкви да отметаються.
6 всел. 74	Пирови в церквах не творятся, ни трапезы не поставляются	Не подобает в господних (сиречь церквех) съести и акувита стали, акувита постеля великыя глаголет по латином
Василия Великого 30	Властели да не обрящутся кленящеся, и тем изветом зло творящее, обладаемых от них. Что бо яко клятся некто озлобити некоего сущих под рукою его, и образом благочестия лукавство свое хошет утвердити	Началник на зло началствуемых ротяся, сам убо да учится непроручно ротитися. Рота же да безтвердствуется, и чрез покаяние решится

В переводах терминов появился ряд грецизмов. В основном, это производные от «хиротония» («хиротонисатися»), «клирик» («Сечение 3 кии клиричествуются и кии не клиричествуются», «клиричествован»), «синод» (собор: «синодальный»). «Хиротония» переводилась в Кормчих как «поставление» и это значительно изменяло содержание, потому что «поставление» не ассоциировалось ни с возложением рук, ни с поднятием рук (избраением). Надо отметить, что слово «клир», «клирики» в русских текстах 16 в. заменялось на «причет» и «причетники» и терялось понятие «избранничества» [Белякова, 2022, с. 94].

Появилось довольно значительное количество новых слов, образованных при помощи приставок, «возсудятся», «возсвидетель-

¹⁶ В скобках даны слова, которые предложены как варианты на поле.

ствовати», «присонмищники», «перотник», «предцарствовавших», «предзакония»). Епифаний использовал и слова, известные по славянским переводам, но имевшие более распространенные синонимы: «сечение» (глава, раздел), «людин» (мирянин: «сечение пятое о людинех»), «саввата» (суббота), «господница» (воскресный день). Вместо «вселенная» он употреблял «селенная» (напр., «селенские синоды» (*сходы*) как вариант), «седалище» (престол). Слово «селенский» постоянно употреблялось и в Деяниях собора 1666–1667 гг.

В целом ряде случаев появились новые толкования, неизвестные по Кормчей, так как восходили к другому греческому толкователю. Так, известное правило Василия Великого (13), по которому клирик, совершивший убийство, не мог оставаться клириком, истолковано с ссылкой на синодальное решение: «Ратника убив, аще и благочестия заборбник, три лете да не общитя. Толкъ: При патриарсе Константине Хлиарине, разнся синодално, яко аще убо могуш некто пробещи навет разбоиника, убо не удовлися, но из умышления ему прилогствовав, убийствовав яко убийца запретитя... Клириком же, кое любо убийство сътворшым, абие томитися, ни едину сущу разнству ратника или разбоиника или коего либо когда. Оттуду и архиерей агарина убив, на его меч простерша во время брани, низвержся синодално»¹⁷.

Перевод Епитомы, как сокращенного и тематического свода канонов, должен был способствовать усвоению и актуализации церковных правил. Несомненно, что еще большее значение для развития права, канонистики, исторических знаний должны были иметь последующие книги собрания, содержавшие многие ранее не переведенные тексты.

Во второй книге помимо законодательства императоров сохранился список римских императоров от Юлия Цезаря до взятия Константинополя крестносцами и перечисление придворных должностей («оффикия палати») с переводом греческих терминов: деспота – владыка; севастократор – честнодержец; кесарь – резанец, властник; паниперсеваст – всепречестный, протовестиярий – перворизничный, великий доместик – домовник, протостратор – первостелник, великий логофет – словосложитель, великий стратопедарх, всего 91 должность. Во второй книге содержались синодальные постановления. Можно отметить определенное сход-

¹⁷ ГИМ. Син. 129 л. 61.

ство перевода с 36 главой печатной Кормчей, содержащей подборку глав против симонии [о происхождении этой главы – Белякова, Мошкова, Опарина, с. 224–226]. В четвертой главе, несомненно, важное значение имели писания патриарха Филофея об анафематизмах, а также список патриархов Константинополя и 31 чин Великой Церкви.

Дважды в собрании помещены определения обязанностей («подобающее и предел») царя (во второй книге)¹⁸ и патриарха (в четвертой книге)¹⁹ и в составе глав Исагоги²⁰, из которой они были заимствованы. Эти главы Исагоги актуализировались в высшей степени во время конфликта между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, приведшего к суду вселенских патриархов над московским. Во время суда над патриархом происходило неоднократное обращение к Исагоге [Сокольский]. Необходимо отметить, что некоторые главы Исагоги уже были известны русскому читателю по переводам Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, где они оказались размещены не вместе, но в разных главах. Но впервые византийская политическая система была представлена целиком и в стройном виде. Конечно, и определение закона как «общей заповеди мудрых мужей» и представление о царе как об «общем благе всем послушливым», как и об обязанностях патриарха «глаголати пред цари и не стыдиться» – все это могло оказать влияние на русское общество и способствовать развитию юридического мышления в России. Перевод начальных глав Исагоги очень близкий к переводу глав в составе Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря:

Алфавитная Синтагма	Арменопул
Закон есть общее заповещение, мудрых мужии предание, волных и неволных согрешений обращение, рекше уцеломудрение. Града сложение общее, есть же и божественное обречение добродетель закону, еже повелевати, еже возбраняти, еже убеждати, еже томити ²¹	Закон есть общая заповедь мудрых мужей, догмат волных и неволных грехов обращение, града слог обшь есть и Божие обречение. Добродетель закона повелевати, възбраняти, попушати, томити ²² .

¹⁸ ГИМ. Син. 129. Л. 158 об.

¹⁹ Там же. Л. 264 об.

²⁰ Там же. Л. 547 об. – 549.

²¹ РГБ. МДА. 173/1. № 53. Л. 154.

²² ГИМ. Син. 129. Л. 547.

<p>Конец патриарху еже во вереных тому душ спасение, и еже житии убо о Христе, распятии же ся мирови. Особнаа патриарху, рекше своиственаа, еже быти учителну еже ко всем высоким же и смиренным. Не тесно местне изравнятся, и кротку убо быти ко всем приступающим ему, и собеседующим учени, обличителну ж ко непокаяющимся, о истинне ж и о отмщении предании и съблюденнии правды и благочестия глаголати пред цари и не стыдетися²³.</p>	<p>Конец патриарху вверенных ему душ спасение и жити убо Христу, умертвится же миру. Своиственная патриарха еже быти учителну, ко всем высоким же и смиренным, не тесно вместе сравнятся и кротку убо быти в правде, обличителну же к непокаяющимся, о истинне же и о съблюденни праведнаго и благочестии, глаголати пред цари и не стыдятся²⁴.</p>
---	--

Можно отметить близость перевода этих текстов. Говорит ли это о том, что Епифаний Славинецкий был знаком с переводом Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, широко распространенной в XVII в. в восточнославянской традиции? Несомненно, что сверка общих фрагментов может дать ответ на этот вопрос.

Судьба распространения этого перевода Епифания осталась практически совсем неизученной [Румянцева, 1991, Румянцева, 2012], мы уже указывали на его распространение в старообрядческой традиции [Белякова, Мошкова, Опарина, 2017, с. 302]. Перевод Арменопула был затребован, как и другие книги, переведенные Евфимием Чудовским, архиепископом Афанасием Холмогорским на Холмогоры и здесь сделали две копии с него: БАН. 16.4.3–1687 г. и БАН. Арх. Д. 434–1688 г. С Холмогорами связан и список РГАДА. Ф. 181. № 289, XVII в.

Арменопул принадлежал и епископу Александру (БАН. Устюж. 4), другой список находился в великоустюжском Успенском соборе (БАН. Устюж. 5) [Корогодина, с. 298–308]. Два списка Арменопула оказались в коллекции Хлудова: Син. ГИМ. Хлуд. 80 и ГИМ. Хлуд. 81, один – у Уварова (ГИМ. Ув. 285, XVIII в., 9 книг). Копия Арменопула XIX в. имелаь и в собрании митрополита Евгения Болховитинова (ИР НБУ ф. 312 № 228/57) [Петров, № 8].

Еще больше списков Арменопула было создано в старообрядческой письменной традиции. При этом в старообрядческой традиции имеются списки, которые кончаются на 9 книге с заглавием «Арменопула о ересех различных» (напр. ГИМ. Барс. 153 (XVIII в.,

²³ РГБ. МДА. 173/1. № 53. Л. 165 об.

²⁴ ГИМ. Син. 129. Л. 548 об.

609 л.)²⁵. В ходе переписывания староверами в тексте Епифания производились замены на более привычные слова и формы, укажем некоторые по ГИМ Барс. 153: «синоды» заменялись на «соброры», «емля» на «поемля», «емлется» на «приемлется», «балства» на «волшебства», «свещаемый» на «просвещаемый», «краерезав» на «скопив». Но в редких случаях это не просто замена слов, а редактирование:

ГИМ. Син. 129	ГИМ. Барс. 153
Смотр царю, пребывающих убо и сухих чрез благость хранение, и опаство, и погибших чрез бденное прирадение възятие и отсутствующих чрез мудрость и праведная одоления (<i>нравы</i>) и изрядства притяжание ²⁶	Смотрение царю пребывающих убо и сухих благостию хранение и твердость и погибшим бденным прирадением въспрятие и отсутствующих, мудростию и праведными одоления (образы) изрядствы пристяжание ²⁷

Вопрос о том, когда было осуществлено редактирование текста и в каких рукописях оно отражено, нуждается в дальнейшем изучении.

Из старообрядческой среды происходят две рукописи, хранящиеся в БАН: БАН. Тагил. 7 (XVIII в.) и БАН. Белокр. 117 (XIX в.) [Корогодина, с. 309–311]. В старообрядческой среде были созданы и рукописи РГБ. Егор. № 1265 (XIX в.), 1661 (XIX в.), 1507 (XIX в.) и РГБ. Рогожское собр. (ф. 247) № 553, 554, 555, 800. Но староверы не только переписывали Арменопула, но и осуществили его издания на гектографе и в типографии. В 1908 г. в г. Балахна в типографии Ф.П. Волкова вышло издание, на титульном листе которого было обозначено: «Собрание божественных и священных правил от всечестнаго законоположителя и судии Фессалонического господина Константина Севаста Арменополя. Издание П.А. Овчинникова. Печат. с рукописи, с соблюд. полной орфографии». В издании было 338 листов и в него вошли, как и в большинство старообрядческих рукописей, только первые 9 книг. Это издание связано с актуализацией в старообрядческой среде церковных канонов, ставших предметами многочисленных дискуссий. Ни имя переводчика, ни источник перевода в издании не были указаны,

²⁵ Это соответствует ГИМ. Син. 129. Л. 482 об.

²⁶ ГИМ. Син. 129. Л. 158 об.

²⁷ ГИМ. Барс. 153. Л. 179.

как не указывались они и в большинстве рукописей. При издании, вероятно, дополнительного редактирования не проводилось, не исключено, что сложность перевода Епифания могла придавать ему вид древности. Так парадоксально сложилась судьба этого перевода: не изданный в официальной Церкви, он оказался востребован и растиражирован в старообрядческой традиции, несмотря на языковое новаторство.

Литература

- Белякова Е.В.* «По какому праву?» (О некоторых особенностях правовых систем Московской Руси) // *Россия/Русистика/Россиеведение*. Кн. 1. Язык/История/Культура. М., 2010. С. 303–311.
- Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017.
- Белякова Е.В.* Опыт сопоставления изданий византийских канонических текстов в Центральной и Восточной Европе в XVI–XVII вв. // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 5(30). С. 22.
- Белякова Е.В.* Об изменении статуса священников в Русской церкви в XVI веке // *Исторический курьер*. 2022. № 2(22). С. 92–112.
- Бычков А.Ф.* Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Вып. 2. СПб., 1880.
- Горчаков М.И.* О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриарха Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. СПб., 1880.
- Кормчая. М., 1653.
- Корогодина М.В.* Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской академии наук XV – начала XX века (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук, Т. 11. Вып. 1.) М.; СПб., 2020.
- Махова М.В.* О маргинальных глоссах в Новом Завете Московской Библии 1663 года и их источниках // *Stephanos*, 2009. № 2(34). С. 101–110.
- Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
- Никодим (Милаш).* О каноничким зборницима Православне Цркве // *Дела Никодима Милаша*. Книга VII. Београд-Шибеник. 2005. С. 387–476.
- Николаева Н.Г.* Индивидуальное начало в переводческом творчестве Епифания Славинецкого // *Ученые записки Казанского университета*. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 30–40.
- Николенкова Н.В.* О характере орфографии церковнославянского перевода «Атласа Блау» (отражение разных изданий грамматики М. Смотрицкого) // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии*. Материалы международной научной конференции. 26–28 ноября 2013 г. М., 2013. С. 260–262.
- Николенкова Н.В.* Архаизмы и грецизмы как признак научного стиля церковнославянского языка XVII в. // *Вестник МичГА У*. 2013. № 4. С. 122–126.
- Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.): Четвероевангелие, Деяния Свв. Апостолов, Послания Свв. Апостолов, Апокалипсис. Подгот. изд., исслед. Т.А. Исаченко.

- Факсимиле. Paderborn-München-Wien-Zürich, 2004 (Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 2. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph).
- Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002.
- Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. А–3. СПб., 1992. С. 309–313.
- Пентковская Т.В.* Источниковедческий анализ как необходимое условие подготовки текста к изданию (на материале Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского второй половины XVII в. // Slavistika Vilnensis. 2019. V. 64(1), P. 37–53.
- Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1. С. 184–229.
- Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. III. Библиотека Киево-Софийского собора. М., 1904.
- Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева. Ч. II. М., 1973.
- Розенкамф Г.А.* Обзорение Кормчей Книги в историческом виде. М., 1829.
- Розенкамф Г.А.* Обзорение Кормчей Книги в историческом виде. СПб., 1839.
- Румянцева В.С.* Собрание греко-римского права Левенклава в России XVII–XIX вв. // XVIII международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 970–971.
- Румянцева В.С.* Епифаний Славинецкий в Москве // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различие. М., 2012. С. 270–281.
- Сокольский В.[В.]* О характере и значении Эпанагоги: Очерк по истории византийского права // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 1. С. 17–54.
- Требник Петра Могили. Київ, 1646. Друге видання. Канберра-Мюнхен-Париж, 1988.
- Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
- Шамин С.М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020.
- Papastathis Ch.K.* Zur Verbreitung des Harmenopoulos im Slawischen Raum // Balkan Studies. 1976. Т. 17 (1). P. 67–78.

Ученики школы переводчиков Йохана Николая Швиммера при Посольском приказе: служебные карьеры в первой четверти XVIII в.

Служба в Посольском приказе была одной из самых престижных и высокооплачиваемых в приказной системе Московского государства, его сотрудники отличались особой образованностью и высокой квалификацией, были обязаны обладать специфическими служебными навыками, например, достаточно отработанным аккуратным почерком, а также особым стилем деловой речи. Это требовало соответствующего отбора и обучения, нередко мальчишки начинали постигать приказную науку с юных лет, и многие из них повторяли служебный путь родителей. Еще в начале XVIII столетия известный В. Н. Татищев писал об этой традиции: «Есть обычай подьячим детей своих обучать своему делу, которое состоит только учить читать и писать, а наипача от юности каварства знать, которые, по их мнению, великое искусство» [Татищев, с. 89].

Проверок уровня компетенции и профессиональной подготовки при назначении в Посольский приказ не происходило, но периодически устраивались своеобразные аттестации, по результатам которых некоторые из служащих увольнялись. Один из разборов состоялся в 1673 г., и после него окольный А. С. Матвеев приказал подьячих, «которые в Посольском приказе не годны, писать плохи, и в приказ не ходят... за их леность и плутовство от приказу отказать, чтоб никаких от них впредь блудей не было... да и всем подьячим меньшей статьи сказать ж, чтоб они в приказе сидели без юности и никакого дурна не держались»¹.

В XVII в. для общеобразовательной и профессиональной подготовки будущих государственных служащих стали создаваться государственные начальные школы светского характера при московских приказах и приказных избах на местах для обучения грамоте [Демидова, 1989, с. 103–107; Демидова, 1994, с. 152–167; Беляков, с. 45–49].

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Д. 18. Л. 117.

Первым стал Посольский приказ, в списке которого за 1621/22 г. значились имена подьячих Ивана Непоставова и Ивана Кукменева, названных «робятишками» [Демидова, 1989, с. 104]. В 1669/70 г. в штате состояло уже четыре человека, о которых прямо говорилось, что они «вновь по челобитью для ученья сидят» [Демидова, 1994, с. 156]. 13 октября 1689 г. состоялся приговор Боярской думы о штатах Посольского приказа, в котором впервые была узаконена приказная школа при нем в составе пяти учеников без жалованья «для учения приказного и признания дел» [Демидова, 1989, с. 104]. Сверх этого числа можно было набирать юношей только тогда, когда будут «убылые тех чинов». В приказе учащимся преподавались первичные навыки служебной деятельности, совершенствовалась полученная в семье грамота и техника письма, а также они осваивали особенности делопроизводства, связанного с посольской практикой. Большинство учеников, овладев необходимыми знаниями, включались в состав подьячих Посольского приказа и служили многие годы. Уже в XVII в. началась и языковая подготовка дипломатов и переводчиков Посольского приказа, но изучение иностранных языков еще не оформилось институционально [Воевода, с. 20–23].

С расширением дипломатических связей в начале XVIII в. возникла необходимость в профессиональной подготовке переводчиков для обеспечения деятельности Посольского приказа. 23 июля 1701 г. состоялся указ Петра I об определении уроженца саксонской земли Йохана (Ивана) Николая Швиммера, бывшего до этого «ректором» протестантской школы в Немецкой слободе, в дипломатическое ведомство переводчиком и учителем иностранных языков: «в государственном Посольском приказе быти латинского, и немецкого, и свейского языков в переводчиках, да ему ж тем же языком учить словенского речения и письму русских всяких чинов людей и детей, хто к тому учению будут ему даны, и учить с непрестанным прилежанием»². В выписке, составленной в Посольском приказе в декабре 1702 г., назывался еще один язык, которому Швиммер должен был учить — голландский³. Швиммер вошел в список переводчиков, служивших в Посольском приказе в XVIII в., как Швынберх (Свымер, Швиммер, Швымер) (Johan

² РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 13; О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.). М., 1907. С. 35.

³ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 158. Л. 2.

Nicol Schwimmer) [Переводчики..., с. 269]. Швиммеру определили оклад 47 руб. и кормовые деньги, и в делах Посольского приказа сохранились его расписки на немецком и русском языках о получении жалованья⁴. Для обустройства школы переводчиков было разрешено выбрать постоянный двор в одной из московских слобод, но назвать точный адрес архивные документы не позволяют. Сохранилась запись от 19 ноября 1702 г. о покупке березовых дров в Лесном ряду для «топления светлиц» в зимнее время, где юноши постигали азы иностранных языков⁵.

Спрос на переводчиков был связан и с набравшей обороты Северной войной. О существующем недостатке специалистов может свидетельствовать указ от 20 марта 1701 г. о назначении переводчиком немецкого, голландского и шведского языков московского торгового человека иноземца Петра Коета, который был уже настолько в солидном возрасте, что было разрешено письма, «которые будут не секретные, и те для переводов за старостью ево посылать с подьячими к нему на двор»⁶. 13 апреля 1702 г. переводчиком немецкого и голландского языков был определен Давид Николаев сын Руц⁷. В это же время будущие переводчики проходили обучение и за границей. 22 октября 1701 г. Петру Михайлову сыну Ларионову, «которой живет для учения немецкого языка в Бранденбургской земле в Берлине», определили жалованье 100 золотых червонных⁸. В начале марта 1703 г. Василий Михайлов сын Ртищев был отправлен в «окрестные государства» для изучения немецкого и французского языков, а также дипломатического этикету при иностранных дворах, диометрии и фортификации⁹.

Создание школы для подготовки переводчиков под руководством Швиммера было насущным требованием развития дипломатической службы и реализации внешнеполитических функций государства. В ноябре 1701 г. к нему были определены ученики: Василий Курдевский, Самойла Копьев, Петр Губин, братья Иван и Яков Грамотины, а также Федор Богданов и Семен Андреев. Все они в документах Посольского приказа значились как «школьные ученики», т.е. их целевая направленность в изучении иностранных

⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 62 об., 77, 89 об., 98, 105 об., 116, 121 об.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 119; О немецких школах ... С. 35.

⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 9.

⁷ Там же. 1702 г. Д. 1. Л. 41.

⁸ Там же. 1701 г. Д. 1. Л. 20.

⁹ Там же. 1702 г. Д. 1. Л. 14.

языков не указывалась¹⁰. В связи с этим в работе Н.Ф. Демидовой эта школа характеризовалась как предназначенная для общей подготовки служащих приказа, правда В.А. Ковригина указывает, что после обучения юноши должны были занять места переводчиков Посольского приказа [Демидова, 1989, с. 104; Ковригина, с. 312].

Из всех учеников только Курдевскому 18 апреля 1702 г. «за прилежное ево в немецком и латинском языках учение» был определен поденный корм по 10 денег на день из Посольского приказа и велено «над протчими в той школе ученики смотреть прилежно, помянутых бы языков те ученики учились прилежно»¹¹. В материалах Посольского приказа сохранилась выписка от 13 мая 1702 г. о выдаче жалованья «школьному ученику Василью Курдевскому за прилежное ево в немецком и латинском языках учение и его расписки-автографы в получении денег»¹².

Юноша был определен к Швиммеру из «греколатинской школы», и, получая там средства для существования, обратился с челобитной о назначении жалованья на новом месте обучения: «в греколатинской школе изучился по латине и по еллиногреческий до синтаксиса, и в той школе давано ему поденной денежной корм и съестные запасы, а ныне он учитца немецкому языку прилежно и учителю Николаю Швымеру в словеноросиском языке всякие способы чинит, и чтоб ему для ево бедности дать ему жалованья, чтоб в том учении было чем прокормитца»¹³. Как видим, в свою очередь Василий Курдевский обучал учителя русскому языку.

Остальные ученики школы переводчиков, прождав несколько месяцев, в декабре 1702 г. подали коллективную челобитную о назначении и им жалованья по примеру Курдевского, сохранившую их подписи-автографы. Они указали, что учатся немецкому и латинскому языкам «честь и писать» у переводчика Посольского приказа Швиммера, но называли его Иваном по первому имени Йохан¹⁴.

Для принятия положительного решения по челобитной подопечных переводчик Николай Швиммер подал в Посольский при-

¹⁰ «Надлежит... ведать все уставы государственныя и важность их». Документы РГАДА по истории государственной службы России. XVIII в. / публ., вступ. и примеч. Н. Ю. Болотиной // Исторический архив. 1999. № 2. С. 187.

¹¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 56. Л. 2.

¹² Там же. Д. 1. Л. 101, 110 об., 117 об, 123 об.

¹³ Там же. 1702 г. Д. 56. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 158. Л. 1 об.

каз «свидетельствованное письмо» на латинском языке, сохранившееся в деле в переводе, в котором охарактеризовал достигнутые за год успехи своих учеников в постижении иностранных языков (см. Приложение 1). Швиммер отмечал не только конкретные успехи учеников в изучении немецкого и латинского языков, но и, подобно современным преподавателям, обращал внимание на прилежание юношей, их поведение, интерес к обучению и свойства характера. Однако не все из обучающихся получили подробные свидетельства об овладении языков, что позволяет предположить не одинаковые их успехи, и это, в свою очередь, вероятно, сказалось на их последующих карьерах.

При рассмотрении подобных челобитных с просьбой о назначении жалованья использовался прецедентный принцип, и в данном случае учащимся школы переводчиков определили оклад по аналогии с выдачей кормовых денег ученикам «наук математических», которые находились в ведении Оружейной палаты. 23 декабря 1702 г. «школьные ученики» Посольского приказа были пожалованы «за прилежное их в латинском и немецком языках учение» по 10 денег на день, которые им следовало давать из Новгородского приказа с распиской. После указа следуют расписки учеников или их родственников в получении назначенных кормовых¹⁵. За Ивана Грамотина деньги получал его отец Иван.

Школа Николая Швиммера для переводчиков функционировала при Посольском приказе до конца 1704 г., когда он был послан в Голландию к послу А.А. Матвееву на смену переводчику Петру Вульффу. При отправлении Швиммеру выдали на проезд и на первый год 120 руб., а затем назначили жалованье в 240 руб.¹⁶ В.А. Ковригина называет дату прекращения деятельности школы — февраль 1703 г., датировав отправление переводчика к Матвееву декабрем; учеников передали мариенбургскому пастору Э. Глюку [Ковригина, с. 312, 315]. С 1706 г. Швиммер именовался в делах Посольского приказа не только переводчиком, но и секретарем посольства в Голландии¹⁷. В 1707 г. Матвеев просил уволить Швиммера за пьянство и нерадивое исполнение обязанностей, в 1708 г. переводчик вернулся в Москву и получал казенное жалованье в 1708–1711 гг. [Ковригина, с. 312].

¹⁵ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 158. Л. 4–5.

¹⁶ Там же. Ф. 50. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 1–1 об.; Ф. 158. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 3.

¹⁷ Там же. 1706 г. Д. 2. Л. 1–34; 1707 г. Д. 3. Л. 1–5.

Материалы Посольского приказа позволяют проследить дальнейшие карьеры учеников Швиммера. Лишь несколько из них выбрали переводческую деятельность, остальные стали обычными приказными служащими, однако, первоначально все они поступали на службу подьячими младшей статьи.

Василий Курдевский (Курдецкий). Имя старосты школы Швиммера и самого успешного ученика встречается в 1705 г. в именной росписи учеников, закончивших обучение в Навигацкой школе. Можно предположить, что Курдевский учился там параллельно со школой переводчиков, т.к. указано, что «науки» он завершил 27 мая 1703 г., или допустить, что у него был тезка. Согласно росписи на это время юноше было уже 18 лет, документ также позволяет узнать происхождение будущего переводчика — «посадского»¹⁸. В 1707 г. Курдевского послали в Стамбул при полномочном после тайном советнике П.А. Толстом. Там он обучался турецкому, греческому и итальянскому языкам. После прибытия в Турцию в 1712 г. полномочного и чрезвычайного посла тайного советника барона П.П. Шафирова, как писал сам Курдевский, «употреблен я в переводчики и учинено мне годового оклада сто пятьдесят рублей»¹⁹. Можно предположить, что в 1707–1712 гг. юноша продолжал обучение, постигая новые языки в Стамбуле, и в 1713 г. все еще совершенствовал турецкий язык: ему было выдано десять левков на «покупку турецких пяти книг для учения его в турецком языке» [Базарова, с. 15].

В январе 1715 г. Курдевский вернулся в Москву и весной подал прошение о назначении ему оклада в связи с определением в посольство А.П. Волынского в Персию. В Посольской канцелярии просмотрели письма Шафирова за 1712–1714 гг., чтобы найти информацию, когда переводчик был принят на службу и с каким окладом, но поиски оказались безуспешными. Выяснилось только, что «токмо даютца ему кормовые деньги с приезде ево в Санкт-Питербурх з генваря месяца сего 1715-го году по 8 рублей на месяц»²⁰. 26 мая Курдевского определили переводчиком греческого, турецкого и итальянского языков в Посольской канцелярии с годовым «новичным» окладом в 100 руб. 28 мая 1715 г. в санкт-петербургской соборной церкви апостолов Петра и Павла его привели к присяге²¹.

¹⁸ «Надлежит... ведать все уставы государственныя и важность их»... С. 192.

¹⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 2. 1715 г. Д. 56/2. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 1 об.

²¹ Там же. Л. 2.

При отправлении с посольством Волынского в Персию Курдевскому назначили жалованье в 200 руб. из сумм Посольского приказа²². По царскому указу также было велено выбрать в посольство несколько человек добровольцев из молодых подьячих для обучения турецкому, арабскому и персидскому языкам, чтобы они были «остроумны и к наукам поятны»²³. Для поездки в Персию и изучения языков отобрали школьника из Монастырского приказа Гаврилу Ангелца, сына толмача Посольского приказа Дмитрия Зотова сына Чегодарева, ученика «греческих школ» Алексея Киприянова, подьячего Посольского приказа Федора Меньшова Сенюкова, подьячего Монастырского приказа Лаврентия Власова²⁴. Согласно штатному расписанию Посольского приказа на 1718 г. Василий Курдевский служил переводчиком греческого и итальянского языков с окладом в 100 руб., но отметка рядом с его именем – «в Персиде» – обозначала его нахождение в дипломатической миссии²⁵. В 1719 г. в качестве переводчика Коллегии иностранных дел он был вызван в Юстиц-коллегию как свидетель по делу петровского коменданта Андрея Ивинского с бывшим послом Волынским²⁶.

Иван Грамотин. В 1708 г. вместе с братом Яковом отмечены в ведомости Посольского приказа на выдачу жалованья по разделу подьячих «средней статьи и молодых» с окладом в 40 руб., а приписка на полях свидетельствует, что в том же году они были посланы в Архангельск «з делами к министрам»²⁷. Определение годового оклада в 40 руб. Ивану Грамотину состоялось 9 сентября 1708 г. при назначении в Данию²⁸. Из Архангельска братья Грамотины отправлялись «для наук в окрестные государства» с годовым жалованьем по 200 руб. на человека, которые должны были выдаваться из Смоленской губернии их отцу, дьяку Смоленского приказа Ивану Грамотину. Для совершенствования немецкого и обучения датскому языку братья первоначально были определены в Копенгаген на смену находящихся при после кн. В.Л. Долгорукове подьячих, причем Яков должен был заменить Кирилла Ковыршина, но потом его послали в Голландию к А.А. Матвееву²⁹. Как свидетельству-

²² РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 19, 40 об., 71.

²³ Там же. Л. 108.

²⁴ Там же. Л. 125.

²⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 11.

²⁶ Там же. Ф. 158. Оп. 2. 1719 г. Д. 137. Л. 1–1 об.

²⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 74 об.

²⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1708 г. Д. 13. Л. 1

²⁹ Там же. 1709 г. Д. 52. Л. 1 об.

ет челобитная Якова и Ивана от апреля 1709 г., они были высланы в Архангельск из Москвы в сентябре, но, «не застав осенних карабелей, живем у города, ожидая вешних», в связи с чем они просили выдать им жалованье по окладам на текущий год³⁰. Прошение было удовлетворено, и их отец в июле 1707 г. получил годовое жалованье своих сыновей. Согласно выписке, составленной в Посольском приказе, оба брата «учились в школе иностранных языков», однако в характеристике Швиммера ничего не сказано об успехах последнего.

В 1710–1713 гг. братья Грамотины ежегодно подавали челобитные о выдаче им годового жалованья³¹. В 1710 г. они указывали на то, что «многие годы учились мы на Москве в школах иностранных европейских языков, а имянно: я, нижайший Яков, латинского, цесарского и италианского, а я, нижайший Иван, латинского, цесарского, французского, свейского»³². Отправив сыновей за море, дьяк Иван Грамотин поддерживал их финансово. Он поручил младшего сына Ивана покровительству состоящего при после кн. Долгорукове Михаила Гедеонова, которого просил в письме от 1 марта 1711 г.: «к сыну моему Ивану буди любове, покамест не восприимешь путь морской, за что я такими мерами потщусь отплатить»³³. Помимо обучения языкам Иван Грамотин «служил у посольских дел» при после кн. Долгорукове, который в письме канцлеру графу Г.И. Головкину от 29 января 1714 г. сообщал об отпуске его из Копенгагена в Россию: «что он Грамотина сына, которой при нем, отпустил в Санкт-Петербург, заплатя за него долгу 40 ефимков, да проезд ему до Питербурга 150 ефимков»³⁴. Вероятно, братья Иван и Яков Грамотины возвращались в Петербург одновременно, причем Яков уже из Англии, и в ноябре 1714 г. они обратились с прошением о выдаче назначенного годового жалованья по 200 руб. для оплаты долгов³⁵. Царским указом было велено выдать требуемые оклады в Смоленске или их отцу дьяку Ивану Грамотину, или брату — подьячему Василию, а «к ним, Якову и Ивану, писать, чтоб они ехали в Петербург ис тех мест, где они ныне обретаютца, немедлен-

³⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 44. Л. 1.

³¹ Там же. Ф. 158. 1710 г. Д. 38. Л. 1; 1711 г. Д. 34. Л. 1; 1712 г. Д. 15. Л. 1; 1713 г. Д. 43. Л. 1.

³² Там же. 1710 г. Д. 38. Л. 1.

³³ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1711 г. Д. 21. Л. 2.

³⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1715 г. Д. 13. Л. 1 об.

³⁵ Там же. 1714 г. Д. 6. Л. 1; Д. 34. Л. 1.

но»³⁶. Также предписывалось деньги, которые кн. Долгоруков собирался дать на дорогу и уплату долгов Ивану Грамотину, вернуть сразу же послу, а в случае, если он уже выплатил их, то отцу юноши предписывалось компенсировать средства в Посольский приказ.

Прибыв в столицу, Иван обратился с прошением о зачислении в штат Посольского приказа переводчиком датского и немецкого языков. 6 апреля 1715 г. его привели к присяге в соборной церкви святых апостолов Петра и Павла³⁷. В начале 1717 г. Иван Грамотин состоял переводчиком в Посольской канцелярии и по письму Я.В. Брюса, для которого переводил книгу с немецкого языка, был отпущен в Смоленск с обещанием вернуться уже со сделанным переводом³⁸. В 1718 г. Грамотин значился в списке переводчиков, определенных быть в Петербурге, с окладом 120 руб. кормовых³⁹. Однако он совсем недолго прослужил переводчиком немецкого и датского языков, и в другом списке на 1718 г. сделана отметка против имени Ивана Грамотина — «умре»⁴⁰.

О **Самойле Копьеве** сведений в делах Посольского приказа не обнаружено.

Федор Богданов. 22 апреля 1709 г. Федор Меньшой Богданов подал прошение об отправлении вслед за братьями Грамотиными к датскому двору для совершенствования иностранных языков, и письмом канцлера Г.И. Головкина было указано «дьяка Михайла Родостамова шурина Федора Богданова отправить в Дацкую землю к послу господину князю Василью Долгорукову для науки по желанию ево языков немецкого и свейского», а жалованье определить по примеру посланных ранее в Копенгаген Грамотиных⁴¹. 22 декабря 1709 г. Богданов обратился в Посольский приказ с прошением выдать ему жалованье на следующий год⁴². Его имя значится в составленной в Посольском приказе 21 марта 1713 г. выписке об отправленных в Европу для обучения, и документ позволяет уточнить происхождение ученика школы Швиммера: «В 1709 году отпущен в Датцкую землю в Копенгаген для обучения иностранных языков Сибирского приказу подьячего Антона Богданова сын ево Федор»⁴³.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1714 г. Д. 34. Л. 2 об.

³⁷ Там же. Д. 13. Л. 3.

³⁸ Там же. 1717 г. Д. 3. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.

⁴⁰ Там же. 1718 г. Д. 45. Л. 10.

⁴¹ Там же. 1709 г. Д. 52. Л. 2.

⁴² Там же. Д. 150. Л. 1.

⁴³ Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1713 г. Д. 59. Л. 2.

Финансовое положение юноши за границей усложнилось выплатой в 1715 г. его годового жалованья в зачет долга, и в январе 1716 г. старший брат Федора подьячий Сибирской канцелярии Федор Богданов подал прошение о выдаче ему оклада на текущий год⁴⁴. 19 сентября того же года ученик прислал из Копенгагена прошение о приеме его на службу в Посольский приказ. 4 октября состоялся указ об определении Федора Меньшого Богданова переводчиком немецкого и датского языков с оставлением при после кн. Долгорукове и новичным окладом в 120 руб., как в 1715 г. было назначено Ивану Грамотину. Для проживания за границей предписывалось начислять еще сверху 150 руб. в год⁴⁵. При этом было указано на 1716 г. деньги не выдавать, поскольку Богданову по особому указу был уже дан двойной «ученический оклад».

Еще не получив известия из столицы о приеме на службу, 21 сентября 1716 г. юноша подал пространное прошение с описанием своего бедственного финансового положения, которое живо характеризует жизнь учеников в начале XVIII в. за границей и дает представление об их финансовых расходах. Богданов слезно просил оплатить его многочисленные долги, возникшие по причине европейской дороговизны, и глава Посольского приказа граф Головкин указал удержанные за долг деньги выдать Федору Богданову сполна⁴⁶. В списке Посольского приказа на 1718 г. Федор Богданов значился переводчиком цесарского и датского языков с окладом в 120 руб., а отметка на полях свидетельствовала об его нахождении в Дании⁴⁷.

Петр Губин. В августе 1709 г. подал прошение о поступлении на службу в Посольский приказ, указав, что до этого «работал я в подьячих в Ыжерской канцелярии», и был определен молодым подьячим: «По указу великого государя велеть ему быть в Посольском приказе в молодых подьячих и сидеть в повытье у старого подьячего Лаврентья Протопопова безместно, и учитца письму и приказным делам с прилежанием»⁴⁸. При составлении выписки о нем было сказано: «и обучается переводить, и писать, и читать, и говорить немецкого и латинского языков»⁴⁹. В штате на

⁴⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 28. Л. 1–3.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

⁴⁷ Там же. 1718 г. Д. 45. Л. 9 об.

⁴⁸ Там же. 1711 г. Д. 35. Л. 1.

⁴⁹ Там же. 1710 г. Д. 5. Л. 1 об.

1718 г. Петр Губин значился в числе молодых подьячих с окладом в 50 руб.⁵⁰ В указанных документах сведений об обучении Петра Губина в школе Швиммера не приводится.

Имя **Семена Иванова сына Андреева** сохранило только одно дело Посольского приказа. В прошении от 20 января 1717 г. о выдаче жалованья на текущий год он сообщал, что в 1712 г. был послан из Торун в Берлин к полномочному послу при прусском дворе графу А.Г. Головкину и состоял при его канцелярии⁵¹.

Опыт подготовки переводчиков был продолжен в 1718 г., но уже в другой форме. В 1715 г. прекратила свое существование школа Глюка в Москве, и для обучения латинскому и немецкому языку правительство отправило нескольких детей приказных служителей в католическую школу Немецкой слободы, но в 1719 г. патеров-иезуитов выслали из России, а их место заняли патеры-капуцины [Ковригина, с. 311]. По указу от 9 мая 1719 г. дети служителей Посольского приказа Федора и Михаил Немтимовых и Николая Моисеева сына Арсеньева отдали «в научение латинского и немецкого языков в Немецкую слободу на Москве к католицким патрам»⁵².

Сохранившиеся документы позволяют говорить о том, что занятия под руководством Швиммера были лишь начальным этапом овладения языками, а сам процесс обучения занимал более десяти лет, причем, выучив несколько европейских языков, на службе в Посольском приказе бывшие ученики специализировались только на двух.

Приложения

1. «Свидетельствованное письмо» Николая Швиммера

«Первый Василей Курдефский. Учил я его по-немецки сначала и читать, и писать так, что уже обоя изрядно умеет. Много научился говорить по-немецки и по латине от меня, и тем способом может розговаривать по-немецки. Латинскому языку так безпрестанным навькианием научил, что уже и с ученым может по латине

⁵⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 16 об.

⁵¹ Там же. 1717 г. Д. 1. Л. 1.

⁵² Там же. 1719 г. Д. 14. Л. 1.

розговоритца. Сверх того учил ево книге, имянуемой “Вход латинского языка”, из сей книге много речений латинских и немецких себе получил. Сей труд учеником моим прибылен и надобен был, и много времени и радения к тому положил.

Иван Грамотин. Малой изрядной, смирной, радательной и учителю послушной. Есть в нем надежда к учению, приходом всех последний. Всех по се число радением и тшанием своих превзошел. Знал он наперед немного читать по латине, но не так право (*правильно*. — *Н.Б.*). Я научил ево подлинному чтению и в латинском и немецком языке, а писать на обоих языках. Сей всех лутчей по-немецки говорит, других побуждая к радению своему. Малой изрядной к учению. Умеет он вышереченным разговорам немецким, выучил им книги, имянуемой «Входа», речения латинских и немецких больши 3. В “Донате”, почитай, х концу пришел, умеет склонения и сопружения, основание нужное латинского языку. Скоро имеет научению розговоров.

Самойло Коптев. И сей остр, добр и к учению по премногу способен, радательна и послушна себя до сего времени явил. Читает, пишет по латине и по-немецки, говорит по-немецки, и по силе своей совершенству в сем языке вникает. Знает и сей те образы розговоров из книги “Входа”, немецким и латинским речениям навикает, дознал, почитай, весь. В кратком времени явитца латиншиком.

Федор Богданов. Изрядной малой и любит учение. Учитца и он тому ж, что и прочие учат.

Петр Губин. И он изрядную надежду доброго и ученого мужа, имушаго быти, о себе обещает, детище доброе постоянное, трудолюбивое и учителю послушное, довольно добрую остроту и память имеет, не без прибыли приложитца к наукам. Читает, пишет по латине и по-немецки, говорит по-немецки, выучил вышереченные образы разговоров немецких. В “Донате” умеет склонения и сопряжения. Из книги “Входа” речения латинских и немецких понял. В кратком времени латиншик будет.

Семен Андреев. Добрую остроту и память имеет, изрядной ученик, но вотще к учению припущен будет. Знает читать, писать по-немецки и по латине, говорит по-немецки. Навикает разговорам сим немецким. В “Донате” учит третие сопряжение. Во “Входе” неколикую часть речения выучил»⁵³.

⁵³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 158. Л. 2 об. — 4; О немецких школах в Москве... С. 36–37.

2. Не ранее 26 мая 1715 г. Прошение переводчика Василия Курдевского о назначении жалованья при отправлении Персию

«Державнейший царь, государь милостивейший.

Будучи я, нижеименованный раб Вашего величества, в Царьграде с 1707 году при полномочном Вашего величества после тайного советнике Петре Андреевиче Толстом, в которые годы научился турецкого, греческого и италиянского языков, и по прибытии в Царьград Его превосходительства полномочного и чрезвычайного посла тайного советника господина барона Петра Павловича Шафирова в 1712 году употреблен я в переводчики, и учинено мне годового оклада сто пятьдесят рублей. И ныне по указу Вашего величества велено мне быть в Персии при посланнике господине Волынском, а того окладу здесь мне не дано.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашего величества, да повелит державство Ваше оной вышереченной оклад здесь определить. Вашего величества нижайший раб переводчик Василей Курдевской»⁵⁴.

3. 28 февраля 1715 г. Прошение Ивана Грамотина о назначении его в Посольский приказ переводчиком немецкого и датского языков

«Державнейший царь, государь милостивейший.

По Вашему царского величества указу ис государственной Посольской канцелярии я, нижайший, в науке иностранных языков в Москве многое время, а потом для наилучшего совершенства немецкого и обучения дацкого языков послан за море в Капенгаген, где со всяким усердием больши шести лет оным прилежал, а к тому и у посольских дел при после князь Василе Лукиче Долгоруком служыл. И по указу Вашего величества прибыл я, нижайший, ныне в Санкт-Питербурх, хотя во оном пути и сверх данных мне на проезд двусот рублей понес немалые убытки, а здесь определения и пищи не имею.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 2. Д. 56/2. Л. 1.

Всемиловейший государь, прошу Вашего величества, да повелит Ваше высокодерж[авство] в Посольской канцелярии у своих государевых дел в вышеупомянутых дацком и немецком языках быть мне, нижайшему, в переводчиках, и против других той канцелярии переводчиков определить оклад. Вашего величества всенижайший раб Иван Грамотин»⁵⁵.

4. 22 апреля 1709 г. Прошение Федора Меньшого Антонова сына Богданова об отправлении его в Данию для изучения немецкого и шведского языков

«Державнейший царь, государь милостивейший.

По Вашему царского величества указу я, нижеимянованный, учюся на Москве в школе у иноземцов цесарского да свейского языков.

Всемиловейший великий государь, прошу Ваше величество, да повелит меня, последняго Вашего раба, отпустить для лучаго обучения тех языков дацкого короля ко двору, и чем там кормитца и на проезд дать своего царского величества жалованья, что вам, великому государю, о мне Бог известит. Вашего царского величества нижайший раб Федор Меньшой Богданов»⁵⁶.

5. 21 сентября 1716 г. Прошение Федора Меньшого Антонова сына Богданова о своем бедственном материальном положении и оплате его долгов

«Державнейший царь, всемиловейший государь.

По указу Вашего царского величества в прошлом 1709-м году отправлен я для наук цесарского и дацкого языков в Дацкую землю, а для проезда и здешняго жития дано мне в Москве Вашего величества жалованья в год 180 рублей, которым не токмо мастеров моих, но едва и пропитание в год для здешней дороговизны имел, а потом с 1710-го года для здешнего моего пребывания переважи-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1715 г. Д. 13. Л. 1.

⁵⁶ Там же. 1709 г. Д. 52. Л. 1. Автограф.

вано мне по 200 ефимков на год кроме прошлого году, удерженного в уплату долгу моему подьячему Кириле Ковыршину, из которых по всеконечной невозможности принужден я был платить трактеру за обед по 16 шелегов в день, и то учинить в год 121 ефимок и 32 шелега, да за науки мастерам цесарского и дацкого языков платил по 3 ефимка на месяц, считая по их обычаю 16 дней в месяце, и того в год 144 ефимка, да за камору, дрова и свечи по 30 ефимков в год, всего в год исходило по 295 ефимков и по 32 шелега. И необходимой той ради нужды принужден я был в бытность мою в науке чрез три года по 95 ефимков и по 32 шелега по всягодные на себе долги иметь. К тому ж в прошлом 1713-м и 1714-м годах для дел Вашего царского величества с Его светлостью князем Васильем Лукичем Долгоруким ездил я два похода в Голштиндию и Олденбурх, для которых походов ничего мне не дано, в которых по тому ж получил на себе немалые долги, а имянно письменных в Гамбурхе поученных тамошного купца Франца попа 150 ефимков, да здешным копенгагенским купцам Вильгельму Эдинберу да Бернету Якобсену старыми моими долгами письменными ж должен 150 ефимков, всего с вышеписанными 587 ефимков курант.

И за прошлый год о непереведенном мне Вашего величества жалованья бил челом я Вашему царскому величеству, и те челобитные мои посылал в Санкт-Петербурх в высокославную Вашего величества Посольскую канцелярию, по которым милостиваго решения в небытность мою не исходотайствовано. Того ради понужден был от долгов моих паки Ваше царское величество всеподданнейше просить в нынешнем году супликою (*просьбою*. — Н.Б.) моею чрез Его светлость князя Василья Лукича Долгорукого, по которым моим, как прошлогоцким, так и нынешнего года прошениям на нынешней год переведено мне с Москвы чрез вексель 200 ефимков, да по последнему моему из Гамбурха 200 ж ефимков которая дача на нынешний год учинилась мне двойная.

Того для Ваше царское величество всеподданнейший з горестными слезами моими молю, да повелит державствие Ваше те другие 200 ефимков, из Гамбурха присланные на жалованье мое, зачесть мне в уплату вышеписанных долгов моих, також и прошлогоцкую удерженную дачу Кириле Ковыршину в уплату моего долга выдать и достальные мои долги всемилостивейшее повелеть оплатить, дабы я от оных моих долгов во всеконечное разорение и нищету не впал, и как от здешных, так и гомбургского купцов при возвращении моем одержан и заарестован не был. Ваше-

го величества всеподданнейший и всепокорнейший раб Федор Богданов»⁵⁷.

Литература

- Базарова Т.А.* Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 9–16.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Воевода Е.В.* Языковая подготовка дипломатов и переводчиков для Посольского приказа в XVII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2009. № 3. С. 20–23.
- Демидова Н.Ф.* Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времён до конца XVII в. М., 1989. С. 103–107
- Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в России. М., 1994. С. 152–167.
- Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Татищев В.Н.* Научное наследство. М., 1990.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 28. Л. 4–5. Автограф.

Послание Газского митрополита Паисия Лигарида патриарху Никону от 12 июля 1662 г. и его переводы XVII–XIX вв.

Весной 1662 г. в Москву с намерением помочь царю Алексею Михайловичу разрешить ситуацию, сложившуюся в Русской церкви после оставления патриархом Никоном первосвятительской кафедры 10 июля 1658 г., прибыл Газский митрополит Паисий Лигарид. Личность этого известного в XVII в. представителя греческой Церкви оценивается в отечественной и зарубежной историографии в основном негативно, однако исследователи единодушно признают: Лигарид был блестящим писателем (перечень сочинений см.: [Романова]), ярким представителем светского направления в русской публицистике XVII в. [Елеонская, с. 40–44]. Сочинения Лигарида на греческом языке кратко проанализированы Б. Л. Фонкичем [Фонкич, с. 286–288, 291–293]. Наименее исследованными из них остаются те, которые были написаны митрополитом во время пребывания в России в качестве главного эксперта в «деле» патриарха Никона. В том числе – единственное ответное послание Лигарида патриарху Никону от 12 июля 1662 г.

Письмо Лигарида патриарху Никону сохранилось на трёх языках; в XVII–XIX вв. оно трижды переводилось. На греческом оно известно в автографе¹ и в составе Книги о соборе над патриархом Никоном (далее – *Книга о соборе*), работу над которой Паисий завершил в апреле 1667 г. Письмо Никону в составе произведения о суде, имеющее с автографом ряд текстуальных отличий, стало неоспоримым доказательством защиты Лигаридом самодержавных амбиций царя. *Книга о соборе* известна в четырёх греческих списках конца XVII – конца XIX в.² Авторский экземпляр, как и первый русский перевод, поднесённый царю Алексею Михайловичу в 1668 г., пока не обнаружены.

¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. 1658–1666 гг. Д. 140, ч. 3. Л. 167–170 об.

² ГИМ. Синодальное собр. греч. ркп. № 409; Библиотека Румынской академии (Бухарест). № 371 (675); Геннадиевская библиотека (Афины). Mss. 260 (29433); ОР РНБ. Ф. 253. № 231.

На русском языке сохранились два перевода письма Лигарида: один, выполненный Епифанием Славинецким³, издан Н.А. Гиббенетом⁴; второй, как полагают, исполнен духовным писателем А.Н. Муравьёвым в середине XIX в. и существует в пяти списках в составе перевода *Книги о соборе* второй половины XIX в.⁵ Английское переложение послания Лигарида сделано и издано британским историком и богословом В. Палмером [Palmer, p. 199–311].

Перевод Епифания Славинецкого по сравнению с переложениями XIX в., представляющими собой пересказ, отличается дословностью и буквализмом. Благодаря этому мы видим Лигарида неординарным и литературно одарённым автором, знатоком Священного Писания и Предания, поклонником античной культуры и философом, глубоко начитанным в святых отцах. Переводчик XVII в. бережно сохранил форму, стилистику и архитектонику письма, показав, как Лигарид мастерски соединил традиции греческого и латинского эпистолярного искусства, формулы средневекового письма и стилистические приёмы разных типов посланий. По русскому переводу видно, как, используя форму послания, Газский митрополит вышел за границы эпистолярного жанра и подчинил его требования литературным целям.

Переводчик аккуратно и внимательно передал содержание оригинала. Судя по пометам на полях столбцов, текст подвергался правке: исправлялись описки, к отдельным словам подобраны синонимы, лексические варианты, точнее передающие смысл или избавляющие окончательную версию от транслитерированных греческих терминов.

Стремление переводчика как можно точнее следовать оригиналу позволяет сегодня насладиться особенностями риторического стиля Лигарида, изобилующего античными образами и метафорами, сложными лексическими конструкциями и архаизмами. Излюбленный литературный приём полемиста – обращение к Античности – реализован в теме царя и патриарха, в актуальной для времени Алексея Михайловича проблематике разделения властей царской и патриаршей. Перевод Епифания Славинецкого содержит перечень образцов, которым должен следовать царь. Митро-

³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. 1658–1666 гг. Д. 140, ч. 3. Л. 153–166.

⁴ Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. Ч. 1. СПб., 1882. С. 228–242.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64, 69; Ф. 172. К. 491. № 22; Архив СПбИИ РАН. Ф. 261. Оп. 1. № 8. Еще один список из Национальной Библиотеки Украины в настоящее время недоступен.

полит ставил Алексея Михайловича в один ряд с древними правителями, которые заботились о подданных, расширяли границы империй и вершили справедливый суд над непокорным народом; сравнивая Алексея Михайловича с ними, Лигарид обосновывал идею московского царя как истинно православного, обладающего абсолютной властью, харизмой и добродетелями – набором неотъемлемых свойств идеального христианского правителя. В образе Алексея Михайловича реализовывалась божественная миссия, возложенная на Православное царство в рамках мессианской идеи о роли и значении Москвы как наследницы Рима.

Бесстрашно и бесцеремонно Лигарид изобразил патриарха Никона не радеющим о пастве, гневным и неблагоприятным, слабохарактерным и самонадеянным, мелочным и высокомерным, честолюбивым и духовно ослабленным. Создавая этот отрицательный образ, митрополит противопоставлял поступки патриарха деяниям вселенских учителей и святителей, намеренно вуалируя очевидное сходство их биографий и отдельных шагов. В обращениях к Никону, ожидавшему от митрополита поддержки, звучали сарказм и ирония, насмешка и фальшь: митрополит не боялся задеть и обидеть патриарха.

Благодаря следованию Епифания Славинецкого тексту оригинала можно раскрыть концепцию Лигарида о современном ему идеальном архипастыре – блистательном ораторе и полигисторе, свободно сочетающем приёмы иезуитской гомилетики с традициями православной проповеди. Русский же и английский переводы XIX в. в силу своих особенностей – краткости и избирательности (обусловленных тем, что они выполнялись в рамках перевода *Книги о соборе*), пропусков сложных в языковом отношении пассажей, наличия многочисленных комментариев английского переводчика, не отделённых от авторского текста, – не смогли представить программу Лигарида в полном объёме.

Литература

- Елеонская А.С.* Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978.
Романова А.А. Паисий Лигарид // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 8–12.
Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.
Palmer W. The Patriarch and the Tsar. Vol. 3. London, 1873.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никонном: перевод и исследование».

Из древнерусской рукописной традиции бесед Василия Великого

Историю древних славянских переводов Василия Великого едва ли можно признать малоизученной. И все же из трех знаменитых каппадокийцев именно ему в данном отношении повезло меньше остальных. Около сорока лет назад Ф. Томсон счел возможным утверждать, что «Василий — богослов, оратор и пастырь, оставался почти неизвестным славянам, знавшим только (псевдо-) Василия — отца монашества» [Thomson 1982b, p. 63]¹. Перечень славянских текстов св. Василия, сообщаемый А.А. Туриловым в энциклопедической статье [Турилов, с. 148–149], позволяет несколько смягчить данную оценку. К 19-й (по общепринятой нумерации) беседе («На Сорок Севастийских мучеников», СРГ 2863; ВHG 1205), упомянутой Томсоном и известной уже по Супрасльской рукописи XI в., здесь добавлена беседа 27 («На святое Рождество Христово», СРГ 2913; ВHG 1922), перевод которой также весьма архаичен. Исследователь также указал на наличие нескольких бесед Василия Великого в почти не изученном сборнике ГИМ. Собрание А.С. Уварова. № 357–4⁰². Однако в целом сложившееся мнение осталось неизменным, и современный автор уверен, что, «[в] отличие от других святых отцов»,

¹ Правда, сам Ф. Томсон отмечает [Thomson 1982a, p. 44] наличие в сербской рукописи начала XIV в. (Библиотека Хиландарского монастыря. № 386) перевода беседы 35-й («Утешение больному»; СРГ 5834). Цитаты из него имеются в русском памятнике конца XIII в. [Вершинин, 2019, с. 196–197]. Хотя, по современным представлениям, автором данной беседы является Прокл Константинопольский, средневековый славянский читатель, естественно, был убежден в ее принадлежности Василию Великому. Можно упомянуть и трактат «Об истинной непорочности в девстве» Василия Анкирского (СРГ 2527), который приписывался великому каппадокийцу и также был известен в славянской традиции [Vaillant]. Все случаи псевдэпиграфов отмечаются в дальнейшем.

² До настоящего времени этот сборник относили без уточнений к XVI в. Единственная филигрань (голова быка под крестом, обвитым змеей, подобная Briquet № 15374–1488 г.) позволяет датировать рукопись концом XV, самое позднее началом XVI в.

св. Василий переводился у славян «преимущественно во фрагментах» [Майнарди, с. 546].

Позднее сведения о знакомстве древнерусских книжников с творениями Василия Великого продолжились пополняться. Так, Н.В. Савельева издала по двум древнерусским спискам первой четверти XV в. несколько сокращенный (но, вероятно, восходящий к более полному архетипу) славянский текст его 14-й беседы («На упивающихся», СРГ 2858). Фрагмент из него имеется уже в Изборнике 1076 г. [Савельева, с. 44–77]³, что дает основания причислить перевод к тем творениям древнеболгарских книжников, которые сохранились исключительно в древнерусской традиции. Нам также приходилось обращаться к сходным сюжетам. Так, другой фрагмент Изборника 1076 г. оказался извлеченным из полного перевода беседы 5-й («На память мученицы Иулиты»; СРГ 2849; ВНГ 972) [Вершинин 2016, с. 8–16]; одна из цитат в Поучении Владимира Мономаха восходит через древнеболгарский Княжий Изборник к одному из полных переводов беседы 13-й («Побудительная к принятию святого Крещения»; СРГ 2857; ВНГ 1935)⁴.

В настоящее время сведения, касающиеся древнерусской традиции переводов бесед Василия Великого, можно умножить⁵. Напомним, что в Увар. 357 помещены следующие девять бесед Василия Великого (в порядке следования): 27-я («На святое Рождество Христово»); 13-я («Побудительная к принятию святого Крещения»); 16-я (на слова: «В начале бе Слово»; СРГ 2860); 29-я (вторая беседа на Пасху, СРГ 2914); 18-я («На день святого мученика Гордия»; СРГ 2862; ВНГ 703); 17-я («На день святого мученика Варлаама», признается неподлинной; СРГ 2861; ВНГ 223); 5-я («На память мученицы Иулиты»); 3-я (на слова: «Внемли себе»; СРГ 2847); 2-я (вторая беседа о посте, СРГ 2846). При этом беседы 27-я и 18-я

³ Ср. также: [Вершинин, 2016, с. 5–8].

⁴ При этом выяснилось, что данная беседа в славянской книжности известна в двух древних переводах (не считая еще одного перевода XIV в.). См.: [Вершинин, 2018]. Пространная выдержка из беседы 12-й («На начало книги Притчей»; СРГ 2856), а также небольшая цитата из беседы 9-й («О том, что Бог не виновник зла»; СРГ 2853), читающиеся в Мериле Праведном (конец XIII в.), также могут восходить к утраченным или пока не разысканным полным переводам названных сочинений [Словарь древнерусского языка, с. 16; Вершинин, 2019, с. 60, 124–125].

⁵ Подчеркну, что речь идет о традиции древнеболгарских, а также, предположительно, древнерусских домонгольских переводов. Переводы XIV в. и более позднего времени в настоящей работе не рассматриваются.

читаются здесь в переводах, отличных от тех, что получили большее распространение в славянской книжности, но не менее древних⁶. Следы использования некоторых из этих переводов можно наблюдать в более поздних славянских версиях XIV в. [Вершинин 2016, с. 9–10]. Однако данный вопрос требует особого исследования.

Рукопись Увар. 357, прежде считавшаяся уникальной, является таковой не вполне. Часть слов, составляющих эту подборку (назовем ее «уваровской») встречается в тех же переводах в рукописи 1482 г. РНБ. Q.I.1411: это беседы 2-я, 5-я, 17-я и 18-я. Наряду с ними здесь читаются беседы 1-я (первая беседа о посте, СРГ 2845) и 19-я, также в особых переводах, обнаруживающих черты древности⁷ (отметим, что переводы 19-й и 18-й бесед объединяет употребление лексического раритета *распяло* ‘крест’; см. Q.I.1411. Л. 227 об., 231).

Как уже говорилось, южнославянское происхождение большинства переводов, помещенных в Увар. 357 (а теперь добавим — и в Q.I.1411), несомненно [Вершинин 2016, с. 10]. В то же время складывается впечатление, что перед нами подборка произведений различных переводческих «школ», составленная столетиями позже древнерусскими книжниками. Одна из бесед, а именно, 3-я (она читается на л. 72 об., 65–68 об., 73–81)⁸, особенно выбивается из приведенного ряда⁹. Усиливая аргументацию, данную автором этих строк в названной работе, можно с большой долей уверенности связывать происхождение перевода 3-й беседы с древнерусской книжностью. В тексте имеется германизм *скалы* ‘чаша весов’ (*едину отяжиши скальвѣ* 68 об.¹⁰. — из **скальвъ*, в соответствии с *πλάστιγγα*),

⁶ 27-й беседа в другом переводе была особенно популярна; его старшие списки (сербские) относятся к XIV в. [Турилов, с. 148]. Другой перевод 18-й беседы встречается существенно реже; нам он известен в составе древнерусских четких миней, где помещен под 3 января (без имени автора). Старший список относится к концу XV в. (РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифо-Волокамского монастыря. № 593. Л. 277–287). Вероятно, беседа была переведена в числе других минейных текстов дометафростовского происхождения.

⁷ [Отчет, с. 63–65]. Фрагмент указанного перевода 1-й беседы известен в ряде списков Златоуста XVI в.: [Черторицкая, с. 258–259]. Перевод 19-й беседы отличен от известного по Супрасльской рукописи.

⁸ Восстанавливается правильный порядок листов, нарушенный в рукописи.

⁹ Характеристику этой беседы, одной из важнейших у св. Василия и представляющей замечательный образец философствования в духе христианизированного неоплатонизма, см. [Алиева].

¹⁰ Здесь и далее указываем листы из соответствующих рукописей. Греческие параллели приводятся по [PG 31].

известный только по восточнославянским источникам (аналогичные формы *škalna*, *škalba* имеются также в словенском)¹¹. К русизмам, вероятно, относится и слово *сѣклатяща* (от *сѣклатити*) ‘бьющегося, сражающегося’ [об апостоле Павле] 74 об. (передает греческое *πυκτηύοντα*), из древних источников сравнимое с *сѣклатити* ‘взбить’ в Житии Андрея Юродивого [Молдован, с. 90], а семантически особенно близкое к диалектному (печорск. и вят.) *сколотиться* ‘сражаться, биться’ (ЭССЯ 10: 157)¹². Среди прочей лексики имеется такой гапакс, как **варь* ‘страж’ (*вари* 65 об. *φυλακῆς*)¹³, *издруче* (из *изручь*) 65 об. в переносном значении ‘сподручно’, *повадно* 73 (в соответствии с *φορητός*)¹⁴. Любопытен перевод *ἐτέρου... ἐτέρου* как *отораго* (вероятно, гиперкоррекция из *етераго*)... *другаго* 68 об. При этом яркие южнославянизмы (если не считать реконструируемого *етераго*) в тексте отсутствуют.

Из морфологических черт укажем: *стобля* 74, *въдомуму* 76 об., *куплями житейсками* 74 об., *рабынямъ нечиствам* 79, *плищеви* 79, а также древнерусскую форму причастия во фразе *оудобъ мога оубѣжати* 65. В правописании обычна передача **dj* через *ж*, заметна югозападнорусская мена *оу/в*: *въстремлени* 65 об., *оуселении* 80 об.; среди других орфографических русизмов достойны внимания *берно* 76, *бервию* 80 об.

Еще один перевод известен нам в единственном позднем списке 1618 г. (РГБ. Ф. 209. Собрание П.А. Овчинникова. № 119. Л. 42 об.—51 об.). Это 24-я беседа св. Василия («Против савеллиан, Ария и аномеев»; СРГ 2869) — важнейшая догматическая гомилия, развивающая учение о Святом Духе и дающая оценку названным ересям. Надо сказать, что сборник Овчин. 119, переписанный в Казани диаконом Благовещенского собора Иваном Никоновичем Истоминым, крайне любопытен по своему составу, в котором заметен полемический уклон. Если не весь сборник, то по крайней мере его ядро имеет весьма отдаленный протограф. В Овчин. 119 читается два антииудейских сочинения в древнеболгарских переводах: книга «Иаков Жидовин» и раритетный для славянской пись-

¹¹ [Молдован, с. 98; Пичхадзе, 2011, с. 85].

¹² В то же время очевидно его родство со старославянским *клатитися* ‘колебать’.

¹³ Ср. зафиксированное в древнерусских памятниках *вароватися* ‘остерегаться’, а также сrb.-х. *вар* ‘внимание, осторожность, забота’ [Толстая, с. 69].

¹⁴ В исторических словарях отмечено только по актовым источникам XVI–XVII вв. [Словарь русского языка, с. 137].

менности антииудейский «Диалог Тимофея и Аквилы». Последний соседствует с «Иаковом Жидовином» в двух из трех остальных известных списков (исключая молдавский, представляющий особую ветвь традиции)¹⁵.

Со старшей из этих рукописей – ГИМ. Синодальное собрание. № 881 (конца XV в.) – сборник Овчин. 119 совпадает в наибольшей степени: кроме двух упомянутых памятников, общими для них являются текст «От книг Паралипомена» (нач.: «В лѣта ц(ѣ)с(а)ря Состора бѣ Ерминь...») – небольшая компиляция из отрывков хроник Малалы и Амартола (Овчин. 119. Л. 285 об.–286 об.), статьи на тему Премудрости Божией (л. 65–68 об.), а также палейные фрагменты: «Какъ явися Богъ Аврааму», «О Моисеове крещении», «О изведении Арона сыны его от Моисея», «О сотворении небеси и земли» (л. 57–65) [Горский, Невоструев, с. 592–593]. К этой подборке в Овчин. 119 добавлен еще ряд текстов толкового и антиеретического свойства – в частности, полемические фрагменты из Жития Кирилла Философа (л. 31–42 об.) и Амфилохия Иконийского (л. 40 об.–42 об.). Наиболее поздний из помещенных здесь текстов – Шестоднев Георгия Писиды в переводе 1385 г. (л. 2–30). Таков рукописный «конвой» списка 24-й беседы, заслуживающий в дальнейшем отдельного рассмотрения.

Рассмотрим языковые особенности текста. Рядом примеров представлены орфографические русизмы – *ж* в соответствии с **dj* (регулярно), первое полногласие: *норовом* 43, *дерева* 46. Из морфологии укажем: *при лицих* 43 об., *от четыре* 49 об. Лексика в целом отражает «чистое» церковнославянское словоупотребление, яркие южнославянизмы отсутствуют. Отметим: *супри* 46 об. (И. мн.), *за-соуноул естъ συνέχλεισας* ‘заклучил, объял’ 49, *праздения* (Р. ед.) 49. В тексте читается гапакс **женырь* (*женырами стр(а)стными* 50 об. в соответствии с γυναικαρίους ἀθλίους). Он принадлежит к тому же лексическому гнезду, что и прилагательное *женыривъ* = γυναικείος в ранних древнерусских толковых переводах – Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского и толкованиях Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова, а также глагол **женырьствовати*, встречающийся только в толкованиях Никиты [Бабицкая, с. 632]. Быть может, это свидетельствует о единой переводческой тради-

¹⁵ Памятник недавно издан с учетом славянской традиции [Andrist, Macé, Fahl]. См. также: [Pereswetoff-Morath, p. 153–156].

ции. Впрочем, надежных лексических восточнославянизмов в тексте 24-й беседы по списку Овчин. 119 обнаружить не удастся.

Другим слабо изученным переводом являются беседы Василия Великого на Псалмы (СРГ 2836, 2920, 2910). В славянской традиции этот весьма объемный памятник состоит из пятнадцати бесед – соответственно на Пс. 1, 7, 14, 28, 29, 32, 33, 37, 44, 45, 48, 59, 61, 114, 115¹⁶. Перевод известен в литературе давно: еще А.Х. Востоков учел часть его лексики в своем знаменитом словаре. В настоящее время известно четыре полных списка бесед на Псалмы: РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 508. Л. 1–237. Конец XV – начало XVI в.; РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 428. Первая четверть XVI в. (вероятно, апограф Волок. 508); РНБ. F.I.219. Л. 121–243 об.; ГИМ. Синодальное собрание. № 238. Л. 456–786 (оба – конца XVI или начала XVII в.) [Казимова, с. 659–661]¹⁷.

А.И. Соболевский полагал, что перевод принадлежит Максиму Греку; эта атрибуция позднее перешла в работу А.И. Иванова [Иванов, с. 58–59]. В наши дни Г.А. Казимова не решается вынести окончательного суждения о происхождении перевода [Казимова, с. 668–670]. Между тем, по справедливому замечанию Д.М. Буланина, мы имеем дело с «недоразумением» [Буланин, с. 184, примеч. 14]. Действительно, Соболевский в данном случае проявил удивительную для него неосторожность (объяснимую, вероятно, лишь недостаточным знакомством с текстом). Сама по себе датировка старшего списка Волок. 508 лишает возможности приписать перевод афонскому старцу. На л. 111 об. – 112 в рукописи имеются две лакуны (каждая объемом чуть меньше строки), объяснимые только утратами в антиграфе (который, следовательно, должен был быть достаточно ветхим) и оставленные писцом в надежде на восполнение текста в будущем¹⁸. Кроме того, беседы на Пс. 59 и 61 читают-

¹⁶ В греческом оригинале толкования на Пс. 14 и 28 разделены каждое на две беседы (в славянском тексте они слиты), причем в отношении авторства второй беседы на Пс. 28 в литературе выражаются сомнения. Неподлинными, возможно, являются также беседы на Пс. 37 и 132 (последняя в славянском переводе отсутствует). См.: [Михайлов, с. 142–144].

¹⁷ В двух младших списках беседы Василия Великого перемежаются с толкованиями Иоанна Златоуста.

¹⁸ Для истории рукописной традиции перевода может иметь значение тот факт, что основная часть сборника-конволюта Волок. 508, содержащая беседы на Псалмы и Пчелу (л. 1–294 об.; текст на л. 295–383 об. датируется несколько более поздним временем – первой четвертью XVI в.), переписана одним

ся в более ранней рукописи — уже упоминавшемся выше сборнике 1482 г. РНБ, Q.I.1411 [Отчет, с. 64].

Но еще дальше во времени позволяют отодвинуть датировку лингвистические данные. Прежде всего следует обратить внимание на лексику (здесь и далее после цитируем Волок. 508 с указанием номеров листов). Особенно яркими являются такие южнославянские архаизмы, как *искръ* ‘рядом, близко; подобно’ 226 об., *в рѣсноту* ‘поистине’ 16 об., 223 об. Из другого лексического материала перечислим: *гворомъ* ‘пузырем’ 154, *гворове* 60 (и производное от *гворъ* — *гворокъ* 164), *имовитыхъ* 185, *лютно χαλεπόν* 163 [Срезневский, стб. 97], *моутомъ* 174 (от *мжтъ*), *w соуперъ* 32, *в таибнѣ* 237 об., *теглаго рутѠν* 163 об. — 164; любопытен семантический гапакс *крѣтица* 24 об. в соответствии с *κράττις*¹⁹.

Представлены единичные лексемы, которые можно признать восточнославянизмами: *хвостъ* и производное *хвостнымъ* 85 об. (реализации праславянского **xvostъ* неизвестны в болгарском), *почнет* 148 об.²⁰. (в болгарских памятниках этот глагол и его производные исключительно редки, обычно употребляются аналоги с префиксом *на-* [Пичхадзе 2011, с. 140–141]). Упомянем также *блѣкающа* 54 (от *блѣкотати*) — аналоги известны в сербохорватском и словенском, но неизвестны в болгарском; также ср. *блечетати* в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого [Молдован, с. 80].

Из морфологии отмечу такие падежные формы, как *на водах многахъ* 61, *козными ч(е)л(овѣ)чьскими* 65, *простертама рукама* 179, *ч(и)стыма очима разоумныма* 179; *иному коемоу звѣри* 174; *в кораблихъ* 8 об., *в’ концихъ* 19 об., древнерусскую форму местного падежа единственного числа: *оубожьствѣмъ* 50 (из *-ъмъ*), а также формы причастий: *исох’шь* 202 об., *кр(ѣ)щьюся* 59 об., *преломльшися* 27, *положь* 197 об., *причащьюся* 65 об., *оупражньшюся* 180–180 об.

из писцов-тверичей, работавших по заказу волоколамского монастырского начальства. Единственный почерк этой части Волок. 508 ближе всего сходен с почерком Исаии Белого, переписавшего еще ряд волоколамских рукописей [Клосс, с. 162]. К сожалению, выходная запись на л. 294 об. была выскоблена (а впоследствии и заклеена).

¹⁹ Реализации общеславянского **kъrtica* известны в южнославянских языках, а также в чешском, словацком и украинском, в значении ‘крот’. Пример из нашего памятника, как кажется, — дополнительный аргумент для реконструкции у корня **kъrt-* значения ‘копать, рыть’ [Этимологический словарь, с. 55, 57–59]. Попутно отметим в тексте не имеющий датирующего значения перевод этнонима Σιδθες через *погани* 23.

²⁰ Другим почерком исправлено на *начнет*.

Богато представлены формы дательного падежа единственного числа на *-ови/-еви*: *Агъхусови* 103, *врачеви* 74 об., *Давыдови* 15 об., *мирови* 154, *мужевеи* 228, *обычаевеи* 201 об., *огневи* 65 об., *побѣдитељеви* 183, *сноказателеви* 183, *хранителеви* 171. При этом флексия *-еви* преобладает и применяется в парадигме склонения слов, принадлежащих не только к именам собственным, что соответствует ситуации в древнерусских памятниках XI–XIII вв. (это и есть период продуктивности данной флексии) [Пичхадзе 2015, с. 170–190]. Встречается имперфект на *-ть*, условно признаваемый восточнославянизмом²¹: *видяхуть* 78, *сыяхуть* 80 об.

Показательны орфография рукописи, прежде всего состояние редуцированных: *вълчець* 51, *истъщити* 216 об., *късно* 172 об., *мл'чаноъ* 4 об., *пъваа* 78 об. и др. Многочисленны такие древнерусские особенности, как первое полногласие, а также *ж* в соответствии с **dj*. В целом правописание характерно для памятников, имевших развитую рукописную традицию до эпохи «второго южнославянского влияния» (проявления которого в тексте ограничены и непоследовательны). Архаичны написание с «вставным» *д* (они угадают в XIV в.): *раздрушатися* 227 об., *по въздрости* 228 об. Отметим также случай передачи рефлекса **dj*, свойственный югозападнорусским памятникам: *рожцье* 63, что в сочетании с другими особенностями подразумевает наличие древнего протографа, происходящего из названного ареала. По сочетанию характеристик (особенно наглядно соседство единичных русизмов с немногочисленными южнославянизмами) перевод бесед на Псалмы сходен с одной из групп переводов, осуществленных на Руси в XI – начале XII в. при вероятном участии южнославянских книжников; ближе всего он соответствует, если пользоваться терминологией А.А. Пичхадзе, «подгруппе хроники Амартола» [Пичхадзе 2011, с. 57–77]. В других упомянутых переводах, в отношении которых можно предполагать связь с Древней Русью (3-я и 24-я беседы), языковой материал слишком скуден для подобного рода уточнений.

Все изложенное позволяет внести существенные коррективы в картину бытования сочинения Василия Великого в славянской письменности. Как выясняется, уже в древнейший период число и жанровый репертуар его переведенных сочинений был шире, чем это принято думать. По происхождению рассмотренные переводы делятся на две части: древнеболгарские переводы (они, как и мно-

²¹ В старославянских памятниках примеры единичны [Жолобов, с. 128–130].

гие другие, впоследствии полностью выпали из обращения на славянском юге и уцелели исключительно в восточнославянских списках) и тексты, которые можно связывать с деятельностью древнерусских переводчиков. В целом до новой эпохи расцвета переводов в XIV в. славянская книжность располагала почти всеми беседами на Псалмы, а также примерно половиной подлинных бесед св. Василия на другие темы.

Таким образом, Василий Великий был достаточно знаком славянам как оратор и экзегет, в несколько меньшей степени — как догматический богослов (при том, что трудно переоценить факт обнаружения древних переводов 16-й, 24-й и 29-й бесед с их пневматологией и триадологией, а также увещательной 3-й беседы). Надеемся, что в ходе дальнейших разысканий отыщутся не только новые списки (или даже новые переводы) бесед Василия Великого, но и ранее не известные случаи их цитирования в оригинальных древнерусских сочинениях.

Литература

- Алиева О.В.* Беседа III Свт. Василия Великого «На слова: внемли себе» как философский протрептик // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. № 1(39). С. 21–29.
- Бабицкая М.Б.* Источники Изборника XIII века (Cod. St. Petersburg, GРB, Q.n.1.18) // *Byzantinoslavica*. 1995. Т. 56. S. 631–635.
- Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
- Вершинин К.В.* Фрагменты бесед Василия Великого в Изборнике 1076 г. // Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей. Вып. IV. М., 2016. С. 5–8.
- Вершинин К.В.* Цитата из беседы Василия Великого в «Поучении» Владимира Мономаха // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. VI Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых (25 октября 2018 г.). Сборник статей. М., 2018. С. 9–14.
- Вершинин К.В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Писания Святых Отцев. Ч. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862.
- Жолобов О.Ф.* Истоки вариативности темпоральных форм глагола в древнерусском языке // XLII Международная филологическая конференция. Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г. Избранные труды. СПб., 2014. С. 125–134.
- Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.
- Казимова Г.А.* О возможном сербском компоненте в связи с меной генитива и локатива мн. числа существительных в славянском тексте гомилий Ва-

- сиялия Великого на псалмы и некоторых других святоотеческих текстах (ГИМ, Син-238, лл. 456–786), считающихся переводом Максима Грека // Црквене Студије. 2019. Т. 2. № 16. С. 659–673.
- Клосс Б.М.* Нил Сорский и Нил Полев – «спасители книг» // Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974. С. 150–167.
- Майнарди А.* Святитель Василий Великий и его влияние на русское монашество // Святитель Василий Великий в богословской традиции Востока и Запада: Материалы Шестой Международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия, Москва, 11–13 апреля 2019 года. М., 2022. С. 544–560.
- Михайлов П.Б.* Василий Великий. Сочинения: Экзегетические // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 131–146.
- Молдован А.А.* «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1905 год. СПб., 1912.
- Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. М., 2011.
- Пичхадзе А.А.* Флексия Д. ед. *-ови/-еви* в древнерусском о-склонении // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1(29). С. 170–190.
- Савельева Н.В.* К вопросу об источниках Изборника 1076 г. (Вторая часть: Подборка о пьянстве *Пророка Иоила о пияньствѣ*) // Старобългаристика. 2016. № 3. С. 44–77.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VIII. М., 2008.
- СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб., 1902.
- Толстая С.М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М., 2019.
- Турилов А.А.* Василий Великий. Славянские переводы до кон. XVIII в. // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 148–149.
- Черторицкая Т.В.* Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения. Opladen, 1994.
- Этимологический словарь славянских языков. Вып. 13. М., 1987.
- Andrist P., Macé C., Fahl S.* «Dialogus Timothei et Aquilae» (CPG 7794). Une nouvelle histoire du texte // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 71 (2021). S. 63–154.
- Pereswettoff-Morath A.A.* Grin without a Cat. Vol. I: Adversus Iudaeos texts in the literature of medieval Russia (988–1504). Lund, 2002.
- Thomson F.J.* Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruy) Collection // Cyrillomethodianum. 1982. Vol. 6. P. 1–65 [Thomson 1982a].
- Thomson F.J.* Slavonic Translations of Saint Basil's Works // Полата књигописна. Nijmegen, 1982. Vol. 6 [Thomson 1982b].
- Vaillant A.* «De virginitate» de St. Basile. Texte vieux slave et traduction française. Paris, 1943.

Переводчик Посольского приказа Суналей Тонаев в посольствах в Крымское ханство в 1610-х – 1620-х гг.

В начале XVII в. роль переводчиков Посольского приказа возрастает. В этот период данных лиц «использовали в качестве дипломатических курьеров: их отправляли с грамотами к русским дипломатам, уже находившимся за границей, а те посылали их обратно с отписками» [Переводчики..., с. 25]. Переводчики также непосредственно участвовали в переговорах русских послов и посланников и выступали в качестве приставов при иностранных дипломатах на территории Российского государства [Лисейцев, с. 168–169].

Особое положение в корпорации переводчиков Посольского приказа имели лица, отправляемые с посольствами в Крымское ханство. Как правило, они принадлежали к корпорации служилых татар Посольского приказа, «для которых переводимый ими язык был родным» [Лисейцев, с. 165] – С. Андреев, М. Ногаев и др. [Виноградов, 2021 с. 22–25]. После 1619 г. окончательно складывается порядок, по которому при отправлении каждого посольства к нему придавался опытный переводчик, как правило, уже неоднократно бывавший в Крыму. Среди плеяды таких переводчиков особое место занимал Суналей Тонаев, иногда именуемый в документах как Синалей Монаев или Томонаев [Переводчики..., с. 159]. Вероятно, он происходил из мешчерских или касимовских татар. Тонаев не являлся новокрещеном, сохранив мусульманское вероисповедание. Как и многие служилые татары Посольского приказа, Тонаев участвовал в дипломатической деятельности правительств Первого и Второго ополчений. Как установил Д. В. Лисейцев, в июле 1611 г. предполагалось отправление его вместе со С. Ушаковым в Ногайскую орду [Лисейцев, с. 370]. После 1613 г. Тонаев продолжил службу в Посольском приказе. Он дважды отправлялся с посольствами в Крым: в июле 1614 г. с кн. Г. К. Волконским и П. Овдокимовым¹; в июне 1618 г. с С. Л. Хрущевым и С. Бредихиным².

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 2.

² Там же. 1618 г. Д. 2. Л. 92.

Для карьерного роста Тонаева существенную роль сыграло его участие в посольстве Волконского и Овдокимова. Именно он читал на аудиенции, данной 11 сентября 1614 г. посланникам ханом Джанибек-Гиреем, текст шертной записи и переводил утвержденную ханом шертную грамоту³. Благодаря С. Тонаеву посланники кн. Г.К. Волконский и дьяк П. Овдокимов сумели добиться максимального соответствия текста доставленной ими в Москву шертной грамоты с первоначальным текстом шертной записи, хотя в полной мере им это не удалось [Виноградов, 2019, с. 170]. Шертная грамота после проведенного Тонаевым сличения ее текста с изготовленной в Посольском приказе шертной записью переписывалась «ближними царевыми людьми» два раза и была принята посланниками только в январе 1615 г. с оговоркой, что после ее перевода Тонаевым дипломаты вновь вернут ее приближенным хана. Крымская сторона приняла требование написать полный титул царя Михаила Федоровича, но настояла на упоминании обязательства русской стороны выплачивать поминки и «запросные деньги». Однако их точное количество указано не было, что создавало для Москвы условия для маневра при дальнейших переговорах с крымцами о количестве выплат в Крым. Вплоть до лета 1615 г. крымская сторона пыталась добиться согласия внести в шертную грамоту точное количество выплат в Крым, по крайней мере в отношении «запросных денег» — 10 тыс. руб. хану и 500 руб. калге. В конечном итоге ответственный «за московские дела» в ханском диване («амиат») Ахмед-паша «князь Сулешев» вручил посланникам окончательный текст шертной грамоты, датированный июнем 1615 г., который они и привезли в Москву. Этот текст без указания источника был опубликован Ф.Ф. Лашковым⁴. Он представляет собой слегка измененный вариант шертной записи, привезенной посланниками в Крым, на котором хан и приносил шерт в сентябре 1614 г. Изменения касались отхода от ряда формулировок по отказу от взаимных нападений. Установление союзных отношений определялось в традиционных для русско-крымских «докончаний» формах: «кто тебе брату моему друг, тот и мне друг», «кто тебе брату моему недруг, тот и мне недруг». Посланники добились исключения точного количества сумм выплат; в шертной грамоте указано,

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 56.

⁴ Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в МГАМИД (Продолжение) // ИТУАК. № 10. Симферополь, 1890. С. 12–25.

что «казну и поминки присылать по-прежнему, как у тебя (московского государя») лучится». Договор был закреплен повторным принесением шерти ханом, о чем недвусмысленно указано в его послании царю Михаилу Федоровичу, отправленном с новым крымским посольством; «перед послы твоими на Куране шерть учинил и большую нашу шертную грамоту с золотой печатью отдал послы твоему в руки»⁵.

Во время пребывания в Крыму Тонаев близко узнал главных московских «конфидентов» («амиатов») — главу крымского клана Яшлавских Ахмеда-пашу «князя Сулешева» и его брата и будущего преемника — Ибрагим-мурзу «Сулешева». С. Тонаев как переводчик участвовал в двух посольских разменах по пути в Крым в августе 1614 г. под Ливнами и в июле 1615 г. под Валуйками при обратном следовании в Москву. Возможно, он имел отношение к составлению текста шертной грамоты для приведения к шерти доверенного лица хана Ахмед-паши «князя Сулешева», хотя прямых подтверждений этому не обнаружено.

По возвращении Тонаев уже считался одним из наиболее квалифицированных в крымских делах переводчиков Посольского приказа. В феврале 1617 г. он писал грамоту персидскому шаху Аббасу I [Лисейцев, с. 370]. В июне 1618 г. его повторно отправили в Крым с посольством С.Л. Хрущева и С. Бредихина. Данное назначение, несомненно, было связано с ролью переводчика в успешном посольстве кн. Г.К. Волконского и П. Овдокимова. Судьба посольства Хрущева и Бредихина сложилась трагически, оно было захвачено запорожцами в Ельце. Тонаев разделил судьбу товарищей. Захваченный в Ельце, он был отпущен только после заключения Деулинского перемирия весной 1619 г. под Калугой. Первоначально в Москве считалось, что Тонаев погиб, как и все служилые татары, о чем сообщил прибывший 15 июля 1618 г. в столицу кречетник Маслов с известием о взятии запорожцами Ельца и о погроме русского и отпускаемого крымского посольств. Правда, Маслов утверждал, что «переводчика Суналея Томонаева видел он на остроге в те поры, как еще (запорожцы. — *А.В.*) к острогу подступали, а после того не ведал, а после того не видал жив ли он или нет, того не ведает»⁶. В 1619–1623 гг. служба Тонаева протекала в Москве. Известно, что он принимал участие в посольских при-

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 5. Л. 25.

⁶ Там же. 1618 г. Д. 4. Л. 44.

емах. 23 мая 1620 г. он состоял приставом при калмыцких послых [Лисейцев, с. 370].

Наиболее успешно Тонаев как переводчик проявил себя в посольстве в Крым Я.О. Дашкова и В. Волкова, в которое его назначили в феврале 1623 г.⁷ В истории русско-крымских отношений эта дипломатическая миссия занимает особое место благодаря исключительным обстоятельствам, в которых она очутилась при следовании в Крым и в дальнейшем в Бахчисарае. Изначально посольство направлялось к хану Джанибек-Гирею для решения вопросов, возникших при предшествующем посольстве А.В. Усова и С. Угорского – уточнению позиций сторон относительно конфликта Порты с Речью Посполитой, недовольству Бахчисарая действиями донских казаков и для решения перманентно возникающих «материальных» вопросов, касающихся выплат в Крым. Посольская размена предполагалась, как и в предшествующие годы, около Валуек, на р. Ураевой, о чем крымская сторона была извещена отправленным в декабре 1622 г. служилым татаринном Кирилом Байбериным. В Посольском приказе, исходя из опыта разменов произошедших в 1620, 1621 и 1622 гг., полагали, что и в этот раз все пройдет без осложнений. Новые посланники и «разменные послы» не имели значительного дипломатического опыта, и по устоявшемуся с 1620 г. порядку им придали опытного переводчика и несколько служилых татар, ранее бывавших в Крыму. Тонаев был именно таким лицом.

21 марта русское, а 25 марта крымское посольства прибыли в Валуйки. Началось ожидание известий о подходе крымских «встречников» во главе с Ибрагимом-пашой «князем Сулешевым», наследовавшим умершему к тому времени брату Ахмеду-паше как московскому «амиату» и главе клана Яшлавских, с отпускаемым русским и новым крымским посольствами. Ожидание затягивалось, в Посольском приказе через несколько месяцев стало нарастать беспокойство, так как сведений о происходящем в Крыму не поступало [Виноградов, 2022, с. 37–38]. Наконец, 8 июня в Валуйки прибыл служилый татарин Кирил Байберин с крымскими гонцами Магмутом «с товарищи». Байберин и крымские гонцы сообщили, что в Крыму произошел переворот, хан Джанибек-Гирей и его калга Девлет-Гирей 9 мая бежали из Бахчисарая со своими «ближними людьми». В Крыму водворился назначенный Портой хан Мухаммед-Гирей III, сын Сеадет-Гирея II, признанного в свое

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 5. Л. 3.

время Москвой претендента на крымский престол. Ибрагим-паша, перешедший со своим кланом, как и большая часть крымской знати, на сторону нового хана, извещал со своим гонцом, что он отправляется к Валуикам для совершения посольской размены. Ситуация в посольстве кардинально изменилась. Со смещением с престола Джанибек-Гирея терял силу заключенный с ним и закреплённый его шертью договор 1614 г. Терял силу и договор 1614 г. с Яшлавскими (Сулешевыми), заключенный при посольской размене под Ливнами, подтверждавший их привилегии при «ссылках» с Москвой. В Посольском приказе в спешке успели подготовить новый документ, который должен был стать основой шертной грамоты, нового хана, а также новый текст шертной грамоты, на которой должен был шертовать Ибрагим-паша при размене. Эти документы и новые инструкции посланникам были доставлены из Москвы 26 июня, накануне выступления посольств из Валуек к месту размены на р. Ураевой. С. Тонаев участвовал в переговорах разменных послов с Ибрагимом-пашой 28 и 30 июня, которые завершились принесением главой клана Яшлавских шерти на тексте предварительного соглашения с Москвой. 1 июля состоялась посольская размена, и посольство Дашкова и Волкова двинулось в Крым [Виноградов, 2022, с. 38–39].

Посольство находилось в Крыму с июля 1623 г. по ноябрь 1624 г. [Новосельский, с. 437]. Это был исключительно важный и насыщенный военно-политическими катаклизмами период истории Крымского ханства, когда Порта на время утратила контроль над крепостью Кафа и впервые не смогла сместить неудобного Стамбулу крымского хана. Главной задачей миссии было заключение нового договора с Крымом, который следовало закрепить принесением шерти ханом Мухаммед-Гиреем III, его калгой и нурадином, а также (как и в 1614 г.) «ближними царевыми людьми». Тонаеву надлежало контролировать соответствие доставленной посланниками записи тексту переведенной крымской стороной шертной грамоты, текст которой при принесении шерти зачитывал хан, «слово в слово». Затем эта грамота, оформленная по всем правилам, с подвесной «золотой печатью», вручалась посланникам, а те везли ее в Москву. Тонаев по опыту посольства 1614–1615 гг. знал, что крымская сторона могла вручить посланникам грамоту с измененным текстом. В этом случае посланники, согласно наказу, должны были потребовать ее переписать для полного соответствия.

Главная роль в переговорах с «ближними царевыми людьми» по вопросам, связанными с шертной грамотой, принадлежала именно С. Тонаеву. Он изначально являлся ключевой фигурой в составе посольства, особенно учитывая тот факт, что посланники Дашков и Волков дипломатического опыта не имели. В дальнейшем по мере обострения ситуации в русско-крымских отношениях по крайней мере вторыми посланниками стали назначаться дьяки и подьячие, имевший опыт выполнения дипломатических миссий в Крыму. В осуществлении переговоров с «ближними людьми» хана, к которым постоянно ездил С. Тонаев, ему помогали сопровождавшие его служилые татары. Они же регулярно присылались из Москвы с грамотами к посланникам, хану, калге, нурадину, а также к наиболее влиятельным лицам ханского дивана, которые по сложившейся практике русско-крымских дипломатических «ссылок» должны были вручить им лично. Это были опытные представители корпорации служилых татар Посольского приказа, ранее ездившие в Крым, выступавшие там и в роли толмачей — Гавриил Зянгилдеев, Лев Аймилдеев, Кирилл Байберин, Амангилдей Бинюков и Богдан Исенчюрин [Лисейцев, с. 389, 391–392]. Все они прекрасно знали друг друга и тесно сотрудничали с Тонаевым во время дипломатических миссий. Б. Исенчюрин, в свое время, разделил с С. Тонаевым плен у запорожцев после елецкого погрома в 1618 г., откуда исхитрился бежать в осажденную Москву, сообщив, помимо прочего, что переводчик не погиб, как ранее сообщалось. Служилые татары, как изначально состоявшие в составе посольства, так и вновь прибывшие в Крым в качестве гонцов, также сопровождали Тонаева в его многочисленных поездках «для вестей» с целью получения «неофициальным путем» информации о военно-политической ситуации в Крымском юрте и состоянии дипломатических «ссылок» хана Мухаммед-Гирея III с Речью Посполитой.

20 июля 1623 г. посланники разместились в Яшловском предместье Бахчисарая, традиционном месте пребывания русских дипломатов. Начались затяжные переговоры с Ибрагимом-пашой об аудиенции у хана. В конечном итоге она была отложена по причине выступления хана в поход за Перекоп. Положение в Крыму оставалось напряженным. Тонаев, выезжавший в Бахчисарай, выяснил, что полуострову угрожает вторжение Белгородской орды Кантемира-мурзы, врага нового хана Мухаммед-Гирея III. В Крыму ожидалось прибытие калги Шагин-Гирея, брата нового хана, который длительное время находился у шаха Аббаса I. Честолюбив-

вый и амбициозный царевич явно нацеливался на захват реальной власти в Крыму [Новосельский, с. 111].

После возвращения Мухаммед-Гирея III в Бахчисарай посланники получили у него аудиенцию, вручив 31 октября текст шертной записи⁸. Тонаев в приеме не участвовал. Было ясно, что принесение шерти ханом, если оно вообще состоится, не пройдет гладко. Еще 17 октября к посланникам прибыл эмиссар калги Шагин-Гирея, доставившей его послание⁹. Оно содержало фактический ультиматум русскому правительству. Шагин-Гирей заранее извещал русских дипломатов, что он не признает шерть брата и не будет шертовать сам без удовлетворения следующих требований: увеличения выплат хану и ему лично, а также предоставления 20 тыс. руб. «запросных денег», внесение в текст договора обязательства Москвы «свести» казаков с Дона, отказ от всяких ответных действий за нападения ногаев «Казыева улуса» (союзников Шагин-Гирея), информирование его о «ссылках» Москвы с персидским шахом¹⁰. Текст послания калги был переведен Тонаевым, но известить об этом Москву не представлялось возможным, т.к. хан запрещал отпуск служилых татар в Россию. Оставалась надежда добиться принесения шерти ханом до прибытия калги Шагин-Гирея в Крым. Тонаев неоднократно ездил с этой целью к «ближним царевым людям» (Ибрагим-паша по традиции являлся к посланникам лично). Переводчику удалось добиться определенного успеха: великий визирь Смаил-ага явно боялся Шагин-Гирея и готов был содействовать принесению шерти ханом.

Аудиенция посланников у хана состоялась 29 ноября. Перед этим она переносилась три раза, причем всякий раз посланники вызывались в Бахчисарай и возвращались обратно¹¹. Во время встречи хан принес шерть, однако опытный Тонаев не считал это успехом. Текст шертной записи, переведенной и оглашенной им, не до конца соответствовал зачитанной во время церемонии шертной грамоте. К шерти вслед за ханом не были приведены приближенные хана, «ближние царевы люди», что являлось нарушением посольского обычая. Не присутствовал на аудиенции и нурадин Девлет-Гирей. Когда посланники по совету Тонаева напомнили, что при принесении шерти ханом Джанибек-Гиреем шертовали

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 67–71.

⁹ Там же. Л. 58.

¹⁰ Там же. Л. 58–62.

¹¹ Там же. Л. 96–99.

и его «ближние люди», Мухаммед-Гирей III резко ответил, что он как новый хан будет устанавливать свои обычаи. Было отвергнуто и предложение Тонаева зачитать во время церемонии суру из Корана, присланного из Москвы и врученного в числе подарков на аудиенции 31 октября¹². Впрочем, главная задача теперь заключалась в том, чтобы получить сам текст шерстной грамоты и перевести его для определения соответствия с текстом записи, изготовленной в Москве. Причем добиться этого было желательно до прибытия калги Шагин-Гирея в Крым.

Начались изнурительные переговоры Тонаева с «ближними царевыми людьми», ответственными за изготовление шерстной грамоты, а также с Ибрагимом-пашой, который буквально каждый день являлся в Яшлов к посланникам. Приближенные хана тянули время. Тонаев, прекрасно помнивший такую же ситуацию в 1614–1615 гг., проявил исключительную настойчивость. 6 декабря он доложил посланником, что представленная «ближними царевыми людьми» грамота наверняка будет содержать некоторые изменения¹³. Наконец, 26 декабря текст шерстной грамоты был вручен посланникам Ибрагимом-пашой¹⁴. Она тотчас была переведена и зачитана посланникам Тонаевым¹⁵. Переводчик отметил неполный титул Михаила Федоровича и уловку крымской стороны, заключающуюся в приложении к грамоте черной и красной печатей (т.н. «алого нишана» наряду с традиционной подвесной «золотой печатью», что могло трактоваться как немедленное вступление договора в действие, без внесения в дальнейшем каких либо изменений. Посланники отказались принять шерстную грамоту без приведения к шерти «ближних царевых людей» и нурадина Девлет-Гирея, заявив, что «такой шерстной грамоты взять нельзя»¹⁶. Ибрагим-паша «грамоту взял и поехал к себе»¹⁷. Впрочем, 30 декабря Тонаев потребовал у Ибрагим-паши копию шерстной грамоты, которая после сделанного им перевода была отправлена в Москву. Между тем, напряженность нарастала. 14 февраля 1624 г. в Бахчисарай прибыл гонец служилый татарин Г. Зянгилдеев¹⁸. Он сообщил о назначе-

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 6. Л. 92–93; Д. 7. Л. 99–116.

¹³ Там же. Д. 6. Л. 111.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 178.

¹⁵ Там же. Л. 178–188

¹⁶ Там же. Л. 188.

¹⁷ Там же. Л. 189.

¹⁸ Там же. Л. 209.

нии в Крым новых посланников — О. Прончишева и Р. Болдарева. Второй посланник был известен тем, что осенью 1618 г. после елецкого погрома доставил в Москву крымское посольство.

Москва требовала определиться со временем посольской размены. 26 марта в Бахчисарай прибыл служилый татарин А. Бинюков¹⁹. Он доставил посланникам новые инструкции. Адресованная им указная грамота включала в себя откорректированный в Посольском приказе текст шерстной грамоты с четкими указаниями настаивать перед крымской стороной на важных изменениях²⁰. Следовало настаивать на полном написании титула царя Михаила Федоровича (крымская сторона опускала титул «самодержец» как не поддающейся переводу). Надлежало убрать поставленные внизу и вверху шерстной грамоты «черную и алую» печати, оставив только подвесную «золотую». Одобрялось отсутствие в документе обязательств выплат в Крым поминок и «запросных» денег, содержащееся в шерстной грамоте хана Джанибек-Гирея 1615 г. Посланникам предписывалось настаивать на приведении к шерти калги Шагин-Гирея и нурадина Девлет-Гирея, а также «ближних царевых людей».

Перед Тонаевым встала трудная задача: если вопрос об изменении текста грамоты в плане полного написания царского титула мог быть решен, то приведение к шерти нурадина Девлет-Гирея представлялось сомнительным. Отсутствующий в Крыму калга Шагин-Гирей вообще обусловил свое принесение шерти кардинальным изменением текста шерстной грамоты. Это подтвердили и контакты Тонаева и вновь прибывшего А. Бинюкова с «ближними царевыми людьми» и с «ближними людьми» калги.

Калга Шагин-Гирей вступил в Бахчисарай 9 мая 1624 г.²¹ В тот же день Тонаев и служилый татарин Бинюков были посланы «для вестей» в Бахчисарай²². Они сообщили, что прибывший калга стал фактическим соправителем своего брата и намерен проводить собственную политику как в отношении Порты, так и сопредельных государств Восточной Европы — Польско-Литовского и Российского. Правда, пока планы калги были до конца не ясны. Посланники приняли решение в очередной раз настаивать перед «ближними царевыми людьми» на решении вопроса о шерстной грамоте. Последующие дни Тонаев вел переговоры с «ближними царевыми

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 7. Л. 222.

²⁰ Там же. Д. 11. Л. 54–100.

²¹ Там же. Д. 7. Л. 12.

²² Там же. Л. 12.

людьми» Ибрагим-пашой, казначеем Мусафером-агой, Алгазой-агой²³. В эти дни в Бахчисарай из Москвы прибыл гонец, служилый татарин Б. Исенчюрин, давний сослуживец С. Тонаева, вместе с которым он отправился к казначею Мусаферу-аге «с государственными грамотами и жалованием»²⁴. Наконец 23 мая 1624 г. Тонаев был отправлен посланниками с приглашением «вычесть шертную грамоту» к Ибрагим-паше. Переговоры посланников с Ибрагим-пашой в их резиденции, Яшловском предместье, завершились провалом. Глава клана Яшлавских держался напряженно и, по существу, от переговоров уклонился²⁵. Причина такого поведения стала ясна в тот же день.

В мае 1624 г. государственное положение Крымского ханства серьезно осложнилось: в Кафе с османскими войсками высадился вновь назначенный Портой ханом Джанибек-Гирей. Тонаев узнал об этом 23 мая, когда он после визита к посланникам Ибрагим-паши был ими послан к Алгазе-аге и Мусаферу-аге²⁶. Стало ясно, что вопрос об изменении текста шертной грамоты усложняется. В условиях возможного водворения в Бахчисарае хана Джанибек-Гирея он вообще терял всякий смысл. Тем не менее посланники исходя из данных им инструкций, продолжали попытки, тем более что 24 мая Ибрагим-паша объявил посланникам о вызове их на аудиенцию к калге Шагин-Гирею²⁷. Аудиенция состоялась в тот же день в полевой ставке Шагин-Гирея на р. Альма, откуда он должен был выступить к Кафе. Посланники с обозом, нагруженным поминками калге и жалованием его ближним людям, прибыли в ставку царевича. Тонаев на аудиенцию не пошел, оставленный в лагере посланников надзирать над обозом.

Аудиенция ознаменовалась конфликтом русских дипломатов с Шагин-Гиреем, не только отказавшимся вопреки приказу хана приносить шерть, но и потребовавшим немедленной выплаты ему запросных денег в количестве 20 тыс. руб. и предоставления реестра жалования своим «ближним людям», которое он собирался лично распределять по своему усмотрению. Шагин-Гирей вообще занял антимосковскую позицию, заявив, что он будет требовать у брата изменений в шертной грамоте, чтобы внести в нее требо-

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 237; 1624 г. Д. 7. Л. 12, 13.

²⁴ Там же. 1623 г. Д. 7. Л. 243.

²⁵ Там же. 1624 г. Д. 7. Л. 14–16.

²⁶ Там же. Д. 7. Л. 16–17.

²⁷ Там же. Д. 7. Л. 18.

вание свести с Дона казаков и определить точную сумму выплат в Крым. Шагин-Гирей поминки принял, но поведал при этом, что московский государь вообще «крымских царей ни во что поставил» по сравнению с турецким султаном и персидским шахом. После этих, по выражению А.А. Новосельского «бессвязных заявлений» [Новосельский, с. 124], приняв несколько «достаканов» с медом (посланники от этой чести оказались) Шагин-Гирей «обрадовал» Дашкова и Волкова заявлением о том, что шах Аббас I «повелел» ему блюсти мир с Москвой и выпроводил их вон²⁸.

Ибрагим-паша на аудиенции хранил молчание, а после ее окончания быстро скрылся. Обескураженные Дашков и Волков вернулись в свой лагерь, куда сразу же после них прибыл капучейский голова калги с требованием отправления всего жалования «ближним людям» Шагин-Гирея непосредственно к нему. Посланники отказались, заявив, что Тонаев будет послан к главному из «ближних людей» калги для распределения жалования. Тогда капучейский голова потребовал немедленно отправить к калге Тонаева. Посланники отказались. Разъяренный капучейский голова удалился, а русские дипломаты надеялись, что уже сворачивавшей свою полевую ставку калга оставит их в покое. Однако когда они двинулись обратно в Бахчисарай, их караван был окружен войсками Шагин-Гирея, демонстративно явившимся к ним во главе отряда призванных им в Крым «запорожских черкас». Калга приказал им силой взять всю «посылку» из обоза. Протесты не имели силы. Черкасы избили посланников и Тонаева. Калга Шагин-Гирей повез захваченный обоз к месту смотра своих отрядов, выступавших на Кафу. Внезапно появившейся Ибрагим-паша заявил, что доложит обо всем хану²⁹. На следующий день, 25 мая, Тонаев и Бинюков были посланы к новому великому визирю Алгазе-аге и казначею Мусаферу-аге с протестом против действий калги. «Ближние люди» хана дали понять, что в сложившихся обстоятельствах хан не может порицать действия брата³⁰.

Между тем новое русское посольство О. Прончищева и Р. Болдарева с отпущенным крымским посольством и «разменными» послами» окольников А.В. Измаловым и дьяком Ф. Степановым находились в крепости Валуйки, куда они прибыли еще 18 апреля

²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 245–254; 1624 г. Д. 7. Л. 18–25.

²⁹ Там же. 1624 г. Д. 7. Л. 25–28.

³⁰ Там же. Д. 7. Л. 28–30.

1624 г.³¹ Прибывшей еще 24 мая гонец служилый татарин Б. Исенчюрин³² привез посланникам Дашкову и Волкову указную грамоту от имени государя с предписанием немедленно выступить для размены к Валуйкам как только хан вручит им переписанную шертную грамоту. 28 мая от «разменных» послов Измайлова и Степанова из Валуйки прибыл служилый татарин Дмитрий Емлин с известием, что они «стоят на Валуйке долгое время» и с требованием, чтобы об этом был извещен Ибрагим-паша³³. «Разменные» послы в Валуйках, не говоря уже о Посольском приказе, не имели понятия о событиях в Крыму. Измайлов и Степановым только 31 июля получили «с Дона» «список крымских вестей» от находящегося в Азове следовавшего в Стамбул посланника Ивана Бегичева, немедленно переправленный в Москву³⁴. Впрочем, о переговорах о шертной грамоте и даже об отпусковой аудиенции без ее переписывания ханом размышлять посланникам и Тонаеву было бессмысленно. 31 мая хан Мухаммед-Гирей III с «ближними людьми» (в том числе с Ибрагим-пашой) выступил из Бахчисарая на Кафу³⁵. Первоначально казалось, что сопротивление Порте мятежных ханов и калги будет сломлено в ближайшее время. 6 июня Тонаев и служилые татары в Бахчисарае получили сведения о вялотекущей блокаде Кафы войсками хана и калги, 20 июня о новом фирмане Порты, подтверждающем назначение ханом Джанибек-Гирея³⁶. Однако 15 июля хан Мухаммед-Гирей III прислал к посланникам ярлык, «написанный своей рукою», с требованием доставить под Кафу грамоты и поминки, присланные с Б. Исенчюриным³⁷. В тот же день посланники решили послать под Кафу к хану и к калге вместе с Исенчюриным Тонаева с задачей убедить «ближних людей хана» переписать шертную грамоту и привести к шерти калгу³⁸.

Русские дипломаты надеялись, что в тяжелой ситуации хан Мухаммед-Гирей III пойдет на подтверждение добрососедства с Москвой. Однако, буквально вечером того же дня посланникам стало известно о победе хана и калги над османскими войсками, которые опрометчиво выступили из Кафы на Бахчисарай, поверив

³¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 42.

³² Там же. Д. 7. Л. 14.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ Там же. Д. 2. Л. 46.

³⁵ Там же. Д. 7. Л. 30.

³⁶ Там же. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 32.

³⁸ Там же.

картине ложного бегства ханских войск из-под стен крепости³⁹. В пути они попали в засаду и были разгромлены. В общей сумятице Шагин-Гирей занял оставленную османскими войсками Кафу, а Джанибек-Гирей бежал в Стамбул, большая часть его «ближних людей» принесли повинную Мухаммед-Гирею III. В этих обстоятельствах Тонаев и Исенчюрин и отправились под Кафу. 2 августа они вернулись в Яшлов с сообщением, что были под Кафой на аудиенции у хана и «отдали государевы грамоты и поминки»⁴⁰. Вопрос о шертовании калги хан обсуждать отказался.

6 августа Мухаммед-Гирей III, не желавший «без разрешения» Порты вступать в османскую крепость, триумфатором вернулся в Бахчисарай⁴¹. Шагин-Гирей остался в Кафе. В течение августа посланники вновь предприняли попытку уговорить ближних людей хана переписать шертную грамоту, направляя к ним Тонаева, но получили отказ — решать вопрос должен был калга Шагин-Гирей⁴². Находившийся в зените славы калга в очередной раз потребовал внесения в шертную грамоту точного количества выплат в Крым и хану и себе и обязательства «свести в Дона казаков». 8 сентября Ибрагим-паша привез посланникам шертную грамоту, в которую были внесены эти требования калги. Посланники отказались ее принять⁴³.

Неоднократные попытки посланников повлиять на ближних людей хана окончились провалом. Фактически власть в Крыму принадлежала Шагин-Гирею. В сентябре в Кафе он устроил погром захваченному в Керчи русскому посольству Ивана Бегичева, следовавшему в Стамбул с отпущенным чавушем. Весь состав посольства был истреблен, османский чавуш пленен [Новосельский, с. 123; Смирнов, с. 17–18]. 10 сентября к посланникам прибыл ближний человек калги аталык Араслан с посланием от Шагин-Гирея⁴⁴. Калга извещал, что принесет шерть только после принятия его требований. 11 сентября Тонаев и служилые татары поехали к хану со списком шертной грамоты, на котором хан шертовал 29 ноября с тем, чтобы попросить разъяснения Мухаммед-Гирея III

³⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 7. Л. 33.

⁴⁰ Там же. 1623 г. Д. 7. Л. 264.

⁴¹ Там же. 1624 г. Д. 7. Л. 34.

⁴² Там же. Л. 34–37.

⁴³ Там же. 1623 г. Д. 7. Л. 271.

⁴⁴ Там же. Л. 282.

действиям брата, истребившего русское посольство⁴⁵. Хан отказался принять Тонаева и служилых татар, передав через капучеев, что он получил фирман Порты о своем утверждении ханом. Стало ясно, что в Стамбуле все действия мятежных братьев оставят без последствий [Новосельский, с. 126]. Затем Мухаммед-Гирей III отправился в Кафу, которую Шагин-Гирей сдал вновь прибывшим османским войскам, где после оглашения фирмана Порты был торжественно провозглашен ханом. В Кафе хан назначил нового нурадина вместо скончавшегося Девлет-Гирея. Им стал Азамат-Гирей, уже бывший нурадином при Джанибек-Гирее, вместе с которым он прибыл в Кафу, но после его бегства принес повинную Мухаммед-Гирею III. Ранее, при Джанибек-Гирее, он в целом сохранял относительно ровные отношения с русскими дипломатами в Крыму, но теперь от контактов с посланниками устранился. Между тем, согласно наказу, посланникам надо было привести его к шерти.

Для русских дипломатов в Крыму настало тяжелое время. Амбиции Шагин-Гирея росли. Калга известил шаха Аббаса I о своем твердом намерении порвать с Портой [Новосельский, с. 126]. Он вынашивал замыслы союза с Речью Посполитой и Белгородской Ордой Кантемира-мурзы против Османской империи, а в перспективе и против Москвы [Флоря, с. 97], и угрожал посланникам нападениям на «московские уkraine». Его ближние люди при попустительстве Ибрагим-паши силой изъяли у посланников оставшуюся часть «государевой казны» и вообще все имущество. Посланники, оставшиеся без средств к существованию, пытались повлиять на хана с тем, чтобы при его отказе переписать шертную грамоту и отказе калги принести шерть он отпустил их из Крыма. Между тем стоящие в Валуйках русское и крымское посольства в августе и сентябре были отведены в Елец. Русским дипломатам в Крыму, лишенным возможности сослаться с Москвой, было необходимо любой ценой добиться согласия хана и калги на посольскую размену. Сразу после возвращения Мухаммед-Гирей III и Шагин-Гирей в Бахчисарай 18 сентября Тонаев был вызван к калге, который передал ему очередные запросы⁴⁶. Речь шла уже о требовании заранее оповестить его о количестве всех выплат, которые доставит новое русское посольство. Требования калги оказались не-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 285.

⁴⁶ Там же. Л. 289.

приемлемыми даже его брату. В октябре Тонаеву удалось добиться у «ближних царевых людей» аудиенции посланников у хана. Между ханом и калгой нарастала напряженность. Мухаммед-Гирей III был обеспокоен амбициозными планами Шагин-Гирея, особенно его ссылками с шахом Аббасом I [Новосельский, с. 126], и не желал разрыва с Москвой. В конечном итоге Шагин-Гирей согласился на отпуск русского посольства при условии предъявления отпускаемым посланникам своих очередных требований.

Пребывание посольства Дашкова и Волкова в Крыму подходило к концу. Перед отпуском посольства в Москву направились служилый татарин А. Бинюков и большая группа крымских гонцов, которые должны были уведомить русских «разменных послов» об отпуске русского посольства и далее по прибытии в Москву доставить послания хана с фактическим отказом от принесения шерти его калгой и нурадином. Шагин-Гирей в Москву своего гонца не послал. Одновременно в Речь Посполитую по его инициативе направлялось крымское посольство главы клана наследственных «гомьятов литовского короля» Сеферь-Газы «Куликова». Бинюков в середине октября прибыл в Елец, сообщив разменным послам о скорой размене и отправился дальше в Москву. 8 ноября из Посольского приказа последовала указная грамота о выдвигении русского и крымского посольств из Ельца к Валуйкам. Однако отпуск посольства Дашкова и Волкова был еще не очевиден. Накануне отпуски посольства Шагин-Гирей проявил себя агрессивно, 25 октября он потребовал к себе Тонаева с росписью всех выплат и «расспросом, что преже сего калгам прислано»⁴⁷. После очередного отклонения протеста посланников перед Ибрагим-пашой, который по определению А.А. Новосельского в это время «был склонен к смягчению всех острых конфликтов» [Новосельский, с. 126], Тонаев отправился к Шагин-Гирею. Переговоры с калгой, которые С. Тонаев вел вместе с К. Байбериным и Б. Исенчюриным, ознаменовались очередным, на этот раз уже последним, конфликтом с Шагин-Гиреем. Тонаев заявил, что сумма выплат запрошенных денег всем калгам по соглашению 1591–1593 гг. между ханом Гази-Гиреем II и московским государем (в реальности Б. Годунвым) составляла 500 руб. при каждой посольской размене, а количество поминок вообще не фиксировалось, выплаты осуществляются исходя «из доброго дела». Взбешенный Шагин-Гирей угрожал не

⁴⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 19. Л. 3.

допустить отпуска посольства⁴⁸. 26 октября хан дал посланникам отпускную аудиенцию, на которой им было объявили, что крымских «встречников» вновь будет возглавлять Ибрагим-паша⁴⁹. Тонаев в аудиенции не участвовал, в тот день он был вызван к Шаги-Гирею, вновь объявившему об отказе принести шерть. На следующий день русское посольство выступило из Яшлова к Перекопу⁵⁰.

Пребывание посольства в Перекопе затянулось, калга в очередной раз потребовал у хана задержания посольства, но Мухаммед-Гирей III на это не пошел. По прибытии крымского посольства и «встречников» во главе с Ибрагим-пашой, посланники 13 ноября выступили из Перекопа⁵¹. В пути Тонаев участвовал в традиционных препирательствах посланников с Ибрагим-пашой относительно порядка следования к Валуйкам, в конечном итоге настояв на предварительном направлении туда 29 ноября К. Байберина и крымских гонцов. Русские и крымские посольства с «разменными» послами прибыли из Ельца к Валуйкам только 26 ноября и уже 5 декабря выступили к р. Ураевой. 8 декабря 1624 г. оба посольства, следовавшие из Крыма, также прибыли на размену к реке⁵². Вечером 8 декабря Дашков и Волков вместе с Тонаевым прибыли в русский лагерь и были «расспрошены» об исполнении ими посольства⁵³. 9 декабря при их участии были проведены предварительные переговоры с Ибрагим-пашой. Утром 10 декабря Тонаев участвовал вместе с Дашковым и Волковым в официальных переговорах разменных послов Измайлова и Степанова с Ибрагим-пашой с участием крымских мурз-«встречников», а также русских послов О. Прончищева и Р. Болдырева и крымских послов во главе с Мустафой-мурзой в «съездем шатре»⁵⁴. В переговорах участвовал и переводчик нового русского посольства С. Андреев. В объемной речи второго «разменного посла» Ф. Степанова Ибрагим-паше были изложены все его «неправды» за период пребывания русского посольства в Крыму. Ибрагим-паша, признав все обвинения, предложил повторно привести его к шерти. Предложение было принято, Тонаев вместе с Андреевым составили текст шертной

⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 19. Л. 4.

⁴⁹ Там же. 1623 г. Д. 7. Л. 313–316.

⁵⁰ Там же. Л. 316–317.

⁵¹ Там же. Л. 319.

⁵² Там же. Л. 323.

⁵³ Там же. 1624 г. Д. 3. Л. 51–53.

⁵⁴ Там же. Л. 82–118.

записи, и 10 декабря Ибрагим-паша принес шерть. Решение послов и посланников было вызвано необходимостью дать хоть какие-то гарантии безопасности посольству Прончищева и Болдарева. Как показали последующие события, Ибрагим-паша своих обязательств не выполнил, русским посланникам и переводчику Андрееву пришлось испытать на себе новые притеснения со стороны Шагин-Гирея. Размена состоялась 10 декабря⁵⁵. 11 декабря отпущенное русское посольство с «разменными послами» и крымским посольством двинулось от р. Ураевой к Валуикам и далее к Москве⁵⁶.

Посольство Дашкова и Волкова не смогло заключить полноценное «докончание» с Крымом. Повторное принесение шерти ханом с приведением к ней калги и нурадина было сорвано. Тем не менее действия посланников, служилых татар и переводчика в Москве были оценены как единственно возможные, что нашло отражение в «Приговоре двух великих государей о крымском деле»⁵⁷, составленном после провала переговоров.

Тонаев получил прибавку к окладу и продолжил службу в Посольском приказе [Лисейцев, с. 370]. Последним его назначением стало отправление в Турцию с посольством С. Яковлева и П. Овдокимова. 20 июля 1628 г. русский посланник в Крыму С.И. Тарбеев был извещен из Гезлева дьяком П. Овдокимовым о том, что «Суналей Танаев болен и не говорит» [Савелов, с. 101]. Дьяк Овдокимов, сослуживец Тонаева по посольству кн. Г.К. Волконского в Крым в 1614–1615 гг., вероятно придал болезни Тонаева большое значение. Можно с уверенностью утверждать, что Тонаев скончался в крымском порту Гезлеве в июле 1628 г. Так закончилась жизнь этого незаурядного переводчика Посольского приказа.

Литература

- Виноградов А.В.* Русско-крымские посольские размены 1620–1623 гг. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 7. Белгород, 2022. С. 26–40.
- Виноградов А.В.* Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 22–27.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 118.

⁵⁶ Там же. Л. 123.

⁵⁷ Там же. Д. 18. Л. 7–14.

- Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158–174.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты М., 2003.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. М., 2019.
- Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. II. М., 1946.
- Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 96–111.

«И ныне обучаютца тех вышеписанных языков с прилежанием»: к вопросу о подготовке переводчиков Коллегии иностранных дел (по материалам посольства А. П. Волынского в Иран 1715–1718 гг.)

В эпоху Петра I в России усилился интерес к Востоку. Выходили в свет как переводные, так и отечественные исследования о народах Азии. Дважды в 1710 и 1716 гг. «повелением царского величества» в Москве издавали «Географию или краткое земнаго круга описание». В книге неизвестного автора приведены данные о политическом устройстве, религии, международных связях многих стран, в том числе «Государства турецкого» и «Царства персидского» [География, 1710, 1716].

Перелом в Северной войне (1700–1721 гг.), обозначившийся победой русской армии под Полтавой 1709 г., неудачное завершение Русско-турецкой войны 1710–1713 гг., активизировавшее турецкую экспансию на северо-западные территории слабеющей Персии, вынуждали Петра I спешить с реализацией восточной политики Российского государства. Устремления царя вышли за пределы Европы на просторы Мирового океана и древние торговые пути Центральной Азии [Воробьева, с. 26–33].

Важным этапом в изучении Востока стало учреждение новых постоянных посольств и консульств России в ряде государств, в частности в Персии¹. На рубеже XVII–XVIII вв. государство Сефевидов переживало смутные времена. Многочисленные восстания и мятежи, охватившие страну в период правления шаха Султан-Хусейна, привели к окончательному разложению некогда

¹ В начале XVIII в. Россия имела шесть постоянных миссий: в Польше, Голландии, Швеции, Дании, Австрии и Турции. К 1719 г. были учреждены еще четыре: во Франции, Пруссии, Англии, Гамбурге. В ряде стран находились российские консулы, осуществлявшие функции дипломатических представителей и защищавшие торгово-экономические интересы России. В 1702 г. в Москве находилось шесть иностранных резидентов. К моменту учреждения Коллегии их было уже одиннадцать.

могущественной державы. Резкое ухудшение положения Персии, имевшей для Петра I политическое значение в его борьбе с восточными экспансивными устремлениями Турции, а также отсутствие своевременной и достоверной информации о ситуации в стране побудили царя организовать в Иране дипломатическое представительство².

В историографии утвердилось мнение, что в 1697–1698 гг. из Москвы в столицу персидского государства г. Исфахан направили резидента Василия Кучукова [Бушев, с. 8]. Выявленные автором настоящего сообщения новые документы АВПРИ, в частности, выписка из статейного списка о пребывании и расходах резидента В. Кучукова в Персии³, а также опубликованные справочные материалы РГАДА позволяют предположить, что это событие произошло в период между 1701–1704 гг. [Демидова, с. 307]. Миссия закончилась безрезультатно.

В 1715 г. из Москвы в Персию направили посольство подполковника А.П. Волынского. В данной ему инструкции были сформулированы цели деятельности и широкий фронт задач. О важности мероприятия свидетельствует тот факт, что царь лично контролировал его организацию на всех этапах. Одной из задач дипломатической миссии стала подготовка новых специалистов по восточным языкам. Исследователям истории отечественной дипломатии и российско-иранских отношений первой четверти XVIII в. хорошо знакомо имя Артемия Петровича Волынского (1689–1740), в том числе в связи с его деятельностью в качестве посланника России в Персии в 1715–1718 гг. В монографиях В.И. Лебедева [Лебедев], П.П. Бушева [Бушев], Ф.М. Алиева [Алиев], И.В. Курукина [Курукин], статье О.А. Глушковой [Глушкова] проанализированы подготовка, ход, результаты и значение миссии Волынского, а также его личный вклад в осуществление восточной политики России в Иране накануне падения Сефевидского государства, завоевания его афганцами и Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.).

² 1586 г. принято считать годом установления дипломатических российско-иранских отношений. До XVIII в. наиболее распространенной формой регулярных политических взаимоотношений между Россией и Персией был обмен посольствами. Известны миссии в Персию русских послов Н. Алексева (1676 г.), С.К. Чирикова (1678 г.), И. Силина (1682 г.), К. Христофорова (1684–1691 гг.), С. Порецкого (1697–1699 гг.). Их основная задача заключалась в установлении дружеских отношений между дворами и к ведению переговоров с целью подписания соглашений и договоров.

³ АВПРИ. Ф. Сношения с Персией. Оп. 7. Д. 2. Л. 1–5.

Вместе с тем уже более трехсот лет остаются малоизвестными или вовсе неизученными многие аспекты этого чрезвычайно важного события. Слабо разработанными являются вопросы лингвистического обеспечения российских дипломатов в Персии и на Востоке в целом в первой четверти XVIII в., роль посольств России в становлении отечественной школы ориентальных языков, деятельность переводчиков и толмачей, государственная политика и формирование переводческой службы Коллегии иностранных дел (далее КИД) в эпоху Петра I, прорубившего окно не только в Европу, но и распахнувшего его на Восток.

До настоящего времени нам неизвестны работы, специально посвященные этой тематике. В диссертационном исследовании о вкладе дипломатического ведомства Российской империи в изучение Востока в XVIII – начале XX в. В.Г. Воловников тезисно отметил факты направления в Персию в составе миссии Волинского пяти человек для обучения ориентальным языкам и выделения специальных штатных мест для учеников при российских миссиях в странах Востока [Воловников, с. 7].

В статье Е.В. Воеводы о подготовке российских переводчиков-ориенталистов в Персии в первой половине XVIII в. осуществлена попытка выявить биографии учеников, находившихся при миссии Волинского, этапы их становления переводчиками [Воевода]. Исследование написано по материалам Архива внешней политики Российской империи МИД России, это является безусловным его достоинством. Вместе с тем изучение дел одного фонда «Сношения России с Персией», как и ограниченный объем научной статьи (в которой интересующей нас теме посвящены три абзаца) привело автора к констатации отрывистых и не вполне верных заключений. В частности, вывод о том, что переводчик и учитель восточных языков КИД Михаил Нелединский (Алединский), смог по достоинству оценить знания служившего в Казани канцеляриста Г.И. Ангельцова только во время своего визита в город вместе с императором Петром I в 1722 г. не основателен [Воевода, с. 25]. Михаил Алединский – это, прибывший из Персии в 1719 г. в Россию и крестившийся мулла Зеки⁴ (у Е.В. Воеводы Мулла Зенк). Он обучал Ангельцова наряду с другими учениками посольства Волинского с 1717 г.⁵ Таким образом, встреча для них не была новым

⁴ См. приложение № 4, 5.

⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

знакомством. Алединский дал своему бывшему студенту рекомендательное письмо в КИД и заплатил подъемные деньги для его переезда в Москву⁶. Таким образом, деятельность Волынского и его подчиненных безусловно нуждается в дальнейшем исследовании.

Перед посольством Волынского было поставлено большое число задач. Петра Великого интересовали поворот «шелкового пути» от Алеппо и Смирны (Измира) на Волгу, установление через персидскую территорию «коммерции» с Индией сухопутным или «водяным путем». Российскому посланнику надлежало «проведывать» о географических и экономических условиях северных прикаспийских провинций Персии, изучить «все места, пристани, и города, и прочие поселения, и положения мест», узнать «есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие» и «какие где в море Каспийское реки большие впадают». В этом пункте Петр I собственноручно дополнил: «и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая б впала в сие море». Еще царя интересовало, «какие горы и непроходимые места... отделили Гилян и протчие провинции, по Каспийскому морю лежащие, от Персиды» и т.д. Также планировалось заключение торгового договора с шахом Султан-Хусейном, «чтоб позволено было российским купцам во всей Персиде свободной торг и повелено б было покупать всякие товары, как и у его царского величества в землях. А особливо трудится ему пристойными способами, чтоб во области его шаховой в Гиляне и в протчих провинциях позволено было российским купцам шолк сырец покупать и... вывозить» [Алиев, с. 87–88].

Несмотря на высочайший контроль, на практике организация посольства в Персию шла с огрехами и множественными бюрократическими проволочками. Волынский прибыл из Петербурга в Москву 28 июля 1715 г. и только спустя четыре месяца смог продолжить путь. Всего в посольстве Волынского состояло 72 человека. Подробное изучение этой миссии должно стать предметом специальной работы. В данной публикации систематизируются сведения, касающиеся группы учеников ориентальных языков, принявших участие в миссии Волынского.

Посольство сопровождали два переводчика Посольского приказа – Василий Курдевский и Кутлумабет (Махмет) Тонкачев. Примечательно, что первый владел турецким, греческим и ита-

⁶ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–5.

льянскими языками, а второй — татарским и турецким [Переводчики..., с. 262, 267]. Из-за отсутствия в дипломатическом ведомстве переводчиков с персидского языка был издан Сенатский указ о выборе из московских Латинских школ (Славяно-греко-латинской академии) для изучения восточных языков «робят добрых, молодых пять человек, таких которые б по меньшей мере грамматику выучили [то есть закончивших третий класс грамматики из восьми существовавших в Академии. — *Н.В.*] для посылки в Персиду при посланнике Волынском для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому, а выбрав отдать их в Посольский приказ»⁷.

Состав ученической группы оказался смешанным. На сегодняшний день об учениках, попавших в посольство Волынского, и их дальнейшей карьере удалось собрать некоторые сведения.

Федор Спиридонович Сеньюков Меньшой⁸ родился в 1696 г. Происходил из дворян г. Ефремова. В 1715 г. поступил на службу подьячим в Посольский приказ. В 1715—1718 гг. обучался ориентальным языкам в Персии. В 1719 г. продолжил учебу в Санкт-Петербурге. В 1720 г., предположительно, из-за конфликта с учителем муллой Зеки (Михаилом Алединским)⁹ направлен в российское посольство в Константинополе для изучения турецкого языка. В 1728—1734 гг. служил переводчиком в Константинопольской миссии¹⁰. 23 января 1734 г. назначен секретарем Ориентальной экспедиции КИД¹¹. В 1735 г. ему присвоили чин капитана¹². В 1740—1741 гг. — переводчик посольства России в Турции. С 17 сентября 1745 г. — секретарь в Московской конторе и архиве КИД. 16 августа 1760 г. уволен в отставку с производством в надворные советники. Скончался 19 марта 1786 г.¹³ [Серов, с. 70].

⁷ ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 189.

⁸ Его двоюродным братом являлся Сеньюков Федор Антипович, происходивший из дворян г. Ефремова. С 15 августа 1707 г. Ф.А. Сеньюков служил подьячим Посольского приказа. Участник Северной войны 1700—1721 гг. В июле 1711—1714 гг. находился в Турции при П.П. Шафирове, с 31 октября 1712 по апрель 1713 г. содержался в турецкой тюрьме. Сотрудник российской делегации на Аландском конгрессе 1717—1718 гг. С июня 1718 г. канцелярист Секретной экспедиции Посольской канцелярии, с 15 февраля 1720 г. канцелярист той же экспедиции Коллегии Иностранных дел. Скончался после 1722 г. [Серов, с. 70].

⁹ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 977.

¹⁰ Там же. Д. 2449, 1239.

¹¹ Там же. Д. 528. Л. 7—9 об.

¹² Там же. Д. 2653.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 8122. Ч. 2. Л. 648—648 об.

Лаврентий Власов – подьячий Монастырского приказа. В 1715–1718 гг. обучался ориентальным языкам в Персии. В 1719 г. служил канцеляристом при астраханском-генерал-губернаторе А.П. Вольнском. С июня 1722 г. – курьер при консуле-резиденте С.А. Аврамове в Персии¹⁴. Примечательно, что в связи с нестабильной внутривластной ситуацией в стране Лаврентий Власов и грек Димитрий Петричис, ранее служивший толмачом при миссии Вольнского, имели инструкции и полномочия в случае пленения «ребелизантами» или гибели Аврамова исполнять его обязанности¹⁵.

Гаврило Ангельцов – ученик Славяно-греко-латинской академии. В 1715–1718 гг. обучался ориентальным языкам в Персии. По возвращении в Москву определения на службу не получил. В апреле 1720 г. подал прошение о приеме канцеляристом в КИД, которое не было удовлетворено¹⁶. С 1722 г. – канцелярист в Казани. Здесь его нашел бывший учитель переводчик КИД М. Алединский, принявший живое участие в судьбе ученика. Рекомендательное письмо, в котором сообщалось, что канцлер Г.И. Головкин «приказал» взять Ангельцова в Коллегию, не было достаточным аргументом для трудоустройства, требовался указ о назначении. Пока шло оформление документов Ангельцову повелевалось «быть в публичной апартементе и вперед до определения за копииста»¹⁷. Е.В. Воевода сообщает, что в 1723 г. Ангельцова направили «для переводу и толмачества турецкого языка в Гилян». Там он якобы служил три года, после чего подал прошение о возвращении в Казань [Воевода, с. 25]. Действительно, 20 апреля 1723 г. по решению КИД Ангельцова командировали в Гилян к консулу капитану А. Баскакову. Однако путь его лежал дальше в Грузию «зело по требованию тамошняго прынца Вахтанга для обучения грузинского языка». Проехать в Грузию не удалось, и 12 июня 1723 г. Ангельцов вернулся в Санкт-Петербург¹⁸. 19 ноября 1723 г. его определили учеником при переводчике турецкого языка в КИД. В 1724 г. – направлен

¹⁴ В связи с отъездом посланника А.П. Вольнского из Персии в 1718 г. секретарь Ориентальной экспедиции Коллегии иностранных дел, переводчик С.А. Аврамов, первый российский консул в Персии (1720–1723 гг.) фактически стал первым резидентом российского государства при дворе персидского шаха [Бушев, с. 179].

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 15. Л. 89, 89 об.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2101. Л. 1–4.

¹⁷ Там же. Д. 1054. Ч. 2. Л. 4–4 об.

¹⁸ Там же. Д. 1072. Л. 4

в Константинополь для совершенствования турецкого языка¹⁹. Состоял при чрезвычайном посланнике А.И. Румянцеве, занимавшемся вопросами размена ратификациями Константинопольского договора 1724 г. Затем переводчик с татарского языка в Московской конторе КИД. В 1725 г. по собственному прошению возвратился в Казань²⁰.

Алексей Дмитриевич Почайнов – из чтецов Печатного двора. В декабре 1704–1718 г. служил в Посольском приказе [Переводчики..., с. 264–265]. В 1708 г. – переводчик латинского и греческого языков в Константинополе [Базарова, с. 11]. В 1715–1718 г. «Греческой школы ученик»²¹. В 1715–1718 г. обучался ориентальным языкам в Персии. С 1719 г. переводчик латинского, греческого и турецкого языков в КИД. 24 марта 1720 г. Почайнов стал первым профессиональным архивариусом в России. На основании инструкции «О разборке и описании дел архивов Коллегии» он должен был сначала систематизировать дела архива Коллегии в Санкт-Петербурге, а затем в Москве и «тамо обретающиеся в Посольском приказе государственные и прочие старинные дела, взяв ведомость, что по прежним указам там разобрано, разобрать и учинить оным обстоятельное описание по государствам и регистрам с номерами». Документы в «столбцах» следовало переплести в книги, «расклея столпы против данного ему образца»²². В 1721 г. Почайнова назначили управляющим архивом КИД в Санкт-Петербурге. После систематизации документы, утратившие практическое значение, а также наиболее ценные, например трактаты, незамедлительно направлялись в исторический архив в Москве. Примечательно, что уже в конце 1720 г. оба архива выполняли справочную работу по поручениям руководства КИД²³.

Дмитрий Кириллович Чегодарев, можно сказать, происходил из «филологической семьи» (его родные братья Зот Чегодарев и Иван Чегодарев служили в Посольском приказе курьерами и толмачами греческого, турецкого, валашского и венгерского языков)²⁴. В 1715–1718 г. он обучался ориентальным языкам в Персии, затем

¹⁹ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1054. Ч. 2. Л. 5–5 об.; Д. 1072. Л. 8–9.

²⁰ Там же. Ф. 77. Оп. 1. 1725 г. Д. 15. Л. 1–1 об.

²¹ Там же. 1722 г. Д. 27. Л. 1.

²² Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1. Л. 260.

²³ Там же. Л. 32–32 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1706 г. Д. 81; Оп. 2. 1712 г. Д. 60; 1714 г. Д. 118; 1717 г. Д. 21; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. 1720 г. Д. 2097. Л. 1–4 об.; Ф. 15. Оп. 3. 1721 г. Д. 72.

продолжил их изучение с учителем ориентальных языков муллой Зеки (Михаилом Алединским) в Санкт-Петербурге. В июле 1726 г. направлен в «новый тражемент» к бригадиру П. В. Измайлову «для перевода турецких писем» по делам Комиссии, занимавшейся возвращением пленных²⁵.

Судя по всему, в посольстве Волынского был и шестой ученик — Алексей Куприянов. Е. В. Воевода полагает, что Куприянов и Почайнов — это один и тот же человек [Воевода, с. 25]. Однако эта версия не находит документального подтверждения и, вероятно, объясняется тем, что в источниках и в литературе говорится о пяти учениках, в то время как в архивных материалах указывается то Алексей Почайнов, то Алексей Куприянов. Между тем, это разные люди, получавшие каждый свое жалование и кормовые деньги (см. приложение). Алексей Куприянов (Киприянов, Купреянов) в 1715—1718 гг. был учеником ориентальных языков в Персии, затем при мулле Зеки продолжил обучение в Санкт-Петербурге (см. приложение)²⁶.

Несмотря на неполный характер установленных сведений об учениках посольства Волынского (1715—1718 гг.) можно с уверенностью сказать, что посланник заблуждался, когда в реляции от 2 ноября 1715 г. докладывал канцлеру Г. И. Головкину, что казенные деньги, выданные студентам, видимо «пропали напрасно», так как «изо всех разве в двух дело будет» [Бушев, с. 31]. Все ученики состоялись как переводчики, владевшие двумя и более языками, были востребованы на различных должностях в КИД, в миссиях и посольствах стран Востока.

Примечательна также биография их учителя Михаила Алединского (?—1734). В 1715 г. «персиянин» «Гиспоганских академий студент» мулла Зеки был приглашен посланником Волынским для обучения российских «школьников» ориентальным языкам. В 1718 г. он прибыл в Москву и поступил преподавателем в КИД. В 1719 г. его направили вместе с учениками в Санкт-Петербург. В августе 1720 г. по собственному желанию он принял православие с именем Михаил²⁷. Восприемником был назначен обер-комендант Ярославля Ю. С. Нелединский-Мелецкий²⁸, давший крестнику

²⁵ АВПРИ. Ф. 15. Оп. 3. 1726 г. Д. 86. Л. 16; 1727 г. Д. 143. Л. 1—11 об.

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 993, 2139.

²⁷ Там же. Д. 2109. Л. 2.

²⁸ Нелединский-Мелецкий Юрий Степанович (?—1755), стольник царицы Прасковьи Федоровны (1686 г.). В 1699—1706 гг. служил в Конюшенном при-

фамилию Нелединский, которая со временем стала писаться Алединский. С 1721 г. Михаил Алединский – переводчик КИД. Вместе с женой Дарьей они стали родоначальниками семейства известных российских государственных деятелей Алединских, возведенных в 1836 г. за службу в дворянское достоинство.

Так в общих чертах в сложных и необычных условиях первой четверти XVIII в. происходило становление службы лингвистического обеспечения межгосударственных отношений на Востоке в эпоху Петра I. Внимание к восточным языкам сохранялось и позднее. Необходимо отметить, что Походная канцелярия Петра I, существовавшая изначально как временное учреждение параллельно с Посольским приказом, постепенно приобрела большее влияние. В 1709 г. она стала называться Посольской канцелярией во главе с канцлером Г.И. Головкиным и подканцлером бароном П.П. Шафировым. Еще через год в Санкт-Петербурге для Канцелярии выстроили здание рядом с дворцом А.Д. Меншикова, в то время как Посольский приказ оставался в Москве. В его ведении находились преимущественно административно-хозяйственные дела.

В 1718 г. в ходе реформы центрального управления была создана Коллегия иностранных дел. По указу царя, следовало «К делам иностранным служителей Коллегии иметь верных и добрых, чтоб не было дыряво, и в том крепко смотреть, и отнюдь не определять туда недостойных людей или своих родственников, особенно своих креатур. А ежели кто непотребного в оное место допустит или ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, те будут наказаны, яко изменники» [Очерк истории МИД, с. 41]. 13 февраля 1720 г. был утвержден регламент КИД, имевший в составе специальное подразделение – Ориентальную экспедицию. Начальником стал секретарь Флорио Беневени. Под его руководством находился, в том числе, переводчик и архивариус А.Д. Почайнов [Воскресенский, с. 521]²⁹.

В 1724 г. тайной канцелярии советник А.И. Остерман (*«должность сочинять грамоты к чужестранным государем и рескрипты*

казе (второй судья, затем – товарищ боярина Т.Н. Стрешнева). Участвовал в формировании драгунского полка в Белгороде (1705 г.). В 1706–1709 гг. – товарищ в Разряде, в 1711–1712 в Военном приказе. С 1712 г. обер-комендант Ярославля, судья Монетного двора (до 1720 г.), с 1725 г. – член Берг-коллегии. С 1726 г. – сенатор и действительный статский советник. – РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 14. Л. 117, Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 77. Л. 3–4 об.

²⁹ ПСЗ. Т. VI. СПб., 1830. С. 130–131.

к министрам и резолюции и декларации, которые подлежат великому секрету»)³⁰ предоставил на рассмотрение Петру I проект «штатного расписания» КИД. На основании этого документа предполагалось, в частности, «держатъ» при миссиях России в восточных странах учеников для изучения ориентальных языков. Однако только таких, которые владели латинским языком «понеже латинский языкъ есть фундаментъ всехъ прочихъ языковъ» [Очерк истории МИД, с. 41]. Следует отметить, что в XVIII в. латинский оставался еще и международным языком для ученых всех специальностей. В 1730-х гг. в связи с расширением международных связей со странами Востока появилась необходимость создания школы ориентальных языков для подготовки драгоманов. С этой целью в 1731 г. в Россию был приглашен известный немецкий ориенталист Якоб Кер.

Таким образом, Петр I сделал востоковедение частью государственной политики. Ее практические задачи диктовали царю-реформатору необходимость плановой подготовки переводчиков-ориенталистов. Переход к научному изучению Востока обусловил появление государственного собрания восточных рукописей и книг, новой проблематики и первых исследований. Мероприятия Петра I в области науки и дипломатии позволяют считать первую четверть XVIII в. началом качественно нового этапа в истории российского освоения Востока. При этом ключевое значение имела миссия А.П. Волынского в Персию (1715–1718 гг.). Пусть ему не удалось, как предписывала инструкция Петра I, добиться от шаха разрешения строить православные церкви для купцов или заложить новый порт на Каспийском море вместо неудобной Низовой пристани, не говоря уже о претензиях на монополию транспортировки шелка через Россию, но 30 июля 1717 г. было подписано первое в истории российско-иранских отношений коммерческое соглашение «О торговле российских купцов в Персии»³¹. В соответствии с 8-м пунктом уже в 1720 г. в Исфагане и Шемахе были учреждены новые российские консульства. Впервые иранская сторона обязалась возвращать на Родину русских пленных, а также оказывать помощь через консулов потерпевшим кораблекрушение, а не грабить и продавать их на невольничьих рынках.

Предельно аккуратно был выполнен наказ царя о сборе всесторонних сведений о Персии. Не будет преувеличением сказать, что

³⁰ ПСЗ. Т. VI. СПб., 1830. С. 130.

³¹ Там же. Т. V. С. 500–503.

Волынский открыл Иран для России. Все это было невозможно сделать без толмачей и переводчиков. Исследование деятельности переводчиков Коллегии иностранных дел, в том числе действовавших в первой четверти XVIII в. на восточном направлении, имеет широкие перспективы. Основные материалы по этой теме хранятся в Российском государственном архиве древних актов, Российском Государственном историческом архиве и Государственном архиве Астраханской области. Некоторые из них были изданы в XIX и XX вв.: частично Журнал А.П. Волынского во время его пребывания в Персии, инструкция, отдельные донесения Петру I и канцлеру Г.И. Головкину, письма барону П.П. Шафирову [Турбин; Ульяницкий; Материалы для биографии П.А. Волынского; Зевакин; Бушев; Алиев].

В Архиве внешней политики Российской империи в фондах сношений России с иностранными государствами, Внутренние коллежские дела, Приказные дела новых лет и др. отложился значительный объем документов, позволяющих заполнить «белые пятна» истории, связанные с деятельностью российских переводчиков ориентальных языков и изучением Востока в целом в эпоху Петра I. Публикуемые в приложении материалы впервые вводятся в научный оборот. Названия и даты указаны по документам. Тексты приводятся в хронологической последовательности их написания. Кириллические алфавитные числа переведены в арабские без оговорок. Лигатуры, взметы, выносные буквы, восстановленные слова не выделяются. Пометы включены в основной текст. Орфографические особенности рукописей сохранены, пунктуация современная. Трудночитаемые фрагменты, а также изменение почерка выделяется курсивом и оговаривается в примечании к тексту.

Приложения

1. Допрос, учиненный ориентальных языков ученикам Дмитрию Чегадареву и Алексею Куприянову, бывших в Персии для обучения турецкаго и персидскаго языков

1720 г. мая в 19 день в Государственном посольском приказе пред господами асессорами Михаилом Шафировым, Михаилом Ларионовым ориентальных языков ученик Дмитре Чегадарев, Алексей

Куприянов вправду сказали, что в прошлом 1719 году, по его царского величества указу, посланы были мы при посланнике господине Волинском в Персию для обучения турецкого и персического языков, куда и отправясь.

Прибыв туда в персическую столицу Испогань, где бытия нашего было только месяцев пять, и тогда учитель мулла прибыл в Испогань после з два месяца и принят во оном городе, учения было нам толко с три месяца и то неповсегда, понеже почасту учитель был у переводу всяких писем, с переводчиком с Курдевским писал. И оттуду изо Спагани возвратясь в Шемаху и зимовали, и учились месяца з два, а болши в дороге до Москвы нигде не учились.

К Москве прибыли 1718 году декабря в 20 числе и жив на Москве. Учение мало было того ради, что учитель не имел волной квартиры, тако ж и кормовых денег сперва недавно было.

И в прошлом 1719 году в феврале месяце повелено было ехать учителю нашему в Санкт Питер бурх одному без нас, куды он ездил и брал с собою из нас Дмитрея Чегодарева, а Почайнов здесь остался. В проезде в Санкт Питер бурх и возвратясь сюды учения нам не было.

И прибыл сюда к Москве в прошлом 1719 году месяце в июле в последних числах, зачали учиться в июле с половины месяца, что по нынешней месяц будет здесь месяц. И учились в Москве со онога числа по три и по четыре часа, в одни учаники персическия и мешены турецкое с арабским наречием, и хотя по оным книгам читаем, а толку не знаем. Потому что мы толко по-турецки, хотя и иных высоких речей недознаем, толко говорить без труда можем.

К сей сказке ученик ориентальных языков Алексей Куприянов руку приложил.

К сей сказке ученик ориентальных языков Дмитрий Чегодарев руку приложил.

АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 993. Л. 1–1 об.

2. Донесение в КИД учеников ориентальных языков Дмитрия Чегодарева и Алексея Куприянова об определении им годового жалования

1721 [г.] генваря в 13 день выписано Государственной высокославной Коллегии иностранных дел доношение.

По указу его царского величества определены нижеименованные для обучения ориентальных языков у учителя вышеписанных языков у Михаила Нелединского. По указу же его царского величества взяты мы ныне из Москвы и с вышепомянутом учителем в Санкт-Петербург бурх и пропитатца чем не имеем.

Того ради Государственной коллегии иностранных дел всенижайши просим, дабы определено нам было для пропитания его царского величества жалования.

О сим доносим ориентальных языков ученики Дмитрий Чехадарев³², Алексей Куприянов.

АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 2139. Л. 1.

3. Прошение в КИД учеников ориентальных языков Дмитрия Чегадарева и Алексея Куприянова о прибавке жалования

1721 [г.] марта в 13 день выписано.

Державнейший царь государь милостивейший,

В прошлом, государь, 1715 году по Вашему царского величества указу посланы были мы нежеименованные при посланнике Артемье Петровиче Волинском для обучения ориентальных языков в Персию. И тамо были при нем, посланике, до отправления ево, и с нами прибыл в Москву. Обучались оным языков, и давано нам нашего великого государя жалования кормовых денег по три рубли на месяц. А в ныняшнем 1721 году высланы мы из Москвы при учителе в Санкт-Петербург бурх и ныне обучаемся тех вышеписанных языков с прилежанием. Вашего царского величества жалования для здешнаго житья даецца кормовых денег против московской дачи, которые питаемся с великой нуждою, так же платишком обносились. Здесь в Санкт-Петербурге при Коллегии иностранных дел ученикам трем человекам, которые учатся толко одного языка, даецца кормовых денег по пяти алтын на день.

Всемилоостивейший государь, просим Вашего величества да повелеть ваше державство для всеполной нашей скудости к прежним нашим кормовым учинить придачу против здешных дач такую же

³² Так в тексте.

и на одежду выдать своего великого государя жалования, чем Вашему царскому величеству Бог по сердцу положит.

Вашего величества низайший раб Дмитрий Чегодарев, Алексей Куприянов.

Из Коллегии иностранных дел выписано:

В прошлом 1715 году по указу великого государя посланы из Москвы и с посольской канцелярии с посланником господином Вольнским в Персию ради обучения ориентальных языков ис под[ъ]ячих и из школьников 5 человек. А имянно: Федор Меньшой Сениюков, Алексей Куприянов, Дмитрий Чегодарев³³, Лаврентий Власов, Гаврила Ангелцов.

Великого государя жалованья дано им на подъем и для тамошняго их жития по 150 рублей человеку.

И были они при нем посланнике до отъезду ево из Москвы и до возвращения ево в Россию.

А в прошлом 1718 году декабря в 30 день присланной от него посланника дворянин Андриян Лопухин вывез из Персиды, ради обучения российских учеников, персиянина мулу Зеки, и при нем вышепомянутые ученики в Москву возвратились.

И посланному его великого государя указу из Санктпетербурга и Коллегии иностранных дел прислан он, мулла, и при нем из учеников 2 человека: Федор Меньшой Сениюков, Дмитрий Чегодарев из Москвы. И в Санктпетербург приехали в феврале месяце 1719 г.

А мая в 30 день, по указу великого государя, дано его великого государя жалованье турецкого и персического языков учеником бывшему посольского приказу подъячому Федору Меншому Сениюкову, Дмитрею Чегодареву для Санктпетербургского жития, что им годовым окладом не учинено и не даецца, для их скудости в приказе по 10 рублей человеку.

Из вышеписанных учеников Ангельцов отставлен, а Власов и ныне оставлен при губернаторе Астраханском канцеляристом.

А июня в 6 день в указе великого государя из Коллегии иностранных дел в Москву секретарям Михаилу Шафирову, Михаилу Ларионову писано, что отпущен из Коллегии иностранных дел в Москву учитель турецкого и персического языков персиянин мулла Зеки да при нем 2 ученика Сениюков и Чегодарев, в пред указа которым давать его великого государя жалованья: кормовых денег учи-

³³ Так в тексте.

телю июня с 1-го числа по 7 рублей по 50 копеек, учеником Сенюкову и Чегодареву, да оставленному в Москве Алексею Куприянову, выдать генваря с 1 1719 года и впред давать по 3 рубли на месяц.

И потому Его великого государя указу кормовые денги им учеником генваря с 1 сентября по 1 число выданы. А сентября с 1 1719 года Сенюкову по декабрь 1720 года, Чегодареву и Куприянову по генварь месяц 1721 году даваны помесечно.

Из вышеписанных учеников Федор Сенюков Меншой послан для обучения турецкого языка в Царьгород к чрезвычайному посланнику господину Дашкову.

Декабря 10 дня 1720 года по посланному его великого государя указу из Коллегии иностранных дел учитель мулла Зеки и при нем ученики Чегодарев и Куприянов присланы из Москвы в Санктпетербург и в Коллегии иностранных дел явились сего 1721 г. генваря 2 числа.

Из отосланных из Коллегии иностранных дел в камор и в штатс кантор коллегии ведомостей прошлого 1720 [г.] декабря 17 дня написаны они, Сенюков и Чегодарев, и Куприянов, з дачей им выписанных кормовых денег.

И по тем отосланным ведомостям им, учеником, кормовые денги с приезде их в Санктпетербург выданы мая по 1 число по 3 рубли на месяц.

К великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя, Белья Росии самодержецу ориентальных языков ученики Дмитрий Чегодарев, Алексей Куприянов бьет челом. В прошлом де 1715 году по его царского величества указу посланы были они при посланнике господине Вольнском для обучения ориентальных языков в Персию. И тамо были при нем посланнике до возвращения ево в Росию и прибыли в Москву. Обучались оных языков, и в Москве давано из кормовых денег по 3 рубли на месяц, а в нынешнем 1721 году высланы они из Москвы при учителе в Санктпетербург и ныне обучаютца тех вышеписанных языков с прилежанием, а для здешняго их жития даетца им кормовых денег против московской дачи, которыми питаются с великой нуждой, тако и платышком обносилися. А при коллегии иностранных дел учеником 3 человеком, которые учатся толко одного языка, даетца кормовых денег по 5 алтын на день.

И что великий государь пожаловал их, повелел для их всеконечной скудости и к прежним их кормовым денгам учинить придачу, тажко и на одежду выдать его великого государя жалованья.

И великий государь пожалует их, Чегодарева и Куприянова, повелит им к прежним их кормовым денгам учинить придачу.

И выписано им, например, в прошлом 1719 году мая в 9 день, по указу великого государя, велено давать его великого государя жалования кормовых денег обретающимся при Коллегии иностранных дел латинского языка учеником Федору да Михаилу Немтиновым, да Федору Воейкову по 5 алтына на день человеку.

Афанасей Инехов³⁴

АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2139. Л. 1–5 об.

4. Выписка КИД о крещении учителя ориентальных языков муллы Зеки.

И в Коллегии иностранных дел выписано.

В прошлом 1715 году по указу великого государя с посланником Артемьем Волынским посланы в Персиду из Москвы ради обучения персидского, турецкого и арабского языков из подъячих, из школьников пять человек, а имянно: Гаврило Ангелцов, Федор Меншой Сеньюков, Алексей Почайнов. Дмитрий Чегдарев, Лаврентей Власов.

И были при нем посланнике со отъезду ево даже до возвращения в Россию.

А в 1718 году декабря в 30 число присланной от него посланника дворянин Андреян Лопухин вывез из Персиды, ради обучения вышеписанных учеников, персиянина муллу Зеки.

И тому персиянину мулле Зеки в Москве кормовых денег дано с приезде ево по отпуску в Санктпетербург, да на дорожной проезд на месяц по 8 алтын по 2 денги на день.

В Санктпетербург приехал он 1719 году в марте месяце. И марта в 23 день посланник господин Волынский подал доношение, что в прошлом 1717 году в бытность при дворе шаха Персидского принял он для обучения русских учеников одного из Гиспоганских академий студента мулу Зеки и склонил ево быть в службе царского

³⁴ Инехов Афанасий Сергеевич (?–1729). Сын священника, подъячий Малороссийского приказа. С 1692 г. служил подъячим в Посольском приказе, затем канцелярист Приказной экспедиции Коллегии иностранных дел.

величества и обучать данных ему учеников турецкому, персическому и арапскому языкам.

А в бытность ево в Персии и проезде давано ему кормовых по 7 рублей по 16 алтын, по 4 денги на месяц. И сверх того не только роздавано ему на платье парчами и сукнами, а годовое жалованье обещал он посланник давать ему по 100 рублей на год, также и кормовые по 7 рублей по 16 алтын по 4 денги на месяц.

Апреля в 15 день того же 1719 году по указу великого государя за подписанием государственного канцлера и ковалера Коллегии иностранных дел, президента графа Гаврила Ивановича Головкина да государственного подканцлера тайного советника и кавалера, вице-президента барона Петра Павловича Шафирова персиянину мулле Зеки учинено его великого государя жалование, по обеща-нию господина Волинского, годовой оклад 100 рублей да кормо-вых по 7 рублей по 16 алтын по 4 денги на месяц.

И то жалованье с 1717 [г.] с мая месяца по 1719 по расчету, а на 1719 год сполна выдано в Санктпетербурге и кормовые по отъезду ево.

И отпущен тот персиянин и с учениками к Москве.

А на нынешней 1720 год ему, учителю мулле Зеки, годового ево окладу не дано. Для толко что во учиненной выписке Коллегии иностранных дел служителей о выдаче годовых окладов имени во мулле Зеки написано: июня в 16 числе из Коллегии иностранных дел послан к ассесорам указ, и велено тому мулле годовой оклад на нынешней 1720 год ис Посолского приказа выдать³⁵.

А в присланных из Москвы из Посолского приказу репортах в нынешнем 1720 году кормовые денги выданы ему на генварь и февраль, и март месяцы.

А по справке в Коллегии иностранных дел: в прошлом 1715 году по указу великого государя и по [своему] желанию крещен в право-славную христианскую веру приезжий из Персиды в его великого государя службу армянин Лев Залеев³⁶. Восприемником у него был тайной советник и ковалер Петр Андреевич Толстой.

Великого государя жалованья за восприятие православные хри-стианские веры дано ему на платье и на протчее в приказе 100 руб-

³⁵ В данном абзаце текст со слов «А на нынешней» до слов «Посолского прика-за выдать» – приписка другим почерком.

³⁶ Лев Залеев – переводчик персидского и грузинского языков. С 1714 г. в России. «По восприятии святого крещения был в разных посылках». АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 528. Л. 83 об.

лев, и пожалован во дворяне и определен в Посольском приказе для перевода персического языка. Годового жалованья даетца ему по 200 рублей на год.

Да в том же 1715 году крещен в православную христианскую веру и приезжий из Азова турчанин Мустафа, во крещении имя ему Дмитрий Гамгаков. Восприемником у него был ассессор Михаил Ларионов. За восприятие веры дано ему денег 20 рублей, да платья покупного на 23 рубли. И по челобитной его определен в толмачи. Оклад учинен по 25 рублей на год.

В 1717 году крещен выезжей из Персиды в службу его великого государя армянин Шебай Шенаров, которой был у шаха персического музыкантом, в крещении имя Александр Михайлов. Восприемником у него был стольник Михайло Аргамаков.

Великого государя жалованья за восприятие веры дано ему в приказ 50 рублей, да для Санктпетербурского житья до подлинного о нем определения даетца кормовых по 7 рублей на месяц.

Справил Иван Аврамов

Августа в 1 в Коллегию иностранных дел при доношении ассессором из Москвы прислана учителя муллы Зеки челобитная. А в ней пишет выше сего, а что на помете на оной челобитной велено выписать, о том выписано выше сего³⁷.

1720 год августа в 18 день по указу великого государя в Коллегии иностранных дел сия выписка слушана, и по оной приговорено ориентальных языков учителя муллу Зеки па желанию его крестить в православную христианскую веру, и за восприятие христианские веры выдать ему мулле денег 100 рублей, а восприемником велеть быть у него стольнику Юрию Степанову сыну Нелединскому Мелецкому, и о том к Москве в Посолской приказ к ассессору послать указ.

Канцлер граф Головкин

Советник канцелярии Василий Степанов

Ассессор³⁸ Петр Курбатов

Ассессор³⁹ Михаил Шафиров

Иван Губин

АВПРИ. Ф. 2. Он. 6. Д. 2109. Л. 4–7 об.

³⁷ Текст со слов «Августа в 1 в Коллегию» до слов «выписано выше сего» приписан другим подчеркиком.

³⁸ Так в тексте.

³⁹ Так в тексте.

5. Челобитная новокрещенного персиянина Михаила Алединского об определении его переводчиком КИД

В 1721 генваря в 25 день выписан.

Державнейший царь, государь милостивейший, в Персиде в уезде Казбийском оставя, я, нижеименованный, доволнше свои отеческие моетности и дом, присван в службу Вашего величества для обучения учеников персицкого языку, и за то по договору с бывшим в Персиде чрезвычайным посланником с Артемием Петровичем Вольнским учинено мне Вашего величества жалования годового окладу сто рублей, да кормовых по семи рублей с половиной и с самого приезде моего в Ваши великого государя государства. Нескольких учеников, данных мне, учил и учу тому языку персицкому. Да я, раб Ваш, добровольным намерением принял православную кафолическую христианскую веру, и на крещение выдано мне, рабу Вашему, Вашего великого государя жалованья в приказе сто рублей и теми денгами на разные по оному крещению потребы, а имянно: на дачу священником за литургии дали и протчим церковным людем, и на платье, тако ж на наем квартиры, управитца не могу и принужден адолжитца. И сверх оных данных денег занять издержа еще сто пятьдесят рублей. А ныне понеже я, по принятии оной православной христианской веры, обучился как российскому языку так и читать, и писать, а из природных моих языков знаю я нижеименованые: по-турецки, по-персицки, по-арапски и по-сыяски⁴⁰ литеры ладно и протчия многия писма в Персиде употребляемые, которые здесь в России знать никто не может, а имянно: пятиские, джалинские, няспенские, шкиестеинские, нестакинские, ручулинские, сыяские, суатские⁴¹. Того ради, между обучением учеников, возимел я охоту быть при Коллегии иностранных дел перевотчиком с прибавкой жалованья, ибо вышеозначенным жалованьем прокормитца невозможна.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашего величества, повели, государь, в Коллегии иностранных дел записать меня перевотчиком помянутых языков и к вышеупомянутому жалованью учинить милостивую придачу, чтобы я, раб Ваш, мог достаточное прокормление иметь. Тако ж повели, государь, вышеписанные из-

⁴⁰ Так в тексте. Предположительно речь идет о сакском языке юго-восточной Иранской группы.

⁴¹ Так в тексте. Возможно, речь идет о языках или наречиях Восточно и Западно-Иранской группы. См. подробнее: [Бартольд].

держанные на крещение денги мне, рабу своему, для своего многолетнего царского здравия выдать. Дабы я, раб Ваш, мог расплатиться с должниками моими, которые уже от меня требуют, а мне расплатиться нечем.

Вашего величества низайший раб Михайло Алединской.

1721 генваря 25

АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2144. Л. 1–2.

Литература

- Алиев Ф. М.* Миссия посланника Русского государства А. П. Волинского в Азербайджане (1716–1718 гг.). Баку, 1979.
- Базарова Т. А.* Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 9–16.
- Бартольд В. В.* Работы по исторической географии и истории Ирана. Т. 3. М., 2003.
- Бушев П. П.* Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М., 1978.
- Воевода Е. В.* Подготовка российских переводчиков-ориенталистов в Персии в первой половине XVIII века // «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ». Ярославль, 2010. С. 25–30.
- Воловников В. Г.* Вклад в изучение Востока Дипломатического ведомства Российской Империи в XVIII – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Воробьева Н. Н.* Русский покоритель Мирового океана // История. 2019. № 3–4. С. 26–33.
- Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. М.; Л., 1945.
- География или краткое земного круга описание. М., 1710; М., 1716.
- Глушкова О. А.* Русский дипломат А. П. Волинский. // Дипломатический вестник. М., 1992. № 17–18. С. 69–71.
- Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011.
- Зевакин Е. С.* Журнал посланника Волинского, 1715–1718 гг. // Азербайджан в начале XVIII века. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. 4. Баку, 1929. С. 6–23.
- Иванов П.* Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку // Вестник ИРГО. 1853. Ч. 8. Отд. 8. С. 4–5.
- Курукин И. В.* Артемий Волинский. М., 2011.
- Лебедев В. И.* Посольство Артемия Волинского в Персию. 1715–1721 гг. М., 1948.
- Материалы для биографии А. П. Волинского // Старина и новизна. 1903. Кн. 6. С. 243–292.
- Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902.

- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Рогожин Н.М., Чистякова Е.В.* Посольский приказ // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 113–123.
- Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2008.
- Турбин С.И.* Артемий Петрович Волынский (Материалы для его биографии. 1711–1718) // Русская старина. Т. 5. СПб., 1872. С. 934–951.
- Уляницкий В.А.* Русския консульства за границею в XVIII веке. Ч. 2. М., 1899.

Как поссорились переводчик Абдул Байцын с подьячим Иваном Истоминым

Посольский приказ — один из институтов государственной власти, в задачи которого входило создание условий для внешнеполитических отношений Московского государства. Существует большое количество исследований, посвященных различным этапам формирования приказа, истории комплектования учреждения различными видами служащих. Обыкновенно особое внимание уделяется тому, как был устроен приказ, к какому сословию принадлежали его служащие, какого происхождения они были и как оплачивался их труд. Однако повседневность и межличностные отношения внутри приказа рассматриваются лишь эпизодически, в контексте изучения других вопросов.

К примеру, представить внешний вид переводчиков можно, опираясь на данные о пожертвованной им одежде [Беляков, Гуськов, Шамин]. Список предметов, взятых переводчиком в служебную поездку, мог отразиться в описи его имущества [Шамин]. Еще один перечень имущества видим в деле, связанном с неудачным браком дочери Е. И. Украинцева Стефаниды, которую отец — один из виднейших деятелей Посольского приказа — насильно забрал со двора новых родственников. В этом же деле видим большое число сведений о семейных отношениях [Гуськов, 2019]. Другой пример семейного конфликта — жалоба вдовы переводчика Константана Христофорова на неуважительное отношение со стороны их сына переводчика Федора Христофорова. Жалобу удовлетворили. Федору было велено «за брань и за безчестье матери своей, вдовы Аксиньи, учинить наказанье: вместо кнута бить батоги нещадно» [Гуськов, 2017, с. 86.]. В качестве иного примера семейных отношений можно привести данные о женитьбе одного подьячего на дочери другого [Беляков, 2017, с. 41].

Как яркий эпизод взаимоотношений сотрудников внутри приказа можно охарактеризовать случай с переводчиком цесарского языка Лазарем Циммерманом. Отправившись в посольство в Венецию вместе со стольником И. И. Чемодановым и дьяком А. Пос-

никовым, переводчик в дороге сильно поиздержался. В городе Болсан его, ко всему прочему, подкосила болезнь, заставив пролежать в горячке длительное время. Стольник, несмотря на просьбы Циммермана о помощи, оставил его в иноземном городе, поэтому последнему пришлось долгое время работать, добывая средства к существованию [Беляков, 2017, с. 48]. В другом случае Д.В. Лисейцев, характеризуя поведение переводчика Дмитрия Николаева за границей, приводит цитату: «Пил ежеден бес просвету, и с королевским переводчиком у них драки бывали часто, в одну пору мало и ножевщины не было» [Лисейцев, с. 364].

Эти крупницы данных скорее можно отнести к той сфере, где личные отношения переплетались с рабочими: брак внутри закрытой подьяческой среды служил закреплению положения семьи, оставление болеющего переводчика можно отнести к вынужденным решениям, пьянство во время переговоров следует полагать серьезным служебным проступком. Однако эти эпизоды позволяют воссоздавать картину того, как жили люди, трудами которых выстраивались международные отношения России.

Данные о межличностных отношениях накапливаются в научном пространстве в виде казусов, рассредоточенных по отдельным делам. В этой связи представляет интерес челобитная на имя царя Алексея Михайловича, которую подал подьячий Посольского приказа Иван Истоминон (как он себя называет, «Ивашко Истоминон») на переводчика того же приказа Абдулу Байцына¹. Прежде чем перейти к подробностям дела, предлагаю остановиться на биографиях этих людей.

Абдул Байцын – переводчик с татарского и турецкого, личность и род которого не обделались исследовательским вниманием [Переводчики..., с. 56–59]. Предки его принадлежали к сибирским татарам: «О первом представителе рода в России, Безергене Абызе Байцыне, нам известно по его собственной челобитной. Безерген выехал из Сибири еще при царе Федоре Ивановиче и по выезде “пристал” к сибирскому царевичу, племяннику хана Кучума, Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею (Атауловичу)» [Беляков, 2019, с. 218]. В 1630 г. переводчиком стал Билял, сын Безергена, получивший при этом значительную надбавку к окладу. Пройдя длинный карьерный путь, он привел в Посольский приказ сына Абдулу.

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Документ впервые вводится в научный оборот. Благодарю А.Г. Гуськова за предоставленные материалы.

В 1649 г. Абдула подал прошение о зачислении в переводчики, экзаменовался и получил эту должность. В 1657 г. его годовой оклад составлял 27 руб., к 1662/63 г. он вырос до 35 руб., а в 1672/73 г. достиг 59 руб. Абдула стал довольно востребованным работником: в 1653/54 г. его послали в Крым, в 1654/55 г. он был «с государем в походе» [Переводчики..., с. 57], в 1655/56 г. — под Вильно, в 1656—1657 гг. — в новом посольстве в Крым (там Абдуле пришлось смешаться с толпой придворных крымского хана и выведать информацию о его встрече с посланниками Богдана Хмельницкого), в 1660/61 г. «ездил в Калмыки», в 1661 г. — в Крым, в 1662 г. — в Белгород, в 1666/67 г. — в Турцию и, наконец, в 1669/70 г. отправился в последнюю известную командировку — снова в Крым [Беляков, 2019, с. 222—223; Переводчики..., с. 57—58]. Мы видим, что, основываясь на заслугах предков, Абдул Байцын смог построить собственную карьеру и стал успешен на своем поприще.

Другой участник конфликта — подьячий Истомин Иван. О нем известно не так много. Свою карьеру он начал в Галицкой четверти не позднее 1656 г. К 1658 г. он уже имел годовой оклад в 35 руб. В январе-феврале 1658 г. его перевели в Посольский приказ. Годовое жалование подьячего повышалось до 36 руб. в 1663/64 г. и 37 руб. в 1665/66 г. От 1671 и 1673 гг. имеются данные о посылках Истомина на «крымские размены». В 1673 г. его хотели отправить в Смоленск. Подьячий подал челобитную об отмене посылки, поскольку он еще не успел сдать в приказ «разменную крымскую казну», [Демидова, с. 243; Беляков, 2017, с. 55, 74, 223, 304]. Судя по последней записи, на новом месте Истомину пригодились навыки по работе с финансами, полученные во время работы в Галицкой чети.

Время приказной службы Истомина и Байцына позволяет предполагать, что они были примерно ровесниками. Их годовые оклады в Посольском приказе на момент ссоры также совпадали.

Документы, описывавшие конфликтную ситуацию, включают челобитную, поданную 26 июня 1665 г. Иваном Истоминным, «скаску» по допросу Абдула Байцына, а также «скаскаси» от 27 июня с опросов свидетелей: переводчика Василия Боуша и подьячего Степана Полкова. В челобитной Иван Истомин пишет, что дал Абдулу Байцыну на покупку лошади 5 руб. и зуфь (шерстяная ткань для верхней одежды) на сумму 8 руб. В итоге лошадь Иван Истомин не получил. Судя потому, что по челобитной Истомин просил вернуть ему 5 руб. за зуфь, остальная сумма на момент конфликта была Байцыным возвращена. Когда Иван Истомин начал напоми-

нать о долгах Абдуле, тот, как пишет подьячий, прилюдно избил его и обозвал пьяным дураком. На следующий день по указанию руководства приказа о произошедшем опросили свидетелей конфликта и самого обвиняемого. Абдул Байцын, не оспаривая основные положения обвинения о неуплате долга, указал, что пьяным Ивана Истомина он назвал за то, что тот его именовал свиньей. Также переводчик отверг обвинение в физической расправе над челобитчиком. Двое свидетелей рассказали, что Абдул Байцын все же бил Ивана Истомина по голове и называл «худяком»². Правда, переводчик Василий Боуш уточнил, что он не знает, издеваясь ли Абдул бил подьячего или нет.

Итак, мы видим, что Истомин дает Байцыну ткань и 5 руб. деньгами на покупку лошади. Важно, что подьячий дал деньги лично, а не в качестве служебного поручения. Т.е. история с покупкой лошади не имела никакого отношения к работе в Посольском приказе.

Это неудивительно, поскольку Абдул имел множество связей в силу своей деятельности и происхождения — ведь именно татары поставляли большое число лошадей на российский рынок. Байцын мог совершить более выгодную покупку, чем Истомин. Получается, что это личная просьба, с которой подьячий обратился именно к Абдуле Байцыну. Можно предположить, что между служащими существовали дружеские отношения, о чем говорит также то, что прежде инцидента между ними имели место дружеские шутки: Истомин подшучивал над Байцыным — «хвосты у его платья вязовал, и трепицы к охобню его привешивал»³. Возможно, переводчик болезненно воспринимал эти шутки, но дружба между ними не прерывалась, ведь Иван Истомин именно к нему обратился для покупки лошади.

В пользу существования между ними дружеских отношений говорит также оговорка одного из свидетелей, Василия Боуша: «а, издеваючись ли, иво называл худяком и по голове ударил — тово он не ведает»⁴. То есть подшучивание или какие-то дружеские тычки стали обычными между Абдулой и Иваном. Они оказались настолько привычны, что свидетель, служащий того же приказа, не смог понять, было ли это в шутку, или нет.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

Особого внимания заслуживают сами оскорбления. Иван Истомин назвал Абдулу свиньей. Абдула Байцын – верующий мусульманин, дед которого являлся мусульманским священником. Известен случай, когда Абдула в 1672 г. принимал участие в групповом избиении захотевшего покреститься переводчика татарского языка Месетьева [Переводчики..., с. 57]. То есть Абдула достаточно ревностно относился к своему вероисповеданию. В то же самое время он позволял себе близкие взаимоотношения с православными: когда в 1657 г. у него сгорел дом, он в складчину купил новый с семьей православных. Однако, как кажется, именно тот факт, что его, ревностного мусульманина, называли свиньей, нечистым для ислама животным, привел к избиению бывшего друга.

В свою очередь, Абдул Байцын оскорбляет подъячего словом «худяк», что можно интерпретировать как «бедняк». Возможно, здесь имеет место намек на неравенство в финансовом положении, ведь Абдула – родовитый татарин, постоянно отправляющийся в посольства и имевший поместья. Другие обидные наименования, «пьяным и дураком» были серьезным обвинением, поскольку за «бражничанье» можно было получить дисциплинарные штрафы [Беляков, 2017, с. 40]. Руководство приказа активно боролось с этим, и за пьянство получили отставку некоторые служащие [Беляков, 2017, с. 289, 321].

Таким образом, картина складывается следующая. Истомин и Байцын, несмотря на различие в вере, дружили. Один из друзей дал другому средства на покупку лошади. Прежде этого они дурачились и по-дружески подшучивали друг над другом. Абдула по каким-то причинам лошадь купить не смог, а выданные на покупку средства полностью не вернул. В порыве негодования подъячий нанес переводчику личное религиозно маркированное оскорбление (свинья), чем спровоцировал ответные личные оскорбления в свой адрес и драку. Все это произошло на глазах у других переводчиков. В процессе разбирательств каждый пытался утаить эти оскорбления.

Таким образом, мы видим, что в Посольском приказе нормой являлась религиозная терпимость. Однако в конфликтных ситуациях разница в вероисповедании все же оказывалась значимым фактором – люди позволяли себе религиозно маркированные оскорбления. Переход в другую веру также мог стать поводом для острого конфликта.

Приложение

Судное дело по иску подьячего Ивана Истомина на переводчика Абдулу Байцына⁵

Л. 1. Челобитная.

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой, Посольского приказу подьячеи Ивашко Истомин, Посольского приказу на переводчика на Обдула Байцына. В прошлом во 172-м году взял он, Обдул, у меня, холопа твоего, денег пять рублей серебряных да портище зуфи вишневои за восемь рублей. А хотел мне, холопу твоему, купить лошадь. И он, Обдул, лошади мне, холопу твоему, не купил, и денег за зуфь пяти рублей и по сю пору мне не отдает, манит со дни на день. И в нынешнем, государь, во 173 году июня в 26 день учал я, холоп твои, о тех деньгах и об зуфи ему, Обдулу, говорить в Посольском приказе, что он денег и и⁶ зуфи не отдает. И он меня, холопа твоего, в приказе бранил, называл пьяным дураком и по голове бил, не ведомо за что. Милосердый государь, царь и великий князь Алексеи Михайлович всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец, пожалуи меня, холопа своего, вели, государь, мне с ним, Абдулом, в деньгах за зуфь и в пяти рублях дать свой царской суд, да бесчестье мое, по своему, великого государя, указу и по Уложению, что ты, великий государь, укажешь. Царь, государь, смилуися, пожалуи.

Л. 2. Перечень свидетелей.

Роспись свидетелем, которые слышали и видели: Яков Поздышев, Василеи Бауш, Яков Олферев, Ондреи Иванов, Василеи Бобинин, Степан Полков.

Л. 3–4. Записи решения по челобитной и допроса участников иска и свидетелей.

И 173-го июня в [...] ⁷ Алмаз Иванов с товарищ[и] [...] ⁸ челобитья подьячего Ивана Истомина. Допросить переводчика Абдула

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Л. 1–4. Дело состоит из 4-х листов, два последних из которых имеют утраты. Окончание дела отсутствует.

⁶ Союз повторяется в тексте.

⁷ В конце строки утрачено 2–3 слова.

⁸ В конце строки утрачено 2–3 слова.

Баицына и сыскать теми людьми, которые в то время в приказе были в нынешнем во 173-м году июня в 26 день, как он Иван ему Абдулу говорил о заемных своих деньгах и о зуфи отдаче. И он, Абдул, ево, Ивана, в приказе бранил ли, и пьяным и дураком называл ли, и по голове бил ли.

И Абдул Баицын против челобитья Ивана Истомина сказал: вчерашнего дни, июня в 26 день, он, Абдул, его, Ивана, в приказе не бранивал и дураком ево не называл, а против иво, Ивановых, слов, как он ево, Абдула, назвал свиньею, молвил ему, что, де, ты, пьян говориш. А по голове иво не бивал, а он, де, Иван, и преж сего над ним, Абдулом, шучивал многожды перед своею братею, перед подьячими: и хвосты у платья его вязовал, и трепицы к охобню его привешивал, и пьяным ево он, Иван, назывовал же. Потому, де, и он Абдул, его пьяным назвал против ево[...]⁹

Автограф: К сей скаске Абдул Баицын руку приложил.

173 года июня в 27 день[...]¹⁰ Переводчик Василей Б[оуш...]¹¹ [по святой непо]рочной Евангельской за[поведи...]¹². в 26 день Посольского п[риказа] [...] языкy переводчик Абду[ла Баицын...] Ивана Истомина называл худяком и ударил ево по голове рукою, а, издеваючись ли иво называл худяком и по голове ударил — тово он не ведает.

Да Посольского же приказу подьячеи Степан Полков по святой же непорочной евангельской заповеди сказал. [...] Того же, де, числа переводчик Абдул Баицын подьячего Ивана Истомина называл худяком многожды и по голове ударил. То наша и скаска.

Литература

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

Беляков А. В. Переводчики Посольского приказа Байцыны // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 217–229.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Шамин С. М. «Государево жалование» переводчикам Посольского приказа в XVII столетии: одежда и ткани // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 174–182.

⁹ Далее не читается 3–4 слова.

¹⁰ В конце строки утрачено 2–3 слова.

¹¹ В конце строки утрачено 2–3 слова. Бобинин назван выше в числе свидетелей.

¹² В конце строки утрачено 2–3 слова.

¹³ В конце строки утрачено 2–3 слова.

- Гуськов А.Г.* Отношение к суду в Московском государстве XVII в. (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 84–90.
- Гуськов А.Г.* Как судился Никита Борисович Пушкин за приданое Стефаниды Украинцевой (к вопросу о быте и нравах московской элиты конца XVII в.) // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 238–255.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Шамин С.М.* Переводчики на Турецкой войне. Абдрахман Тевкелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674 г.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 573–577.

Из неволи на дипломатическую службу: бывшие полоняники в Посольском приказе

Система рекрутирования кадров Посольского приказа является одним из важных элементов изучения истории дипломатического ведомства Московского царства. К этому вопросу обращалось большинство историков, занимавшихся его служащими [Белокуров; Лисейцев; Куненков; Беляков; Переводчики..; Гуськов, Шамин, 2021; Севостьянов]. Однако их интерес носил в основном вспомогательный характер, сосредотачиваясь на выявлении социального состава работников приказа и источников овладения языками. Более подробно описание пребывания в неволе приводилось лишь в работах Д. В. Лисейцева и Б. А. Куненкова [Лисейцев; Куненков].

Одной из категорий сотрудников Посольского приказа были переводчики и толмачи, основная функция которых связана со знанием иностранных языков. Можно выделить три основных способа получения компетенций в данной области: 1) овладение в семье от родителей (окружения), 2) целенаправленное обучение в учебном заведении или через частные уроки, 3) изучение во время пребывания в плену с целью адаптации во враждебном окружении. С другой стороны, можно рассматривать контингент специалистов по переводу через призму источников рекрутирования в дипломатическое ведомство. Анализ источников позволил выявить четыре основных способа: 1) семейные (в т.ч. наследственные) или служебные (из служилых татар, станичников и т.п.) связи, 2) попадание в российский плен иностранцев, 3) «выход» из иностранной неволи русскоязычного населения (захваченного ранее как на территории Московского царства, так и на сопредельных территориях), 4) «выезд» на государево имя из другого государства или территории. Первый и третий способы характерны для толмачей, второй – для переводчиков, четвертый – для обеих категорий. Схема не является абсолютной, т.к. иногда в толмачи попадали пленные иностранцы, а переводчиками становились бывшие полоняники. Встречались иные способы: наем иностранных специалистов, перевод из других городов или

ведомств, переход с военной службы (как вознаграждение) или с работы у носителей языка.

Целью настоящего исследования является описание части биографий толмачей, узнавших языки третьим способом, т.е. прошедших через «полонное терпение». В описание и анализ не включались толмачи, которые попадали в неволю в ходе исполнения служебных обязанностей, т.к. знание языков для них не было связано с пленом. Из-за незначительного числа переводчиков, относящихся к данной категории, было решено не включать их в выборку.

Впервые перечень бывших полоняников, служивших в дипломатическом ведомстве, представил Д.В. Лисейцев. По его данным, в конце XVI – первых десятилетиях XVII в. к этой категории относилась «значительная часть толмачей Посольского приказа»: Данила Аминев, Петр Елагин, Афанасий Григорьевич Золотухин, Тит Осипович Зябрев, Петр Красников, Федор Семенович Мясоедов, Андрей Иванович Раков, Яким Иванович Сумороков, Михаил Иванович Толмачев, Тит Ефремов сын Труфанов, Петр Васильевич Чаплыгин. Т.о., из 74 (70) толмачей около 15% (11 человек) выучили языки, пройдя через «полонное терпение» [Лисейцев, с. 179, 384–387].

Б.А. Куненков из состава служащих приказа выделял 224 специалиста по переводу, в т.ч. 68 переводчиков и 154 (152 – по списку) толмача. Из них в плену побывали 35 человек: 5 переводчиков и 30 толмачей (19,5%) – Данила Аминев, Григорий Бельский, Афанасий Афанасьевич Буколов, Савва Васильев, Тихон Головачев, Михаил Деяков, Нечай Давыдович Дрябин, Петр Елагин, Иван Иванович Есипов (Ненаш), Афанасий Григорьевич Золотухин, Тит Осипович Зябрев, Иван Митрофанович Иевлев, Петр Красников (не указан в перечне пленников), Иван Лазарев, Богдан Лебедев, Федор Семенович Мясоедов, Никон Наумов, Лаврентий Афанасьевич Пирогов, Андрей Иванович Раков, Иван Ларионович Савенок (Савенков), Иван Семькин, Иван Кудинов сын Скороваров, Яким Иванович Сумороков, Мина Суханов, Антон Терехов, Михаил Иванович Толмачев, Тит Трифонов, Авдей Харитонов, Петр Васильевич Чаплыгин, Селиверст Степанович Шишкин, Емельян Янчурин (Янчуров). [Куненков, с. 155–157, 445–494]. В работах Д.В. Лисейцева и Б.А. Куненкова достаточно подробно описаны истории пребывания будущих толмачей в плену, выхода из него и зачисления на службу в Посольский приказ.

В исследовании А.В. Белякова, основанном на его диссертации 2002 г., встречается информация о 185 толмачах. Из них 22 поверстались в толмачи «за многие полонные терпения»: Лазарь Алымов, Афанасий Буколов, Трофим (Роман) Власов, Григорий Гостев, Василий Григорьев, Иван Дмитриев, Тарас Иванов, Алексей Кокорин, Игнатий Лазарев, Лука Леденев, Василий Мартынов, Иван Масеев, Марк Михайлов, Василий Остахов, Алексей Плетников, Андрей Путицын, Лука Степанов, Михаил Степанов, Федор Тюлькин, Гаврило Угримов, Федор Чиркин, Андрей Шербинин. Приводимые сведения ограничиваются происхождением («орловский», «царицынский» и др. «сын боярский»), обстоятельством («будучи в посольской посылке», «под Ригой») и временем пребывания (от 12 до 34 лет) в плену, его местом (Крым, Турция, Швеция, Польша, у калмыцких тайшей). Исключение составляет Степан Михайлов сын Гиреев, биография которого описана достаточно подробно [Беляков, с. 141–145]. Ошибочно отнесен к категории рекрутированных из полоняников Тарас Иванов, т.к. он ненадолго попадал в плен к черному калмыку Аблаю-тайше во время дипломатической поездки в конце 1660-х гг., т.е. через 12 лет после начала службы в Посольском приказе¹. В перечне отсутствует Кондратий Рылков [Беляков, с. 161, 328].

Следует учитывать, что все вышеуказанные авторы включали в число толмачей как четко атрибутируемых сотрудников Посольского приказа, так и однократно упоминаемых в источниках. Обобщив сведения прежних исследователей [Лисейцев; Куненков; Беляков; Гуськов, Шамин, 2021] и именного указателя к первой описи фонда 138 РГАДА², удалось установить примерное количество толмачей, работавших в конце XVI – начале XVIII в. в Посольском приказе – 309. Сюда не включены 10 специалистов, которые упоминаются и как толмачи, и как переводчики. Информация о них уже приводилась в «Словаре» по переводчикам [Переводчики...]. Кроме того, в общую статистику не вошли 45 персон, которые лишь однократно упоминались как толмачи дипломатического ведомства (далее не встречаясь в документах). Трое из них являлись выходцами из плена, два из которых – Иван Наумов сын Бакулин³ и Иван

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Д. 8. Л. 1.

² URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения: 09.05.2023).

³ Вызывает некоторое удивление мнение М. Ходорковского о «нетипичности» факта признания компетентности в знании четырех языков за Иваном Бакулиным [Ходорковский, с. 73]. Среди принятых в приказ толмачей та-

Улитин — даже прошли отбор в приказе, сдали экзамен у переводчиков на знание языков и были приняты на службу. Однако какие-либо сведения об их дальнейшей работе в Посольском приказе обнаружить не удалось⁴. На настоящий момент из 309 толмачей удалось установить факт выхода из «полона» для 72 человек (23,3%), из которых 9 ранее не упоминались в историографии как полоняники (Никита Бородин, Василий Ефремов, Алексей Змеев, Данила Кононов, Федор Накаев, Степан Сербин, Василий Тихонов, Никита/Тимофей и Афанасий Юшковы).

Основными источниками информации о «полонном» прошлом являются челобитные толмачей, выписки и расспросы в приказе. По 11 толмачам не сохранилось почти никакой информации, кроме глухих упоминаний о них как о турецких, крымских или ногайских полоняниках, примерной даты «выхода» из неволи, определяемой по сведениям о зачислении в Посольский приказ или первому упоминанию, а иногда — указания сословного статуса и размера «новичного» оклада или какой-либо выплаты: **Михаил Деяков** — крымский и ногайский полоняник, в приказе с 16 июня 1626 г. [Куненков, с. 457]; **Петр Елагин** — из ногайского плена, в приказе с 1617/18 г. с поденным кормом в 2,5 коп. [Лисейцев, с. 385]; **Иван Массев (Мосеев)** — рязанский сын боярский, крымский полоняник, 17 мая 1653 г. взят в толмачи на место Семена Птицына с жалованием в 200 четей (поместный оклад), 9 руб. (годовой денежный оклад) и 3 коп. (поденный⁵ корм)⁶; **Осип Нефедьев** — из Оскола, в приказе с 1646/47 (155) г., получил за «подначальство» 2 руб. и сукно «доброе»⁷; **Анисим (Онисим) Судаков (Судоков)** — сын боярский из Болхова, турецкий полоняник, в приказе с 1623/24 г. с окладом в 11 руб. и 4 коп.⁸; **Мина Суханов** — ногайский полоняник, из плена не позднее 1621 г. [Куненков, с. 485]; **Антон**

кие случаи не были редкостью: Иван Лазарев, Роман Власов и Григорий Гостев владели четырьмя языками, Иван Англичанин, Лука Леденев, Федор Мясоедов и Степан Сербин — пятью.

⁴ Подробности об их пребывании в плену и обстоятельствах зачисления на службу см.: [Гуськов, Шамин, с. 283–284, 313].

⁵ Далее название видов жалования опускается, будут указаны лишь цифровые данные: в четях — для поместного оклада, в рублях — для годового денежного оклада, в копейках — для поденного корма, в четях ржи и овса — для хлебного оклада.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 66; 1661 г. Д. 6. Л. 124.

⁷ Там же. 1649 г. Д. 1. Л. 230, 307.

⁸ Там же. 1641 г. Д. 3. Л. 2; Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 119; [Кулмамаев, с. 63].

Терехов — сын боярский из Орла, турецкий пленник, в приказе не позднее 1635/36 г.⁹; **Авдей Харитонов** — «беленин» сын боярский, турецкий пленник, в приказе с 1642/43 (151) г. с жалованием в 200 четей, 8 руб. и 3 коп. [Куненков, с. 490]; **Емельян Алексеев сын**¹⁰ **Янчурин** — «тулянин», крымский и ногайский пленник, в приказе с 16.06.1626 г. [Куненков, 494]. Относительно **Никиты (Тимофея)** и **Афанасия Юшковых** отсутствуют прямые упоминания об их «полоном терпении». Однако сохранился запрос из Разряда в Посольский приказ от 12 августа 1628 г. относительно фактов биографии этих толмачей, в котором требовалось узнать, из каких земель они вышли «ис полону», удалось ли это сделать за выкуп, по обмену или самостоятельно¹¹. С высокой долей вероятности это может свидетельствовать об их пребывании в неволе перед поступлением на службу в приказ.

Больше информации приводится в кратких челобитных и «скасках» еще 14 толмачей, в которых указывались «малая» родина и статус «выходца», место (иногда и срок) пребывания в плену и перечень усвоенных языков. Из текста, а также по пометам и выпискам дополнительно можно узнать примерную или точную дату зачисления в приказ, освидетельствование о знании языков, размер первоначального оклада и дополнительных выплат: **Лазарь Алымов (Алимов)** — сын боярский из Орла, в плену (видимо, в Крыму) пробыл 15 лет, зачислен в приказ 10 января 1626 г. на место Андрея Васильева¹²; **Иван Иванов сын Есипов (Ненаш)** — «соловленин», находился в плену в Турции (18 лет), вернулся в Москву в 1629/30 г., в Разряде пожалован поместным окладом в 300 четей и 10 руб. «з городом», знал турецкий и татарский («крымский») языки (проверен переводчиком Прокофием Вражским: «с ним по-татарски говорил, и он де Иван по-турски и по-крымски говорить умеет»), в июне 1631 г. зачислен на место умершего толмача Ивана Сура с жалованием в 10 руб. и 3 коп.¹³; **Иван Митрофанов сын Иевлев** — в Крыму и Турции (20 лет), вышел «без окупы и без обмена», знал турецкий, татарский («крымский»)

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 17; [Куненков, с. 487].

¹⁰ В статье используется аутентичный вариант написания отчества толмачей в виде «...ов сын», т.к. в XVII в. использование отчества с «вичем» разрешалось как особая привилегия для выслужившихся по специальному указу царя.

¹¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 5. Л. 2–3.

¹² Там же. 1672 г. Д. 14. Л. 11; [Куненков, с. 443].

¹³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 24. Л. 1–3, 6–7; [Куненков, с. 461].

и ногайский языки (проверен по первым двум переводчиками Прокофием Вражским и Сунчалеем Искилевым), зачислен в приказ 10 июля 1625 г. на место Христофора Иванова с жалованием в 200 четей, 10 руб. и 3 коп.¹⁴; **Петр Красников** — «пушкарский сын» из Алексина, в Крыму и Турции, вывезен в 1621 г. миссией Фомы Кантакузина, выкуплен за 50 руб. у турецких дипломатов «з двора», зачислен в приказ в январе-мае 1622 г. с жалованием в 20 руб. и 6 коп.¹⁵; **Никон Наумов** — «козлитин», захвачен во время службы под Серенском, в Крыму и Турции (17 лет), в 1621 г. «вышел на государево имя» с турецким посланником Фомой Кантакузином, просился в татарские толмачи на место Степана Никифорова, зачислен не позднее июля 1624 г. с жалованием в 13 руб. и 13 четей ржи и овса (хлебный оклад)¹⁶; **Алексей Плетников** — захвачен в 1617/18 (126) г. во время похода королевича Владислава под Москву, в «розных землях» в Европе (7 лет), в 1624/25 (133) г. «вышел из полону», зачислен толмачом цесарского (немецкого) языка в 1655/56 (164) г. с жалованием в 8 руб. и 4 коп.¹⁷; **Никон Федоров сын Понарин** — сын боярский из Валук, в Крыму, знал «крымский» и ногайский языки (владение татарским языком было проверено переводчиком Михаилом Кошаевым), 12 апреля 1655 г. зачислен на место умершего толмача Лариона Исенчюрина с жалованием в 150 четей, 8 руб. и 3 коп.¹⁸; **Андрей Иванов сын Раков** — сын боярский из Переяславля-Рязанского, в Турции и «Нагаех» (13 лет), знал турецкий и ногайский языки, во второй половине 1619 г. просился на место умершего в Персии толмача Федора Болдырева, зачислен в толмачи в 1620/21 г. (вероятно, под поручительство о выплате 30 руб. за «окуп») с жалованием в 10 руб. и 12 четей ржи и овса¹⁹; **Кондратий Рылков** — сын боярский из Ливен, в Крыму и Турции, получил «за полонное терпение и за выход» сукно «аглинское», киндяк и 5 руб., в приказе с 19 октября 1668 г. с жалованием в 150 четей, 9 руб. и 5 коп., приведен к вере 16 июня 1669 г. в церкви благоверного Александра Невского Чудотворца (свидетельствовал священник Арефа, у веры стоял Андрей Иванов)²⁰;

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 116–118; [Куненков, с. 473–474].

¹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1622. Д. 1. Л. 7–8; [Лисейцев, с. 387; Куненков, с. 465].

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 37; [Куненков, с. 487].

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1671 г. Д. 30. Л. 7.

¹⁸ Там же. 1653 г. Д. 7. Л. 100–104.

¹⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 222, 227, 227а-230; [Лисейцев, с. 386; Куненков, с. 479–480].

²⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 68; Оп. 2. Д. 12. Л. 4 об., 97.

Лукьян (Лука) Степанов — в плен попал с матерью «во младенцах», в Крыму (30 лет), вышел из полона самостоятельно («собою»), не позднее сентября 1647 г. зачислен в толмачи татарского и ногайского языков с жалованием в 8 руб. и 3 коп.²¹; **Михаил Степанов** — сын боярский из Воронежа, захвачен в 15 лет крымскими татарами, в Турции (20 лет), знал турецкий и татарский языки (проверен переводчиком Михаилом Кошаевым), просился на место умершего 20.01.1660 г. толмача Тихона Головачева, зачислен 9 марта 1660 г. с жалованием в 10 руб. и 3,5 коп.²²; **Тит Ефремов сын Труфанов** — сын боярский из Орла, в Турции (15 лет, в т.ч. 11 лет на каторге), знал турецкий, «крымский» и итальянский языки (знание языков было проверено переводчиком Прокофием Вражским «и иных татарских переводчиков и толмачей» — «татарскому языку по-турску и по-крымски говорить умеет»), просился на место убитого в Ельце толмача Айдара Ганюкова, зачислен в 1620 г. с поденным кормом в 3 коп.²³; **Терентий Кондратьев сын Фролов** — в Турции, «вышел» в 1654/55 (163) г., знание татарского языка было проверено переводчиком Михаилом Кошаевым, зачислен 6 июня 1655 г. на место Антона Михина, прошел процедуру «исправления веры», получив за «подначальство» 2 руб. и сукно «доброе»²⁴; **Федор Никитин сын Чиркин** — сын боярский из Новосиля, захвачен в плен в бою, в Турции (30 лет), знал турецкий и татарский языки (проверен переводчиком Михаилом Кошаевым), просился на место ушедшего в монастырь толмача Федора Елчина, зачислен 18 июня 1658 г. с жалованием в 200 четей, 8 руб. и 3 коп.²⁵

Обстоятельства пребывания в неволе, выхода из нее, маршрутов путешествий по дороге в Россию, связанные с бывшими пленниками, читаются как приключенческий роман. Они помогают увидеть живых людей, претерпевших множество невзгод в своей судьбе, но сумевших выжить и выбраться на Родину. По остальным 47 толмачам сохранившиеся документы позволяют рассмотреть их биографии со значительными подробностями, включающими действия по приему выходцев из плена на службу в Посольский

²¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1671 г. Д. 30. Л. 4.

²² Там же. 1659 г. Д. 1. Л. 115–119. Выражаю глубокую признательность А.В. Малову за возможность использовать его выписки с материалами дела: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1659 г. Д. 1.

²³ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1620 г. Д. 14. Л. 1–2; [Лисейцев, с. 387].

²⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 85–89; 1655 г. Д. 1. Л. 128.

²⁵ Там же. 1657 г. Д. 5. Л. 63–67; 1658 г. Д. 7. Л. 12; [Кулмаматов, с. 66].

приказ, различные виды выплат и первоначальный размер назначенного жалования. Кроме того, удалось дополнить информацию по некоторым толмачам (В.В. Козлов, И.И. Кудров и В.И. Мартынов), сведения о которых уже публиковались, и уточнить ряд деталей, не совсем точно описанных в статье 2021 г. [Гуськов, Шамин, 2021, с. 293–294, 296, 300–301].

Возвращение на территорию Российского государства представляло огромную сложность для бывших пленников. Причем это не всегда было связано со способом освобождения из неволи. Иногда освобожденные рабы годами ожидали оказии, чтобы покинуть землю османской столицы, в других случаях — они тратили много времени и преодолевали сотни километров, чтобы добраться до города, откуда отправлялись корабли в Архангельск или где находились русские дипломаты, помогавшие достичь Родины. В целом можно выделить три основных способа возвращения из-за границы: 1) с российскими дипломатическими и торговыми представителями, 2) с иностранными агентами, 3) самостоятельно.

I. Пленники, выехавшие с российскими послами (посланниками), представителями, купцами (15 человек).

Большую группу пленников сумел привезти в Россию посланник Иван Хохлов, ездивший в 1620–1622 гг. в Хивинское и Бухарское ханства [Моисеев]. Из 44 человек, часть из которых была куплена, в Посольский приказ на службу поступили трое: И. Семькин, Б. Лебедев и И. Лазарев. Сын боярский **Иван Семькин** и бывший подьячий Терского городка **Богдан Лебедев** в 1624/25 г. подали совместную челобитную с просьбой о зачислении, т.к. они после возвращения «волочатца меж двор, помирают голодною смертью». Первый провел 17 лет в неволе в Бухаре, выучив персидский («фарсовский»), бухарский и татарский языки. Вторым — за 20 лет в «Юргенской земле» освоил турецкий, ургенчский, бухарский и татарский. При этом оба, по их словам, сумели сохранить православную веру и избежать перехода в мусульманство («не бусурманились»). По указанию Ивана Грамотина знание ими языков проверял переводчик Прокофий Вражский. После разговора с выходцами из плена он подтвердил достаточное владение языками: у И. Семькина — персидским и татарским, у Б. Лебедева — только татарским. Посланник Иван Хохлов и сопровождавшие его переводчик Иван Тырин (Тырсков) и толмач Семен Герасимов дополнительно указали на помощь («государю служили»), которую ока-

зали оба претендента в сборе информации («вести проводывали») во время пребывания в ханствах, и на отсутствие в их действиях какого-либо «воровства... зерни и блядни». Во время отъезда из Бухары местный вельможа даже настойчиво уговаривал Семькина остаться, обещая ему «поместье и жалованье», но тот отказался. В итоге обоих зачислили в толмачи: Ивана Семькина с окладами в 200 четей, 15 руб. и 15 четей ржи и овса; Богдана Лебедева — 13 руб. годового и 13 четей хлебного²⁶. Чуть позже в приказ попал **Иван Лазарев**, который находился в плену «в Юргенчской земле» 18 лет. В январе 1625 г. он подал челобитную, где указал на знание «юргенчского», бухарского, ногайского и «крымского» языков. По первым трем был положительно проэкзаменован тем же переводчиком. Однако на службу в качестве татарского толмача был зачислен лишь 4 августа с окладом в 11 руб. и 12 четей ржи и овса²⁷.

Данила Осипов сын Аминев происходил из семьи служилого человека из Великих Лук. Захвачен в плен около 1610–1611 гг. «литовскими людьми», затем отбит татарами и продан в Турцию на галеры. Через 5 лет попал к итальянцам, которые разгромили турецкие корабли и освободили рабов. Пробыв более полугода в Италии, направился в Прагу, рассчитывая на встречу с русскими посланниками в Священной Римской империи. В феврале 1617 г. он встретился с посланником Лукьяном Ивановичем Мясным, который вывез его в Россию. Зачислен в татарские толмачи не позднее марта 1618 г. с хлебным жалованием в 12 четей ржи и овса, которое вскоре заменили на поденный корм в 4 коп. [Лисейцев, с. 385; Куненков, с. 445–446].

Григорий Емельянов сын Бельский — сын боярский из Курска. Был пленен в 9-летнем возрасте в поместье отца ногайскими татарами, которые ходили в набег в Курский уезд. Сначала он находился в Азове, а затем был продан в «турскую землю». Спустя 23 года ему удалось сбежать от турок в Багдад, когда «пошли турецкие ратные полки на кизылбашские места». В Персии он встретил русское посольство Андрея Плещеева и дьяка Никифора Талызина, с которым «вышел» сам, «без откупа». Вместе с ним в Россию вернулись еще несколько полоняников: дети боярские «ельчанин» Иван Шальнев, коломенец Яков Бирев, «орлянин» Иван Позняков. В ноябре 1631 г. каждый получил за выход «со-

²⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 34–36, 119; [Куненков, с. 468, 483].

²⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 92, 107–109; [Куненков, с. 468].

бою, а не на откупу» и «полонное терпение» по 2 руб. и «сукну доброму», а также жалование в 150 четей, 6 руб. и 3 коп. корму на 2 недели. Вскоре Бельский был зачислен в татарские толмачи с 3 коп. поденного корма²⁸.

Никита Иванов сын Бородин — пронский казак. В 1618/19 г. послан воеводой Федором Житовым из Пронска в Ряжск «для вестей», и по дороге на речке Галинке его «взяли в полон азовские татаровя». Был доставлен в Азов и оттуда продан в Константинополь, где пробыл в «полону» 14 лет. Там он женился на русской рабыне из Оскола Анне, дочери Лазаря Некрасова, которая на 5 лет раньше была похищена азовскими татарами. Примерно в 1622 г. у них родился сын Михаил, которого они крестили «от греческих попов». Из Константинополя, после отпуска оттуда русских послов Семена Яковлева и дьяка Петра Евдокимова, Никита «вышел... собою в Крым... з женою и с сыном». В свою очередь, из Крыма семья Никиты смогла выехать с посланниками Лаврентием Кологривовым и подьячим Александром Дуровым. Когда дипломатов отпустил крымский хан Джанибек-Гирей I («Джанбекгир»), Бородин, «не хотя в бусурманской вере остатца и помня христианскую веру», с ними «ис Крыму вышел без окупу» с супругой и ребенком (к 14 февраля 1631 г.)²⁹.

Афанасий Афанасьев сын Буколов (Букалов) — сын боярский из Орла. Попал в плен «лет с 20»³⁰. В 1616/17 (125) г. крымские татары совершили набег на «государевы украины». Он, в составе 200 «охочих» людей из Белгорода, участвовал в перехвате нападавших на перевозе на Северском Донце. После трех недель ожидания, по истощению всех запасов, шестерых отправили назад в Белгород. Буколов был в составе возвращавшейся группы, которую перехватили крымские татары. Он попал в плен и был продан в Перекопе «турченину» Агаджи Муслу. В Константинополе его перепродали приказчику Усеин-бея Яуравлу на «каторгу» (галеры), где прожил два года. Во время одной из поездок в Александрию он подал челобитную местному патриарху Герасиму, по указанию которого его выкупил грек Иван Калуянов из города «Станкюй». У Ивана он прожил 9 лет, из которых последние два года «своею волею». Затем плавал один год на разных кораблях вольным наймом.

²⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 112–114, 229; [Куненков, с. 450].

²⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 82, 85–89.

³⁰ Там же. 1672 г. Д. 14. Л. 9.

В Египте в городе Думьяте («Дьямове») вновь нанялся к Калуюнову на корабль с рисом («пшеном сорочинским»), направлявшимся в Константинополь. На Кипре судно потерпело крушение («погодою розбил»), но удалось спасти «парусы, да якоря и веревки да две пушки». Вскоре подошло из Египта другое судно грека, на котором Афанасий отвез в «Станкую» вытасченные после кораблекрушения снасти. В феврале («на сырной недели») 1632 г. он оказался в Константинополе, где в то время происходили серьезные волнения («смятенье великое»). По свидетельству Буколова, начались они из-за убийства около столицы возвращавшегося из Багдада Хосрова-паши (бывший великий визирь Гази/Бошнак Хусрев-паша). Убийство произошло по указанию матери султана Мурада IV, о чем сам правитель Турции вроде бы ничего не знал: «а салтан де про то не ведал и убить ево не веливал». После получения в Константинополе известия о смерти популярного вельможи там вспыхнуло восстание: «за Хосров де пашу стали все спаги и янычены, и за то де во Царьгороде пашей многих лутчих людей побили». Афанасий, спасаясь от волнений, уехал в город Тенедус (совр. — о. Бозджаада), где узнал о прекращении беспорядков («учало быть... смирно и убивство унялось») после выплаты султаном денег войскам («спагам и янычанам дал свое жалованье»). В июне 1632 г. Буколов на корабле переехал в Венецию. Прожив здесь больше трех месяцев, он сумел наняться на голландское судно к капитану Маврицу, на котором совершил несколько поездок по Средиземноморью. Корабль был арендован турецкими купцами из города Янова, которые сначала с зерном («хлебные запасы») приплыли в турецкие земли, где сбыли его, и, загрузив на полуострове Кассандрия новые товары, вернулись в Янову. После распродажи этого груза судно переместилось в г. Трапани («Трапон») на о. Сицилия («Мисинов»), откуда с грузом соли направилось в Амстердам. В Голландии Буколов сошел с корабля. После двух с половиной месяцев пребывания здесь его устроили на судно, идущее в Архангельск, пообещав оплатить проезд («и провоз за него хотели дать»). Однако, узнав о пребывании в Амстердаме голландского купца Григория Григорьева сына Фандергейна (фан дер Гейн), нанятого российскими властями для различных операций, пристал к нему. Далее за счет Фандергейна («а вез его Григорей на своих проторех») Афанасий на корабле доплыл до Риги, откуда через Псков и Новгород вернулся на Родину. Прибыл в Москву 28 сентября 1633 г. В челобитной оценивал собственный срок пре-

бывания «в полоне» в 16 лет (т.е. в реальности включив туда все время пребывания за пределами Московского царства). 15 октября 1633 г. пожалован «за полонское терпение и за выход» тафтой, сукном «добрым» и 8 руб.³¹ В конце своей толмаческой карьеры в 1672 г. он указывал, что «пожалован за полонное терпение в толмачи», где прослужил «с 50 лет», завысив ее срок не менее чем на 10 лет (реально — с 1632/33 по 1672 г.)³².

Степан Михайлов сын Гирев — сын боярский из Каширы (вероятно). Попал в плен на другой год после «тульские осады» (т.е. в 1608 г.) к крымским татарам. Был продан на галеры, где «живот мучил» 9 лет. Был освобожден итальянцами («отгромили... на море на окияне папы римские люди») и отпущен на Родину. Около 1617–1618 гг. был взят в Посольский приказ в толмачи с окладом в 250 четей, 10 руб. и 4 коп. Через какое-то время по челобитью его отпустили в гости «на Коширу к сродичем своим побывать», и тут Гирев вновь («вкругорядь») попал под набег крымцев. Далее — старая схема: увод в полон и продажа в Турцию. На этот раз Степан оказался в г. Гейре (Гере), где пробыл в неволе еще 20 лет. В конце концов ему удалось сбежать в Персидскую землю, откуда «вышел» в Астрахань с московскими торговыми людьми. После приезда в Москву не позднее 10 января 1651 г. подал челобитную с просьбой о зачислении на место умершего толмача Павла Саголаева. Указал на владение тремя языками: турецким, «папы римского» (итальянским) и персидским. Знание языков было проверено переводчиками Михаилом Кошаевым (турецкий) и Иваном Адамовым (итальянский). По документам Посольского приказа не удалось подтвердить его прежнюю службу, т.к. «многие столпы и книги в московской большой пожар» 1626 г. сгорели. Из сотрудников его смог вспомнить только переводчик Иван Фомин: «он Иван ево Степана Гиреева знает» и как он был «в толмачех, про то помнит». 26 марта 1651 г. был зачислен в толмачи с минимальным жалованием в 200 четей, 7 руб. и 2,5 коп. 17 апреля Степана «для исправления... веры» отправили в Троицкий Богоявленский монастырь «под начало», выдав кормовые на 1 месяц. После выхода из обители через шесть недель (10 июня) он подал челобитную с просьбой пожа-

³¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 107–116; [Куненков, с. 452–453]. Текст расспросных речей А. Буколова был опубликован в: Хождение за три моря Афанасия Букалова [XVII в.] / публ. С. Файзова // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 86–88.

³² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Д. 14. Л. 9.

ловать за «подначальство», получив через две недели 2 руб. и «сукно доброе»³³.

Тихон Иванов сын Головачев — сын боярский из Воронежа. В 1621 г. послан воеводой Борисом Ивановичем Нашокиным и послом Иваном Гавриловичем Кондыревым в составе станицы «до казачьих юртов». На дороге около р. Хопер татары разгромили отряд, убив всех спутников Тихона, а его раненого захватили в плен. В Азове он был продан «за море» в Константинополь на «каторгу». После 23 лет неволи Головачев смог покинуть османскую столицу с посольством князя Ильи Даниловича Милославского, отпущенного султаном в Россию в сентябре 1643 г. С миссией он «выбрел» в казачьи городки в Роздоры, откуда «приволокся станицею» в Москву. В июне 1644 г. взят на место толмача Григория Мисюрского с жалованием в 300 четей, 12 руб. и 3,5 коп.³⁴

Происхождение **Саввы (Савелия) Васильева сын Долгого** неизвестно, т.к. он был взят в плен «невелика», поэтому не помнил отца и матери. «Живот мучил на каторге» в Турции 30 лет, там же был насильно «обусурманен». Вышел с послами Яковом Дашковым и Матвеем Сомовым (находились в Константинополе с июня 1633 по апрель 1634 г.), которые выкупили его за 15 руб. В Москву прибыл с женой и детьми. Заявил о владении турецким, «крымским» и итальянским языками. Знание первых двух при проверке было положительно оценено Прокофием Вражским. Был принят в толмачи в январе 1635 г. с жалованием в 8 руб. и 3 коп.³⁵

Нечай Давыдов сын Дрябин — сын боярский из Можайска. Захвачен в плен под Борисовым в Смуту («московское разоренье») литовскими людьми. Был в услужении у Хриштопа Радзивилла в Великом княжестве Литовском. В Голландии, куда попал с поехавшим на учебу сыном Радзивилла, сумел сбежать. Вернулся в Россию («вышел») с послами Григорием Алябьевым и дьяком Григорием Ларионовым, прибыв в Архангельск 15 августа 1632 г. В Москве получил «за выход и за полонское терпенье» 10 руб., камку и сукно «добрые». 7 октября 1632 г. был зачислен в «в польские и в немецкие» толмачи с поденным кормом в 6 коп., а затем отправлен «под начало» на двор к патриарху, выйдя из него

³³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 296–307.

³⁴ Там же. 1643 г. Д. 2. Л. 124.

³⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1635 г. Д. 3. Л. 1–4.

к 25 декабря³⁶. 3 июля 1633 г. Дрябину было назначено жалование в 200 четей и 12 руб.³⁷

Тит Осипов сын Зябрев — «неверстаной» сын боярский из Калуги. Сын стремянного конюха. Попал в плен к крымским татарам в 1613/14 г. во время поездки в Алексин по делам Конюшенного приказа. Возвратился в Россию в октябре 1619 г. вместе с российскими посланниками Петром Мансуровым и дьяком Семеном Самсоновым, выкупленный греческими купцами за 60 руб. За выход получил 3 руб. и «сукно доброе». В Разряде было установлено жалование в 300 четей (поместный оклад) и 8 руб. «з городом». С поместного оклада греческим «торговым людем» было выплачено «окупу» 30 руб. (по «уложению» — за 100 четей по 10 руб.), а за остальной долг в 30 руб. его поставили на правеж. Титу Зябреву нечем было выплатить оставшуюся сумму, т.к. «после де московского разоренья не осталось у него никого». Чтобы «стоячи на правеже, замучену не быть», не ранее сентября 1620 г. он подал челобитную с просьбой о зачислении в Посольский приказ на место толмача Ивана Сура, который «отстал... собою». Указал на знание турецкого, «крымского» и ногайского языков. Вскоре был зачислен в толмачи «с порукою» с жалованием в 8 руб.³⁸

Иван Кудинов сын Скороваров — болховский сын боярский. Захвачен в плен на «службе под Болховым» крымскими татарами и продан в «турскую» землю «на каторгу». Пробыл в неволе 20 лет. Вывезен из Османской империи посольством во главе с Андреем Савиным (Совиным) и дьяком Михаилом Алфимовым, которое вернулось в Москву в феврале 1632 г.³⁹ Сразу же поступил на службу в рейтарский полк, приняв участие в Смоленской войне 1632–1634 гг.: «с приходу и да отходу, в осаде сидел и всякую осадную нужу и голод терпел». При поместном окладе в 450 четей получил поместье в 50 четей в Серпейском уезде, которое оказалось пустым (без крестьян). В апреле 1637 г. подал челобитную с просьбой о верстании в толмачи на место умершего в Персии Афанасия Юшкова.

³⁶ В процессе определения вознаграждения за «исправление веры» упоминается указ о его размере: «И по государеву с святейшего государя патриарха указу полонеником детям боярским даетца государьского их жалованья за подначальство против выходного в поль».

³⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 52–61, 89; [Куненков, с. 458].

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Л. 5, 13; Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 120–123; [Лисейцев, с. 386; Куненков, с. 462].

³⁹ Некоторые подробности о миссии см.: [Оборнева, с. 30].

Прокофий Вражский положительно оценил уровень знания им турецкого языка. Был принят в толмачи с окладом в 14 руб.⁴⁰

Яким Иванов сын Сумороков (Сомороков) в конце XVI в. служил в Переяславле-Рязанском (возможно, с жалованьем в 25 руб. и поместным окладом в 500 четей). Попал в плен к крымским татарам в 1591/92 г. во время похода в составе отряда («азовской станице») во главе с «тулянином» Леонтием к «Орлику». Около р. Черный Жеребец их станицу разгромили, захватив в плен трех человек (его, Юрия Темирязева и Ивана Кисленского). Их привезли в Азов, где отдали на галеры к Асан-паше, командовавшему эскадрой. Товарищи по несчастью вместе с полоняниками «розных земель» смогли освободиться раньше него, подняв бунт на галере Асан-паши. Весь экипаж каторги вместе с турецкими янычарами и штабом («двор его»), находившимися на судне, были уничтожены («побили наголову»), а невольники разошлись по своим землям. Сам же Яким оставался в «полону» на галере сына Асан-паши целых 23 года («и зиму и лето»). В сентябре 1612 г. турецкий султан Ахмед I послал в Александрию за «пороховой и денежной» казной эскадру во главе с Мамет-бием на 12 галерах, в числе которой оказалась и «каторга» Суморокова. На обратной дороге в 500 верстах от Константинополя около города «Секиза» на них напали 8 испанских галер, которые разгромили наголову турецкий флот и захватили 7 «лучших» турецких кораблей с казной. В плен попал и сам Мамет-бий с женой и детьми. Остальные 5 «каторг» сумели скрыться. Якима вместе с другим полоняником – Федькой Даниловым, человеком кн. Григория Петровича сына Шаховского – испанцы освободили из оков. Их привезли в Сицилию и на берегу моря, дав по грамоте «прохожей», отпустили на Родину. Всего свободу получили 1 200 невольников. Яким и Федька через Мессину добрались до Рима («где сам папа живет»), затем проследовали через Феррару, венецианские земли (г. «Рыба»), Инсбрук (в «Максимияново арцкняжество») в Линц («Линцын»). Здесь они встретились с русскими посланниками Семеном Ушаковым и дьяком Степаном Заборовским, которые ездили в июне 1613 – августе 1614 г. с миссией к цесарю. Дипломаты отправили их в Гамбург вперед себя, оставшись по делам в Линце. Позже в Гамбурге бывшие полоняники побывали вместе с посланниками на приеме у «галанского князя», а уже затем вернулись в Россию, прибыв в Москву 25 августа 1614 г. За «полон и за

⁴⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 1–3; 1639 г. Д. 1. Л. 4.

выход» Яким Сумороков получил 3 руб. деньгами и «сукно доброе», а за «службу и за терпенье» прибавку к жалованью в 5 руб. и 100 четей. Осенью 1614 г. он был зачислен в Посольский приказ в толмачи турецкого языка с жалованием в 400 четей и 25 руб.⁴¹

Михаил Иванов сын Толмачев — сын боярский из Курска. Попал в плен к крымским татарам под Каширой, «как к царю Василью на помочь царевичи приходили» (около 1608—1609 гг.). Из Крыма был продан в Константинополь, где «отработался» 12 лет. После освобождения хозяином (получил волю, как «урочные лета отжил») вернулся в Крым, где русский посланник Абросим Лодыженский взял его в толмачи («перезвал к себе»), т.к. штатные сотрудники посольства оказались разосланы с поручениями (в Москву и Астрахань). Больше полугода Толмачев прослужил российскому дипломату. Причем он не только занимался переводами разговоров («перед мурзы и перед татары, которые... приезживали для государевых дел, толмачил»), но и «вести всякия розведывал и... сказывал». По завершении миссии вернулся вместе с посланником в Москву. Получил «за выход» 3 руб. и «сукно доброе». Согласно памяти из Разряда от 17 июля 1620 г. о его родственниках, на службе находились: в курской десятне — Афанасий Антипов сын, Ефим Петров сын и Никон Иванов сын Толмачовы; в орловской десятне «помесного и денежного верстанья» дети боярские — Алексей Александров сын, Григорий Никонов сын, Остафий и Григорий Никитины сыновья Толмачовы. В расспросе дети боярские из Орла Степан Михайлов и Михаил Жилин указали, что отец Михаила — Иван Никитин сын — не был «верстан» и жил «на Орле» у своих родных братьев Григория и Остафья. Он погиб в годы Смуты («после московского разоренья(?) в войну литовских людей») под Курском. В июле-сентябре 1620 г. Михаил Толмачев был зачислен в татарские толмачи с жалованием в 250 четей и 10 руб.⁴²

II. Полоняники, привезенные зарубежными послами (посланниками) или купцами (4 человека).

Василий Григорьев — «белорусец» из Полтавы. Видимо, участвовал в боях на стороне Богдана Хмельницкого, т.к. попал в плен к крымским татарам под Зборовым в августе 1649 г., «в то время как

⁴¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1613 г. Д. 1. Л. 16—17, 55—66, 73, 74; [Лисейцев, с. 381; Куненков, с. 485].

⁴² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 130—138; [Куненков, с. 487].

у гетмана... с поляками был бой и договор». После полуторагодового пребывания в Крыму был продан туркам в Анатолийскую землю. Через 6 лет сумел сбежать в Грузию, где попал к имеретинскому царю Александру. Последний отпустил Василия в Россию вместе с посольством во главе с дворянином Русапом Георгиевым. 1 ноября 1658 г. явился в Посольский приказ и подал челобитье о зачислении в толмачи турецкого и татарского («крымского») языков. Проверял знание языков переводчик Михаил Кошаев. 21 ноября взят в толмачи с жалованием в 9 руб. и 3,5 коп. 25 ноября получил «за выход», подав соответствующую челобитную, 2 руб. и сукно «доброе». В феврале 1659 г. подал прошение об отправке его «для исправления веры». Пробыл «под началом» в Чудове монастыре 6 недель, за что получил 13 апреля дополнительное вознаграждение: 3 руб. и сукно «доброе»⁴³. Свидетельств о толмачестве им с белорусского и польского языков [Беляков, с. 296] обнаружить не удалось.

Иван Ларионов сын Савенок (Савенков) — сын боярский из Орла. Попал в плен к крымским татарам в «московское... разоренья» (в 1607–1609 гг.) в юном возрасте («мала»). Был продан турчанину. Провел в неволе 25 лет в Кафе и Карасубазаре («Корасове», совр. — Белогорск). По его словам, выучился трем языкам. Попал в группу «на окуп», которую в 1632 г. привез в Москву крымский посол «Курмуш»-мурза (Курамши-мурза Сулешев). После освобождения Ивана зачислили в рейтарский полк с поместным окладом в 200 четей и 8 руб. «з городом» («за полонское терпенье»). В 1632–1634 гг. воевал в войске, которое осаждало Смоленск: «с преходу и да отходу, в осаде сидел и всякую осадную нужу терпел». В награду получил небольшое поместье в Серпейском уезде в 50 четей, в котором жили всего «два бобыльщика», и прибавку к окладам в 100 четей и 6 руб. В мае 1638 г. подал челобитную о зачислении его в толмачи на место Ивана Иевлева, т.к. тот «в толмачах быть не хочет» (на самом деле Иевлев был арестован за изменнические действия и 25 марта уволен из приказа). Был проверен переводчиком Прокофием Вражским на знание «крымского» языка и зачислен в татарские толмачи с жалованием в 200 четей и 9 руб.⁴⁴

Василий Тихонов — выходец из донских казаков. На Дон попал из Смоленского уезда, где был захвачен казаками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. в «малых... летех». Там же он вырос

⁴³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 9–13, 376–38, 47–48, 57–59.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 1–2, 4–5; [Куненков, с. 481].

и служил «казачью службу». Летом 1646 г. во время похода воеводы князя Семена Романовича Пожарского на татар и ногайцев участвовал в составе казачьих отрядов в боевых действиях. В одном из сражений с крымским царевичем Ният-Пиреем Василий был ранен из пищали в правую руку, попав в итоге в плен к крымским татарам. Из Крыма его отвезли в Константинополь, где он оказался на галерах, проплавав на них 26 лет. Выучил там итальянский («френской») и турецкий языки. С «каторги» был выкуплен греком Анастасом Ивановым и привезен в Москву в сентябре 1670 г. Грек указал сумму выкупа в 120 руб., но удовлетворился полученными 60 руб. «собольми» (об остальной сумме он почему-то «не бьет челом»). Знание языков было проверено переводчиком Дмитрием Асановым (турецкий) и толмачом Петром Туровым (итальянский). Взят в толмачи 9 февраля 1671 г. с жалованием в 100 четей, 8 руб. и 4 коп.⁴⁵

Петр Васильев сын Чаплыгин. Сын боярский из Орла. Ходил в поход под руководством воеводы князя Андрея Елецкого на «недругов — литовских людей» в Краснополе. На р. Ивати участвовал в сражении («бился явственно»), получив ранение «в бороду» из лука. По возвращении был направлен орловскими головами Шлыком Шепелевым и Гаврилой Солиным (?) в «подъезд», во время которого он на «рожаном поле» попал в плен к ногайцам. Был продан в Турцию, где провел 13 лет, выучив турецкий, татарский и итальянский языки. Из Константинополя в Москву вывезен в 1621 г. миссией Фомы (Истомы) Кантакузина и «чаушами Мамячееми». Выкуплен за 25 руб. у турецких дипломатов «з двора». В челобитье просился на место умершего толмача Степана Афанасьева. Знание языков (турецкого и татарского) было проверено переводчиком Михаилом Кошаевым. Взят в «татарские толмачи» 10 февраля 1622 г. с жалованием в 15 руб. денежного оклада и 300 четей поместного⁴⁶.

III. Самостоятельно вернувшиеся пленники⁴⁷ (28 человек).

Иван Иванов сын Англичанин получил прозвище по последнему местопребыванию перед «выездом» в Россию. Еще в детстве (в 5–6 лет) его захватили в плен «на украине крымские татарова»,

⁴⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 90–93.

⁴⁶ Там же. 1622 г. Д. 1. Л. 1–12; Д. 2. Л. 7–8; [Куненков, с. 491].

⁴⁷ Сюда же включены бывшие невольники, про которых точно не известен их маршрут приезда в Россию.

поэтому он не помнил даже города, из которого был родом. Крымцы продали его в турецкий город Смирну («Змирна», совр. – Измир), где он был перекуплен греком Юрием. 10 лет Иван находился в услужении, а после смерти хозяина был отпущен на волю. На корабле ему удалось переехать в английскую землю, где он прожил еще 8 лет. Здесь он нанялся в русское посольство кн. П.С. Прозоровского и И.А. Желябужского, с которым и вернулся в Россию, «помня православную христианскую веру». 28 июля 1663 г. в Архангельск пришел корабль из Англии, на котором «в работных в наемных людях» находился полоняник Ивашко Иванов. Для проезда в Москву он получил «корм» в размере 1 руб. 95 коп. В столицу был отпущен 1 августа с сокольником Михаилом Тоболиным, который должен был отвезти отписку воеводы и «объявить» Ивана руководству Новгородской четверти думному дьяку Алмазу Иванову «с товарищи». Согласно помете, в московское ведомство они прибыли 26 ноября 1663 г. В приказе Иван заявил о знании пяти языков: греческого, турецкого, английского, испанского и итальянского. За «выход» получил 5 руб., «сукуно аглинское» и «киндяк доброй». Был зачислен в толмачи с поденным кормом в 6 коп. В декабре 1663 г. Иван Иванов подал челобитную с просьбой поверстать его годовым жалованием. При рассмотрении дела были опрошены специалисты Посольского приказа на знание заявленных им иностранных языков. Переводчик Федор Черкасов подтвердил владение греческим и турецким языками, англичанин Томас Брейн – английским, а толмачи Афанасий Буколов и Лука Леденев – испанским и итальянским. Лишь 8 мая 1664 г. последовал указ об установлении и выплате годового жалования. Несмотря на высокую квалификацию (знание 5 языков), Иван получил минимальный оклад в 8 руб.⁴⁸

Василий Астахов (Остахов) – сын боярский из Валук. Пробыл в неволе 30 лет – «в турецкой земли... живот свой мучил». В 1660/61 г. «выбрел... из полону». 2 февраля 1661 г. подал челобитную с просьбой о зачислении в толмачи, т.к. он научился «всякому турецкому языку». Переводчик Михаил Кошаев подтвердил его умение говорить на турецком и татарском языках. 9 февраля был взят на место Матвея Есаулова (Ясаулова), который перешел на службу в Белгород, с «новичным» жалованием в 150 четей, 8 руб. и 4 коп.⁴⁹

⁴⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 43–48, 77–81.

⁴⁹ Там же. 1661 г. Д. 7. Л. 110–114.

Роман (Трофим) Власов — «полоченин», «иноземец поляк», служил с полоцкими казаками. Попал в плен на «государеве службе» под Ригою, вероятно летом 1656 г. во время осады города войсками Алексея Михайловича. В Швеции «принял римскую веру». В 1659/60 (168) г. «вышел» «из Свейские земли» на государево имя и крестился в православную веру под именем Трофим — «был в монастыре под началом». Получил для крещения «платья с Казенного двора» на 20 руб. и «за выход» — 5 руб. и сукно «доброе аглинское». Заявил о знании 4 языков: немецкого, шведского, финского и «латовского». Голландец Мартин Быхлинк подтвердил его умение говорить на шведском и немецком языках. 11 сентября 1660 г. был принят в толмачи с жалованием в 10 руб. и 6 коп., а «помесной учинить тогда, как послужит»⁵⁰.

Григорий Иевлев сын Гостев — сын боярский из Орла. Попал в плен к «крымские и нагайские люди». Продан в Константинополь, где за 9 лет освоил («стал навычен») турецкий язык. Оттуда попал в Персию, где находился еще 8 лет, также выучившись «языку кызылбашскому». Затем Григорий оказался на службе у персидского шаха с жалованием (« годового корму») в 70 руб., где дополнительно «научился фарсовскому и арабскому языку». Выйдя из полона (в челобитной не объясняется, каким образом ему удалось это сделать), Гостев в августе 1650 г. попросился за «полонское великое терпенье» в толмачи по 4 языкам⁵¹ на одно из мест («выморошные») умерших толмачей (Осип Нефедьев, Марк Черников, Борис Позняков). Знание языков было проверено: «фарсовского» — толмачом Иваном Ширимовым, турецкого — переводчиком Билялом Байцыным. 20 августа 1650 г. взят на службу на место Марка Черникова с жалованием в 200 четей, 8 руб. и 3 коп.⁵²

Василий Ефремов — уроженец города Ломова. Был в плену у калмыков 16 лет. В октябре 1658 г. «вышел» из плена. В челобитной указал на знание калмыцкого и ногайского языков и просил взять в толмачи. 7 октября был направлен «под начало» к патриарху для «исправления веры». Провел в Новоспасском монастыре («у Спаса на Новом») почти 7 недель. После того, как «подначальные дни ему отошли», 25 ноября был зачислен в приказ с жалованием в 150 четей, 8 руб. и 3 коп. Дополнительно получил «за полонское терпение

⁵⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 6. Л. 112; Д. 7. Л. 10–13.

⁵¹ Не удалось найти сведений о владении им татарским, белорусским и польским языками [Беляков, с. 295].

⁵² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 157–161.

и за выход» 2 руб. и сукно «доброе». Не удовлетворившись полученным, Василий в апреле 1659 г. подал новую челобитную, результатом которой стала выплата 4 мая «за подначальство» 3 руб. и еще одного сукна «доброго»⁵³.

Не удалось установить происхождение **Алексея Змеева**. В составе рейтарского полка он участвовал в сражениях и осадах 1654–1659 гг. Несколько раз был ранен. Попал в плен к крымским татарам в июне 1659 г. под Конотопом после поражения отряда С.Р. Пожарского. Был продан в Константинополь, откуда попал на галеры в Средиземное море. После оказался (куплен с «катарги») на «королевском корабле» португальского монарха, с которым побывал в Индии, Англии, Голландии, Швеции, Дании. В Амстердаме был продан в Брабант, откуда в конце концов, после 38 лет неволи, его отпустили в Россию. Не позднее сентября 1696 г. был зачислен толмачом голландского и цесарского (немецкого) языков с поденным кормом в 6 коп. [Кочегаров].

Афанасий Григорьев сын Золотухин — сын боярский из Ельца. Указан как «турской выходец крымской плененик». Захвачен около своего города крымскими татарами и продан в Кафе на турецкую галеру. В Константинополе проплавал на «каторге» 12 лет. Был освобожден в бою испанцами («отгромили... шпаськие люди»). Получив «грамоты вольные», он вместе с товарищами по несчастью добрался до Рима, где прожил две недели. С новыми «подорожные листы вольные», врученными Папой Римским, бывшие пленники через земли цесаря достигли Речи Посполитой, откуда Афанасий «вышел через литовскую землю... к Москве». Около 1616–1617 гг. был зачислен в татарские толмачи с жалованием в 200 четей, 10 руб. и 12 четей ржи и овса⁵⁴.

Василий Венедиктов сын Козлов (Борчуков, Ибарчуков) — сын астраханского стрелецкого головы. Захвачен в плен в юном возрасте и попал в Крым. После возвращения в Россию был зачислен 27 июня 1669 г. в татарские толмачи с жалованием в 250 четей, 10 руб. и 4 коп. Из-за «обусурманивания» для «исправления веры» находился на «подначальстве» в течение 6 недель в Богоявленском Троицком монастыре. В апреле 1670 г. получил за «подначальство» 5 руб., сукно и киндяк⁵⁵.

⁵³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 4–5, 34–37, 37а, 38, 71–73.

⁵⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 6. Л. 37–41; [Лисейцев, с. 384].

⁵⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 132, 134–135; [Гуськов, Шамин, 2021, с. 293–294].

Алексей Иванов сын Кокорин находился в неволе в Турции и Крыму 15 лет. Вышел самостоятельно («собою») не позднее 1653/54 г.⁵⁶ Подал челобитную с просьбой о зачислении в толмачи, которую за него написал Михаил Кошаев. Он же подтвердил, что Алексей умеет «по турецкому и по крымскому говорить». В мае 1655 г. Кокорин вновь обратился с прошением о принятии «за полонское терпение», где «живот свой мучил и всякою нужу терпел», в толмачи на «убылое» место Фомы Степанова. Между 5 и 24 мая 1655 г. был проэкзаменован переводчиком Михаилом Кошаевым на знание татарского («крымского») языка. Взят в приказ 24 мая 1655 г. с «новичным» жалованием в 8 руб. и 3 коп.⁵⁷

Данила Григорьев сын Кононов — сын боярский из Белгорода. Был в плену в Турции («живот мучил») 18 лет. В 1654/55 г. сумел бежать и «брел» к Москве через Волошскую землю, где его поймали. Был посажен в тюрьму на 4 месяца, где его «мучили и пытали розными пытками и огнем жгли», выведывая «вести». В конце концов сумел добраться до Москвы, где не позднее 24 июля 1655 г. подал челобитную с просьбой о зачислении за «полонское терпение» в толмачи на место отставленного Артемия Карамышева. К этому времени у него не осталось никаких родственников («племянников») в Белгороде («головы прислонить не х кому») и закончились какие-либо средства пропитания («брожу... меж двор и помираю голодною смертью»). Указал на знание («емлю») турецкого и «крымского» (татарского) языков, которое было проверено Михаилом Кошаевым. Прошел процедуру «исправления веры», получив за «подначальство» 2 руб. и сукно «доброе». 28 июля взят в толмачи с «новичным» жалованием в 150 четей, 7 руб. и 3 коп.⁵⁸

Иван Иванов сын Кудров находился на «стрелецкой службе» с 1650/51 г. в приказе Осипа Васильевича Костяева. Участвовал в походах: 1654 г. — осада и взятие Смоленска, 1656 г. — в «Немецкой земле» (захват Динабурга, Кокенгаузена и осада Риги, где «в шанцах сидел»). В 1658 г. в полку Семена Скорнякова-Писарева в войске боярина и воеводы князя Федора Федоровича Куракина ходил в черкасские города (под Лохвицу). В бою (вероятно, осенью 1658 г.) с «многия крымские люди» и «изменик Ивашка Выговской» Кудров «бился, не щедя головы своей». Был ранен («сечен

⁵⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1671 г. Д. 30. Л. 12 об.

⁵⁷ Там же. 1653 г. Д. 7. Л. 80–84, 93.

⁵⁸ Там же. 1653 г. Д. 7. Л. 139–142; 1655 г. Д. 1. Л. 128.

саблей по брови и по голове») и попал в плен к крымским татарам. Находился в неволе в Кафе и «Карасове» (совр. Белогорск) в течение 9 лет и «всякую полонную нужу и бедность терпел». Там же обучился турецкому и татарскому языкам. «Вышел» из плена 15 августа 1667 г. и зачислен в толмачи. Знание языков Кудрова лично проверял Артамон Сергеевич Матвеев: «мне бедну перед собою велел з гречаны говарить по туретцкия и по крымския». Указание было выполнено. Он «з гречаны и страцом Милитием» говорил, подтвердив свою толмаческую квалификацию. Однако потом «волею Божию... со всякой полоной нужи» Иван заболел и «лежал многое время». Весной 1668 г. он вновь подал челобитную с просьбой «быть... в толмачах по прежнему.. указу». 12 мая 1668 г. его зачислили в приказ, проведя новое освидетельствование знания языков с помощью переводчика Кучукая Сакаева. 21 мая установлено «новичное» жалование в 250 четей, 8 руб. и 4 коп.⁵⁹

Игнат Лазарев — уроженец Рыльска. Был захвачен в плен в юности («невелик») вместе с матерью и отвезен в Крым, где «нужу и голод терпел» 25 лет. Смог сбежать в Россию («уходом вышел»), оставив мать в неволе. Отца и родственников своих он не помнил («побиты ль или померли»), и «приюту нигде» ему нет. Заявил о знании трех языков: турецкого, «крымского» (татарского) и польского. По первым двум прошел освидетельствование у переводчиков Абдулы Байцына, Дмитрия Асанова, Асана Месетева и Абдрахмана Тевкелева. 24 сентября 1669 г. зачислен в толмачи с жалованием в 8 руб. и 4 коп. В январе 1670 г. подал челобитную с просьбой наградить «за выход», указав, что сумел выйти из полона «уходом». 26 января получил 5 руб. («в приказ»), сукно «аглинское» и киндяк «добрые» «за полонное терпенье и за выход»⁶⁰.

Лука Васильев сын Леденев (Ленев) — донской казак. Попал в плен к «ногайским людям» во время похода в степь на татар за языками. В ходе боя под ним убили лошадь и ранили из лука «выше поясницы в пах» [так в челобитной. — А.Г.]. У ногайцев Лука пробыл 15 лет, а затем его продали туркам на «каторгу», где он «всякую полонскую нужу и бедность, и голод терпел» еще 32 года. Также он был в «арапской земле», откуда смог сбежать и через «розные государства» выйти в литовскую землю, а затем — в Вязьму. Указал владение турецким, арабским, итальянским, испанским и татарским

⁵⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 1–3, 5.

⁶⁰ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 32–35, 66–70.

языками. 5 октября 1651 г. был взят в Посольский приказ с жалованием в 200 четей, 10 руб. и 3 коп. 6 октября «для исправленья православные христианские веры» через приказ Большого дворца был направлен в Чудов монастырь, где был до 6 декабря. 17 декабря за «подначальство» ему была назначена выплата в 2 руб. и сукно «доброе». После выхода из монастыря попросил «отвести двор, где стоять». Согласно памяти из Посольского приказа от 12 декабря такой двор «на время» ему должны были подыскать в Земском приказе⁶¹.

Данила Борисов сын Леншин — выходец из Ливенского уезда. Попал в плен к крымским татарам в конце 1650-х гг. На турецких галерах провел в неволе 20 лет. Сумел сбежать в 1677/78 г., тайно перейдя под Чигириным в русский лагерь. Зачислен в толмачи между 1682 и 1684 гг. Подробнее см. [Гуськов, 2023].

Василий Иванов сын Мартынов (Калмык) — выходец из Ливенского уезда (сначала указывал, что «которого города и какова отца сын, того не упомяну», позже называл себя «ливенцом»). Был захвачен в детстве крымскими татарами и продан калмыкам. В 1669/70 (178) г. вышел из полона «собою и без размены и без окупа». 7 сентября 1670 г. подал первую челобитную и, согласно выписке из дел, после проверки его знания калмыцкого и татарского языков И. Щитовым и К. Сакаевым «за полонное терпение и за раны» был назначен в толмачи Посольского приказа. Однако официально зачислен не был, т.к. появление указа по какой-то причине задержалось: «а указу мне по той выписке никокова нет, и таскаюся за тем делам многое время». 6 октября принес вторую челобитную, результатом которой стало его реальное зачисление в приказ. 20 октября поверстан в толмачи с «новичным» жалованием в 8 руб. и 4 коп.⁶²

Марк (Маркушко) Михайлов — уроженец Тамбовского уезда. Его отец служил по Тамбову в казачьих головах и был убит «в полку у боярина Василья Борисовича Шереметева». Во время набега крымских татар (возможно, в 1656 г.) его мать с пятью детьми (в т.ч. и с пятилетним Марком) попала в полон. Его самого ранили «тремя раны из лука». В Крыму он пробыл 12 лет, затем был продан в «турскую» землю, а вскоре через Азов попал в калмыцкие степи. В плену «всякую муку и бедность терпел, и раны и боль принял».

⁶¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 383–384, 386–388, 390–393.

⁶² Там же. 1670 г. Д. 20. Л. 44–48; [Гуськов, Шамин, 2021, с. 300–301].

Пытаясь избежать насильственного перевода в ислам («поневоли-ли меня в свою бусурманскую веру бусурманили»), несколько раз пускался в побег. Дважды был пойман и жестоко наказан: «были мука и побои большия, и из лука ранили». Лишь третья попытка оказалась удачной: «памятоючи веру крестьянскою, забыв голову свою», он скрылся от своих мучителей и его «от неверных Бог вынес на святую Рускою землю» («без окупу и без розмены собою»). Указал на владение турецким, татарским и калмыцким языками. В Разряде получил выплату «за полонское терпение и за выход». Просил взять в толмачи на место отставленного по болезни Василия Перфильева. Был освидетельствован на знание языков переводчиками Абдулом Байцыным и Дмитрием Асановым. 15 октября 1669 г. зачислен в толмачи с жалованием в 8 руб. и 3 коп. (с 5 октября). По собственному челобитью в конце зимы 1670 г. (во время Великого поста) был отправлен на 6 недель «для исправления христианские веры» в Богоявленский Троицкий монастырь. Вышел из обители после Пасхи (3 апреля), получив за «подначальство» 5 руб., сукно и киндяк⁶³.

Федор Семенов сын Мясоедов – крестьянин из с. Петровского из-под Переяславля-Рязанского. Был захвачен в юном возрасте («мал») ногайскими татарами. Находился в плену в «Нагаех», затем был продан горским черкессам, после – в Персию. Провел на чужбине 12 лет. Жил в Шемахе у двух местных купцов (тезиков), последний из которых – Сеит в 1617 г. отправил его с торговой миссией в Астрахань. После продажи товаров Федор отказался возвращаться в «кызылбаши». Вместе с посольством шаха Аббаса I во главе с Кай Салтаном и Булат-беком приехал в Москву, где попросил убежище («чтоб ему в бусурманской вере не умерети»). С согласия властей находился в Посольском приказе до отъезда персидской миссии, состоявшегося 21 января 1618 г. Указал владение персидским, черкесским, кумыцким, турецким и бухарским языками. Был зачислен в приказ как «кызылбашской и фарсовской» толмач с поденным кормом в 5 коп. Чуть позже получил жалование в 250 четей, 13 руб. и 15 четей ржи и овса⁶⁴.

⁶³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 19–24, 133–135.

⁶⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 6. Л. 66–68; 1622 г. Д. 12. Л. 4–5; Памятники диплом. и торг. сношений Московской Руси с Персией. Т. III. СПб., 1898. С. 668–669; [Лисейцев, с. 385–386; Куненков, с. 472–473]. Подробности приключений Ф. Мясоедова см. в статье: [Гуськов, Шамин, в печати].

Иван Сидоров сын Найденов — из валуйских казаков (по другим сведениям — из рейтар). Пленен около 1668–1669 г. «на пашне» азовскими татарами в 20 верстах от Валуек. В Азове куплен турецким купцом, который в Константинополе перепродал его «начальнику человеку паши». В османской столице прожил 10 лет, сбежав однажды ночью на французском корабле, который через месяц доставил его в Марсель. С проезжим письмом от французского капитана Иван за год дошел пешком до Парижа (где побывал на приеме у короля), затем — до Англии. Так как в зимнее время навигация до Архангельска отсутствовала, то в Лондоне ему пришлось наняться на военный корабль к «каптеину в работу и с хлеба, и с платья». Его судно в составе эскадры из 100 вымпелов принимало участие в походе 1680 г. «в Арапскую землю» для защиты г. Танжера («Анзера»). После полутора лет осады марокканцами английской крепости успех сопутствовал обороняющимся: «агличане побили арапов и с ними помирясь». В конце зимы 1682 г. флот вернулся в столицу Англии, где Найденова отпустили «на волю». Через два месяца он смог наняться на торговый корабль, добравшись на нем 20 августа 1682 г. до Архангельска. В декабре прибыл в Москву, где в Посольском приказе переводчики проверили его знание турецкого и французского языков. Видимо, вскоре был зачислен толмачом в Посольский приказ⁶⁵.

Федор Розгильдеев (Разгилдеев) сын Накаев — «иноземец» из Касимова. «Излюбя» православную веру, крестился и поступил на службу. Служил в «кормовых новокрещенах» (за 5 коп. в день) «лет с дватцать и болши». В рейтарском полку Федора Зыкова в войске Василия Борисовича Шереметева попал в плен в Польше (видимо, под Чудновым в 1660 г.), где пробыл три года и «вышел наг и бос». Просил зачислить в татарские толмачи за службы и «за полонское терпение» на место Терентия Пыжова. Был проэкзаменован переводчиком Михаилом Кошаевым. 25 июля 1667 г. взят в толмачи с жалованием в 150 четей, 9 руб. и 5 коп.⁶⁶

Лаврентий Афанасьев сын Пирогов — сын боярский по Солове. В 9 лет попал в плен к азовскими татарами, затем из Азова был продан в Константинополь. В «полону... живот свой мучил»

⁶⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 150–154; 1682 г., 20 августа. Сказка казачьего сына Ивана Сидорова Найденова о победе из турецкого плена чрез Францию и Англию // ЧОИДР. 1917. Кн. 2 (251), отд. II: Смесь. С. 31.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 166–170. В плену Накаев не осваивал новые языки, но формально был назначен в толмачи «за полонное терпение».

24 года, а затем сбежал («ушел»). 10 июня 1642 г. он приехал в Москву. Знал турецкий, татарский («крымский») и сербский языки (владение первыми двумя было проверено переводчиком Прокофием Вражским). 26 июля из Посольского приказа в Разряд был направлен запрос (память) о сословной принадлежности фигуранта дела. В ответном сообщении появились дополнительные подробности. «По сыску» были опрошены одоевский сын боярский Остап Есипов, новокрещен Московского уезда Тимофей Соколов и «соловленин» толмач Иван (Ненаш) Есипов. Они указали на знакомство с отцом Лаврентия – Афанасием Кондратьевым сыном Пироговым, который «служил по Солове з детьми боярскими», и о факте пленения самого Лаврентия. В «Соловской разборной десятне» 1630/31 г. были найдены и его родственники Пироговы: родные братья – Никита и Обакум Афанасьевы дети, «дядья двоюродные» – Клементий, Степан и Гордей Родионовы дети, племянники – Захар Меньшов сын и Фатьян Иванов сын. 12 сентября 1642 г. Лаврентий Пирогов был зачислен в толмачи на место умершего Антона Терехова с жалованием в 200 четей, 9 руб. и 3 коп.⁶⁷

Григорий Мартемьянов сын Порываев служил в трубачах в полках рейтарского строя «в польских, и в литовских, и в немецких и в черкасских» городах. С 1653 г. участвовал в полевых боях и осадах городов. Был несколько раз ранен «многими тяжелыми раны», например, под Смоленском в 1654 г. «на большом приступе» – в правую ногу копьем. В 1660 г. попал в плен с войском В.Б. Шереметева, в бою получив новую «смертную раню по правому виску и уху перерублено, да в голову ранен саблею». Находился 10 лет в Крыму, где его женили «неволей». Вскоре родился сын. Трижды сбежал, после чего был взят крымским ханом у старого хозяина татарина «поневоле» и передан «турчанину». Турок сильно привязался к его ребенку, введя его в собственную семью («взял себе за сына место») и планируя «обусурманить». Дав клятву Богу и Николаю Чудотворцу, Григорий вновь ушел в побег с женой и ребенком. «Лесами и болотами» они три месяца добирались до «Волошские» земли, «неся сынишка своего... на руках», т.к. ему шел только четвертый год. В Валахии его супруга скончалась. По возвращению в Россию (вместе с сыном) в награду за службы, раны и «кровь» Порываева назначили казачьим головой в Ефремов. Участвовал вместе с сы-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 16–22.

ном на приеме у царя, который «раны... сам досматривал», где и был лично пожалован «имянным словом». В апреле 1670 г. подал челобитную с просьбой принять его в толмачи в Посольский приказ, т.к. не «похотел» из-за бедности и скудности ехать в Ефремов. Знание языков (волошского и татарского) было проверено переводчиками Абдуллою Байцыным и Константином Христофоровым. В мае 1670 г. был зачислен в приказ с жалованием в 10 руб. и 6 коп.⁶⁸

Леонтий Кондратьев сын Посников происходил из волошских дворян (отец — Кондратий Васильев сын Посников) из местечка Думешь. Попал в плен во время набега на Валахию крымского хана. Захвативший его крымский татарин Магмет продал пленника азовскому татарину Байтемирю. Через полгода был перепродан в Кабарду местному татарину Сефию, где находился 12 лет. Затем попал в «Большие Нагаи» к татарину Ишкувату, от которого смог сбежать в Саратов. Через Ломов вместе с местными посадскими людьми (Игнатий Чистяков и др.) добрался до Москвы. Земляка взял к себе переводчик Николай Спафарий, от которого он через три года ушел к грузину Макару Дывыдову. В челобитной, поданной 28 октября 1682 г., указывал на знание четырех языков, но в расспросе перечислил только три: волошский, турецкий и татарский. После 6 ноября был освидетельствован на знание языков переводчиками Посольского приказа: волошского — Николаем Спафарием и Константином Христофоровым, турецкого и татарского — Кутломаметом Устокасимовым, Дмитрием Асановым, Сулейманом Тонкачевым, а позже еще и Василием Даудовым. 15 ноября 1682 г. был зачислен в толмачи, а с 23 ноября начал получать жалование в 12 руб.⁶⁹

Андрей Васильев сын Путицын (Пичугин) попал в плен в «московское разорение», вероятно, во время похода Владислава в 1617–1618 гг. В Великом княжестве Литовском находился 12 лет, принадлежав представителем семейства магнатов Калиновских, возможно — Мартину, который участвовал в походе 1617–1618 гг. Затем оказался в турецких землях, где жил в неволе еще 22 года. Сумел самостоятельно возвратиться в Москву. Не позднее декабря 1654 г. был зачислен в толмачи татарского языка с жалованием в 8 руб.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 94–97, 131; 1671 г. Д. 30. Д. 3; [Гуськов, Шамин, 2021, с. 304].

⁶⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 331–335; [Гуськов, Шамин, 2021, с. 304–305].

и 3 коп.⁷⁰ В сказке от 1 сентября 1671 г. Путицын, правда, утверждал, что служит в приказе уже 25 лет (т.е. с 1646 г.), что не подтверждается документами о выплатах жалования, где его имя впервые появляется в декабре 1654 – сентябре 1655 г.⁷¹ В более ранних перечнях, например 1651–1652 гг., сведения о нем отсутствуют⁷².

О происхождении **Степана Янова сына Сербина (Сербенин, Сербянин)** информации не сохранилось. Вероятно, был родом из сербских земель. После «выхода» из полона (в Крыму и «турках») служил «лет с дватцать и больши» в поместных иноземцах. Участвовал в боевых действиях под Смоленском в 1632–1634 гг.: «с приходу и до отходу, и всякую осадную нужу и голод терпел». Затем нес «береговую службу». Имел пустое поместье в Алатырском уезде (без крестьян и бобылей). От служб «одолжал и лошедьми опал». Во время нахождения в неволе выучил «крымский», турецкий, волошский, сербский и венгерский языки. 12 октября 1640 г. бил челом о зачислении в толмачи на место умершего Константина Акулина. Знание языков было проверено переводчиком Прокофием Вражским (турецкий и татарский) и неким Петром Волошенином (волошский). 27 ноября Степан был взят в приказ с жалованием в 17 руб.⁷³

Федос (Федор, Федосей) Тулкин (Тулкенеv, Тюлькин) – сын боярский из Тулы. Захвачен в плен в 1632/33 г. в Тульском уезде крымскими татарами. В Крыму попал в рабство к мурзе Ширинскому. Во время похода крымского хана под Конотоп в 1659 г. мурза взял его с собою «в войну». Во время нападения на «государевы украинные городы» пленник сумел бежать («от того мурзы выехал») в Ливны. Местный воевода Никифор Толстой отправил его в Москву. За «полонское терпение» просился на место умершего в январе 1660 г. толмача Кипреяна Писклова. Указал на знание татарского («крымского») и нагайского языков. Был успешно проэкзаменован переводчиком Михаилом Кошаевым. 17 апреля 1660 г. взят татарским толмачом с жалованием в 7 руб. и 3 коп. (выплата с 27 апреля)⁷⁴.

Гаврила Серегееv сын Угримов – сын боярский из Царицына. Захвачен в плен в молодом возрасте («мал»). 20 лет «полонскую нужу

⁷⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 40, 45; 1655 г. Д. 1. Л. 14; 1671 г. Д. 30. Л. 8.

⁷¹ Там же. 1661 г. Д. 7. Л. 181.

⁷² Там же. 1649 г. Д. 1. Л. 206–211, 337–342, 405–414.

⁷³ Там же. 1642 г. Д. 6. Л. 1–9; 1643 г. Д. 4. Л. 6.

⁷⁴ Там же. 1659 г. Д. 1. Л. 120–125.

терпел» в Константинополе. В 1645/46 г. «вышел» из турецкой земли с женой и детьми (не указано, как это произошло). Первую челобитную подал в декабре 1648 г., просясь на «выморочное место» Ивана Полщикова. Был проверен на знание турецкого языка переводчиком Михаилом Кошаевым, однако в приказ зачислен не был. В 1650 г. подал новые две челобитные, претендуя на любое из мест еще троих умерших к 20 августу 1650 г. толмачей (Осипа Нефедьева, Степана Сербенина и Тихона Аргамышева). 14 ноября 1650 г. зачислен в толмачи турецкого языка с жалованием в 8 руб. и 2,5 коп.⁷⁵

Сильвестр Степанов сын Шишкин – сын боярский из Карачева. Находился в неволе более 30 лет в «Литве» и Турции. «Вспомня... Бога и православному крестьянскую веру», вышел в Россию. 27 февраля 1640 г. «за полонское терпение» получил в Разряде жалование в 300 четей и 10 руб. «з городом». В апреле подал челобитную с просьбой взять на место толмача Михаила Дедякова, принявшего постриг. Был проэкзаменован на знание турецкого и «крымского» (татарского) языков переводчиком Прокофием Вражским. 5 мая 1640 г. взят в татарские толмачи с дополнительно назначенным поденным кормом в 2,5 коп. По челобитью и государеву указу был направлен «для исправления крестьянские веры» на Троицкое подворье. 20 июля после выхода с обители получил за «подначальство» 2 руб. и «сукно доброе»⁷⁶.

Андрей Лукьянов сын Щербинин – сын боярский из Оскола, где служил его отец и «сродники» (дяди и братья). В начале 1660-х гг. участвовал в походе под Валуйки «в недорослях» вместо отца. С Валук был послан с донесением («отписки») на Дон в составе группы из пяти гонцов (3 оскольцев и 2 «волуйчан»). В дороге их отряд был перехвачен ногайцами: трое погибли, а Андрея вместе с волуйчанином Иваном Володимеровым сыном Милохиным взяли в плен. Невольников отвезли в Константинополь и продали: Щербинина – капитану галеры Мустафе, Милохина – Тафтедару-паше. На каторге осколец проработал 15 лет. Летом – «скован» с веслом, зимой – «скован же и в чеши» носил днем камни, а ночью находился в «темнице». В Константинополе у его хозяина имелся собственный дом. На расспросе в приказе, который и является источником всех подробностей о его злоключениях, Щербинин указал, что в турецкой столице проживали представители («резиденты») разных

⁷⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 230–236.

⁷⁶ Там же. 1640 г. Д. 1. Л. 1–5; Д. 3. Л. 10; [Куненков, с. 492].

государств, в том числе французский, английский, голландский. С людьми последнего, которые «прихаживали» к Мустафе, ему удалось наладить контакт. На просьбу о помощи в освобождении из неволи они рекомендовали ему скрытно прийти на двор к голландскому резиденту, который «его ухоронит». Однажды Андрей, вместе с товарищем Степаном (с Мальты), «изыскав время», отпросились у сторожа на базар. Вдвоем они пришли в голландскую миссию, где их спрятали в «ызбе, в которую ниhto не ходил». После восьми дней, во время которых их кормили «довольно», резидент⁷⁷ лично пришел и сообщил об опасности дальнейшего пребывания здесь («чтоб де не проведали турки»), пообещав перевести в безопасное место. Беглецы были переодеты в «немецкое... платье» и отведены на двор к одному армянину. Здесь они прожили тайно более четырех недель, снабжаемые едой и напитками голландцами. На пятой неделе люди резидента сообщили, что в Европу отправляется английский корабль и с его капитаном, заплатив ему за проезд, уже договорились о тайном вывозе Андрея и Степана из Турции. Их должны были довести до Амстердама, откуда отпустить в родные страны. Беглецов проводили тайно до корабля, обеспечив их «кормом» в дорогу и передав капитану письмо для голландских властей. 23 марта 1676 г. («за три дня до Светлого Христова Воскресения») судно покинуло стамбульскую гавань. Путешествие продолжалось почти восемь месяцев («а были в пути и с простым лето все»), закончившись с прибытием в Амстердам в середине ноября («перед Филиповым постом»). Товарища по побегу посадили на итальянский корабль и отправили «в свою землю», а самого Щербинина английский капитан передал амстердамскому бурмистру. После отдыха («и был у него... во всяком покое») Андрея устроили на голландский корабль (где «и кормили и поили»), который через Гамбург доставил его в Архангельск. Местный воевода князь П. И. Хованский направил его с гонцом в Москву, куда они добрались в сентябре 1678 г. В Посольском приказе бывший пленник заявил о знании турецкого, итальянского и испанского языков и просил зачислить его на место умершего толмача Ивана Селунского. Знание языков было проверено переводчиками Михаилом Кошаевым «с товарищи» (турецкий и татарский) и толмачом Петром Туровым (итальянский и испанский). 12 (по другим

⁷⁷ Вероятно, это был Джастин Кольер (Justinus Colyer), возглавлявший нидерландское посольство в Османской империи в 1668–1682 гг.

данным – 19) ноября 1678 г. Андрей Щербинин был зачислен в толмачи с годовым окладом в 10 руб.⁷⁸

Судьба некоторых служащих приказа оказывалась весьма причудливой и приводила их повторно в неволю. Известно два таких случая, первый из которых со Степаном Гиревым описан выше. Второй произошел с Терентием Фроловым. В 1659/60 (168) г. он был послан в действующую армию («на службу.. для толмачества татарского языка») в полк В.Б. Шереметева. В октябре 1660 г. попавшее в окружение русское войско, после нескольких неудачных попыток пробиться, вынуждено было капитулировать. Толмач оказался повторно «взят в полон з боярином и воеводою с Васильем Борисовичем Шереметевым». Целых десять лет он находился в Крыму, пока не был отпущен татарами для доставки дипломатической почты (отписки Шереметева, отписки и статейный список подьячего Гаврилы Михайлова) и сопровождения крымских гонцов. В это время в Москве его супруга Татьяна с двумя детьми получала часть его жалования. Вернулся из плена 16 апреля 1670 г.⁷⁹

* * *

Как мы видим, основной контингент попадавших в плен составляли дворяне, дети боярские и казаки из приграничных городов и территорий (донские казаки, Алексин, Болхов, Валуйки, Воронеж, Курск, Ливны, Орел, Оскол, Тамбов, Тула и др.). Многие из них попадали в плен еще в детском возрасте (в «малых летах») во время набегов кочевников. Последние же и являлись основными агентами по пополнению контингента рабов, которые затем либо оставались в услужении на полуострове, либо продавались в Османскую империю или калмыцкие земли. Уводили русский «ясырь» крымцы, азовские татары, ногайцы, калмыки. В годы Смуты некоторый полон был захвачен польскими и литовскими отрядами. Другой путь – потеря свободы на поле боя, как правило после ранения или при вынужденной сдаче в плен.

Основная масса невольников «живот мучила» на территории Крыма (25 человек) и в «турских» землях (42 человека). Через ногайский плен прошли 8 человек, польско-литовский – пятеро, калмыцкий – трое. Остальные варианты (Персия, Бухара, Ургенч,

⁷⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 1. Л. 42–50, 53; 1678 г. Д. 3. Л. 1–3; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167.

⁷⁹ Там же. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 49–50; 1663 г., Д. 1. Л. 53–55; 1669 г. Д. 8. Л. 62–65; 1670 г. Д. 20. Л. 124–127.

Швеция, Кабарда, «арапская» земля, черкессы) встречаются по 1–2 раза. Сроки нахождения – от 3 до 47 лет (Лука Леденев).

Освобождение из полона происходило разными способами: 1) самостоятельный побег, 2) отпуск по отработке определенного срока или в связи со смертью хозяина, 3) выкуп либо русскими дипломатами, либо какими-нибудь купцами (греческими). Встречались и «смешанные» варианты, когда из Крыма или Турции пленнику удавалось сбежать в другую страну, а уже оттуда выехать с дипломатическим или торговым караваном. В ряде случаев в связи с лапидарностью источников точно установить способ «выхода» не удалось.

Зачисление бывших невольников в состав толмачей Посольского приказа являлось одной из форм вознаграждения за «полонное терпение». Апеллируя к необходимости продолжения службы (даже если таковой до этого не наблюдалось) и, следовательно, зачисления в приказ, челобитчики сообщали о несении тягот плена во имя государя: «...и я холоп твой мучил живот свой за тебя государя». Возвращение же на Родину происходило, по их словам, «помня православную крестьянскую веру и твое государево крестное целованье». Даже такая относительно небольшая выборка материалов показывает, что желание «представить османский плен как продолжение службы государю» не являлось чем-то исключительным, как писал В. Таки [Таки, с. 85]. В разные периоды многие бывшие полоняники использовали данную формулу.

Большинство вернувшихся на Родину не имели средств к существованию, и им за «полонское терпение и за выход» полагалось вознаграждение. Оно могло быть единоразовым и/или в форме жалования из Разряда. Первое выдавалось почти всем с учетом их социального статуса. Оно включало 2–10 руб. денег и ткани (сукно, тафта, киндяк, камка). Второе – назначалось представителям служилого сословия (сынам боярским, помещикам, иноземцам). Его размер составлял 150–300 четей поместного оклада, 6–10 руб. денежного «з городом» и иногда 3 коп. поденного корму (на небольшой срок). Если выход произошел за «откуп», то все средства уходили на оплату долга (иногда их не хватало и должника ставили на правех). После зачисления в Посольский приказ такое жалование могло сохраняться или заменяться другими формами оплаты.

Не все «выходцы» из полона сразу же попадали в Посольский приказ. Для 1630-х гг. характерна промежуточная служба в различных полках. Большая часть из попавших в армию в то время уча-

ствовала в неудачной осаде Смоленска в ходе войны 1632–1634 гг. с Речью Посполитой. Факт участия в «осадном сидении» являлся затем дополнительным аргументом при приеме на работу в приказ. Иногда после подачи прошения могло пройти несколько месяцев или лет, прежде чем челобитчика зачисляли на службу. Серьезно повышало шансы на «поверстание» наличие вакантных мест среди толмаческого контингента.

Почти всех толмачей направляли для «исправления веры» «под начало» в московские монастыри (Чудов, Троицкий Богоявленский, Новоспасский). Срок пребывания – 6–7 недель. В 1649–1677 гг. выбор монастыря происходил в Монастырском приказе, куда командировали бывших полоняников⁸⁰. «За подначальство» и «исправление веры» полагалась выплата, включавшая денежную (2–5 руб.) и материальную («сукно доброе», «киндяк») части. К сожалению, из-за плохой сохранности и неупорядоченности бывшего архива Посольского приказа пока удалось выявить лишь 13 случаев «подначальства».

Так как основным местом пребывания полоняников являлись Крым и Турция, соответственно и подавляющая часть претендентов в толмачи заявляла о владении языками: «крымским» (татарским) – 35 человек, турецким – 31. Из восточных далее шел ногайский – 7 человек, бухарский и персидский («фарсовский») – по 4 человека, калмыцкий – 3, ургенчский, арабский и «кизылбашский»⁸¹ – по 2. Из европейских языков больше всех знали итальянский (8 человек), немецкий (3) и волошский (3). На польском и сербском говорили по двое. Остальные языки были представлены единичными случаями: английский, венгерский, голландский, греческий, кумыцкий, «латовский», финский, французский, черкесский и шведский.

Основная масса претендентов в толмачи проходила проверку знания языков перевода у специалистов в данной области. По стандарту ими были переводчики Посольского приказа (обычно – наиболее опытный), при их отсутствии – привлекали толмачей, и уже в крайнем случае – какого-либо иноземца, являвшегося носителем языка. Наиболее часто экзамен принимали переводчики Михаил Кошаев (14 раз) и Прокофий Вражский (10). Во всех встречающихся

⁸⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 4–5.

⁸¹ Данный язык достаточно четко отделяется от «фарсовского». Возможно, здесь имеется ввиду язык кызылбашских племен, называемый в настоящее время азербайджанским.

ся в документах случаях знание языка оценивалось положительно: по такому-то языку «говорить навычен и с толмачество ево будет». Вместе с тем имеются несколько эпизодов — речь идет о сохранившихся комплексах документов, состоящих как минимум из челобитной, выписки и решения по делу, — когда в приказ зачисляли без испытаний.

Литература

- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Гуськов А.Г.* Толмач Посольского приказа Данила Леншин // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всеросс. научн. конф. с межд. участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 93–95.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Из крестьян в толмачи: штрихи к биографии Федора Мясоедова (в печати).
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 278–317.
- Кочегаров К.А.* Солдат, невольник, странник – к биографии толмача Посольского приказа и участника Великого посольства Алексея Змеева // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023 (в печати).
- Кулмаматов Д.С.* Подбор и подготовка восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в. // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 60–71.
- Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг. Структура, служащие, дело-производство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Моисеев М.В.* Миссия И.Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 365–377.
- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). 2-е изд. М., 2020.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Севостьянов А.С.* Посольский приказ в начале XVIII века: Институциональные изменения в условиях преобразований Петра: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.
- Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.
- Ходорковский М.* Степные рубежи России. М., 2002.

Пристав-переводчик: к вопросу о назначении Семена Лаврецкого приставом польского резидента Ежи Довмонта

Заключение Московского договора о Вечном мире (1686 г.)¹ ознаменовало начало нового этапа в русско-польских отношениях, связанного с заключением между Московским и Польско-Литовским государствами наступательного союза против Турции и Крыма [Гуськов, Кочегаров, Шамин, с. 42]. Институцией, обеспечивающей взаимодействие монархов союзных государств и их советников, должны были стать постоянные дипломатические представители — «резиденты». Предложение возродить практику присутствия при царском и королевском дворах резидентов союзников было озвучено кн. В.В. Голицыным польским комиссарам К. Гжимултовскому и кн. М.А. Огинскому сразу после заключения Московского договора о Вечном мире [Кочегаров, с. 417], но его реализация оттягивалась польской стороной. Это было связано с решением вопроса, о том, какие политические силы Польско-Литовского государства (король Ян III Собеский и его «партия» или канцлер литовский Огинский и связанная с ним «литовская оппозиция») будут контролировать резидента, а также — с отсутствием заинтересованности в пребывании резидента при царском дворе в Москве, вдали от войск, действовавших против Крыма в 1687 г. [Домрачев, с. 83]. Кн. В.В. Голицын, ожидая решения союзника, сконцентрировал внимание на походе на Крым и не форсировал вопрос о резидентах.

Только в ноябре 1687 г. в Россию прибыл посланник Ежи («Юрий» в документах русского происхождения) Доминик Довмонт с полномочиями «резидента его королевского величества и всей Речи Посполитой»². Посольский приказ традиционно обеспечивал проживание и безопасность польского дипломата и его свиты в Москве, а также его взаимодействие с советниками царей-

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. II. СПб., 1830. С. 770–786.

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 10. Л. 6–7.

соправителей. Среди прочего, 18 ноября 1687 г.³ его посольским приставом назначили стольника и подполковника московских стрельцов Ивана Федорова сына Башева⁴, который в августе 1688 г. был заменен на переводчика Посольского приказа Семена Лаврецкого⁵, пробывшего на этой службе до отъезда Довмонта в 1694 г.

Появление в практике русского дипломатического ведомства опыта взаимодействия с постоянными дипломатическими представительствами, институцией, которую первый русский резидент в Речи Посполитой В.М. Тяпкин назвал «странной и необыкновенной новочинной службой... которой из века в Московском государстве не бывало»⁶, стало серьезным вызовом для традиционных способов взаимодействия Посольского приказа с иностранными дипломатами. Резиденты имели одно принципиальное отличие от «окказиональных» посланцев: неограниченность времени пребывания в Москве. Это обстоятельство оказывало решающее влияние на способы взаимодействия русского дипломатического ведомства с иностранными резидентами, включая практики финансирования, обеспечения безопасности, организации церемоний и, в том числе, деятельности приставов. Появление в качестве посольского пристава польского резидента Е.Д. Довмонта переводчика Посольского приказа, как представляется, является маркером отмеченных выше процессов влияния постоянного дипломатического представительства на традиционные дипломатические практики. В этой связи уместно поставить вопросы о причинах появления переводчика в качестве посольского пристава резидента и выявить специфику его функций на этой службе.

Вопросы, связанные с деятельностью посольских приставов в России XVI–XVII вв., не являются предметом специального внимания на современном этапе развития исторической науки. Общие представления об их деятельности были сформулированы в работах Л.А. Юзефовича [Юзефович] и сборнике очерков «Око всей великой России...» [«Око всей великой России»] по материалам XVI – начала XVII вв., Д.В. Лисейцева [Лисейцев] применительно к Смутному времени, Б.А. Куненкова [Куненков] и А.В. Белякова [Беляков] по материалам первой половины – середины XVII в.

³ Здесь и далее даты приведены по Юлианскому календарю, если не указано иное.

⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 10. Л. 20.

⁵ Там же. 1688 г. Д. 6. Л. 291.

⁶ Там же. Кн. 182. Л. 135.

Специфика службы посольских приставов при иностранных резидентах в России до сих пор не становилась объектом специального изучения. Сведения о службе С. Лаврецкого в качестве пристава при Довмонте не попали в актуальную научную биографию переводчика [Переводчики..., с. 139–141].

Ответить на вопросы, связанные с деятельностью Лаврецкого в качестве пристава, позволяют делопроизводственные материалы Посольского приказа, отложившиеся в ф. 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА. Однако деятельность посольских приставов не подлежала специальной регламентации (в частности, в отличие от дипломатов, они не подавали в дипломатическое ведомство никаких отчетов). В силу этого за исключением текстов наказов, сведения о деятельности приставов в материалах делопроизводства Посольского приказа представляют собой отдельные отрывочные упоминания. В полной мере эта характеристика касается и деятельности приставов польских резидентов. В этой связи представление о деятельности приставов не может быть полным. Оно строится на наборе конкретных случаев, отразивших те или иные практики. Уникальность каждого случая будет оговариваться отдельно.

Пристав – важнейший элемент московской дипломатии раннего Нового времени. С одной стороны, они выполняли практические функции, сопровождая дипломатов и их людей во время их перемещений по стране или по Москве, контролируя их контакты с внешним миром, участвуя в церемониальных процессиях (въездах в столицу, «приездах», «отпусках» и т.д.), доставляя царское жалованье [Юзефович, с. 68, 72; «Око всей великой России», с. 52; Беляков, с. 177].

С другой стороны, наличие пристава было одним из зримых выражений «честь», оказываемой дипломатам. Обязательства принимающей стороны предоставлять дипломатам приставов были, в частности, зафиксированы и в Андрусовском договоре (1667 г.), и в Московском договоре о Вечном мире, где указывалось, что «приставом, как в дороге, так и при... государских посольствах, сколь долго будут, остерегательство и честь над ними по посольскому извычаю чинить, а умаления ни в чем, как в приеме, так и в отпуске до самого рубежа не учинить»⁷. Связь между наличием пристава и «честью» (статусом) дипломата неоднократно деклари-

⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. I. СПб., 1830. С. 666 (ст. 21); Ср. аналогичное положение договора о Вечном мире 1686 г.: Там же. Т. II. С. 784 (ст. 26).

ровалась в официальной переписке между русскими и польскими монархами. В «любительной» грамоте царей-соправителей Ивана V и Петра I к королю Яну III Собескому от 26 апреля 1688 г. указывалось на необходимость, «дабы в обеих сторонах резидентам быти... с надлежащею честью и с приставами»⁸. В этой связи московские дипломаты неизменно требовали себе приставов от принимающих сторон, а их отсутствие воспринимали как понижение чести. Дьяк Посольского приказа П.Б. Возницын, посланный в 1688 г. «на резиденцию» в Польско-Литовское государство, информировал кн. В.В. Голицына: «мне... впредь ни подвод, ни пристава, ничего не дано, и сами поехали, а меня покинули в Гродне, тогда я на своих клячах побрел в тот же путь до Вильня, куда и королевское величество»⁹. В силу этого и Посольский приказ строго следил за обеспеченностью приставами прибывающих в Россию дипломатов.

Термин «пристав» в системе Посольского приказа применительно ко второй половине XVII в. объединял сразу несколько различных видов службы. Во-первых, это судебные приставы, которые являлись «младшими чиновниками в системе судопроизводства» приказа. Во-вторых, это дорожные приставы, которые сопровождали дипломатов от границы до Москвы и обратно. В-третьих, это посольские приставы, которые обеспечивали взаимодействие дипломатов и их людей с монархом и его советниками, а также способствовали решению текущих вопросов – от бытовых до политических [Беляков, с. 177–178]. Дорожные и посольские приставы не являлись постоянными служащими Посольского приказа и нередко привлекались извне.

Конкретные практики назначения посольских приставов менялись с течением времени. Соглашения между Московским и Польско-Литовским государствами, в частности, Андрусовский договор и Московский договор о Вечном мире, фиксировали лишь общие принципы применявшихся при осуществлении русско-польских дипломатических контактов практик. В частности, международные договоры не регулировали статус приставов у дипломатов различных рангов. Он определялся сложившейся в Посольском приказе традицией, которая для русско-польских дипломатических контактов после 1667 г. представлена в Таблице 1.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 4. Л. 373.

⁹ Там же. Кн. 235. Л. 36.

Таблица 1. Перечень посольских приставов при польских дипломатах в Москве в 1667–1687 гг.

Годы пребывания	Ранг дипломата	Имя дипломата	Имя пристава	Чин пристава
1668	посланник	Вольский Станислав	Карандеев Александр Федоров сын	полуголова ¹⁰
1668	гонец	Котович Ян	Кокушев Кирилл	сотник
1668	гонец	Гойшевский Ян Францишек	Елагин Иван Кондратьев сын	полуголова
1669	гонец	Котович Ян	Шилов Владимир Власьев сын	сотник
1669	посланник	Медекша Стефан Францышек	Карандеев Александр Федоров сын	полуголова
1670	посланник	Комар Героним	Пушин Кирилл Панкратьев сын	стряпчий
1671	“посланец” ¹¹	Чихровский Казимеж Александер	Полухтов Иван Леонтьев сын	дворянин московский
1671–1672	великий посол	Гнинский Ян Кшиштоф	Лопухин Юрий Петров сын	стольник, полковник, голова
		Бжестовский Павел Циприан	Карандеев Александр Федоров сын	полуголова
		Котович Александер	Ташлыков Афанасий	дьяк
1672	гонец	Кавалевский Хриштоп	Горюшкин Григорий	сотник
1673	посланник	Комар Героним	Карандеев Александр Федоров сын	полуголова
1673–1677	посланник и резидент	Свидерский Павел Михал	Карандеев Александр Федоров сын (до 1674)	полуголова
			Танеев Александр (с 1674)	полуголова

¹⁰ Здесь и далее за исключением чинов московских и особо отмеченных случаев – чины начальных людей у московских стрельцов.

¹¹ В проезжей и королевской «любительной» грамотах ранг К.А. Чихровского указан не был. Принимался по чину посланников.

1674	посланник	Венславский Самуэль	Танеев Александр	полуголова
1674	посланник	Венславский Самуэль	Танеев Александр	полуголова
1675	посланник	Кладницкий Александр	Танеев Александр	полуголова
1676	посланник	Чихровский Казимеж Александр	Пыхачев Иван	полуголова
1677	гонец	Карвовский Ян	Шилов Афанасий	сотник
1678–1679	великий посол	Чаргорыйский Михал Ежи, кн.	Мышецкий Борис Ефимьев сын, кн	стольник
		Сапега Ян Казимеж	нет сведений	нет сведений
		Комар Героним	Протопопов Семен	дьяк
1679	великий посол	Бжестовский Павел Циприан	Ефимьев Никифор Сергеев сын	стольник
		Гнинский Владислав Ян	Полков Степан	дьяк
1680	великий посол	Томицкий Константин	Алмазов Семен Ерофеев сын	стольник
		Довмонт Ежи Доминик	Постников Василий Тимофеев сын	дьяк
1681	посланник	Невестинский Станислав	Леонтьев Борис Гаврилов сын	стольник
	гонец	Гутовский Хриштоп	Горюшкин Григорий	сотник
1683	гонец	Бентковский Станислав	Чертков Иван	капитан
1683	посланник	Зембоцкий Ян	Головцын Сергей Федоров сын	стольник, полуполковник
1683–1684	посланник	Окраса Ян	Ушаков Иван Клементьев сын	стольник, полковник ¹²
1684–1685	гонец	Вильковский Томаш Адам	нет сведений	нет сведений
1685	посланник	Зембоцкий Ян	Айгустов Родион Васильев сын	стольник, полковник ¹³
1685–1686	гонец	Вильковский Томаш Адам	Эглин Яков Виллимов (?) сын	капитан ¹⁴

¹² Принадлежность к строю войска не известна.

¹³ Принадлежность к строю войска не известна.

¹⁴ Солдатского строя.

1686	великий посол	Гжимултовский Кшиштоф	Волынский Иван Яковлев сын	стольник
			Иполитов Семен	дьяк
		Огинский Марциан Александер, кн	Ефимьев Роман Сергеев сын	стольник
			Негоморский Иван	дьяк
1687	гонец	Скопа Александер	Сапогов Василий	капитан
1687–1694	посланник и резидент	Довмонт Ежи Доминик	Башев Иван Федоров сын (до 1688)	стольник, полуполковник
			Лаврецкий Семен Федоров (?) сын (с 1688)	переводчик

Источники: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 90; Кн. 149. Л. 20 об; Кн. 153. Л. 25 об; Кн. 158. Л. 15 об; Кн. 186. Л. 24 об., 377; Кн. 192. Л. 154 об. – 155; Кн. 199. Л. 126 об; Кн. 204. Л. 36; Кн. 210. Л. 20, 26 об; Кн. 211. Л. 25; Кн. 223. Л. 417; Кн. 231. Л. 87, 87 об; 1668 г. Д. 21. Л. 37; Д. 25. Л. 18. 1669 г. Д. 18. Л. 15; Д. 5. Л. 39; 1674 г. Д. 3. Л. 62; 1676 г. Д. 13. Л. 32, 34, 37; 1687 г. Д. 3. Л. 14; 1689 г. Д. 6. Л. 18; Ф. 210. Оп. 2. Д. 28. Л. 171, 175, 175 об.

Как видно из представленных данных, в конце 1660-х – 1680-х гг. на польском направлении посольскими приставами посланников и гонцов назначались начальные люди приказов московских стрельцов (за отдельными исключениями в 1680-х гг.). Кроме того, приставами у гонцов становились сотники (которым после реформы стрелецких чинов в начале 1680-х гг. стали соответствовать капитаны), а у посланников – полуголовы (с начала 1680-х гг. – полуполковники). Отдельными исключениями становились эпизоды назначения приставами Г. Комару в 1670 г. и С. Несвижевскому в 1681 г. не имеющих офицерского чина стряпчего К.П. Пуцина и стольника Б.Г. Леонтьева, а также Я. Окрасе в 1683 г. и Я. Зембоцкому в 1685 г. полковников И.К. Ушакова и Р.В. Айгустова. С начала 1680-х гг. наблюдается тенденция назначения в приставы посланникам начальных людей в придворном чине стольника.

Таким образом, назначение переводчика Посольского приказа С. Лаврецкого посольским приставом польского резидента (обладавшего рангом посланника) являлось ярким исключением из сложившейся в практике Посольского приказа конца 1660-х – 1680-х гг. традиции. Единственным эпизодом в русско-польских дипломатических контактах конца 1660-х – 1680-х гг., близким к случаю Лаврецкого, было назначение приставом к гонцу

Т.А. Вильковскому в 1685 г. капитана Я.В. Эглина, упомянутого в качестве толмача английского языка в 1669/70 и 1674/75 гг. [Беляков, с. 343]. В то же время очевидно, что в данном случае для Посольского приказа актуальным являлся «офицерский» статус Эглина, хотя, безусловно, опыт взаимодействия с дипломатическим ведомством также сыграл важную роль в выборе его кандидатуры. По наблюдениям А.В. Белякова, в XVII в. «в приставы могли назначаться служилые люди от толмачей и подьячих до стольников» [Беляков, с. 177]. Однако применительно к польским дипломатам в России в последней трети XVII в. этот принцип не работает.

Присутствие пристава с точки зрения Посольского приказа являлось важным элементом поддержания «чести» дипломатов. В полной мере этот принцип был применен и к резидентам, что неоднократно декларировалось в царских любительных грамотах королю Яну III Собескому и в официальных ответах польскому резиденту на протяжении 1688–1693 гг. Пристав И.Ф. Башев в начале декабря 1687 г. получил из Посольского приказа наказ¹⁵, который представляет собой типовой текст, предназначенный для посольских приставов гонцов и посланников¹⁶. Значительная часть наказа посвящена регламентации церемонии встречи Довмонта «за Тверскими вороты за Земляным городом» и сопровождения его до предназначенного ему подворья. В то же время ряд завершающих положений раскрывают обязанности Башева по отношению к находящемуся в Москве польскому резиденту. Они включают в себя требования поддерживать с ним регулярную связь («приезжати к посланнику почасту»), обеспечивать его безопасность («держати к нему береженье»), контролировать его контакты с московским населением («того остерегати, чтоб к посланнику и к людем ево никто не приходил и ни о чем не розговаривал, и письма б какова никто не поднес и у них не взял»), информировать о посетителях резидента и его людей («и ему тех людей велеть имать... и роспрашивать... и их речи записывать, и записки приносить, и их самих приводить в государственной Посольской п[риказ]»). До «приезда» (первого официального приема Довмонта у царей-соправителей) пристав должен был обеспечить неотлучное присутствие резидента и его людей на их подворье, а в случае острой необходимости отпустить его людей за покупками продовольствия

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 10. Л. 47–51.

¹⁶ Там же. 1691 г. Д. 5. Л. 22–28.

в сопровождении караула. Во время выездов Довмонта в город от Башева требовалось ограничить его контакты на улице («никакова русского человека и иноземца пропускать не велеть»), а при общении с резидентом и его людьми «лишних и непристойных речей не говорить», и обо всех эпизодах общения сообщать в Посольский приказ. Наконец, от пристава особо требовалось следить за караульными стрельцами, «чтоб они с посланником не розговаривали и платья, и никакой рухляди не покупали»¹⁷.

На практике, как представляется, требования наказа Башевым не соблюдались. Более того, их соблюдение входило в противоречие с правами Довмонта, подтвержденными в Посольском приказе, в частности, с правом «удобного и всегда поволенного приступа по времени, случаю и надобью... к... царскому величеству, но и к ближним... бояром и думным людям»¹⁸. Среди документов Посольского приказа, связанных с взаимодействием с Довмонтом, отсутствуют отчеты Башева о посещениях подворья резидента разными лицами или разговорах пристава с резидентом или его людьми, распросные речи посетителей подворья. Высокая степень сохранности документов Посольского приказа за данный период позволяет утверждать, что подобные отчеты Башевым не составлялись.

Деятельность Башева в качестве посольского пристава в документах отражена крайне скудно. Во-первых, он принимал участие в церемониальных мероприятиях, сопровождая резидента на аудиенции к царям-правителям, на «ответы» в Посольский приказ или на публичные «действия» с участием правящих монархов. Во-вторых, он объявлял резиденту царские указы. В частности, 23 июня 1688 г. им совместно с подьячим Посольского приказа Козьмой Нефимоновым был объявлен указ о «походе царского величества войск нынешняго лета»¹⁹. В-третьих, Башев доставлял Довмонту предназначенное ему царское жалование. В частности, 24 июня 1688 г. он «росписался» в приказе Большой казны в получении 50 руб. для польского резидента и доставил их к нему на подворье²⁰. В-четвертых, он передавал в Посольский приказ и другие центральные учреждения в Москве прошения Довмонта. Так, например, 31 декабря 1687 г. Башев с согласия дипломатического ве-

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 10. Л. 50–51.

¹⁸ Там же. 1688 г. Д. 6. Л. 63.

¹⁹ Там же. Л. 200 об., 214.

²⁰ Там же. Л. 214.

домства заявил в приказе Большого дворца, что по пути в Москву во время ночевки в селе Мамоново Троицкой волости Московского уезда Ежи Довмонт «забыл» на дворе у крестьянина Анашки Калинина «шкатуну [с] скляницами и иную рухлядь» и просил найти это имущество²¹.

Безусловно, пристав общался с польским резидентом. Об этом общении содержатся упоминания в переписке резидента с кн. В.В. Голицыным. В письме от 14 мая 1688 г. Довмонт жаловался, что его пристав «подлинно сказать не ведал» о планах военных действий против Крыма²². Стольник и полуполковник И.Ф. Башев, очевидно, не был в состоянии точно исполнять требования данного ему наказа. Показательно, что руководство Посольского приказа, видимо, не настаивало на строгом следовании букве инструкций. Фактически функции Башева свелись к роли посредника между польским резидентом и дипломатическим ведомством, а также участию в церемониях. Поведение Башева и Посольского приказа показывает, что применительно к взаимодействию с польским резидентом Довмонтом сохраняла значение только роль пристава как средства демонстрации «чести» при редуцировании и формализации его практических функций.

В отличие от руководства Посольского приказа, Е.Д. Довмонта деятельность И.Ф. Башева начала категорически не устраивать. 30 (20) июля²³ 1688 г. он послал кн. В.В. Голицыну «письмецо», жалуясь на своего пристава, в частности на «многие неугождения» с его стороны, требовал, «чтоб знал чин, тот, который честь великих монархов держит», и заключил, что ему от него «досадно». Однако никаких конкретных примеров «неугождений» польский резидент не сообщал, обещая рассказать об этом лично, «в живые очи»²⁴. Очевидно, эта жалоба инициировала процесс смены пристава. К сожалению, обстоятельства отстранения Башева не освещены документально. Уже 13 августа 1688 г. в качестве лица, осуществляющего прямое взаимодействие с Довмонтом, впервые упоминается Семен Лаврецкий. Он отнес из Посольского приказа официальное объявление о строительстве в устье р. Самарь

²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 6. Л. 2.

²² Там же. Л. 167.

²³ В *datum*'е документа месяц «август», очевидно, указан ошибочно, т.к. отчетное письмо кн. В.В. Голицына датирована 2 августа по Юлианскому календарю.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 6. Л. 240.

Новобогородицкой крепости войсками Л.Р. Неплюева и гетмана И.С. Мазепы²⁵.

Причины смены пристава польского резидента могут быть реконструированы только гипотетически. Во-первых, кн. В.В. Голицын проводил политику максимального удовлетворения бытовых и мелких дипломатических прошений Довмонта, которая преследовала несколько целей. С одной стороны, кн. Голицын стремился продемонстрировать расположение к Огинскому, клиентом которого польский резидент, вероятно, являлся, а с другой — обеспечить лояльность самого Довмонта, чтобы через его донесения манипулировать восприятием Московского государства и его политики королем Яном III Собеским и его окружением. Во-вторых, на роль посредника при взаимодействии Посольского приказа с польским резидентом нашелся более подходящий кандидат.

Впервые в рамках взаимодействия с Довмонтом Лаврецкий фигурирует в качестве участника «ответа» между кн. В.В. Голицыным и польским резидентом в Посольском приказе 5 марта 1688 г., на котором он, видимо, выполнял роль переводчика. В частности, Лаврецкому было поручено «вычесть» королевскую грамоту, подтверждающую полномочия резидента «во всех великих и христианских делах, Вечному покою и союзу постановленному служащих»²⁶. Вероятно, он также переводил речи сторон.

Семен Лаврецкий входил в число наиболее квалифицированных служащих Посольского приказа, связанных с решениями сложных внешнеполитических задач на польском направлении. С 1662/63 г. он регулярно принимал участие в качестве переводчика на посольских съездах, переговорах с польскими послами в Москве [Переводчики..., с. 139–141]. Он совершил ряд важных самостоятельных миссий в Польско-Литовское государство: в 1669 г. качестве гонца к архиепископу Гнездинскому (главе Речи Посполитой в период «бескоролевья») и в 1673–1674 гг. в качестве переводчика русской постоянной миссии В.М. Тяпкина с индивидуальной задачей «проведывать всякими мерами, которых государей послы и посланники проискивати учнут, чтоб государя их на корону Польскую и на великое княжество Литовское обирали королем, и от того промыслу нет ли дачи, и буде есть кому из се-

²⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. Д. 6. Л. 291.

²⁶ Там же. Л. 80–81, 84.

наторей, имяны и сколько числом склонны которому государю»²⁷. Наконец, Лаврецкий принимал активное участие в переговорах с польскими комиссарами К. Гжимултовским и кн. М.А. Огинским и подготовке текста Московского договора о Вечном мире 1686 г. Таким образом, выбор Лаврецкого в качестве ключевого посредника по взаимодействию с Довмонтом был связан, прежде всего, с его детальным знакомством с положениями договора о Вечном мире, который лежал в основе русско-польского взаимодействия. Кроме того, он глубоко разбирался в специфике международных отношений в Восточной Европе и был в состоянии дать корректные ответы на запросы резидента во время разговоров без предварительной консультации с руководством Посольского приказа, а также владел польским и латинским языком и мог не только свободно общаться с Довмонтом и его людьми, но и понимать их разговоры между собой.

Вопрос об официальном статусе Лаврецкого в качестве посольского пристава при Довмонте остается открытым. Среди документов Посольского приказа отсутствует наказ переводчику, а также какие-либо указные грамоты или иные упоминания о его назначении приставом. В большинстве случаев, когда упоминается его взаимодействие с польским резидентом, он называется переводчиком. Первое (и одно из немногих) упоминаний Лаврецкого в качестве пристава относится к 4 сентября 1689 г. в помете на переводе предложений Довмонта, в частности, о пропуске через Россию иезуитов: «великих государей указ польскому резиденту Юрию Доминику Довмонту пристав ево переводчик Семен Лаврецкой сказал, что людей, которых он отпускает за литовской рубеж, отпустить великие государи указали, а езувита и ксенза из-за рубежа к нему к Москве попускать не указали для того что в договорах Вечного миру о пропуске к Москве езуитов и ксендзов ничего не постановлено»²⁸.

Практики взаимодействия Лаврецкого с Довмонтом по сравнению с действиями Башева практически не претерпели никаких изменений. Среди материалов Посольского приказа не появились отчеты о «разговорах» с резидентом, сведения о его посетителях и их «распросные речи». Он продолжил сопровождение Довмонта во время официальных церемоний и передачу ему царских указов

²⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61. Л. 105.

²⁸ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 5. Л. 382.

и объявлений из Посольского приказа. 29 августа 1688 г. он относил объявление о пограничных обидах²⁹, 4 декабря 1688 г. — объявление о военных планах кн. В.В. Голицына, а 12 декабря — об участии в переговорах с турецкими послами в Вене³⁰. В январе 1694 г. Лаврецкий вел переговоры с резидентом, убеждая его вручить присланную к нему королевскую «любительную» грамоту не на аудиенции у царей-соправителей, а в Посольском приказе. Переговоры увенчались успехом³¹.

Помимо доставки официальных объявлений, Лаврецкий отвечал за выдачу резиденту государева жалования. В частности, 20 декабря 1688 г. он должен был получить («рописатца») в приказе Большой казны 50 руб. для Довмонта по случаю празднования Рождества³². Переводчик продолжал участвовать в решении бытовых вопросов резидента. В декабре 1689 г. шорник Андрей Скрипловский, прибывший из Могилева на службу к Довмонту, был арестован по обвинению в уклонении от уплаты таможенных пошлин. По сообщению самого резидента, Лаврецкий принял активное участие в освобождении «челядника»: «для того посылан был ис Посольского приказу господин Семен Лаврецкий, пристав мой, которой при себе расковать и освободить того челядника, мастера моего, повелел»³³.

Стоит отметить, что взаимодействие с польским резидентом в отражении материалов Посольского приказа не выглядит исключительной прерогативой Лаврецкого. Документы для польского резидента, например, в августе 1688 г. доставлял подьячий Посольского приказа Козьма Нефимонов. Память о выдаче царского жалования в декабре 1688 г. в приказ Большой казны носил подьячий Семен Полков, а о доставке на подворье Довмонта дров — Прохор Фаворов³⁴. В марте 1689 г. на официальную аудиенцию для подачи королевской грамоты царям-соправителям польского резидента сопровождал переводчик Иван Тяжкогорский³⁵. Однако частота взаимодействия с участием Лаврецкого является преобладающей.

²⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 6. Л. 309.

³⁰ Там же. Л. 358, 371.

³¹ Там же. 1694 г. Д. 3. Л. 6.

³² Там же. 1688 г. Д. 6. Л. 375.

³³ Там же. 1689 г. Д. 5. Л. 437.

³⁴ Там же. 1688 г. Д. 5. Л. 250, 372, 375.

³⁵ Там же. 1689 г. Д. 5. Л. 252 об.

Вероятно, к 1689 г. у руководства Посольского приказа начала формироваться идея о передаче переводчику Лаврецкому обязанностей по взаимодействию со всеми польскими дипломатами, приезжавшими в Россию. В январе 1689 г. в Москву прибыл польский «окказиональный» посланник Юзеф Лединский. В ходе подготовки его приема в Посольском приказе был подготовлен доклад о прецедентах назначения приставов у посланников и гонцов³⁶, из которого явственно следовало, что приставами назначались начальные люди полков московских стрельцов или полков солдатского строя. Однако на черновике памяти из Посольского приказа в приказ Большой казны, подготовленной 9 января 1689 г., помечено, что «генваря в 11 день принимал ево (Лединского. — *Н.Д.*) государственного Посольского приказу переводчик Семен Лаврецкий»³⁷. Как и в случае с назначением Лаврецкого «ответственным» за Довмонта, наказ или иные сведения, указывающие на статус переводчика при новом польском посланнике, отсутствуют. «Приставом» Лединского Лаврецкий назван в делопроизводственных документах 21 января 1689 г., когда он сопровождал посланника в Посольский приказ на «ответ» ко кн. Голицыну и затем присутствовал на «ответе», выполняя уже функции переводчика. В частности, Лаврецкий «вычитывал» материалы на польском языке, предоставленные польским дипломатом³⁸.

Однако уже в 1691 г. во время подготовки приема нового польского «окказионального» посланника Яна Окрасы, несмотря на то, что в составленном в Посольском приказе докладе значился факт службы переводчика Лаврецкого в «приставах» у Ю. Лединского, этот прецедент не был закреплен на практике. Посольский приказ послал в Разряд память с просьбой прислать «из стольников или из дворян, кому пристойно» для службы приставом Я. Окрасы. В результате выбор остановился на стольнике И.М. Конищеве³⁹, а Лаврецкий продолжил взаимодействие исключительно с резидентом Довмонтом.

Таким образом, после отстранения в августе 1688 г. пристава польского резидента Довмонта стольника и полуполковника Ивана Башева своеобразным «коллективным приставом» дипломата стал Посольский приказ, служащие которого выполняли те

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 6. Л. 17–18.

³⁷ Там же. Л. 13.

³⁸ Там же. Л. 46, 73.

³⁹ Там же. 1691 г. Д. 6. Л. 12, 14, 22.

же функции – носили документы, жалованье, объявляли царские указы. Чаще остальных эти обязанности выполнял переводчик Семен Лаврецкий, который периодически именовался в делопроизводственных документах Посольского приказа «приставом» и, вероятно, в таком качестве воспринимался самим резидентом. Это позволяло избежать умаления «чести» польского постоянно-го дипломатического представителя, а также лишних конфликтов с Довмонтом из-за ограничений и контроля, неизбежно связанных с «добросовестным» выполнением приставом предписаний наказа. Расширение взаимодействия Посольского приказа с постоянными дипломатическими представителями влекло за собой деградацию институции посольского пристава в ее традиционном (для XVI – первой половины XVII вв.) виде.

Литература

- Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.
- Домрачев Н. Е.* Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. 2020. Вып. 1–2. С. 67–87.
- Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- Куненков Б. А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: Структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. / под ред. Е. В. Чистяковой, сост. Н. М. Рогожин. М., 1989.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А. В. Беляков, А. Г. Гуськов, Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин*; науч. ред. А. А. Романова. М., 2021.
- Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988.

Новые сведения о жизни и деятельности Ильи Копиевского в Амстердаме

Об обстоятельствах жизни в Амстердаме Ильи Федоровича Копиевского (Копиевича) (ок. 1651–1714) до прибытия в Республику Соединенных провинций в августе 1697 г. Великого посольства долгое время ничего не было известно. Не были понятны также причины и время его иммиграции в Голландию. О последних только недавно рассказали белорусские историки в статье, основанной на документах польских и литовских архивов [Лісейчыкаў, Іванова]. Из содержания этих документов получается, что Копиевский был вынужден уехать из родных мест в 1687 г. То есть до встречи с Петром, круто изменившей его биографию, он находился в Голландии около десяти лет. Обстоятельства следующих четырех лет его жизни, в течение которых он занимался составлением и изданием русских учебных книг, напротив, известны довольно хорошо. Также известно, что в 1702 г. он навсегда покинул Амстердам, отправившись сначала в Берлин, потом в Копенгаген и Гданьск [Быкова, с. 318–341]. Последние же годы Копиевский провел в Москве на службе в Посольском приказе [Зарецкий, 2021]. В этой статье представлены сведения о жизни Копиевского в Голландии примерно с 1692 по конец апреля 1702 г., извлеченные из документов Городского архива Амстердама¹. Их дополняют материалы, относящиеся к истории его амстердамских изданий, обнаруженные в одном из документов РГАДА.

Новая семья. Как мы теперь знаем, первый брак кальвинистского пастора Ильи Копиевского, заключенный 15 октября 1676 г. в протестантской церкви Кайданова с местной дворянкой Марией Жидович, закончился трагедией [Собрание белорусской шляхты; Лісейчыкаў, Іванова, с. 6]. В октябре 1686 г. после одной из ссор между супругами, сопровождавшейся рукоприкладством мужа, Мария умерла. Вскоре после разбирательства, последовавшего за ее кончиной, кальвинистский Синод лишил Копиевского священ-

¹ Выражаю искреннюю признательность сотруднице архива доктору Моник Петерс (Monique Peters) за содействие в обнаружении этих документов.

нического сана и отлучил от церкви. Еще через некоторое время вместе с восьмилетней дочерью Катериной он уехал из родных мест — сначала в Гданьск, а затем в Голландию [Лісейчыкаў, Івано-ва, с. 6].

Записи о Копиевском, выявленные в Городском архиве Амстердама, свидетельствуют о том, что здесь он вступил в новый брак с некоей Анной Доротеей Васмер². Документов о времени и месте их венчания обнаружить не удалось, однако по косвенным признакам можно заключить, что оно состоялось не позднее 1692 г. Отсутствие упоминаний об их браке в городском архиве позволяет предположить, что он был заключен не в Амстердаме. В пользу этого предположения говорит и отсутствие здесь материалов о происхождении и родных Анны Доротеи.

Метрические книги архива указывают на то, что в новой семье Копиевского с 1693 г. по 1699-й родилось пятеро детей. 15 февраля 1693 г. супруги крестили сына Даниэля в недавно построенной Северной церкви (Noorderkerk), большинство прихожан которой составляли протестанты³. Следующей после Даниэля родилась дочь Сусанна, крещенная 6 апреля 1696 г., теперь в одной из самых известных в Амстердаме Старой церкви (Oude Kerk)⁴. Третьим ребенком Копиевских стала Мария, крещенная 11 августа следующего 1697 г. в Южной церкви (Zuiderkerk), среди прихожан которой также значились многие известные горожане⁵. Затем в семье родился мальчик Самуэль, крещенный 12 октября 1698 г. в скромной деревянной церкви Амстел (Amstelkerk)⁶. В той же церкви 13 декабря 1699 г. супруги крестили пятого ребенка, снова с именем Даниэль⁷. По-видимому, их первого сына, носившего то же имя, тогда уже не было в живых.

Здесь уместно добавить, что в Европе конца XVII в. многодетность, как и высокая детская смертность, были обычным явлением, особенно среди наименее состоятельных слоев населения. И семья Копиевского в этом отношении не составляла исключения: из этих пятерых детей к концу 1699 г. в ней осталось двое. Пер-

² В архивных документах фамилия Копиевского пишется по-разному: Коріjewitz, Coppiwits, Coppebus, Kopies, Copejowits. Его жена зовется Anna Dorothea Wasmer или Dorothea Wasmerin.

³ ASA. Inv. 5001. DTB Dopen. 1690–1697. Inventarisnummer 78. P. 211.

⁴ Там же. 1690–1696. Inventarisnummer 13. P. 345.

⁵ Там же. 1693–1708. Inventarisnummer 99. P. 156.

⁶ Там же. 1690–1703. Inventarisnummer 121. P. 129.

⁷ Там же. P. 149.

вый ребенок был похоронен 6 июня 1695 г. на кладбище св. Антония, где обычно погребали умерших от чумы и бедняков⁸. Судя по всему, это был двухлетний Даниэль⁹. Затем 20 ноября 1698 г. и 28 декабря 1699 г. супруги похоронили еще двух детей на новом кладбище Heiligewegs- en Leidsche Kerkhof¹⁰. Оно не относилось к какой-либо церкви и предназначалось в основном для упокоения неимущих горожан.

Записи о захоронениях детей Копиевского свидетельствуют не только об утратах в его семье, но и о серьезных материальных проблемах, сопровождавших его жизнь в Амстердаме. Особенно в 1697–1699 гг., когда он упорно трудился над составлением и изданием учебных книг в типографии Яна Тессинга. Так что его постоянные жалобы этого времени на бедственное материальное положение Ф.А. Головину и Петру I вполне могли быть оправданными [Пекарский, с. 527]¹¹.

Чем, однако, зарабатывал на жизнь Копиевский до появления в Амстердаме Петра и его свиты и на какие средства содержал семью? В челобитной Головину от декабря 1697 г. он жалуется, что порученная ему работа над переводом учебника по мореплаванию Деграфа (об издании этой книги речь пойдет дальше), стоила ему значительных сил и средств, и что из-за нее ему пришлось отказаться от своих обязанностей священника кальвинистской церкви, приносивших доход: «... много трудился долгое время, покамест соорудил сию книгу. Ея же ради во мнозе отщитился [=отщеллся]. Болеи тритцати рублей денег своих потерял, дом свой покинувши, иной нанял... и *все приходы церковные, от нашего собору амстеро-дамскаго мне даваные, [на]всегда покинул* [курсив мой. – Ю.З.], и тако с полгода сам харчуюся»¹².

Впрочем, несмотря на это заверение, Копиевский продолжал и позднее называть себя священником Голландской реформатской церкви кальвинистской деноминации. В челобитной Головину на русском языке к своему имени он прибавлял: «духовнаго чина,

⁸ ASA. Inv. 5001. DTB Begraven. 1692–1703. Inventarisnummer 1214. P. 196–197.

⁹ Поскольку на кладбищах для бедняков могилы обычно не имели надгробий, тем более детских, имена и пол умерших детей в метрические записи не вносились.

¹⁰ ASA. Inv. 5001. DTB Begraven. 1694–1708. Inventarisnummer 1252. P. 169; Ibid. P. 218–219.

¹¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1–2.

¹² Там же. Л. 1.

веры реформатския собору Амстеродамскаго»¹³. А в учебнике латинской грамматики и в письме 1704 г. Августу Франке — Verbi Dei Minister polonus («поляк, служитель Слова Божия») [Копиевский, 1700, с. [8]; Winter, s. 397]¹⁴.

Печатание «Книги учащей морского плавания» и бегство в Берлин. Один из документов амстердамского архива содержит любопытные детали истории печатания сокращенного перевода руководства по мореплаванию Авраама Деграфа [De Graaf; Деграф; Быкова, с. 326—327]¹⁵. В нем сообщаются также подробности отъезда Копиевского в Берлин и обвинений, предъявленных ему Яном де Ионгом, амстердамским купцом, который после Тессинга оплачивал расходы по изданию русских книг¹⁶. Документ представляет собой черновик нотариального акта, составленного 10 мая 1702 г. нотариусом Питером ван дер Меуленом в ответ на обращение де Ионга¹⁷. По всей вероятности, заверенная копия этого акта была выдана заявителю и впоследствии стала основанием для подачи им судебного иска к Копиевскому.

Для лучшего понимания контекста появления этого документа приведу вначале фрагмент письма де Ионга Петру I от июля 1703 г., в котором содержатся туманные обвинения купца в адрес Копиевского: «Я уповаю книгу о хитрости штурманской, на славянском языке напечатанной, тако ж вскоре в совершенство приведенну получить. Обманщик Илья Копиевский и[з] сей изрядной книги четыре листа или 32 страницы с фигурами с собою взял и меня тем ограбил, и держится ныне в Польше или в Пруссах, но его краденое и мои помянутые листы взял я здесь за арест в надежде, что их

¹³ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1.

¹⁴ В Городском архиве Амстердама мне не удалось найти следов участия Копиевского в жизни местных кальвинистских общин — скорее всего, из-за нехватки специальных знаний и времени.

¹⁵ Из титульного листа книги мы узнаем, что публикуемый в ней перевод сделан повторно: «С Латинскаго Языка переведе на Славянороссийский диалект, вторицею совершенней Первья, Elias Копиевский».

¹⁶ В русских документах встречаются разные варианты написания имени этого человека: Иоган Деионг, Иван Иевлев Молодой, Юнк Эвод и др.

¹⁷ ASA. Notarial records. 1578—1915. Part 6761. Record number 221770. P. 661—665. Расшифровке голландской скорописи я обязан профессору университета Гронингена Гансу Конингсбрюгге (Hans Koningsbrugge), которому выражаю искреннюю признательность за эту бесценную помощь. Так как в некоторых местах прочтение и истолкование документа вызывает серьезные затруднения, дальше его содержание пересказывается без ссылок на конкретные страницы дела.

вскоре получу и возмогу в ваше царского величества московское государство выслать» [Пекарский, с. 17].

Как разъясняет Т.А. Быкова, речь здесь идет о разрыве отношений между компаньонами, отъезде Копиевского в Берлин и последовавшем после этого судебном разбирательстве. Решение суда, полагает она, было вынесено в целом в пользу истца — Копиевский должен был выкупать типографию у де Ионга, уплачивая ему ежегодно «по сороку по четыре рубли». Что же касается уже изданных книг, то они, по мнению исследовательницы, были признаны собственностью ответчика [Быкова, с. 327, 337]. Черновик нотариального акта добавляет существенные подробности и уточнения в эту картину.

Итак, 10 мая 1702 г. в контору Питера ван дер Меулена (Pieter van der Meulen) явился Ян де Ионг (Jan de Jongh) в сопровождении трех свидетелей: доктора медицины Кристофера Беккера (Christoffer Becker), священника Якоба де Ионга (Jacobus de Jong, скорее всего, родственник Яна) и господина Авраама Бремана (Abraham Breeman). Все трое заявили, что слышали, как в марте 1702 г. «человек Копиевского» (Elias Federoff Copejowits) говорил им, что тот несколько раз объявлял о своем намерении покинуть Амстердам и отправиться с семьей в Берлин. При этом он якобы добавлял, что был вызван туда для продолжения его занятий типографским делом и показывал письмо с соответствующим приглашением. Свидетели также утверждали, что спустя несколько недель после слышанного ими Копиевский покинул свой дом, находящийся на окраине города («в самом дальнем переулке»).

Наиболее подробные сведения об отъезде Копиевского сообщил Авраам Бремман (очевидно, это и был названный в документе «человек Копиевского»). Бремман рассказал, что в конце марта 1702 г., незадолго до того, как Копиевский приостановил печатание книги Деграфа, он слышал от него о его намерении отправиться в Берлин, куда был вызван для каких-то работ по книгоизданию. В связи с необходимостью отъезда он пригласил Бреммана в свой дом и предложил поступить к нему на службу печатником. Из дальнейшего рассказа Бреммана следует, что это предложение он принял и приступил к работе. В последних числах месяца, по его словам, Копиевский, распродав лучшую мебель, уехал в Берлин, попросив его поторопиться с набором и печатанием книги, поскольку он сам будет занят другими делами. Однако, когда некоторое время спустя Бремман явился утром для завершения порученной ему работы, то

обнаружил, что дом Копиевского опустошен и продан, печатный станок разорен (*druckpers heeft afgebroken*) и пропали четыре последние листа (*vier laeste bladen*) книги.

Подытожим теперь эти сообщения свидетелей. Из них следует, что с марта 1702 г. Копиевский во всеуслышание объявлял, что собирается переехать в Берлин для продолжения там своих печатных работ. Известно, что это его намерение было связано с проектом Прусской академии по созданию русской типографии, и что Копиевский действительно вел с ней переговоры [Быкова, с. 327–332]. Затем он в конце месяца уехал, потом вернулся, продал свой дом и оставшееся в нем имущество, разобрал печатный станок и, прихватив его, а также четыре последние листа книги Деграфа, работу над которой заканчивал нанятый им Авраам Бремман, тайно уехал из города навсегда. Упомянутые в документе четыре последних листа – это, скорее всего, четыре медные пластины с гравированными таблицами логарифмов, которые должны были стать в книге приложением. По-видимому, эти пластины представляли значительную материальную ценность, и Копиевский хотел каким-то образом использовать их в дальнейших тяжбах с де Ионгом.

Помимо обстоятельств конфликта Копиевского с партнером и подробностей истории появления русского учебника по мореплаванию, документ позволяет также сделать важные библиографические уточнения. Во-первых, печаталась книга не в типографии Авраама Бреммана, как можно понять из надписи на ее титульном листе (такой типографии в Амстердаме никогда не существовало), а Авраамом Бремманом в доме/типографии Копиевского. Во-вторых, учебник не был закончен в 1701 г., как свидетельствует его титульный лист. Документ РГАДА, о котором речь пойдет дальше, указывает на то, что дополненный приложением окончательный вариант книги был завершён лишь четыре года спустя.

К истории книги Деграфа. Начало сотрудничества Копиевского с де Ионгом. О том, что партнерские отношения Копиевского с де Ионгом началось еще при жизни Тессинга, историкам известно уже давно. На это указывает, в частности, опубликованная П.П. Пекарским челобитная купца Петру от 4 августа 1700 г. о предоставлении ему привилегии на ввоз и продажу в России амстердамских изданий [Пекарский, с. 527–528]. Де Ионг рассчитывал получить эту привилегию в дополнение к ранее выданной Петром Тессингу и потому просил прав исключительно на латинские книги «с русским толкованием». Поскольку челобитная написана ру-

кою Копиевского на русском языке, есть все основания полагать, что Копиевский был по меньшей мере ее соавтором.

Помимо просьбы о предоставлении привилегии в ней имеются и другие важные сведения о начале русского книгопечатания в Амстердаме. В частности, утверждается, что Петр еще до Тессинга предоставил право продажи амстердамских книг в России Копиевскому, и что первой из этих книг должен был стать перевод руководства по мореплаванию Деграфа: «прежде Тессинга ему был дан указ твоего просветлейшаго царскаго величества печатать книги, яко шыперскую книгу морскаго плавания на русском языке и прочия» [Пекарский, с. 528]. Подтверждения того, что эта книга издавалась по особому указу Петра, находим и в ее печатном тексте. В посвящении Головину, составленному от имени де Ионга и Копиевского на левой странице разворота книги, сказано, что она «имела бысть типу предана по указу Великаго Государя нашего». После этого утверждения в посвящении идет ссылка на какой-то неизвестный нам указ Петра: «ныне же премилостивейший восприемши присланный указ Великаго Государя, с высочайшим почитанием и покорностию, всеусердно типу предахом» [Деграф]. Об этом же загадочном указе говорит и Копиевский в ее предисловии, теперь уже только от одного себя. Причем он утверждает, что петровский указ распространяется не только на книгу Деграфа, но и на другие издания: «Ныне же прислан есть указ великаго государя на печатование не точию сея книги, но и всяких разных свободных наук» [Строев, с. 406]. Таким образом получается, что издание учебника Деграфа и других русских книг основывалось на каком-то распоряжении Петра, выпущенном в дополнение к привилегии, выданной им 17 мая 1698 г. Тессингу¹⁸.

Де Ионг о судьбе книги в 1705 году. Вернемся теперь к истории книги Деграфа после разрыва отношений Копиевского с де Ионгом. О ней рассказывает недавно обнаруженное в РГАДА письмо купца к Федору Головину от февраля 1705 г.¹⁹ Поскольку оно имеет

¹⁸ ПДС. Т. VIII. СПб., 1867. Стлб. 1298–1302

¹⁹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 1–14. В старой описи дело неточно названо «Писма к боярину Федору Головину Иогана де Ионга о выданных им в Голландии Российских книгах». Это два письма от февраля и мая 1705 на голландском языке и их переводы, охватывающие разные темы. Нумерация листов в деле ошибочная, голландские оригиналы местами трудночитаемы из-за физических повреждений. Моя благодарность О.Е. Кошелевой за помощь в прочтении и истолковании этих писем.

смешанное содержание, приведу здесь только ту его часть, которая с этой историей связана:

«Высокографское превосходительство, с великою радостию уразумел, что книга штурманская моя типом данная (которая вашему высокографскому превосходительству от меня всеуниженно приписанна) у его освещенного царского величества принята всемилостиво, такожде и всемилостиво поволит, дабы мне за все мои труды, издержки и работу некоторое подарение дано было, також когда оная книга у математиков московских испытана ко услуге его царского величества и к тому будет разсуждена, и тогда бо мне дано будет привилегия, дабы все мои книги достойною ценою беспрошлинно продавать, и отнюдь бы ни от кого иного на Руси не продавать и не печатать, ради того, что я первой изобретатель сеа книги есмь.

Понеже аз ныне обнадежен и весьма обещан есмь, что ваше высокографское превосходительство един есть, чрез которого благое исходатайство помянутого подарения от Его царского величества того получение произойти может, и тако при сем восприемлю дерзновение вас покорно просить, дабы ваше высокографское превосходительство благодаяние мне в том показать и счастливым учинить соизволил, чтоб к обещанному подарению приобщен был. И такожде к тому привести, чтоб помянутая штурманская книга доброю ценою продаж представлена была и чрез меня одного в продаже была, дабы мне мочно было свои великие убытки, труды и работу оплатить и чтоб впредь меня возбуждала вовремя паки вящих вещей вымышлять ко Его царского величества поданным услуге и ползе могут происходить. Обаче ж все сие на ваше высокографское превосходительство благое рассуждение представляю.

При сем же принужден аз вашему высоко графскому превосходительству такожде объявить, что аз чрез напечатание сеи сея (sic!) книги на руском языке многое неблагодарство доуки досады нашае получил, но понеже аз до скончания своей жизни всегда желал со всякою кротостию и преданным сердцем мою услугу жизнию освященному кесарю и великому монарху полагать, и тако стану никакой опасности на свете опасатца, но упокойно и благосохранно скрытца под всемилостивым защищением и благопростирагельными крылами великого орла, за которого Господа Бога благополучие прошено, дабы его кесарская особа долгоденствия умножена и во всяком благоздравном состоянии

содержана была, чтоб всегда победитель был над всеми своими неприятелями»²⁰.

Что нового из этого отрывка мы узнаем об истории появления русской версии книги Деграфа? Во-первых, что ко времени его написания отсутствие в ней приложения из 32 страниц было каким-то образом восполнено: либо де Ионг получил их от Копиевского по суду, либо напечатал заново, взяв из голландского оригинала. Во-вторых, что прежде, чем отправить тираж книги в Россию, де Ионгу требовалось заручиться одобрением ее содержания со стороны «московских математиков». Очевидно, это было условием Головина, отклонившего первый перевод Копиевского из-за его неудовлетворительного качества²¹. Поскольку книга продавалась в России, нет оснований сомневаться в том, что в этот раз его одобрение было получено. В-третьих, обращает на себя внимание то, что де Ионг заявляет о том, что права на книгу принадлежат ему («изобретатель сеа книги есмь»). Как мы увидим дальше, по каким-то причинам он называет «своими» вообще все упомянутые им книги Копиевского — как напечатанные при его финансовом участии, так и выкупленные у их автора и печатника позднее. Неясным из письма остается вопрос о существовании новой петровской привилегии на продажу в России амстердамских книг. Как мы видели, в учебнике Деграфа дважды утверждается, что он издается по указу Петра, причем этот указ якобы распространяется и на другие, будущие издания. Зачем тогда было де Ионгу опять просить Головина ходатайствовать перед Петром о новой привилегии? Может быть, печатая посвящение и предисловие к книге в 1701 г. Копиевский и де Ионг поспешили, выдав желаемое за действительное? Второй возможный вариант ответа — де Ионг хотел получить привилегию исключительно для себя, не деля никаких прав с Копиевским. Не поэтому ли он ни разу не упоминает в письме имени своего бывшего компаньона и переводчика/компилятора русского текста книги Деграфа?

О тиражах трех книг Копиевского. К этому же письму Головину де Ионг приложил перечень «своих» книг, находившихся в то время в России, начиная и заканчивая его просьбами о содействии в ускорении их продаж: «Такожде при сем приложил роспись всех моих книг, которые многочисленно у моих друзей на Москве

²⁰ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 5, 5 об., 8, 8 об., 9.

²¹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1–2.

и у Города [Архангельска] к моему великому убытку обретаютца. Зело б аз счастлив был, аще бы оные от великие бы лица представлены были, дабы хотя отчасти за кои великие убытки возврат получить, которое Боже всемилостиво подай»²².

Дальше он приводит названия трех книг с указанием их тиражей: «Роспись всем книгам, которые здесь с великими убытками, трудом и работою на русском языке печатаны и на Москве не проданы. В 1699-м году послал книжищу имянуемую де арифметики, суще оная зело потребна по искусству цыфири, напечатано их 2700 книг. В 1700-м и 1701-м году напечатана и послана книжица имянуемая Глория триумфорум и троферум или Слава торжеств и знамя побед Пресветлейшаго Августейшаго державнейшаго и непобедимейшаго Великого Государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя, и белыя Росии самодержца, всех их напечатано 5000 книг. Еще в 1701 году напечатано 350 изрядных книг именуемая Латинская грамматика. Все помянутыя 8000 книг зело мне много денег стали, как сие легко разсудити удобно. А ничему иному, что не для ползы Его царского величества подданные сочинены. И почитай я весма от того разорился»²³.

В заключении де Ионг повторяет свою просьбу о помощи в распространении этих книг в России: «И тако да ходит всепокорнейшее прошение, дабы помянутыя книги по лутчей мере представить, чтоб мне за те великие убытки награждение возможно получить, во уповании пребываю ежели от Вашего высокографского превосходительства то произойдет»²⁴.

Как нетрудно понять из «росписи» де Ионга, речь в ней идет о трех книгах Копиевского: учебнике арифметики, учебнике латинского языка и панегирике на взятие Азова [Копиевский, 1699; Копиевский, 1700 (2); Копиевский 1700 (1)]²⁵.

До обнаружения этого документа был известен только один случай упоминания о тиражах книг Копиевского-Тессинга — «Арифметики», если верить ее титульному листу, вышедшей 15 апреля 1699 г. В челобитной Петру этого же года Копиевский сообщал, что «написав зело полезную книгу цыфирную с притчами, дал напечатать книг 3350» [Пекарский, с. 527]. Там же он жаловался на то, что со-

²² РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 9 об., 10.

²³ Там же. Л. 12, 12 об., 13.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ Как видим, названные де Ионгом годы издания книг не всегда совпадают с указанными на их титульных листах (см. список литературы).

ставил и издал этот учебник по заказу приказчиков, которые отказались забрать у него напечатанные экземпляры и возместить ему понесенные издержки, чем «убыток великий соделали». Обманщиков, продолжает дальше Копиевский, пытались увещевать ставшие на его сторону «люди здешние», но безрезультатно. Его недоброжелатели чинили также препятствия и для отправки «Арифметики» в Россию — до тех пор, пока на помощь не пришли Тессинг и де Ионг: «И тако, по совету Ивана Андреева Тессинга и Ивана Иевлева Молодого, послал я книги те к Москве». В заключении Копиевский просит Петра приказать, чтобы приказчики возместили ему стоимость этого издания («книги мои поплатить и убытки мои на них доправить») и приводит общий расчет понесенных им издержек [Там же].

Но почему де Ионг называет «Арифметику» своей? Из содержания челобитной Копиевского следует, что отправка книги состоялась еще во время его работы у Тессинга, и что де Ионг принимал какое-то участие в делах его типографии. Не выкупил ли он у Копиевского позднее 2700 книг? В таком случае «убыток великий» Копиевского в конечном счете должен был составить стоимость печатания остальных 650 книг.

В пользу предположения о выкупе де Ионгом тиража «Арифметики» (или его части) говорит приобретение им у Копиевского второй книги из приведенного списка — «Латинской грамматики». Об этой его покупке свидетельствует уже упоминавшаяся челобитная де Ионга Петру от 4 августа 1700 г., написанная рукою Копиевского: «также [прикладая] и грамматику латинскую с толкованием на славенско-российский язык, которую я купил zde у того человека, который сам ю издаде» [Пекарский, с. 528.]. То есть покупка де Ионгом изданий Копиевского в годы их сотрудничества практиковалась.

Что касается третьей книги из списка, панегирика на взятие Азова, то сведений о ее выкупе де Ионгом у Копиевского не обнаружено. Вполне можно допустить, что в этом случае по условиям заключенного между партнерами контракта свои права автора и издателя Копиевский сразу передавал купцу. Хотя не исключено, что сам он считал иначе, по крайней мере в отношении одной-двух книг, указанных в «рописи». В феврале 1710 г., уже живя в Москве, Копиевский жаловался, что его амстердамские издания продаются здесь без его ведома и согласия людьми, чинящими ему «обиду немалую и разорение, которое нимало за оные книги заплатити хотя

ниже обещаются»²⁶. А через год после смерти Копиевского о незаконной продаже изданных им книг в Посольском приказе свидетельствовали его вдова Марья и замужняя дочь Анна²⁷.

В своих показаниях они упомянули и имя Яна де Ионга (Юнка Эвода): «А в Амстердаме книги на словенском и галанском языках печатал и заводил он, Илья, своим коштом. И те книги высылал в город на кораблях тавариш ево Юнк Эвод по отъезде ево из Астрадама к Москве к торговому иноземцу Диксу, а он Дикс те книги мимо ево Ильи присылал к Москве... а сколько тех книг числом и какие, того они не ведают, а за те книги и за завод печатания тех книг не от кого ему не плачивано, о чем они на тех иноземцов великому государю будут бить челом впредь» [Токмаков, 1885 (2)]²⁸.

Но вернемся снова к тиражам книг, которые приводит в письме Головину де Ионг. Отражают ли эти цифры действительное количество отпечатанных экземпляров?

Что касается «Арифметики», то она, как уже говорилось, вполне могла быть издана в количестве, указанном Копиевским (3 350). Тираж по тем временам большой даже по меркам Московского печатного двора, но не исключительный: по некоторым подсчетам, в XVII в. средний тираж букварей одного завода здесь составлял 1 200–2 400 экземпляров [Агаджанов, с. 52]. 5 000 экземпляров стихов Копиевского «Слава торжеств и знамен побед» кажутся, напротив, тиражом довольно редким, особенно если учесть, что книга не относилась к разряду богослужебной литературы или букварей, пользовавшихся в России особым спросом. К тому же количество сохранившихся экземпляров «Славы торжеств» в сравнении с другими изданиями из «росписи» де Ионга удивительно мало — по моим подсчетам всего 6 [Зарецкий, 2022, с. 149].

Что касается указанного де Ионгом в перечне «своих» книг тиража «Латинской грамматики» в 350 экземпляров, то это, скорее всего, лишь его часть, выкупленная купцом у Копиевского. Такое

²⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 19. Л. 1–1 об.

²⁷ Т.А. Быкова указывает на документы, из которых следует, что в Москве Копиевский снова женился, и что от этого брака у него родилось по крайней мере два ребенка. Взрослая же дочь Анна, свидетельствующая в приказе вместе с его вдовой Марьей, по мнению исследовательницы, родилась от его первого брака [Быкова, с. 338].

²⁸ Правда, из этих показаний снова не ясно, о каких именно книгах идет речь. Не исключено, что де Ионг, выкупив у Копиевского на каких-то неизвестных нам условиях все три книги, названные им в «росписи», считал своими, тогда как Копиевский имел на этот счет другое мнение.

заключение можно сделать исходя из того, что в начале XVIII в. книга была хорошо известна в России и дошла до нас в количестве по крайней мере 24-х экземпляров, т.е. в четыре раза больше, чем изданного пятитысячным тиражом панегирика на взятие Азова [Там же].

Копиевский и «Символы и эмблемата». Второй отрывок этого письма де Ионга Головину связан с деятельностью Копиевского лишь гипотетически. Однако он содержит небезыңтересные сведения, дополняющие историю появления в России хорошо известного историкам книги сборника «Символы и эмблемата», изданного в Амстердаме в 1705 г. Текст в нем минимален и состоит исключительно из пояснений к изображениям эмблем на восьми языках: русском, латинском, французском, итальянском, испанском, голландском, английском и немецком. Если не считать гравюру с изображением Петра на фронтисписе, оттиснутое под ним русское название книги, воспроизведение этого названия на латинском языке на ее титульном листе и русские пояснения к эмблемам, то она практически целиком воспроизводит два первые издания труда Даниила де Ла Фея [de La Feuille]. На титульном листе инициатором публикации книги называется Петр I, здесь же приводится имя ее печатника, амстердамского издателя Генриха Ветштейна (Hendrik Wetstein, 1649–1726). Считается, что поскольку при печатании в ней русских пояснений был частично использован шрифт, идентичный шрифту Копиевского, он мог принимать участие также и в составлении русских пояснений к эмблемам [Быкова, с. 297; Александрова, с. 19]. Помимо Копиевского, причастным к изданию «Символов и эмблемат» исследователи иногда называют также Тессинга [Александрова, с. 19].

Хотя русская версия сборника де Ла Фея давно известна российским историкам книги, геральдистам и искусствоведам, документов о его создании и появлении в России сохранилось немного. Из них следует, что напечатан он был тиражом не менее 800 экземпляров, 755 из которых не позднее середины 1706 г. были доставлены в Посольский приказ, где и оставались забытыми целых тринадцать лет [Токмаков, 1885 (1)]. Публикуемый дальше фрагмент письма де Ионга добавляет к истории этой книги новые детали:

«Книга Фиоленатская, которая от покойного господина Кинциюса напечатать заказана, приведена уже она в готовность, дабы на караблях к городу Архангельскому сослать. При сем для любопыт-

ности посылаю листок титл, каково[й] аз способствовать учинил, во уповании пребываю, что благо и приятно прочтено будет»²⁹.

Выясним, о чем здесь идет речь. «Книга Фиоленатская», как трудно догадаться, это и есть «Символы и эмблемата» («фиоленатская» – производное от имени ее составителя Daniel de La Feuille). «Покойный господин Кинциус» – это умерший в 1703 г. голландский купец Аврам (Абрахам) Михайлов Кинсиус (Кинсьюс, Кинтциус), который доставлял почту и посылки из Голландии в Россию [Гордон, с. 6, 7, 127]. Таким образом, из этого сообщения мы впервые узнаем имена двух человек, причастных к изданию «Символов и эмблемат»: Аврама Кинсиуса и Яна де Ионга. Причем последний, как следует из этого фрагмента письма, непосредственно занимался отправкой книги в Россию.

Из него также выходит, что де Ионг каким-то образом участвовал и в составлении ее русского и/или латинского заглавий. Можно предположить, что образцовое латинское на титульном листе книги было составлено каким-то более ученым человеком по его заказу, а повторяющее его с ошибками русское, гравированное на фронтисписе книги, – это перевод самого де Ионга. Впрочем, вполне возможно, что ошибки на фронтисписе были допущены не де Ионгом, а гравером.

Как видим, в письме нет даже косвенного намека на причастность Копиевского к созданию «Символов и эмблемат». В этой связи примечательно, что никаких упоминаний об этой книге нет и в письмах самого Копиевского. Мог ли этот чрезвычайно честолюбивый человек умолчать о своем участии в работе над таким роскошным изданием?

Заключение. Очевидно, что помимо ранее неизвестных обстоятельств семейной жизни Ильи Копиевского в Амстердаме, представленные в статье документы содержат сведения, существенно дополняющие историю первого издательского проекта Петра, известную нам по работам П.П. Пекарского и Т.А. Быковой. Из них становятся понятней роль, которую играл Ян де Ионг в книгоиздательской деятельности Копиевского и доставке его книг в Россию, суть конфликта между обоими, размер тиражей трех книг Копиевского, обстоятельства создания и появления в России первого русского учебника по мореплаванию и сборника «Символы и эмблемата». Кроме того, эти документы позволяют приоткрыть завесу

²⁹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 9 об.

над миром непростых межличностных отношений, которыми сопровождалась реализация петровского замысла. Впрочем, нет сомнений, что архивные находки, прежде всего, в Городском архиве Амстердама и РГАДА, способны не только добавить новые штрихи в историю издания в Голландии русских светских книг, но и внести в нее существенные уточнения.

Добавление. Уже после того, как эта статья была подготовлена к печати, в точном соответствии с «предсказанием» в ее заключении, в РГАДА были обнаружены челобитные Копиевского Петру I и Федору Головину, обе отправленные из Гданьска в декабре 1705 г. («Дело по челобитью Ильи Копиевского о переведенной им по указу Государеву книге морского плаванья») ³⁰. Их содержание удивительным образом схоже с просьбами к Головину де Ионга, приведенными в статье. Здесь также речь идет о завершении работы над книгой Деграфа и получении привилегии на продажу амстердамских изданий в России. Главное отличие челобитья Копиевского состоит в том, что он считает пособие Деграфа своим (также, как и другие амстердамские издания) и просит у Петра привилегию для себя ³¹. К тому же примечательно, что если де Ионг в письме Головину даже косвенно не упоминает своего бывшего партнера, Копиевский не только называет имя де Ионга, но и обвиняет его в неблагоприятных делах («зело обидил и опечалил, паче тесингова») ³². Больше того, он даже предлагает Петру конкретный способ взыскания с купца 13575 гульденов в качестве ушерба, который ему был якобы нанесен.

Эти новые документы, разумеется, не проясняют вопрос о правах собственности на книги, изданные Копиевским при участии де Ионга. Они лишь служат очередным подтверждением непростых имущественных и личностных отношений, в которых эти книги появлялись. Однако из них становится ясно, что вопреки утверждениям Копиевского и де Ионга в «Книге учащей морского плаванья», царской привилегии на печатание и ввоз амстердамских изданий в Россию ни тот ни другой не получили.

³⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1705 г. Д. 153. Л. 1–3.

³¹ Он заявляет Петру, что получение им «указа и грамоты с прочетом» сделает возможным «свободно в города сию, всякия разных свободных наук, и историчныя, и иных славных изобретений книги к лутчему обучению и всякому благоискуству всероссийскому народу Вашего Царскаго высокодержавнейшаго величества, в города привозить и продавать». — Там же. Л. 1–1 об.

³² Там же. Л. 1.

Литература

- Агаджанов Б. В.* Создатели первых учебных книг для начального обучения грамоте // Проблемы современного образования. 2010. № 2. С. 50–77.
- Александрова А. Д.* «Символы и Эмблемата» Петра I // Интерактивная наука. 2018. № 1(23). С. 18–23.
- Быкова Т. А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г М.; Л., 1958.
- Гордон П.* Дневник, 1696–1698. М., 2018.
- Деграф А.* Книга учащая морского плавания. Амстердам, 1701.
- Зарецкий Ю. П.* Первые русские печатные учебники // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 140–154.
- Зарецкий Ю. П.* Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 59–74.
- Копиевский И. Ф.* Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Амстердам, 1700 (1).
- Копиевский И. Ф.* Краткое и полезное руководство во арифметику. Амстердам, 1699.
- Копиевский И. Ф.* Слава торжеств и знамен побед / Gloria triumphorum & trophaeorum. Амстердам, 1700 (2).
- Лісейчыкаў Д., Іванова Л.* Ад Капылья да Амстэрдама: сямейныя гісторыі Ільы Капіевіча // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 9. С. 3–12.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Санкт-Петербург, 1862.
- Символы и Эмблемата. Амстердам, 1705.
- Собрание белорусской шляхты. URL: <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.0> (дата обращения: 31.05.2023).
- Строев П. М.* обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора, графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829.
- Токмаков И. Ф.* Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей (Продолжение) // Библиограф. 1885. № 6. С. 105–111 (1).
- Токмаков И. Ф.* Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей: Дело о пожитках и книгах, оставшихся после умершего переводчика Илии Копиевского (1715 г. 15 октября) // Библиограф. 1885. № 4. С. 80–8 (2).
- De Graaf A.* De seven boecken van de groote zeevaart, zynde een volkomen klare, en konstige beschrijvinghe der navigatie. Amsterdam, 1658.
- de La Feuille D.* Devises et emblemes anciennes et modernes... par les soins de Daniel de LaFeuille. Amsterdam, 1691et 1696.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert Berlin, 1953.

**Солдат, невольник, странник –
к биографии толмача Посольского приказа
и участника Великого посольства
Алексея Змеева**

Выход в свет замечательного издания – материалов к словарю переводчиков (специалистов по письменному переводу) Посольского приказа заполнил важнейшую просопографическую лагуну в истории России раннего Нового времени. Работа с указанным справочником позволяет значительно расширить наши представления о функционировании Посольского приказа и организации коммуникации Русского государства с внешним миром в XVII в. [Переводчики...]. Вместе с тем за рамками данного справочника остались служившие во внешнеполитическом ведомстве специалисты по устному переводу, четко отделявшиеся от собственно переводчиков – толмачи [Переводчики..., с. 15]. Изучение их биографий и карьер стало следующим направлением просопографических исследований авторов материалов к словарю, опубликовавших в виде отдельной статьи данные по персональному составу толмачей Посольского приказа последней четверти XVII в. [Гуськов, Шамин, с. 278–317].

Настоящая заметка дополняет представленные в вышеупомянутой публикации достаточно скудные биографические сведения (основаны главным образом на материалах дел первой описи ф. 138 РГАДА) толмача и участника Великого посольства – Алексея Змеева [Гуськов, Шамин, с. 288–289] – человека, чье жизнеописание, будь оно известно во всех деталях, могло бы стать основой для приключенческого романа.

Восстановить биографию А. Змеева относительно целостно, хотя и без каких-то подробностей, позволяет небольшой комплекс документов, отложившийся в фонде 125 «Монастырские дела» Российского государственного архива древних актов. Речь идет о челобитной Змеева, решившего постричься в монахи Спасо-Елеазарова монастыря (Елизарьевой пустыни), расположенного в Псковской епархии, и подготовленной в связи с этим царской грамоте (сохранился отпук) псковскому митрополиту Иосифу.

Служба Змеева началась при царе Алексее Михайловиче, будучи связана с военным делом, а не с дипломатическим ведомством. Как утверждалось в отпуске грамоты, будущий толмач принимал участие в сражениях русско-польской 1654—1667 гг. и русско-шведской 1656—1658 гг. войн. В составе рейтарского полка он участвовал в осаде Смоленска (июнь—сентябрь 1654 г.), взятии Вильно (кампания лета 1655 г.) и государевом походе на Ригу в 1656 г. На всех этих «службах» Змеев был «многожды ранен».

Трагичным поворотом в воинской судьбе Змеева стала несчастливая для русских войск битва под Котонопом в июне 1659 г. когда войска крымского хана Мухаммед-Гирея и союзных ему украинских казаков гетмана Ивана Выговского нанесли тяжелое поражение армии кн. А.П. Трубецкого. Змеев участвовал в сражении «з боярином (так!) и воеводою с князь Семеном Романовичем Пожарским в рейтарех... и на той конотопской службе на Поповке, как билися с неприятельскими крымскими людьми, взят он в полон»¹. Это описание не во всем соответствует современной научной реконструкции Конотопской битвы, предложенной военным историком И.Б. Бабулиным. Дело в том, что кн. С.Р. Пожарский (окольный, а не боярин) со своим сводным отрядом атаковал татар 28 июня 1659 г., перейдя р. Куколку у Сосновки, преследовал их вдоль реки вверх по течению, где попал в засаду, был окружен и уничтожен многократно превосходившими его крымскими войсками. В составе войска Пожарского было три рейтарских полка (А.Г. Фанстробеля, В. Джонстона, В. Фангалена), понесших значительные потери. В одном из них и мог служить Змеев, однако упоминаемая им Поповка располагалась севернее и ниже по течению Куколки. Там также находилась переправа, которую прикрывали отряды из состава воеводского полка кн. Г.Г. Ромодановского. Туда крупные татарские войска, возможно во главе с нураддином Мурад-Гиреем, вышли в тот же день позднее, обойдя правое крыло оборонявших переправу у Сосновки основных сил Ромодановского. Бои у Поповки были не такими интенсивными, но все же не обошлись без потерь у русской стороны [Бабулин, с. 224—248]. Таким образом, спустя почти сорок лет память, скорее всего, подводила Змеева, перепутавшего Сосновку с Поповкой.

После Конотопского поражения началась долгая, почти сорокалетняя («и был он в полону... тритцать восем лет») история плена и скитаний. Сначала Змеева отправили в Константинополь (Царь-

¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2.

град), видимо на невольничий рынок, где он пробыл всего неделю, после чего был «продан... на Белое море на катаргу, а с той катарги продали ево х королю протогарскому (португальскому? — К.К.), и был на королевском карабле в Бндеи ж, и в аглинской, и в галанской, и в свейской, и в дацкой (землях. — К.К.), в Конопногагыне (Копенгагене. — К.К.), и в Омстордаме, а из Емстердама продан он в Барабанскую землю (Брабант? — К.К.) и жил у графа Нарюрдана в полку, а как он умре, и ево после ево (так в рукописи. — К.К.) отпустили в... Росиское царьство»². Неизвестно сколько лет прослужил Змеев на османской каторге и в качестве кого его продали на судно португальского (?) королевского флота, с которым он побывал в Индии, плавал в страны Западной Европы, после чего, судя по всему, длительное время жил в Амстердаме, а затем в Брабанте.

Ко времени завершения второго Азовского похода 1696 г. («в другой Азовской поход», как сказано в отпуске царской грамоты), повидавший полмира Алексей Змеев прибыл на родину, в Москву, вместе со своим сыном Куземкой, рожденным, судя по всему, на чужбине. Царским указом «за многие ево службы, и за кровь, и за раны, и за полонное терпение» Змеев был «пожалован... в Посольской приказ в толмачи дву языков, галанскому и цесарскому»³. 14 сентября 1696 г. новоиспеченному толмачу начислили первое жалованье: 6 коп. поденного корма (21 руб. 90 коп. в год; позднее к этим деньгам добавился годовой оклад 15 руб. в год; всего годовое жалованье составило более 36 руб.) [Гуськов, Шамин, с. 288–289].

В ходе подготовки Великого посольства 9 января 1697 г. Змеева послали из Посольского приказа в Сибирский с памятью о выделении в состав миссии двух скорняков⁴ [см. также: Гуськов, 2005, с. 253]. Сам он также был включен в посольство вместе с толмачами Андреем Гемсом и Иваном Кропоткиным. В связи с этим 19 января последовал указ о выдаче всем троим жалованья, в том числе Змееву — годового оклада в 15 руб. и дополнительно в качестве «подмоги» — двойного оклада в 30 руб.⁵ [см. также: Гуськов, 2005, с. 142, 144, 248]. В Амстердаме Змеев и Гемс получали кормовые деньги вместе со свитой третьего великого посла — П.Б. Возницына и, судя по всему, проживали вместе с ним в гостинице «Дулен» [Богословский, с. 252–253]. При направлении Великого

² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2.

³ Там же.

⁴ ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 579.

⁵ Там же. Стб. 570–573, 615, 664, 752.

посольства из Амстердама в Вену через Пруссию и Саксонию Змеев оказался в группе тех, кто во главе с дворянином Б. Приставом был выслан в марте 1698 г. вперед прежде основного посольского каравана. При этом толмач получил жалованье из расчета 6 алтын в день⁶. А в конце июля его с частью посольской свиты отправили в Москву под началом волонтера У. Синявина⁷.

По возвращении из-за границы Змеева послали «для толмачества» в центр азовского кораблестроения – Воронеж, видимо, для службы толмачом при трудившихся на тамошних верфях иностранных мастерах. Кроме того, Змеев ездил «во многие посылки ис Посольского приказа». Как констатировалось в отпуске царской грамоты владыке Иосифу, все эти четыре года «с лишком», Змеев служил «великому государю правостию своею везде беспорочно»⁸. Однако возраст и пережитые скитания взяли свое. 28 июня 1700 г. Змеева вместе с несколькими другими толмачами отставили от службы по старости, а также по причине неудовлетворительного качества устного перевода [Гуськов, Шамин, с. 288].

Жить бывшему пленнику было не на что («прокормитца нечем»), поэтому учитывая, что он не получил жалованье «за многое ево полонное терпение, и за кровь, и за раны, и за выход ис полону против ево братья», Змеев подал челобитье с просьбой разрешить ему исполнить давно данное «обещание потрудитца в монашескому чину», постригшись «безвкладно» в монахи псковской Елизарьевой пустыни. В результате царским указом псковскому митрополиту Иосифу предписывалось Змеева «постричь безвкладно и давать ему пищу по монастырскому того ж монастыря уставу против ево братья монахов». Подготовленную грамоту отдали сторожам Посольского приказа, но они потеряли ее⁹. В конце января 1701 г. Змеев подал челобитную о выдаче нового документа (указ о даче «с прежнего отпуска» другой грамоты записан 29 января)¹⁰, каковой и был предоставлен ему с датой 8 февраля 1701 г. за приписью дьяка Михаила Радостамова¹¹. Как показал А.Г. Гуськов, Посольский приказ мог и выдать отставному работнику сумму, необходимую для вклада в монастырь [Гуськов, 2019, с. 697], но в данном случае царский указ

⁶ ПДС. Т. 8. Стб. 1214.

⁷ ПДС. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 21.

⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2–3.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Л. 2–3.

предписывал постричь кандидата «безвкладно». Последнее могло быть обусловлено как соображением экономии государственных средств, актуальным в эпоху петровских преобразований и войны со Швецией, так и особыми заслугами Змеева, не получившего, к тому же, вознаграждения за выход из плена.

Трудовая деятельность А. Змеева в качестве толмача Посольского приказа оказалась не слишком продолжительной по сравнению с годами неволи и пребывания на чужбине. История его странствий, включавшая путешествие в Индию, службу в португальском королевском флоте и посещение таких морских держав Европы, как Англия, Дания, Голландия должны были произвести впечатление на русских соотечественников. Само принятие Змеева на посольскую службу совпало по времени с ростом интереса царя Петра I к странам Западной Европы и непосредственно предшествовало началу подготовки Великого посольства. В этих условиях человек, пусть и не владевший в совершенстве языками стран, которые были главными целями царского путешествия (об этом свидетельствует и формулировка одной из причин отставки Змеева), но неплохо знавший их обычаи и умевший на бытовом уровне объясняться на немецком и голландском, пришелся в Посольском приказе весьма кстати. Змеев, как показывают документы Великого посольства, не входил в свиту первого посла Ф.Я. Лефорта и, тем более, не принадлежал к ближнему окружению царя, но был полезен остальным членам посольской миссии, не знакомым с реалиями жизни стран Западной Европы.

Литература

- Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
- Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. 9 марта 1697–25 августа 1698 г. / под ред. проф. В.И. Лебедева, подгот. текста, примеч. и др. Н.А. Баклановой. Л., 1941.
- Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.
- Гуськов А.Г.* Формы «социальной» защиты во второй половине XVII в. (на примере служащих Посольского приказа и членов их семей) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 695–699.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международного науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 278–317.

Переводчик Адам (Иван) Дорн (вторая четверть XVII в.)

Адам Дорн не собирался становиться переводчиком, но так сложилась его судьба. Обратившись к Словарю Брокгауза и Ефрона издания 1893 г., увидим, что сведения о нем укладывались в одно предложение, к тому же они были не совсем верны: «посол австрийского имп. Рудольфа к персидскому шаху Аббасу, ехал через Россию, где был задержан в Смутное время и получил пропуск только при Михаиле Федоровиче в 1616 г.» [Брокгауз, Ефрон, с. 49]. Наиболее полные сведения о Дорне собрала, занимаясь изучением перевода Космографии Герарда Меркатора на русский язык, филолог С.М. Глускина. Именно она соединила два кратко упоминавшихся в литературе имени — посол Адам Дорн (на родине он звался Adam Thurn von Einodt¹ [Leitsch, p. 74–75, 85–87], хотя есть его четкая подпись Adam Dorn)² и переводчик Иван Дорн, работавший с латинской Космографией Меркатора, [Глускина, с. 455–460]. Исследовательница нашла и комплекс сведений источников, сообщавших о пребывании Дорна в России, однако очерк об Адаме Дорне в ее диссертации 1949 г. так и не увидел свет [Глускина, с. 451–464]. Следуя за Глускиной, возможно несколько расширить круг сведений об австрийском посольстве и его главе, а также о переводческой деятельности Дорна.

Посольство, отправленное в Персию к шаху Аббасу через Россию, инициировал не австрийский император Рудольф, умерший в 1612 г., а его брат император Матиас. Еще до избрания на трон царя Михаила Федоровича к Матиасу «от бояр и от всей земли» был послан переводчик Посольского приказа Еремей Еремеев. С ним-то в обратный путь и отправилось посольство во главе с Адамом Дорном³. Это было рискованное предприятие, мы не знаем, как двигалось посольство через западную Россию, раздираемую Смутой, но возможно, именно отсутствие твердой верховной вла-

¹ Благодарю И.В. Дубровского за указание на это имя.

² РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1616 г. Д. 2. Л. 2.

³ ДРВ. Ч. V. М., 1788. С. 76–77.

сти позволяло надеяться на быстрый проезд через эту варварскую страну в сказочную Персию. В Ярославле в конце 1613 г. посольство было остановлено «воеводами» и изолировано, что являлось обычной практикой в отношении иноземных посольств на территории России. Незадолго до Дорна от императора Матиаса уже было отправлено посольство Юзуфа в Персию, которое достигло Казани, где и было задержано, а Юзуф объявлен «вором» и лазутчиком. Из Ярославля в Москву передали сообщение о прибытии Дорна и ждали ответа. «И великий государь наш цесареву послу указал постоять своего царьского величества в вотчине в Ярославле, и честь ему и береженью во всем велели держать, и корм доволен давать», — говорится в посольском наказе кн. М.П. Борятинскому, отправлявшемуся к шаху Аббасу с посольской миссией в 1618 г. на случай, если вдруг шах поинтересуется, куда исчезли два цесарских посольства. Задержку прибытия Дорна к шаху послу следовало объяснять так: «Царьского величества отчина Астараханское государство было в смуте. Были в Астарахани воры Ивашко Зарутцкой, да воеводы Сендомирского дочь воровская жена Маринка, и по Жигимонтову велению смуту делали: а дорога к шахову величеству в Перситцкое государство из наших государств одна, рекою Волгою на Астарахань, про то шахову величеству самому ведомо»⁴. К 1618 г. такое объяснение стало весьма сомнительным.

Из Ярославля Дорн сумел отправить на родину письмо, сообщавшее о его местонахождении, поэтому московскому правительству пришлось отвечать на вопрос о судьбе посольства не только персидскому шаху, но и австрийскому цесарю. В послании императора Матиаса от 1617 г. к царю Михаилу Федоровичу говорилось, что Дорн задержан «не по достоинству», и что ему об этом точно известно, поскольку в Праге от Дорна было получено письмо, что он в Персиде не бывал и задержан в России в Ярославле⁵. Отправленный к австрийскому цесарю в 1614 г. переводчик Посольского приказа Иван Фомин должен был объясняться по поводу Дорна и говорить, что тот действительно был задержан в России, но потом отпущен к шаху Аббасу [Опись, 1990, с. 166]⁶. Возможно, что в 1614 г. так и планировалось сделать, но при австрийском дворе русские послы встречали неласковый прием, строптивый Фомин,

⁴ ДРВ. Ч. V. М., 1788. С. 76–77.

⁵ ПДС. Т. 2. СПб., 1852. Стб. 1187, 1202.

⁶ Там же. Стб. 1125.

не желавший как должно поклониться императору, был надолго посажен под стражу. Именно эти не складывавшиеся хорошо отношения с новым самодержцем России, полный провал подтверждения царского титула предыдущим посольством из Москвы, приехавшим до Фомина [Соловьев, с. 59–60], не могло не сказаться на судьбе посольства Адама Дорна в России. Он оказался пешкой в игре властных структур.

Вместе с посольскими людьми из Австрии ехали и купцы, торговавшие с Персией для которых являлась очень привлекательной. Среди свиты посла находился сын гамбургского бургомистра [Опись, 1990, с. 252, 336], и житель города Гамбурга Матиас Анкельман (Матьяш Амклам), а также купцы из Любека, от которых на родине не было известий. Встревоженные гамбургцы просили в 1619 г. царя Михаила Федоровича об их немедленном возвращении и повторяли свою просьбу в 1620 и 1622 и 1624 гг. [Опись, 1977, с. 206–207], не получив никакого ответа.

О Дорне запрашивали Посольский приказ вплоть до 1650-х гг. Последнее послание в Вену императору Фердинанду по поводу судьбы Адама Дорна написано от имени царя Алексея Михайловича в 1654 г., где сообщалось, что Дорн был болен и ехать не мог, а потом сам решил принять православие⁷. Такова была ложь в интересах государства. Что же случилось с посольством Адама Дорна на самом деле?

В документах Посольского приказа сохранился ветхий столбец в 83 листа с документами, относящимися к пребыванию Дорна и его людей задержанными в Костроме⁸. Видимо, это часть документов, вошедших в «Столп о цесареве после Адаме Дорне как он сослан в Пермь Великую да в Чердынь, с 129 года по 140, марта по 17 число»⁹. Сохранилось упоминание о документах из Костромы и в посольской Описи 1626 г. [Опись, 1977, с. 354], а также в собственно костромских документах [Костромская старина, с. 1–3]. Из этих источников следует, что посольство выехало из Ярославля в Кострому, где пребывало в течение более пяти лет, находясь на выделенном ему дворе под охраной стрельцов. Переписка костромских властей с Посольским приказом была активной, поскольку проблемы с задержанным посольством у них возникали чуть ли не

⁷ ПДС. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 142–143.

⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1622 г. Д. 1.

⁹ ПДС. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 1127.

ежедневно. Запертые в чужом городе люди стремились вырваться и сообщить о себе и московским властям, и на родину. Были попытки среди ночи напасть на стрельцов, одного из которых при этом серьезно ранили. Стражи пожаловались в Посольский приказ, что поскольку им велено людей Дорна беречь и не наказывать, сопротивления некоему буйному человеку Бурде, которого им не отдает Дорн, они оказать не могут¹⁰. Ответ был быстро получен: если «начнет дуровать, побить ослопом гораздо»¹¹. Посольский корм выдавался из таможенных доходов, и новый таможенный голова требовал на это себе особого нового указа, а до того времени выдача корма была приостановлена¹².

К костромскому воеводе кн. Миرونу Шаховскому через подьячего Дорн присылал, и не один раз, «лист запечатан, немецкое письмо», воевода же «тот лист, запечатав, послал» с «пушкарем Федьюкою, велел тот лист подать в Посольском приказе» 12 февраля 1623 г.¹³ Посылали письма через воеводу в приказ и люди Дорна, униженно просившие прибавить им корму: «царскому величеству наше подданное и покорное челобитье... потому мы уже ныне десятой год из своей земли и в вашей царской области живем задержаны, и платишко наше, что мы с собою привезли, все продралось, и ходим ныне наги и боси»¹⁴.

В составе посольства начались распри и ссоры, люди свиты Дорна писали на него жалобы воеводам, он уже сам хотел с соотечественниками расстаться и просил царя отпустить домой хотя бы их. В 1626 г. гамбуржец Матиас Анкельман адресовал просьбу к царю Михаилу Федоровичу отселить его от посла из-за постоянных между ними раздоров [Опись, 1977, с. 354]. Но никаких ответов на все эти просьбы мы не знаем, вероятно, их и не было: не царское это было дело в такие суетные мелочи вникать.

Конечно, полной изоляции посольских людей осуществить было невозможно. И стрельцы отлучались со своих постов, и костромичи тайно проходили на посольский двор. Очевидно, что посольство от цесаря везло к персидскому шаху богатые подарки. Надо думать, что все они остались в Костроме, выменянные на провиант и одежду. Посольству выделили двух поваров, и именно

¹⁰ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 13–15.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 20.

они как-то способствовали проникновению на двор посторонних людей, во всяком случае из обрывочных документов ясно только то, что на нем ночью застали какого-то Ваську, приходившего к послу с куницами¹⁵.

В Посольский приказ донесли разговор с поповским старостой Федором некоей женки Анютки, говорившей, «что она человек бедной, жила у цесарева посла у Адама Дорна, а продал ее послу из Ярославского уезду Жохова прикащик, а как зовут, того не ведает, и жил де с ней цесарев посол год, и прижил двое детей, и ныне де тое посол и з детми спустил з двора, а после ея взял де к себе посол другую женку, Федоркою зовут, а прижил с нею робенка, и ныне де та Федорка живет на Костроме на посаде на дворе у попа, и как попа зовут, того не ведает»¹⁶. Об этом же доносил и костромич Семейка Шелешедамцев [Опись, 1977, с. 354]. Началось расследование. Из Свяжска прислали расспросные речи девки Онютки, «которая была у цысарева посла Адама Дорна» [Опись, 1977, с. 354]. Видимо, она Кострому сменила на Свяжск. Главным виновным, допустившим такое безобразие, был, конечно, пристав, костромич Федор Золотухин, которого призвали к ответу, на что он сказал, что он от ран, полученных у посла на дворе, лежит при смерти и просит его не беспокоить¹⁷.

Далее стали разбираться с другой женщиной, Феодорой, посещавшей посла. Оказалось, что повар Гришка «приводил к послу женку Федорку, а живет с ней посол тому третий год». Она родила ему сына, «а молитву давал (женщине после родов. — *О.К.*) и крестил рождественский поп». Посол оплатил услуги священника, дал ему три рубля¹⁸. Федорка, или Феодора Петровна, была замужем за костромичом Кириллом Белозерцевым¹⁹. Ее, а также повара Гришку, стрельцов, попа и всех других виновных было велено «найти и бить кнутом на козле нещадно»²⁰.

Определенных свидетельств тому, что Адам Дорн пострадал именно из-за связи с этими женщинами, в данных столбцах нет, хотя, возможно, что было именно так. Но после этого инцидента Дорн еще в 1627 г. жил в Костроме, когда появился хозяин двора,

¹⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 54–55.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 15, 35.

¹⁸ Там же. Л. 56–57.

¹⁹ Там же. Л. 59.

²⁰ Там же. Л. 60.

на который костромичи поставили посольство, и заявил, что то сделано без его ведома и согласия в период его отсутствия и требовал свой двор обратно. Посольский приказ велел найти посольским людям новый двор [Костромская старина, с. 1–3]. Но произошло что-то еще, и в 1628 г. обнаруживаем след Дорна уже не в Костроме, а в далекой пермской Чердыни. Это просьбы о выдаче жалованья его приставам Кузьме Шестакову и Феодосию Философову, ездившими в Чердынь на срок, сменяя друг друга [Костромская старина, с. 3–6]. Они командовали сторожами, которые должны были неусыпно следить за Дорном («немчином Адамом») и его людьми, что те выполняли недостаточно хорошо и попадали в тюрьму²¹. Позднее, в 1636 г., племянник Федосея Философова судился с Дорном от имени вдовы пристава Аксиньи, на которую Дорн подал иск в 60 рублях, как считал ответчик — «поклепно»²². Видимо, между ними сложились какие-то непростые финансовые отношения. Пермяки (Иван Катаев с товарищи) также занимали у Дорна деньги, общей суммой 150 руб., и он дважды бил на них челом государю в выплатах этих долгов²³. В волжских городах Дорну и его людям выплачивали кормовое содержание в размере 155 руб. 36 коп. с полуденьгой. На Чердыни это жалованье на пять месяцев составило 129 руб. 28 коп. 1 деньгу, затем оно стало годовым — 308 руб. 42 коп. 1 деньга [Переводчики..., с. 275]. Насколько полностью это жалование выплачивалось, сказать трудно. Тем не менее возможность давать деньги в долг у посла была.

Дорн с людьми содержался под стражей в Перми по крайней мере до 1633 г., когда к нему послали нового пристава Семена Подгорецкого²⁴, возможно по смерти Философова. О посольстве в Персию уже речи быть не могло. В декабре 1634 г. в Москве заключили договор на 10 лет с купеческой Голштинской торговой кампанией о беспошлинном провозе по Волге товаров в Персию²⁵. К шаху Сефи по тому же волжскому пути, на который рассчитывал Адам Дорн, от Голштейн-Готторпского герцога Фридриха двинулось посольство, в его составе находился Адам Олеарий. В своих записках он дважды упоминает Дорна, один раз — не называя его прямо, в контексте рассуждений о судебном произволе у русских:

²¹ АИ. Т. 3. (1613–1645 г.). СПб., 1841. С. 290–291.

²² РГАДА. Ф. 150. 1636 г. Д. 5.

²³ Там же. Ф. 141. Оп. 2. 1638 г. Д. 15.

²⁴ Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1633 г. Д. 1.

²⁵ АИ. Т. 3. (1613–1645 г.). СПб., 1841. С. 329–331.

«При этом не щадились и послы иностранных государей. Подобного рода быстрый процесс совершен был с римским императорским послом, который был заточен и сослан в далекие края, а затем, из отчаяния и в надежде добиться лучшего обращения, принял русскую веру. Он в наше время находится в Москве» [Олеарий, с. 183].

И в самом деле, в 1635 г. Адам Дорн, который, надо думать, действительно был в отчаянии, решился на переход в православное вероисповедание²⁶, и вскоре очутился в Москве. Как сложилась судьба его людей, остается не ясным. Из ссыльного Дорн превратился в привилегированного царского подданного, так как крестившимся в православие полагались разные блага. Теперь в нем увидели человека, который мог быть полезным в качестве переводчика Посольского приказа.

С 1635 г. Иван Леонтьев сын Дорн, уже имевший жену – новокрещенную вдову иноземку Настасью [Переводчики..., с. 276] и, возможно, детей, получал жалованье для новокрещенных и писал в челобитной, что «тем жалованьем и поденным кормом и питием с женишкой и с людишками питаюся, и одежду и обувь ис того корму на себя и на людишек пакупаю»²⁷. В 1638 г. он был занят государственной работой: «А ныне я, холоп твой, по твоему государеву указу сижу за твоим государевым делом, за переводом книги латынские козмографии безпрестанно»²⁸. Однако хорошее снабжение Дорна в 1638 г. прекратилось, что привело его в огорчение: «а ныне у него двое лошадей, и тех лошадей кормить нечем, а без лошадей ему быть нельзя»²⁹, «а человек скорбной, и пить нечего, и для болезни своей вином тело свое натираю и от того облегченье себе слышу»³⁰, а питье ему стали давать теперь не как раньше, вино, мед и пиво, а «обышное»³¹. Тем не менее Дорн не только добился возобновления жалованья по царским указам, но и получил разрешение на приобретение в Москве своего дома, денег на покупку которого у него не было. «Скитаюся по чужим подворьям с великою нужею, и покойцу никакова от немощи своей не имею, — писал он в челобитной царю от 16 августа 1638 г., — «а которые, государь, иноземцы, наперед сего выезжали... и тем на дворовое строение твоего

²⁶ РГАДА. Ф. 150. 1638 г. Д. 2. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. 1637 г. Д. 4. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 7.

государева жалованья давано денег, а иным — опальные двory на житие даваны»³². И уже на следующий день, 17 августа, царь его пожаловал: «велел ему дати в цену на Устретенской улице (видимо на Сретенке. — *О.К.*) отписной двор немки Катерины прапорщицы, что отписан на государя за корчемную продажу. Дьякам велеть тот двор очистити и дати в цену Ивану Дорну, а за тот двор взять на нем по указу деньги (сто сорок руб. — зачеркнуто) по сему государеву указу»³³.

Челобитная второго переводчика Космографии Меркатора Богдана Лыкова [О нем см.: Кошелева, с. 59–64], относящаяся к 1637 г., т.е. до получения Дорном дома на Сретенке, подтверждает, что Дорн «стоит» на Новгородском подворье, которое находилось в районе нынешней улицы Ильинки, рядом с подворьем Посольского приказа. Сам же Лыков снимал жильё за Тверскими воротами (нынешний район Пушкинской площади) в Гольной слободе (ее название говорит само за себя). Работали переводчики вместе у Дорна, и Лыков каждый день продельывал пешком длинный путь через всю Москву. «И мне, холопу твоему, к тому Ивану Дорну для твоего государева дела бродить рано и позно далеко и пристрашно», — писал Богдан, и просил дать ему «дворик» неподалеку, в Китай-городе, «чтоб твоему государеву делу в моей дальней бродни мешкоты не было». Эта просьба Богдана также была немедленно удовлетворена: «государь пожаловал, велел ему для того дать в Китае-городе подворье» [Кудрявцев, с. 240]. Из столь быстрой реакции властей на все просьбы переводчиков, как кажется, следует, что работе придавали большое значение: их требования постоянно шли навстречу.

Таким образом, работа над Космографией проходила в 1637 г. у «немочного» Дорна на Новгородском подворье. Для нее нужно было особое пространство, ведь для перевода книги требовались помощники-писцы, а также место для стопок бумаги, бутылок с чернилами, кераксы и других писчих принадлежностей, все это плохо согласовывалось с домашним укладом, в котором Дорн «покая себе не имел». Работа над переводом продолжалась, судя по словам Дорна, еще и в августе 1638 г. В январе 1641 г. он вступил в новый брак и просил о даче ему на свадьбу жалованья³⁴.

³² РГАДА. Ф. 150. 1638 г. Д. 2. Л. 1.

³³ Там же. Л. 12.

³⁴ Там же. 1641 г. Д. 1.

Каким стал статус Ивана Леонтьевича Дорна в Московском государстве? Очевидно, он не был штатным переводчиком Посольского приказа [Переводчики..., с. 275], хотя и работал над переводами, а также имел с приказом тесный контакт как посол, обращавшийся со своими просьбами именно туда. В памяти боярину кн. Борису Александровичу Репнину, возглавлявшему Новую четь, о том, чтоб выдавать Дорну с сентября 1641 г. «государева жалованья поденного питья», его называют «стольником, князем Иваном Дорном»³⁵. При этом выдача ему жалованья как-то связана с ургентическим царевичем Авганом, жившим в Москве своим двором [Беляков, с. 96–111]. Видимо, это отражает закономерные попытки Дорна занять место в элитных кругах московского общества.

Каков же был Иван Дорн как переводчик? Об этом мы могли бы судить еще по одному, помимо Космографии Меркатора, переведенному им тексту, где Богдан Лыков, пребывавший в это время с посольством в Польше, уже не принимал участия. На 11 июня 1644 г. Дорн пригласил к себе в гости пастора Фельгабера, находившегося при королевиче Вальдемаре, который, в то время как неудавшийся жених царевны Ирины Михайловны, был задержан в Москве. В первую неделю июня проходили прения по вопросу крещения королевича, в которых пастор Фельгабер принимал активное участие. Предполагалось, видимо, что он приватно расскажет Дорну о своих впечатлениях. Само приглашение не было частной инициативой Ивана Леонтьевича, а указанием из Посольского приказа для получения информации. Во всяком случае царским повелением к 11 июня Дорну велели выдать «два ведра вина церковного, три ведра вина простого, пять ведер пива ячного доброго, четыре ведра меду паточного, шесть ведер меду цеженого, два ведра меду вишневого, ведро меду малинового, два ведра ренского, ведро романей, ведро меду смородинового, голову сахара, пятнадцать лимонов... а дать то питье в готовых судах» [Голубцов, с. 204]. Вероятно, его пожаловали за некие труды. Пастор Матвей Фельгабер, однако, не приехал, хотя и собирался, потому как королевич Вальдемар о том проведал, и визит запретил. Однако пастор написал Дорну длинное письмо (на немецком или на латыни), которое тот переслал в Посольский приказ. После объяснения причины манкирования приглашением, пастор, еще возбужденный прошедшим диспутом, яростно излагал свое негодование и отстаивал

³⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1640 г. Д. 40.

собственное мнение. В заключении он писал: «То я, тебе, государю, умолчать не мог, коли я с тобой сам говорити не смею, а потому тебя Богу поручена чиню» [Голубцов, 1894, с. 208]³⁶. Вероятно, и пастор писал с тем, чтобы его слова дошли не только до Дорна. Нам же интересен перевод этого письма, который мог бы свидетельствовать об уровне знания Дорном русского языка. Публикатор письма А. Голубцов называл его «неудовлетворительно переведенным», хотя я не могу согласиться с его мнением: несмотря на некоторые шероховатости в переводе («Тебя Богу поручена чиню», конечно, следовало перевести «Храни тебя, Господь!») он написан неплохо. Неясно только одно – переводил ли его сам Дорн или он только «представил» полученное им письмо в Посольский приказ. Сравнение почерков этот вопрос не разрешило, но рука, видимо, не Дорна, а писца. Каким-то образом Дорн был связан с пребыванием королевича Вальдемара в Москве и дальше: в Посольском приказе хранился «столпик, помечен Адамова рука Дорна с тем же делом» [Опись, 1990, с. 475], здесь под «тем же делом» имелось в виду письмо, взятое у датских послов перед отпуском королевича из Москвы в 1645 г. [Там же]. Любопытно отметить, что Дорн так и звался в быту Адамом, а не Иваном. Видимо, умер он в том же году, прожив невольником в России 32 года.

Литература

- Беляков А. В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник – 2006. М., 2007. С. 96–111.
- Глускина С. М.* «Космография Богдана Лыкова 1637 г.». Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949.
- Голубцов А.* Памятники прений о вере. М., 1894. Костромская старина. Вып. 3. 1894. Смесь.
- Кошелева О. Е.* Богдан Лыков (кон. XVI – 1648 гг.) – переводчик Посольского приказа. Реконструкция биографии // Переводы и переводчики в России конца XVI – начала XVII столетия: материалы междунар. конф. М., 2019. С. 59–64.
- Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963. С. 179–244.
- Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // ЧОИДР. 1870. Кн. 2.
- Опись архива Посольского приказа 1626 г. Вып. 1. Ч. 1–2. М., 1977.
- Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. М., 1990.

³⁶ Благодарю Н.А. Болдыреву за указание на эту публикацию.

Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.

Соловьев С.М. История государства Российского. Т. V. М., 1960.

Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XI. СПб., 1893.

Leitsch W. Moscau und die politik des kaiserhofes im XVII jahrhundert. I. Teil 1604–1654. Wien, 1960.

Переводчики, толмачи Посольского приказа и среднеазиатско-русская дипломатическая переписка в XVII в.

Знание языка — главное «оружие» дипломатии. Поэтому исследование деятельности переводчиков Посольского приказа, игравших немаловажную роль в установлении и развитии дипломатических отношений России со странами Европы и Востока, представляется важным и в теоретическом, и в практическом аспектах. Среди них особое место занимает изучение деятельности восточных переводчиков Посольского приказа, принимавших активное участие в сношениях России с Хивинским и Бухарским ханствами в XVI—XVII вв.

Большой интерес представляют в этом отношении фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА) — 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» и 138 «Дела о Посольском приказе и служивших в нем», где хранятся отпуски (черновики) и беловики старинных русских переводов ярлыков хивинских и бухарских ханов, челобитных их послов, росписи ханских и посольских подарков XVII в., старинные тюркские переводы грамот московских царей XVII в., осуществленные переводчиками (толмачами) Посольского приказа и съезжих изб русских городов, а также челобитные переводчиков царской канцелярии.

Для правильного описания переводческого дела и понимания деятельности переводчиков Посольского приказа обратимся к дипломатическим письменным памятникам, заключающим в себе данные о них. Имена переводчиков обнаружены нами, в частности, на листах, где написаны:

1) 'фарсовский' (персидский) текст ярлыка хивинского хана Анушамагамета Багадыра царю Алексею Михайловичу, от 19 декабря 1672 г.: «Грамота прислано с послом с Пелв[анкулы Багадыром] в 181-м году декабря в 19 день, переведено, переводили Девлет абыз да Михаило Кашаев с товарищи»¹;

¹ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1670 г. Д. 1. Л. 47 об.

2) «перевод с фарсовского и с турецкого письма хивинского султана Абдул-Газы-Мухаммеда астраханским воеводам кн. Борису Александровичу Репнину от 1644 г. У перевода толмачили Ондрей Софонов да Овдоким арменин» [Материалы, с. 186];

3) «перевод с листа турецкого письма, которой лист прислал в съезжую избу юргенской посол Ших-Баба. Толмачили у перевода толмачи Михайло Гарасимов, да Василей Михайлов да Лука Тимофеев» [Материалы, 1932, с. 200].

В последних двух примерах, вероятно, описывается такая ситуация, когда текст восточного документа читался вслух муллой или язычьем [Добродомов, с. 64; Кулмаматов, 2018, с. 105–109], приезжавшими обычно в Россию с хивинскими и бухарскими послами в составе посольства [Кулмаматов, 1995, с. 106–107, 99–107, 135–136], толмачу, переводившему устно на русский язык для письменной фиксации подъячим.

Имена переводчиков указаны также на листах, где написаны ответные грамоты русских царей хивинским и бухарским ханам. Например, в конце отпуска грамоты Алексея Михайловича хивинскому хану Анавшамагамету Багадыру указано: «Писана (грамота. — Д.К.) государства нашего во дворе в царствующем велицием граде Москве лета от создания мира 1673 года месяца мая 27-го дня. Писана на средней александрийской бумаге, запечатана государственною большою печатью против прежняго, писана золотом по “московского”, татарским письмом вся; подпись на загибке. Писал грамоту в лист переводчик Алексей Месетев; послана в черфчатой тафте»².

Иной раз имена русских текстов царских грамот и современных им тюркских переводов писались на лицевой или обратной стороне столбцовых листов по сставам. Такая запись, захватывавшая верх и низ склейки, делалась самими составителями текстов грамот или дьяками для предохранения от подделок. Подобная запись сделана по сставам на обороте столбцовых листов, где написан текст черновика грамоты Федора Алексеевича к хивинскому хану Анавшамухамеду Банадыру от 28 апреля 1677 г. («К сеи перевода // переводил // переводчик // Дмиреи Асанов // сын // Сеитов»)³ или на сставах обратной стороны столбцовых листов с текстом черновика русского оригинала грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей к хивинско-

² РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1670 г. Д. 1. Л. 129, 130–130 об.; Оп. 3. Кн. 1. Л. 109, 112 об.

³ Там же. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 57 об. — 63 об.

му хану Арану Багадыру от 8 мая 1695 г. («Таково // грамоту // писал в лист и переводил // татарскому // письму // Кадралеи // Сакаев»)⁴.

Переводчики по указу царей расспрашивали послов: «166-го года ноября в 2 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца указу велено Посольского приказу переводчику Михаилу Кашаеву ехать на двор к юргенскому послу, к Девлетмамбету Батырю, и роспросити его. И того ж дни переводчик Михаилу Кашаев у юргенского посла был»⁵. Переводчики принимали участие в «чине» приема и отпуска дипломатов царями: «Во 127-м году августа в 11 день были у государя на дворе на приезде бухарской Имамкулы царя посол Эдем... и ехал с ним в город татарского языка переводчик Семен Андреев; ...во 128-м году мая в 23 день был у государя на дворе на отпуске тот же бухарской посол Эдем... послан по нево переводчик Семен Андреев»⁶. Под диктовку дьяков переводчики писали ответные грамоты царей на челобитные хивинских и бухарских послов с последующим переводом на «татарский язык»: «Божиею милостию великого государя... дьяки думной Григорей Карпов сын Богданов, да Яков Поздышев, да Иван Евстафьев Юргенские земли начальника Анавшамагметь Богадыря хана послу Полванкулыбеку на присланное твое письмо ответ чинили... Писано по-татарски и на пишей бумаге в десть. Писал переводчик Абул Байцын»⁷.

Большой интерес представляет челобитная хивинского посла Девлетмамета, оформленная сразу на русском языке. Посол на родном языке устно изложил свою просьбу толмачу – устному переводчику, который, переводя его речь, диктовал подьячему. После окончательного оформления текста челобитной подьячим или толмачом, умевшим писать русской скорописью, на обороте этого листа челобитчик произвел рукоприкладство на тюркском языке: *بو چلهفتنهکا من ایتغان سوزیمکا من دولت ایلچی قول سالدیم* [bū čalefitnekā man äytgān süzīmkā man davlat iljī qul saldīm] – дословно: «я, посол Девлет, к этой челобитной к сказанным словам руку приложил»⁸. По поводу данной челобитной на одном из листов дела, касающегося приезда хивинского посла Девлетмамета в Москву, написано: «166-го года октября в 6 день бил челом государю царю и великому

⁴ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 7 об. – 14 об.

⁵ Там же. 1657 г. Д. 1. Л. 41.

⁶ Там же. Ф. 109. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 1, 4.

⁷ Там же. Ф. 134. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 6 об.

князю Алексею Михайловичу... юргенского Абалгазы царя посол Девлетмамбет, а в Нижнем в съезжей избе стольнику и воеводе Григорию Федоровичу Бутурлину да дьяку Якову Ушакову человек ево Досум Назаров подал челобитную за рукою»⁹.

Имена переводчиков (толмачей), переводивших те или иные ханские ярлыки, посольские челобитные и царские грамоты, упоминались не во всех рукописях. Для определения авторов старинных русских переводов ярлыков ханов Хивы и Бухары и челобитных их послов изучены многочисленные челобитные переводчиков и их рукоприкладства, осуществленные на документах — выписках протоколов Посольского приказа, сказках. В результате удалось установить почерки многих восточных переводчиков Посольского приказа: Алмамета Альшева¹⁰, Сунчалая Искелева¹¹, Мустафы Тевкелева¹², Биляла Байцына¹³, Арслана Кунтумушева¹⁴, Михайло Кашаева¹⁵, Кучюкая Сакаева¹⁶, Едигера Шамаева¹⁷, Девлета Мелекова¹⁸, Асана Месетева¹⁹, Абдула Байцына²⁰, Кулмамета Устокасимова²¹, Абдурахмана Тевкелева²², Усена Месетова²³, Сунчалая Чарярова²⁴, Митки Асанова²⁵, Резепа Байцына²⁶, Тахтаралея Багинина²⁷, Кадралея Сакаева²⁸, Сулеймана Тонкачева²⁹, Дмитрия Сеитова³⁰, Петра Татарина³¹.

⁹ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 3. Л. 5; 1629 г. Д. 4. Л. 2; 1633 г. Д. 1. Л. 1; 1638 г. Д. 4. Л. 1.

¹¹ Там же. 1632 г. Д. 3. Л. 1;

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. 1640 г. Д. 3. Л. 1; 1649 г. Д. 3. Л. 3, 13, 15.

¹⁴ Там же. 1655 г. Д. 1. Л. 69–70; 1661 г. Д. 7. Л. 58; 1688 г. Д. 14. Л. 2.

¹⁵ Там же. 1649 г. Д. 13. Л. 113; 1657 г. Д. 5. Л. 49, 89 об.; 1661 г. Д. 7. Л. 82 об.; 1663 г. Д. 1. Л. 102 об.; 1666 г. Д. 2. Л. 51 об.

¹⁶ Там же. 1649 г. Д. 13. Л. 47; 1659 г. Д. 1. Л. 12; 1688 г. Д. 14. Л. 2.

¹⁷ Там же. 1649 г. Д. 13. Л. 52; 1655 г. Д. 1. Л. 90.

¹⁸ Там же. 1657 г. Д. 5. Л. 90.

¹⁹ Там же. 1651 г. Д. 7. Л. 81; 1655 г. Д. 13. Л. 178; 1659 г. Д. 1. Л. 1, 126.

²⁰ Там же. 1661 г. Д. 7. Л. 50; 1664 г. Д. 4. Л. 5; 1666 г. Д. 2. Л. 51.

²¹ Там же. 1661 г. Д. 7. Л. 57; 1688 г. Д. 14. Л. 2.

²² Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 49.

²³ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 52.

²⁴ Там же. 1678 г. Д. 3. Л. 97.

²⁵ Там же. Д. 3. Л. 229.

²⁶ Там же. 1688 г. Д. 14. Л. 4; 1697 г. Д. 26. Л. 1–2.

²⁷ Там же. 1688 г. Д. 14. Л. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Следующим этапом поисковой работы был сравнительный анализ начертаний и приемов написания букв в текстах челобитных, а также в рукоприкладствах переводчиков и толмачей в старинных русских переводах, в первую очередь, в сохранившихся черновых вариантах ярлыков хивинских и бухарских ханов, в челобитных их послов. На основании сличения почерков рукоприкладств и точно установленных фактов принадлежности почерков отдельных документов руке определенных переводчиков с почерками документов без таких точных указаний, но с идентичными почерками, установлены имена некоторых переводчиков, принимавших участие в переводе среднеазиатских дипломатических документов (ярлыков ханов и посольских челобитных). Идентичность почерков свидетельствует, что челобитная хивинского посла Эмина Багадыра царю Михаилу Федоровичу от 1643 г., написанная на среднеазиатском тюрки, переведена Билялом Байцыным совместно с другими переводчиками³²; перевод оригинального ярлыка хивинского хана Абул-Газы на имя Алексея Михайловича от 10 марта 1648 г., написанного на среднеазиатском тюрки, выполнен Кучюкаем Сакаевым³³. Ярлыки хивинских и бухарских ханов, челобитные их послов, написанные на среднеазиатском фарси, переведены, очевидно, переводчиком Девлетем Мелековым, единственным специалистом в Посольском приказе, владеющим персидским и арабским языками, что видно из имеющихся в нашем распоряжении списков восточных переводчиков указанного времени.

Литература

- Добродомов И.Г.* Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии // Этимологические исследования. Сб. научных трудов. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 55–65.
- Кулмаматов Д.С.* Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
- Кулмаматов Д.С.* Язычей // Русская речь. 2018. № 5. С. 105–109.
- Материалы* по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР). Вып. 3. Ч. I. Л., 1932.
- Тарабасова Н.И.* К изучению русских правописных норм первой половины XVII в. (На материале «Вестей-курантов») // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 38–54.

³² РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1641 г. Д. 3. Л. 246.

³³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1646 г. Д. 4. Л. 40–41.

Имущественное положение толмачей в российском социуме первых десятилетий XVII в.

Как известно, статус человека в обществе и его экономическое положение в разные времена и в каждом социуме во многом зависят от обладания определенными ресурсами, способностями, знаниями. При этом, теоретически, положение человека в обществе должно быть тем выше, чем более редким или востребованным в данном коллективе является этот ресурс или умение. В этом отношении любопытно посмотреть на уровень достатка толмачей — специалистов по устному переводу с иностранных (иноземных) языков в Московском государстве XVII в. Их умения и навыки, приобретенные с большим трудом и зачастую против собственной воли (в большинстве случаев — в плену) явно были востребованы в Московском государстве, поддерживавшем оживленные контакты как с соседями, так и с иноязычными народами, относительно недавно принявшими российское подданство. При этом высококвалифицированные специалисты по устному переводу в стране, безусловно, были «штучным товаром». С другой стороны, имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о толмачах не позволяют причислить их к социальной элите российского общества — по происхождению лица, занимавшиеся в Посольском приказе устным переводом, практически никогда не были представителями слоев более высоких, чем провинциальные дети боярские. По статусу, приобретаемому по факту службы в приказе, толмачи также этой планки не преодолевали, становясь иногда обладателями небольших поместий в разных уездах Московского государства. Надо полагать, что в ряде случаев овладение полезным навыком перевода с иностранных языков способствовало нобилитации представителей низших слоев населения Московского государства. В документах первых десятилетий XVII в. регулярно встречаются упоминания детей боярских, носивших фамилию Толмачев. Известные мне случаи относятся к служилым людям пограничных Рыльского, Короченского, Воронежского, Оскольского, Курского и Белгородского

уездов¹. Весьма вероятной представляется схема перехода предков носителей этих фамилий в ряды служилых по отечеству: попадание в плен — жизнь на чужбине и овладение иноземным языком — выход из плена — исполнение обязанностей толмача с исполнением в порубежных уездах страны.

Итак, социальный статус толмачей в Московском государстве нельзя назвать высоким. В этой связи интересно найти ответ на вопрос — отражалась ли предполагаемая важность и ценность специалистов по устному переводу для государственной машины на их материальном положении (ведь в Московском государстве более высокий социальный статус не гарантировал более высокого уровня достатка, и служилый человек по отечеству, стоявший в социальном плане выше торгового человека, нередко оказывался заметно беднее его). Иными словами, компенсировалось ли определенно скромное положение толмача в обществе высоким уровнем достатка?

В распоряжении исследователей имеется репрезентативный материал, позволяющий составить представление о размерах жалования, получаемого толмачами Посольского приказа за их службу в первые десятилетия XVII в. При зачислении в дипломатическое ведомство они крайне редко получали оклад годового денежного жалования менее 8 руб. Верхняя планка годового денежного оклада толмача Посольского приказа крайне редко поднималась выше 25 руб. Такие оклады имели, в частности, толмачи Степан Никифоров и Бурнаш Томонаев (причем последний прослужил в Посольском приказе не менее четверти века). Аномально высокий оклад имел толмач Яким Сумороков, которого после более 20 лет плена взяли в приказ сразу с окладом 25 руб., а вскоре увеличили его до 30 руб. [Лисейцев, с. 381; Куненков, с. 485], однако оклад этому рязанскому сыну боярскому назначили, видимо, исходя из размера его жалования до пленения (а оно составляло именно 25 руб.). Выше этой отметки денежный оклад толмача практически никогда не поднимался, поскольку далее следовали уже «тарифные ставки» более квалифицированных специалистов — переводчиков. Средний же годовой денежный оклад толмача Посольского приказа в первые десятилетия XVII в. составлял 15 руб.

¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 21 (1644 г.). Л. 269; Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 80. Л. 102; Кн. 297. Л. 256; Кн. 306. Л. 95; Оп. 9. Д. 101. Л. 734; Ф. 396. Оп. 1. Д. 38503. Л. 192.

К денежному окладу прилагался также поместный, обыкновенно заключенный в пределах 200—400 четей, но он нередко был формальностью, не имея за собой обеспечения реальным землевладением. Беспоместные толмачи получали также доплату в виде поденного корма или хлебного жалования. Поденный корм толмача обычно составлял от 3 до 5 коп., что в год давало сумму от 11 до 18 руб., т.е. удваивало его денежное содержание. Поденный корм мог и существенно превосходить годовой денежный оклад, как было, например, в случае служившего в Великом Новгороде толмача Ивана Яганова, который в начале 1630-х гг. при окладе 12 руб. получал из городской казны дополнительно 25 руб. 55 коп. кормовых денег².

Другой формой доплаты беспоместным толмачам было хлебное жалование. Размер этого вида довольствия составлял от 10 до 15 четей ржи и овса (наиболее распространенная ставка — 12 четей, т.е. примерно по 72 пуда ржи и овса). Грубый подсчет позволяет вычислить, что из такого количества ржи можно было выпечь около 900 кг хлеба, что, в свою очередь, в день составляет примерно 3,5 буханки привычного нам веса. Из положенного толмачу овса по столь же грубым подсчетам должно было получиться около 2 тонн овсяной каши (примерно по 5,5 кг в день). Этого, в принципе, должно было вполне хватить на семью в 5—7 человек. Такой вид жалования был более выгодным для казны: лишь в отдельные годы, когда цены на рожь и овес переваливали через 40 коп. за четь, суммарная стоимость 12 юфтей ржи и овса приближалась к 11 руб. — границе минимального поденного корма (в неблагополучном 1618/19 г., например, в Москве четь ржи стоила 42 коп., четь овса — 48 коп., тогда как в то же время в Пронске и Шацке за четь ржи давали 20 коп., за четь овса — 15 коп., а в Ржеве Владимирове за четь ржи просили 80 коп.)³. Обычная же стоимость ржи и овса в рассматриваемый период была заметно ниже, и власти охотно шли на замену поденного корма хлебным жалованьем, как это было, например, в случае толмача Тита Трифонова, которому в 1620 г. вместо 3 коп. поденного корма стали выдавать по 13 четей ржи и овса; еще больше казна выигрывала в 1625 г. при замене поденного корма толмачу Петру Елагину (5 коп.) на хлебное жало-

² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 19. Л. 76 об.

³ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 77. Л. 103; Оп. 13. Д. 1 (1618 г.). Л. 46, 207; Оп. 14. Д. 2. Л. 188, 342.

ванье в размере 12 четей. Впрочем, по сведениям Б.А. Куненкова, к 1630-м гг. хлебное жалование толмачам выдавать перестали, полностью заменив его поденным кормом [Куненков, с. 200, 201, 418].

Таким образом, среднестатистический толмач первой половины XVII в. в виде годового денежного оклада и поденного корма получал из казны порядка 30 руб. в год. Эта сумма соответствует приблизительно 5–6 прожиточным минимумам для горожанина XVII столетия. Н.В. Устюгов подсчитал, что в Соли Камской годовой прожиточный минимум составлял от 3,5 до 4,5 руб. (из которых на еду расходовалось от 2 руб. 15 коп. до 3 руб. 13 коп., что соответствует и подсчетам Л.В. Милова); для столицы второй половины XVII в. прожиточный минимум, по данным О.В. Новохатко, колебался между 6 и 8 руб., из которых примерно 5 руб. шло на пропитание [Устюгов, с. 237–238; Милов, с. 488; Новохатко, с. 539–540]. Иначе говоря, на государево жалование рядовой толмач Посольского приказа мог, не роскошествуя, жить с семьей из 5–6 человек. Неудивительно, что в экстраординарных случаях (пожарах, кончине кормильца) толмачи и члены их семей просили государя о финансовой помощи, стандартно ссылаясь на свою нищету. Как, например, обращались к царю за вспоможением сыновья умершего в 1615 г. толмача Иваниса Дорогичева новокрещены Федор и Алексей, сообщившие, что их прослуживший государю 40 лет отец «переставился в чюжем угле, а лежит... батюшка нашава тела не схоронено четвертой день»⁴. На фоне более квалифицированных переводчиков, чей годовой денежный оклад редко бывал ниже 30 руб., жалование толмачей выглядит скромным.

Но, как известно, все познается в сравнении. Сопоставим доходы толмача с заработками представителей других категорий населения Московского государства в XVII в. Толмач Посольского приказа, разумеется, жил беднее протопопа крупного провинциального города. В Вологде протопопу платили 30 руб. годового оклада, сверх которого полагалось 50 четей хлебного жалования. А вот с прочими представителями вологодского клира толмач по размеру государева жалования вполне мог тягаться: протодьякону, ключарю и попам платили по 12 руб. и 20 четей хлеба, дьяконам, соответственно, по 10 руб. и 15 четей⁵. Близкие толмачам по службе в приказной системе подьячие тоже получали от государ-

⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7 (1614 г.). Л. 60.

⁵ Там же. Д. 75 (1634 г.). Л. 177.

ства сопоставимое денежное содержание. В Конюшенном приказе, например, оклад 12 руб. и 15 четей хлебного жалования платили «среднему» подьячему⁶.

Служившие в провинции иноземцы — немцы, поляки, «литва» — в массе жили скромнее столичного толмача. Денежный оклад нижегородского служилого иноземца в среднем составлял 7–7,5 руб., хлебное жалование — 8 четей. Годовой оклад стрельца вместе с хлебным жалованьем в денежном выражении составлял 5 руб. 25 коп., около 7,5 руб. тратилось на содержание городского казака. Близки по размерам окладов толмачам Посольского приказа были из среды служилых людей «по прибору», пожалуй, только казачьи «начальные люди». В начале 1630-х гг., в частности, в Великом Новгороде атаманам платили от 14 до 17 руб. и выдавали по 12 четей ржи и 3 чети ячменя; есаулам полагалось по 9–10 руб. и по 9 четей ржи. Близкие по размеру оклады имели псковские атаманы и есаулы. Обслуживавшие государеву соляную варницу в Старой Русе трубные мастера в середине 1630-х гг. получили лишь по 4 руб. годового оклада и по 2 чети ржи и овса, т.е. жили в 4–5 раз скромнее, чем толмачи; варничному мастеру полагалось 5 руб. оклада и 10 четей хлебного жалования. Не смог бы тягаться в благополучии со средним толмачом Посольского приказа старорусский стрелецкий сотник, которому причиталось лишь 10 руб. годового оклада. Пушкарям в Старой Русе платили по 3 руб. и по 6 четей хлеба. В Устюжне пушкарям выдавали и того меньше — по 2 руб. и по 2 чети хлебного жалования⁷. Жалование служившего в Разрядном приказе обладателя довольно редкой специальности — знаменщика (художника-чертежника) в 1619 г. составляло 9 руб. и 12 четей хлеба (полагались также крупы, мясо и соль, которых ему, однако, так и не выдали)⁸. Заметно дешевле ценился труд другого обладателя экзотической для Московского государства профессии — псковского часовщика (3 руб. и по 9 четей ржи и овса)⁹. Рядовой городской ремесленник по подсчетам Л.В. Милова зарабатывал в XVII в. от 10 до 14 руб. в год (т.е. в 2–3 раза меньше, чем толмач) [Милов, с. 539–540].

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 8. Л. 640.

⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 75 (1634 г.). Л. 8–9, 65–66, 135–138, 149, 152, 210, 435.

⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 14. Д. 2. Л. 473–474.

⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 75 (1634 г.). Л. 81.

Отдельные факты показывают, что по крайней мере некоторые из толмачей Посольского приказа располагали избыточными суммами, позволявшими делать приобретения, выходявшие за рамки простого жизнеобеспечения себя и своего семейства. В частности, во время Смоленской войны два толмача Посольского приказа приобрели полонянок из числа населения белорусских уездов (цены на которых в то время колебались от 4 до 14 руб., т.е. были сопоставимы с годовым денежным окладом толмача)¹⁰. Приобретателями «живого имущества» выступили толмачи Архип Демидов и Леонтий Никитин.

На местах же толмачи могли превращаться в весьма зажиточных и влиятельных персон. К числу таковых, безусловно, относился уфимский толмач Назар (документы, к сожалению, не сохранили его фамилии). В 1634 г. при сборе «пятинных денег» его имущество было оценено суммой 300 руб., из которых ему надлежало 60 руб. как экстраординарный налог отдать в государеву казну (для сравнения — со всего башкирского населения уезда в общей сложности предполагалось взять 169 руб.). Сборщики «пятинны» попытались взять с Назара поручные записи, каковые он дать по себе отказался. Тогда сборщики распорядились посадить строптивного толмача в тюрьму, откуда тот при пособничестве уфимского воеводы Антона Загоскина бежал, так и не уплатив «пятой деньги». Причины такой близости толмача к воеводе, а, возможно, и экономического благосостояния первого, отчасти раскрываются в резолюции, принятой в Москве по отписке сборщиков пятинны: «на Уфу писать к воеводе, чтоб башкирцов велел толмачом уговаривати, чтоб они пятинные деньги давали против прошлого 141-го году»¹¹. Именно на толмача фактически возлагалась обязанность разъяснить башкирскому населению тонкости московской фискальной политики, обеспечив тем самым исправную уплату экстраординарной подати. Портить отношения с таким человеком воеводе уезда с пестрым национальным составом было не с руки. Одновременно толмач как посредник между башкирами и уездной администрацией имел массу возможностей организовать приятным ему людям льготы в налогообложении, что не могло не сказаться на уровне его личного достатка.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 41156. Л. 27–28, 34.

¹¹ Там же. Д. 41395. Л. 14 об., 15, 30.

Подводя итог изложенному, приходится констатировать: размер жалования толмачей Посольского приказа не был настолько велик, чтобы у тех не возникало мыслей об экономии и поиске побочного заработка. В сложных жизненных обстоятельствах они имели все основания сетовать на бедность и даже, порой, на нищету. Что не отменяет другого факта: для подавляющего большинства современников-компатриотов толмач Посольского приказа вполне обоснованно мог быть объектом зависти, поскольку его знания и навыки государство оплачивало относительно щедро.

Литература

- Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, дело-производство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1988.
- Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007.
- Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

Стратегии и практики взаимодействия П.И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг.

Отношения внутри управленческого аппарата Московского государства XVII в. в современной историографии все чаще привлекают к себе внимание исследователей. Одной из выделяемых авторами тенденций является сближение на протяжении XVII в. военной и административной службы, приведшее к оформлению петровской Табели о рангах [Демидова, с. 191–192; Crummeу, р. 9]. Различные связи между членами Государева двора, московскими дворянами и служащими приказного аппарата выстраивались как на административной и военной, так и на дипломатической службе. В связи с этим современные представления об отношениях между разными акторами управленческой системы возможно расширить и углубить благодаря подробно задокументированным случаям посольских миссий, в т.ч. связанных с деятельностью переводчиков, чьи службы также были значимой частью управленческой системы [Рогожин, с. 22–25, 39–40].

В представленной статье исследованы практики выстраивания отношений с переводчиками стольника П.И. Потемкина в его посольствах во Францию в 1668 и 1681 гг. Акцент сделан именно на них, т.к. эти посольские миссии сохранили достаточный источниковый материал на русском и французском языке, но его информационный потенциал для раскрытия механизмов работы русской дипломатии, деталей биографии придворных и приказных деятелей и развития русско-французских отношений в XVII в. остается не до конца реализованным. В современной историографии посольство 1668 г. является одной из наиболее изученных посольских миссий XVII в. [Schaub, 2009; Schaub, 2010; Архимандрит Августин (Никитин); Третьякова], материалы посольства использованы в монографии Я. Хэнинга и во многих других обобщающих работах по истории российской дипломатии [Hennings; Флоря, 2013; История внешней политики]. Несмотря на широкий исследовательский интерес к посольству 1668 г., новая дипломатическая миссия по-

сланника Потемкина во Францию в 1681 г. получила значительно меньше внимания, хотя между двумя посольствами возможно провести сравнение, способное значительно расширить представления о развитии русско-французских отношений и о роли личности Потемкина в этом процессе.

Источниковой базой исследования служат статейные списки русского посольства в Испанию и Францию 1667–1668 гг., а также во Францию, Испанию и Англию 1680–1681 гг. вместе с материалами допросных речей, данных посланником в Посольском приказе осенью 1684 г. Среди иностранных источников привлечены французские отчеты о приеме посольства 1681 г., мемуарные записи маркиза де Сенкто и дневник полковника де Като о приеме посольства 1668 г.¹

Русское посольство, направленное в Испанию и Францию в 1668 г., возглавлял посланник, стольник П.И. Потемкин, ранее один из воевод, участник русско-польской (1654–1667 гг.) и русско-шведской (1656–1658 гг.) войн. Стольник Потемкин был связан со смоленским служилым городом [Эскин, с. 329] и не имел тесных родственных связей с наиболее родовитой московской аристократией, будучи, тем не менее, включен в сети придворных связей [см. Флоря, 2010, с. 43, 67–68]. Выдвижение Потемкина на дипломатической службе Р. Крамми считал инициативой А.Л. Ордина-Нащокина, выделяя Потемкина наряду с В.М. Тяпкиным в качестве основных выдвиженцев главы русского дипломатического ведомства [Crummey, p. 105]. Вторым посланником был дьяк С. Румянцев, также выходец из смоленского служилого города, в связи с чем между ними происходили статусные конфликты [Эскин, с. 329].

Для переводческой деятельности Посольский приказ назначил в посольство переводчика и толмача, которые, однако, не специализировались на французском языке. На начальном этапе выезда посольства из Испании во Францию перевод при контактах с местными властями осуществлял толмач Р. Эглин², переводивший на немецкий язык³, а контакты с официально присланным к посоль-

¹ Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. // Русский вестник. 1863. Т. 47. С. 610–623.

² Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г.И. Зикеева. М.; Л., 1954. С. 227.

³ Дневник... С. 611.

ству придворным дворянином де Като осуществлялись на латыни, в связи с чем устную речь переводил переводчик посольства, московский торговый иноземец И. Госенц⁴. Также он переводил речи в ходе официальных приветственных церемоний, которые устраивали представители французских городов⁵.

Тем не менее, знание французского языка могло значительно поспособствовать достижению поставленных перед посольской миссией задач. В решении этой проблемы глава посольства продемонстрировал способности к использованию своих ранних социальных связей, что проявилось в найме в качестве нового переводчика доминиканца Урбановского, с которым Потемкин в конце 1655 г. познакомился в Люблине в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг.⁶ Как было отмечено в историографии⁷, в известии о найме Урбановского существует разночтение между французскими и русскими источниками. Согласно статейному списку, Урбановский был нанят в Амбуазе⁸, а по журналу де Като — в Блуа⁹. Урбановский занимался переводом с французского, в то время как И. Госенц должен был подготавливать официальные переводы с латыни. Сама практика самостоятельного найма переводчиков была распространена и, вероятно, в большинстве случаев не встречала возражений со стороны Посольского приказа [Домрачев, с. 34–51; Рыбина, с. 120]. Несмотря на то, что в языке статейного списка статус Урбановского и Госенца не отличался (оба были переводчиками), французская сторона отразила более официальный статус Госенца (*translateur*), а за Урбановским закрепила статус устного переводчика (*interprète*)¹⁰, что отразилось и на размере выданных им королевских подарков¹¹. Тем не менее, согласно журналу де Като, Потемкин преимущественно вел переговоры через Урбановского, а не через официального переводчика; именно Урбановский проверял написание царских титулов в ответной французской грамоте, т.к. ее латинский перевод по составу титулов отличался от

⁴ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118, fol. 43r.

⁵ Путешествия русских послов... С. 244.

⁶ Там же. С. 426.

⁷ Там же. С. 433.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Дневник... С. 613–614.

¹⁰ АМАЕ. Correspondance Politique, Russie, vol. 01, fol. 59r.

¹¹ Дневник... С. 619.

французского оригинала¹². Таким образом, знание французского языка имело существенное значение для статусных отношений между русским царем и французским королем.

Несмотря на значительную роль Урбановского, статусных конфликтов между ним и официальным переводчиком, согласно сохранившимся источникам, не возникало. Во время перемещения послов в каретах, когда места каждого участника посольства наиболее подробно фиксировались для соблюдения дипломатического церемониала и выделения статуса отдельных его участников [Шиколо, с. 72–84; Hennings, p. 72], оба переводчика занимали места в стременах первой кареты¹³. В дальнейшем И. Госенц в качестве переводчика продолжил работу с Потемкиным, получив в 1674 г. назначение переводчиком в его посольстве к императору [Переводчики..., с. 103], хотя в 1668 г. между ним и посланником возникали конфликты, а незадолго до отъезда из Франции Потемкин даже его побил¹⁴. Статус Госенца внутри русского общества, обеспечивающий ему связи с московскими торговыми иноземцами и другими группами торгующих иностранцев, привлек внимание французов, и он был нанят Ж.-Б. Кольбером в качестве агента. В 1669 г. Госенц подготовил отчет о торговле в Московском государстве, который Ж.-Б. Кольбер использовал при организации Северной торговой компании [Kraatz, p. 20]. Переводчик, согласно французским источникам, и ранее проявлял самостоятельность, например, при посещении Лувра сказал французам на латыни, что Потемкин их обманывает, заявляя, что мебель царя такого же качества, как королевская¹⁵. О частных контактах переводчика с французами, вероятно, посланнику было известно, т.к. вскоре после получения королевских подарков переводчик был им заперт по подозрению в измене¹⁶, но эти известия не привели к его отстранению от дел.

С другой стороны, поддержка со стороны Потемкина не способствовала закреплению Урбановского при французском дворе несмотря на редкое для Франции 1660-х гг. знание русского языка. Согласно статейному списку Потемкина, царскую грамоту во Франции не смогли сразу перевести, не имея переводчика с русского языка, поэтому посланником был предоставлен латинский

¹² Путешествия русских послов... С. 287–88, 295; Дневник... С. 611, 615.

¹³ Путешествия русских послов... С. 244.

¹⁴ Дневник... С. 622.

¹⁵ Там же. С. 621.

¹⁶ Там же. С. 622.

перевод присланной грамоты¹⁷. В последствии Людовик XIV на- нял других переводчиков с русского, также не задержавшихся на- долго при дворе [Борисов, с. 340]. Таким образом, уже в ходе по- сольства 1668 г. Потемкин стремился опираться не только на офи- циальные посольские структуры, что дополнительно иллюстрирует и его конфликт с дьяком С. Румянцевым, но и на выстраиваемую им самим систему частных связей.

В еще большей степени эта тенденция проявилась в посоль- стве 1680–1681 гг. Оно было отправлено во Францию, Испанию и Англию для «обновления и укрепления их государской начина- ющейся братцкой дружбы и любви, и вновь о продолжении лет пе- ремирных его великого государя с королем польским, и для торго- вого дела»¹⁸. С посольством отправили лишь одного переводчика, Юрия Гивнера, который не был специалистом по французскому языку, и толмача Ивана Тура, который знал французский язык [Гуськов, Шамин, с. 311–312], но его переводческая деятельность не была отражена в статейном списке. При этом для этой миссии Гивнер получал такой же денежный оклад, как и Госенц в 1668 г. — несмотря на его более высокий статус штатного переводчика По- сольского приказа, а не привлеченного к дипломатической службе московского торгового иноземца¹⁹.

Посланник вернулся в Московское государство в мае 1682 г., когда в Москве еще шли стрельцкие волнения. Это привело к на- рушению стандартной процедуры отчетности, и статейный спи- сок он сдал в Посольский приказ лишь 8 апреля 1683 г.²⁰ В 1684 г., накануне отправления нового посольства во Францию, были подготовлены допросные речи посланника Потемкина, уточ- нявшие многие события его посольства, не указанные в статей- ном списке. В составлении допросных речей принимали участие думный дьяк Е. Украинцев и возглавлявший Посольский приказ кн. В.В. Голицын.

Допросные речи помогают уточнить не только события посоль- ства, но и детали биографии его участников, в т.ч. переводчика Ю. Гивнера. В современной исследовательской литературе часто относят его участие в посольской миссии во Францию к 1683 г. [Бе- лоброва, с. 203–204; Переводчики..., с. 99–100], однако согласно

¹⁷ Путешествия русских послов... С. 261.

¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 11. Л. 6–8.

²⁰ Там же. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

материалам допросных речей он прибыл в Посольский приказ до возвращения посольства уже в мае 1682 г., впрочем, у дел в приказе он не был до начала 1684 г.²¹

Раннее возвращение переводчика было связано с конфликтом между ним и Потемкиным. Согласно статейному списку и допросным речам, Гивнер, был им оставлен в Амстердаме из-за того, что переводчик, во-первых, договаривался о найме подвод с иностранцами, присваивая себе часть платы за нанятые подводы, во-вторых, вступил в некие неизвестные договоренности с курфюрстом Бранденбургским, в-третьих, заявлял о своем желании при первой возможности остаться за границей и, в-четвертых, будучи пьяным, грозился застрелить Потемкина из пищали²². Все эти обвинения Гивнер на допросе полностью отрицал, утверждая, что «вышепомянутый Потемкин не токмо отсюду в розные государства идя, явственными лжами и неправдами путь своей совершал, также и приехав к Москве царскому величеству ничто же ино, токмо самую ложь сказал»²³. В версии переводчика именно Потемкин ранее сам собирался зарубить его мечом в рижском замке, что должны были подтвердить отправленные из посольства скаски дьяка С. Полкова²⁴. Дьяк скончался в ходе посольской миссии и уже не мог дать показания в Посольском приказе. Серьезного наказания ни посол, ни переводчик по итогам допроса не понесли, хотя кн. В.В. Голицын лично занимался делом Потемкина [Восстание в Москве, с. 67]. Тем не менее, в дальнейшем Голицын при отправлении посольств в Испанию, Францию и Англию не делал ставки на Потемкина, в то время как переводчик Гивнер все же рассматривался Посольским приказом для назначения в посольство во Францию с посланниками С.Е. Алмазовым и С. Иполитовым в 1684 г.²⁵ К 1689 г. Гивнер оставался одним из наиболее статусных переводчиков Посольского приказа по окладу [Белокуров, с. 131], он продолжал активную работу в новых посольских миссиях и участвовал в переводах иностранной литературы даже после того как в 1685 г. был обвинен в брани с одним из иностранцев, когда приходил к нему с оружием в руках [Белокуров, с. 131; Переводчики..., с. 99–100].

²¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

²² Там же. Л. 70.

²³ Там же. Л. 109.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 11. Л. 12.

После отстранения Гивнера из статейного списка Потемкина упоминание о наличии у посольства переводчика практически исчезает, в допросных речах он дал показания, что в Голландии для письменного перевода с латинского, французского и испанского был нанят М. Комыцкий²⁶. В переводах участвовали также белгородский полковник Елизарий Кро и сын посланника Степан Потемкин, переводивший с латыни²⁷. Кро, согласно допросным речам Потемкина, участвовал в разоблачении махинаций Гивнера с наймом подвод²⁸, но в 1684 г. их обоих вновь планировали отправить во Францию в составе дипломатической миссии²⁹.

Стратегия Потемкина по найму собственных переводчиков, несмотря на распространение в русской дипломатической практике XVII в., не нашла поддержки в Посольском приказе, т.к. с точки зрения Е.И. Украинцева и кн. В.В. Голицына нанятые за границей иностранцы «никакой должности и обязательства верной службы не имеют», в то время как официально отправляемые с посольством переводчики «укреплены в верной к великим государем службе крестным целованием и жительством своим в Московском государстве». Руководство Посольского приказа не одобрило и использование переводчика для найма подвод, отметив, что для этой задачи следовало направить толмача³⁰. Возможно, что ранее не вызывавшая возражений практика найма переводчика за границей была осуждена в Посольском приказе в связи с неудачей в исполнении одной из основных функций переводчика – соблюдения правильного написания царского титула в ответной грамоте [Домрачев, с. 30]. В грамоте, полученной от Людовика XIV, отсутствовал титул «великий государь»³¹. В дальнейших русско-французских контактах наблюдалась тенденция к установлению более официальных отношений между членами посольства: из Посольского приказа начали назначать переводчика, владевшего французским языком³², что позволяло проверять царский титул не только в латинском списке с королевской грамоты, но и во французском оригинале. Возможно, именно наличие официального переводчика

²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 68.

²⁹ Там же. Д. 10. Л. 12.

³⁰ Там же. 1681 г. Д. 1. Л. 79.

³¹ Там же. Д. 7. Л. 117.

³² Там же. 1681 г. Д. 1. Л. 12.

Посольского приказа со знанием французского языка помогло русскому посольству в 1685 г. получить от короля Франции грамоту с правильным написанием царского титула [см. Манин, с. 32–40]. Несмотря на наем в качестве переводчика М. Комыцкого, из французских источников известно, что речи послов на официальной аудиенции переводились одним из толмачей (*truchements*) на немецкий язык³³. С немецкого языка их переводил французский дворянин Жан Сторф³⁴, сопровождавший посольство по поручению короля³⁵. Интерес представляет то, что официальный толмач посольства, Иван Тур, должен был осуществлять устный перевод, но, согласно показаниям Потемкина, Тур не исполнял своей функции, т.к. «беспрестанно был пьян, и в толмачестве негоден, и от пьянству в Аглинской земле и умер»³⁶. Поэтому трудно установить, кто из посольской свиты занимался устным переводом. Из материалов статейного списка роль нанятого Комыцкого можно с уверенностью найти только в процессе исправления полученной от короля Франции грамоты³⁷.

С 1681 г. роль латинского языка в устной части русско-французских дипломатических контактов стала снижаться. Эта тенденция сохранилась и в дальнейших посольствах, когда переговоры переводились уже напрямую с русского на французский³⁸. Отношения между посланником Потемкиным и переводчиками могут служить примером связей между двумя разными контактными группами Московского государства XVII в.: ознакомившихся с европейской культурой дворян и наиболее компетентных переводчиков, знатоков латыни. Высокий социальный статус переводчиков не всегда признавался Потемкиным, который мог делать ставку на нанятых в частном порядке иностранцев, а с официальными переводчиками вступать в конфликты и, вероятно, даже бить их. Тем не менее не выявлено попыток переводчиков отстаивать свое место в составе миссии, как, например, его отстаивал дьяк С. Румянцев во время посольства 1668 г. [Эскин, с. 239]. Развитие конфликта между Потемкиным и Гивнером в 1684 г. не было инициировано ни одной из сторон вскоре после окончания посоль-

³³ АМАЕ. *Correspondance Politique, Russie*, vol. 1, fol. 132r.

³⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 9. Л. 54об.

³⁵ АМАЕ. *Correspondance Politique, Russie*, vol. 1, fol. 114.

³⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

³⁷ Там же. Л. 33.

³⁸ Там же. Л. 20 об.

ства, а произошло в связи с изучением руководством Посольского приказа обстоятельств миссии 1681 г. Несмотря на необходимость найма франкоязычного переводчика для проверки титулов в оригинале ответной королевской грамоты, практика использования услуг заграничного переводчика не была поддержана Посольским приказом, что может быть связано с отсутствием дополнительного контроля за соблюдением написания царского титула со стороны официального переводчика.

Обстоятельства посольства 1681 г. существенно повлияли на дальнейшее развитие русско-французских дипломатических связей. Изменился подход к комплектованию посольства, в 1684 г. появилась практика отправления в посольства штатного переводчика Посольского приказа со знанием французского языка, что способствовало уменьшению роли латыни в переговорах.

Литература

- Архимандрит Августин (Никитин)*. Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I / Архимандрит Августин (Никитин) // Нева. 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html> (дата обращения: 20.03.2023).
- Белоброва О.А.* Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 203–204.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов / под ред. В.И. Буганова. М., 1976.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 278–317.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- Домрачев Н.Е.* Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е – 1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 28–52.
- История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / под ред. А.В. Игнатьева, В.Б. Михайлова, А.А. Преображенского, Г.А. Санина. М., 1999.
- Манин Д.О.* Споры русских послов о титулатуре царя при дворе Людовика XIV // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 32–40.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.

- Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г.И. Зикеева. М.; Л., 1954.
- Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
- Рыбина Е.А.* Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 118–122.
- Третьякова М.В.* «Такой чишеной грамоты нам не имывать», или к вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во Францию в 1667–1668 годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 43–62.
- Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
- Шукуло М.И.* Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
- Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2018.
- Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689. Princeton; New Jersey, 1983.
- Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. New York, 2016.
- Kraatz A.* La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles. Paris, 1993.
- Shaube M.-K.* Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris, 2009. P. 323–343.
- Shaube M.-K.* Obtenir l'oreille du roi. Les entretiens diplomatiques lors de l'ambassade russe de Pierre Ivanovitch Potemkin et Siméon Roumiantsev à la cour de Louis XIV (1668) // Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen-Age à la fin du XIXe siècle. Rome, 2010. P. 216–229.

**«Всю правду высказать пред троном...» –
миры, границы, люди (о создании корпуса
переводчиков-востоковедов на примере
Константинопольской дипломатической
миссии России в первой половине XVIII в.)**

Суть переводческого дела – доносить «правду» участникам в дипломатических и торговых отношениях. Потребность в переводчиках возникла с того самого времени, когда у человека зародилось желание узнать пространство, своих соседей, своих врагов, конкурентов на рынках и пр. От переводчиков зависит очень многое: «Думаю, многих серьезных кризисов удалось избежать потому, что переводчик намеренно или случайно исказил, что один государственный муж сказал другому»¹. В предшествующий период от мастерства и профессиональной этики [Toth] толмача/секретаря-переводчика зависело многое [История] – перевести правильно и точно слова «заморского гостя» и гонца, сгладить недоразумения, вызванные культурными различиями и непониманием, мог не каждый [Мадей, с. 44–54].

Сейчас мир снова распадается на отдельные части – «миры-экономики»² [Garner; Braudel], а технологический уровень развития начала XXI в. оказывает влияние на профессию переводчиков [L'intelligence]. Хотя эпоха антропоцена [Антропоцен] пока не затронула принципы функционирования пространства, «Вре-

¹ URL: <https://blog.itrex.ru/voennie-perevodchiki/> (дата обращения: 03.05.2023). Такая ситуация, к примеру, возникла в 2018 г. во время визита Патриарха Кирилла в Болгарию по поводу национального праздника 3 марта. Как оказалось, проблема была в неточном переводе неопытного переводчика. К сожалению, нет документального подтверждения, но так как я сама участвовала активно в решении возникших проблем, можем считать это частью личных воспоминаний. См. также: [Волокитина, с. 109–112; Михнева, 2018, с. 100–103].

² «L'économie-monde est un morceau de la planète économiquement autonome, capable pour l'essentiel de se suffire à lui-même et auquel ses liaisons et ses échanges intérieurs confèrent une certaine unité organique». URL: <https://www.melchior.fr/notion/economie-monde> (дата обращения: 03.05.2023).

мя» ускорилось. К известным практикам и механизмам общения (перевод) добавились современные коммуникации, нейронные сети (искусственный интеллект). Сможет ли теперь AI полностью справиться с такими задачами? Ведь не случайно это ремесло зачастую являлось семейной традицией и передавалось от отца к сыну [Мадей].

На протяжении всего предыдущего века, профессия переводчика динамично совершенствовалась, но не находилось под угрозой исчезновения³. Однако резкие изменения случались и ранее. Не без причины в 1730 г. среди взбунтовавшихся граждан Стамбула было и 600 писарей, недовольных появлением османской типографии Ибрагима Мутеферика⁴.

Радикальные перемены происходили также и в России начала XVIII в. Цель данной статьи – внести небольшой вклад в историю переводческого дела на примере работы постоянной дипломатической миссии Российской империи в Константинополе⁵; проследить, как переводчики участвовали в процессе организации постоянной русской дипломатической резидентуры в первые десятилетия XVIII в.⁶ При своем учреждении в 1720 г. Коллегия имела 2 департамента. Было создано специализированное административное

³ «Quant à déterminer la toute première interprétation consécutive officielle, la plupart s'accordent pour affirmer qu'il s'agit de la Conférence de Paix, tenue à Paris, en 1919». URL: <https://www.smglanguages.com/interprete-de-conference-origines-et-evolution-de-la-profession/?lang=fr>; <https://dzen.ru/a/XNLQpHfw1QCzUSrV>; <https://news.un.org/ru/audio/2017/05/1318712> (дата обращения: 03.05.2023).

⁴ URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000062/st008.shtml> (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Новейшие исследования по теме опубликованы в 2019 г., но они относятся к самому началу XVIII века [Переводчики и переводы...].

⁶ В 2019 году появилась работа Я. Хенингса, посвященная началу работы миссии [Hennings]. Становлении дип. миссии России в Константинополе с начала XVIII в. до 70-х гг. века стало темой диссертации, защищенной в 2016 г. в Джорджтаунском университете. Аспирант М. В. Амеличева использовала источники АВПРИ, но большая часть из них ранее уже была введена в научный оборот. Диссертация не была опубликована, но находится в открытом доступе в депозитарии университета. В пространстве нельзя найти ни одной другой публикации этого автора. [Amelicheva]. В 2010 г. в России прошла защита диссертации, в которой рассматривается период работы резидента И. И. Неплюева [Государева]. Диссертант использовала в АВПРИ те же дела, что и я, и другие коллеги, но к сожалению не постаралась разыскать, кто уже писал точно по этим проблемам и точно по этим же материалам, что уже опубликовано. Все это имеет отношение к тому насколько серьезно мы относимся к уже проделанной работе, особенно в советское время, и исчеза-

звено – одно из 4 подразделений 1-го департамента [Агеева, с. 33; Михнева, 2003, с. 242–271; Михнева, 1979]⁷.

В 1742 г. российский резидент в Стамбуле Алексей Вешняков напишет в Коллегию: «Яко... министры только руководцы, а действители – переводчики, поэтому успех зависит от умения, от честности и ревности переводчиков» [Михнева, 1985, с. 77]⁸. Столь высокая оценка показывает, что формирование корпуса переводчиков-востоковедов в Стамбуле – ценный фрагмент картины истории российской дипломатической школы. О ценности переводческого корпуса говорит профессиональный рост определенных переводчиков, что подтверждает четкую государственную политику в этом направлении [История, с. 35, 67].

В данной работе основное внимание уделяется 20-м гг. XVIII века, но некоторые примеры пришлось брать из 40-х гг. того же столетия – времени миссий Алексея Вешнякова (1734–1735; 1741–1745), Ивана Неплюева (1721–1734) и Адрана Неплюева (1745–1750). Такой подход позволяет проследить динамику процесса, насколько это возможно на данный момент, и выявить некоторые результаты. Хронологическая граница исследования определяется и тем фактом, что работавшая параллельно с Посольским приказом, который де-факто функционировал до 1717–1720, Посольская канцелярия уступила место в 1720 г. новому ведомству – Коллегии иностранных дел (с 1725 г. Государственная коллегия иностранных дел). Указом Петра I от 13.02.1720 г. была создана «экспедиция турецкого и других восточных языков» [История, с. 65; Агеева, с. 32–33]. Многое из того, что начиналось в 20-е гг. века решалось поэтапно на протяжении еще нескольких десятилетий – до конца XVIII в. Создавались уже формально расписанные правила, документы, критерии работы, финансирование и пр.

Документы, которые я использовала в своих работах – прежде всего, из АВПРИ фонд «Сношения России с Турцией». Еще в начале века дипломатические представители России в Стамбуле следовали

ет ли критерий историографической осведомленности из инструментария историка?

⁷ К сожалению, именно из-за отсутствия обмена научной информацией моя коллега и друг проф. О.Г. Агеева, чья работа отличается энциклопедичностью, не была знакома с результатами моих исследований об османских и русских чрезвычайных посланниках Мехмеде Саид-эфенди (1730–1731) и графе А.И. Румянцеве (1739–1741).

⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией» (далее Ф. 89). Оп. 1. 1742 г. Д. 6/II. Л. 367 (приложение к реляции № 41 А. Вешнякова от 10 октября 1742 г.).

местной традиции формирования корпуса «невидимых» для большой политики людей – стержня работы миссии – переводчиков-толмачей и секретарей, курьеров и др. [Михнева, 2003, с. 6]. Профессия дипломата и структуры дипломатических представительств в Новое время заметно эволюционировала, углублялась профессионализация, усложнялось образование будущих дипломатов и их сотрудников – переводчиков. На этом фоне формирование и функционирование переводческого корпуса в Османской империи вообще имеет свою специфику, так как мусульмане не изучали иностранные, западные языки и на месте в Стамбуле служить переводчиками могли либо местные греки, армяне и пр., либо приехавшие из страны резидента или посла люди, а иногда к службе привлекались и те, и другие [Abbasbeyli]. Тенденция нехватки особенно переводчиков отмечается очень часто в документах послов. Так, например, в 1730 г. Ивану Неплюеву пришла из Коллегии инструкция нанимать людей независимо от их национальности и, если хочет, скупать «с галер», т.е. покупать невольников [Михнева, 2003, с. 210]⁹.

Происхождение переводчиков и их знания османско-турецкого языка являлись ключевым фактором развития дипломатических отношений на месте. От них ожидалось, что они владеют языком, на котором готовится документация Порты, ведутся переговоры, но также и оформляется корреспонденция в страну резидента [Abbasbeyli]¹⁰. Еще с самого начала становления российского дипломатического ведомства, в числе прочих служб выделялось бюро переводчиков. С начала XVIII века и особенно в мирные периоды, резко увеличивалась письменная работа секретарей-переводчиков. Как мы знаем, в эти десятилетия итальянский был языком дипломатии. Документы, которые поступали в посольство, надо было для начала перевести с османско-турецкого на итальянский и подготовить шифровки. На месте в России документ подвергался дешифрованию и его переводили на русский. С иностранными миссиями на месте переписка велась либо на османско-турецком и тогда делались переводы с русского, либо на итальянском и тогда переводили с русского на итальянский. Если встречаются указания, что с переводчиков в Стамбуле требовалось еще знание латыни и пер-

⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1730 г. Д. 6/1. Л. 366.

¹⁰ «Ces drogman jouaient le rôle des secrétaires-interprètes qui traduisaient les documents et les réunions avec les représentants de l'administration ottomane. Ils accompagnaient les diplomates et résidaient auprès de l'ambassade ou dans les consulats».

сидского, то это было нужно для работы со справочниками и литературой на месте, либо для ведения устных переводов в ходе общения с купцами из Ирана, от которых собиралась тоже информация о турецко-иранских отношениях. Только высокая языковая подготовка и умения в общении, которые требовались от переводчиков-толмачей или секретарей, могли обеспечить выполнение основной миссии любого дипломатического представительства – собирать сведения о политических и экономических процессах [Михнева, 2003, с. 211; Mansel, p. 207]. В то время Стамбул и его квартал Пера были среди самых населенных и космополитичных мест мира, где возможности собирать разведывательную информацию были неограниченными. На азиатском берегу Босфора в Юскударе заканчивалось одно из разветвлений «Шелкового пути», по которому караваны с Востока привозили и товары, и новости. От переводчиков зависели также все торговые операции на турецких рынках и в турецких портах [Михнева, 1991, p. 331–341]. Особенности торговли с Османской империей, которая велась в приграничных городах и портах, за некоторыми исключениями привели к созданию корпуса переводчиков консульских служб, которые с середины XVI века, на основе капитуляций, начали создавать европейские государства – Франция, Англия, Голландия, Габсбургская империя, а по договору от 1739 г. и Россия [Михнева, 1985, с. 113].

Продвижение России на Юг, к Черному морю и на Кавказ, привело к росту потребности российской администрации в специалистах, подготовленных для работы с иностранцами. После заключения Константинопольского мира 1700 г., Московское царство впервые получило общую границу с Османской империей. Это привело к активизации и пограничной дипломатии. «Вопрос об отправке азовским воеводам «образцовых писем» для ответов их крымских и османских адресатов возлагался на Посольский приказ» [Сень, с. 88–89]. Вполне естественно, эти процессы не могли развиваться без участия толмачей и переводчиков, особенно при отсутствии российского консульства в Крыму. Начать решение «Крымского» вопроса Коллегия смогла в 40-е гг. после Белградского мира и установки, что «*le Mercanti Russi devono godere le medeme imminita e liberta nel loro traffico, pagando il Dazio come le alter Nationi le meglio favorite*»¹¹, т.е. Россия получает те же права и привилегии

¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1742 г. Д. 5/1. Л. 168–168 об. (мемоар А. Вешнякова Порте от 27 июня 1742 г.).

(капитуляции) как «наипочтейнейшие нации» (Франция, Англия, Голландия, Габсбургская империя) [Михнева, 1985, с. 113–115]¹².

Бывало так, что один и тот же человек работал на разных постах и в городах с целью решения конкретных задач или же для языкового развития и укрепления переводческой службы российского дипломатического ведомства. Так, например, резидент Неплюев отправляет реляцией просьбу направить в Дербент молодого грека Константина Урумова совершенствовать его знания турецкого языка и определить ему жалование. Он находился до этого несколько лет в миссии на содержании резидента. Неплюев доносил, что он кроме своего родного греческого языка, владеет письменно и устно турецким, а также в какой-то степени уже понимает и говорит и на русском [Михнева, 2003, с. 206–207]. В эти годы Дербент был средоточием напряженных военных и дипломатических действий и отправка молодого Урумова резидентом в эту «горячую» во всех смыслах точку, было видимо оценкой его способностям как переводить, так и собирать разведывательную информацию. С другой стороны, Коллегии сильно не хватало квалифицированных и владеющих восточными языками переводчиков. В «Санкт-Петербургских ведомостях» звучали жалобы, что договор заключенный с сефевитами все еще не переведен [Данциг, с. 4].

Кадровый дефицит решался двумя способами – нанимались местные османские поданные, устанавливались родственные связи с местными фанариотами-переводчиками и иностранцами, обосновавшимися в Стамбуле. Некоторые из них служили в иностранных дипломатических представительствах, кроме того туда приезжали «стажироваться» ученики «переводческих дел», а также, первым делом, привлекались к изучению османо-турецкого дети работников миссии.

Нельзя сказать, что переводчики, особенно толмачи, были полиглотами, как считают некоторые авторы. Но, по-видимому, к составу переводчиков дипломатических миссий за границей требования были завышенными или же задачи решались при помощи местных фанариотов или иностранцев. В особенно важном документе, врученном Неплюеву («Инструкция поручнику галерного флота и резиденту Неплюеву»), который был составлен в феврале 1721 г., специально обращалось внимание на его работу на месте с агентурой, и особенно с переводчиками иностранных миссий, с драгоманами;

¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1742 г. Д. 5/1. Л. 168–168 об.

для чего выделялись и финансовые средства. Еще с начала века одним из ценнейших информаторов был переводчик голландского посольства Вильгельм Тейльс. Его сын Никола Тейльс служил драгоманом у венского посла. Русскому резиденту пришлось иметь дело с другим его сыном Иваном, о котором он был не очень высокого мнения, и в 1723 г. сообщал, что представители других «наций» удивлены тем, что резидент нанимает таких «непотребных людей». Тем не менее он напишет о том, что И. Тейльс владеет турецким, итальянским и латинским и было бы неплохо отправить его в Россию, чтобы тот выучил и русский, и персидский. Об этом резидент попросил в 1730 г. с уточнением, что тот играет в азартные игры, нажил долгов, известный ловелас и злоупотребляет спиртным, рекомендуя держать его твердо, как настоящего русского, свободы ему не давать, дабы «сделать из него человека» [Михнева, 2003, с. 208–210]¹³.

Осенью 1721 г. при А.А. Дашкове служили переводчики Григорий Мальцов и Антони[o] Марини [Михнева, 2003, с. 204]. Весной 1724 г. Антонио Марини просит разрешения жениться на дочери одного из переводчиков французского посольства, в документе ее имя не упомянуто¹⁴. В 1740-е гг. дети уже бывшего переводчика миссии Марини Иван и Франциск брали уроки османо-турецкого у преподавателя Мехмеда-эфенди и еще одного преподавателя армянина [Михнева, 2003, с. 78]. К переводческой деятельности и замене главного переводчика миссии А. Пиния готовился и племянник Вешнякова – Н.И. Вешняков, приехавший в Стамбул в 1743 г. После смерти резидента он вернулся в Россию [Михнева, с. 75]. В 1721 г. вместе с И.И. Неплюевым, который занялся настойчиво укреплением своей канцелярии и переводческого отдела, в Стамбул приехал Федор Сенюков. Сенюков проходил обучение с 1715 года и набирался опыта в качестве переводчика в ходе миссий в Персию и Османскую империю [Коншина].

Во время Персидского кризиса резидент отправляет письмо в Коллегию и выражает свое беспокойство тем, что у него всего лишь два переводчика и если один вернется в Россию, а другой заболит, то работа и вовсе остановится. В 1730 г. Антонио Марини и Сенюков вместе с группой учеников – Константином Редкиным [Агеева, с. 886]¹⁵, Яковом Похвистневым и Петром Потрусовым

¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1723 г. Д. 5/II. Л. 260; 1730 г. Оп. 1. Д. 6/I. Л. 366.

¹⁴ Там же. 1724 г. Д. 6/I. Л. 231.

¹⁵ О. Агеева цитирует и другие варианты его фамилии – Реткин, Руткин.

присягают императрице Анне Иоанновне [Михнева, 2003, с. 204]. В 1742 г. имя Константина Редкина уже встречается в качестве штатного переводчика Коллегии [Агеева, с. 774]. В это же время на подмогу Неплюеву приехали и переводчики Киевского губернатора Федор Росчинков и Михайло Юрьев¹⁶. Не исключено, что они приехали в качестве курьеров. Курьерские задачи ставились и толмачам. Переводчики сопровождали и чрезвычайные посольства, и дипломатическую почту – весьма рискованное дело. В 1731 г. вместе с Саидом-эфенди [Михнева, 2003, с. 242–271]¹⁷ в Россию едет Яков Похвистнев [Агеева, с. 347]. Его отправляют сопровождать Мехмеда Саида-эфенди, потому что из Коллегии специально попросили Ивана Неплюева отправить опытного переводчика, так как мулла, который переводил с османо-турецкого и персидского, скончался. Это еще раз подчеркивает место дипломатического представительства в Османской империи как важного центра развития кадров для переводческой структуры Коллегии. После окончания миссии османского посланника, Яков Похвистнев возвращается обратно в Стамбул в сопровождении своего брата Ивана, которого Коллегия отправляет изучать турецкий и итальянский [Михнева, 2003, с. 257]. После работы или стажировки на Босфоре, некоторые переводчики возвращаются обратно. В 1740-е годы студента Константина Редкина можно встретить уже среди опытных коллежских переводчиков [Агеева, с. 774].

Сразу после своего приезда в столицу на Босфоре в ответ на полученные задачи, Иван Неплюев в реляции доносит о кадровом состоянии на месте и между деталями сообщает, что часть состава миссии А.А. Дашкова переходит к нему. Об одном из переводчиков Г. Мальцове будет сказано, что он выполняет очень важные задачи и ему поручили контакты с фанариотами и Патриархией [Михнева, 2003, с. 204]. Чуть позже эти связи поддерживал переводчик с греческого и итальянского Николай Буйдий, штатный служитель миссии [Михнева, 1991, с. 25–33; Мейер, с. 57–62]¹⁸. Драгоман Порты был в курсе его посещений Патриархии и часто на исповедях передавал патриарху сведения особой важности для русского посоль-

¹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1730 г. Д. 6. Л. 283–284.

¹⁷ Точное имя посла – Мехмед Саид эфенди, хотя в российских источниках его называют лишь Саидом.

¹⁸ К сожалению, проф. Мейер не знал о том, что документ о Н. Буйдии уже являлся объектом публикации. В истории востоковедения встречается форма фамилии Буйдин.

ства. Особенно рискованной была ситуация, когда переводчик являлся османским поданным, как в случае с Н. Буйдием, которого, после очередных угроз со стороны османских властей, решили отправить в Россию [Михнева, 1985, с. 75–77].

Эта часть деятельности переводчиков не была тайной для османских властей, и они старались как-то противодействовать. После бунта Патрона Халиля в 1730 г., по велению нового Великого визиря, власти запрещают переводчикам иностранных миссий заходить в дома к османским поданным [Михнева, 2003, с. 268]. Во время встречи переводчиков дипломатических миссий с «реизом-эфенди», который донес до них распоряжение Порты, османские власти не ограничились только этим. Чтобы показать гяурам, что этот приказ вполне серьезен, на глазах у всех был обезглавлен переводчик Арсенала грек «Викторий» [Михнева, 2003, с. 298]¹⁹. Под угрозой была не только жизнь османских подданных. В 1740-е гг. в дипломатическую миссию приехал армянин с французским паспортом Константин Францов, который до этого служил у секретаря Коллегии и бывшего переводчика миссии Федора Сеньюкова. Скоро резидент заподозрил его, что тот передает сведения шведскому резиденту Карлсону и отправил его обратно в Россию под предлогом сопровождать курьера с дипломатической почтой, чтобы власти уже на месте разобрались правдива или нет информация. Резидент на всякий случай просил не отпускать его обратно [Михнева, 2003, с. 296–297].

Круг переводчиков иностранцев в столице Османской империи был небольшим, что способствовало и зарождению общих родственных связей. С одной стороны, таким образом расширялись возможности получать новую информацию, но с другой риск утечки информации увеличивался. Резидент Неплюев предполагал, что В. Тейльс делится информацией со своим сыном, а тот передает ее своему начальству в посольстве Габсбургов [Никифоров, с. 291, 299; Михнева, 2003, с. 209].

В начале 1740-х г. резидент Алексей Вешняков обратился с просьбой к чрезвычайному послу графу А.И. Румянцеву разрешить ему жениться на Лавре Тарсия – внучке В. Тейлса, со стороны его дочери Катерины. Семья ее отца Тарсия давно обосновалась в Стамбуле. Уроженка Ионических островов, Тарсия быстро вписались в атмосферу космополитичного города. В середине XVII века Томазео Тарсия был уже переводчиком Порты. Отец Лавры, Тар-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1731 г. Д. 8. Л. 317.

сия Христофор Тарсия, сам был служащим в посольстве Венеции. Тарсия были в родственных связях с другими фамилиями драгоманов — Брутти и Боризи [Pippidi, p. 146–147; Орешкова, с. 181–183]²⁰. Граф Румянцев не удовлетворил просьбу Вешнякова, аргументировав отказ тем, что Лавра очень бедна (это было правдой). В начале 1743 г. Вешняков все же женился с согласия Коллегии. После преждевременной смерти Алексея Вешнякова велись длительные разбирательства о содержании вдовы усопшего [Орешкова, с. 293–294]²¹.

Сразу после своего приезда в Стамбул «орта-ельчи» или резидент Неплюев осознал роль переводчиков — российских подданных в дипломатической работе, также, как и то, какие хорошие возможности предоставляет город на Босфоре для обучения и практики. Османская столица была самым многоязычным городом мира. В этой космополитичной среде различные меньшинства — греки, евреи, славяне, албанцы, армяне, французы — обычно помимо родного языка говорили на турецком и как минимум еще на 2–3 языках, считалось, что на месте, в Стамбуле этот процесс проходит легче. Свидетели той эпохи утверждали, что, например, французский и итальянский, использовавшиеся в Стамбуле, сильно отличались от литературных образцов. Обучение в миссии в Османской империи вписывалось в русло кадровой политики Коллегии создания собственных специалистов дипломатов и переводчиков — востоковедов и по этой же причине. Так, например, в составе дипломатического представительства в самом начале миссии Алексея Вешнякова переводческим делом занимались 3 человека, явно не русские по происхождению, — Александр Пиний, Антоний Барух и Георгий Дондоло. Позднее к ним присоединился и Н. Буйдий. Для обучения и стажировки в это время в Стамбуле находились и девять учеников «переводческих дел», среди которых и трое из учеников профессора Кера, т.е. замена переводчиков-иностранцев русскими подданными была актуальной задачей для Коллегии [Михнева, 1985, с. 75]²².

Итальянский, на котором говорили в Стамбуле, был слишком упрощенным и отличался от венецианского диалекта, что облегчало его изучение. Стоит отметить, что несмотря на сложности жизни в Стамбуле и угрозы жизни местным служащим, османским

²⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1742 г. Д. 6/П. Л. 298–299.

²¹ Там же. Д. 6/П. Л. 293–294.

²² Там же. 1740 г. Д. 3. Л. 18; Д. 5. Л. 26; Д. 5/1. Л. 12 об. — 13; Ф. 90. 1739–1740 гг. Д. 125. Л. 52.

поданным, переводчики получали поддержку резидента. Он доносил в Коллегию о А. Пинии, ставшим главным переводчиком миссии: «Весь секрет в делах с Портою ведает и через (него) ежедневно турецким министрам представления делаются» [Михнева, 1985, с. 75]. В начале 30-х гг. XVIII века с целью подготовки переводчиков лично вице-канцлер А. Остерман пригласил в Россию известного востоковеда Г.Я. Кера. И если обучение начиналось в столице, то практика продолжалась в Стамбуле.

В 1741 г. А.И. Румянцев оставил в составе миссии приехавших с ним студентов Г.Я. Кера: С. Яковлева, П. Воронина, П. Щукина. В канун русско-турецкой войны первые ученики Кера окончили курс обучения [История, с. 65–66]²³. Я позволила себе ввести понятие – переводчик-востоковед. Дело в том, что среди корпуса дипломатических служащих в самой России и в зарубежных миссиях наблюдается тенденция карьерного роста рядовых переводчиков, а среди них появляются знатоки Востока, которые не только становились руководителями важных дипломатических миссий на Востоке, но и своими сочинениями и докладами вносили свой вклад в создании российской школы востоковедения (Н. Спафарий, Ф. Беневени, Ф. Сенюков, Н. Буйдий). Импульс развития карьеры каждого из них изначально был связан с Константинополем, который бесспорно создавал условия как для усовершенствования владения языками, так и для знакомства с исламской культурой Востока и восточного православия, и, что более важно для работников дипломатического ведомства, со сложным узлом международных отношений, центром которых в те годы была столица Османской империи [История, с. 35, 67; Михнева, 1992]. Нужно особо подчеркнуть, что отдельные переводчики владели не только турецким, но и персидским и арабским. В 1755 г., во время церемонии приема османского посланника императрицей, на турецкий переводил Василий Федорович Братишев, который к тому времени имел уже серьезный стаж работы в Персии и утвердил себя в качестве одного из лучших знатоков персидских дел [Агеева, с. 356]²⁴.

Работа переводчиков и канцеляристов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел на Босфоре в самом начале XVIII века была частью процесса становления постоянной дипломатической

²³ URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=711 (дата обращения: 03.05.2023).

²⁴ В сведениях о нем указано, что владеет арабским и персидским. С 1736 по 1745 гг. был в Персии сначала переводчиком, а потом и резидентом.

миссии России в Османской империи. В 1742 г. А. Вешняков подготовил для Коллегии специальный доклад «Об учениках и некоторых протчих служителях»²⁵. Заботы о служащих в миссии переводчиках проявлял и его наследник Адриан Неплюев, который отправлял сведения о них в реляции номер 15 от 5 июля 1746 г. Основные тенденции – кадровое обеспечение, обучение, участие в миссиях, участие в церемонии встречи иностранных послов и посланников, связи с местными жителями в столице на Босфоре, патернализм и пр. отчасти сохраняются с предыдущего периода, отчасти совершенствуются. К середине века можно наблюдать результаты общих усилий как Коллегии иностранных дел, так и руководителей миссии в Стамбуле. Отличительная черта политики создания корпуса дипломатов и переводчиков-востоковедов – преемственность. Дипломатическая переписка миссии ясно показывает, что и власти в Санкт-Петербурге, и резиденты на месте считали переводчиков важнейшей частью дипломатической жизни российских представительств за рубежом.

Литература

- Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012.
- Антропocen:* научные споры, реальные угрозы // Курьер ЮНЕСКО. 2018. № 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-spory-realnye-ugrozy> (дата обращения: 03.05.2023).
- Волокитина Т.В.* Визит Патриарха не способствовал уменьшению антироссийских настроений // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 109–112.
- Государева М.Ю.* Иван Иванович Неплюев – личность и деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010.
- Данциг Б.М.* Ближний Восток. Сборник. М., 1976.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века / под ред. Г.Ф. Ким, М.П. Шастико. М., 1990.
- Конишина Л.* 30–60 гг. XVIII в. Деятельность М.Г. Собакина. URL: <https://proza.ru/2015/09/11/1713> (дата обращения: 03.05.2023).
- Мейер М.С.* Н. Буйдий о деятельности европейских дипломатов на Босфоре в середине XVIII века // Французский ежегодник. 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 57–62.
- Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985.
- Михнева Р.* Землята изъвън «Времето». (Русия и Османската империя. Антропология на промяната, края на XVI – началото на XVIII в.). Варна, Славена, 2003.

²⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1742 г. Д. 8. Л. 271–272 (сведения А. Вешнякова «Об учениках и некоторых протчих служителях»); 1746 г. Д. 3. Л. 108–108 об., Л. 157–164 (сведения А.И. Неплюева о переводчиках посольства).

- Михнева Р.* Хранить доброе отношение к России после всего случившегося будет еще труднее // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 100–103.
- Михнева Р.* К вопросу о Русско-турецких отношениях после Белградского мира: 1739–1741 гг. (Чрезвычайное посольство в Турцию А.И. Румянцев-ва) // *Etudes balkaniques*. 1979. № 4. С. 91–107.
- Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. М., 1959.
- Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М, 2019.
- Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д., 2020.
- Amelicheva M.V.* The Russian Residency in Constantinople, 1700–1774: Russian-ottoman Diplomatic Encounters. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. Washington, D.C. March 1, 2016. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/552796/browse?value=Amelicheva%2C+Mariya+Vladimirovna&type=author> (дата обращения: 03.05.2023).
- Abbasbeyli E.* Eleonora Alcantara de Barbos, Sirpa Lehtonen, Tatiana Kaplun, Kimiko Monden-Bianchi. Le drogmanat dans l'Empire ottoman. aiiic.net. October 21. 2014. Accessed April 28. 2020.
- Braudel F.* *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVème-XVIIIème siècles*. URL: <https://www.melchior.fr/notion/economie-monde> (дата обращения: 3.05.2023).
- Garner G.* Fernand Braudel: Civilisation matérielle, Economie et Capitalisme trente ans après. Journée d'études, Leipzig, 2 octobre 2009 // *Revue de l'institut d'histoire en Allemagne*. 2010. № 2. P. 33–39.
- Hennings J.* Information and Confusion: Russian Resident Diplomacy and Peter A. Tolstoy's Arrival in the Ottoman Empire (1702–1703) // *The International History Review*. 2019. V. 41. N 5. P. 1003–1019. URL: <https://doi.org/10.1080/07075332.2018.1504225> (дата обращения: 06.05.2023).
- Tóth Fr.* Les drogman et autres experts au service des ambassades à Constantinople au XVIII siècle. St. Jeannesson, F. Jesné, E. Schnakenbourg (dir.) // *Experts et expertises en diplomatie. La mobilisation des compétences dans les relations internationales du congrès de Westphalie à la naissance de l'ONU*. Rennes, Presses universitaires de Rennes. Series: « Histoire », 2018. URL: <https://books.openedition.org/pur/167861?format=embed> (дата обращения: 03.05.2023).
- L'intelligence* artificielle va-t-elle faire disparaître le métier de traducteur? URL: <https://www.sooyoos.com/publication/lintelligence-artificielle-va-t-elle-faire-disparaitre-le-metier-de-traducteur/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Mihneva R.* De certains problemes de l'organisation du commerce entre la Russie et l'empire ottoman pendant la premiere moitie du XVIIIe s. et les commercants des pays balkaniques (D'apres des documents diplomatiques russes). // *Relations et influences reciproques entre grecs et bulgares – XVIIIe–XX siecle (Art et literature, linguistique, idees politiques et structures sociales)*. Thessaloniki, 1991. P. 331–341.
- Mihneva R.* L'empire ottoman au milieu du XVIIIe s. a travers les rapports d'un natif d'Arta (N. Boudi – traits de sa vie et de son activite) // *Etudes balkaniques*. 1992. № 3–4. С. 25–33.
- Pippidi A.* Hommes et idées du Sud Est européen à l'aube de l'âge moderne. Bucuresti-Paris, 1980.

Языки дипломатии в русско-османских отношениях XVI века

Вопрос об языке дипломатического общения между Московским государством и Османской империей далеко не такой праздный, как могло бы показаться на первый взгляд. Дело в том, что памятники переписки, вышедшие непосредственно из султанской канцелярии, в составе московских архивов за XVI в. не сохранились. Наиболее ранняя грамота из Константинополя, отложившаяся в РГАДА, относится к 1615 г. [Arşiv Belgeleriyle, 2015, с. 85]. В Османском архиве в Стамбуле сохранились только записи о грамотах в Реестрах важных дел, и то далеко не все, наиболее ранние восходят к 1564 и 1566 гг.¹ Следовательно, у нас нет прямых сведений, на каком языке велась переписка между монаршими дворами России и Османской империи. Однако ситуация не тупиковая. В посольских книгах, пусть и не везде, сохранились упоминания о языке переписки. Например, послание к султану от 30 августа 1492 г. было написано «русским письмом»².

Следующее упоминание о языке грамоты относится к 1513/14 г.; известно, что послание султана к Василию III было написано «татарским письмом»³. Впрочем, это упоминание фиксирует лишь то, что одна из грамот была составлена неким «татарским письмом», под которым я склонен понимать для того времени язык ордынской или крымской канцелярии, выполненной арабской графикой. Насколько этот язык соответствовал османскому без специального лингвистического исследования сказать трудно. Дело осложняется тем, что другая грамота написана явно на одном из славянских языков, причем с османским влиянием: «Писан мисеца лол 1, дан в лето Рожества 1513, у мис Цариграду»⁴. Более того, еще

¹ BOA. A. DVNS. MHM, № 6, hukum № 318. S. 148, hukum № 339. S. 157; BOA. A. DVNS. MHM, № 5, hukum № 1312.

² Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 162–163.

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 15 об.

⁴ Там же. Л. 14 об.

одна из грамот, привезенная этой миссией, была написана «сербским письмом», о чем есть прямое указание в посольской книге⁵.

Таким образом, грамоты, входившие в портфолио миссии 1513/14 г., были как минимум написаны на двух языках: «татарским» и «сербским» письмом, но ни разу османским. Интересно, что при московском дворе как рабочие языки рассматривали «татарский» и «русский», это отразилось в рассуждениях о том на каком языке должны были быть написаны шертные росписи⁶. В 1516 г. в Москву доставили грамоту от султана к Василию III. Она была написана «сербским письмом»⁷. Интересно, что «турское письмо» в посольской книге впервые фиксируется в 1527/28 г., но связано это было не с текстом вообще всей грамоты, а только с описанием колофона, указывавшего техническое авторство грамоты⁸.

Итак, мы можем аккуратно признать, что исходящие из османской канцелярии грамоты были написаны на нескольких языках: сербском и татарском, а вот османский язык исполнял служебную роль, но не являлся языком официального общения дворов. Остается вопрос: на каком языке составлялись послания из Москвы к османскому двору. Увы, об этом нет сведений в русских документах. Одно упоминание относится к концу XV столетия, и оно фиксирует, что послание было составлено на русском языке.

Еще одной особенностью русско-турецких отношений является почти полное отсутствие сведений о переводчиках письменной речи. При «османском деле» мы не встречаем, например, бакшеев, которые обслуживали отношения с татарскими государствами. Зато, особенно в первой трети XVI в., заметна роль греков-эмигрантов. Например, Юрий Дмитриевич Малый Траханиот участвовал не только в официальных церемониях встречи султанских послов, но и сам являлся получателем посланий. В принципе, удивляться нечему. Довольно часто послами в Москву султаны направляли этнических греков. О принадлежности к поздневизантийской аристократии точно известно в случае с такими дипломатами как Камал Феодорит, Искандер Сака и Адриан Халкокондил. Поэтому не исключено, что языком общения мог быть греческий. Однако, при общении с региональной османской администрацией греческий вряд ли использовался. Именно поэтому в посольских книгах фиксируются татары-толмачи, которые и осуществляли

⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 38 об. – 39.

⁷ Там же. Л. 87.

⁸ Там же. Л. 32 1об.: «Юнусов сын – Ибрагим паша».

коммуникацию между членами русских посольств и представителями османской власти на местах. Среди толмачей встречаются Федор Елболда, Онофрейка Калужанин, Васюк, Гаврилка Буд, а также знаменитые Кадыш и Девлет-Чар Рязанов. Известны нам и «салтановы толмачи»: Мустофа Драгман, Чебан, Мустофа, Ибрагим-бек.

В целом стоит признать, что коммуникация между русскими и османами выстраивалась по довольно сложной схеме. Посольские книги точно фиксируют использование трех языков: русского, татарского и сербского. Можно полагать, что использовался и греческий. Османский язык стал активно использоваться со второй половины XVI в., а вот использование его ранее представляется сомнительным. Устная же коммуникация осуществлялась на греческом и татарском; возможно использование какого-нибудь южнославянского языка, скорее всего сербского. Таким образом, для русско-османских отношений характерен языковой плюрализм. Это могло приводить к разным курьезам. Так, например, османы не всегда могли перевести царские послания, которые писались на русском языке. В частности, Иван Новосельцев подал грамоту султану Селиму, а на следующий день к нему на подворье пришел приставленный к русскому посольству толмач Ибрагим-бек. Выяснилось, что османские переводчики не могут перевести «имя вышнем кругу золотом иным письмом» (в русско-османской переписке практиковалось «украшение» посланий золотыми кругами, в которых писалось богословие и царское имя). Ибрагим предложил прочитать это подъячему, а Ибрагим бы на слух перевел и записал. Подьячий Посник Износков выполнил это требование. После этого Ибрагим-бек отвез окончательно переведенную грамоту Мехмеду Соколлу.

Завершая мое краткое сообщение, подведу итоги. В русско-османских отношениях далеко не сразу устоялся статус османского турецкого языка. Первоначально османская канцелярия использовала сербский язык и «татарское письмо», которое русские приказные деятели отличали от «турского письма». А вот русская сторона, напротив, сразу смогла зафиксировать положение русского языка как официального языка дипломатической переписки. Основным языком устной коммуникации в Османской империи для русских дипломатов стал татарский язык.

Литература

Arşiv Belgeleriyle Moskova – İstanbul İlişkileri Tarihi (XV–XVIII. Yüzyıl Başlangıcı) = Москва – Стамбул: История отношения в архивных документах (XV век – начало XVIII века). М.; Стамбул, 2015.

Голландские переводчики в Стамбуле Тейльсы и Россия: к истории неофициальных контактов в 1714–1720-х гг.

Известный российский дипломат П. П. Шафиров с 1711 по 1714 г. находился в Константинополе — формально в должности посла, а фактически на положении заложника [Серов, с. 79]. Здесь российскому дипломату оказывал услуги сотрудник голландского посольства переводчик Виллим Тейльс (ок. 1640–1725). По Прутскому и Константинопольским договорам Россия потеряла право иметь постоянное посольство в Константинополе. В этой связи кандидатура В. Тейльса («природной галанец и не заражен здешним воздухом») даже рассматривалась в качестве возможного дипломатического представителя России в Турции¹. Старший сын Тейльса, Гаспар, также служил переводчиком с голландского и активно помогал отцу и Шафирову. В этой же должности работал и второй сын Тейльса Николай. 9 июня 1712 г. Шафиров «склонил» Виллима и Николая Тейльсов «чтоб они служили его царскому величеству в проводывании всяких ведомостей и во остережении во всяких случаях» и пообещал выплачивать им по 800 левков в год [Базарова, с. 56]. Документы свидетельствуют, что с 25 июня 1712 г. отец и сын Тейльсы стали получать жалование от Петра I².

Российские дипломаты в Константинополе находились в постоянных контактах с семьей информаторов. Так, российскому дипломатическому представителю А. И. Дашкову в 1719 г. предписывалось «при дворе салтана турецкого разведывать о тамошних поведениих и намерениях прилежно чрез известных приятелей, а особливо чрез переводчика галанского посла Вилима Тейлса, с которым иметь ему добрую корреспонденцию и требовать от него, Вилима Тейлса, советов и наставлений во врученных ему, посланнику, де-

¹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова / Изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. Ч. 1. 1706–1713. СПб., 2011. С. 365; Ч. II. 1714. СПб., 2011. С. 168; Письма и бумаги Петра Великого. Т. XIII. Вып. 1. М., 1992. С. 420–421; Вып. 2. М., 2003. С. 358.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 21. Л. 1.

лех»³. Дашков, как явствует из его реляций в Петербург, постоянно консультировался с В. Тейльсом, который наставлял российского дипломата в его действиях при османском дворе («и Тейлс гораздо похвалил что я умыслил», «Ответ Тейлс хвалил гораздо»). С возрастом В. Тейльс дряхлел и становился для российской дипломатии все более бесполезным. 18 мая 1719 г. Дашков докладывал в Петербург, что его главный информатор «стал зело слаб в силе своей, и ничево не слышит, и к Порте не ходит, и для того... никто с ним тайных слов говорить не может, и разве он когда в случае даст какой совет по старому своему искусству здесь в делех»⁴. 22 сентября того же года дипломат сообщал, что «переводчик Тейлс в делах российских является бесполезен и для сына ево Николая манит царскому послу, и секретов в себе в интересах российских не содержит и при Порте делать ничего не может, остарел, и оглох, и протчая»⁵. В 1722 г. схожие сведения о переводчике передавал И.И. Неплюев, который писал, что В. Тейльс раньше «ко интересу российскому показал многие услуги... не жалея живота... а сейчас постарел»⁶. В последние годы жизни переводчика, скончавшегося в феврале 1725 г., российские дипломаты характеризовали его следующими словами: «Вилим Тейлс в глубокой старости, не слышит, не видит и ум имеет младенческой»⁷.

Отношения информаторов с российскими властями были весьма неровными и нередко способствовали возникновению конфликтных ситуаций. Так, в декабре 1718 г. Шафиров пенял Тейльсу, что «сын ваш (Николай. — А.М.) во время его пребывания в Вене, также и потом на конгрессе в протчих местех такой противной поступок ко интересам Его Царского Величества показал, о том мы немало удивились. Я о том к нему некоторым жестоким образом писал и о его невозблагодарении к Его Царскому Величеству напомнил, и он мне на то в непристойных терминах ответствовал, так что мне стыдно. Он мне пишет, что его служба за малые деньги, которые от нашего двора он получал, зело велика была, и хошет он те денги возвратить и Его Царскому Величеству более служить не желает... Я на то ему кратко ответствовал, что мы от него того не заслужили, я опасаясь, чтоб он нам при Порте какое предосуждение

³ НИОР РГБ. Ф. 404. Картон 1. Д. 16. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 3.

⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 17. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Там же. Л. 3 об.

не учинил... Я вас прошу того предостеречь и вашего сына как возможно паки склонить. Мы охотно ему все прошедшее простили»⁸. В 1719 г. Николай Тейльс вновь «явился в ынтересах российских противен и с отцом в ссоре»⁹.

В условиях этих неровных отношений с Виллимом и Николаем Тейльсами П.П. Шафиров обратил внимание на еще одного представителя этой семьи — Антония, третьего сына переводчика, который также стал оказывать услуги российской дипломатии. Антоний Тейльс появился на свет в Константинополе в 1689 г., обучался медицине в Падуе, где и получил диплом доктора медицины и философии. По словам Шафирова, Тейльс-младший показался ему «зело прилежным» и «искусным» и дипломат принял его в российскую службу доктором и отправил через Германию в Петербург, считая возможным «употребить его к армии в докторы». Еще одна причина отправки молодого врача в Россию заключалась в том, что этим действующим опытный дипломат Шафиров, по собственным словам, намеревался «обязать их (семейство Тейльсов. — *А.М.*) к лутчей верности, когда он (*А. Тейльс.* — *А.М.*) будет в его царского величества государстве»¹⁰. В начале апреля 1714 г. врач с прибыл в Вену, где, получив от российского посла в Австрии А.А. Матвеева 200 ефимков, отправился 16 июня через Ригу в Петербург. *А. Тейльс* был снабжен письмом к рижскому губернатору кн. П.А. Голицыну, где предписывалось, «чтобы он, господин губернатор, по приезде его, дохторове, туда без задержания всякого, дав ему подводы по подорожной, отпустил его до оной царствующей столицы». Пообщавшись с молодым доктором, Матвеев в послании к Шафирову негативно отозвался о человеческих качествах Тейльса: «Я и сумневаюся, что едва ли он поятен будет там (в России. — *А.М.*) фортуна приятну у нас сыскать по его чрезвычайному нраву и по поступкам, несходным с честию»¹¹. 24 августа 1714 г. Тейльс прибыл в Петербург и 19 сентября был определен на службу в Москву в Верхнюю аптеку к «физическим делам», где и стал работать доктором с жалованием 500 руб. в год¹². Здесь он несколько

⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 3. Л. 91 об. — 92.

⁹ Там же. 1714 г. Д. 17. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1714 г. Д. 5. Л. 1–1 об.; Пи Б.Т. XIII. Вып. 2. М., 2003. С. 359.

¹¹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Ч. II. 1714. СПб., 2011. С. 152, 237, 355.

¹² РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1714 г. Д. 17. Л. 4.

лет снимал жилье и лишь в 1719 г. по приказу Петра I получил дом мастера Ф.Ф. Чанчикова, располагавшийся «за Адмиралтейской канцелярией за Покровскими вороты в приходе у церкви Введения Пресвятыя Богородицы»¹³. Шафиров продолжал опекать медика, о котором регулярно сообщал и его отцу. Так, В. Тейльс в конце февраля 1715 г. писал вице-канцлеру: «Что сын мой дохтур изрядно себя ведет приятно мне было слышать, надлежит ему в том ревностно продолжать, ежели щастие свое сыскать желает и чрез свои службы оказать достойным быть милостивой протекции Вашего превосходительства»¹⁴.

Находясь в Москве, медик выполнял и особые поручения Коллегии иностранных дел. В 1722 г. в Москву приезжал младший сын В. Тейльса Иоганн «и просил о даче погодной отцу и ему определения». Деньги в размере 1 000 левков для пересылки в Константинополь были переданы А. Тельсу. 24 мая 1722 г. по царскому указу ему «на некоторую определенную в Константинополе секретную дачу» были выделены 1 833 руб.¹⁵ Надо полагать, эти деньги он должен был переслать своим родственникам в столицу Османской империи. Главным городовым врачом Москвы А. Тейльс проработал около 12 лет и 22 декабря 1726 г. был назначен доктором в Низовой корпус с жалованием 600 руб. в год, но 11 августа 1727 г. был уволен с этой службы и вернулся в Москву к прежней должности [Чистович, с. CLVIII]. Из других мероприятий, в которых Тейльс принимал участие, следует отметить факт оказания медицинской помощи некоторым лицам. Он лечил генерал-адъютанта В.И. Ржевского¹⁶; в августе 1726 г. занимался осмотром украинских казаков, которых, по свидетельству Я. Марковича, «смотрел вельми странным образом: приказывал всякому обнажиться и сам руками щупал»¹⁷.

Осенью 1730 г. в положении А. Тейльса произошли изменения. Именным указом императрицы Анны Иоанновны от 15 сентября 1730 г. руководитель Медицинской канцелярии архиатер И.Л. Блюментрост был снят с занимаемой должности. На его место назначили не одного руководителя, а группу медиков: доктора Н. Бидлоо, Г. Шоберт З. фан дер Гульст, А.Ф. Севасто и А. Тейльс,

¹³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1714 г. Д. 5. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1715 г. Д. 4. Л. 16–16 об.

¹⁵ Там же. 1714 г. Д. 17. Л. 3; Ф. 279. Оп. 1. Кн. 29. Л. 1907.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1891. С. 560.

¹⁷ Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. М., 1859. С. 190.

которым «по вся недели в Медицинскую Канцелярию собираться в учрежденные дни»¹⁸. В новом руководящем медициной органе Тейльс, видимо, пытался играть одну из главных ролей. По крайней мере, именно он 22 сентября того же года от имени этого собрания подал доношение «которым требуют, каким образом их собранию впред титуловатца»¹⁹. Вполне возможно, что с этого времени медик стал привлекаться и к лечению членов царской семьи, проживавших в те дни в Москве. Видимо, тогда же одной из пациенток Тейльса и стала царица Евдокия Федоровна, которой врач оказывал медицинскую помощь до последних дней ее жизни. Евдокия Федоровна скончалась 27 августа 1731 г. «в первом на десять часу по полуночи». По свидетельству А.А. Лопухина, управляющего канцелярией царицы, Евдокия Федоровна «до кончины, де, своей, была в памяти, и говорить перестала только за час или меньше до кончины, и тогда де приобщилась Святых Таин, и при самой де Ея Государыни кончине был отец Ея духовной, Андроничья монастыря Архимандрит Клеоник, да Доктор Тельс, который обнадеживал, что у ней, Государыни, пульс хорош; при том же были женские персоны и Новодевическая игуменья» [Дубровский, с. 22–23]. Впрочем, карьеру в качестве придворного медика Тейльс не сделал, т.к. вскоре после кончины его пациентки царский двор переехал в Петербург, а врач в последующие годы продолжал работать в основном в Москве.

1 мая 1735 г. Тейльс «за долговременную ево службу» был назначен руководителем госпиталя Москвы, т.к. Бидлоо к тому времени умер²⁰. В этой должности он продержался недолго, и уже в марте 1738 г. его назначили фельдмедиком в армию Миниха в Бессарабию [Алелеков А.Н. с. 167, 216]. Однако и на новом посту Тейльс долго не продержался и «при вступлении оной армии в кампанию для болезнующаго ево состояния при оставших от армии в пограничных гошпиталех болных оставлен в Переволочне» и здесь «впал в трудную болезнь»²¹. Известно, что в России он трудился до 1761 г. после чего окончательно ушел в отставку.

Переводчики Виллим и Николай Тейльсы не знали русского языка и работали на российское правительство не по основной специальности, а в качестве информаторов. Тем не менее, их де-

¹⁸ ПСЗ. Т. VIII. СПб., 1830. № 5620. С. 323–324.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 30. Кн. 1899. Л. 340.

²⁰ Там же. Оп. 7. Кн. 387. Л. 170 об. – 171.

²¹ Там же. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 16. Л. 789.

тельность способствовала включению России в систему международного обмена информацией. А. Тейльс, чья карьера в России сложилась не слишком удачно (надо полагать, во многом из-за последовавшей в начале 1720-х гг. опалы П.П. Шафирова, покровительствовавшего медику), принес стране большую пользу, укрепив связи клана Тейльсов с российской дипломатией.

Литература

- Алелеков А.Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907.
- Базарова Т.А.* Русские дипломаты при Османском дворе. Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. Исследование и тексты. СПб., 2016.
- Дубровский Н.* Последние годы жизни государыни царицы Евдокии Федоровны // ЧОИДР. 1865. Кн. 3. Смесь. С. 1–63.
- Серов Д.А.* Администрация Петра I. М., 2007.

Греческий толмач Посольского приказа Дмитрий Михайлов (Дрянов)

В первой половине XVII в. большинство греческих толмачей и переводчиков зачислялись в Посольский приказ из Иноземского, а их выезд в Россию был сопряжен с дипломатической миссией. Исключением не стал и Дмитрий Михайлов (Дрянов) [Беляков, с. 317; Гуськов, Шамин, с. 307], прибывший в Россию в конце 1633 г. с османским посольством Али-аги¹: «выехал на государево имя из Царя-города с турецким послом с Алеем Агою во 142 году. И остался на государево имя служить на вечную службу»². Османские дипломаты, двигавшиеся вместе с русским посольством Афанасия Прончищева и Тихона Бормосова, готовы были включить в свою миссию представителей греческого духовенства, а также желающих переселиться в Россию «гречан». Первоначально в списках мигрантов османского посольства указывалось лишь четыре человека, но вскоре их оказалось в два раза больше³. В каком качестве эти четыре человека присоединились к миссии Али-аги, как они скрывались все это время, остается неясным. Среди объявившихся иммигрантов был Михайлов (Дрянов)⁴. Следует отметить, что до поступления на должность толмача по отношению к нему использовалось фамильное прозвище Дрянов⁵.

Достигнув Москвы, в Посольском приказе иммигранты давали показания о себе: «Иван Лавренев, Семен Михайлов Морейские, Конон Иванов, Дмитриеи Михайлов Дрянов, Костентин Юрьев сказались служилые люди, жили во Царе- городе. И из Царя-города посланы были на службу в Мутьянскую землю да в Волоскую.

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1633 г. Д. 6.

² Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5. Л. 2.

³ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1633 г. Д. 6. Л. 309.

⁴ Там же. Л. 309; Ф. 52. Оп. 1. 1632 г. Д. 17. Л. 1; 1634 г. Д. 2. Л. 10; 1635 г. Д. 2. Л. 21; Ф. 396. Оп. 1. Д. 2251. Л. 1; Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 91.

⁵ В рассматриваемый период не менее трех «гречан» именовались Дмитриями Михайловыми. Идентифицировать будущего толмача позволяет поместно-денежный оклад и фамильное прозвище Дрянов.

И не хотя служить бусурманом выехали на государево имя»⁶. Позже социальное положение семьи записывалось преупределенно обобщенно: «а отец де иво был во Царе-городе служилои человек»⁷, а мотив мотив миграции он передавал как «выехал на царское имя служить государю верою и правдою»⁸.

Вся группа, приехавшая с посольством Али-аги, удостоилась царской аудиенции⁹. Подготовка к ней началась не позднее 29 декабря 1633 г.,¹⁰ а прием состоялся 4 января 1634 г. в Золотой палате¹¹. На торжественной церемонии «гречанам» объявили вознаграждение. Михайлова за принятие подданства одарили 11 руб., сороком куниц и сукном¹².

В Посольском приказе провели верстание. Неродовитому иммигранту назначили поместно-денежный оклад в 250 чети и 11 руб., поденный корм в 10 денег¹³. В период оформления русского подданства «греченин» вступил в брак с дочерью вдовы Марьи: «женился я, Митка, у вдовы у Степановской жены Марье на дочери ея»¹⁴. В 1635 г. Михайлов, как и его успевшие обзавестись семьями спутники, подготовил челобитную с просьбой о повышении поденного корма в связи с необходимостью содержать супругу. Он ссылаясь на имеющиеся прецеденты: «А которые наша братья женились и били челом государю на жены свои о корму о прибавке, и государь их пожаловал, твоему государеву указу велено прибавить по их челобитью»¹⁵. Прошение удовлетворили, поденный корм Михайлову увеличили: «Корму и з женою по 2 алтына по 2 деньги»¹⁶. В 1642 г. «греченин» сообщил подробности, рассказав, что его жена приходилась близкой родственницей другому иммигранту — Дементию Чернцову [Оборнева, с. 183–189]: «и женился он Дмитрей на Москве Посольского приказу у толмача у Дементья Чернцова на племяннице его родной»¹⁷. Дементий Чернцов выехал

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635. Д. 14. Л. 15–16.

⁷ Там же. 1632 г. Д. 17. Л. 1; Ф. 138. 1642 г. Д. 5. Л. 2.

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. Д. 2. Л. 19.

⁹ Там же. 1634 г. Д. 2. Л. 19.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2251. Л. 1.

¹¹ Там же. Оп. 2. Кн. 289. Л. 278 об. — 288 об.

¹² Там же. Оп. 1. № 2251. Л. 1; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 278 об. — 288 об.; Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. Д. 2. Л. 84; Ф. 52. Оп. 1. 1632 г. Д. 17. Л. 4.

¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. Д. 2. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5. Л. 2.

в Россию в конце 1629 г. с посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова [Опарина, 2020, с. 144–181] и был зачислен в Иноземский приказ. Уже через год Чернцова взяли в Посольский приказ в должности толмача¹⁸. В коллективной челобитной с его участием говорилось: «А на Руси у нас роду и племяни нету, oprичь царьской милости надеетца нам не на кого»¹⁹. Таким образом, Чернцов и Михайлов приехали холостыми и создали семьи уже в России. Очевидно, в родстве состояли их русские жены.

По завершении оформления подданства Дмитрия Михайлова Дрянова определили в службу. Иммигрантов посольства Али-аги, которым не удалось доказать высокий социальный статус на родине, отправили в Иноземский приказ 20 июня 1635 г.: «А служить им указано государеву службу с иноземцы вместе»²⁰. В их числе был и Михайлов. В военном ведомстве для иностранцев существовала особая «греческая» рота, созданная в преддверии Смоленской войны (1632–1634). Ко времени зачисления Михайлова боевые действия уже завершились, и основной задачей служивых иноземцев стала охрана южных границ России от набегов крымцев. Новых иммигрантов, пополнивших ряды «греческой» роты, направили в Тулу²¹. На следующий год «греченин» получил аналогичное поручение²². На смотре 1641 г. Михайлов продемонстрировал оружие: «На коне с саблею да с карабином», после чего вновь был назначен на тульскую службу²³. Поместный оклад Михайлова отмечен с небольшим повышением: 300 четей, неизменными остались денежный оклад и поденный корм²⁴. Очевидно, увеличение оклада на 50 четей стало наградой за некие заслуги. Плохая сохранность документов Иноземского приказа этого периода не позволяет с точностью проследить все его назначения. В челобитной 1642 г. он подчеркнул, что «был на государевых службах на Епифани, и на Ливнах, и на Туле и государю служил». Очевидно, за неизвестные нарушения его оклад понизили до 200 четей и 11 руб.²⁵ Не позднее 1641 г. воинам «греческой» роты во главе с ротмистром Юрием Трапезундским [Опарина, 2004, с. 54–73] выделили участок земли за

¹⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1630 г. Д. 3. Л. 4.

¹⁹ Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 617. Л. 19.

²⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 91; Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. Д. 2. Л. 21.

²¹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 91.

²² Там же. Кн. 49. Л. 107.

²³ Там же. Оп. 9. Стб. 848. Л. 375; Оп. 6. Стб. 139. Л. 423.

²⁴ Там же. Оп. 9. Стб. 848. Л. 18, 375.

²⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5. Л. 2.

пределами Москвы в Заяузые. В результате появилось компактное поселение – Греческая слобода [Шахова, с. 186–202]. На ее территории вместе со своими сослуживцами Михайлов обзавелся собственным домом: «И двор у него Дмитриеи свои за Яузскими вороты в Греческой слободе»²⁶.

В 1642 г. Дрянов решил сменить род деятельности, вероятно, используя родственные связи. Проведя семь лет в Иноземском приказе без продвижения по службе, он увидел перспективу в переводе в Посольский приказ. Михайлов подготовил челобитную. Из ее пересказа в Посольском приказе известно, что в прошении он кратко воспроизвел свою биографию, указал на родство с Дементием Чернцовым и перечислил поручения, выполненные в Иноземском приказе. Он знал о наличии вакантного места толмача, освободившемся после кончины Гурия Ахматова [Куненков, с. 449]. Об открывшейся возможности известить его мог Дементий Чернцов, с 1640 г. занявший должность греческого переводчика [Оборнева, с. 184]. При поступлении Дмитрия Михайлова на службу в Посольский приказ потребовалось участие «знатцев», что было уникально. Обычно «знатцы» были необходимы лишь при оформлении подданства. Но в этот раз благонадежность челобитчика пришлось засвидетельствовать при переводе в другое ведомство. В Посольский приказ был вызван из Иноземского непосредственный начальник Михайлова ротмистр Юрий Трапезундский, а также московский дворянин Петр Иванов Волошенин, ведавший в Посольском приказе²⁷ и установивший тесные контакты с Трапезундским. Оба «греческих» иммигранта были единогласны в оценке земляка. Они гарантировали лояльность и добросовестность Михайлова: «А знатцы на него выезжей иноземцы волошенин Петр Иванов да ротмистр Юрья Трапезонской сказали про него, что он человек доброй и ко безделью ни х какому не приставаает. А к той своей скаске руки свои приложили»²⁸. Таким образом, переход в Посольский приказ Михайлова произошел при полном одобрении руководства.

Но любому претенденту на должность в Посольском приказе необходимо было доказать свой профессионализм [Оборнева, с. 61–69]. Экзамен на знание греческого языка провел переводчик Иван Боярчиков [Оборнева, с. 168–177]. Впоследствии оппонен-

²⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5. Л. 2.

²⁷ Там же. 1644 г. Д. 1. Л. 435.

²⁸ Там же. 1642 г. Д. 5. Л. 2 об.

ты Трапезундского утверждали, что Боярчиков приходился кумом Петру Волошенинову, а также был его «хлебоежцем», «пил и ел заодно». В силу ли знакомства с Трапезундским, Волошениным и Чернцовым, или абсолютно объективно, Боярчиков вынес положительное решение о владении Михайловым родным языком: «А греческой переводчик Иван Боярчиков про него Дмитрея сказал, что он по-гречески с ним говорил и языка ево слушал. И тот де Дмитрей по-гречески говорить умеет достаточно», в чем и расписался²⁹. 19 мая 1642 г. Михайлова зачислили в Посольский приказ на должность толмача³⁰ с сохранением прежнего поместно-денежного оклада в 200 чети и 11 руб. Эта информация регулярно воспроизводилась в качестве примера для вновь поступающих толмачей: «Во 150-м году взят в Посольской приказ из Ыноземского приказу в греческие толмачи греченин Дмитрей Михайлов. А государева жалованья поместной и денежной оклад учинен ему тот же, что был в Ыноземском приказе: поместной 200 чети, денег 11 рублей, поденного корму указано ему то же, почему ему дано в Ыноземском приказе по 2 алтына по 2 деньги на день»³¹.

За оказанную протекцию Юрий Трапезундский и Петр Волошенин требовали от новоиспеченного толмача выполнения всех своих требований. Сразу после зачисления в Посольский приказ Михайлов стал невольным участником конфликта двух родов «греческого» землячества: Алибеевых-Макидонских и Альбертусов-Далмацких [Опарина, 2018, с. 170–176]. Последних поддерживал ротмистр Юрий Трапезундский. Вместе с другими сторонниками Альбертусов-Далмацких, Петром Волошениновым и Остафием Власьевым, он задумал подготовить коллективную челобитную в защиту интересов Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Для исполнения своей цели ротмистр использовал положение, заставляя подчиненных поставить подпись. Михайлов уже покинул «греческую» роту, тем не менее, оказался одним из объектов давления Трапезундского. Бывший руководитель, покровитель и близкий сосед по Греческой слободе со своими сподвижниками приложили немало усилий, настойчиво принуждая Михайлова расписаться на чистых листах: «И греческой рохмистр Юрья Тропезонский да Остафеи Иванов сын Власов да Петр Волошенин учели мне гово-

²⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 3, 34, 184; Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5. Л. 3 об.

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ Там же. 1643 г. Д. 2. Л. 40; 1649 г. Д. 1. Л. 42–43, Л. 153; 1650 г. Д. 1. Л. 42–43.

речь добром и лихом, чтоб я приложил руку к челобитной на порожнем столбце. А сказывали мне, что в том столбце будет челобитная, а неведомо о чем. И я от них обегал здесь в городе и в слободе». Сторонникам Альбертусов-Далмацких не удалось заставить Михайлова присоединиться к коллективной челобитной, превратившейся вскоре в извет против Алибеевых-Макидонских. Однако у толмача появились обоснованные опасения относительно фальсификации его подписи. Началось расследование извета, и в этой ситуации он решил предусмотрительно подготовить собственную явочную челобитную: «И Остафеи Власов приложил руку в мое место за очи не по моему велению, будто ся я знаю тех дву братьев, что оне не княженецкова роду. А я, государь, их не знаю»³². Документ Михайлов лично отдал непосредственному руководителю — главе Посольского приказа Федору Федоровичу Лихачеву. Но, как выяснилось в ходе следствия, подписи толмача под изветом не было.

Михайлов избежал разбирательств и очных ставок, а ротмистра Юрия Трапезундского сослали в Сибирь [Опарина, 2017, с. 171–197]. Весь период расследования и по его окончании он благополучно продолжал службу в Посольском приказе³³. В 1649 г. вместе с другими переводчиками и толмачами Посольского приказа Михайлов удостоился торжественной церемонии по случаю Пасхи: «В нынешнем во 158-м году апреля в 16 день на Светлой неделе во вторник были у государя... у руки Посолского приказу розных языков переводчики и толмачи всего четырнадцать человек». Михайлову позволили видеть царя во время богослужения: рядом с его именем стоит помета «был в соборе»³⁴.

Известно о поручениях Михайлова в Посольском приказе. В 1658 г. его вместе с толмачом Николаем Сидоровым Костюрским [Беляков, с. 308; Гуськов, Шамин, с. 295] отправили сопровождать до Казани кахетинского царя Теймураза I: «по государеву указу велено тем толмачом быть в провожатых з грузинским царем». Оба толмача получили «на подъем» сумму в размере денежного оклада. Соответственно, Михайлову выдали 11 руб.³⁵

В 1667 г. Михайлов выполнил важное задание. Вместе с Николаем Костюрским его включили в состав русского посольства

³² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 34.

³³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 12, 40; Д. 3. Л. 17; Д. 4. Л. 7; 1644 г. Д. 1. Л. 12; 1645 г. Д. 5. Л. 46.

³⁴ Там же. 1649 г. Д. 1. Л. 90, 91.

³⁵ Там же. 1658 г. Д. 7. Л. 3.

в Османскую империю, возглавлявшегося Афанасием Нестеровым и Иваном Вахромеевым³⁶. Членам готовящейся миссии выдали суммы на год в соответствии с их денежными окладами, Михайлову назначали 11 руб., а также на два года и «на подъем» 44 руб. В коллективной челобитной сотрудники Посольского приказа попросили дополнительно предоставить им меха, что и было одобрено: толмачам выдали по паре соборей за 3 руб. на шапки и по отрезу сукна для изготовления кафтанов. Имущество и необходимый провиант везли на подводах: толмачам выделили по две подводы на человека³⁷.

Посольство столкнулось с огромными трудностями уже на пути в Константинополь. В Азове русской миссии не предоставили кораблей для достижения Кафы, отправив посольство сухопутным путем. В Кафе часть имущества уничтожили³⁸, а оставшиеся вещи отправили на хранение в Азов: «Всякую нашу рухлядь и платья, и запасы всякие озовцы хотели положить и весь в коровли... но... той нашей рухледи и запасов ничего в каравль не положили, и отвезли назад в Озов». Добравшись до Константинополя, русские послы узнали об отсутствии султана в столице. Мехмед IV находился в Адрианополе, куда было предложено отправиться и русской миссии. Сложные и долгие переговоры не позволили послам вернуться в изначально предполагаемое время, посольство пробыло в Османской империи полтора года. По возвращении на родину члены миссии не обнаружили в Азове оставленных вещей: «И без нас во Озове все без остатку пропало, а как пришли назад в Озов и о той своеи рухледи, и о платье, и о запасах паше об сукнах били челом... нам в том отказали и ничего не сыскали». Финансовые потери Дмитрий Михайлов оценил в 40 руб., компенсировали ему лишь 5 руб. Но сама «царегородская посылка» была высоко оценена властями, членов посольства наградили. Дмитрию Михайлову повысили оклад на 100 четей: «Дмитрию поместного и денежного 100 чети. А прежней ему оклад поместной 200 чети, да за денежной оклад за 11 рублей и за поденной корм испомешен»; дополнительно выдали два отреза сукна³⁹.

Увеличение поместного оклада создавало для Михайлова потенциальную возможность расширить земельные владения. За время

³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1667 г. Д. 1; Д. 2. Ч. 1–2. Л. 33.

³⁷ Там же. 1667 г. Д. 1. Л. 13, 39, 40, 47, 48, 70а, 71.

³⁸ Там же. Л. 15; Д. 10. Л. 32, 36.

³⁹ Там же. Ф. 150. 1670 г. Д. 376. Ч. 1. Л. 12, 14, 67, 124–126 об.

службы толмач обзавелся поместьями. Имея скромный поденный корм 2 алтына 2 деньги на день, он променял его на земельные владения: «и за поденной корм испомешен»; «а государева жалованья годового и поденного корму мне не идет ни по единой деньги: служу государю с поместьеца»⁴⁰. Оклад обусловил и размеры поместий, которые, как выяснилось были еще и малонаселенными или даже безлюдными. В 1662 г. он сообщал: «Служу... государю в Посольском приказе в толмачах лет з 20 и больши... без... государева жалованья и без корму, с одного поместьеца. А то мое поместьеца небольшое на худой земли, а иное лежит в пуге». Его владения располагались в Вологодском и Костромском уездах: «И то поместьеца вдали на Костроме и на Вологде»⁴¹. В период финансового кризиса, вызванного введением медных денег и последовавшим повышением цен, служащим Посольского приказа выдавали деньги для компенсации потерь. Михайлова отнесли к категории «пустопоместных», и в 1661 г. он получил 10 руб. В 1662 г. ему назначили 5 руб., что толмач оспорил, и ему добавили еще 2 руб.⁴²

От бедного помещика бежали крестьяне. В 1658/59 г. из его вологодского поместья деревни Великая Маслетинской волости ушел крестьянин Василий Иванов. В 1673 г. Михайлов обнаружил беглеца в дворцовом селе Измайлове. Хозяин подал челобитную с просьбой вернуть ему собственность, и Василия Иванова вызвали на допрос. Тот не скрывал, что принадлежал толмачу: «жил де он Васка в Вологодцком уезде в Маслютинской волости в деревне Великого во крестьянех. И родился в той же деревне Посольского приказу за толмачом за Дмитрием Михайловым». Повзрослев, крестьянин покинул хозяина: «И как де были первые литовские службы, и в то время ис тое деревни от того толмача от Дмитрея Михайлова он, Васка, сбегал и был в бегах годы с три»⁴³. Очевидно, количество дворов в поместье толмача не превышало десяти, в результате чего Михайлов освобождался от предоставления даточных людей. Василий Иванов, напротив, надеялся проявить себя на военной службе. Он ушел к другому костромскому помещику – Викентию Бедареву, семья которого располагала значительным количеством земель

⁴⁰ РГАДА. Ф. 150. 1670 г. Д. 376. Ч. 1. Л. 67; 1658 г. Д. 7. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 1; 1662 г. Д. 10. Л. 115; 1662 г. Д. 10. Л. 115.

⁴² Там же. 1661 г. Д. 2. Л. 78; 1662 г. Д. 10. Л. 118, 121.

⁴³ Там же. 1673 г. Д. 5. Л. 151, 156.

в Вологодском уезде⁴⁴, и, соответственно, предоставляла даточных людей. Василий Иванов добился своей цели: «И в прошлом де во 167 году, как брали с помещиков со всяких чинов людей даточных в салдацкую службу и в то де время, будучи он Васка в бегах, и нанялся в той же Маслетинской волости у костромитина у Векентья Бедарева в деревни ево Исакове у крестьян ево в датошные». Выяснив все обстоятельства, беглого крестьянина оставили на дворцовой службе, компенсировав хозяину финансовые потери за утрату собственности. Михайлову выплатили 15 рублей⁴⁵.

Занятый непрерывной службой в Посольском приказе, толмач редко мог отлучиться из Москвы. Он сетовал: «И то поместьеца вдали на Костроме и на Вологде. А в поместьеце... во отпуску не бывал два годы»⁴⁶. Редкие поездки хозяина не давали ему возможности тщательно присматривать за поместьями и порождали безнаказанность соседей. В 1652 г. произошел конфликт: хозяин сопредельного поместья — несовершеннолетний сын татарского, турецкого и греческого толмача Павла Сагалаева [Беляков, с. 328; Куненков, с. 481], унаследовал наделы после кончины отца в 1646/47 г. Карпу Сагалаеву принадлежали половина села Иевлева в Чижовом стане и половина деревни Шульгино. Очевидно, остальные части села и деревни являлись собственностью Михайлова. Юноша плохо управлялся со своими крестьянами. Два брата — Герасим и Григорий Яковлевы, нарушили границы и напали на крестьян Михайлова — Ивана Власова и Меркула Иванова. Они избили и ограбили соседских крестьян: «насильством подсекли городьбы около хлеба моего и потравили животиною хлеба на двух десятинах. Да оне убили у меня свинью супоросу да борова кормного и многую скотину у крестьянишек моих побивают». Толмач просил провести расследование, оценив убытки в 25 руб.: «А грабежем... оне взяли с крестьянишек моих и хлеба животиною своего потравили и скоту побили на 25 рублей с полтиною». Толмач неоднократно страдал от посягательств на его имущество, которое «двожды крали». В жизни Михайлова случались и другие несчастья. Пожар в Греческой слободе уничтожил его дом: «А на Москве... погорел без остатку»⁴⁷.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10971. Л. 1, 24 об., 27 об., 29 об., 34 об. 37, 182 об., 276 об., 296, 297 об., 304, 315, 358, 359, 416, 432, 434 об., 439 об., 446.

⁴⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 151–152, 154, 156–157.

⁴⁶ Там же. 1658 г. Д. 7. Л. 1.

⁴⁷ Там же. 1652 г. Д. 3. Л. 113; 1658 г. Д. 7. Л. 1.

В буднях посольской службы, попытках сохранить имущество, конфликтах с соседями-помещиками протекала жизнь толмача. В Посольском приказе Михайлов находился до конца своих дней. 6 февраля 1677 г. он был отставлен за старостью⁴⁸, «для прокомления» ему назначили небольшую сумму. В 1678 г. в Посольском приказе узнавали о размере его поместного оклада⁴⁹, после чего его имя пропадает из источников.

Литература

- Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. М., 2017.
- Гуськов А. Г. Шамин С. М.* Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в. персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 278–317.
- Куненков Б. А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, дело-производство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Оборнева З. Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.
- Опарина Т. А.* Переселение «греков» в Россию: посольство Семена Яковлева и Петра Евдокимова (1628–1630) // Каптеревские чтения-18. М., 2020. С. 144–181.
- Опарина Т. А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2004. С. 54–73.
- Опарина Т. А.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.
- Опарина Т. А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. М., 2018. С. 170–176.
- Шахова А. Д.* Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 186–202.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. 1658 г. Кн. 19. Л. 47 об.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 76–77.

«Сия книга преводу и писма иеромонаха Симеона Полоцкаго»: письменные переводы Симеона Полоцкого в контексте русской культурной ситуации второй половины XVII в.

И известного поэта и проповедника, просветителя и воспитателя царских детей, первого профессионального литератора XVII столетия Симеона Полоцкого (1629–1680) практически никогда не называют переводчиком: переведенных им текстов сохранилось совсем немного и они, за редким исключением, не попадали в поле зрения исследователей. В недавней обобщающей работе о переводчиках его имя упомянуто лишь во введении [Переводчики..., с. 13]. И действительно: объемное и разнообразное литературное наследие знатока польского и латинского языков Симеона Полоцкого переводами как будто бы не богато. Перу Симеона принадлежит перевод «De cura pastoralis» Григория Двоеслова, несколько переводных полемических бесед-трактатов против иудаизма и ислама, которые еще ждут своего исследователя; пространный катехизис, переведенный с «Praxis Catechistica» Жака Маршана, и, наконец, ряд сочинений, написанных Паисием Лигаридом и переведенных Симеоном с латинского на церковнославянский язык. И только катехизису и двум антиисламским беседам посвящены отдельные работы [Арапов, с. 89–91; Корзо, 2008, с. 111–113].

Обращает на себя и выбор текстов, их разнородность и «не-программность» – среди переводов нет библейских книг и «отеческих» сочинений. Объяснение этому следует искать как в самом переходном характере (от Средневековья к Новому времени) русской литературы и, шире, письменности второй половины XVII в., так и в той роли, которую личность и творчество Симеона сыграли в этом литературном процессе. С. Матхаузерова описала существование двух диаметрально «противоположных концепций текста» и перевода, которые сформировались ко времени раскола [Матхаузерова, с. 273–278]. Свойственное старообрядцам неконвенциональное восприятие языка (и языкового знака) предполагало, что «слово само по себе... равняется

обозначаемой субстанции, предмету» [Матхаузерова, с. 273], тогда как для Симеона языковой знак конвенционален, что делает возможным «рационалистическое» и метафорическое восприятие знака, дает свободу для интерпретации текста и предполагает существование нескольких возможных прочтений [Успенский, с. 114–115].

То же справедливо и к тому, как Симеон сам относился к переводу и переводческой деятельности: для него это не «высокое назначение», а такой же труд, как и другие литературные занятия, труд богоугодный, но доступный каждому. Симеон сам принимает решение о переводе и сам же выбирает тексты (в отличие от московских книжников). В языковом отношении Симеон выступает как сторонник эквивалентного перевода («перевода-компенсации»), который дает ему свободу в работе с текстом, позволяя достичь перевода, согласующегося с оригиналом и в «разуме», и в «речениях» [Матхаузерова, с. 274–278].

Именно с эти связаны и «не-программность» и разнородность переведенных Симеоном текстов, и отсутствие у него крупных переводческих проектов в «московском стиле», и, что самое важное, и отношение Симеона к переводному тексту как неотъемлемой составляющей литературной деятельности. Как отмечал С.И. Николаев, для Симеона перевод не выступал «как вид творчества», но играл скорее инспирирующую роль [Николаев, с. 24–25]: так, переводные тексты или нарративы (в самом широком понимании – от пространной проповеди до небольшой цитаты) становятся органической составляющей многих (если не большинства) сочинений Симеона, от стихотворений до проповедей.

В этой работе мы сосредоточимся на письменных переводах Симеона Полоцкого; о его устной переводческой деятельности – «толмачестве» «латыни» Паисия Лигарида – на церковном соборе 1666–1667 гг. см.: [Лаврентьев, Преображенская, 2021, с. 83–89; Лаврентьев, Преображенская, 2020, с. 758–759].

Все переводческое наследие Симеона можно условно разделить на три неравные (и – на данном этапе нашей работы – несколько разнородные) группы: первую составляют переводы в собственном смысле этого слова (в том значении, в каком перевод понимается сейчас); во вторую попадают различные переводы-переделки – это и переводы-адаптации, и стихотворные переложения; наконец, третью, самую обширную, группу составляют разного рода переводные элементы, включенные Симеоном в собственные сочине-

ния – это переводные элементы текстовой структуры, переводные прилоги (*exempla*), переводные цитаты.

Перевод «*De cura pastoralis*» («Книги о пастырском попечении») Григория Двоеслова (папы Римского Григория I, почитавшегося Православной церковью [Лосева, с. 289]) подготовлен в 1671 г. за несколько месяцев, с 16 января до 5 апреля. Он предназначался Симеоном «во ползу пастырей словеснаго стада хва» [Горский, Невоструев, 1859, с. 246]. Три списка «Книги о пастырском попечении» хранятся в ГИМ¹ и еще три – в Архангельске и Великом Устюге [Викторов, с. 22; Румовский, с. 40; Степановский, с. 469]. Один экземпляр имелся и в библиотеке Ростовского архиерейского дома [Синицына, с. 82].

Шесть переводных бесед-трактатов (беловые и черновые списки²) [Горский, Невоструев, с. 233] датируются по преимуществу 1677 г. и включают в себя следующие сочинения:

1) «Бесѣда 1 преизрядныя вопросы содержащая, словопрения иудейская неверием исполненная, верою православнокафолическою чрез ответы обличающая» (Горский и Невоструев отмечают, что в рукописи ГИМ ОР. Син. собр. № 289 Сильвестр Медведев прямо называет этот текст переводом) [Горский, Невоструев, с. 233];

2) «Бесѣда 2, содержащая задания нѣкоего иудея противу Хрѣсту Гду изъ словесъ евълскихъ, и отвѣты хрѣтианския»;

3) «Книга Петра Алфонса родомъ евреина, но обратившагося ко Ху Гду. и писавшаго противу иудеомъ. изъ языка латинскаго преведеная на словенский»;

4) «Тогожде Петра Алфонса, о законе сарацинстем». Этот текст, как и предыдущий, является, по-видимому, выдержками из «*Dialogi contra Iudaeos*» Петра Альфонса [Горский, Невоструев, с. 234]. Об этой беседе см. подробнее: [Арапов, с. 89–91];

5) «Ино Сказание о Махомете, и о его беззаконном законе взятое изъ книги именуемая зеркало историческое Викентия Бургундия еѣпа бельвовакенсакаго. Преведесея изъ языка латинскаго на славенский». Эта беседа является переводом главы из «*Speculum Historiale*» Викентия из Бовэ [Арапов, с. 89; Корзо, 2011, с. 12]. Об этой беседе см. подробнее: [Арапов, с. 89–91];

¹ ГИМ ОР. Син. собр. № 381, 662, 663.

² Там же. № 289, 363, 660.

б) «Соборъ и суда изречение от невѣрныхъ иудей на Ийса назарея искупителя мира».

Пространный катехизис Симеона Полоцкого представляет собой перевод (практически в полном объеме [Корзо, 2008, с. 110; Корзо, 2011, с. 32]) сочинения «Praxis Catechistica» бельгийского богослова Жака Маршана [Корзо, 2008, с. 111–113]. В приложении к катехизису Симеон поместил перевод еще одного сочинения Маршана, «Summarium resolutionum pastoralium» [Корзо, 2011, с. 24].

Только одно стихотворение из многочисленной виршей поэта можно обозначить как переводное: это «Песнь... о прелести мира», помещенная в «Рифмологионе» [Николаев, с. 22–23]. Как это ни странно, но профессиональные литераторы XVII в., в том числе и Симеон, практически не делали стихотворных переводов с польского языка [Николаев, с. 22].

Наконец, Симеон перевел с латинского несколько сочинений газского митрополита Паисия Лигарида, участвовавшего в церковном соборе 1666–1667 гг.:

1) Опровержение челобитной Никиты, составленное Паисием Лигаридом [Татарский, с. 76]. Этот перевод содержится в сборнике РГБ³. Видимо, именно об этом опровержении говорит в своей «Истории о низложении патриарха Никона» Паисий Лигарид, когда пишет, имея ввиду книгу «Жезл правления» Симеона, что тот просто перевел его сочинение [Palmer, p. 430, note 18];

2) «Назменования или наблюдения из различных соборов о обычаи, его же употребляху св. отцы в синодотворении, от смиреннаго митрополита Газского Паисии собранная»⁴;

3) «Поучение или беседа увещательная» на Рождество Христово⁵.

Все переводы были опубликованы Н. Субботиным в 9-м томе «Материалов по истории раскола» [Субботин, 1895].

Целый ряд «слов» из гомилетического сборника «Обед душевный» (издан в Верхней типографии в 1681 г.) Симеона – это переводы проповедей из второго тома «Concionum Opus Tripartitum» иезуитского священника и проповедника Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1587–1663). Так, среди обнаруженных нами проповедей, которые Симеон перевел полностью или почти полностью:

³ РГБ. НИОР. Ф. 173.1. № 68. Л. 3–62.

⁴ Там же. Л. 63–67.

⁵ Там же. Л. 70–73.

– «Слово 1, в неделю 11, по сошествии Святого Духа»⁶ – *Concio II Dominica 21 post Pentecosten, Concio* [Faber, s. 1128 и далее];

– «Слово 1, в неделю 15, по сошествии Святого Духа»⁷ – *Dominica 18 Post Pentecosten, Concio 2* [Faber, s. 990 и далее];

– «Слово 1, в неделю 18, по сошествии Святого Духа»⁸ – *Dominica IV post Pentecosten, Concio X* [Faber, s. 537 и далее]» и т.д. (см. подробнее: [Преображенская, 2019, с. 166–178]).

Эти тексты были выбраны для перевода неслучайно: латинские проповеди Фабера, переведенные Симеоном, наиболее близки к гомилиям, т.е. поучениям, основная цель которых – толкование и объяснение Священного Писания.

Еще больше проповедей из «Обеда» представляют собой тексты компилятивного характера, которые могут дать богатый материал для исследования переводческих стратегий Симеона. Из некоторых поучений Фабера Симеон заимствовал только структуру, например, перечни или опорные цитаты, на которых выстраивал собственное повествование. Так, «Слово 1, в неделю 15, по сошествии Святого Духа» строится вокруг перечня благодатей, которыми Господь оделил человека. Сам список благодатей был заимствован Симеоном у Фабера, а остальной текст проповеди – авторский.

К переводам-адаптациям, переводам-переделкам, выполненным Симеоном, можно отнести также и компендиум «Венец веры», представляющий собой перевод и переделку первой части компендиума Жака Маршана «*Hortus pastorum*» [Корзо, 2011]. Нельзя назвать «переводом» в прямом смысле слова и подготовленное Симеоном в 1678 г. за рекордно короткий срок (менее чем за два месяца, с 4 февраля по 28 марта) стихотворное переложение Псалтыри. В качестве причин, побудивших его к этому непростому делу, Симеон называет три, перечисляя их в предисловии к «Псалтыри рифмотворной»: во-первых, он узнал из писаний восточных и западных Отцов Церкви, что на еврейском языке псалмы были написаны стихами; во-вторых, Симеону случалось видеть «псалтырь стихотворно преведенную»⁹ на латинском, греческом и поль-

⁶ *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М.: Верхняя типография, 1681. Л. 233–239.

⁷ Там же. Л. 283 об. – 289.

⁸ Там же. Л. 319–325.

⁹ *Симеон Полоцкий*. Псалтырь рифмотворная. М.: Верхняя типография, 1680. Л. 5. – РГБ. МК Кир. 2°.

ском языке; и в-третьих, многие в России полюбили пение стихотворных псалмов на польском языке, которого понимали мало или совсем не понимали, для этого и потребовалось переложение псалмов на церковнославянский язык. Патриарх Иоаким полагал, что Симеон «или с полскихъ книгъ... или готовую превед от Яна нѣкоего Кохановскаго» [Цит. по: Горский, Невоструев 1862, с. 435], и эта точка зрения закрепились в историографии на многие годы (зависимость «Псалтири» Симеона от сочинения Яна Кохановского во многом преувеличена, см.: [Николаев, с. 25–26]).

Так называемая «Практическая риторика» 1646 г. (краткий трактат «Commendatio brevis Poeticae») в записи Симеона¹⁰, составленная на польском и латинском языках и являющаяся компиляцией части трактата Сарбевского «De acuto et arguto» [Сазонова, 2013, с. 32], была впоследствии переложена Симеоном на «славянский» язык и превратилась в «Книгу приветств на господския и на иныя праздники и иныя речи разныя»¹¹ [Сазонова, 2006, с. 160–161].

В ту же группу попадает и цикл «День и ночь» из «Вертограда многоцветного», который представляет собой вариацию на тему польского стихотворения «Cztery części dnia» [Николаев, с. 28].

Наконец, многие стихотворения из «Вертограда многоцветного» также восходят или к уже упомянутому нами сборнику проповедей Фабера, или к сборнику проповедей немецкого проповедника Иоганна Меффрета (J. Meffret), или к «Magnum speculum exemplorum», или к «Hortus pastorum» Маршана [Hippisley, p. liv–lv]. Как отмечал А. Hippisley, иногда Симеон суммировал содержание целой проповеди (Фабера или Меффрета) в достаточно объемном стихотворении, а иногда выстраивал стихотворение вокруг одного прилога или фрагмента, заимствованного из поучений европейских проповедников.

Среди небольших переводных элементов, встречающихся в проповедях Симеона, особого внимания заслуживают переводные цитаты, как библейские, так и заимствованные из сочинений Отцов Церкви. Еще И.А. Татарский отмечал, что «особенно в проповедях Симеон имел странное обыкновение пользоваться латинской и даже польской библией» [Татарский, с. 179; см. также: Флоровский, с. 105]. Цитаты из Священного Писания, которые мы находим в проповедях из «Обеда душевного», часто говорят о том,

¹⁰ РГАДА. Ф. 381. Д. 1791. Л. 9–16.

¹¹ ГИМ. ОР. Син. собр. № 229.

что Симеон, без сомнения имея перед глазами текст Московской Библии 1663 г., использовал Библию Вуйка и Вульгату как образцы, согласно которым корректировал исходный церковнославянский текст, выбирая из польско-латинских текстовых моделей то, что, на его взгляд, было применимо к церковнославянскому языку (подробнее об использовании Симеоном польского и латинского переводов Библии см.: [Преображенская, 2018]). Перспективным представляется дальнейшее исследование принципов работы Симеона с польским и латинским переводами Библии с привлечением корпуса библейских цитат не только из «Обеда душевного», но и из других сочинений (например, из «Вечери душевной»).

Особенно любопытны случаи, когда Симеон сам указывает наличие разных переводов библейского текста или предлагает собственный перевод библейских стихов. Так, в проповедях из «Вечери душевной» чаще других подвергаются переводческой правке цитаты из книги Иов, церковнославянский перевод которой в целом не очень понятен [Юнгеров, с. 5–6]. Симеон или предлагает читателю/слушателю оба перевода, причем перевод стиха с латинского языка уточняет церковнославянскую версию («съ праведнымъ Иовомъ г҃лаше: отступи от мене, тще бо житие мое (Иов: 7). [или по иному переводу] ничто бо суть дние мои»¹²; ср. с «paree mihi, nihil enim sunt dies mei»¹³), или заменяет церковнославянский текст собственным переводом с латыни (темный в церковнославянском переводе стих Иов 20:5 Симеон заменил на собственный перевод того же стиха из Вульгаты: «Софаръ же минеинъ въ бесѣдѣ си ко Иову првдному, краткость славы беззаконныхъ изъявляеть сице, *по преводу Иеронимову*: Слава нечестивыхъ кратка есть, веселие же лицемѣрныхъ яко мгновение ока (иовъ: 20.)»¹⁴, ср. с: «Веселие бо нечестивыхъ падение силу иматъ, обрадование же беззаконникъ пагуба»¹⁵ и «Quod laus impiorum brevis sit, et gaudium hypocritae adinstar puncti»¹⁶).

Как минимум один из сделанных Симеоном переводов не дошел до наших дней. Сохранились сведения о некоей «Книги птицам и зверем» [Луппов, с. 109, прим. 15; Сазонова, 2006, с. 651, прим.

¹² Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М.: Верхняя типография, 1683. Л. 117 об. 3-ей пагинации.

¹³ Biblia Sacra, Vulgatæ Editionis, Sixti V et Clementis VIII, 1590, 1592, 1593, 1598. Иов 7:16. URL: <http://sacredbible.org/vulgate1822/index.htm> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁴ Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. Л. 128.

¹⁵ Московская Библия. М.: Печатный двор, 1663.

¹⁶ Biblia Sacra.

119], которую перевел Симеон, однако самого текста до нас не дошло. Л.И. Сазонова идентифицирует – без каких-либо доказательств – как один из сборников эмблем [Сазонова, 2006, с. 651]. Известно, что в Посольском приказе были переведены три книги о животных [Луппов, с. 43], однако неясно, о каком именно памятнике идет речь.

К историографическим казусам относится атрибуция Симеону перевода с польского языка известного лечебника XVII в. «Прохладный вертоград». Начиная с Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (где Симеон, между прочим, назван *Половецким* [так! – А.А.]), это перевод атрибутируется Симеону, однако ему не принадлежит (см., например, статью Н.И. Приваловой [Привалова, с. 497], которая сообщает о наличии в рукописном собрании Нижнего Новгорода некоей рукописного списка этого лечебника и указывает, что книга была переведена Симеоном Полоцким с польского языка). Вероятно, лечебник был переведен с немецкого подьячим Земского приказа Андреем Никифоровым [Флоринский, с. XII] (В.Ф. Груздев в обзоре рукописных лечебников Пушкинского дома не указывает переводчиков, сообщая, что большинство лечебников – анонимные и не датированные [Груздев, с. 344]).

Таким образом, письменные переводы Симеона Полоцкого, разнообразные по своей функции (более чем по кругу текстов), представляют собой не просто поле для дальнейшего исследования – филологического, лингвистического, исторического, археографического, но и без сомнения важный компонент русской письменности так называемого раннего Нового времени – переходного периода от Средневековья к Новому времени.

Литература

- Арапов Д.Ю.* Переводы Симеона Полоцкого «о законе махметовом» // Славяноведение. 2006. № 2. С. 89–91.
- Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 2: Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел II: Писания Святых Отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. М., 1862.

- Груздев В.Ф.* Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 29. С. 343–348.
- Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.
- Корзо М.А.* О некоторых источниках катехизисов Симеона Полоцкого // Київська Академія. 2008. Вип. 6. С. 103–122.
- Лаврентьев А.В., Преображенская А.А.* Симеон Полоцкий: «финансовый портрет» // Slavia Orientalis. 2020. Т. LXIX. № 4. С. 747–765.
- Лаврентьев А.В., Преображенская А.А.* «Царский толмач Симеон»: переводческая деятельность Симеона Полоцкого // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 83–89.
- Лосева О.В.* Русские месящесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Луннов С.П.* Книга в России XVII века. Л., 1970.
- Матхаузерова С.* Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 271–284.
- Николаев С.И.* Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII – первая треть XVIII в. Л., 1989.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Преображенская А.А.* Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne. 2018. Т. 7. № 1. С. 115–147.
- Преображенская А.А.* Источники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация // Симеон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019 г. Минск, 2019. С. 166–178.
- Привалова Н.И.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного Краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. 1956. Т. 12. С. 494–505.
- Румовский Н.* Описание великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.
- Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Сазонова Л.И.* Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М.; СПб., 2013. С. 20–40.
- Синицына Е.В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. Опыт реконструкции. СПб., 2018.
- Степановский И.К.* Вологодская старина (историко-археологический сборник). Вологда, 1890.
- Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 9. М., 1875–1895.
- Татарский И.А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
- Успенский Б.А.* Раскол и культурный конфликт XVII в. // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 90–129.
- Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879.

- Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М., 2009.
- Юнгеров П. А.* Книга Иова в рус. пер. с греч. текста LXX с введением и примечаниями. Казань, 1914.
- Faber M.* Concionum Opus Tripartitum: Pluribus In Singula Evangelia Argumentis instructum. Vol. 2. Ingolstadt: Typis Gregorii Haelini, 1642.
- Hippisley A.* Note on sources // Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1. 1996. P. liii–lvi.
- Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. Vol. 2. London, 1873.

Толмач и ясачные люди в Сургутском уезде: дело 1709 г.

В Сибири русские люди встретили «мнози языцы»¹. Как сообщает Строгановская летопись, в Сибири жили «разные же многие языцы: татары, остяки, калмыки, самоед, Пегая орда, и иные многие незнаемые языцы — кийждо собою властвоваху»². На востоке России в XVI—XVII вв. в административных и военных центрах — городах появились кадры местных толмачей и переводчиков. В западные и северные провинции Русского государства переводчиков направляли из Посольского приказа [Переводчики..., с. 14]. В северном Сургуте остяцкий толмач служил с первых лет строительства города. В начале XVII в. в эту должность занимал Иван Афанасьев Парабельский, возможно представитель местной династии парабельских князей³. Набор на толмаческую службу представителей народов Сибири, принявших крещение, был распространенной практикой на протяжении всего XVII в. Никита Осипов — новокрещен, из иноземцев Среднего Приобья, начавший службу в Сургуте, позднее был переведен в Нарымский острог на р. Оби, а затем служил в толмачах в русском отряде, посланном в Кетский и Маковский остроги⁴. В 1698 г. в далеком Селенгинском остроге на востоке Сибири служили толмачи Петрушка Киргиз и Гурка Уразов, фамилии которых свидетельствуют об их тюркском происхождении [Ионин, с. 219].

Достаточно рано толмачами стали служить не только татары, но и русские служилые люди. В 1609 г. конный казак Томска Свиридка Антонов был послан «в толмачах» с отрядом казаков положить в ясак дальнюю Кимскую волость⁵. В 1611 г. воеводы из Томска отправили к князю Тояну с казаками «в толмачех» Гришу Михай-

¹ Есиповская летопись // ПСРЛ. Т. 36. С. 45.

² Летописи сибирские / под ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 126.

³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 45; Кн. 110. Л. 41; Кн. 248. Л. 58.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. М., 1941. С. 182.

⁵ Там же. Т. 1. М., 1999. С. 418.

лова литвина⁶. В 1621 г. из Томска к белым калмыкам отправили «в толмачах» служилого человека Андриюшку Гаврилова⁷. В 1677 г. из Кузнецкого острога воевода Г.В. Волков послал в Киргизскую землю сына боярского Максима Грожавского «для писма» и казака Матвея Хворова «для толмачества»⁸.

Город Сургут был поставлен летом 1594 г. для присоединения к России земель Среднего Приобья. В Сургутский уезд были включены все земли Приобья к югу от Березовского уезда [Миненко; Никитин; Солодкин]. Избрант Идес, участник русского посольства в Китай, в 1692 г. писал: «в Сургутской области и вверх по Оби, до самого Нарыма, попадаются соболи... а также наиболее крупные и красивые горностаи из всех, каких ловят в Сибири и России и в особенности чернобурые лисицы, которые в этих местах... красивее, чем где бы то ни было»⁹. Отдельные соболи, посланные из Сургутского уезда к царю, стоили в XVII в. до 200–300 руб.

В первой трети XVII в. в Сургуте служили три обротчика, из которых двое были воротниками по городу и острогу, а один — остяцким толмачом (1627). В 1631 г. остяцкий толмач Сургута получал жалование в размере 5 руб.¹⁰ В конце XVII в. оклад остяцкого толмача составлял 7,25 руб., 4 чети ржи, 3 чети овса. В этот период за место толмача в городе велась борьба. Долгое время в Сургуте толмачом служил Петр Новосильцов, но затем эту должность удалось получить Тимофею Кайдалову. В 1703 г. грамоте из Сибирского приказа его отставили, и толмачом опять назначили Петра Новосильцова¹¹. Однако к 1707 г. остяцким толмачом в Сургуте служил уже Иван Кайдалов.

Упорная борьба за должность толмача позволяет предположить, что эта служба могла приносить значительную выгоду. О «корыстных» доходах Ивана Кайдалова говорят рассматриваемые ниже документы.

20 июня 1709 г. в приказной избе Сургута воеводе Василию Толстому лучшие ясачные люди Лумпокольских волостей Сургутского уезда Нюкос Атасов с товарищи (12 человек) сообщили, что сургут-

⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири, приложения. Т. 2. С. 220.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Материалы по истории Хакассии XVII–XVIII в. Абакан, 1995. С. 192–197.

⁹ Избрант Идес и Адам Брад. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 97; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 481. Ч. 3. Л. 187; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1542. Л. 165.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 401.

¹¹ Там же. Кн. 1361. Л. 19.

ский толмач Иван Кайдалов в после ясачного сбора взял у ясачных остяков Лумпокольских волостей силою 21 соболя, 4 бурых лисицы и 1 красную лисицы. Позднее в Сургуте толмач Иван Кайдалов ограбил тех же остяков и взял у них в мешках и сумках белок, горностаев и красных лисиц: «он де все без остатку взял у них себе силою». По сообщению ясачных людей, ранее, весной 1708 г. в Сургуте толмач бил их лучшего человека Ньюкоса Атасова и просил со всякого человека Лумпокольских волостей по 40 алтын, «а за что де просил, они де не знают»¹².

По словам воеводы, остяки просили, чтоб государь пожаловал их, «велел словесное их челобитье и извет записать, и ему, толмачу Ивану Кайдалову, впредь у них в толмачах не быть». 20 июня 1709 г. воевода Василий Толстой вызвал Кайдалова в приказную избу, после чего толмач принес часть пушнины, взятой «с ясачных иноземцев»: две лисицы бурые с задними лапами и хвостом, «а остальных лисиц и соболей по извету не явил». Позднее, 26 и 27 июня 1709 г., к воеводе пришли с жалобами на толмача ясачные люди Бардаковой и Юганской волостей Сургутского уезда Сенка Пинков «с товарищи», сказавшие, что в прошлом 1707 г. остяцкий толмач, приехав из Москвы, взял с них с пяти человек по рублю, а с двоих по полтине, «а сказал он Иван, что будто те деньги издержал на Москве, а для чего он те денги на Москве издержал, про то они не знают»¹³. Ясачные люди сообщили, что ранее они вели торговые дела с толмачом, брали у Ивана Кайдалова для своих нужд деньги и «русской товар — ножи, и сукно на ноговицы, и зипуны, и котлишки малые, и брусья для точения топоров, и ножей, и за то де ему, Ивану, в те поры и ныне платили они деньгами и мягкою рухлядью, белками и горностаями»¹⁴. Ясачные люди просили пожаловать их и допросить Ивана Кайдалова о взятых деньгах.

Кайдалов на допросе сказал воеводе, что в 1707 г. с ним ездили к Москве два ясачных человека Татыча Копанеев с товарищем, а он «в то число с них сбирал деньги по 7 гривен с человека при прежнем воеводе при Иване Поливанове, а деньги, и сукно, и ножишки Сенке Пикову с товарищи для их нужд давал, и за то де у них назад деньгами и горностаями и белками имал»¹⁵. Впрочем, приложить

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1717. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2, 2 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

руку к своим речам Кайдалов отказался — «учинился ослушен»¹⁶. Татыча Копанеев с товарищем сказали, что после приезда из Москвы в Сургут, толмач взял с них по гривне с человека, «а с иных иноземцев брал ли Иван, или нет, про то они не знают»¹⁷. 1 августа 1709 г. воевода послал грамоту в Сибирский приказ «генеральному президенту и московскому коменданту, сибирских провинций судье» кн. М.П. Гагарину с просьбой распорядиться о дальнейшем ходе дела. В январе 1710 г. руководство Сибирского приказа велело отставить «прежняго остяцкого толмача» Кайдалова и таможенного голову, в таможенные головы выбрать «людей добрых», следить за ними, чтобы не было «какова дуравства»¹⁸. На этом известная нам история толмача Кайдалова завершается.

Злоупотребления со стороны данной категории служилых людей становились возможными благодаря тому, что в городах Сибири толмачи, служившие в приказных избах, входили в ближайшее окружение воевод и играли важную роль в управлении уездами, являясь посредниками в отношениях между воеводами и местным населением. Татарские головы и толмачи производили суд «в малых делах» над служилыми татарами [Путеводитель, с. 60]. А.В. Малов и О.С. Смирнова отметили, что в Сибири «в жалобах ясадного населения толмачи занимают то же место, что в европейской России в жалобах русских тяглых людей занимали приказные люди [дьяки и подьячие]» [Малов, Смирнова, с. 216].

Разрядные воеводы Тобольска требовали от уездных воевод назначения «служилых людей в вожи и в толмачи» одного или нескольких «людей добрых»¹⁹. Однако в реальности толмачи часто участвовали в сборах «поминков» для местных воевод. Первый архиепископ Сибири Киприан писал государю, что в Сибири «воеводы выбирают толмачей по себе, для своего пристрастия и всякое насильство и продажи делаются от толмачей вместе с ними; татары, вогулы и остяки бьют челом воеводам и приводят новых толмачей, но воеводы последних не принимают и старых не отставляют» [Буцинский, 1999, с. 245]. Вообще деятельность толмачей часто вызывала жалобы ясадного населения Сибири. В 1626 г. енисейские киргизы «били челом государю» и отправили послов в То-

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1717. Л. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 2–7.

¹⁹ Первое столетие освоение Сибири русскими. Новые документы. Томск, 1999. С. 130.

больск с жалобой на действия воевод и казаков Томска, которые их «от государские милости отогнали». Служилые люди Томского уезда собирали с ясачных людей Мелеской волости «поминки», для воеводы полагалось взять 40 соболей, для подьячих по 10, и толмачам — обычно по 20 соболей²⁰.

В некоторых случаях ясачные люди, наоборот, просили за конкретных толмачей. В 1648 г. в Томске ясачные люди Томского уезда добились назначения на должность толмача новокрещена пешего казака Дмитрия Тихонова. Сибирский приказ согласился на это назначение вопреки сопротивлению воеводы кн. О.И. Щербатова, называвшего казака сторонником бунтовщиков и говорившего, что он «ис кабацкой избы ярышка» [Покровский, с. 190]. 8 мая 1682 г. оленные тунгусы Охотского острога просили оставить в Охотском остроге толмача Петра Никитина сына Нарымского и писали, что приказные люди острога, не зная языка и родства тунгусов, не могут без толмача менять аманатов и чинить «расправы в обидах и налогах». В 1684 г. казак толмач Петр Нарымский упомянут уже в качестве приказчика Охотского острога [Ионин, с. 112–113].

Таким образом, отношение ясачных людей к толмачам напрямую зависело от их личных и профессиональных качеств.

Литература

- Буцинский П.Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999.
- Ионин А.А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895.
- Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи Посольского приказа в 1613–1621 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 209–229.
- Миненко Н.А.* Северо-западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
- Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
- Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958.
- Солодкин Я.Г.* Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины – второй половины XVII в. Нижневартовск, 2011.

²⁰ Материалы по истории Хакассии XVII–XVIII в. Абакан, 1995. С. 61.

Иноземные полки в России, 1631–1634 гг.: Контурь языкового взаимодействия

Управление разнородными, обычно многоэтничными по своему составу армиями раннего Нового времени требовало от их командиров и государственных чиновников немалых языковых познаний. Русские войска XVII в. не были исключением¹. Постоянное привлечение на царскую службу иноземцев в качестве инструкторов, офицеров и технических специалистов было невозможно без повседневной работы знатоков языка, способных осуществлять устные и письменные переводы как в центральных и местных органах военного управления, так и в действующей армии. Едва ли не наибольшей эта потребность оказалась в тот кратковременный период, когда Русское государство привлекало на военную службу контингенты, целиком состоявшие из наемников – накануне и во время Смоленской войны 1631–1632 гг.

Настоящая статья предлагает анализ языкового взаимодействия русского правительства, военных командиров и представителей власти на местах с европейскими наемниками в тот период. Охарактеризовав языковую и этническую ситуацию в наемных полках, я сосредоточусь на деятельности толмачей и переводчиков, среди которых можно с известной долей условности выделить несколько категорий. Первую составляли служащие Посольского приказа, на плечи которых легло осуществление официальной коммуникации между иноземными офицерами и русскими приказными людьми. Ко второй принадлежали иноземцы, не включенные в штат Посольского приказа, но привлекавшиеся на регулярной основе к устным и письменным переводам. Наконец, к третьей группе могут быть причислены русские люди, знавшие иностранные языки, а также иноземцы, владевшие русским, которые не обладали статусом толмачей или переводчиков, но в случае необходимости исполняли их обязанности на местах. Роль подобных ситуатив-

¹ Приношу искреннюю благодарность Андрею Геннадьевичу Гуськову и Ингрид Майер за помощь в подготовке статьи.

ных переводчиков в повседневной коммуникации была, вероятно, больше, чем можно заключить из случайных упоминаний в дошедшей до нас документации, и заслуживает пристального внимания.

Наем иноземных полков, предшествовавший Смоленской войне, вероятно, является крупнейшим и, во всяком случае, самым хорошо документированным случаем привлечения на русскую службу военных частей, полностью состоявших из иностранцев [см.: Сташевский, с. 66–108; Опарина; Dukes, 1982; Dukes, 2001; Rusakovskiy; Rusakovskii; Dukes et al., 2009, p. 71–76; о военной и дипломатической истории войны в целом см.: Поршневу; Меншиков]. Начало ему положил приезд в Москву осенью 1630 г. шотландца Александра Лесли, полковника шведской службы. По поручению царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Лесли набрал летом 1631 г. в Северной Германии и Нидерландах три наемных полка. Их командирами стали сам Лесли и два немецких полковника, Якоб Шарль фон Харслебен и Ганс Фридрих Фукс. Завербованные ими наемники перешли русско-шведскую границу и через Новгород добрались до Москвы осенью и зимой 1631/32 гг. Еще один полк по поручению Лесли набрал в Лондоне и его окрестностях англичанин Томас Сандерсон. Его подчиненные прибыли в Москву через Архангельск и Новгород между августом и декабрем 1632 г. Часть офицеров, завербованных Лесли и его помощниками, но не получивших места в наемных частях, стали инструкторами и командирами в русских полках солдатского, рейтарского и драгунского строя. Языковое взаимодействие внутри этих частей не является предметом настоящего исследования, но, несомненно, также требовало участия профессиональных толмачей и переводчиков. Наемные отряды и полки иноземного строя приняли участие в осаде Смоленска, которая окончилась неудачей. Русская армия была блокирована подошедшим к городу войском польского короля Владислава IV и вынуждена капитулировать в феврале 1634 г. После этого поражения наемные полки были распущены, а дальнейшие попытки найма отрядов, целиком состоявших из иноземцев, приостановлены.

* * *

Как и многие армии XVII в., контингент, набранный Лесли и нанятыми им полковниками, был разнороден в этническом отношении. Главной областью вербовки для трех наемных полков, собранных в течение лета — осени 1631 г., стали северо-немецкие

земли от Штеттина до Гамбурга. Помимо немцев со всей Священной Римской империи германской нации на русскую службу, в особенности в полк Лесли, массово поступали шотландские офицеры и солдаты, прежде служившие в датской и шведской армиях. Лесли, не сумев нанять достаточное число рядовых в обезлюдевших из-за Тридцатилетней войны северо-немецких землях, также произвел вербовку голландцев на территории Республики Соединенных провинций. Несмотря на запрет царского правительства нанимать подданных католических монархов, в составе наемных полков в Россию отправились французы, вероятно, преимущественно кальвинистского вероисповедания. В Пруссии для службы царю также нанялись некоторое число поляков и литовцев, многие из которых были по прибытии в Москву высланы из пределов Российского государства. Хотя шведский король Густав Адольф и запретил своим подданным наниматься к иностранным государям, в смотренных списках наемных полков и обнаруживается некоторое число шведских фамилий². Наконец, полк Томаса Сандерсона полностью состоял из подданных английского короля, в подавляющем большинстве англичан и, возможно, некоторого числа валлийцев и шотландцев.

Несомненное первенство в межэтническом общении внутри наемных континентов и в коммуникации их предводителей с русским властями принадлежало немецкому языку. Немецкий был *lingua franca* для пестрых военных сообществ Восточной и Центрально-Восточной Европы XVI–XVII вв. Языковая ситуация в России в 1631–1634 гг. не была исключением. Иноязычные по отношению к русскому языку документы дошли до нас в сравнительно небольшом количестве. Очевидно, русские приказные служащие не видели смысла в их хранении, не считая, разумеется, официальной дипломатической переписки с иностранными государями. Тем не менее, если подобные бумаги и сохранились, то, как правило, речь шла о текстах на немецком. На этом языке выполнены проекты и сметы Александра Лесли, поданные в Иноземский приказ зимой 1630/31 г., а также сделанные им и его подчиненными более поздние поименные росписи офицеров и солдат³. На немецком же очевидно были составлены оригиналы полных

² Например, «Петер Улефсон», «Крийстен Персон». См. РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 142. Л. 82–83.

³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 9; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 125–126, 233, 288–303.

сметных списков полков Лесли, Шарля и Фукса, доступные сегодня только в русских переводах⁴. Лесли использовал немецкий и во внутривойсковой документации. Так, на немецком записан смертный приговор сержанту его полка Гансу Курлендеру, обвиненному в разбое, убийствах русских мирных жителей и попытке измены⁵. На этом же языке подавали челобитные и расписывались в получении жалования шотландские офицеры Александр Аннан и Александр Гордон⁶. По-немецки обращался к наемникам и гетман польный литовский Христофор Радзивилл, убеждая их в воззвании от 16(26) ноября 1633 г. оставить русскую службу и перейти под знамена Владислава IV⁷. Сохранилось и немецкое письмо царя Михаила Федоровича от 29 января 1634 г., адресованное Лесли, с увещанием продолжать сопротивление под Смоленском⁸. Разумеется, использовали немецкий в деловой переписке и начальники иноземных и русских полков, происходившие из собственно немецких земель⁹.

Дошедших до нас документов на английском значительно меньше. Мне удалось найти лишь одну английскую роспись полковых чинов, сделанную, по всей видимости, Лесли¹⁰, а также несколько подписанных им рекомендательных записок¹¹. Томас Сандерсон также оставил лишь несколько коротких расписок на английском языке¹². Сохранились расписки в получении жалования его подчиненных, капитанов Томаса Бредимана и Генри Кроу,

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 78; Оп. 11. Стб. 142.

⁵ Там же. Оп. 9. Стб. 904. Л. 34–35. Немецкий текст и современному событиям русский перевод.

⁶ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 9; 1634 г. Д. 1. Л. 2 об. Приведу в качестве примера последнюю расписку: «Ich Alexander Gordon hab intfangen aus der Posolski precas wan den sriber Tretiak Mikitian five honderdffich six rubls 2 altin 2 ½ soripen».

⁷ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1633 г. Д. 8. В архивном деле сохранились девять экземпляров этого письма с идентичным немецким текстом. К ним приложен также современному событиям русский перевод.

⁸ Там же. 1634 г. Д. 3. Вероятно, в данном случае перевод делался с русского текста, но он в архивном деле не сохранился.

⁹ Ср. росписи полковых чинов: Генриха ван Дама (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 62–63, 262–263); Валентина Розворма (Л. 66–70, 263–264); Франца Пещнера (Л. 77–80).

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 60–61.

¹¹ Там же. Оп. 13. Стб. 63. Л. 265–266; Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32. Л. 3405–3407 (список первой половины XIX в.).

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 243–244; Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32. Л. 3404, 3411 (списки первой половины XIX в.).

а также шотландца Александра Аннана, отставного подполковника иноземного полка Лесли¹³. Вдова полковника, Джудит Сандерсон, получившая деньги после его гибели 2 декабря 1633 г., также собственноручно расписалась по-английски¹⁴. На родном языке, очевидно, составляли свои прошения, сохранившиеся лишь в русских переводах, и английские офицеры. Примером здесь могут служить челобитные капитана Томаса Бредимана и солдат его роты с жалобами на полковника Сандерсона, дошедшие в современных событиях русских переводах. Обращения к государю в них калькируют английский оригинал и не характерны для русской политической культуры¹⁵. Разумеется, на английском составлены и частные акты, например, завещания Сандерсона и подполковника Ричарда Конингсби, которые те оставили во время осады Смоленска в 1633 г.¹⁶ Можно предполагать, что сам Сандерсон, служивший голландцам и шведам, а также некоторые офицеры его полка, должны были владеть немецким, на котором проходила устная коммуникация с русскими переводчиками и толмачами, но документальные свидетельства этого не сохранились.

Любопытен в языковом отношении смотренный список полка Томаса Сандерсона. Он был составлен в Москве в декабре 1632 – январе 1633 г. и дошел до нас в русском переводе, выполненном 23 января 1633 г.¹⁷ Имена большинства солдат и офицеров полка приведены в двух вариантах. Второй из них воспроизводит, со значительной долей условности, английское написание или произношение, в то время как первый близок к нидерландскому, реже нижненемецкому или верхненемецкому языкам¹⁸. Причины, заставившие русских переводчиков и подъячих записывать имена англичан подобным образом, неясны. Вызывают недоумение многочисленные расхождения в написании имен, далеко выходящие за пределы простых различий в способе транслитерации. Неизвестно, наконец, в какой форме и на каком языке был составлен оригинал

¹³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1633 г. Д. 4. Л. 3, 7; Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32. Л. 3410 (список первой половины XIX в.).

¹⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1634 г. Д. 1, 5 об.

¹⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 236–244; см. также: [Русаковский].

¹⁶ The National Archives, Kew. Probate Act Books. 11/167/82; 11/168/45.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 112–195.

¹⁸ См. в качестве примера: Там же. Л. 170–171: «Вилим Вилимс, по аглински Вилиям Вилиямс; Томос Головей, по аглински Томас Аловай... Подротник Давит Вилем, по аглински Давид Вилиямс... Карпорал Ян Дусен, по аглински Джон Давсон».

списка. Английский кажется здесь более естественным выбором. Во-первых, на нем написаны все прочие документы, касающиеся полка Сандерсона. Во-вторых, аналогичный смотренный список роты, которой Сандерсон командовал марте 1631 г. незадолго до увольнения из шведской армии в полку шотландца Джорджа Кроуфорда, также выполнен по-английски, а не по-немецки, как большая часть документации наемных частей на шведской службе¹⁹. Ротным писарем, составившим этот список, был некий Теодор (Тиорд) Вилли, который позднее исполнял обязанности полкового писаря в полку Сандерсона в России²⁰.

Делопроизводственные документы, относящиеся к наемным полкам на русской службе на иных языках помимо немецкого, английского и, разумеется, русского, неизвестны. Несмотря на то, что в мае 1633 г. русские воеводы в челобитной из-под Смоленска выражали потребность в «переводчике французсково»²¹, примеры письменных или устных переводов с этого языка для наемных полков неизвестны. Скотс — распространенный в Шотландии диалект английского — несомненно, использовался в частном общении между шотландцами на русской службе. Так, Александр Кроуфорд, бывший в 1632–1634 гг. капитаном и подполковником в русском полку солдатского строя Вилима Кита, оставил в мае 1636 г., уже будучи полковником, запись на скотсе и не вполне нормативном немецком в альбоме Ганса Арпенбека, толмача голштинского посольства в Москве²². Переводчик Посольского приказа Иван Фомин Алманзенев упоминал о своей способности переводить «шкотцкое письмо» и потребности в таких переводах²³. Мне не удалось, однако, обнаружить среди документов 1631–1634 гг. тексты на шотландском диалекте или же русские переводы, указывающие на него как на язык оригинала, хотя для Смутного времени

¹⁹ Riksarkivet, Stockholm. SE/KrA/0022/1631/15. Fol. 196r-197v.

²⁰ См. его упоминание в: РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 114.

²¹ Там же. Стб. 66. Л. 89.

²² Eesti Ajaloomuuseum. F 114–1/7a. Fol. 38r (URL: <https://www.digar.ee/viewer/en/nlib-digar:102668/19340> (дата обращения: 31.05.2023)): «[A]s bitter gale so do I heat such men quhos from mynd quhos mynd dessents from pe. Wie bitter gall so hass ich all und ieden wessen tzung sein heartz wess heartz sein mund ist wieder. Moskow 17 Majj 1636 Colnel Alexander Craffurd». Запись также приводится в несколько регуляризованном виде в базе данных [The Scotland]. Об альбоме Ганса Арпенбека см. [Петина; Egrebeck].

²³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632 г. Д. 7. Л. 8.

свидетельства использования скотса в России известны [Ноздрин, 2021; Скобелкин, с. 273].

* * *

Необходимость взаимодействовать со столь большим числом разноязыких иноземцев, лояльных царскому правительству, но при этом пользовавшихся значительной долей внутренней автономии и нуждавшихся в постоянном административном контроле, была вызовом для Русского государства и населения. Сами иноземные полковники еще на этапе найма предвидели возможные языковые проблемы. Во время переговоров с главой Иноземского приказа кн. И. Б. Черкасским, зимой 1630/31 г. Лесли испрашивал царскую грамоту к немецким князьям и имперским городам с просьбой разрешить вербовку их подданных, «что ему так написать немецким письмом для того, что де во всех государствах с русского языка на немецкий язык грамоту будет переводить, и во многих де государствах переводчики не будут, и за тем государеву делу будет мотчанье»²⁴. Подобная грамота была дана на немецком и русском языках 29 января 1631 г.²⁵ Количество и разнообразие задач, возникавших при взаимодействии русских и иноземцев, значительно превышали, однако, привычные объемы переводов мирного времени.

Основную роль в коммуникации между наемниками и русскими приказными людьми играли служащие Посольского приказа. Приказные переводчики были единственными специалистами, выполнявшими переводы делопроизводственной документации наемных полков и сопровождавшей их служебной переписки. Их работа включала в себя перевод большого объема подготовительных материалов, описывавших структуру и персональный состав иноземных частей, а также ежемесячную сверку подобных списков для выплаты жалования. Убедительных свидетельств участия в администрировании наемных контингентов толмачей, ведомых в Посольском приказе, не найдено. Известно, что устные переводы при встречах иноземцев на русской границе, совещаниях русских военачальников с наемными полковниками и военно-дисциплинарных разбирательствах также ложились на плечи переводчиков²⁶. В случае как минимум одного документа — списка

²⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1630 г. Д. 10. Л. 142.

²⁵ Там же. Л. 127–137.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32. Л. 3366–3374 (список первой половины XIX в.).

лекарственных средств, посланных из Москвы полковнику Якобу Шарлю 22 июня 1633 г., можно предполагать также участие в переводе специалистов Аптекарского приказа, владевших необходимой фармакологической и медицинской терминологией²⁷. Рост числа письменных и устных переводов, связанных с военным администрированием, сопровождался интенсификацией дипломатических контактов с реальными и потенциальными союзниками против Речи Посполитой, а также все более активным поступлением в Москву иностранных рукописных и печатных сборников новостного характера [Вести-куранты, 1972, с. 133–167; Шамин, с. 87–89]. Все эти факторы многократно увеличивали нагрузку на приказных переводчиков с европейских языков.

Первыми с возросшим объемом работы столкнулись сотрудники Посольского приказа, постоянно находившиеся в Великом Новгороде [об организации их службы см.: Селин, 2015, с. 519–532; Лисейцев; Коваленко]. Новгородские переводчики Арн Бук и Андрей Ниенборх, а также присланный из Москвы Иван Англер и Елисей Павлов, вернувшийся из посольства в Данию, участвовали в допросах въезжавших в Россию иноземцев и переговорах с командирами наемных отрядов²⁸. Начиная с ноября 1631 г. переводчики также выезжали на пограничные заставы в Тесово и на р. Лавую²⁹. В одной из своих челобитных Андрей Ниенборх отмечал: «Служил я, холоп твой, тебе, государю, наипаче иных переводчиков, потому что много иноземцов принимали для твоей царской службы»³⁰. Бук также сопровождал наемные роты в их марше через Тверь в Москву и, позднее, к Смоленску³¹. Приезды отдельных групп наемников, преимущественно офицеров, через русско-шведскую границу продолжались в 1632–1633 гг. [Селин, 2014, с. 204; Селин, 2015, с. 360–364]. Для помощи новгородским коллегам в 1632 г. из Москвы был послан переводчик Вилим

²⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1106. Опубликовано: Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг. Вып. 1. 1629–1645 гг. / под ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1881. С. 36. Имя переводчика в росписи не названо, но единственным переводчиком, числившимся в этот период в Аптекарском приказе, был Захарий Захарьев (Микулаев) [Худин].

²⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 71; 1632 г. Д. 67. Л. 3–5, 21–23; Д. 84. Л. 14; Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 107–111.

²⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 22, 31; Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 48; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 44. Л. 115–121.

³⁰ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 8.

³¹ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 284.

Вилимов (Виллем Фик) [Переводчики..., с. 83–84]. Андрей Ниенборх свидетельствовал свою работу «для прииманья немецких и аглинских салдат, которые шли к тебе, государю, к Москве по два года», т.е. в период 1631–1633 гг.³²

Помощь переводчиков и толмачей требовалась и при приезде английского полка Томаса Сандерсона, большая часть которого прибыла в Архангельск в августе 1632 г. Для встречи англичан на север перевели Ивана Англера, который, однако, не дождался их приезда и был отозван в Москву, чтобы сопровождать армию боярина Михаила Борисовича Шеина в походе на Смоленск³³. В Архангельске в то же время находился и толмач Посольского приказа, выходец из семьи немцев старого выезда, Михаил Корнильев Сахарников, впоследствии ставший переводчиком [Беляков]. Его роль в приеме английского полка, однако, неизвестна.

Приход наемников в Москву в течение 1632 г., их пребывание в российской столице и участие в походе под Смоленск потребовали интенсивной работы Посольского приказа, прежде всего, переводчиков немецкого языка. Наибольшая нагрузка легла на уже упомянутого Ивана (Ганса) Англера, потомственного переводчика Посольского приказа. В августе–октябре 1632 г. он сопровождал русские войска в их марше через литовскую границу на Смоленск³⁴. Затем, вероятно, Англер был отозван в Москву, но вновь проделал путь под осажденную крепость с английским наемным полком в конце января – начале февраля 1633 г.³⁵ В третий раз переводчик отправился под Смоленск в апреле 1633 г.³⁶ Его брат Андрей Англер также служил в Посольском приказе переводчиком и осенью 1632 г. был командирован под Смоленск³⁷. Он не ограничивался работой переводчика, а также выполнял административные функции, например, по своем возвращении в Москву, ведал в ноябре 1632 г. изготовлением барабанов³⁸. Участвовал в походе 1632 г. и новгородский переводчик Арн Бук, просивший в янва-

³² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 65.

³³ Там же. 1632 г. Д. 47. Л. 66–68; ср. также: Д. 50. Л. 4–6. Данные приведены по описи, без знакомства с архивным делом.

³⁴ Там же. 1632 г. Д. 66, 70–73; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 76. Л. 162, 174.

³⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 58, 77, 97.

³⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 171.

³⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 76. Л. 162. Публикация: Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. С. 381.

³⁸ РГАДА. Оп. б.ж. Кн. 88. Л. 23.

ре 1633 г. об отпуске из-под Смоленска в Москву и, вероятно, его получивший³⁹.

Потребность в знатоках иных, помимо немецкого, европейских языков была незначительна. Английским владел лишь старейший по опыту работы и, вероятно, по возрасту из приказных переводчиков – Иван Фомин Алманзенов, служивший в приказе с 1591 г. [Переводчики..., с. 36–40] Известно, что он был в 1632 г. откомандирован в Иноземский приказ, поскольку «окроме ево англинского и шкотцкого письма перевесть некому»⁴⁰. Хотя в переводах 1631–1634 гг. нет прямых упоминаний имени Фомина, весьма вероятно, что именно он в отсутствие иных специалистов выполнил большинство переводов с английского, касавшихся полков Лесли и Сандерсона. В феврале 1633 г. с расписками английских офицеров полка Сандерсона работал также Вилим Вилимов [Переводчики..., с. 84]. Он, однако, был переводчиком с немецкого и шведского языков и о его знании английского нет убедительных свидетельств. Кроме этого, под Смоленск дважды выезжал переводчик с польского, Иван Корнильев сын Бородин⁴¹. Из своей последней посылки он вернулся в Москву не позднее ноября 1633 г.⁴² Вероятно, в столице считали, что он один справится с переводами перехваченных писем к гарнизону крепости и переписки осажденных с русскими воеводами.

Война потребовала увеличения штата Посольского приказа. 27 августа 1632 г. поступил на службу немецким переводчиком и немедленно был отправлен с войсками Шеина иноземец Яков Балсырев (Балтасаров) сын Рагутин (Рахутен), бывший прапорщиком или подпрапорщиком в набранном незадолго до того рейтарском полку⁴³. Вероятно, это назначение не отвечало желаниям самого Рагутина. В своей челобитной, составленной уже после Смо-

³⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 284; см. также: Акты Московского государства. С. 381; [Переводчики..., с. 75].

⁴⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632 г. Д. 7. Л. 8. О ведении Ивана Фомина в Иноземском приказе ср. также: Там же. Л. 1; 1634 г. Д. 4. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 65–66, 69–70.

⁴² Там же. Л. 111–115.

⁴³ Там же. Л. 68–69. Данные о чине Рагутина (прапорщик или подпрапорщик) до поступления в переводчики разнятся в приказной документации. Возможно, Яков Балсырев Рагутин тождественен Якову Балсыреву, рядовому иноземной роты Григория Врославского в 1626–1627 гг. и роты Петра Гомолтова в 1629–1630 гг., помещику Угличского уезда с 1629 г. [Скобелкин, с. 512, 525, 537, 544].

ленского похода, он указывал, что «взят из Иноземского приказа в переводчики неволею и был под Смоленском», причем долгое время не мог получить за новую службу прибавку к жалованию⁴⁴. Еще один из вновь назначенных переводчиков, Ефим Иванов сын Фентуров, происходил из семьи иноземцев старого выезда и также был переведен в Посольский приказ из Иноземского накануне войны. Он был назначен сопровождать войска Шеина в августе 1632 г., но не смог сделать этого из-за болезни [Переводчики..., с. 208]. В мае 1633 г. в приказ также взяли переводчиком с шведского, немецкого, латинского и датского языков Матвея (Артемия) Вейреса (Вейерса), а с шведского, датского и латыни — Михаила Кляштера [Переводчики..., с. 76–77, 124]. К работе с документами наемных полков они, по всей видимости, не привлекались.

Челобитные и отписки русских воевод пестрят жалобами на отсутствие переводчиков в полках или их недостаточную квалификацию. Так, в последние дни августа 1632 г. Шеин со товарищи сообщали из Можайска, что «переводчики к нам августа по 24 число на твою государеву службу в Можаяск не бывали, да и толмачей у нас, холопей твоих, нет ни одново человека, и переводить, государь, немецково письма и толмачить у нас, холопей твоих, некому»⁴⁵. В марте 1633 г. воеводы доносили из-под Смоленска, что «англискова, и французсково и польсково переводчика у нас... нет, переводить переводов некому, а неметцкой... переводчик у нас холопей твоих один... а переводы у нас... бывают многие»⁴⁶. Ситуация усугублялась тем, что Иван Англер сразу после возвращения под Смоленск 8 февраля 1633 г. занемог, а Яков Рагутин по отзывам русских военачальников оказался молод и негоден для переводческой работы⁴⁷.

Подобные проблемы преследовали русское командование на протяжении всей осады Смоленска. В конце июля 1633 г. Шеин и его подчиненные сообщали, что «переводчики... Иван Англер да Яков Рагутин больны, и с полковники... и с их урядники говорить с немецкого письма переводить некому. И в том, государь, твоему государеву делу чинитца мотчанье. И вперед, государь,

⁴⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 76. Л. 162; ср. также: Л. 174. Публикация: Акты Московского государства. С. 381–382; ср. также: [Меньшиков, с. 95].

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 66. Л. 89.

⁴⁷ Там же. Стб. 63. Л. 235.

без переводчиков нам, холопом твоим, быть немочно»⁴⁸. В ответ на эту жалобу царь 13 августа распорядился немедленно послать под Смоленск немецких переводчиков⁴⁹. Неясно, однако, в какой степени был исполнен этот приказ. Известно лишь, что 11 сентября под Смоленск с группой иноземных офицеров и технических специалистов прибыл толмач Даниил Дунов⁵⁰. Возможно, его стоит отождествить с иноземцем Степаном Доновым, который до 3 февраля 1634 г. ведался в Пушкарском приказе, а затем был переведен в Иноземский. В памяти, сопровождавшей это назначение, «написано, взят был он из Иноземсково приказу в Пушкарской приказ для толмачества, послать ево под Смоленск вымышленником з Давыдом Николаем. И ис под Смоленска он опять прислан для того, что вымышленник Давыд бил челом, Степан Донов пьет беспрестанно»⁵¹.

Челобитные самих переводчиков рисуют оборотную сторону медали. Разумеется, во многих случаях описания перенесенных ими лишений стереотипны для прошений об увеличении жалования. В некоторых случаях, однако, они способны добавить живые краски в картину Смоленской кампании. Иван Англер в челобитной описывал тяготы похода следующим образом: «И будучи я, холоп твой, на твой царьской службе, был под Смоленском болен, и всегда был при смерти, и нужу всякую терпел и голод. А которые лошади с Москвы со мною пришли, и те все здесь примерли»⁵². Сведения о серьезной болезни Англера подтверждаются процитированной выше челобитной Шеина. Польский переводчик Иван Бородин сообщал, что, будучи под Смоленском, «питался, покупаячи себе харч и лошадиной корм дорогою ценою, и одолжал великих долгов»⁵³. Вероятно, сходными были проблемы и других приказных служащих, оказавшихся в лагере под Смоленском.

Бесславное для русского войска завершение Смоленской кампании означало и окончание воинских посылок для служащих Посольского приказа. Как минимум двое из них, Иван Англер и Яков Рагутин, были под Смоленском «до отходу», т.е., вероятно,

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Стб. 26. Л. 131; челобитная о том же патриарху – Л. 132.

⁴⁹ Там же. Л. 133–134.

⁵⁰ Там же. Оп. 9. Стб. 90. Л. 109–110.

⁵¹ Там же. Оп. 6. Кн. 46. Л. 1088.

⁵² Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 170а.

⁵³ Там же. Л. 111.

до капитуляции армии Шеина 21 февраля 1634 г. и последующего ее отступления к Москве⁵⁴. Рагутин определял срок своей службы «под Смоленском в переводчиках» в полтора года, имея в виду, очевидно, промежуток между концом августа 1632 г. и концом февраля 1634 г.⁵⁵ Иван Англер был пожалован за «осадное смоленское терпенье», что подразумевает его нахождение в лагере Шеина, когда тот уже был окружен войсками польского короля Владислава, т.е. после сентября 1633 г.⁵⁶ 29 марта 1634 г. часть переводчиков, временно ведомых в Иноземском приказе, в том числе Иван Фомин и Андрей Англер, вернулись на службу в Посольский приказ⁵⁷. Вероятно, это кадровое решение было продиктовано окончанием активных боевых действий, хотя, несомненно, приказные специалисты должны были обеспечивать взаимодействие русских властей с иноземцами вплоть до отъезда большинства последних из России летом 1634 г.

* * *

Специалисты Посольского приказа, при всей важности их работы, не могли полностью удовлетворить потребность в переводах, в особенности, устных, в полках на марше и во время боевых действий. Приходилось поэтому привлекать дополнительные силы. В русские полки иноземного строя в августе 1632 г. поступили «2 человека иноземские дети-недоросли для толмачества», вероятно, не записавшиеся в воинскую службу из-за своего малолетства⁵⁸. Одним из писарей, посланных тогда же в русские солдатские полки, был некто «Индрик фан Мартен, торговой немчин, жил на Москве промеж торговых немец», вероятно, знавший русский язык⁵⁹. Скорее всего, неизвестными остались имена некоторых толмачей и писарей, не числившихся в Посольском приказе. Архивы Иноземского и Пушкарского приказов сохранились лишь частично, а документация Разряда слишком обширна и не позволяет проведение сплошного исследования, которое возможно на материалах Посольского приказа.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 15; Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 171.

⁵⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 14.

⁵⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 47. Л. 172.

⁵⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 4. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 76. Л. 59; ср. также: Акты Московского государства. С. 376.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 212.

Часть подобных новоиспеченных толмачей, вероятно, не получили официального статуса. Во владениях царя, в особенности в крупных городах, постоянно проживали множество европейцев, знавших русский язык и стремившихся поступить на службу в иноземные части с целью заработка или последующего выезда из России. В сентябре 1631 г. к наемному полковнику Герману Бекману, выехавшему с отрядом солдат и офицеров в Новгород на русскую службу, приходил наниматься некий «детина-амбурчанин», т.е. уроженец Гамбурга, служивший, по его словам, два года «неволей» новгородскому воеводе кн. Юрию Сулешеву⁶⁰. Осенью 1632 г. к полку Томаса Сандерсона «пристал» беглый служилый немец Ганс (Анц) Нерс, прошедший литовский и татарский плен и живший наемным работником в Вологде «у немцев»⁶¹. В обоих случаях полковники сообщили о перебежчиках русским властям. Нельзя, однако, исключать, что некоторым другим «немцам» подобный переход удался, оставшись тайной и для московских приказных людей, и для историков.

Было бы неверно отказывать и русским в знании иностранных языков. Многие жители русского северо-запада имели опыт тесного и многолетнего взаимодействия с иноземцами в период шведской оккупации эпохи Смуты, были временно вывезены или добровольно ездили в шведские владения [Селин, 2008, с. 586–591; Орленко, с. 219–220; Коваленко, с. 125, 128]. Многие из них были живы и активны к началу 1630-х гг. Примером может служить некий Ивашка Салдат, пришедший в сентябре 1631 г. на двор к полковнику Герману Бекману с предложением своих услуг. Бекман выдал его русским властям, которые обвинили Ивашку в шпионаже и после долгого разбирательства казнили [Джинчарадзе, с. 250–254; Ноздрин, 2010, с. 224–225]. Уроженец Новгорода, Ивашка в детстве был увезен шведами в Выборг, затем в Стокгольм, в качестве слуги сопровождал своего шведского хозяина в путешествии по Франции и Германии, был солдатом шведских войск в Польше⁶². По словам Бекмана, Ивашка «умеет гараздо по-немецки говорить», а его товарищ, Андрюшка Яковлев, также увезенный в детстве «за море» в Любек и служивший в шведской королевской армии, «говорит похуже того»⁶³. Языковые навыки Ивашки описыва-

⁶⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 5, 18, 22. Бекман выехал на русскую службу в чине полковника, но так и не получил полк в свое командование.

⁶¹ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 8–9.

⁶² Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 15–16.

⁶³ Там же. Л. 4. Сведения об Андрюшке Яковлеве приведены на л. 26–27.

лись следующим образом: «Да он же де умеет говорить по-свейски и по дюцкому языку, а той де дюцкой язык называют цесарским языком»⁶⁴. Примечательно употребление окказионализма «дюцкий» (от немецкого *dütsch*), редкого в русской письменной речи [Вести-куранты, с. 167; Генералова, с. 33]. Из того же расследования о лазутчиках мы узнаем и о некоем Фильке, сыне служилого человека из Дорогобужа, который в детстве был уведен в Польшу и, «как посышал... что в немцах наймуют на Русь людей», присоединился в прусском городе Пилау к роте шотландского капитана Александра Гордона⁶⁵. Вероятно, эти примеры русских людей, не чувствовавших себя чужими в европейских военных сообществах, в том числе и в языковом отношении, не являются единственными [ср. также Ноздрин, 2010].

Многие ситуации, возникавшие во время марша наемных полков, предполагали взаимодействие между иноземными солдатами и русским населением в отсутствие профессиональных языковых посредников. Зимой 1631/32 г. наемники двигались к Москве небольшими группами, часто без офицеров и, очевидно, без толмачей [Шашевский, с. 95–97; Rusakovskii, p. 101–103]. Зачастую это хаотическое передвижение приводило к грабежу русских поселений и церквей и убийствам мирных жителей. В ряде случаев, однако, русским выборным и приказным людям на местах удавалось договориться с наемниками о мирном постое и покупке провианта, а иногда даже получить от их командиров расписки в денежных выплатах, которые иноземцам задолжало русское правительство⁶⁶. Решение столь сложных задач требовало языкового взаимопонимания, но источники молчат о том, каким образом и с чьей помощью оно было достигнуто. Напротив, о ситуациях, в которых требуемый перевод оказался невозможен, сообщалось крайне редко. Так, 2 апреля 1634 г., уже после капитуляции Шеина под Смоленском, мосальский воевода Иван Бартенев посылал в Можайск к князьям Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Дмитрию Михайловичу Пожарскому «немчина» Анцу Персона, солдата иноземного полка Лесли, захваченного под Смоленском запорожскими казаками и бежавшего от них, «а в отписке написал, что роспросить того немчина у него некому, толмача у него нет»⁶⁷. Очевидно, в Можай-

⁶⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 27.

⁶⁵ Там же. Л. 10.

⁶⁶ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 260–264.

⁶⁷ Акты Московского государства. С. 608.

ске, где к тому времени собрались основные русские силы, поиски толмача не составили сложностей.

Определенные размышления вызывает следующий курьезный эпизод⁶⁸. В последние дни августа 1632 г. царский карл Федыка Иванов, вышедший с московской толпой поглазеть на отправление из Москвы иноземных полков, был захвачен наемниками полка Якоба Шарля. Будучи навеселе, Федыка не противился своим похитителям и сумел сбежать от них лишь 4 сентября, когда полки стояли в Можайске. По словам Федыки «говорили де ему немцы, как государь их отпустит в свою землю, и он бы де ехал с ними в немцы. И как де от немец услышел, что ево хотят свести в свою землю, и он де от них збежал». Едва ли Федыка, крестьянский сын, выросший в вотчине Кириллова монастыря в Белозерском уезде, владел иностранными языками и мог понять обращенные к нему уговоры. Переводчики и толмачи на государственной службе также не стали бы рисковать участием в судьбе царского карла. Вероятно, кто-то из «немцев» оказался способен вести разговор на русском, но ни его имени, ни статуса мы никогда не узнаем.

Подведем итоги. Резкий рост числа письменных и устных переводов, сопровождавших наем иноземных полков, потребовал напряженной работы русских государственных органов, прежде всего, Посольского приказа. На приказную службу были приняты новые специалисты. Несмотря на неоднократные жалобы русских воевод, можно признать, что приказные служащие в целом справились со своими новыми задачами. Выплаты жалования наемникам были вполне регулярными до осени 1633 г., когда русская армия оказалась в окружении, и регулярный подвоз денежных средств к ней стал затруднен. Эти выплаты, требовавшие строгого учета, а также общий контроль за происходящим в иноземных полках и русских частях солдатского, рейтарского и драгунского строя были бы невозможны без постоянной деятельности языковых специалистов. Столь же очевидно, что коммуникация между русскими и вновь прибывшими иноземцами отнюдь не сводилась к практике приказных переводов и толмачества. Во многих случаях подобное взаимодействие, очевидно, проходило без профессиональных языковых посредников. В роли толмачей могли ситуативно выступать иноземцы, долгое время прожившие в России, или

⁶⁸ Дальнейшее изложение следует: РГАДА. Ф. 210. Оп. Стб. 62. Л. 22–24. Эпизод изложен в: [Rusakovskii, p. 105].

русские, выучившие при тех или иных обстоятельствах иностранные языки, прежде всего, немецкий. Подобная низовая коммуникация не может быть реконструирована во всех подробностях, но без знания о ней наше понимание языковых процессов в России первой половины XVII в. неизбежно было бы неполным.

Литература

- Беляков А.В.* Переводчик Посольского приказа Михаил Корнильев Сахарников // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 21–26.
- Вести-куранты. 1600–1639 гг. / под ред. С.И. Коткова. М., 1972.
- Генералова Е.В.* Относительные прилагательные в старорусском языке. Становление системы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 30–44.
- Джинчарадзе В.З.* Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // Исторические записки. Вып. 39. 1952. С. 229–258.
- Коваленко Г.М.* Новгородские переводчики XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 123–129.
- Лисейцев Д.В.* «Свой среди чужих, чужой среди своих». Переводчики Посольского приказа на службе в Великом Новгороде во втором и третьем десятилетиях XVII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 64–70.
- Меньшиков Д.Н.* Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования русской армии. Дис. ... канд. ист. наук, Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2009.
- Ноздрин О.Я.* Служба русских людей европейским монархам XVI–XVII столетий // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / отв. ред. А.И. Филошкин. СПб., 2010. С. 220–227.
- Ноздрин О.Я.* Данила Ефимьев сын Вицкий и проблемы военного перевода в России эпохи Смуты // Переводчики и переводы конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 106–110.
- Опарина Т.А.* Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках / под ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 141–166.
- Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Петина Л.* «Album amicorum» Ганса Арпенбека. Об особенностях альбомного многоязычия // Лотмановский сборник. Вып. 4 / ред. Л.Н. Киселева, Т.Н. Степанищева. М., 2014. С. 59–77.

- Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Русаковский О.В.* «Наш честнейший капитан». Томас Бредиман и право солдат на мятеж в Англии и России первой половины XVII века // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 84 (1). 2023. С. 125–139.
- Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- Селин А.А.* Из истории Великого Новгорода времен Смоленской войны. Наем «воинских людей» и закупка вооружений // Новгородский исторический сборник. Вып. 14. СПб., 2014. С. 193–216.
- Селин А.А.* Русско-шведская граница (1617–1700). Формирование, функционирование, наследие: Исторические очерки. СПб., 2015.
- Скобелкин О.В.* Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дис. ... доктора ист. наук. Воронежский государственный университет, 2015.
- Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состав московской армии. Киев, 1919.
- Худин К.С.* Переводчики и толмачи Аптекарского приказа в конце XVI – первой половине XVII в. Материалы к биографиям // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 229–232.
- Шамин С.М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII вв. Дис. ... докт. ист. наук. ИРИ РАН, 2020.
- Dukes P.* The Leslie Family in the Swedish Period (1630–5) of the Thirty Years' War // European History Quarterly. Vol. 12. 1982. P. 401–424.
- Dukes P.* New Perspectives. Alexander Leslie and the Smolensk War // Scotland and the Thirty Years' War / Ed. by S. Murdoch. Leiden – Boston, MA – Cologne, 2001. P. 173–190.
- Dukes P., Herd G.P., Kotilaine J.* Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee, 2009.
- Erpenbeck D.* Das Album der Revaler Bürgers Hans Arpenbeck, Dolmetscher der holsteinischen Gesandtschaft nach Persien // Ostdeutsche Familienkunde. Jahrgang 26. Bd. 8. 1978. H. 1. S. 131–139; H. 2. S. 161–168; H. 3. S. 193–198.
- Rusakovskiy O.* Foreign Military Law and Mercenary Contract in Seventeenth-Century Russia. The Case of the Smolensk War, 1632–1634 // Russian History. Vol. 48. 2021. P. 187–210.
- Rusakovskii O.* Foreign Mercenaries and the Russian Population, 1631–1634. Conflict and Coexistence // Foreigners in Muscovy. Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia / Ed. by S. Dreher. W. Mueller. L., 2023. P. 99–114.
- The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE) // Ed. by S. Murdoch, A. Grosjean. URL: <https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne> (дата обращения: 28.05.2023).

Перевод как вариант адаптации текста (на материале сборника «Альфа и Омега», 40-е гг. XVII в.)

В силу историографической инерции в работах по истории русской культуры главенствуют представления о том, что интерес московской просвещенной аудитории к наследию югозападнорусской литературы и книжности появился после церковной реформы, в период становления русского барокко. Исследования последних лет ясно показывают, что эти процессы начинаются гораздо раньше, в 1620–1630-е гг., приобретая все большие масштабы именно в годы, предшествующие реформе патриарха Никона. Центром взаимодействия двух культур был московский Печатный двор, находившийся в то время фактически под патронажем царского духовника Стефана Внифантиева; именно тогда тексты, напечатанные в типографиях Вильно, Киева, Львова появились в московских изданиях канонического, катехизического, полемического и даже богослужебного назначения [Андреев, 2021; Белякова, 2011, с. 103–105; Корзо, с. 292–404; Опарина, 1998; Савельева, 2021с, с. 70–72].

Через посредство книжности Юго-Западной Руси в Москву попадали не только канонические и богословские сочинения византийских авторов, переведенные с греческих и латинских изданий европейских типографий, но и созданные в православных кругах ВКЛ переводы памятников современного европейского богословия и схоластики. Эти переводы, отчасти опубликованные позднее в Москве в пореформенных изданиях («Скрижаль», 1655–1656; «Анфологион», 1660), появляются на Печатном дворе в дореформенное время, демонстрируя тем самым единство истоков и направленности московской издательской политики середины XVII в. [Савельева, 2021b; 2022a].

В условиях двуязычия, ставшего основным фактором существования югозападнорусской литературной культуры XVI–XVII вв.¹,

¹ Здесь и далее я пользуюсь терминологией Б.А. Успенского и опираюсь на его выводы о соотношении языков в литературном процессе Юго-Западной Руси XVI–XVII вв. [Успенский, с. 64–82].

памятники книжно-литературной традиции Киевской митрополии могли сочетать в себе несколько языковых пластов: церковнославянский язык великорусской редакции (прежде всего, переводы острожской традиции), церковнославянский язык югозападнорусской редакции с преобладанием элементов южнорусской или западнорусской среды бытования, и, конечно, «просту мову», «русский язык» — особый язык, получивший статус литературного, на формирование которого повлияли образцы деловой государственной письменности Юго-Западной Руси и диалектные особенности разговорного языка южных и западных районов ВКЛ. Эти языковые пласты имели определенное функциональное разграничение. На церковнославянском языке переводились и издавались тексты Писания и святоотеческого наследия. «Русский» язык («проста мова»), находящийся в оппозиции к церковнославянскому как языку книжной учености, был прежде всего языком авторских сочинений югозападнорусских писателей, толковых текстов, отдельных образцов прямых переводов и отредактированных переложений современных трудов европейских богословов, а также авторских и типографских разделов книг, напечатанных в Киевской митрополии — предисловий и послесловий к изданиям Писания и комментариев в богослужебных книгах.

Освоение наследия этой культуры московской аудиторией требовало адаптации ее образцов к восприятию в новой среде. Несмотря на то, что тексты югозападнорусской традиции, написанные кириллицей, интуитивно были понятны великорусскому читателю, их вливание в московскую книжность должно было сопровождаться трансформацией, приспособляющей новые тексты к великорусским языковым нормам. Неоднородность языка заимствованных текстов предопределяла и разнообразие методов работы с этими памятниками — от элементарной, подчас просто корректирующей реалии источника, редактуры и языковой коррекции элементов церковнославянского языка югозападнорусской редакции [Савельева, 2021с, с. 70–71] до прямого перевода, в котором нуждались прежде всего тексты, написанные на «простой мове», изобилующей полонизмами, грецизмами, латинизмами и югозападнорусской диалектной лексикой. Именно в годы, предшествующие церковной реформе, на московском Печатном дворе решались вопросы о принципах работы с новыми текстами и создавались первые опыты такой адаптации.

Изучение проблемы взаимодействия двух культурных традиций неизбежно приводит к вопросам о реальных связях и реальных людях, способствовавших этим связям и осуществлявших прямые контакты между центрами разных традиций. Одной из таких личностей был игумен Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря иеромонах Гедеон. Его имя названо не так давно [Савельева, 2011], но сборники, созданные им в 1640-е – нач. 1650-х гг. («Книга о вере», «Альфа и Омега», «Зерцало духовное»), бывшие прежде анонимными, хорошо известны исследователям и пользуются до сих пор авторитетом в старообрядческой среде. В большей степени это относится к первым двум книгам, история которых напрямую связана с московским Печатным двором. Обе книги попали в Москву в самом начале царствования Алексея Михайловича, возможно, при протекции Федора Михайловича Ртищева, с которым, судя по некоторым документальным сведениям, иеромонах Гедеон состоял в родстве. Обе книги были одобрены царем и предназначались в Москве к публикации, о чем имеется достоверное свидетельство конца 1647 г. [Савельева, 2011, с. 114–115]. В итоге издание «Книги о вере» вышло в 1648 г., работа над сборником «Альфа и Омега» не была завершена.

Обе книги иеромонаха Гедеона изначально были адресованы западнорусскому читателю и написаны преимущественно на «простой мове» и, отчасти, на церковнославянском языке великорусской и западнорусской редакций; языки, использованные в архетипе каждой книги, напрямую зависели от источников этих компиляций. Появившись в Москве, каждый сборник прошел этап адаптации текста для великорусской аудитории.

Еще в работах исследователей XIX в. было установлено, что «Книга о вере» – компиляция в 30-ти главах, в которой вопросы защиты ортодоксального православия излагались в ясной и доступной для понимания форме, – почти полностью представляет собой отчасти дословное воспроизведение, отчасти авторское реферирование (переложение) памятников югозападнорусского богословия кон. XVI – 1-й трети XVII в.: «Палинодии» Захария Копыстенского (1622), «Апокрисиса» Христофора Филалета (Острог, 1598), «Книги о вере» Азария (Захария Копыстенского) (Киев, 1620), «Книжцы в шести отделах» Василия Суражского-Малющицкого (Острог, 1598); итог этим источниковедческим разысканиям подведен в монографии Т.А. Опариной, здесь же собрана исчерпывающая библиография по теме [Опарина, с. 243–284]. В авторском варианте

книги, созданном иеромонахом Гедеоном в 1644 г., реферирование источников, созданных югозападнорусским языком, также было выполнено на «простой мове». В то же время, здесь имелись тексты и на церковнославянском языке великорусской редакции, и это были эксцерпты из источников, вошедших, наряду с сочинениями югозападнорусских полемистов и типографов, в собственные авторские компиляции иеромонаха Гедеона, прежде всего, в раздел «О пьянстве» (гл. 15) и гл. 16 «О церковном пении» [Казанцева, 2013; Савельева, 2021a]; в архетипах всех своих сборников иеромонах Гедеон сохранял язык источников.

В Москве был издан перевод «Книги о вере» на церковнославянский язык великорусской редакции, перевод, очевидно, подготовленный на Печатном дворе. Изданный текст характеризуется не только ошибками в передаче оригинала [Опарина, с. 263–265], но и особенностями, присущими московской книжно-литературной традиции. Эти особенности отразились прежде всего в самостоятельных компиляциях иеромонаха Гедеона. Созданный в Москве перевод текстов, заимствованных в гл. 16 «О церковном пении» из книг, напечатанных в Киеве, в том числе из авторских предисловий киевских типографов, отдалял переведенный вариант подборки от его источников. Наиболее ярким примером такой трансформации текста было изъятие из него слов на греческом языке, который не использовался на московском Печатном дворе, и замена их соответствующими славянскими переводами, приводящая к тавтологии. Неточность в следовании источникам, характерная для московского издания сборника, вызвала даже некоторую негативную оценку «Книги о вере» в современных исследованиях и отказ в признании самостоятельности авторской работы ее составителя [Казанцева, 2013]. Тем не менее перевод сборника, вышедший в Москве, был достаточно ясным и легко воспринимался московской аудиторией, так что книга сразу была востребована и послужила источником для сочинений «ревнителей благочестия» [Савельева, 2021с, с. 75–77; 2022b]. Все нюансы и особенности печатной «Книги о вере», по видимому, следует относить к практике московских переводчиков дониконовского периода, имевших в работе над этим сборником один из первых опытов приведения текста югозападнорусской литературной традиции к языковым нормам московских изданий.

Иная история адаптации текста для московской аудитории представлена в работе над второй книгой иеромонаха Гедеона, гораздо более сложной по числу и разнообразию источников, исполь-

зованных при ее создании. И в этом случае мы имеем возможность проследить пути и варианты трансформации исходного текста, предпринятые ее западнорусским автором. Сборник, известный нам под заглавием «Альфа и Омега» (первоначальное авторское название — «Изображение истинного христианского жития, паче же иноческого») — это нравственно-дидактический и дисциплинарный монастырский сборник, представляющий собой подборку выписок из Священного Писания и святоотеческих поучений, а также сочинений древнерусских, западнорусских и европейских авторов о христианских добродетелях и иноческом подвиге; все материалы собраны в 90 глав, расположенных в алфавитном порядке. Первоначальный вариант, адресованный западнорусской аудитории, был завершен в 1645 г. Очевидно через Керженец этот текст попал в старообрядческую среду и распространялся в XVIII–XIX вв. в рукописных списках, в основном, поморской традиции. Один из таких списков со всеми его языковыми особенностями лег в основу издания книги старообрядческой типографией в Вильне в 1786 г. Второй, адаптированный для московской аудитории, вариант сборника датирован 1647 г., он известен по двум идентичным по почерку спискам, созданным в это время на Печатном дворе² и ряду восходящих к ним более поздних списков. Итогом рукописной традиции этого варианта книги, истоки которого восходят к материалам Печатного двора, стало издание текста в Супрасле в 1788 г.

Сборник «Альфа и Омега» особенно достоверно отражает процессы взаимодействия московской и югозападнорусской книжности, поскольку являет собой разновидность хорошо известного по множеству славяно-русских аналогов типа компиляции, структурированной и расположенной в тематических главах. Не случайно Ю.А. Лабынцев, характеризуя сборник по изданию Супрасльской типографии, назвал его «подлинной энциклопедией древнерусской литературы» [Лабынцев, с. 213]. Книгу, сведения о литературной истории которой в то время были очень скудными, автор статьи рассматривал в одном ряду с другими древнерусскими сборниками и компиляциями, и, соответственно, в контексте древнерусской книжно-рукописной и литературной традиций. Итоговый (хотя и не до конца завершённый) вариант авторской адаптации текста сборника для московской публикации вполне вписывался в эту традицию.

² РГБ. Ф. 98. № 1429; БАН. Арх. Д. 430.

Литературная история сборников Гедеона закономерно позволяет соотносить его работу с работой древнерусских книжников, как в выборе корпуса источников, так и в композиции созданных компиляций, выстроенных в соответствии с главной целью — прославления благочестия и истинного «росского» православия текстами «не от своего умышления»³, но от Писания и святоотеческого наследия. Гедеон — автор-составитель, редактор, работа которого основана на компилятивности как одном из основных методов литературного творчества средневекового типа. В то же время, как представитель западного мира, получивший основы образования в братской школе, он владел знанием не только церковнославянского языка, но имел представление об основах древнегреческого языка и навык чтения латинских текстов. Обладая некоторыми знаниями о европейской книжной и литературной культуре, он мог оценить и признать возможным обращение в своих трудах к переводам памятников этой культуры, созданным и ходившим в списках в книжных центрах Киевской митрополии, наиболее авторитетным из которых был Острожский литературный кружок с рядом поддерживающих его традиции монастырей. Через посредство трудов этих центров иеромонах Гедеон использовал в своих компиляциях не только памятники традиционного христианского наследия, авторитетные тексты византийских авторов, изданные в Европе, но также и памятники иноконфессиональной латинской богословской традиции.

Каждая глава сборника композиционно выстроена по одной схеме. Текст начинается подборкой цитат из Писания на заявленную в названии тему. Затем следует краткое авторское вступление с обоснованием важности и актуальности этой темы. Далее приводится цикл фрагментов, маркированных и немаркированных, избранных из поучений и толкований отцов церкви, патериков, канонических текстов, памятников древнерусской литературы и сочинений иных авторов. Иногда эти выдержки скреплены авторскими комментариями и пояснениями, иногда последовательно сменяют друг друга.

Перечень источников, которые использованы при создании сборника, обширен и разнообразен. В распоряжении иеромонаха

³ АО, 1786. Л. 302; АО, 1788. Л. 684. Здесь и далее текст двух вариантов сборника цитируется с указанием листов по соответствующим старообрядческим изданиям: АО, 1786 — [Гедеон, иером.]. Альфа и Омега. Вильна: тип. Троицкого мон., 1786; АО, 1788 — [Гедеон, иером.]. Альфа и Омега. Супрасль: тип. Благовещенского мон., 1788.

ха Гедео́на были московские издания (Пролог, Требники мирской и иноческий, Кириллова книга и др.), а также древнерусские рукописи, из которых выбирались фрагменты поучений византийских авторов. Закономерно в число источников вошли древнерусские памятники монашеской аскетической традиции, например, выписки из Устава Нила Сорского⁴ или «Сказания о черноризском чине» Кирилла Туровского⁵. Помимо огромного количества маркированных выписок из Писания и святоотеческих сочинений, толковых и канонических текстов, выбранных из рукописей и книг, бытовавших и изданных на территории Киевской митрополии и на московском Печатном дворе, в сборниках игумена Гедео́на обнаруживается довольно много немаркированных цитат и реминисценций. В числе таких «скрытых» текстов можно назвать выписки из книг западнорусских и южнорусских авторов, как напечатанных («Киновион» Леонтия Карповича, Евье, 1618; «Диоптра» Виталия Дубенского, Евье, 1612; Малый Катехизис Петра Могилы, Киев, 1645), так и не изданных еще к тому времени (например, «Алфавит духовный» Исаяи Копинского). И здесь же, в ряду традиционных выписок из поучений византийских авторов, распространявшихся в славяно-русских списках, помещены фрагменты переводов таких текстов, бытовавших в Европе в греческих и латинских рукописях и напечатанных в европейских изданиях, а также эксцерпты из сочинений, созданных современными европейскими богословами и схоластами. В сборнике цитируются гномологии «Мысли, записанные четверостишиями» Григория Богослова и «Главы, переведенные от книги нарицаемая Рай» Нила (Иоанна Геометра)⁶ [Савельева, 2021b, с. 157–158]; здесь же помещены обширные выписки из созданного в Западной Руси первого церковнославянского перевода трактата Фомы Кемпийского «De imitatione Christi», надписанные именем св. Фомы Малеонского⁷ [Савельева, 2018], а также немаркированные выдержки из трактата Гавриила Филладельфийского «О семи тайнах церковных»⁸ [Савельева, 2022с,

⁴ АО, 1786. Л. 31 об. – 32, 104 об. – 105; АО, 1788. Л. 106–106 об., 272 об.

⁵ АО, 1786. Л. 98 об. – 99; АО, 1788. Л. 256 об. – 257.

⁶ АО, 1786. Л. 141, 170 об., 232, 250 об.; АО, 1788. Л. 353, 419, 544 об. – 545, 577 об.

⁷ АО, 1786. Л. 41 об. – 42, 68, 185–185 об., 206–206 об., 227 об. – 228, 234 об. – 235; АО, 1788. Л. 130 об. – 131, 189 об. – 190, 450 об. – 451 об., 492–493, 535 об. – 536, 550

⁸ АО, 1786. Л. 102, 106, 139 об., 164 об. – 165; АО, 1788. Л. 265 об. – 266, 275 об., 348, 406 об. – 407 об.

с. 183–188]. Каждый из этих текстов имеет свою историю перевода, но все они бытовали в югозападнорусской рукописной традиции.

В первоначальном варианте сборника при цитировании сохраняется язык каждого источника, так что в цитатах присутствует церковнославянский язык как великорусской, так и югозападнорусской редакций. «Проста мова» почти на всем протяжении этого варианта книги использована в предисловиях и заключительных пассажах составителя сборника к главам, его ремарках и связках между цитируемыми текстами. Таким образом, фрагменты на «простой мове» в какой-то степени служат не только связующими элементами общего повествования, но и своего рода ориентирами в тексте, позволяющими разграничить выписки из разных авторов, что особенно важно в случаях немаркированной цитации. Кроме того, «проста мова» сохраняется в раннем варианте сборника «Альфа и Омега» в цитатах, выбранных из соответствующих изданий Киевской митрополии, полностью или частично напечатанных на этом языке, например, из предисловий к изданиям или комментариев к текстам Писания. На церковнославянском языке великорусской редакции воспроизводятся фрагменты, выбранные из древнерусских рукописей и московских изданий, а также цитаты из переводов острожской традиции, в том числе, изданных в Киеве толкований на новозаветные тексты (*Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла*. Киев, 1623; *Иоанн Златоуст. Беседы на деяния св. апостолов*. Киев, 1624), и конечно, текст Библии (Острог: Иван Федоров, 1581 г.), с которой, как правило, совпадают приведенные цитаты из Писания. Эти острожские переводы, сохранявшие и культивировавшие «чистый», «обычный язык московских славянских текстов» [Соболевский, с. 82–91], были авторитетны не только в ВКЛ, но и в Москве.

Все это языковое разнообразие предназначенного для югозападнорусской аудитории сборника требовало унификации. Отвечая на милость и особую привилегию московского придворного общества издать сборник в государственной типографии, западнорусский книжник взял на себя труд трансформировать исходный текст, сделать его доступным для восприятия великорусской аудиторией. Для решения этой задачи он использует разные методы работы над источниками своего сборника. Кратчайшим путем адаптации текста был бы построчный перевод всей компиляции за исключением тех ее частей, которые в таком переводе не нуждались. Однако иеромонах Гедеон прибегает к прямому переводу лишь в тех случаях, когда не видит другого варианта для решения вопроса. Конечно, прежде

всего он стремится избавиться от югозападнорусских языковых признаков в собственно авторских разделах сборника, написанных на «простой мове» или церковнославянском языке западнорусской редакции: Предисловии, Заключении, преамбулах к главам и связках между цитатми. Вот пример одного из таких переводов:

АО, 1786, гл. 13, л. 33	АО, 1788, гл. 13, л. 108 об. — 109
<p>А наипаче в нынѣшняя времена многи от Бога и от святой православной вѣры отпадаютъ, бридащеса обширнымъ порядкомъ церковнымъ, albo духовнымъ простаками, albo непозволяемъ в постахъ, albo наипаче вси православныя отпадаютъ добродѣтельнаго житія, растлѣющеса. А многии з дворовыхъ з пыхи для свѣта, для славы и приподобаня людскаго подупадали, вымышляючи строи в одену субтелномъ, в дворахъ вымыслныхъ и строяхъ, в едену презбытие приправныя потравы, в подсканяхъ, уклеканяхъ, в возреняхъ, словахъ, жартахъ и поставахъ; в играхъ музыкальныхъ и костырныхъ, в хелпливости, в надутости, в похмельствѣ, в порожней славі, в легкомъ уваженю, в уруганю, в звадахъ, во иныхъ розмаитыхъ бытахъ и своеволяхъ, в самомъ собѣ укоханю, в люблении почестѣй служныхъ и приятельскихъ. На остатокъ реку, неподобно всѣхъ зраз пыхы походячихъ выличить, сего ради молю, не гордися ничимъже в мирѣ семь. Вся бо здѣ остануть и в прахъ премѣнятся, ты же тамо самъ единъ, идѣже не будутъ зрѣти ни на саны и величества, но кожды по дѣломъ или муку, или Царство восприметь.</p>	<p>А наипаче в нынѣшнии времена мнози от Бога и от святая православныя вѣры отпадаютъ, гнушащеса пространнѣйшимъ чиномъ церковнымъ, или духовныхъ простотою, или возбранениемъ в постахъ, а наипаче всѣ православныя добродѣтельнаго житія отпадаютъ, а иновѣрнии, на чистецъ надеючися, растлѣлися. Мнози от сластолюбныхъ з гордыни мирской тщеславия ради и челоувѣкоугодия падають, избобрѣтающе новотворныя одежды и прочая суетная утвари различныя (яже нищихъ обнажиша) в домѣхъ пространныхъ, и жиждителствахъ, излишнихъ в ласкосердыхъ яденияхъ и почествованиихъ различныхъ, в питияхъ магерныхъ со принуждениемъ даже до изумления, в стретенияхъ напыщенныхъ и превозношеныхъ, в позрѣнияхъ и намизанияхъ лестныхъ, въ словесѣхъ суетныхъ, в смѣсѣхъ лицемѣрныхъ и кошунахъ; во играхъ блядотворныхъ различныхъ, умышлению пищалей, и органовъ, в прелюботворениихъ, во кичениихъ, в ласканиихъ, в тщеславияхъ, в легкомыслии, въ наругании, въ сваженни и во иныхъ многообразныхъ превозношенияхъ и самовольствахъ, в люблении почестей и похвалахъ дружбѣскихъ и рабскихъ, и славолюбии, в самолюбии, щадении себе. На конецъ реку, невозможно и неподобно всѣхъ злѣхъ, от гордыни исходящихъ, исчести, сего ради молю тя, не гордися ни в чесомъже в мирѣ семь, вся бо здѣ остануть и в прахъ растлѣются, ты же тамъ самъ единъ отидеши, идѣже не будутъ зрѣти ни на саны и величества, но каждо по дѣломъ или Царство восприметь, или муку, от неяже избави насъ, Господи.</p>

При переводе иеромонах Гедеон не всегда передавал исходный вариант дословно, но чаще либо сокращал и корректировал свой текст, либо (преимущественно в преамбулах к главам) изменял и значительно распространял его. В таких случаях перевод первоначального текста сопровождается его значительной редактурой:

АО, 1786, гл. 50, л. 150–150 об.	АО, 1788, гл. 50, л. 378 об. – 379
<p>Святой пророкъ и царь Давыдь похваляетъ: «Се нынѣ что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (<i>Пс. 132</i>)⁹. «Красно предъ Господемъ и чловѣки совокупление братии и любовь искреннихъ» (<i>Сирах гл. 25</i>). По похвалы общаго жития знаменитшой (<i>фундаменту</i>) фемы надвыше предложение потреба, але за оскуднѣемъ в послѣднии времена, жебы хто не укорилъ, не хочю в предсловии вспоминать ничего, заразы до святыхъ удаюсе.</p>	<p>Предисловие. Церковь святая апостольская православно кафолическая восточная, от Пресвятаго Духа наставляема, в началѣ своемъ основуется общежителствомъ, которое я велико и честно возвещаетъ, ползу его въсьмъ похваляюще сице: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ: о сем бо Господь обща животь вѣчный» (<i>Дамаскин ао Октаи, глас 8, антифон 4</i>). Сими словесы извести, яко сохранившии общежителство истинное, живота вѣчнаго сподобятся. И что паче сего иматъ блаженнѣйше быти. Не сохранившии же его суд и казнь по святыхъ свидѣтельству, прияти имуть. Но да извѣстнѣйше сие явимъ, тѣхъ и поучения приведемъ.</p>

Отдельные фрагменты текста вообще исключаются из сборника: так, например, в московском варианте сборника «Альфа и Омега» нет авторских ремарок с указаниями на создание Гедеоном «Книги о вере», которые и послужили основанием для атрибуции сборников игумену Бизюкова монастыря [Савельева, 2011, с. 102–105].

Что же касается текстов святоотеческих поучений, приведенных в первой редакции по их югозападнорусским изданиям на «простой мове», то в этих случаях иеромонах Гедеон стремится разнообразить свои методы переработки исходного варианта, подбирая для таких цитат адекватную и авторитетную, с его точки зрения, замену. Наиболее наглядно этот процесс можно продемонстрировать на примере цитации бесед Макария Епитского. В первоначальный

⁹ Здесь и далее в скобках курсивом приводятся глоссы и правка, проставленные на полях.

вариант сборника автор включает довольно обширные фрагменты бесед святого на «простой мове», выписанные из их виленского издания¹⁰. Работая с текстом для московской публикации «Альфы и Омеги», он не переводит эти фрагменты, но заменяет их соответствующими цитатами из церковнославянского перевода бесед Макария Египетского, выполненного литературным деятелем и переводчиком Киприаном Острожским в Дерманском монастыре в 1598 г. [Мицько, с. 37–51, 94–95]¹¹. Список сборника Духовных бесед Макария Египетского в переводе Киприана Острожского, с которым непосредственно работал иеромонах Гедеон, сохранился¹². Текст перевода бесед Макария Египетского сопровождается в этой рукописи острожскими же, возможно, также принадлежащими Киприану, переводами на церковнославянский язык гномологиев Григория Богослова и Нила (Иоанна Геометра), отдельные сентенции которых, как упоминалось ранее, вошли в оба варианта сборника «Альфа и Омега». Позднее эти острожские переводы гномологиев использовал Арсений Грек при подготовке текстов к изданию в составе «Анфологиона» [Савельева, 2021b].

Иногда иеромонах Гедеон все-таки прибегает к собственному переводу цитат, заимствованных в первоначальный вариант сборника «Альфа и Омега» из югозападнорусских изданий или рукописей. Так, например, он предлагает свой перевод фрагмента еще не изданного в Москве Малого Катехизиса Петра Могилы¹³ (Киев, 1645):

АО 1786, гл. 48, л. 147	АО, 1788, гл. 48, л. 371 об.
<p>Что есть надѣяние. Надѣя есть правдивая нетривожливая дуфность (<i>и инаго: несумнѣнное упование</i>) в Господѣ Бозѣ через заслуги Спасителя нашего Исуса Христа одержати забвение вѣчное и всѣ тые рѣчи, о которые Господа Бога з вѣрою згожаючися з волею его святою просимь.</p>	<p>Что есть надежда. Надежда есть истинная несумненное упование в Господѣ Бозѣ через услужение Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа получитьи спасение вѣчное и вся сия, о нихже Господа Бога с вѣрою по воли его святой просимь.</p>

¹⁰ *Макарий Египетский*. Духовные беседы. Вильно, 1627. См., например: АО, 1786. Л. 5–5 об., 9–9 об., 19, 20, 35, 45 об. – 46 об. и др.

¹¹ См.: АО, 1788, л. 64 об., 70 об., 74, 115–115 об., 137 об. – 138 об. и др.

¹² РГБ. Ф. 247. № 50, нач. XVII в.; на л. 9–15 скрепа о принадлежности рукописи Бизюкову монастырю, отчасти записанная рукой Гедеона

¹³ *Могилы Петр*. Собрание короткой науки о артикулах веры... Київ, 1645, л. 63 об. – 65.

Точно также он переводит для московского издания краткую выдержку из Повести о Варлааме и Иоасафе в редакции Варлаама Половки, выписанную из кутеинского издания книги¹⁴:

АО 1786, гл. 49, л. 149 об.	АО, 1788, гл. 49, л. 376 об. – 377
<p>При концы свягата Варлаама вспомнимъ. Который для пожадания вѣчныхъ рѣчей, дочасныи погоржають, и тые себе за смѣте почитають, абы Христа толко самого позыскали, и все старане на Бога возложивши, надѣю вѣчныхъ добръ себе кормять, тыхъ я богатыми быти повѣдаю, а лакомьи богатства до богатства прикладаючи, всегда суть убогими.</p>	<p>При концы свягата Варлама вспомнимъ. Иже желание имѣють к вѣчнымъ, временныя пренебрегающе, и тыа аки умѣты вмѣняють, да токмо самого Господа приобрящуть и все попечение на Бога возложивше, надежду вѣчныхъ благъ себе утврждаютъ, тѣхъ азъ богатыя быти именую, а лихоимцы богатства к богатствомъ прилагающе, всегда суть нищими.</p>

В некоторых случаях, когда Гедеон включает в сборник не прямую цитату из святоотеческого текста, а ее краткое переложение на югозападнорусский язык, в московском варианте он переводит этот собственный реферативный вариант дословно:

АО, 1786, гл. 12, л. 29 об. – 30	АО, 1788, гл. 12, л. 95
<p>Святой Василий на многихъ мѣсцѣхъ пишетъ: Своей воли быти и своего здания во всѣмъ всегда держатися, есть быти неразумнымъ. И инде: Што кольвѣкъ одно з уподобаня воли власной чинить, хотяи быти же и з послушаня што чиниль, не годень жадной заплаты.</p>	<p>Святой Василий пишет: Своя воля быти и своего мнѣния и разума всегда держатися, есть неразумие и пагуба. И паки. Что бо кто от своего произволения и воли истовой творить, аще бы и от послушаня что дѣяль, недостоинъ никоея мзды.</p>

Особенно примечателен в этом ряду случаев перевода фрагментов трактата Гавриила Филadelphийского «О семи тайнах церковных». В югозападнорусской традиции бытовали два кириллических варианта этого сочинения. Первый перевод на церковнославянский язык великорусского извода был создан в 1603 г. в Дерманском монастыре. Именно он появился в Москве в окружении Стефана Внифантьева, а позднее лег в основу работы никоновских справщиков над изданием трактата в составе московской «Скрижали» (1655–1656 гг.). Но на землях ВКЛ получил распространение не этот «чистый» церковнославянский перевод, а его переработ-

¹⁴ История о Варлааме и Иоасафе. Кутеин, 1637, гл. 18, л. 159–160.

ка, распространенная и изложенная «простой мовой» [Савельева, 2022a]. Именно из этого югозападнорусского переложения трактата иеромонах Гедеон выбрал фрагменты для первоначальной редакции сборника «Альфа и Омега»¹⁵. Таким образом, впервые московский читатель познакомился с текстом трактата венецианского богослова по фрагментам его югозападнорусского переложения, которые заново переведены составителем сборника «Альфа и Омега» на церковнославянский язык великорусской редакции.

Иеромонах Гедеон очень избирательно и творчески подходил к созданию редакции сборника для московской аудитории, учитывая свои возможности и отдавая предпочтения авторитетным текстам, когда они были доступны. Об осторожности компилятора говорит критическое отношение к цитированным сочинениям. С одной стороны, в московскую редакцию вошли не все источники, использованные в первоначальном варианте сборника, хотя исключения отдельных цитат единичны и имеют определенную мотивировку. Так, например, из московской редакции сборника исключен краткий фрагмент из 2-й книги (Беседа 1) «Зерцала богословия» Кирилла Транквиллиона. Немаркированная цитата под ссылкой «Инаго», вероятно, выбранная из почаевской публикации книги 1618 г., помещена в гл. 2 «О ангелах» первоначального варианта сборника¹⁶ и опущена в его московском варианте. По-видимому, в данном случае иеромонах Гедеон руководствовался сведениями об отношении в Москве к сочинениям Кирилла Транквиллиона, в которых были отмечены отступления от догматов православия [Опарина, с. 162–172, 367–429].

С другой стороны, московский вариант сборника распространяется по сравнению с его первоначальной редакцией текстами сочинений Киевского митрополита Петра Могилы, авторитет которого в Москве возрастал именно в эти годы. Так, в гл. 14 «О грехе» добавлен раздел «О разделении грехов»¹⁷, выписанный из предисловия Петра Могилы к изданию Номоканона (Киев, 1629, с. 3–6). Но особенно примечательно обращение иеромонаха Гедеона к только что вышедшему изданию Большого Требника Петра

¹⁵ Подробный анализ заимствований текста из трактата Гавриила Филадельфийского и публикацию всех выбранных фрагментов по двум вариантам сборника «Альфа и Омега» параллельно с их югозападнорусским источником см.: [Савельева, 2022c].

¹⁶ АО, 1786. Л. 6 об.

¹⁷ АО, 1788. Л. 116 об. – 118.

Могилы (Киев, 1646 г.). Из этого издания в гл. 46 «О начальстве духовных» московского варианта сборника добавлена большая статья «От правил нравоучительных о священстве»; кроме того, в гл. 60 «О распятии Христове» добавлен раздел с толкованием суточного круга богослужения реалиями новозаветной истории¹⁸. Это дополнение примечательно тем, что послужило предвестником использования тех же разделов Требника Петра Могилы в составленном позднее Евфимием Чудовским «Учительном известии», которое с 1694 г. помещается в русских печатных изданиях Службника в качестве приложения [Петровский, 1911]. Любопытно отметить разнонаправленность целей обращения двух авторов к одному тексту. Если Евфимия Чудовского занимают богословско-догматические аспекты свода Петра Могилы, которые в конце концов и вошли как практическое пособие в московские Службники, западнорусского автора в контексте его сборника интересовали исключительно духовно-нравственные качества священника и точность исполнения канонических правил, предписанных ему при отправлении главного христианского таинства Евхаристии.

Обращение к Требнику Петра Могилы было не случайным, это издание сразу получило признание в Москве и сыграло важную роль в становлении московской литургической практики. Требник Петра Могилы уже до реформы использовался для создания печатной Кормчей, из него в Кормчую помещен раздел о тайне супружества [Павлов, с. 8–40; Белякова, Мошкова, Опарина, с. 157–158]. Работа над Кормчей началась в сентябре 1649 г., над ней трудились те же справщики, разделявшие позиции Стефана Внифантьева, которые уже работали с «Книгой о вере» западнорусского автора и, судя по всему, должны были курировать второй его сборник; один из них, вероятно, – Шестак Мартемьянов [Савельева, 2011, с. 99–101]. Это был последний сборник, представляющий монастырскую и мирскую аскетическую традицию, следы реальной работы над изданием которого до перемен на московском Печатном дворе сохранились в рукописях. Так же, как и новая для московского обихода «Книга о вере», он сочетал в себе идеи и положения, близкие взглядам Стефана Внифантьева и его сподвижников. О причинах, по которым это издание не осуществилось, можно только догадываться. Возможно, подготовка к изданию была при-

¹⁸ АО, 1788. Л. 353–354 об., 458–459 об.; см.: *Петр Могила*. Требник. Киев, 1646. Ч. 1, с. 3, 5–6, 219–220, 222, 225–227, 229–230, 234.

остановлена в связи с кончиной в 1652 г. Шестака Мартемьянова, но, скорее, после фактической победы позиции «ревнителей благочестия», подтвержденной изданием Служебника 1651 г., «Альфа и Омега» с ее архаикой, декларацией нравственных устоев и следования традициям в церковном служении, потеряла свою актуальность, хотя следы ее источников, как уже было сказано, появляются позднее в пореформенных изданиях московской типографии.

На примере работы иеромонаха Гедеона мы можем судить о творческой лаборатории автора, представляющего культурные и конфессиональные устои православного сообщества восточной части Киевской митрополии середины XVII в. Можно с уверенностью говорить о том, что духовно-нравственные ориентиры и консерватизм этого сообщества, повлиявшие на труды иеромонаха Гедеона, были сопоставимы с заботами и чаяниями формировавшегося в это же время в Москве кружка «ревнителей благочестия». Наследие Гедеона сыграло значительную роль как в истории становления западнорусской литературы и полемики, так и в истории формирования издательской политики московского Печатного двора, и в целом в богословской и полемической традиции России XVII–XX вв. Сборник «Альфа и Омега», появившийся в Москве в середине XVII в. — это один из первых образцов книги, отражающей особенности работы западнорусского компилятора с многочисленными и разнообразными источниками и в определенной степени дающий представление о репертуаре и круге чтения юго-западнорусского православного общества. Если бы издание сборника «Альфа и Омега» осуществилось в Москве в нач. 1650-х гг., то именно в его составе дошли бы до московской аудитории первые сведения о целом ряде сочинений, хорошо известных и авторитетных в европейском обществе и получивших впоследствии признание в России. Творческий и продуманный подход составителя сборника к введению своего труда в круг чтения московской аудитории был продиктован его стремлением изложить свой материал в ясной и доступной форме, не нарушив при этом границ и конфессиональных рамок, сохранив иерархию в обращении к трудам отцов церкви и современных богословов и максимально затенив свое («простеца») участие в формировании свода аргументов для подтверждения истинности православной веры и православного служения.

В лице Гедеона мы видим западнорусского автора, который имел достаточный уровень образованности, чтобы понять необхо-

димось корректировки текста для нового адресата. Стремясь представить свой труд московским читателям, воспитанный на авторитетных изданиях острожского кружка (являвших собой лучшие образцы текстов на церковнославянском нормированном языке), Гедеон проявил себя и как редактор, и как переводчик с еще нового, непривычного для московской литературной традиции языка.

Литература

- Андреев А.А.* Печатные издания Служебника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 66–115.
- Белякова Е.В.* Издание Кормчей Книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.
- Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017.
- Казанцева Т.Г.* Глава 16 «Книги о вере». К вопросу об источниках // Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 23–44.
- Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв. М., 2007.
- Лабунцев Ю.А.* Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 209–215.
- Мицько І.З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія. Київ, 1990.
- Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.
- Петровский А.В.* Учительное Известие при славянском Служебнике // Христианское чтение. 1911. № 4. С. 552–572.
- Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // Книжная старина. Вып. 2. СПб., 2011. С. 82–131.
- Савельева Н.В.* Неизвестный перевод трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского в западнорусском сборнике XVII века // Славяноведение. 2018. № 2. С. 65–82.
- Савельева Н.В.* К вопросу об истории текста и источниках авторских compilаций «Книги о вере» иеромонаха Гедеона // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск: Апостроф, 2021. С. 26–49 (Савельева, 2021a).
- Савельева Н.В.* К истории текстов московского Анфологиона 1660 г.: Главы... от книги Рай и Четверострочия Григория Богослова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18(1). С. 147–186 (Савельева, 2021b).
- Савельева Н.В.* Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Русская литература. 2021. № 4. С. 65–77 (Савельева, 2021c).

- Савельева Н.В.* История московского перевода трактата Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных». Исследование и тексты. М.; СПб: Альянс-Архео, 2022 (Савельева, 2022а).
- Савельева Н.В.* О литературном наследии «ревнителей древлего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176 (Савельева, 2022б).
- Савельева Н.В.* Трактат Гавриила Севира, митрополита Филадельфийского, «О святых семи тайнах церковных» в славянских переводах XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3(89). С. 180–192 (Савельева, 2022с).
- Соболевский А.И.* История русского литературного языка / подгот. А.А. Алексеев. Л., 1980.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 64–82.

Толмачи похода принца Ханса Датского к Москве в августе-октябре 1602 г.

История приезда в Московское царство датского принца Ханса (Ханса Голштинского) летом – осенью 1602 г. довольно хорошо разработана [Селин, 2017а] и документирована прежде всего в начальной его стадии (подготовка к приему и прием принца в Ивангороде и Великом Новгороде боярином М.Г. Салтыковым и думным дьяком А.И. Власьевым), а также в трагической заключительной стадии (прием принца в Москве и его кончина). Путь же принца от Новгорода к Москве, выстроенный по необычной траектории (не через Торжок и Тверь, а через Старицу) исследован гораздо хуже. Основными источниками для изучения этого пути являются документы Посольского приказа¹. Важную роль играют также открытые и опубликованные Ю.Н. Щербачевым записки секретаря датского посольства А. Гольденстиерне, сопровождавшего принца Ханса [Щербачев, 1908; Селин, Закржевская, 2018].

Вместе с тем состав толмачей, обеспечивавших приезд принца Ханса, дают отличную иллюстрацию к сформулированному А.В. Лаврентьевым (и думаю – верному) тезису о формировании в кругах, близких Борису Годунову, особого служилого чина – «московских торговых немцев» [Лаврентьев, 2016]. Именно такая концептуальная рамка позволяет понять, как именно менялось российское общество в период «между кризисами», в 1584–1605 гг. Одновременно в городах толмачами и переводчиками служили посадские люди и дети боярские. Именно они ранее привлекались и к практике ведения переговоров государственного характера, к примеру – тязвинским 1592–1593 и 1594–1595 гг.

Общей организацией встречи принца Ханса в 1602 г. в российских пределах занимались М.Г. Салтыков и А.И. Власьев, а непосредственно сопровождать принца от Ивангорода до Москвы должны были приставы кн. Семен Кропоткин и Иван Судаков (из новгородских помещиков). Но важнейшей фигурой, особенно

¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1.

перед встречей принца в Ивангороде, был Гаврило Бекетов, новгородский сын боярский, побывавший в плену в 1570–1580-е гг.² и там обучившийся «немецкому» (видимо, именно немецкому языку городов Северной Ливонии) настолько, что в ходе тязвинских переговоров 1590-х гг., находясь в Ивангороде, практически еженедельно контактировал с представителями Шведского королевства [Селин, 2019], а в начале июля 1604 г. получил указание догонять выехавшее из Ивангорода посольство де Логау, так как при нем не было переводчика³. В письмах немецкоязычных дипломатов и переводчиков он именовался Габриэлем Савиновичем [Ульяновский, 1990].

В начале лета 1602 г. он уже ждал в Ивангороде боярина М.Г. Салтыкова и дьяка А.И. Власьева (знакомых с ним по первым тязвинским переговорам), прибывших в город только 16 июля. В дни подготовки к встрече принца Ханса Бекетова послали из Ивангорода навстречу Салтыкову и Власьеву. 2 июля 1602 г. Бекетов сообщал государевым посланцам, «что вышли в Ивангород на государево имя немцы, а сказывали, что литовские люди Ракабар взяли тому недели с две и больше, а Колыванские места воевали, а ныне идут к Ругодиву на осад, а чаяли их быть к Ругодиву к 1 июля с четверга на пятницу в ночи»⁴.

С Салтыковым и Власьевым из Москвы ехал свой, главный переводчик, Клаус Савастьянов. Именно он осуществлял основную коммуникацию с принцем и его свитой, имея, по всей вероятности, особое поручение от царя Бориса Федоровича. Личность Савастьянова (изначально, видимо рижского купца К. Берга), его службы в Московском царстве и особая близость к Борису Годунову обстоятельно рассмотрены в статье А.В. Лаврентьева [Лаврентьев, 2006]. И в ходе поездки принца Ханса к Москве любой так или иначе сложный вопрос, связанный с коммуникацией Салтыкова с датчанами, стал ответственностью Савастьянова. О Савастьянове

² «Во 114-м году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Свеи 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без верстанья за полон и за службу в Водской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иванегороде на время для толмачества свейского языку» – Десятня Водской пятины 1605 года // Известия Российского генеалогического общества. 1911. № 4. С. 472.

³ ПДС. Т. 2 (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Стб. 913.

⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 44–52.

как об одном из царских переводчиков при миссии принца Ханса писал и Аксель Гюльденстиерне [Шербачев, 1908].

15 июля 1602 г. в Наровское устье вошли три корабля: «одно из Кольвани, другое голландские земли, третье датское». Для разведки к устью послали именно К. Савастьянова. Особенное значение для послов имел, разумеется, датский корабль, про который Савастьянов сообщил, что «шкипер на нем Индрик Пилштик с товаром торгового человека Берн Ширмана, пошел из Капнагава тому 10 день». По словам шкипера, вскоре из Копенгагена должно было прийти еще 8 кораблей — это и было посольство во главе с принцем Хансом, «а садитца деи королевичю в караблю тотчас». По словам шкипера, причина задержки принца заключалась в том, что король выдавал свою сестру замуж за «сайского курвистра, да и для того, что чают на море свейских розбойников»⁵. Сбор сведений в Ивангороде не ограничивался только известиям от экипажей входящих в Наровскую гавань кораблей. Торговавший в Нарве «московский немчин Ерема Бракал» дал Салтыкову и Власьеву известия от «немчина Томаса», привезшего из Копенгагена имущество посланников Ивана Ржевского и дьяка Постника Дмитриева, что в Нарве скоро ожидаются девять кораблей из Датской земли с королевичем и свитой в 800 человек⁶, а также, будто бы — имперский посол⁷.

Ждать пришлось больше трех недель. Только 10 августа М. Б. Боборыкин и толмач Г. С. Бекетов сообщили послам, что «пришли де блиско устья в становище шесть караблей, а на них прапоры черевчатые, а другая де, государь, шесть караблей стоят в море, а идут де как губою, и стрельба де с тех со шти караблей великая, чаять... что те карабли датцкие»⁸. Съездившие навстречу кораблям Боборыкин и Бекетов сообщили «в пятом часу дни» что в Наровское устье пришли пять датских кораблей с принцем Хансом. Объявлять о скорой встрече его московские послы отправили перед собой, однако, не Савастьянова, но толмача Бекетова с детьми боярскими⁹.

Для въезда принца в Ивангород подготовили специальное судно, «а на судне зделан чердак, изнутри подволочен до лавок бархатом червчатым, а от лавок до помосту и помост слан ковры, а верх у чердака покрыт сукном багрецом, а набой у судна и по набоем

⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 74–75.

⁶ В свите принца Ханса и в посольстве было 342 человека [Лунд, 2017].

⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 74–75.

⁸ Там же. Л. 76–77.

⁹ Там же. Л. 78–79.

решетки, покрыты красками разными», которое в Наровское устье доставили новгородцы А. Сназин. С. Апрельев и толмач Г. Бекетов, для свиты и имущества принца выделили еще 30 больших и малых судов. Самого Ханса встречали на открытом месте в шатрах близ Ивангорода. Имя толмача с русской стороны не названо, хотя, несомненно, он должен был присутствовать. Упомянут отвечавший дьяку Власьеву датчанин «дохтур Грегориус». Видимо, именно толмач (им в этот раз, полагаю, должен был бы быть Клаус Севастьянов), подсказал Салтыкову и Власьеву, что в титул принца в речи датского посольства добавлено указание на то, что он «дедич и наследник Норвеские земли»¹⁰.

В приграничном Ивангороде служили и другие толмачи, по всей вероятности — из посадских людей. 17 августа 1602 г. в отписке ивангородских воевод в Посольский приказ упомянут толмач Тишка Леонтъев, который, посетив Нарву, встречался там со старостой Якушом Чаповским. Именно из этого разговора, со ссылкой на жену нарвского наместника «Пентея Лаврентьева»¹¹, в историографию вошло известие о том, что будто бы принца Ханса до Ивангорода (и Нарвы) провожал его старший брат [Щербатов, с. 209—211], ночевавший в Наровском устье («а в Ивангороде никто его не ведал», а 12 августа будто бы прибывший в Нарву к наместнику, с которым пировал «в Вышегороде день» (при том, что нарвский наместник будто бы для встречи этого принца взял с нарвских жителей «три бочки ренского»)¹². В связи с этим пушки Наровской крепости дали салют, а извещенные о приезде принцев дерптские власти прислали в Нарву 400 человек пехоты¹³.

Тот же толмач Тишка Леонтъев и его известие о втором датском принце (названном по имени «Ириком») упомянут в доносе ивангородских властей на первого своего воеводу кн. В.И. Ростовско-

¹⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 91—96.

¹¹ Видимо, Бенгт Ларссон. В историографии о таком наместнике Нарвы не упоминается. Очень осторожно предположу здесь, что это мог бы быть Бенгт Ларссон Йерта (Bengt Larsson Hierta), женатый на Марии Торкелсдоттир Грийс (Maria Torkelsdotter Grijs). Он воевал в Ливонии на стороне Карла Сёдерманландского в 1600—1601 г. и скончался в 1602 г. Место кончины неизвестно [Szabad, с. 447]. Цит. по: URL: <https://www.wikitree.com/wiki/Hierta-40> (дата обращения: 09.05.2023). Других представителей шведских высших чинов с таким именем и «отчеством» в 1602 г. неизвестно.

¹² При том, что когда ранее ивангородские власти пытались найти в Нарве на продажу хоть немного рейнского вина, то потерпели фиаско.

¹³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 113—115.

го: упрекая того в разных служебных проступках, второй воевода Т. Вельяминов и дьяк Д. Яковлев писали в Москву, что тот пишет в Посольский приказ о «тайных делах», не советуясь с ними, «а думает с толмачи с латыши, и с мужики, и пишут у него тайные дела церковные диячки на подворье у него, и отпускает от себя, и подорожные гонцам дает за своею рукою, без моей Данилковы приписи, и посылает»¹⁴. Вероятно, этот конфликт между воеводами вошел в дело Посольского приказа именно в связи с обвинением в возможном распространении государственного секрета.

Когда принц уже подъезжал к Москве, 22 сентября из Нарвы в Ивангород приехали королевские гонцы. К ним толмачом командировали московского торгового немчина Томаса Брикса; при этом он мог выступать и как толмач, и как переводчик — ивангородские власти дали ему прочесть и перевести подписи на грамотах, которые везли к принцу датчане¹⁵. По всей вероятности, в многоязычном (как думается) приграничном Ивангороде Г.С. Бекетов служил почти уникальную службу — после его отъезда замену найти было непросто, отсюда и обращение ивангородских властей к новому (и чужому в Ивангороде) человеку.

Когда началось движение принца к Москве, важнейшим человеком в коммуникации с принцем стал К. Савастьянов. В Тесове, на половине пути из Ивангорода, поезд принца встретился с возвращавшимся из Москвы датским посланником Петром Размыслом, о встрече с которым послам заранее велели сообщить принцу Хансу. Посланник в Тесове развернулся, проводил поезд до Мокриц, деревни близ Новгорода, а потом поехал с письмом принца к брату, Кристиану IV, в Данию. Подробности разговора, и что именно послал принц королю, «подлинно у королевичевых ближних людей» Салтыков поручил узнать Савастьянову¹⁶. Примечательно, что по сообщению Савастьянова «королевич платейца к брату не послал. А послы короля и ближние люди королевичевы на то его наговаривали, чтоб он вашего царского жалованья послал к брату своему. И королевич им отвечал, что ваше царское жалованье к нем перво, и он принял его с покорностью и радостным сердцем, и послать ему жалованья первого не годится»¹⁷.

¹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 116–118.

¹⁵ Там же. Л. 245–248.

¹⁶ Там же. Л. 123.

¹⁷ Там же. Л. 130–132.

Важной церемонией был въезд принца в Новгород, когда новгородские власти (воевода кн. В.И. Буйносов-Ростовский и дьяк В. Поздеев) были представлены принцу дьяком И. Грамотиным¹⁸. Принц поселился на Торговой стороне во дворе гостя Ю. Иголкина. В документах, связанных с жизнью принца в Новгороде, в свите королевича упомянут «толмач Нильс», который от имени принца осуществлял общение между ним и боярином Салтыковым (тот считал это не вполне соответствовавшим церемониалу, в частности, официально узнавать о здоровье царя и царевича не лично, а через толмача)¹⁹. Этот толмач Нильс — несомненно Нильс Мунк, судьбе которого посвящено специальное исследование К. Лунда — назначенный в мае 1602 г. в свиту принца переводчик. Интересно, что и при погрузке принца со свитой на корабль в Копенгагене он был назван «Dolmetsch», т.е., толмач [Лунд, 2017].

30 августа 1602 г. Салтыков окончательно распределил обязанности между толмачом Бекетовым и Савастьяновым: первый должен был находиться при королевиче, а второй «вперед... к королевичу ходить вместе с приставами... для покою и для старости»²⁰. Вскоре Савастьянов получил боярское поручение: узнать, каким гардеробом обладает принц и что именно предполагает надеть на аудиенцию у царя. На прямой вопрос Савастьянов не решился и исподволь попытался выяснить это в разговорах с адмиралом Херлуфом и «коморным Робертом», но в выяснении конкретики сперва не преуспел²¹. Только 4 сентября со стана в Яжелбицах Салтыков отправил в Москву сообщение с подробным описанием платья принца Ханса, сочтенного его приближенными лучшим. Адмирал описал Савастьянову, какие материалы («бархат ал скорлатен», а также золотые и серебряные «участки») потребуются в Москве принцу для обновления гардероба²². Из Москвы же присылали очередные указания Салтыкову, чтобы Савастьянов не докучал своими визитами принцу, но «только с опаскою, обо всем бы спрашивал и докладывал... тотчас»²³.

Вскоре Посольский приказ (а может быть, и лично царь Борис) затребовали Савастьянова в Москву. Вместо него к принцу в про-

¹⁸ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 126–129.

¹⁹ Там же. Л. 126–129.

²⁰ Там же. Л. 140.

²¹ Там же. Л. 161–164.

²² Там же. Л. 187–188.

²³ Там же. Л. 186.

вожатые назначили толмача Михаила Юрьева. Видимо, о нем, как о царском толмаче Михаиле («Michell») упоминает Гюльденстиерне [Лунд, 2017]. Из Старицы под Торжок, куда около 10 сентября подходил поезд принца, Юрьев дал знать о своей болезни; несмотря на это из Торжка Савастьянов повернул к Москве, а поезд принца с боярином Салтыковым пошел к Старице²⁴. В Торжке по просьбе принца поезд ненадолго остановился. Это удивило Салтыкова и приставов. Но еще до отъезда Савастьянову удалось выяснить, что датчане просили о задержке в связи с тем, что ожидали из Москвы «золотых и серебряных участков» для украшения гардероба принца Ханса, за которые обещал заплатить адмирал: «И говорит королевич с Клаусом и по ся место часто. Клаус сказывал мне, что говорил с королевичевыми ближними людьми о стоянье, и стоянья королевичу в Торжку не будет»²⁵.

Михаил Юрьев был тут же отправлен в Старицу. Он должен был также доставить для принца царский подарок — аргамака и иноходца «со всеми наряды». Примечательно, что согласно грамоте из Посольского приказа Савастьянов не должен был знать о том, что Юрьев приезжает к нему на смену²⁶. Однако Савастьянов уехал в Москву, а заболевший Юрьев не смог сразу приступить к своим обязанностям²⁷. Некоторое время, по всей вероятности, коммуникация производилась через толмачей принца. Когда в конце октября 1602 г. принц трагически скончался в Москве, толмач посольства Нильс Мунк и царские толмачи некоторое время еще продолжали контакты [Лунд, 2017]. Савастьянов и после кончины Бориса Годунова, в разгар Смуты оставался в Москве [Лаврентьев, 2006].

Важными обстоятельствами, характеризующим период 1584–1605 гг., являются многочисленные начинания, направленные на трансформацию московской жизни, обычно связываемые с личностью Бориса Годунова. История приезда принца Ханса в Москву показывает одно из таких предприятий — попытку создания нового служилого чина — «московских торговых немцев». К ним относился и К. Савастьянов, и служившие при переводах в Ивангороде Иеремя Бракиль и Томас Брикс. Нет сомнения, что из них же происходили и другие переводчики и толмачи эпохи — известные Ганс Бракиль и Эрик Андерссон [Селин, 2017б; Korhonen, 1953]. Вме-

²⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 189.

²⁵ Там же. Л. 190–193.

²⁶ Там же. Л. 204, 206.

²⁷ Там же. Л. 209–210.

сте с ними толмаческую службу исполняли ивангородские посадские люди и представитель новгородского служилого люда Гаврило Бекетов. Упомянутые «московские торговые немцы» как особая страта московского служилого общества не пережили Смутного времени.

Литература

- Лаврентьев А.В.* Царь Борис Годунов и ювелир Клаус Савастьянов // Памяти Лукичева. Сборник работ по истории и источниковедению. М., 2006. С. 407–421.
- Лунд. К.-Х.* Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2017. № 1. С. 7–33.
- Селин А.А.* Карьера «московского немчина» Ээриikki Антинпойка: от переводчика до военного комиссара // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 685–689.
- Селин А.А.* Комплекс материалов коллекции 183 («Новгородские акты») из Научного архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г. // Петербургский исторический журнал. 2017а. № 1. С. 162–179.
- Селин А.А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века: очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017б.
- Селин А.А., Закржевская Ю.П.* Датское свадебное посольство 1602 г.: источники и историческая память // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 301–320.
- Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. 1990. С. 60–75.
- Щербачев Ю.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию в 1602 г. М., 1908.
- Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1904.
- Korhonen A.* Eerikki Antinpoika. Porvoo, 1953.
- Szabad C.* Supplement till den introducerade Svenska adelns ättartavlor, Stockholm, 2008.

Толмачи Войска Донского в XVIII веке: персональный состав, происхождение, функции

Статья продолжает цикл авторских работ по истории устной и письменной коммуникации в пространстве южного пограничья конца XVII–XVIII вв. [Сень, 2019; Сень, 2020; Сень, 2021]. В данной работе сделан акцент на выявлении состава толмачей (в некоторых случаях – переводчиков) Войска Донского XVIII в., активно участвовавших в его культурных контактах с тюрко-татарским миром, а также с калмыками. В этом состоит один из аспектов новизны и актуальности темы предложенного исследования. Не менее актуально рассмотреть соответствующие практики донского казачества на фоне аналогичных примеров из жизни других казачьих войск и пограничных территорий [Ряжев, с. 876–889; Беляков, с. 258–277; Синяк, с. 317–330; Колесов, Сень, с. 602–645; Осипова, с. 7–19]. Актуально исследовать заявленную тему также в контексте эволюции потестарных (управленческих) структур Войска Донского, войсковых должностей (чинов), связанных с его полным подчинением Российскому государству именно в XVIII в. К примеру, с начала 1740-х гг. должность толмача была включена в состав новообразованной Войсковой канцелярии. Толмачей Войска Донского (а также других казаков-донцов, владевших восточными языками) можно отнести к одной из подгрупп, работавших в интересах еще Азовской воеводской (губернаторской) администрации и осуществлявших устные и письменные переводы с восточных языков.

Можно выделить как минимум шесть таких подгрупп, наиболее активно работавших с устными/письменными данными калмыцкого, татарского и османо-турецкого языков [Сень, 2021, с. 163–164]. До настоящего времени наука располагала лишь отрывочными сведениями о персональном составе войсковых толмачей; тема статьи не выделялась и не формулировалась в качестве самостоятельной проблемы. Между тем, она удачно коррелируется с исследованием кругозора, грамотности, просвещения в среде донского казачества [Королев, с. 92–113], «пограничной дипломатии» Войска Донского и истории его военной разведки.

Традиционным является интерес ученых к обладателям лишь таких должностей (чинов) у казаков как войсковой атаман, войсковой есаул и войсковой дьяк [Куц, с. 122–164; Рыблова, с. 360–379]. Н.А. Мининков упоминает при описании должностных лиц Войска Донского только войсковых атаманов, войсковых есаулов и войсковых дьяков с подьячими [Мининков, с. 242–256]. Таковыми же должностными лицами именовал их О.Ю. Куц [Куц, с. 133]. В.Г. Дружинин, перечислив войскового атамана, войскового есаула и войскового подьячего, констатировал, что это «были три обще войсковые (sic! – Д.С.) чина» [Дружинин, с. 31]. С.Г. Сватиков же, сообщая о лицах войсковой администрации (т.е. о войсковом атамане, войсковом есауле и войсковом дьяке), указывал: «В XVI веке появились и другие должности: “войскового толмача” и “подтолмача” – для сношений с татарами и калмыками» [Сватиков, с. 38–39].

В.Н. Королев полагал, что в Войске Донском «были представлены знатоки языков и наречий всех этносов и их подразделений, с которыми мирно или немирно соприкасались донцы, но и имелись лица, знавшие по несколько языков, специализировавшиеся в их изучении и применении. Речь идет в первую очередь о переводчиках – толмачах и подтолмачах... но не только о них» [Королев, с. 101]. Исследователь справедливо предложил посмотреть на проблему шире – имея в виду знание языков и другими казаками Войска Донского. В ходе поиска новых данных были обнаружены сведения о казаках, владевших восточными и иными языками, но не являвшихся толмачами. Так, из формулярного списка войскового есаула Дмитрия Степановича Золотарева (родом «из казачьих детей») за 1787 г. следует, что он был переводчиком при хане Шагин-Гирее (еще до отречения его от престола) «во всю бытность в переводческой должности турецкого языку и посылан был в разные дела»¹. Полковой есаул Алексей Мержанов (сын выехавшего «из Греции» купца) мог читать и писать по-гречески и по-французски². Сыном другого греческого купца оказался полковой есаул Михаил Русин, который мог читать, писать и говорить, кроме русского, по-гречески и по-волошски, а также знал «по-турецки и грузински из обхождения»³.

¹ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об., 14.

² Там же. Л. 2 об., 14.

³ Там же. Л. 8 об., 15.

Трудно однозначно судить, переводили ли на Дону устную речь и документы с восточных языков одни и те же люди из числа казаков; насколько регулярно у казаков выбирались и функционировали войсковые переводчики? Каким образом в Войске Донском переводили документы с восточных языков (прежде всего — с калмыцкого, татарского и осmano-турецкого) в случае отсутствия постоянного переводчика? Насколько традиционным являлось присутствие при войсковом толмаче т.н. подтолмачей? Все это составляет дополнительные проблемы для исследователя, причем в нашем распоряжении имеются данные о регулярной доставке писем в Черкасск, например, с ногайской Кубани в конце XVII — начале XVIII в.⁴ Не был ли переводчиком именно Войска Донского Александр Турченинов (по происхождению, скорее всего, турок-осман), переведивший в 1746 г. для войскового атамана Войска Донского Д.Е. Ефремова письма крымского хана Селим-Гирея и кубанского сераскера Сеадет-Гирея?⁵ В источнике начала 1780-х гг. мною недавно выявлены данные о войсковом переводчике Эшакае Доинове (начал службу 25 мая 1780 г.) и двух подтолмачах — Асане Давлеткелдееве и Мамбете Эткусаеве (все трое — жители станицы Татарской на Дону, т.е. они — ногайцы)⁶. В РГАДА выявлен документ о поездке еще в декабре 1739 г. «базового татарина» М. Эткусаева и калмыка Берды из Черкасска с письмом атамана Д.Е. Ефремова кубанскому сераскеру⁷. Вполне вероятно, что войсковой подтолмач Мамбет Эткусаев и базовый татарин М. Эткусаев — один и тот же человек; тем более, что жители ст-цы Татарской по своему происхождению являлись именно донскими «базовыми татарами». Толмач Э. Доинов позже получил армейский чин подполковника, «удостоившись» служебного преследования со стороны самого М.И. Платова⁸. Войсковой переводчик Абдрахман Байчурин (Баичурин) переводил в 1761 г. письмо крымского хана

⁴ Вот характерные примеры за 1696 и 1701 гг.: ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3; Служба, быт и бунт донских казаков, XVIII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Вып. 15. Волгоград, 2022. С. 34.

⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 316. Ч. 1. Л. 105, 107–110, 145–146 об.; *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т. 1. С. 176–182.

⁶ ГАРО. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 3 об. Аналогичные сведения 1779 г. см.: ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 328.

⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 99. Л. 23.

⁸ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 118; [Астапенко, с. 76–77].

Крым-Пирея, адресованное атаману Войска Донского С.Д. Ефремову⁹. Но был ли он войсковым переводчиком при Войске Донском? Дело в том, что в документе за 1751 г. он назван войсковым переводчиком Гребенского войска [Оразаев, с. 86].

Вместе с тем имеются данные о людях (например, о майоре Якубе Асанове; данные взяты из его послужного списка на 1799 г.), переводивших документы с ряда восточных языков, но не числившихся по документам войсковыми переводчиками¹⁰. По происхождению – «из штаб-офицерских детей», около 1751 года рождения, службу начал в 1770 г.; этническое происхождение – татарин, женатый на дочери же татарского мурзы; неоднократно привлекался для перевода «турецких, черкесских, татарских, татарских и калмыцких на российской диалект писем»¹¹.

С разными этническими группами в Поволжье и на Северном Кавказе активно контактировал в 1720-е – 1730-е гг. Василий Перфилов («из казачьих детей», около 1700 года рождения, службу начал в 1723 г., грамотный), ставший старшиной в 1741 г., а в 1775 г. – армейским подполковником¹². Служил в Персии, на р. Сулак в крепости Св. Креста, откуда был отправлен в 1725 г. «к горскому князю Алгирей-султану, коего увещеванием своим склонив, привел к командовавшему тогда генералитету»¹³. Вскоре активизировалось калмыцкое направление его языковых способностей. В 1731 г. он являлся переводчиком «при склонении ушадшаго в Турецкую область калмыцкого владельца Дундук-Омбы по 736 (т.е. по 1736 г. – Д.С.)»¹⁴. Затем – в походе к Азову 1736 г. – «при Даниле Ефремове со всем калмыцким войском», позже – новые службы в ходе коммуникации именно с калмыками, включая самого калмыцкого хана Дондук-Омбо; затем находился в качестве пристава «при дербетовых калмыках»¹⁵. Перфилов также являлся переводчиком Войска Донского. Он переводил письма калмыцко-

⁹ Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники В. Мільчев, О. Посулько / Передмови: С. Гаврилович, С. Лалич, В. Мільчев, О. Посулько // Джерела з історії Південної України. Том 7. Запоріжжя, 2005. С. 314–315.

¹⁰ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 209. Л. 39–39 об., 44; Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 213–213 об., 214.

¹¹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 209. Л. 39 об. – 44.

¹² Там же. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 40 об., 41, 42.

¹³ Там же. Л. 41.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

го хана Дондук-Омбо атаману Войска Донского Д.Е. Ефремову от 2 и 8 августа 1739 г.¹⁶

И, конечно, восточными языками (прежде всего — калмыцким, ногайским и османо-турецким) на Дону владели не только толмачи, но также другие казаки-донцы, в том числе учитывая присутствие калмыков и татар в казачьей среде. Данное суждение распространяется также на донцов славянского происхождения, а также на тех выходцев с разных территорий, которые принимали на Дону православие и становились казаками. Недаром В.Н. Королев писал, что «общение казаков XVI—XVIII вв. с татарами и турками на их языках... было обычным делом. По мнению И.Ф. Быкадорова, около 1641 г. “турецкий язык знали многие казаки, а понимали почти все”» [Королев, с. 100]. Одним из направлений, на котором Войско Донское активно использовало культурно-языковой потенциал своих казаков, являлась разведывательно-дипломатическая деятельность, в т.ч. в ходе торговых операций или передачи на Кубань или в Крым войсковых писем и сообщений¹⁷.

Применительно к эволюции войсковых должностей (войсковых чинов) именно в XVIII в. исследователи, как правило, обращаются к трансформации должности (чина) войскового атамана, как наиболее «пострадавшей» в ходе «огосударствления» донского казачества и его окончательного превращения в служилое сословие. Между тем, войсковых дьяков и войсковых толмачей «производили» в соответствующий чин (в т.ч. на войсковом Кругу) еще во второй половине XVIII в.; дьяки заседали в Войсковом правительстве¹⁸. Должность войскового писаря тоже «перекочевала» в XVIII в.¹⁹

Исследователям еще предстоит составить подробный перечень войсковых толмачей Войска Донского XVIII в., исследовать и сравнить их происхождение (этническое и социальное), грамотность (некоторые из войсковых толмачей XVIII в. были неграмотными) опыт/продолжительность исполнения «профессиональных» обя-

¹⁶ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов. С. 148—150.

¹⁷ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 6—7 об.; Канцелярия Новосербьского корпусу. С. 305—306, 315—317, 323—324, 326—327]; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 16—17; Оп. 8. Д. 473. Л. 24.

¹⁸ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 209. Л. 105 об., 110; Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 196—196 об., 199; Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 17 об., 18, 18 об., 50 об., 132 об., 147 об., 166 об., 171 об., 183 об., 184, 367 об., 368, 371 об., 392 об.; Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 85 об., 93 об., 103 об., 118 об.; Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 82 об., 83, 84, 182 об., 183.

¹⁹ Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 91—91 об., 94; Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 410.

занностей, обстоятельства обретения и утраты толмаческой должности (чина). Безусловно, необходимо поставить на повестку дня вопрос о времени и причинах появления толмачей в Войске Донском, а также о «сквозном» рассмотрении темы – по крайней мере, применительно к XVII–XVIII вв. Ведь нам уже доступны сведения о некоторых войсковых толмачах XVII в. [Куц, с. 160]²⁰.

Выделение общего и особенного в истории возникновения-эволюции-угасания толмаческой должности (а затем – чина) невозможно без выявления новых биографических данных об их обладателях. Применительно к заявленной хронологии особенно важное значение приобретают такие массовые источники, как формулярные и послужные списки (а также списки «служилым чинам») различных служилых категорий казаков Войска Донского (ф. 46, 341 и 344 Государственного архива Ростовской области).

Замечу, что услугами войсковых толмачей, а также других казаков, владевших, например, татарским языком, охотно пользовались в Азове после его завоевания Россией летом 1696 г. Так, устные речи посланцев с ногайской Кубани переводились в Азове при помощи толмача Войска Донского²¹. 19 августа 1701 г. из Азова в Черкасск последовал воеводский запрос о присылке «добрых и знатных людей» для расспроса приехавших с Кубани ногайцев. Ими стали приехавшие 25 августа 1701 г. в Азов донские казаки Абросим Савельев и Василий Большой Познеев (Позднеев) «с товарыщи»²².

Выявленные источники свидетельствуют о том, что на рубеже XVII–XVIII вв. интенсивность смены на Дону одного войскового толмача другим была сравнительно высокой. Так, «первым» обнаруженным для этого периода толмачом (правда, неизвестно, когда он начал толмаческую службу) оказался Григорий Сидоров, сопровождавший калмыка Сона, отправленного войсковым атаманом Ф. Минаевым на расспрос к В.И. и И.В. Давыдовым²³. 4 августа 1701 г. уже другой войсковой толмач – Иван Ярунченко (Ярумченко) – сопровождал из Черкасска в Азов базового татарина Аметя Кривого, вернувшегося с Кубани, «и те толмач и татарин допраши-

²⁰ Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917. Стб. 203.

²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 15.

²² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 71. См. также Л. 72–74.

²³ Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Вып. 7. Волгоград, 2015. С. 89.

ваны»²⁴. Прозвище толмача косвенным образом указывает на его неславянское происхождение (ногайское?), т.к. «ярунчи» означает у некоторых тюркских народов (например, у казахов и, очевидно, у ногайцев) одну из категорий гадателей. Другое дело, что его собственное имя, как и имя его отца (Авдей) более надежно свидетельствуют о его принадлежности к православию²⁵. В другом документе «Иван Авдеев сын Ярумченко» (не был ли именно отец Ивана Ярунченка сыном «настоящего» ярунчи?) фигурирует уже как атаман легкой казачьей станицы, прибывшей в Москву 10 мая 1703 г.²⁶ Замечу, что атаманами легковых и зимовых станиц, как правило, становились казаки, известные в казачьей среде своими заслугами. Скорее всего, оставление И. Ярунченко должности войскового толмача не сказалось на ухудшении его социального статуса, по крайней мере, еще весной 1703 г.

Следующим войсковым толмачом в моем предварительном списке толмачей Войска Донского (за период конца XVII – конца XVIII в.) указан донской казак Михаил Филиппович Сулин, родом из Средней станицы Черкаска²⁷. Есть все основания полагать, что его отцом был донской казак Филипп Сула, несколько раз упоминаемый в источниках конца XVII в. Если это действительно так, то М.Ф. Сулин – донской казак во втором поколении; его потомки, начиная с сына, Н.М. Сулина, станут представлять собой уже известную на Дону старшинскую фамилию. Достоверно известно, что М.Ф. Сулин являлся войсковым толмачом, по крайней мере, в 1708 г., когда войсковым атаманом был К.А. Булавин²⁸. М.Ф. Сулину принадлежала некоторая роль в попытке повстанцев отправить из Черкаска на Кубань в конце мая 1708 г. три войсковых письма; причем толмач лично общался с турком-османом, вручив ему по распоряжению Булавина указанные письма за войсковой печатью [Подъяпольская, с. 118]. Содержание этого разговора позволяет уверенно отнести Сулина к противникам атамана Булавина. Истоки толмачества Сулина (овладение языками и прочее) уxo-

²⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1.

²⁵ Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Вып. 6. Волгоград, 2015. С. 43.

²⁶ Там же. С. 43–44. См. там же о его участии в разведывательной миссии донцов и калмыков «х Крыму и Запорожью в ближние места, и везде по разным местам, также и на Самару и Новогорцкой (sic! – Д.С.)».

²⁷ Служба, быт и бунт донских казаков, XVIII век. С. 27.

²⁸ Булавиновское восстание (1707–1708). М., 1935 (Труды Историко-археологического института АН СССР. Т. XII). С. 270.

дят корнями как минимум в начало XVIII в. — этот казак неоднократно бывал в поездках морем на территорию Османской империи (от Кафы до Стамбула и Эдирне) как с торговыми, так и с разведывательными целями. В 1701 г. он ездил по войсковому письму с Дона в Кафу и Керчь, «а с собою возил ис Черкаскова от казака от Ивана Фролова невольников турок дву человек на окуп»²⁹. По возвращении он был спрошен в Азове, сообщив воеводе сведения, собранные им об обстановке к Кафе и в Керчи, включая настроения местных жителей, сведения о мероприятиях крымских властей и прочее³⁰. А в июне 1702 г. началась торговая поездка Сулина и других донских казаков морем в Стамбул. На Дон Сулин вернулся спустя год [Пушкаренко, с. 304–306], доставив в Азов ценную информацию, в том числе собирая ее среди населения тех мест Османской империи, где ему, владевшему турецким и татарским языками, довелось побывать [Аваков, с. 295].

Дальнейшая история толмаческой должности на Дону содержит немалые лакуны. При этом нет серьезных оснований полагать, что она могла оставаться «вакантной» после 1708 г. — например, из-за недостатка «кадров». Напротив, имеются веские аргументы говорить о том, что устная и письменная коммуникация Войска Донского актуализировалась на «восточном направлении» за счет реставрации Азовского санджака и возвращения Азова османской стороне в январе 1712 г. [Сень, 2021, с. 172]. Донской казак *Аксен Фролов* упомянут как толмач (войсковой ли?) среди донцов, зимовавших в Пскове (участвовавших в разных боевых действиях в ходе Северной войны на Северо-Западе), которым 25 сентября 1703 г. было велено «быть по прежнему в Низовом корпусе»³¹. Под именем «Аксена Толмача» он фигурирует в списке казаков Войска Донского за 1708 г., владевших невольниками, кстати, наряду с «Назаром Толмачом»³². Полагаю, что «Аксен Толмач» и «Аксен Фролов», отмеченный в документе 1709 г. — одно и то же лицо. Вывод следует из сличения имени татарина-невольника — «Мамет/Мамбет», владельцем которого в 1708 г. числился «Аксен Тол-

²⁹ Служба, быт и бунт донских казаков, XVIII век. С. 27.

³⁰ Там же. С. 27–28.

³¹ Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 6. С. 42, 55.

³² Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 7. С. 77.

мач»³³, а в 1709 г. — «Аксен Фролов»³⁴. Попутно замечу, что в науке уже давно бытует версия о том, что А. Фролов являлся одним из сыновей знаменитого войскового атамана Ф. Минаева. Между тем, будучи атаманом легкой казачьей станицы, приехавшей в Москву в 1713 г.,³⁵ А. Фролов был записан как «сын Волошенин»³⁶. Насколько известно, в историографии нет аргументов в пользу «волошского» происхождения атамана Ф. Минаева. Остается упомянуть о применении толмаческих способностей А. Фролова на «кавказском направлении». В апреле 1711 г. вместе с поручиком М. Тимофеевым и «с азовскими конной службы и з донскими черкасскими казаками» он был отправлен по указу «с листом из Азова к горским черкесом»³⁷, а точнее — в Кабарду. Уже 12 июня 1711 г., после своего возвращения, А. Фролов и М. Тимофеев были расспрошены в Троицкой приказной палате перед гр. Ф.М. Апраксиным и губернатором И.А. Толстым «с товарищи»³⁸. В частности, посланцы сообщили о том, что вручили верховному князю Кабарды Х. Мисостову «посланной с ними из Азова лист и с того листа на татарском языке перевод... и он тот лист и перевод у них принял и собрав к себе всех князей и мурз и знатных старшин, велел пред ними перед ними честь и слушать тот лист...»³⁹. В расспросных речах, подчеркну, неоднократно зафиксирована *устная коммуникация* А. Фролова и его товарищей с различными категориями кабардинцев; скорее всего, основная работа по «толмачению» выпала именно на его долю. Кроме того, А. Фролов «с товарищи» объявил «татарское письмо», присланное от кабардинских князей Войску Донскому, присланное отсюда в Троицкий для перевода⁴⁰. Переводил письмо переводчик Посольского приказа К. Тонкачев, ранее неоднократно приезжавший в Азов для перевода документов с османско-турецкого и татарского языков.

³³ Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 7. С. 77.

³⁴ Там же. С. 108.

³⁵ Там же. С. 154–155.

³⁶ Там же. С. 155.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 244.

³⁸ Там же. Л. 244–246 об.

³⁹ Там же. Л. 245. Одним из итогов поездки казаков в Кабарду стал приезд, вместе с А. Фроловым и его товарищами, представителей верховного князя к азовскому губернатору И.А. Толстому с двумя письмами — на имя царя Петра I и самого И.А. Толстого: см.: Там же. Л. 247–251 об.

⁴⁰ Там же. Л. 247 об. Перевод самого документа: Там же. Л. 249–249 об.

Информационные лакуны о войсковых толмачах первой половины XVIII в. остаются существенными: только в документе за август 1720 г. (из числа выявленных по теме статьи) мне встретились данные о *Михаиле Степанове*, бывшим толмачом Войска Донского, как минимум, летом 1719 г.⁴¹ Затем находим в императорском указе от 14 марта 1730 г. упоминание об очередном, для XVIII века, войсковом толмаче — *Иване Фетисове*⁴². Вероятно, следующим войсковым толмачом стал Гаврила Греков («из казачьих детей», около 1709 года рождения, читать и писать не умел, службу начал в 1718 г.; много позже, уже после оставления толмаческой должности, стал войсковым старшиной)⁴³. Не исключено, что он стал толмачом после заслуженного признания его службы в Астрахани, поскольку в том же 1732 г. был награжден за это саблей с золотой насечкой. Если допустить, что Г. Греков и полковник Войска Донского Гаврила Васильевич Греков, умерший в 1806 г.,⁴⁴ одно и то же лицо, то перед нами — один из несомненных долгожителей на Дону XVIII — начала XIX в. Если гипотеза верна, то становится известно имя отца нашего героя — Василий — явно родившегося в XVII в. Имя еще одного толмача (войскового ли?) — Тимофей — выявлено из письма кубанского сераскера Сеадет-Гирея атаману Войска Донского Д. Е. Ефремову от 30 октября 1746 г.⁴⁵ Этот толмач ездил на Кубань с письмом атамана, адресованным сераскеру.

Ближе к середине XVIII в. службу в Войске Донском начинали будущие войсковые толмачи. Афанасий Дмитриевич Кутейников (сын штаб-офицера — «из старшинских детей», около 1735 года рождения, хотя приводятся и другие данные [Корягин, с. 7]), бывший войсковым толмачом в 1771—1775 гг., начал службу в 1748 г.⁴⁶ По некоторым данным, его матерью была турчанка [Савелов, с. 102]. В документах отмечено, что читать-писать «не умеет»⁴⁷; после оставления толмаческого чина был произведен в старшины. Очень важно, что в документах отмечены такие формулиров-

⁴¹ Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Вып. 12. Волгоград, 2019. С. 157.

⁴² Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. II. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 38—39.

⁴³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 35 об., 36, 125 об., 126.

⁴⁴ Там же. Ф. 338. Оп. 1. Д. 234. Л. 15.

⁴⁵ *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных документов. С. 178.

⁴⁶ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 183 об. — 184, 281 об. — 282, 413 об. — 415.

⁴⁷ Там же. Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 94.

ки: «В войсковые талмачи избран», а также — «в войсковом кругу избран в войсковые талмачи»⁴⁸. Его предшественником, судя по всему, являлся Василий Никитич Греков, вступивший в службу в 1732 г. («из старшинских детей», около 1717 года рождения, не умел читать и писать). Был избран в войсковые толмачи в 1765 г., а уже 20 января 1771 г. (логично полагать, что после оставления толмаческого чина) произведен в войсковые старшины и отбыл в чине полковника в Грузию и Мингрелию, участвуя в боях под Поти⁴⁹. Отмечено, что после пребывания в Финляндии (по другим данным — в Лифляндии) в 1741 г. Греков трижды отправлялся в Крым «в секретных посылках»⁵⁰.

Донской казак Михаил Барабанщиков («из старшинских детей», около 1695 года рождения, на службе с 1714 г., не умел читать и писать, прожил не менее 85 лет) — произведен войсковым толмачом в 1753 г., войсковым есаулом — в 1756 г.⁵¹ Обладал большим военным и переговорным опытом, начиная с того, что в 1714 г. участвовал в разграничении земли от Днепра и Усть-Самары до Дона. Что особенно примечательно, в 1747–1753 гг. он находился «в Крыму и на Кубане в секретных для разведывания посылках»⁵². Один из выявленных мною документов АВПРИ представлен доношением атамана Войска Донского Д.Е. Ефремова от 16 октября 1751 г. Атаман сообщал об отправке на Кубань казака Михаила Барабанщикова к кубанскому сераскеру Сеадет-Гирею, вернувшегося на Дон 14 октября и в тот же день распрошенного в Черкасске⁵³. Речь шла о бежавших на Кубань восьми донских казаках (с одним из которых будущему войсковому толмачу довелось увидеться в Ени-Копыле), а также о разговоре Барабанщикова с кубанским сераскером.

⁴⁸ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 183 об., 184.

⁴⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 27 об. — 29. См. также данные послужного списка и др. документов за разные годы о В.Н. Грекове и его службе: Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 35 об. — 36, 125 об. — 126, 166 об., 167, 168, 392 об., 393, 394; Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 85 об., 86, 87; Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 181 об., 182.

⁵⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 393; Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 77 об., 78.

⁵¹ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 221 об., 222, 361 об. — 362. Ср.: Там же. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 43 об., 44, 45. Не был ли «Иван Михайлов Барабанщиков» (ок. 1731 г.р., из старшинских детей, войсковой есаул с 1 января 1775 г., грамотный) сыном нашего героя? См. о нем: ГАРО. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 192 об. — 193.

⁵² ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 362; Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 132 об., 133.

⁵³ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 28–28 об.

Примечательна личность войскового толмача Осипа Данилова («ис чеченцов», около 1726 года рождения, службу начал в 1742 г., говорил по-русски, но оставался неграмотным), занимавшего эту должность с 1753 г. и ставшего войсковым есаулом в 1759 г., а старшиной — в 1763 г.⁵⁴ Обладал немалым военным и переговорным опытом на разных направлениях, и уже в 1758 г. возглавил отправившуюся в столицу легкую станицу донских казаков⁵⁵. Очевидно, в том же году был отправлен к Перекопу «для разведывания о предприятиях крымского хана», а в 1760 г. — «в секретной посылке с командою до Кизляра»⁵⁶; еще позже — активно участвовал в разных боевых действиях на территории России и за ее пределами, а также возглавил казачью зимовую станицу.

Выявлены другие данные, подтверждающие его роль как разведчика, например, на крымском направлении. Так, атаман Войска Донского С.Д. Ефремов секретно доносил 28 августа 1758 г. генерал-лейтенанту И. Хорвату о том, что «посыланной от меня до Перекопи под приличным претекстом для секретного в предосторожность высочайшаго... интереса о тамошних обращениях разведывания, бывшей войсковой толмач Осип Данилов сего августа 21 дня благополучно возвратился...»⁵⁷. Тут же приложена копия интереснейшего по содержанию (активно собирал развединформацию, в т.ч. общался в Крыму с ханским переводчиком) доезда самого О. Данилова, выехавшего из Черкаска 20 июня «для секретного разведывания о тамошних крымских обращениях»⁵⁸. Не исключено, что «наследовал» О. Данилову в толмаческой должности Евдоким Тимофеевич Греков («из старшинских детей», в службе с 1744 г., умел читать и писать), произведенный в войсковые толмачи в 1759 г.⁵⁹

Среди других данных о его службе отмечено, что в 1755, 1756 и 1759 гг. он был «в посылках на Кубань, в Крым, в Ачаков и Бендеры»⁶⁰. И действительно, вот еще пример: 8 декабря 1756 г. после-

⁵⁴ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 18 об., 232 об., 233. Выражаю благодарность д.и.н. А.В. Венкову за указание на данное дело из ГАРО. Он же первым опубликовал часть данных об О. Данилове [Венков, с. 76–83]. Ср. с данными об О. Данилове из другого документа: ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 58 об. — 59.

⁵⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Канцелярия Новосербьского корпусу. С. 300.

⁵⁸ Там же. С. 301–302.

⁵⁹ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 371 об. — 372; Л. 61 об., 62, 147 об., 148.

⁶⁰ Там же. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 167 об., 168.

довало доношение атамана С.Д. Ефремова астраханскому губернатору об отправке копии доезда разведчика Евдокима Грекова, отправленного с письмами к крымскому хану и кубанскому сераскериу⁶¹. Из содержания доезда следует, что Греков вручил сераскериу Крым-Гирею письма «по сю сторону Копыла»; оттуда он направился в Крым и, отдав письма в Бахчи-Сарае некоему аге, стал добиваться приема у хана (безрезультатно)⁶². Быть может, к середине 1760-х гг. Греков оставил толмаческую должность, т.к. уже в 1766 г. он пребывал с полком в Кизляре⁶³.

Еще одним войсковым толмачом стал Матвей Демишев, получивший данный чин 1 января 1785 г., а позже ставший майором⁶⁴. Толмачом он числился еще по списку 1788 г.⁶⁵ Одним из толмачей этого периода являлся войсковой есаул Семен Дмитриевич Кундилеков⁶⁶. Любопытно, что некоторые документы свидетельствуют о других занятиях Кундилекова, нежели о переводе устных речей с того или иного иностранного языка. Так, в июле-сентябре 1787 г. он занимался по распоряжению войскового атамана Д. Мартынова сбором сведений о расстояниях между станицами Войска Донского по р. Бузулук⁶⁷. Замечу, что во второй половине 1780-х гг. (и несколько раньше?) войсковых толмачей на Дону было несколько. Дело в том, что в списке Воинской экспедиции на 1788 г. в категории «войсковые толмачи» перечислены один за другим Семен Кундилеков, Родион Дронов, Иван Родионов, Матвей Демишев и Андрей Меркулов⁶⁸. Занятия некоторых из них, отмеченные в документе, укрепляют авторскую гипотезу о том, что в поздний период существования указанной должности (чина) эволюционируют и обязанности толмачей. В именном списке старшин Войска Донского на 1789 г. удалось найти дополнительные сведения об И. Родионове (родом из «казачьих детей», около 1746 года рождения, грамотный). Оказалось, что службу он начал в 1764 г., а войсковым толмачом стал в 1781 г., произведен в войсковые есаулы в 1787 г.; до обретения толмаческого чина по разным случаям набирался соответствующего опыта (например, с 1764 по 1777 гг. пребы-

⁶¹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 3–4.

⁶³ ГАРО. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182. Л. 168.

⁶⁴ Там же. Ф. 341. Оп. 1. Д. 41. Л. 196–196 об., 199.

⁶⁵ Там же. Д. 125. Л. 8 об.

⁶⁶ Там же. Д. 119. Л. 1–4; Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 8 об.

⁶⁷ Там же. Д. 119. Л. 1–14 об.

⁶⁸ Там же. Д. 125. Л. 8 об.

вал в «сотной бывшего войскового атамана Ефремова команде, ис коей употребляем был в разные должности, а особливо по комиссии иностранных дел»)»⁶⁹.

Толмачом Войска Донского на рубеже 1780-х – 1790-х гг. являлся Борис Андреевич Катламин (около 1740 года рождения, см. его формулярный список на 1787 г. – еще до получения толмаческого чина, содержащий информацию о его участии в разных секретных делах на Кавказской линии, о том, что там он «обращался в переводах татарского языка»)»⁷⁰. Его послужной список 1799 г. уточняет, что Катламин («ис польского шляхетства») являлся войсковым толмачом с 1 января 1789 г. по 1 января 1791 г. «при войске по выбору со всеобщаго согласия в кругу»⁷¹. Здесь же находим новые данные о его переговорных усилиях на «крымском направлении», в Дербетовой орде, а также в комиссии, «касающейся до взятия города Очюева»⁷². Что касается устного владения языками, то Катламин (умевший писать) говорил по-турецки, по-гречески и по-татарски⁷³. Правда, в «Списке... служилым чинам» на 1792 г. он почему-то вновь указан толмачом; другое дело – что не он один отмечен в данной категории: вторым толмачом записан Николай Греков⁷⁴. В службе Катламина имеется еще одна примечательная и пока непонятная деталь: в документах ГАРО за 1794 г. он поименован не только начальником Медведицкого сысчного начальства, но вновь – войсковым толмачом⁷⁵. Будучи войсковым есаулом, Катламин закончил службу в чине майора, с пометой в документе – «представлено в отставку» (из именного списка донским обер-офицерам на 1798–1799 гг.)⁷⁶.

В заключение коснусь вопроса о том, насколько интенсивно центральные/региональные органы власти интересовались состоянием толмаческой/переводческой деятельности в Северо-Восточном Приазовье (в том числе у казаков на Дону) и насколько ее контролировали? Это тем более важно, что уже на рубеже

⁶⁹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 125. Л. 104.

⁷⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 3 об., 20; См. также о нем: ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 699. Л. 27.

⁷¹ Там же. Ф. 341. Оп. 1. Д. 209. Л. 105–105 об., 110.

⁷² Там же. Л. 105 об., 110.

⁷³ Там же. Л. 110.

⁷⁴ Там же. Д. 125. Л. 118 об.

⁷⁵ Там же. Д. 162. Л. 116–117, 122–122 об. Выражаю благодарность д.и.н. Н.А. Мининкову за копии предоставленных документов.

⁷⁶ Там же. Д. 125. Л. 136 об.

XVII–XVIII вв. азовская воеводская власть стала все более жестко контролировать донцов в пространстве их коммуникации с другими пограничными сообществами, например, с ногайцами. Войско Донское регулярно информировало воевод о своих устных и письменных контактах с ногайской Кубанью.

После возвращения Россией Азова Османской империи в январе 1712 г. и сооружения в 1713 г. российской крепости Транжамент (Новый Транжамент) пограничная ситуация изменилась по нескольким направлениям. Для нас представляет особенный интерес возобновившаяся коммуникация (включая переписку и деятельность мировщиков) Войска Донского с османским Азовом, а также быстро завязавшаяся переписка между азовскими пашами и комендантами (обер-комендантами) Транжамента.

Во втором случае можно сказать о том, что Посольский приказ (позже – Коллегия иностранных дел) время от времени направлял в крепость свои кадры [Сень, 2021, с. 169]. Так, переводчик Посольского приказа Муртаза Тевкелев летом 1723 г. переводил письма азовского Мухаммеда-паши обер-коменданту Транжамента Штоку от 6 июня и 6 июля⁷⁷. Письма же азовских пашей атаманам Войска Донского переводились, скорее всего, в Черкасске.

После же подчинения Войска Донского в 1721 г. Военной коллегии регулярной стала отправка в Санкт-Петербург переписки наказных атаманов Войска Донского (включая оригиналы входящих писем и копии исходящих писем), например, с элитами Крымского ханства, включая правящих ханов, кубанских сераскеров, ачуевского мухафыза⁷⁸. В свое время А. П. Пронштейн обратил внимание на то, что когда в 1718 г. крымский хан Сеадет (Саадет)-Гирей IV направил Войску Донскому свой «лист», то казаки тут же переслали его в Санкт-Петербург [Пронштейн, с. 220].

Вопрос о войсковых толмачах приобрел неожиданно актуальное для центральных властей звучание в начале 1740-х гг. – в связи с попыткой Российской империи учредить консульство в Крымском ханстве. Р.Ю. Почекаев пишет, что «впервые вопрос о создании постоянного российского дипломатического представительства в Крымском ханстве был поставлен еще в начале 1740-х гг., когда кабинет министров впервые направил (а именно, 24 января

⁷⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 55–58 об., 108.

⁷⁸ Там же. Д. 316. Ч. 1. Л. 7, 8–8 об., 105, 107–110, 143–146а об., 146, 147, 151–157, 187, 188.

1741 г. — *Д.С.*) киевскому губернатору генералу Д. Кейту и донскому атаману Д.Е. Ефремову указ о поиске кандидатов в консулы при крымском ханском дворе из числа лиц, знающих язык» [Почекаев, с. 72]. Претендент должен был знать «татарский язык и грамоту».

Кадры вскоре подобрали: первый из адресатов кабинетского указа определил трех офицеров греческого происхождения, одного — армянина и одного — «из македонской крови»; второй, войсковой атаман Д.Е. Ефремов — четверых (Р.Ю. Почекаев ошибочно пишет о двоих) казачьих старшин. Кандидатами от Войска Донского стали представители донской старшины: Григорий Каршин, Иван Иловайский, Лукиан Титов, Гаврила Греков [Андреева, с. 15]. К слову, Г. Каршин в конце 1730-х гг. являлся войсковым дьяком. Г. Греков, о котором в статье написано выше, указан бывшим толмачом. Атаман подчеркивал, что грамотными являются все из перечня, кроме Грекова — в отношении бывшего толмача это подтверждается документами ГАРО (см. выше). Атаман Д.Е. Ефремов полагал, что наиболее подходящими были бы кандидатуры Л. Титова и Г. Грекова [Андреева, с. 15].

Впрочем, Д.Е. Ефремов выделял «особливо» именно Грекова, владевшего татарским и турецким языками (в отличие от других старшин, которые «татарский язык хотя и знают, толко весьма мало»). Именно Греков «через долговременную ево в Черкесском толмачом бытность (выделено мною. — *Д.С.*) многим приезжим из турецких городов купцам туркам и армянам знаем и к купечеству искусен, токмо грамоты не знающий, разве придастся к нему доброй писарь. А чтоб кто из старшин или ис казаков донских татарской грамоте умел, таких людей у них не имеется» [Андреева, с. 15]. Последнее замечание войскового атамана представляется симптоматичным. Вероятно, косвенным образом оно может свидетельствовать также об отсутствии в тот период в Войске Донском переводчика (либо о сужении/изменении его компетенции — см. выше пример В. Перфилова).

Что же произошло дальше по итогам определения кандидатов на должность агента/консула в Крыму? Убедившись в том, «что подходящие кадры в их распоряжении имеются, российские власти инициировали процесс согласования открытия российского дипломатического представительства в Крыму с Османской империей — через русского резидента в Константинополе» [Почекаев, с. 72]. Однако, по ряду причин открытие консульства затянулось до начала 1760-х гг.; первым же российским консулом в Крыму

в мае 1763 г. стал А.Ф. Никифоров [Почекаев, с. 72–77; Андреева, с. 16–23].

Переходя к выводам, отмечу, что новый этап архивной эвристики позволил сформулировать новую актуальную исследовательскую тему, рассмотренную на фоне нескольких малоизученных тем (в т.ч. истории войсковых переводчиков, а также казаков Войска Донского, владевших иностранными языками – не являвшихся, при этом, ни толмачами, ни переводчиками). Удалось выяснить, что должность войскового толмача, наряду с должностями войскового дьяка и войскового писаря, продолжала функционировать. Есть основания полагать, что указанная должность во второй половине XVIII в. стала войсковым чином. Примечательно, что Войсковой Круг сохранял определенные прерогативы по избранию кандидатов на толмаческую должность еще в конце XVIII в.

Впервые в историографии составлен предварительный список толмачей/войсковых толмачей Войска Донского конца XVII–XVIII в. Сегодня он включает в себя 19 человек (их хронологическая последовательность/одновременность пребывания на толмаческой должности определена материалами статьи; толмачи Тимофей и А. Фролов, возможно, не являлись *именно* войсковыми толмачами, но в общий список толмачей они включены): Сидоров Григорий; Ярунченко Иван; Сулин Михаил Филиппович; Фролов Аксен, Степанов Михаил, Фетисов Иван; Греков Гаврила (Васильевич?); [?] Тимофей; Барабанщиков Михаил; Данилов Осип; Греков Евдоким Тимофеевич; Греков Василий Никитич; Кутейников Афанасий Дмитриевич; Демишев Матвей; Кундилеков Семен Дмитриевич; Дронов Родион; Родионов Иван; Меркулов Андрей; Катламин Борис Андреевич.

На основании архивных данных впервые установлены имена и фамилии двух подтолмачей Войска Донского конца XVIII в.: Давлеткелдеев Асан, Эткусаев Мамбет.

Логическим «ответвлением» исследовательского поиска документальной информации о войсковых толмачах явился вопрос о войсковых переводчиках, которым автор предполагает посвятить отдельное исследование. Пока удалось надежно идентифицировать фамилии двух переводчиков Войска Донского XVIII в.; еще два человека внесены в предварительный список войсковых переводчиков на основании косвенных данных: Перфилов Василий; Турчинов Александр (?); Байчурин Абдрахман (?); Доинов Эшакай.

Подавляющая часть представителей названных категорий – это донские казаки разных поколений, при этом разного происхождения/вероисповедания. Поляком по происхождению являлся Б.А. Катламин, чеченцем – О. Данилов, татарами (ногайцами) – М. Эткусаев, Э. Доинов, А. Давлеткелдеев и, возможно, И. Ярунченков. А. Фролов указан в одном из документов как «сын Волошенин», а матерью А.Д. Кутейникова, по некоторым данным, была турчанка.

Могло случаться, что в одно и то же время в Войске Донском было одновременно несколько толмачей – причины такого явления требуют дополнительного изучения. Социальное происхождение большинства толмачей – либо из т.н. казачьих детей, либо, что особенно примечательно, из состава донской казачьей старшины (в т.ч. представителей хорошо известных на Дону XVIII в. фамилий – Грековых, Сулиных).

Скорее всего, толмаческая должность не приобрела на Дону наследственного характера. После оставления толмаческой должности большинство бывших толмачей оставались служить в Войске – они участвовали в военных кампаниях, получали чины. Выявлены, тем не менее, далеко не все толмачи Войска Донского рассмотренного периода, особенно за первую половину столетия. Предстоит новый этап работы по заполнению хронологических лагун в истории толмачества на Дону в XVIII в. как нового исследовательского направления.

Литература

- Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация и управление: дис. ... канд. ист. наук. Ростов на/Д., 2011.
- Андреева С.С.* Матеріали з історії Південної України XVIII ст. у фондах Архіву зовнішньої політики Російської імперії // Записки науково-дослідницької лабораторії історії Південної України Запорізького держ. ун-ту; Південна Україна XVIII–XIX століття: зб. наук. праць. Запоріжжя, 2003. Вип. 7. С. 7–34.
- Астапенко М.П.* Вихорь-атаман. Ростов на/Д., 2013.
- Беляков А.В.* Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI–XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 258–277.
- Венков А.В.* «Южный» и кавказский элементы в Войске Донском в XVII – начале XIX века // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 76–83.

- Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
- Колесов В.И., Сень Д.В.* «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши оригинальное письмо и перевод с оног...»: практики российско-османской коммуникации в Северном Причерноморье (1792–1828 гг.) // *Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья*. 2020. № 12. С. 602–645.
- Королев В.Н.* Донские казаки в XVII–XVIII вв.: походы, кругозор и просвещение // *Проблемы источниковедения и отечественной истории* (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов на/Д., 1999. С. 92–113.
- Корягин С.В.* Кутейниковы и другие. Серия «Генеалогия и семейная история донского казачества». Вып. 36. М., 2003.
- Куц О.Ю.* Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // *Очерки феодальной России*. Вып. 8. М., 2004. С. 122–164.
- Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов на/Д., 1998.
- Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002.
- Осипова Я.В.* «Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2020. № 1. С. 7–19.
- Подьяпольская Е.П.* Новое о восстании Булавина // *Исторический архив*. 1960. № 6. С. 119–142.
- Почекаев Р.Ю.* Эволюция правового статуса российского дипломатического представительства в Крымском ханстве (1750-е – начало 1780-х гг.) // *Крымское историческое обозрение*. 2018. № 2. С. 70–90.
- Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов на/Д., 1961.
- Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения): дис. ... канд. ист. наук. Ростов на/Д., 1966.
- Рыблова М.А.* Донское братство: казацки сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006.
- Ряжев А.С.* Искупленный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин: (опыт реконструкции нетипичной биографии крещеного калмыка второй трети XVIII в.) // *Oriental Studies*. 2020. Vol. 12. Is. 4. P. 876–889.
- Савелов Л.М.* Донские дворянские роды. Вып. 1. М., 1902.
- Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1547–1917). Исследование истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.
- Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф.* Вып. 1. М., 2019. С. 134–143.
- Сень Д.В.* Коммуникационные практики российско-османских властей южного пограничья: устные сообщения и письменные переводы документов (1710-е – 1720-е гг.) // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф.* Вып. 2. М., 2021. С. 163–176.

- Сень Д. В.* «А что в тех письмах писано... того нам неведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.) // В кн.: Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избр. тр. / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов на/Д., 2020. С. 84–120.
- Синяк І.* Товмачі і перекладачі у Війську Запорозькому доби Нової Січі // Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика. К., 2009. С. 317–330.

Иностранные источники в «Истории» Федора Поликарпова и их перевод

Федор Поликарпов (1670–1731) был известным деятелем в России в начале XVIII в. Некоторые сведения о его жизни и деятельности, а также о том, когда и почему он взялся за написание истории, сообщает П. Пекарский¹. Федор Поликарпов — справщик, ставший впоследствии директором Московской типографии, автор славянской грамматики (1701), по которой учились в 1720-е гг. в московских школах [Пекарский, с. 108], преподаватель Славяно-греко-латинской Академии, переводчик², составитель «Лексикона трехязычного» (1704) и автор предисловий [Пекарский, с. 211, 229]. Пекарский пишет, что Поликарпов «лицо, довольно известное в письменности той эпохи: прилежный ученик греков Лихудов, как и Копиевский, обязан был братья за все, что требовалось тогда в России для дела просвещения» [Пекарский, с. 174]³.

Особо отмечается, что Федор Поликарпов был человеком старых взглядов, по словам Пекарского, он как «представитель старинных книжников» предпочитал нравоучительные слова Григория Назианзина, Василия Великого, Григория Богослова античным и современным авторам [Пекарский, с. 196]. Действительно, изначально Поликарпов не был сторонником нововведений европейской культуры: в предисловии к своему букварю он неодобрительно отзывался о произведениях классической древности, однако в 1721 г. «говорит уже о необходимости переводов на русский язык иностранных сочинений» [Пекарский, с. 175].

¹ См. также: [Львова, с. 36–43].

² К переводам Федора Поликарпова относится несколько слов Ефрема Сирина (1701), вероятно, в 1716 г. он занимался переводом исторического словаря «Le Grand dictionnaire historique, ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane» Луи Морери (Louis Moréri, 1643–1680) и дошел до буквы Н [Пекарский, с. 213], также Поликарпов работал в группе над переводом «Географии» Варения (в 1718 г. издано с его предуведомлением), другие его переводы так и остались в рукописях [Пекарский, с. 211–212].

³ Федор Поликарпов не прошел и мимо поэтического творчества, но вместе с Симеоном Полоцким стал объектом насмешек со стороны Антиоха Кантемира [Пекарский, с. 175].

Образование и знание нескольких иностранных языков, в особенности латинского языка, делало его востребованным⁴, но данное ему Петром задание по составлению российской истории требовало усилий в другом: как сообщал Поликарпову Мусин-Пушкин, «его царское величество желает ведать Российского государства историю... а не о начале света и других государств, понеже о сем много написано. И того ради надобно тебе из русских летописцов выбирать и в согласие приводить прилежно» [Пекарский, с. 317]⁵.

Составленная Поликарповым «История о владении Российских великих князей вкратце. О царствовании же десяти Российских царей, а наипаче всероссийского Монарха Петра Алексеевича и тем именем Перваго и его войне против свейскаго короля Кароля Втораго Надесять Пространные описующая» не была издана и в настоящий момент хранится в рукописном отделе БАН (ОР. 32.6.30)⁶. Хотя имя автора в рукописи не указано, нет сомнений в том, что это сочинение является плодом трудов Федора Поликарпова, которым он занимался по заданию царя⁷.

⁴ Татищев признавался, что не мог использовать собранные им «более тысячи книг на латинском, французском, английском и татарском языках», не зная языков, «а переводить все на русский наипаче удобства не достает» [Татищев, с. 59].

⁵ Петра не интересовали традиционные введения, начинавшие описание истории от сотворения мира, а также повествования, включавшие Россию в мировой процесс через формальные сходства в названиях. По его приказанию в октябре 1708 г. Мусин-Пушкин писал к Поликарпову, чтобы он принялся за сочинение русской истории от начала царствования великого князя Василья Ивановича до настоящего времени: для образца велено было прежде всего за пять лет создать две версии — краткую и пространную [Пекарский, с. 317]. Поликарпов уложился в семь лет — в конце рукописи стоит дата 1715 г.

⁶ В рукописи 508 листов, 2 листа переплетены, на трех листах рисунки гербов, на л. 352об. и 365 имеются рисунки. Между л. 438 и 439 вставлен лист с мелкими гравюрами; между л. 457 и 458 — лист с планом, после 396 л. не хватает четырех листов (следующий — л. 400). Наличие словаря («Лексикон вокабулам новым по алфавиту», л. 380—391 об.) в описании рукописи не упомянуто. Текст «Истории» Федора Поликарпова хорошо сохранился — эту книгу мало читали: на полях отмечены знаки NB, как правило, подчеркнутые тремя чертами, иногда двумя или одной. Для латинской N характерен завиток слева снизу и сверху. После л. 392 появляются другие “NB”, очень похожие на пометы руки М.В. Ломоносова: без завитков, с плюсами (л. 393 об., 394, 394 об., 395, 395 об., 396—400), без плюса (л. 400об. (карандаш), 483).

⁷ 2 января 1716 г. Мусин-Пушкин писал: «история твоя российская... не очень благоугодна была» [Пекарский, с. 317]. Он выхлопотал у царя Поликарпову за его историю и перевод лексикона 200 руб. [Пекарский, с. 242].

Текст «Истории» с середины XX в. не раз привлекал внимание исследователей: описание рукописи, ее источники и содержание, сопоставление с вариантами и причины, по которым Петр Первый не одобрил работу [Моисеева, 1971, с. 20–30; Пештич, 1961, с. 111–112]⁸; а включенный в «Историю» «Лексикон вокабулам новым» (л. 380–391 об.) и его отдельный список – становился предметом исследований филологов [Смирнов; Мольков].

Данная статья посвящена изучению иностранных источников в «Истории» Поликарпова. Причиной для этого послужило мнение Г. Моисеевой о том, что источником первой части «Истории» (о славянах и первых князьях (л. 1–30)) является печатный «Синописис», приписываемый Иннокентию Гизелю [Моисеева, 1974, с. 86], основными источниками которого в свою очередь называют «Хронику» М. Стрыйковского и Густынскую летопись [Пештич, 1958, с. 290].

В самом начале книги (л. 4 об. – 5) Федор Поликарпов упоминает Гомера и Квинта Курция (Квинтус Курциус), как бы намекая на свое с ними сходство: он видит себя писателем легендарных событий и биографом великого правителя и завоевателя. Разве можно при выбранном масштабе ограничиваться лишь одним источником?

Обратимся к самой рукописи и перечислим цитируемые произведения и упоминаемых в ней писателей: синописис Киевский, Степенная Российская, русские хронографы – Нестор, летописец Печерский; европейские историки: Длугош⁹, Мачей Меховита¹⁰, Стриковский¹¹, Бельский¹²; Сабеллекус (Сабелин)¹³, Кранциуш

⁸ Рукописи, связанные с работой Поликарпова над историей, найдены Г. Моисеевой: черновые записи Поликарпова, описывающие события в России конца XVII – начала XVIII в., включенные в сборник «Книга степенная» Часть 2», хранятся в РГАДА; первоначальный вид основной редакции хранится в РГБ Р.О. Ф. 178 № 4698 [Моисеева, 1974, с. 82; 84].

⁹ Длугош Ян (Jan Długosz, лат. Ioannes Dlugossius, или Johannes Longinus, 1415–1480), польский писатель, автор «Annales seu cronici incliti regni Poloniae» и др.

¹⁰ Меховский Матвей (Maciej Karpiga (Mechowita), 1457–1523), польский писатель, автор «Chronica Polonorum» и др.

¹¹ Стрыйковский Матей (Matys Strykowski, лат. Matthias Strycovius, 1547–1586/1593), польский писатель, автор «Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi» и др.

¹² Бельский Марцин (Marcin Bielski ок. 1495–1575), польский писатель, автор многих работ, в частности – первого исторического сочинения по всемирной истории на польском языке «Хроника всего мира» («Kronika wszystkiego świata»), издававшегося во второй половине XVI в.

¹³ Марк Антоний Сабеллик (Marco Antonio Coccio, лат. Marcus Antonius Coccius Sabellicus, 1436–1506), итальянский историк, автор «Historiae rerum venetarum ab urbe condita» и др.

(Кранциуш)¹⁴ и Ян Готтус¹⁵; византийские историки: Куроплат¹⁶ и Кедрин; библейские источники: Езекил Пророк; античные авторы: Гомер, Геродот, Ксенофон, Аполлоний, Беросус, Диодор Сицилий, Страбо, Птоломей, Прокопий Кесарийский, Иосиф, Плиниус, Трог Помпей¹⁷, Тацит, Апиниан Александрийский. Список довольно внушительный: в отличие от «Синописа», Поликарпов опирается на свидетельства античных авторов, и все имена введены в текст повествования, а не вынесены на поля, как в «Синописе». Некоторые имена авторов представлены в «польском произношении» (Плиниус, Кранциуш) или в латинском (Беросус, Сабеллекус, Готтус, Ксенофон, Страбо).

Упоминания и цитаты в «Истории» Поликарпова — в отличие от «Синописа» — не сопровождаются никакими ссылками на сочинение, книгу, главу, что, безусловно, осложняет работу исследователя. В некоторых случаях Поликарпов не называет и имен, например, «глаголют неции»¹⁸, «друзи же искуснейшия глаголют» (л. 7 об.). В другом примере автор перечисляет множество мнений, к последнему из которых дается ссылка на античных писателей следующим образом: «Едины глаголют яко от росска князя полуношного его же Езекил Пророк во главе 38 и 39 поминает. Инии от реки глаголемья рось. Инии от русых власов. Понеже в сей стране с сицевыми власы мнози обретаются. Инии от града Руссы лежащаго недалече от великого Нова Града. Инии от Русса Сына Лехова, Его же глаголют некогда zde княжити. Конечно же глаголют яко от разстояния россия именуется. Сицеваго разумения Страбо и Птоломей географы» (л. 24 об.).

¹⁴ Кранц, Альберт (лат. Albertus Crantzius, 1448–1517), немецкий историк, автор «Wandalia, sive Historia de Wandalorum vera origine» и др.

¹⁵ Gottfried, Johann-Ludwig (лат. Gotofredus), настоящее имя Иоганн Филипп Абелин (Abelinus Johann-Philipp, 1584/1600–1634/1648), немецкий историк, автор исторической хроники «Historische Chronica oder Beschreibung der fürnehmsten Geschichte, so sich von Anfang der Welt bis auf das Jahr Christi 1619» и др.

¹⁶ Иоанн Фракийский, Скилица, Куропалат (Johannes Scylitzes, Curopalates, 1040–1101), византийский историк, автор сочинения «Обозрение истории» (греч. Σύνοψις Τόποισῶν), первая часть которого сохранилась в «Истории» Кедрина.

¹⁷ Сочинение Гн. Помпея Трга сохранилось в переложении, сделанном Юнианом Юстином, на которого есть ссылка в «Синописе».

¹⁸ Для удобства восприятия содержания правописание рукописного текста изменено: использованы современные знаки в словах, прописные буквы в именах; слова разделены и проставлена пунктуация в соответствии с современными правилами.

В тексте «Истории» есть вставки в квадратных скобках, скорее всего они сделаны автором позднее, и для них специально заранее оставлялось место (в некоторых случаях оно так и осталось не заполненным), например: «[о сих Енетах поминают Гомер Поета, Иосиф, Птоломей, Геродот, Аполлоний, Сабеллекус, Хронографий нарицающе их Енети или Генети]» (л. 8).

Язык цитат не отличается от остальной части текста, они органично вписаны в повествование, например: 1) «Иосиф быти глаголет от негоже и гори рифейстя в сармации именовашася, но якоже отсюду сие нам известно есть, яко вси народи словенствия единого отца» (л. 8 об.); 2) «якоже Плиниуш глаголет: и пришед над море венецийское седоша ту и создаша Град великий на холме и нарекоша его во имя свое Енеция иния глаголют яко от венца сие имя граду сие есть Венеция» (л. 8 об.); 3) «Поминает же и Страбо и Птоломей в своих Географиях описуя вселенную о сих енетах или славянех иже в сармации и при Черном море у езера Меотинского нарицая их роксоляны аки бы русь и аляны. Кранциуш и Ян Готтус сказуют, яко сии роксоляны многими еще леты прежде рождества Христова брань имяху со теонами (*на поле*: финами или шведы) си есть шведами с ними же и границы имяху яко же и ныне есть» (л. 9 об.)¹⁹.

Как видно из приведенных примеров, свидетельства из источников излагаются в пересказе. Самой большой цитатой из иностранного источника, выделенной в содержании «Истории», является текст грамоты Александра Македонского («на держания земли полуношныя даде же и... донныне в летописцах ческих обретається сие всею имуши»):

«Мы Александр Иовиша наивышаго небеснаго бога сын, на земли же Филиппа царя Македонского, Господин и царь всея вселенныя от востока до запада и от юга даже до севера победитель Мидских и персидских вавилонских и греческих царств и прочая. Вам, великому и храброму енецицкого [си есть славенскаго] рода людем +²⁰ и мир и любовь от нас и от наших наместников и по нас будущих обладателей и господствующих землю, понеже нам всегда приклонны бысте верны и словохранителны, во бранех доблественный и храбрый и неизменни сего ради даем вам вечныя времена и роды в державу вся страны от полуношного океаньско-

¹⁹ Заметим, что Поликарпов с самого начала повествования стремится показать, что «брань» со шведами-соседами имеет давнюю историю.

²⁰ На поле подписано: благодать.

го ледоватого моря даже до италийского полуденного каменистого моря и да никто же кроме вашего рода дерзнет в сих странах селиться. Аще же и обрел бы ся кто тамо иноязычный, да будет вам раб и чада его вовеки. Дан из Александрии града здания нашего над рекою Нилом изволением великих наших богов Иовиша и Марса, Диа и Ареа и Минервы» (л. 10 об. – 11)²¹.

В «Синописе» эта грамота упомянута, указания на источник также нет. Идентичный текст включен в Густынскую летопись (л. 10), однако при сопоставлении заметна переработка Поликарпова (им добавлены слова: «небесного»; «даже до италийского полуденного каменистого моря»), вероятно, он переводил с какого-то общего с Густынской летописью источника, а позднее сверил тексты грамоты, так как есть вставки из Густынской летописи: «[си есть славенскаго]», а также выписанное на поле слово «благодать».

Итак, в первой части «Истории» Поликарпов нередко опирается на свидетельства иностранных источников: греческих, латинских, а также польских. Обращался ли Поликарпов напрямую к источникам всех цитируемых авторов? Текстологический анализ не позволяет ответить на этот вопрос. На первый взгляд, судя по тому, что авторы нередко даются «списком», а свидетельства изложены в пересказе, можно сделать вывод, что источники взяты из вторых рук. Отсутствие каких-либо отсылок к цитируемым сочинениям также подтверждает это предположение.

Литература

- Львова И. П.* Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 36–43.
- Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. М., 1971.
- Моисеева Г. Н.* «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 81–92.
- Мольков Г. А.* История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. 2019. С. 151–165.

²¹ Считается, что в 1516 г. чешский историк Иосиф Первольф из Варшавского университета обнаружил копию этой грамоты на латинском языке. В 1551 г. этот документ был опубликован на польском языке, в 1596 г. – на немецком, в 1601 г. – на итальянском. Вскоре грамота попала в Россию. См. также [Тарасов, с. 195].

- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Пеитич С.Л.* «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. Т. 15. 1958. С. 284–298.
- Пеитич С.Л.* Русская историография XVIII века. Часть I.Л., 1961.
- Поликарпов Ф.* История о владении Российских великих князей вкратце. О царствовании же десяти Российских царей, а наипаче всероссийского Монарха Петра Алексеевича и тем именем Перваго и его войне против свейскаго короля Кароля Второго Надесять пространные описующая / ОР БАН. 32.6.30.
- Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 88. № 2. СПб., 1910. С. 1–398.
- Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т.1. История Российская. Часть первая. М., 1994.
- Тарасов И.М.* Легенда о «Грамоте Александра Македонского» в ранней российской историографии и её истоки // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием. Вып. 11. 2020. С. 193–197.

Иноземные притчи в предисловиях лицевых Синодиков: особенности вербального и визуального перевода

Рукописный лицевой Синодик середины XVII — первой четверти XVIII в. — оригинальное и вместе с тем характерное явление русской позднесредневековой книжности. Он дает хорошее представление о бытовании в ней сюжетов, образов и идей — как давно закрепившихся в древнерусской литературе благодаря церковнославянским переводам византийских текстов, так и вновь попадавших в Русское государство вместе с иностранными книгами, печатными листами и гравюрами, а также выписками из иноземных изданий и рукописей. Синодики-сборники, включавшие кроме поминальных списков обширные литературные предисловия (именно их, в первую очередь, и иллюстрировали), неплохо изучены, начиная с фундаментального исследования Е. В. Петухова [Петухов]. В последние десятилетия возобновилась существовавшая до 1917 г. практика издания отдельных памятников. Состав синодичных предисловий и их книжные источники в сопоставлении с лицевыми сборниками синодичного типа «Лекарство душевное» изучала О. Е. Кошелева [Кошелева]. Вопросы тематики, художественных и композиционных особенностей, происхождения текстов дошедших до нас списков подробно рассмотрены И. В. Дергачевой [Дергачева 2004; Дергачева, 2021, с. 121–153]. Ею же выявлены основные литературные редакции Синодика: с первой, конца XV в., до третьей, начавшей складываться в середине XVII в., наиболее развитой и беллетризированной, [Дергачева, 1988; Дергачева, 2011]. Но существенная для понимания специфики книжной культуры допетровского времени проблема интерпретации составителями и иллюстраторами Синодиков входивших в предисловия иноземных притч осталась за пределами внимания исследователей. Данная статья имеет предварительный характер и не претендует на исчерпывающую полноту освещения. Моя цель — рассмотреть лишь некоторые аспекты названной проблемы и поставить вопросы, нуждающиеся в дальнейшем и более подробном изучении.

Согласно определению И.В. Дергачевой, литературное предисловие Синодика представляет собой литургический сборник с четью функцией [Дергачева, 2002, с. 62]. Эта функция нарастает и становится основной по мере развития синодичного сборника, насыщения его новыми темами и сюжетами. Назидательные притчи (в Синодиках они часто называются «повестями», так как древнерусские книжники не соблюдали строгой дифференциации жанров) входили в состав уже первой (Иосифа Волоцкого) и второй (патриарха Иова) редакций литературного предисловия Синодика. Редакция непостоянного состава (третья), формирование которой И.В. Дергачева связывает с церковными реформами при патриархах Иосифе (1642–1652) и Никоне (1652–1666) [Дергачева, 2011, с. 57], ими уже изобилует. При этом общая тематика предисловия – танатология и малая эсхатология – серьезно ограничивала выбор текстов, используемых составителями синодичных сборников для назидания. Обзор синодичных сборников третьей редакции показывает, что почти все назидательные притчи заимствованы из переводной литературы. Исключение составляет русская по происхождению «Повесть о новгородском посаднике Щиле» [Еремин]. Но и в основе сюжетной канвы этого произведения, не имеющего аналогов в оригинальной древнерусской литературе, возможно, лежал какой-то неизвестный или не выявленный до сих пор иноземный источник. Замечу, что и многочисленные разбросанные по разным рукописям небольшие отрывки о тщете земной жизни, могущие создать впечатление оригинальных суждений составителей Синодиков, на поверку оказываются перифразами цитат из отеческой учительной литературы.

Большинство лицевых Синодиков – это рукописи с литературным предисловием третьей редакции. На их материале я и буду строить свои рассуждения. Текст предисловий этой редакции не тиражировался. Почти каждый раз сборник составлялся заново или подвергался существенному редактированию за счет удаления или сокращения одних фрагментов и добавления других. Обзор состава нескольких десятков (около 50) синодичных предисловий позволяет предположить, что книжники, вероятно, ориентировались на принципы подбора различных литературных отрывков, объединенных общей тематикой, известные им по пришедшим из византийского мира переводным сборникам «Пчела», «Измарагд», «Златая цепь» и т.п. Для извлечения необходимых фрагментов они использовали сочинения различных жанров: от Священного

Писания и поучений Отцов Церкви до «Истории о Варлааме и Иоасафе», житий вселенских святых и беллетризованных новелл. При этом в ход шли Палеи разных редакций, Патерики, Треники и Прологи, известные и неизвестные (ввиду утраты) современным исследователям нравоучительные сборники. Для Синодиков последней трети XVII – начала XVIII в. источниками текстов служили также «Небо новое» Иоанникия Галытовского, «Великое зеркало», «Зерцало малое» и «Звезда пресветлая». Еще Ф.И. Буслаев обратил внимание также на то, что в состав появившегося в конце XVII в. печатного (точнее, цельногравированного. – Л.Б.) Синодика, состоявшего из листов с изображением и очень коротких текстов, входили и пришедшие из восточноевропейских назидательных изданий истории с занимательными сюжетами [Буслаев, с. 244]. Этот Синодик, в свою очередь, оказал влияние на литературные предисловия рукописных Синодиков.

Откуда бы ни черпали материал составители синодичных предисловий, речь не идет о серьезной переводческой работе с религиозными текстами, какой, например, занимались в московском митрополичьем и патриаршем скриптории в XV–XVII вв. [См.: Исаченко]. Они лишь литературно обрабатывали уже имеющиеся переводы, как давно известные в древнерусской книжности, так и сделанные недавно. Эта переработка подразумевала приспособление переводного сочинения к задачам создаваемого сборника.

А.С. Демин отмечает, что в сборниках такого рода, как синодичные предисловия, ставшие образцом новой эсхатологии, на смену последовательным повествованиям апокрифов и житий пришли короткие локальные рассказы с особым сюжетом каждый и небольшие «выжимки» из эсхатологических сочинений [Демин, с. 70]. В одних случаях составители синодика ограничивались несколькими наиболее популярными текстами, в других собирали обширную «хрестоматию» из нескольких десятков литературных отрывков.

Выбирая текстовые фрагменты назидательного содержания, составители синодичных предисловий фактически приводили их к одному общему виду жанра – притче. В самих Синодиках жанр отрывков либо не определяется вообще, либо указывается произвольно или в соответствии с тем сочинением, откуда они были взяты. Чаще всего книжники обозначают их как «слово», «повесть» или «притча». Ф.И. Буслаев определял интересовавшие его синодичные рассказы «О грешной матери», «О роскошнике»,

«О пленнике в Персиде», «О разбойнике Домицеле» как «повести» [Буслаев, с. 244], возможно, по аналогии с «Повестью о Горе и Злочастии», литературные параллели которой он видел в названных фрагментах. Однако если их рассматривать как отдельные, переработанные для Синодика, произведения, абстрагируясь от жанра «материнских» текстов, то ближе всего они окажутся именно к древнерусской притче в соответствии с известными дефинициями этого малого жанра, предложенными Д.С. Лихачевым [Лихачев, с. 45] и Н.И. Прокофьевым [Прокофьев, с. 6]. Повествование в них носит обобщенный характер, не локализовано географически и хронологически, образы персонажей обезличены (даже если у них формально и имеются имена. — *Л.Б.*). При этом форма и содержание синодичных отрывков соответствуют цели морально-религиозного назидания. Как отмечал Прокофьев: «Действие притчи логически и конструктивно направлено на то, чтобы создать концентрированную иллюстративность для выражения нравственной идеи» [Прокофьев, с. 6]. Поэтому возьму на себя смелость в дальнейшем называть сюжетные фрагменты синодичных предисловий «притчами».

Книжные блоки большинства Синодиков не сохранились в первоначальном состоянии, многие листы перепутаны при последующих «реставрациях», поэтому трудно прийти к точному выводу, как формировался общий текст предисловий. Отдельные наблюдения позволяют осторожно предположить, что каждой притче предшествовало некое краткое суждение (как правило, вольная цитата из какого-либо святоотеческого сочинения) о мимолетности и конечности земной жизни, греховности человека и необходимости заботиться о будущей судьбе души. То есть, притчи, вероятно, играли роль назидательных примеров-казусов, подтверждающих эти сентенции, и представляли собой нечто похожее по содержанию и функциям на *exempla* европейского Средневековья [Ср.: Гуревич, с. 7]. Уже на уровне сборки литературного предисловия их текст подвергался серьезному редактированию, чтобы стать кратким, емким и выразительным. Но при такой вторичной «авторизации» и без того не всегда ясного и понятного церковнославянского перевода греческих, латинских или польских сочинений нередко в некоторой степени утрачивался смысл сюжета. Поэтому для поддержания функции назидательности с середины XVII в. тексты синодичных предисловий стали все более подробно и обильно иллюстрироваться цветными (как правило) миниатюрами.

По поводу принципа иллюстрирования литературных предисловий Синодиков давно существуют два противоположных мнения, которых до сих пор придерживаются многие исследователи. Знаток церковного искусства А.И. Успенский полагал, что миниатюристы, как и другие художники XVII в., были свободны в живописном толковании текста, изображая его содержание «по силе своего вдохновения» [Успенский, с. 15]. Е.В. Петухов, наоборот, считал, что конкретно синодичная миниатюра приближалась к тексту по полноте своего содержания, но никогда не давала ничего сверх него: «она почти всегда позади текста, следуя по его следам по возможности во всех подробностях» [Петухов, с. 270]. Каждое из этих суждений не является единственно верным. Далее я постараюсь показать, какими были интерпретационные возможности изображений на миниатюрах Синодиков, выступавших, по существу, в роли визуального перевода текста, который без них не раскрыл бы всего своего назидательного потенциала.

Обозреть все многообразие синодичных притч в рамках одной статьи невозможно. Поэтому остановлюсь только на наиболее часто встречающихся в лицевых рукописях сюжетах.

«Энциклопедичность» Синодика позволяла включать в него самые разнообразные тексты, в том числе «естественнонаучного» характера, но все они были подчинены главной теме — благочестивому стремлению к вечной жизни. Часто литературный блок предисловия начинался с притчи мифического святого Варлаама «О временном сем веке». В ее основе лежит другая притча «Об инороге» из «Повести о Варлааме и Иоасафе» (европейском пересказе истории Будды)¹. Притча «Об инороге» рано попала на Русь, вероятно, разными путями. В некоторых сборниках встречается ее редакция под названием «Притча от болгарских книг»². В Синодик она была заимствована из Пролога в варианте с толкованием, которым ее, предположительно, сопроводили древнерусские книжники, под названием «О временном сем веке»³. Ее распространение в синодичных сборниках логично связать с изданием в 1641 г. первой половины печатного Пролога⁴, которое в течение XVII в. повторялось еще семь раз. При этом в Синодниках текст

¹ Повесть о Варлааме и Иоасафе / подгот. текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой. Л., 1985.

² Древнерусская притча. М., 1991. С. 68–69.

³ Там же. С. 54, 436.

⁴ Пролог, первая половина. М., 1641.

притчи переработан еще раз в пользу его сокращения. На первый план выходит не сам сюжет данной части «Повести о Варлааме и Иоасафе», а его толкование. В результате этого образ «инорога» (единорога) смещается на его периферию, а основное внимание уделено толкованию других символов неумолимо движущегося времени и неминуемой смерти: черной (ночь) и белой (день) мышам, грызущим корни древа жизни, четырем аспидам искушений, разрушающих человеческое тело, и адскому чудищу-змею с разверстой пастью.

Сюжет притчи «Об инороге» неоднократно использовался в византийском и древнерусском искусстве, в том числе, и в цикле миниатюр лицевых списков «Повести о Варлааме и Иоасафе», и как отдельный назидательный сюжет в лицевых Псалтирях [Вздорнов, с. 51, 140–141]. Миниатюра с изображением спасающегося от опасности человека, подгрызаемого мышами древа, аспидами и змеем встречается и в Синодиках. Но во второй половине XVII в. в них появляется и постепенно становится все более частым другое изображение, визуально «переводящее», поясняющее уже не саму притчу, а ее толкование. Собственно, оно иллюстрирует всего одну его фразу: «Еже мы, ведущею будущую смерть и бес конча муку и вечное Царствие Божие, не лишимся славохотья, мира сего, ищющи богатства, гордыни, пьянства, велеречья, ходящи смерть напрасно вся ны възхитаеть и в ад воводить»⁵.

Наиболее подробный вариант изображения этого микросюжета встречается в Синодике ростовского Успенского собора⁶. В центре композиции находится «колесо жизни», на котором стоит трон с сидящим на нем царевичем. Слева, снизу вверх, представлены интерьеры дворцовых палат и роскошного шатра, где пирует молодой человек. Справа – холм с рыдающими на его вершине женщинами. У подножия холма извивается огромный змей с разинутой пастью, в которую крутящееся колесо вскоре приведет юношу, если тот не одумается. Изображение сопровождают поясняющие и назидательные подписи, самая важная из которых гласит: «Будущаго чаемъ векъ веселие заутро плачь». Так сложный для понимания текст притчи через иллюстрацию ее толкования переведен в простую и наглядную схему неумолимой судьбы человека, полагающего, что будет жить долго и весело.

⁵ Древнерусская притча. С. 55.

⁶ Музей-заповедник «Ростовский кремль». ЯРМЗ. Р-225. Л. 23 об.

Идея кратковременности человеческой жизни подхвачена в другом распространенном фрагменте синодичных предисловий – притче «О Царе Годе». Она также была давно и хорошо известна русским книжникам, так как традиционно включалась в Месяцесловы и Пасхалии. В развернутом виде эта притча-загадка включает несколько вариантов метафорических описаний времен года с токованием их значений, а также занимательные вычисления количества дневных и ночных часов в зависимости от сезона⁷. В редакции, предназначенной для Синодиков, большинство этих элементов отбрасывается. Из нее для литературной обработки выбирается только «Сказание о четырех временах года», откуда, в свою очередь, извлекаются описания их аллегорических образов. К этим очень кратким текстам, полным красочных метафор, в качестве «зачина» добавляется первая фраза притчи: «Царь убо некий бяше славен зело, и велик, и благороден, и велми богат, светел и высок надо всеми»⁸. Толкования литературных аллегорий года и его времен в Синодиках не воспроизводятся. Они лишь подкрепляются визуально также аллегорическими изображениями на миниатюрах. Типичным примером является оформление этой притчи в Синодике второй половины XVII в. из собрания РНБ. «Царь великий Год» представлен в образе восседающего на престоле зрелого мужа в царском венце с заполненным верхом, со скипетром и державой в руках. Такая иконография «царя» была распространена в русской иконописи, фреске и миниатюре XVI–XVII вв. Все четыре времени года тоже изображены в царском обличи. Их царствования короче, что демонстрирует облик персонажей. Весна, согласно тексту притчи, «подобна царю юну зело», лето – «мужу совершенну и вспячь зрящу», осень – «мужу средовечну», «плачущу и рыдающу», так как одет он уже не в богатое царское облачение, а в «ветхую ризу», зима – царю «стару, убогу и нагу». Аллегорический статус каждого визуального образа подчеркнут краткими подписями в верхней части миниатюры⁹.

Такое символично-аллегорическое толкование годового цикла было понятно составителям и читателям Синодиков. Оно напоминало о том, что смена времен года символизирует еще и смену возрастов человеческой жизни, неумолимо движущейся от «весны»

⁷ Древнерусская притча. С. 381–391.

⁸ Там же. С. 381.

⁹ РНБ. Ф.1.735. Л. 11–19.

к «зиме», что соответствовало общей тематике синодичных предисловий. Видимо, поэтому иконография иллюстраций к притче «Царь великий Год» сохраняла устойчивость и всегда тяготела к обобщенной аллегории, в то время как в Месяцесловах в конце XVII в. появились миниатюры другого рода — с бытовыми сценами и изображениями сезонных явлений природы в пейзаже, аналогичными иллюстрациям западноевропейских часословов [Белоброва, с. 314–315]. Таким образом, для Синодиков был сделан особый очень сильно сокращенный литературный и визуальный «перевод» притчи, пришедшей из византийской греческой книжности. И в дальнейшем он не подвергался редактированию под влиянием текстов и изображений других книг иноземного происхождения.

Возможность спасения и зависимость загробной судьбы души от земного выбора человека — один из ключевых сюжетов синодичного предисловия. Как правило, он представлен широко известной в древнерусской книжности переводной притчей «О трех друзьях» из «Повести о Варлааме и Иоасафе». В сокращенном виде она была включена также в Пролог под 16 апреля как притча святого Варлаама «О печали житейской, и о суетном богатстве, и о милостыни»¹⁰.

В Синодиках текст притчи сокращен даже по сравнению с проложной редакцией. Фактически он разобран на микрофрагменты и цитаты, скомбинированные иначе, чем это было сделано первоначально. В лицевых Синодиках в качестве основных учительных фрагментов текста выступает финальный абзац притчи, содержащий ее толкование, а сюжетные отрывки сопровождают миниатюры как подписи к изображениям. Такая деконструкция помогала составителям синодичных предисловий усилить назидательность притчи, развернутая редакция которой содержала довольно сложные аллегории.

В притче «О трех друзьях» рассказывается о некоем человеке, жившем в довольстве, наслаждаясь красотами и прелестями мирского бытия до тех пор, пока не попал в царскую опалу. Он обращается за помощью к своим друзьям. Двое из тех, с кем он пирувал и радовался жизни, отказывают ему в помощи, и только третий выражает сочувствие и готов заступиться за него. В толковании святого Варлаама объясняется, что на самом деле речь идет о душе, неверными друзьями которой являются «пагубное богатство» и думающие о своей выгоде и удобстве «жена, и чада, и прочая

¹⁰ Древнерусская притча. С. 45–47, 66–67, 437.

ужики» (в синодичном переводе притчи — «жена, дети и прочий род»). Настоящий же друг — милостыня, человеколюбие и прочие добродетели.

Иллюстрации притчи «О трех друзьях» лицевых Синодиков не столько воспроизводят ее сюжет, сколько толкуют его еще раз, переводя на язык понятных людям, имевшим дело с иконописью и фресковой росписью храмов, образов. Рассмотрим это на примере отличающихся высоким художественным качеством миниатюр синодика ростовского Успенского собора второй половины XVII в.¹¹

В визуальном рассказе довольно причудливо сочетаются сюжет и толкования притчи. Главный персонаж повествования представлен в виде маленькой фигурки — души, облаченной в длинные одежды и плащ. На миниатюре, иллюстрирующей зачин и одновременно финал притчи в ее синодичной редакции («Человек некий имяше три друга. Двух любяше и чтяше, а на третьем небрежение имяше весми»), изображена сцена в интерьере богатых палат. Душа-просительница обращается за помощью к ангелу, который в тексте притчи отсутствует. Возможно, поэтому его фигура на миниатюре имеет конкретизирующую подпись «аггль гнь» («ангел господень»). Ангел стоит возле уставленного богатой посудой пиршественного стола, за которым угощаются женщина и двое мужчин. Только один из мужчин откликнулся на призыв ангела и обернулся к нему. Видимо, это и есть третий — добрый друг, которым герой притчи пренебрегал. Эту догадку подкрепляет то обстоятельство, что еда и питье, находящиеся на столе, подписаны словом «милостыня».

Довольно пространный рассказ полной редакции, сокращенный до минимума в тексте Синодика, на миниатюре визуально переведен в форму довольно сложной аллегии, в которой совмещены несколько временных пластов повествования. При этом художник не посчитал нужным передавать сюжет строки, помещенной под миниатюрой: «Во един ж от дний прииде к нему воинъ страшень отъ царя, хотя вести его ко царю». Чтобы составить эту аллегорическую композицию, миниатюрист вынужден был обратиться к нескольким визуальным источникам, в том числе западного происхождения, установить которые очень непросто, если во-

¹¹ Музей-заповедник «Ростовский кремль». ЯРМЗ. Р-225. Л. 11, 31, 35 (Книжный блок был перешит в более позднее время, поэтому первоначальный порядок листов сбит. Мы указываем номера листов в существующей пагинации).

обще возможно. Одной из любопытных деталей является висящий в простенке между окнами пиршественной палаты пейзаж некоего европейского приморского города, в бухте которого плавают парусные суда.

Вторую миниатюру выполнил другой художник, который проиллюстрировал (пояснил) краткий текст-подпись, находящийся на этой же странице: «Прииде к первому другу и моли его. Онъ ж рече: “Не знаю тя, имам бо ины други, но се ти даю два портища”». Этот текст серьезно переработан и сильно сокращен по сравнению с развернутой редакцией притчи. Данные первым другом «сукняницы две»¹² здесь переведены как «два портища». Как и на предыдущей миниатюре, изображение не следует за текстом буквально. Мы видим аллгорию первого друга — пагубного богатства в виде человека, восседающего на престоле под балдахинном в роскошной комнате, интерьер которой украшают античные колонны. К нему просительным жестом протягивает руки маленькая фигурка души. То, что все это происходит после смерти человека, имевшего трех друзей и надеющегося получить с их помощью спасение, подчеркивает изображение на переднем плане гроба с лежащим в нем мертвым телом в саване. В тексте притчи этот аллегорический элемент тоже отсутствует.

Третья миниатюра написана еще одним художником. Она иллюстрирует краткую цитату-подпись на той же странице: «И виде, яко несть помощи от перваго друга, тече ко другому. Он же рече ему: «Аз сам в печали есмь, обаче иду с тобою до полупути и возвращуся». На миниатюре представлены два пласта сюжета и толкования к нему — символично-аллегорический и реальный. Для этого художник использует распространенный в древнерусском искусстве прием размещения их на разных этажах столпообразного здания, у которого одновременно показаны экстерьер и интерьер. Душа обращается к стоящей в арочном проеме второго этаже одинокой фигуре другого неверного друга. Здесь же показано, что под этой аллегорией имеется в виду семья умершего, которая провожает его тело на кладбище, а потом забывает о нем в повседневных делах. Для этого в проеме арки первого этажа здания изображена группа женщин, стоящих над гробом покойного.

Итак, в рассмотренном фрагменте предисловия из Синодика ростовского Успенского собора давно существующий в церковнос-

¹² Древнерусская притча. С. 45.

лавянском переводе текст притчи «О трех друзьях» очень сильно сокращен и отредактирован. При этом в нем и в иллюстрирующих его изображениях перемешаны детали основного сюжета и толкования. Сложные литературные аллегории поясняются чуть менее сложными аллегориями визуальными.

В некоторых случаях в синодичных предисловиях визуальный перевод содержания может наполняться этнографическими подробностями, которых не было, да и не могло быть в иллюстрируемом литературном тексте. Так, в русских Синодиках второй половины XVII в. очень любили сопровождать миниатюрами патериковую притчу «Об одном кипрском пресвитере, любившем ходить в баню». Еще Ф.И. Буслаев отмечал, что среди иллюстраций этой притчи «особенно замечательны для истории русских обычаев изображающие предбанник и баню с парящими по полке» [Буслаев, с. 240]. Основные события сюжета, действительно, происходят в данном общественном заведении. Помещение, где совершается омовение, в Синодиках названо «теплицей», но речь там идет, вероятно, о чем-то похожем на кальдарий античных терм, а не на русскую парную. Подробности банного ритуала в притче не описаны, только указано, что раздеваться и мыться пресвитеру помогал некий слуга. На иллюстрирующих ее миниатюрах представлены характерные принадлежности интерьера русской бани — лавки, печи, раскаленные камни, веники и деревянные шайки с водой.

Ф.И. Буслаев выделил два разных иконографических варианта изображения бани в миниатюрах к притче «Об одном кипрском пресвитере...». Первый из них — отдельные, каждый на своем листе, рисунки предбанника и парной (в принадлежавшем ученому Синодике середины — второй половины XVII в.). Второй — единая композиция на одной странице, включающая происходящее в обоих помещениях (в рукописи 1688 г. из собрания Погодина в Публичной библиотеке) [Буслаев, с. 240–241].

Ф.И. Буслаев не заметил, что изображения бани могут относиться к разным эпизодам притчи. Первый из описанных им вариантов иллюстрирует ключевое событие знакомства пресвитера с новым слугой, как на миниатюре Синодика второй половины XVII в. Богородицкой церкви с. Шангалы¹³. Здесь на одном листе изображено и как юноша разувает в предбаннике пожилого человека, и как помогает ему париться. На этой миниатюре много лю-

¹³ ГИМ. Шук. 143. Л. 76.

бопытных бытовых деталей. В верхней части листа показано как некий обнаженный до пояса мужчина берет воду из колодца с «журавлем» и переливает ее в чан, как топится печь и греются камни для парильни.

Второй вариант изображения бани иллюстрирует заключительный эпизод притчи, когда пресвитер вновь приходит мыться и видит живым помогавшего ему юношу, грешника и еретика, спасенного от гибели его постом и молитвами. Здесь показана только сама парильня с ее отсеками, в которых сидят и лежат обнаженные люди. На подобной миниатюре в Синодике 1672 г. переславского Троицкого Данилова монастыря обращает на себя внимание, что некоторые из персонажей сидят не на голых лавках, а подложили под себя веники, что, вероятно, соответствовало реальным банным практикам¹⁴.

Независимо от того, какой из эпизодов иллюстрировали художники, они всякий раз изображали «греческую баню» с помощью знакомых им визуальных клише и образов. Надо полагать, что этот «перевод» полностью соответствовал и представлениям заказчиков и читателей рукописей Синодиков о том, как должно выглядеть подобное заведение. Исследования русской материальной культуры показывают, что в России XVII в. бани были широко распространены, и мытье в них осуществлялось регулярно. Многие семейные обряды, включая родильный и свадебный, требовали обязательного посещения бани. Специальный банный ритуал существовал в жизни царской семьи [Громов, с. 119]. В притче о пресвитере баня выступает местом омовения не только тела, но и души главного персонажа и его юного слуги. Намек на греховность и спасение последнего мы видим на миниатюре из Синодика Троицкого Данилова монастыря. Юноша парится отдельно от всех – в некоем подобии пещерки, изображенной в правом нижнем углу композиции. Пещерка на средневековых миниатюрах обычно маркировала преисподнюю. Но здесь обнаженная душа молодого человека омывается из шайки водой, символизирующей спасительные молитвы пресвитера.

Метафора смывания грехов использована и в еще одном часто встречающемся синодичном фрагменте «О блудной матери» («О грешной матери»). Этот текст известен в русской книжности под разными названиями, как с определением («повесть»), так

¹⁴ Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4288. Л. 35.

и без определения жанра [Соколова, с. 233]. Самые ранние из сохранившихся списков датируются XV – началом XVI в. [Темчин, с. 506]. Долгое время происхождение этого сочинения не было точно установлено. Исследователи Синодиков считали его латинским, а попадание в состав синодичных предисловий через польскую книгу связывали с «Великим зеркалом» [Петухов, с. 201] или «Зерцалом малым» [Дергачева, 2011, с. 62 (Примеч. 2)]. Сравнительно недавно С.Ю. Темчин показал, что текст имеет, скорее всего, византийское происхождение, так как известен его греческий список XIV в. [Темчин]. Он же обнаружил, что некоторые церковнославянские рукописные сборники XV в. называют эту «повесть» патериковой [Темчин, с. 507]. Замечу, что здесь может и не быть особого противоречия. Для синодичных предисловий ее текст мог заимствоваться как из Патериков и Прологов, так и (для поздних Синодиков, где она помещалась в одном блоке с другими отрывками из печатных книг) из Зерцал. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании (отмечу, что П.В. Владимиров в свое время полагал, что в «Великое зеркало» фрагмент «О блудной матери» попал из Пролога, но не привел в пользу этого никакой аргументации [Владимиров, с. 49]).

Сюжет этой повести/притчи занимателен. Здесь рассказывается о некоем благочестивом христианине, мать которого жила в блуде и умерла, не раскаявшись. Добродетельный сын раздал все оставшееся от нее имущество церквям и нищим, надеясь тем искупить ее грех. Сомневаясь, что достиг желаемого, он обратился за советом к некоему прозорливому старцу-отшельнику. Тот очертил вокруг молодого человека круг и велел ему не покидать этого места, пока не убедится, что его мать спасена. Через семь суток юноша увидел по левую руку от себя смрадное болото, а в нем свою мать среди других грешников. За волосы сын вытащил ее из грязи и перенес направо, где была купель с чистой благоуханной водой. Запачканную в адском болоте правую руку молодой человек ничем не смог отмыть и вынужден был кутать ее куском мантии, который дал ему мудрый старец. До конца жизни смердящая рука осталась ему напоминанием о том, что все увиденное им было правдой.

Конечно, этот сюжет привлекал иллюстраторов синодичных предисловий. В более ранних Синодиках, где, вероятно, воспроизводилась патериковая редакция, она богато иллюстрировалась. Л.В. Соколова указывает, что в одной из рукописей собра-

ния РНБ¹⁵ ее текст сопровождают целых 20 миниатюр [Соколова, с. 233]. Но в Синодики рубежа XVII–XVIII вв., особенно в те, где были использованы фрагменты украинских и польских печатных изданий, включался сокращенный вариант рассказа о материнской блядне, и миниатюр немного. Композиционно эти иллюстрации напоминают барочные аллегорические рисунки и гравюры. Зритель-читатель должен напрячься, чтобы сопоставить изображение и текст, пусть и находящийся на соседней странице. На миниатюре Синодика из собрания А.А. Титова, составленного около 1700 г., благочестивый сын оmyвает правой рукой (той самой, которая была испорчена смердящей болотной жижей, но по рисунку это обстоятельство не прочитывается) обнаженное тело своей матери: «И видихъ купель воды чисты и облих ю ту». Действие происходит возле «купели», напоминающей формой колодец¹⁶.

Важный вопрос, возникающий при анализе синодичных предисловий, где и кем осуществлялась работа по их составлению, редактированию и иллюстрированию? Большое количество сохранившихся лицевых рукописей Синодиков, разнообразие их редакций и вариантов, иконографических схем и стиля иллюстраций свидетельствует о том, что существовало, как минимум, несколько центров, занимавшихся их изготовлением. Вопрос этот до сих пор не изучен, но можно предположить, что скриптории, где переписывали и украшали миниатюрами предисловия Синодиков, кроме Москвы находились при архиерейских кафедрах и в некоторых крупных монастырях, таких как Троице-Сергиев.

В каждом скриптории, вероятно, был собственный подход к составлению синодичных предисловий, и, несомненно, собственные источники текстов. Поэтому примерно в одно и то же время где-то фрагменты переводных сочинений извлекались из Пролога или Патериков, других рукописных сборников, где-то из «Великого зеркала», «Зеркала малого» и иных книг иноземного происхождения, а где-то просто из более старых или понравившихся заказчику Синодиков. По этой причине тексты предисловий Синодиков отличаются по набору сюжетов и по полноте содержания отдельных фрагментов, фразеологии и лексике. Но во всех заметно внимание составителей и редакторов к подчеркиванию и усилению назидательных мотивов, связанных с заботой о посмертном

¹⁵ РНБ. Ф.1.323.

¹⁶ РНБ. Тит. 251. Л. 15.

будущем души. Несомненно, за содержание редакций фрагментов, включаемых в сборник, отвечали опытные книжники, так как монастырские и церковные Синодики с литературным предисловием использовались для келейного чтения или читались вслух за монастырскими трапезами. В синодичных фрагментах можно увидеть следы правки, когда вставлялись или вычеркивались целые фразы или отдельные слова.

С иллюстрированием Синодиков дело обстояло еще сложнее. По некоторым кодексам видно, что миниатюры писались отдельно от текста, а потом вшивались в тетради, или, наоборот, тексты вписывались на оставленные художниками, делавшими лицевой блок книги, свободные страницы. Как и в случае с «Лекарствами душевными», с определенной мастерской можно предположительно связать только роскошные рукописи с иллюстрациями высокого художественного качества [Ср.: Кошелева]. Иконописцы, работавшие с Оружейной палатой, Посольским приказом, Троице-Сергиевым, ярославским Спасским и некоторыми другими крупными монастырями, хорошо знакомые с русской средневековой книжностью, старались по возможности точно передавать нюансы сюжетов иллюстрируемых притч. Городовые мастера, ориентированные на «массовый» спрос, трактовали их содержание очень обобщенно, искажая или опуская непонятные детали. Именно для их миниатюр особенно характерен прием «перевода» образов иноземных притч на «язык родных осин», когда, например, персонажи оказываются одетыми во что-то похожее на крестьянские рубахи и зипуны.

В последней трети XVII в. заметный вклад в традицию работы с текстами и иллюстрациями сочинений иноземного происхождения внесли появившиеся в это время рукописные и печатные книги с гравюрами на меди. По утверждению Д.А. Ровинского, первый Синодик размером в печатный лист с гравюрами мастеров Серебряной палаты Леонтия Бунина, Афанасия Трухменского и Василия Андреева был создан в 1670–1680-х гг. В его иллюстрациях ощущалось влияние европейской, в первую очередь, голландской печатной графики [Ровинский, 1870, с. 26–27]. К сожалению, ни одного экземпляра этой книги ныне неизвестно. Но, возможно, именно ее гравюры были использованы как образец художниками, рисовавшими миниатюры для рукописного Синодика 1695 г. с гравированными виньетками Леонтия Бунина¹⁷.

¹⁷ РНБ. Ф.1.323.

Лучше изучен Синодик, гравированный Леонтием Буниным, Василием Андреевым, Григорием Тепчегорским и Афанасием Трухменским около 1700 г. [Ровинский, 1881, с. 189–213]. Его первое издание, которое в расширенном виде потом будет выходить отдельно и получит условное название «Синодик Леонтия Бунина», было подготовлено в связи со смертью патриарха Адриана. Оно было включено, в том числе, в рукописный Синодик оригинального состава, условно называемый «Синодик патриарха Адриана», экземпляры которого рассылались по крупнейшим монастырям «на помин» усопшего главы русской Церкви [Хромов]. Специфика этого Синодика заключалась в том, что в нем гравюры сочетались с пространным рукописным текстом, написанным неизвестными авторами на основе сочинений Симеона Полоцкого, в свою очередь пользовавшегося польскими источниками. Предположительно, в его составлении принимал участие Карион Истомина. Большинство гравюр были переработками иконографии русских лицевых Синодиков и иконописных образов великих святых, цитаты из сочинений которых использовались в тексте Синодика. Но в конце книги были иллюстрации к «Великому зеркалу» и «Небу новому». Гравюра к одному из фрагментов последнего «Чудо о разбойнике Домицеле» позже неоднократно воспроизводилась в миниатюрах рукописных Синодиков XVIII в. Леонтий Бунин и его товарищи ввели новую манеру обработки иллюстрируемых текстов. Последние сокращаются до подписи к иллюстрации, вносимые в рамку гравюры. Иногда их размещали просто под изображением, иногда заключали в специальные картуши. Визуальный рассказ, наоборот, дополняется новыми подробностями, часть из которых, например, архитектурный стаффаж, заимствовали из западноевропейского искусства. Этот прием в конце XVII – начале XVIII в. охотно использовали и миниатюристы.

В целом, за исключением нескольких текстов русского происхождения, как «Повесть о посаднике Шиле», литературное предисловие Синодиков XVII в. можно рассматривать как еще один специфический сборник переводных сочинений, составленный по тематическому принципу и отредактированный в соответствии с функциональными задачами. Большинство из этих произведений, как было отмечено еще О.Е. Кошелевой на материале «Лекарства душевного», имело византийское происхождение [Кошелева, с. 101]. Лишь после перевода в 1677 г. «Великого зеркала» с польского оригинала на русский язык переводчиками Посольского

приказа и распространения изданий «Неба нового» Иоанникия Галытовского¹⁸ в Синодиках появляются другие фрагменты. В России конца XVII в. «Великое зеркало» переводилось и дополнялось сочинениями из других популярных сборников неоднократно [Державина]. Поэтому, чтобы выяснить точное происхождение несколько отличающихся друг от друга фрагментов разных Синодиков на один и тот же сюжет, необходимо провести специальное текстологическое исследование. На данном этапе я ограничилась более общими суждениями о работе составителей и иллюминаторов синодичных предисловий с переводными сочинениями. Но и они показывают, что круг книжников и художников, способных переписывать, редактировать и иллюстрировать иноземные притчи, переводя их содержание и смысл в определенных целях (в данном случае, для религиозного поучения необходимости заботиться о душе), в XVII в. был гораздо шире, чем могло представляться ранее.

Литература

- Белоброва О.А.* Лицевые рукописи (краткий обзор) // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 307–322.
- Буслаев Ф.И.* Повесть о Горе и Злочастии // *Буслаев Ф.И.* О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 164–261.
- Вздорнов Г.И.* Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978.
- Владимиров П.В.* «Великое Зерцало» (из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884.
- Громов Г.Г.* Русская материальная культура XVII века // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 105–123.
- Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
- Демин А.С.* Путешествия души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 51–74.
- Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011.
- Дергачева И.В.* Историко-богословский аспект литературных предисловий Синодика как литургического сборника с четью функцией // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 62–65.
- Дергачева И.В.* К литературной истории древнерусского Синодика XV–XVII вв. // Литература древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 63–76.
- Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004.

¹⁸ Галытовский Иоанникій. Небо новое з новыми звездами сотворенное, то есть Преблагословенная Дева Мария Богородица з чудами своими. Львов, 1665; Чернигов, 1677; Могилев, 1699.

- Дергачева И.В.* Тематика посмертного спасения и наказания в памятниках древнерусской танатологии // *Воропаев В.А., Дергачева И.В., Коняевская Е.Л., Мильков В.В.* Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М., 2021. С. 109–162.
- Державина О.А.* «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
- Еремин И.П.* Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Т. 1. Л., 1932. С. 59–151.
- Исаченко Т.А.* Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.
- Кошелева О.Е.* «Лекарство душевное» в русской книжности XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2: XVI – начало XVIII в. М., 1989. С. 90–108.
- Лихачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 5–48.
- Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.
- Прокофьев Н.И.* Прелесть простоты и вымысла // Древнерусская притча. М., 1991. С. 5–18.
- Ровинский Д.А.* Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания академии художеств. М., 1870.
- Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Т. III. СПб., 1881.
- Соколова Л.В.* Повесть о грешной матери // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 233–234.
- Темчин С.Ю.* Церковнославянская Повесть о грешной матери (Синодик, Патерик, Пролог, Измарагд) и ее греческий оригинал (ВНГ 1449d) // *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies.* 2017. № 1. С. 504–517.
- Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века // Записки Московского Археологического института. Т. XXXII. М., 1914. С. 1–16.
- Хромов О.Р.* Синодик патриарха Адриана и первые издания гравированного Синодика Леонтия Бунина // Филевские чтения: Тезисы конференции, 16–19 мая 1995 г. М., 1995. С. 112–115.

Славянский язык в окружении иерусалимского патриарха Феофана III Каракалла в 1620-х годах

Изучение политических, культурных, конфессиональных связей говорящих на разных языках и, чаще всего, проживающих в различных государствах людей неизбежно ставит вопрос о методах и способах преодоления языковых барьеров благодаря деятельности как профессиональных переводчиков, так и не находившихся на государственной службе, но знающих те или иные иностранные языки лиц. Для Русского государства XVII в. первые были представлены входившими в штат Посольского приказа переводчиками и толмачами, а вторые — выделяемыми исследователями так называемыми «контактными группами» в лице проживавших в России православных монахов, владевших теми или иными западноевропейскими языками представителей дворянства, долгое время находившимися в Москве и других городах иноземцами или их потомками, прежде всего, «старыми немцами», и торговыми людьми [Шамин, Янссон, с. 223–229]. Однако в этом перечне не учтена еще одна категория лиц. Речь идет о людях, приезжавших в составах дипломатических светских или церковных делегаций, которые, не имея никакого официального статуса, тем не менее, благодаря своему этническому происхождению или в результате обучения владели славянским (русским) языком и, используя свои способности, облегчали для приехавших контакты в чужой языковой среде. Сказанное можно рассмотреть на примере входивших в окружение иерусалимского патриарха Феофана III Каракалла людей во время его путешествия в Русское государство в 1617–1620 гг.

Иерусалимский патриарх Феофан, выехав из Константинополя в начале марта 1617 г. и задержавшись в пути сначала из-за противодействия крымских властей, а затем, уже на территории России, из-за военной опасности, связанной с походом королеви́ча Владислава и рейдами участвовавших в этом мероприятии запорожских казаков под предводительством гетмана П. Конашевича Сагайдачного [Тимошина, 2021 (б), с. 49; Тимошина, 2021 (а),

с. 45–56; Тимошина, 2023, с. 131–140, 145–164] почти на два года, приехал в Москву 21 февраля 1619 г.¹ в сопровождении семи человек: не названного по имени архимандрита, архидьякона Неофита, келаря Аникея, дьякона Филофея, старца Митрофана, патриаршего племянника Афанасия и патриаршего служебника «греченина» Христодула [Тимошина, 2021 (6), с. 128–129]. Обратим внимание на двух из них – дьякона Филофея и келаря Аникея.

Первый из указанных людей это не кто иной, как будущий великий архимандрит Великой церкви Амфилохий, который являлся «самым деятельным, – по словам Н.Ф. Каптерева, – политическим русским агентом в Константинополе» [Каптерев, т. 1, с. 97]; как полагал К.А. Панченко, именно Амфилохий долгое время был «главным “резидентом” России на Востоке» [Панченко, с. 359]; на мнение Панченко, не выражая, впрочем, собственной позиции и, видимо, соглашаясь с суждением коллеги, сослалась З.Е. Оборнева [Оборнева, 2020, с. 25–26]. Впрочем, В.Г. Ченцова в рецензии на монографию Панченко, отметив «некоторую схематичность» содержащихся в книге характеристик, считает, что автор исследования «слишком однозначно» относит архимандрита Амфилохия (Филофея) «к приверженцам русского царя» [Ченцова, 2013, с. 360].

В историографии существует мнение, что архимандрит Амфилохий впервые приехал в Москву летом 1630 г. в свите османского посла Фомы Кантакузина или вместе с послами трансильванского князя Бетлен Габора Ш. Талейраном и Я. Русселем, являясь в тот момент представителем константинопольского патриарха Кирилла I Лукариса [Флоря, 2004, с. 265–266; Ченцова, 2019, с. 203; Olag, s. 210–211]. Эта дата неточна. 4 ноября 1622 г. сам Амфилохий рассказал приехавшим в Константинополь послам И.Г. Кондыреву и Т.В. Бормосову, придя к ним на подворье, что «был с ерусалимским патриархом на Москве... и с Москвы отпущены и шли на Литву и были в Киеве»² [Тимошина, 2020, с. 448–449]. Следовательно, впервые в русскую столицу Амфилохий попал более чем десятью годами ранее, в феврале 1619 г., в числе сопровождавших Феофана III людей, проделав вместе с патриархом весь нелегкий путь до Москвы. Совпадение имени приехавшего с восточным владыкой человека, правда, в несколько иной огласовке – Филофей

¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 74.

² Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Л. 275, 275а.

(Анфилофей – Амфилохий) – с именем собеседника русских послов, поведавшего о состоявшемся относительно недавно путешествии, позволяет убедиться, что речь действительно идет об одном и том же человеке. Не вполне понятным остается довольно резкое и быстрое изменение (повышение) его сана – с дьякона до игумена, но, возможно, здесь сыграли свою роль какие-то, пока остающиеся неизвестными обстоятельства путешествия Феофана в целом, не только по территории Русского государства, но и Речи Посполитой, до его возвращения в Константинополь и, пусть и кратковременного, пребывания в османской столице.

В любом случае, вернувшись вместе с патриархом, Амфилохий после отъезда Феофана в свою ближневосточную епархию остался жить на иерусалимском подворье в Константинополе, куда русские послы И.Г. Кондырев и Т.В. Бормосов, помимо Ф. Кантакузина и Кирилла I Лукариса, обратились с просьбой найти подходящего человека, чтобы получать от него сведения о проходивших в это время в городе турецко-польских переговорах [Тимошина, 2020, с. 433–451]. До конца 1620-х гг. Амфилохий принадлежал к окружению предстоятеля иерусалимского престола, и не случайно в письме Кирилла Лукариса от 17 ноября 1626 г. «кир Филофей» упоминался как один из приближенных Феофана III. Кроме того, по имеющимся в литературе сведениям, он принимал активное участие в переговорах о церковном сближении, которые иерусалимский патриарх вел с римскими властями [Ченцова, 2019, с. 207–211]. Однако к середине 1629 г. положение Амфилохия изменилось, и он стал доверенным лицом уже не иерусалимского, а константинопольского владыки, и Кирилл I Лукарис почти сразу же отправил его вместе со своей рекомендательной грамотой в Москву, причем в документе особо оговаривалось данное Амфилохию поручение устно сообщить царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету некое «тайное дело»³ [Тимошина, 2020, с. 536–542; Tchentsova, p. 315–317].

Исходя из характера поручения, посланец должен был обязательно знать славянский (русский) язык, чтобы, обходясь без помощи посторонних людей, видимо, прежде всего, переводчиков Посольского приказа, сохранять секретный характер своей миссии. В настоящее время не совсем понятно, существовала ли обоюдная договоренность Кирилла I и Феофана III об Амфилохии как

³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. Д. 23. Л. 3.

доверенном лице или константинопольский патриарх, ориентируясь только на свои потребности, сделал его архимандритом Великой церкви, не особенно считаясь с намерениями иерусалимского владыки, и в какой степени при этом учитывалось желание самого Амфилохия, имевшего в середине 1620-х гг. репутацию «криптокатолика», стать «человеком», «перешедшего», по выражению В.Г. Ченцовой, «в лагерь протестантов» Кирилла Лукариса. Важнее, в данном случае, другое. Это тайное устное сообщение, как, равным образом, и тот факт, что Амфилохий был посредником на состоявшейся 9 июня 1630 г. встрече Я. Русселя с московским патриархом, а потом беседовал с Филаретом наедине — «А после того говорил великий государь святейший патриарх с венгерским послом, призвав его к себе тайно, а толмачил цареградского патриарха Кирила архимарит Амфилофей», а затем, «отпустя венгерского посла, пошел великий государь святейший патриарх в комнату, а за собою, государем, велел идти цареградского патриарха архимариту Амфилофью и говорил с ним о делах. А говоря, велел святейший государь патриарх архимарита отпустить на подворье»⁴ — позволило исследователям обоснованно отмечать уверенное владение Амфилохием славянским языком, причем не только устной, как можно было бы подумать, ориентируясь на использованный в документе глагол «толмачил», но и письменной речью, о чем свидетельствуют некоторые вестовые письма и другие документы, представляющие собой «русские» автографы этого духовного лица⁵ [Тимошина, 2019, с. 396–398; Ченцова, 2019, с. 204–205]. Именно в этих лингвистических познаниях некоторые историки совершенно, на наш взгляд, справедливо видели причину успеха его длительной, вплоть до смерти Амфилохия в 1653 г., карьеры «политического агента» в Русском государстве [Флоря, 1990, с. 20; Ченцова, 2019, с. 203–204].

Вместе с тем, вряд ли стоит думать, что Амфилохий выучил славянское наречие специально для выполнения поручения Кирилла Лукариса и участия в беседе Филарета Никитича с Я. Русселем. Его разновременные автографы, написанные четкой, можно даже сказать, изящной южнорусской скорописью, с небольшим количеством орфографических ошибок, доказывают, что он хорошо знал

⁴ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 179.

⁵ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 6. Л. 55–55 об.; 1645 г. Д. 12. Л. 6–7 об.; Оп. 4. Д. 29, 32–34.

славянский (этническая принадлежность Амфилохия в настоящее время не установлена), очевидно, задолго до 1630 г. Тем самым, становится понятной причина включения иерусалимским патриархом в 1617 г. тогда еще имевшего сан дьякона Филофея-Амфилохия в состав своей свиты. Отправляясь в Русское государство за милостыней, необходимой для выкупа Святых мест, Феофан III посчитал необходимым и полезным иметь среди своего окружения человека, владеющего языком, родственным языку той страны, куда патриарх направлялся, чтобы иметь возможность через его посредство, не ограничиваясь формальными визитами в Посольский приказ или на торжественные аудиенции, поддерживать более свободные, неофициальные связи с представителями русских церковных и светских кругов и не чувствовать свою полную отчужденность в незнакомой языковой среде.

Второй из указанных, приехавших в Москву вместе с Феофаном III людей, келарь Аникей, уверенно отождествляется с небезызвестным, оставшимся после отъезда иерусалимской делегации в Речь Посполитую в русской столице и прожившим в России до своей смерти Иоанником Греком, оценка деятельности которого в историографии или принципиально неверна – «агент», направляющий царскую милостыню в Иерусалим [Каптерев, т. 2, с. 42], или в значительной степени мифологизирована [Фонкич, 2006, с. 85–96; Фонкич, Оборнева, с. 136–137; Опарина, 2017, с. 96–97; Оборнева, 2022, с. 361].

Необходимо отметить, что, в отличие от Амфилохия, по всей вероятности, изначально входившего в свиту Феофана, Аникей присоединился к уехавшей из Константинополя в начале марта 1617 г. иерусалимской делегации позднее, в конце весны – начале лета 1618 г., чтобы доставить остававшемуся в Крымском ханстве иерарху грамоту константинопольского патриарха Тимофея II на право архиерейского служения на территориях с православным населением, находившихся в церковной юрисдикции константинопольской кафедры, официальный документ, без которого крымские власти, не пропуская Феофана через пограничный Перекоп, не позволяли ему продолжить дальнейшее путешествие в Россию [Тимошина, 2023, с. 145–154].

Важно подчеркнуть, что и в бытность Феофана Иерусалимского в Константинополе, и после начала его путешествия Аникей, оставаясь на иерусалимском подворье, неоднократно встречался с находившимися в столице Османской империи русскими послами

П. Мансуровым и С. Самсоновым. 20 декабря 1616 г. он «сказывал» им о встрече польского посланника Я. Кохановского с султаном Ахмедом, 18 июля 1617 г. — о своей встрече с сыном муфтия и обсуждении с ним вопроса об отпуске послов, а 7 августа 1617 г. он вместе с толмачом Тимофея II М. Совиным и его же дьяком Ласкарем переводил на турецкий полученную от царя Михаила Федоровича «любительную» грамоту⁶. Приведенные сведения со всей очевидностью показывают, что Аникей хорошо владел не только устной разговорной речью, чтобы без чьего-либо посредничества общаться с послами, но и неплохо понимал письменный русский. Возможно, именно это умение явилось одной, наряду с доверием иерусалимского и константинопольского патриархов, из причин, почему именно он стал тем гонцом, кто доставил в Крымское ханство грамоту Тимофея II апреля 1618 г. и отправился далее в Москву вместе с Феофаном III.

Высказанное предположение о лингвистических способностях Аниея перерастает в уверенность, если обратиться к содержащимся в «Новом летописце» сведениям об этнической принадлежности этого человека. В статье «О принесении срачицы Господни в царствующий град Москву» отмечено, что царь Михаил Федорович и патриарх Филарет повелели расспрашивать об этой реликвии «гречан и иных земель Полестинской страны». Сначала о привезенной «кизылбашскими» послами Русином-беком и Муратом-беком в русскую столицу ризе Христовой сообщил слышавший о ней в Иерусалиме вологодский архиепископ Нектарий, а потом «келарь Спаса Нового монастыря Сербския земли, а приехал со иерусалимским патриархом Феофаном, Аникей», который также пересказал бытовавшую в Палестине легенду⁷.

Очевидно, что уроженец «Сербской земли», для которого один из славянских языков являлся родным, мог с легкостью воспринимать генетически близкий, хотя и имеющий некоторые различия в грамматике, нормах произношения и используемых графемах, такой же славянский язык. Как представляется, именно эта, вряд ли достижимая для многих других приезжавших с территорий Христианского Востока людей, легкость адаптации к московской языковой среде, чрезвычайно удобная не только самому Иоанникию, но и его собеседникам из разных слоев общества, послужила при-

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. Д. 4. Л. 150, 198, 208.

⁷ ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 151.

чиной «популярности» серба и среди русских светских людей, в том числе приказных деятелей, и у многочисленных, прибывавших в Москву или находившихся вне Русского государства просителей из числа духовенства, а отнюдь не распространенное в литературе, но не имеющее под собой никаких оснований суждение о продолжавшемся и после его отъезда влиянии авторитета патриарха Феофана на русские власти, якобы специально оставившего Аникея в Москве. Что касается же прозвища «Грек», не соответствовавшего действительно этническому происхождению серба, то стоит помнить замечание Т.А. Опариной, что в московской действительности под «гречанами» подразумевались как собственно греки, так и арабы-христиане и даже славяне [Опарина, 2004, с. 288, прим. 2].

Находясь с 21 февраля 1619 г. по 4 февраля 1620 г. вместе с иерусалимским патриархом в Москве, Амвросий и Иоанникий принимали участие, как показывает реконструированное дело о приезде Феофана III, во всех торжественных церемониях и поездках с участием восточного владыки: аудиенции «на приеме» у царя Михаила Федоровича, состоявшейся 13 апреля 1619 г., еще до возвращения в столицу находившегося в плену в Речи Посполитой отца молодого правителя, ростовского митрополита Филарета Никитича, торжественном обеде, устроенном Филаретом Никитичем 1 июля 1619 г. в ознаменование своего поставления в патриархи Московские, поездке в Троице-Сергиев монастырь в этом же месяце и отпусковой аудиенции 4 февраля 1620 г., хотя, как известно, Иоанникий в последний момент все-таки остался в Москве, почему его имя в росписи дорожного корма патриарху со свитой и отсутствует [Тимошина, 2021 (б), с. 129, 131, 135, 137, 140].

Вместе с тем, не стоит забывать, что помимо этих более или менее официальных действий, куда иерусалимскую делегацию (кроме, видимо, поездки в Троице-Сергиев монастырь) сопровождали штатные переводчики Посольского приказа Своитин Каменев и, чаще, Иван Селунский [Оборнева, 2020, с. 77], Феофан Иерусалимский принимал довольно активное участие в некоторых событиях русской церковной жизни, в частности, в разразившихся еще до возвращения ростовского митрополита из плена и продолжавшихся после хиротонии Филарета спорах о прилоге «и огнем» в молитве на освящение воды в праздник Богоявления. Причем восточный патриарх не только признал правомерность проведенных Дионисием Зобниновским и его помощниками Арсением Глухим и Иваном Наседкой в согласии с греческой традицией книжных

исправлений, предусматривавших исключение этого прилога, но и, узнав «от многих истинных ведцов» о постигшей справщиков тяжелой участи, попытался еще до прибытия Филарета Никитича из Польши облегчить ее, а затем вместе с московским патриархом в июле 1619 г. участвовал в посвященном этому вопросу соборе, где Дионисию, Арсению и Ивану было высказано оправдание [Макарий, кн. 6, с. 279–283; Опарина, 1998, с. 40–46]. Очевидно, что не знавший славянского (русского) языка патриарх Феофан вряд ли мог самостоятельно воспринимать рассказанное «ведцами» или следить за ходом прений на соборе. Ему обязательно требовалась помощь находившегося в его ближайшем окружении «переводчика», так как об участии в этих событиях сотрудников Посольского приказа сведений не имеется, и в этом в качестве выступал кто-то из двух указанных выше людей – Амфилохий или Иоанникий. В условиях столь серьезных богословских споров со сложно воспринимаемой на слух специфической лексикой кандидатура последнего, для кого славянский язык все-таки был родным, кажется более предпочтительной. Одновременно и приехавшие с Феофаном дьякон и келарь имели возможность познакомиться со многими представителями русского духовенства, в том числе и с патриархом Филаретом, подробнее представить себе условия и обстоятельства русской церковной жизни и, заодно, продемонстрировать свое собственное умение правильно понимать и точно передавать суть возникшей полемики.

Кроме того, прожив почти год в Москве, Феофан Иерусалимский познакомился, совершенно очевидно, в неофициальной обстановке, с некоторыми, занимавшими отнюдь не последнее место на светской иерархической лестнице людьми. Доказательством служат привезенные в 1625 г. племянником патриарха, архимандритом Кириллом, личные письма предстоятеля иерусалимской кафедры боярам И.Н. Романову, кн. И.Б. Черкасскому, кн. И.М. Воротынскому, Ф.И. Шереметеву с сообщениями о нуждах, которые «Святой гроб» терпит от «врагов веры нашия» и с просьбой о милостыне⁸. Конечно, высказанные жалобы и просьбы выглядят вполне традиционно, и, как показывают имеющиеся в деле переводы писем кн. И.Б. Черкасскому и кн. И.М. Воротынскому, тексты написанных, скорее всего, по трафарету посланий были весьма схожи между собой, но само обращение иерусалимского

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1625 г. Д. 5. Л. 83–88.

патриарха к конкретным людям свидетельствует о личном знакомстве Феофана III с этими представителями аристократии. Пройти же такое взаимное узнавание также могло, как представляется, только при посредничестве Амфилохия или Иоанникия, если, конечно, исключить возможность знания греческого, по крайней мере, разговорного языка, кем-то из четырех перечисленных вельмож. Вместе с тем, помогая иерусалимскому патриарху налаживать полезные связи, Амфилохий и Иоанникий и сами становились известны входившим в ближний круг царя Михаила Федоровича людям.

И, наконец, длительное пребывание в русской столице с повседневно возникавшими у приехавших нуждами обуславливало их более или менее регулярные обращения в Посольский приказ. Допустимо думать, что исходившие от имени патриарха Феофана и поданные в центральное государственное учреждение челобитные были написаны на русском языке, пусть и с некоторыми грамматико-стилистическими особенностями, то есть с помощью все тех же Филофея или Аникея. Кроме того, вряд ли сам Феофан III ходил в приказ со своими прошениями. Скорее, он посылал с челобитными кого-то из этих двух, более или менее легко ориентирующихся в иноязычной среде людей, которые, подавая обращения, по всей вероятности, кому-то из руководителей, могли познакомиться и с И. Грамотиным, и с С. Романчуковым в гораздо менее официальной, чем царские аудиенции обстановке, а приказные, в свою очередь, при непосредственном общении с челобитчиками имели возможность оценить степень владения русским языком приехавших с патриархом Феофаном дьякона и келаря.

Таким образом, двое из семи находившихся в свите Феофана III людей действительно в большей или меньшей степени знали славянский (русский) язык. Причем один из них, дьякон Амфилохий-Филофей, в отличие от появившегося, в общем-то, случайно келаря Аникея-Иоанникия, был взят иерусалимским патриархом в долгое путешествие в Русское государство вполне, как представляется, целенаправленно как человек, владевший славянской (русской) и устной, и письменной речью, для обеспечения более легких и удобных связей в различных жизненных ситуациях с встречавшимися по пути или жившими в Москве людьми, то есть помимо участия в официальных церемониях и различных торжественных действиях.

Все вышеизложенное заставляет задаться вопросом или об особой предусмотрительности именно Феофана Иерусалимского, или

о наличии некоей закономерности, характерной для миссий и других восточных патриархов. Не ставя себе в данной работе задачу его подробного рассмотрения, не можем не обратить внимание на ряд интересных, хотя и выходящих за указанные в заголовке статьи хронологические рамки обстоятельств.

В начале 1586 г. с благодарностью за привезенную русским послом Б. Благово щедрую милостыню на помин души скончавшегося царя Ивана IV Васильевича в Москву прибыла делегация от константинопольского патриарха Феолепта I, в состав которой входили диррахийский архиепископ Паисий, елассонский архиепископ Арсений, протопоп Григорий, некий игумен и слуга. Получив от царя Федора Ивановича не менее щедрые подношения, они отправились в обратный путь, однако Арсений, в отличие от своих товарищей, в Константинополь не вернулся, а остался на два года во Львове в школе при Успенском братстве, чтобы преподавать греческий и церковно-славянский языки, и написал там «Адельфотес» — «Грамматику доброглаголиваго еллино-славенского языка». Вторично Арсений Елассонский приехал в Москву в 1588 г. в свите константинопольского патриарха Иеремии II Траноса. чтобы больше уже никогда не покидать пределы России⁹ [Дмитриевский, с. 6–12, 14–17; Маштафаров, Флоря, с. 442–443; Шустова, с. 165, 177].

Исследователи, обратившие внимание на тот факт, что Арсений вместо возвращения в Константинополь второй раз отправился в Москву, нашли ему объяснение в желании елассонского архиепископа, правда, не указав причины такой готовности, «связать свою жизнь сначала с Восточной Европой, а затем — с Россией» [Флоря, 2002, с. 80]. Стоит, однако, учитывать, что благоприятствующим и способствующим появлению подобных намерений обстоятельством как раз и могло явиться знание славянского языка, причем приобретенное достаточно рано, чтобы иметь возможность вести преподавательскую деятельность в львовской братской школе и написать, пусть даже с помощью «спудеев» (студентов), двуязычный «Адельфотес». Подтверждением служат и имеющиеся написанные по-русски вкладные записи на пожалованных в московский Архангельский собор в 1598 и 1609 гг. Служебнике виленской печати и на престольном Евангелии и подаренном в 1619 г. в Ни-

⁹ Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями 1588–1594 гг. М., 1988. С. 11, 13, 18 и др.

колаевский Шартомский монастырь Евангелии [Дмитриевский, с. 63–64, 66–67].

Следовательно, с большой долей уверенности можно предположить, что уже в 1586 г. Арсений был отправлен одним константинопольским патриархом в составе делегации из нескольких духовных лиц в Москву как человек в той или иной степени знающий славянский язык для облегчения дорожных и московских контактов представителей Феолепта I, а затем, в точно таком же качестве он попал в число сопровождавших уже другого константинопольского патриарха людей в его путешествии в Россию. Видимо, Иеремия II высоко оценил помощь Арсения греческой миссии двумя годами ранее или в его окружении не было другого человека с необходимыми лингвистическими навыками, но в любом случае специальной, адресованной Арсению грамотой, полученной им во Львове 5 мая 1588 г., патриарх известил архиепископа о своем скором прибытии, просил получить у польского короля и великого канцлера грамоту на право свободного проезда по землям Речи Посполитой, и, как можно полагать, выразил желание, чтобы Арсений сопровождал его в поездке к царю Федору Ивановичу. В результате, учитель львовской братской школы, закупив повозки и лошадей, уже 20 мая приехал в находившееся в 110 км к северо-западу от Львова Замостье, чтобы там встретиться с Иеремией и вместе с ним отправиться в Москву [Дмитриевский, с. 17–18].

Третий, если учитывать приезды Иеремии Константинопольского и Феофана Иерусалимского, визит в русскую столицу восточного патриарха состоялся в середине XVII в. 5 января 1649 г. в Путивль с довольно многочисленной свитой приехал иерусалимский же патриарх Паисий, 27 января он появился в Москве, а после 6 июня этого же года покинул русскую столицу¹⁰. Среди сопровождавших его людей находился небезызвестный Арсений Грек, сложная и противоречивая судьба которого и до появления в Русском государстве, и после решения остаться в России продолжает, вызывая много вопросов, интересовать историков [Ченцова, 2016, с. 518–521]. В рамках же данной работы стоит еще раз обратить внимание на обстоятельства появления этого человека в свите иерусалимского патриарха.

Во время имевшей место 29 января 1649 г. беседы думного дьяка М. Волошенинова с Паисием Иерусалимским, патриарх рассказал

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. Д. 7. Ч. 1–2. Л. 9, 93, 431.

об обмене письмами с гетманом Б. Хмельницким по вопросу перехода всего войска Запорожского под «высокую государскую руку», подчеркнув, что он, Паисий, говорил Хмельницкому о насущной необходимости искать царской милости; точно такое же стремление быть под «государевою рукою» восточный владыка обнаружил, по его словам, и у черкас, когда находился у них¹¹ [Каптерев, т. 2, с. 88–89]. Очевидно, что переписка с гетманом велась на славянском языке и на нем же, чтобы узнать их настроение, проходили беседы с черкасами, то есть иерусалимскому патриарху для поддержания таких контактов был необходим кто-то, владеющий соответствующим языком. Таким человеком как раз и стал Арсений Грек, о чем Паисий и написал на отдельном, приложенном к хорошо известной, отправленной иерархом из Путивля грамоте от 1 июля 1649 г.¹² Паисий указал, что «обрел» его в Киеве как человека, знающего язык, на котором можно было бы разговаривать с запорожскими полковниками, ничего в тот момент не зная об отступлении Арсения от православной веры¹³. Конечно, речь шла о южнорусском (славянском) наречии, которым Арсений владел, видимо, неплохо, в чем иерусалимский патриарх имел возможность убедиться на практике и посчитать полезным взять такого посредника в общении с иноязычной средой для дальнейшего путешествия в Россию. Поэтому совершенно правы те исследователи, кто писал о знании будущим сподвижником патриарха Никона славянского (русского) языка как причине его включения в свиту патриарха Паисия и отправления вместе с ним в Москву [Каптерев, т. 2, с. 101–102; Фонкич, 1977, с. 108–109].

Вместе с тем, в справочной литературе существуют и другие мнения. Одно из них, будто, приехав в Москву, Арсений вообще не владел русским языком, выучившись ему только во время чуть более чем двухлетней ссылки в Соловецкий монастырь [Зиборов, с. 106], неверно. Трудно предположить, что за столь короткий срок приближающийся, видимо, к 40-летнему рубежу человек смог в такой степени выучить русский язык, чтобы не позднее 1654 г. стать справщиком Московского печатного двора, заниматься переводом и подготовкой книжных изданий [Чумичева, с. 18; Турилов, Чумичева, с. 428]. Другое состоит в том, что Арсений овладел разговор-

¹¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 117–131.

¹² Там же. Ч. 2. Л. 440–444.

¹³ Там же. Л. 447.

ным славянским (русским) наречием, странствуя после побега из константинопольской тюрьмы по «Валахии, Молдавии, Польше и Украине» [Турилов, Чумичева, с. 428], а читать по-русски научился в том же Соловецком монастыре [Чумичева, с. 17]. Представляется, что эти суждения неточны, о чем свидетельствует, во-первых, отмеченная выше переписка Паисия Иерусалимского с Б. Хмельницким с вполне допустимым предположением, что письма гетману от имени патриарха были написаны именно рукой «обретенного» в Киеве человека и им же прочитаны с переводом на греческий ответные послания, а во-вторых, палеографически выделенные «русские» пометы на книгах или расписки в получении жалованья Арсением Греком как справщиком Московского двора, которые своей довольно уверенной графикой показывают давнее, а не только что обретенное владение письменным русским [Фонкич, 1977, с. 114, илл. 14, 119]. Иными словами, находясь в Киеве, Арсений, по всей вероятности, уже владел и устной, и письменной славянской речью. И, не исключено, что именно эти знания и определили направление его побега из константинопольской тюрьмы как раз в те земли, где он заведомо мог обеспечить себе языковой контакт.

Таким образом, в отношении Арсения остается невыясненным тот же самый вопрос, который ранее, вольно или невольно, возник в связи с еще одним, приехавшим с восточным иерархом и также оставшимся в Москве человеком — Арсением Елассонским, вопрос о месте, где они могли выучить славянский. Никким образом не пытаясь дать хотя бы самый приблизительный ответ, что невозможно сделать без обращения к недоступным для нас греческим источникам, осмелимся указать на одну интересную деталь. По имеющимся в литературе данным, будущие елассонский архиепископ и сподвижник московского патриарха Никона родились в одном и том же месте — г. Трикала (северо-запад Фессалии). Может быть, это совпадение не является совсем уж случайным и способно послужить отправной точкой для дальнейших исследований?

Сложнее определить, был ли такой, знающий славянский (русский) язык человек в свите антиохийского патриарха Макария во время его первого путешествия в Россию в 1652–1659 гг. Восточный владыка появился в Москве после долгих скитаний в пути 2 февраля 1655 г., прибыв в русскую столицу с довольно многочисленной свитой [Рождественский, с. 27–28, 33; Ченцова, 2013а, с. 116–130], персональный состав которой пока изучен недостаточно, что вынуждает опираться только на косвенные свидетель-

ства. Не позднее 16 мая 1656 г. в Посольский приказ от имени Макария Антиохийского была подана челобитная с просьбой выдать «греченину» Ивану Остафьеву жалованную грамоту на право свободного приезда в Россию с узорочными товарами. Некоторые внешние особенности поданного документа – следы 15-тикратного сложения на обороте, очень плотная, с отчетливым желтоватым оттенком, чуть бархатистая на ощупь бумага (водяной знак, к сожалению, отсутствует), не характерная для приказного делопроизводства или подъячих Ивановской площади, подпись по-арабски самого патриарха – дают основания думать, что челобитная была подготовлена непосредственно в окружении антиохийского владыки и затем уже принесена в Посольский приказ. Текст написан светло-коричневыми чернилами, достаточно уверенно и бегло, но графически существенно отличающимся от «приказного» почерком. Кроме того, безусловно знакомый с русским формуляром челобитных писец все же позволил себе некоторые вольности, соединив в начальной части свойственное подаваемым в приказы прошениям «челом бью» с элементами, присущими, скорее, текстам грамот – «бога молю и благодарю... на твоём премногом царском жалованье». Трудно не заметить и некоторые грамматико-лексические моменты: употребление «юса малого» как местоимение «я» и в слове «приеждяти», урезанные окончания слов – торговать «всяки узорочны тавары» вместо «всякими узорочными товарами»¹⁴. Все вместе взятое позволяет высказать осторожное предположение о присутствии и в окружении патриарха Макария человека, владевшего славянским (русским) языком, может быть, чуть больше ориентированного на «книжный» стиль письма, который, не исключено, проделал какую-то часть пути по славянским землям вместе с антиохийской делегацией, а в Москве занимался деловыми связями патриарха.

Последний раз в XVII в. восточные патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский приехали в русскую столицу 29 октября 1666 г. для участия в соборе по низложению московского патриарха Никона. Особый характер этой миссии, предпринятой по настоятельным просьбам русских властей, маршрут их путешествия – через Грузию в Шемаху и Каспийским морем до Астрахани [Макарий, кн. 7, с. 258–259], а не через Дунайские княжества и Речь Посполитую – как будто не предполагали обязательного

¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 761. Л. 1.

присутствия в их свите включенного самими патриархами человека, знавшего славянский (русский) язык. Однако не стоит забывать, что в течение большей части путешествия Макария и Паисия сопровождал иеродьякон Мелетий Грек, приехавший в Москву в 1655 г. и остававшийся в русской столице, как Арсений Елассонский и Иоанникий Грек, до своей смерти в 1686 г. [Фонкич, 1991, с. 159–178]. Очевидно, что именно он, успев за несколько лет жизни в России, а, не исключено, что и ранее, выучить русский, о чем свидетельствуют посылавшиеся ему от имени царя из Посольского приказа и написанные, разумеется, по-русски грамоты [Макарий, кн. 7, с. 259], играл при этих патриархах ту же самую роль переводчика-посредника, что и его предшественники. Известно, в частности, что во время поездки по поволжским городам оба иерарха проявили большую заинтересованность в жизни местного населения, творя «суд и расправу» и даже забирая с собой в Москву сосланных людей, например, наборщика Московского печатного двора Ивана Лаврентьева или слугу гостя В. Шорина Ивана же Туркина, обвиненного в связях с воровскими казаками, грабившими торговые суда [Макарий, кн. 7, с. 259]. Понятно, что совершать все эти действия без общения на русском языке с появившимися перед восточными владыками собеседниками или просителями было невозможно, обеспечить же такие контакты как раз и мог ехавший с ними иеродьякон. Единственная разница в положении Мелетия Грека и других, владевших славянским (русским) языком лиц, которые сопровождали приезжавших ранее патриархов, заключалась в том, что он был официально отправлен русскими властями для приглашения восточных владык в Москву и сопровождения согласившихся приехать Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, прочие же иерархи, судя по всему, сами искали подходящие кандидатуры, тем не менее, в штат Посольского приказа Мелетий Грек так же, как Арсений Елассонский, Амфилохий, Иоанникий Грек, Арсений Грек, не входил.

В целом, подводя итог сказанному, необходимо отметить, что среди сопровождавших всех приезжавших в Русское государство в конце XVI–XVII в. восточных патриархов лиц обязательно присутствовали сознательно и целенаправленно взятые ими в путешествие (или специально направленные для сопровождения владык) люди, по своему происхождению или вследствие обучения владевшие славянским (русским) языком, чтобы облегчать появившимся в России высшим иерархам Христианского Востока различного

рода путевые контакты и связь с местным населением в течение поездки, по прибытии же в Москву предоставлять им возможность, не ограничивая себя рамками официальных мероприятий, более или менее свободно поддерживать личные отношения с гораздо более широким кругом светских и духовных лиц. Не случайно приехавший в Москву в 1671 г., правда, имевший более низкий, чем восточные патриархи, сан, что принципиально, разумеется, не меняло положения дел, митрополит Тирский и Сидонский Нектарий сказал, что он взял с собой в «Волоской» земле архимандрита Феофила, архидьякона Феодосия и старца Феокиста «для того, что они русский обычай знают»¹⁵, подразумевая под этим «знанием», возможно, многое, но обязательно, как представляется, включая в него способность общения в иноязычной для самого митрополита среде.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет выделить еще одну «контактную группу», представленную не проживавшими в Москве знатоками иностранных языков, а, наоборот, включавшимися извне (кроме Мелетия Грека) в приезжавшие с христианского Востока делегации высшего православного духовенства людьми, владевшими в той или иной степени славянским (русским) языком, которые, не входя в официальные русские правительственные структуры и не являясь штатными переводчиками или толмачами Посольского приказа, тем не менее, обеспечивали личные контакты вновь прибывших с представителями различных групп русского общества и адаптацию патриархов вместе с другими сопровождавшими их лицами к повседневной жизни в Москве.

Литература

- Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.
- Зиборов В.К.* Арсений Грек // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А-З. СПб., 1992. С. 105–108.
- Каптерев Н.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1, 2. М., 2008.
- Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6, 7. М., 1996.
- Маштафаров А.В., Флоря Б.Н.* Арсений Элассонский // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 442–446.
- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 7. Л. 20.

- Оборнева З.Е.* Характер милостыни Московского государства константинопольским монастырям и храмам в первой половине XVII в. // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 8. М., 2022. С. 363–382.
- Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 288–325.
- Опарина Т.А.* Иоанникий Грек и греческое землячество Москвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 96–97.
- Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012.
- Рождественский Н.В.* Макарий патриарх Антиохийский в России в 1654–1656 гг. (К 250-летию записок о России Павла Алеппского) // ЧОИДР. Кн. 4. М., 1906. С. 1–120.
- Тимошина Л.А.* Автограф архимандрита Великой церкви Амфилохия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 года. М., 2019. С. 396–398.
- Тимошина Л.А.* «Белорусец Ондрюшка»: личность в контексте дипломатических отношений 20–30-х годов XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 21. М.; СПб., 2020. С. 440–582.
- Тимошина Л.А.* Историографические мифы об иерусалимском патриархе Феофане III // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 35. М.; СПб., 2021 (а). С. 38–69.
- Тимошина Л.А.* Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана в Русское государство в 1619–1620 годах в документах Посольского приказа XVII в. // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 34. М.; СПб., 2021 (б). С. 24–143.
- Тимошина Л.А.* Грамота константинопольского патриарха Тимофея II иерусалимскому патриарху Феофану III (9 апреля 1618 г.) // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 41. М.; СПб., 2023. С. 71–172.
- Турилов А.А., Чумичева О.В.* Арсений Грек // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 428–429.
- Флоря Б.Н.* Арсений Элассонский о событиях Смуты начала XVII в. // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 79–96.
- Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством на примере Константинопольской патриархии // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 8–42.
- Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 248–288.
- Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.
- Фонкич Б.Л.* Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 85–110.
- Фонкич Б.Л.* Мелетий Грек // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 159–178.
- Фонкич Б.Л., Оборнева З.Е.* Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку

- в 20-х годах XVII в.) // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4. М., 2017. С. 135–155
- Ченцова В.Г.* Ближневосточное православие под османским владычеством: 1516–1831 гг. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 353–363.
- Ченцова В.Г.* Первое путешествие антиохийского патриарха Макария III ибн-аз За'има в Москву (1652–1659): контакты и конфликты // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2013а. Вып. 5(35). С. 116–130.
- Ченцова В.Г.* Новые римские источники о «бусурманстве» Арсения Грека // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016. С. 518–521.
- Ченцова В.Г.* Автографы великого архимандрита Великой церкви Амфилохия в Москве и в Риме // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 203–211.
- Чумичева О.В.* Арсений Грек в России: судьба и легенда // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 13–22.
- Шамин С.М., Янссон О.* «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 223–229.
- Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского ставропигийского братства (1586–1788). Источниковедческое исследование. М., 2009.
- Olar O.-V.* La boutique de Théophile. Les relations du patriarche de Constantinople Kyrillos Loukaris (1570–1638) avec la réforme. Paris, 2019.
- Tchentsova V.* Moscou face à la tentation protestante du patriarcat œcuménique Cyrille Loukaris // L'union à l'épreuve du formulaire Professions de foi entre églises d'Orient et d'Occident (XIIIe – XVIIIe siècle). Leuven; Paris; Bristol, 2016. P. 315–317.

Неизвестный (и несколько неожиданный) перевод-компиляция Стефана Лукомского (зографский Лечебник-Травник («Гербар») Симона Сирения 1748 г.)

*Светлой памяти великого болгарского
палеослависта, главного из создателей
славянской гимнологии и неутомимого
исследователя акростихов, моего дорогого
друга и коллеги Георгия Попова (1943–2023)*

Строго говоря, этой статье не место в сборнике, посвященном русским переводчикам не позднее начала XVIII в. Некоторую обоснованность ее включению придают два обстоятельства: список-компиляция сделан хотя и украинцем, но в Петербурге, и тематически он вполне соответствует именно переводам более раннего времени. Рукопись, о которой пойдет речь, была введена в научный оборот сравнительно недавно, около 30 лет назад [Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов, с. 103–104, 318, № 170, табл. 172]. В более раннем (1908) кратком варианте ее нет, она появилась в собрании Зографа только к 1990-м гг., но Г.А. Ильинского столь поздний кодекс не интересовал. В каталоге 1991 г. она описана также коротко, но причина этого скорее всего иная – составители (филологи-«древники») были не очень компетентны в подобной тематике, да и не слишком ею интересовались. Впрочем, и позднее она не привлекла к себе особого внимания исследователей в силу своего восточнославянского происхождения, специфической тематики и отсутствия указаний на историю бытования в болгарской среде. Признаюсь, я тоже не очень интересовался ею в силу тех же самых причин (и к тому же никогда не держал ее в руках и даже не работал с ее файлом в «Зографской стае» (комнате) университетской библиотеке в Софии, где он имеется), хотя она включена в оба издания сводного каталога славянских рукописей хранилищ Афона [Турилов, Мошкова, 1999, с. 132, № 317; Турилов, Мошкова, 2016, с. 176, № 317].

История и причины обращения автора к зографскому кодексу 1748 г. имеют личный и несколько мемуарный характер. В 2018 г.

у меня был диагностирован диабет, и я обратился за дополнительной помощью (помимо обычного лечения) к известному подмосковному гомеопату Л.С. Вознесенскому. Леонид Семенович поинтересовался моей профессией и спросил, не знаю ли я редких и хотя бы сравнительно ранних (не позднее середины XIX в.) рукописных и печатных рецептов (хотя бы славянских, при том что античные (греческие и латинские) и средневековые арабские интересовали его несравненно больше), которые я мог бы перевести для него. Поскольку я и в самом деле не был чужд данной тематике [Турилов, 1998; Турилов, 2002], то стал думать в этом направлении. А в конце 2019 г. я был в Софии в связи с награждением почетным знаком Марина Дринова на ленте и попутно принимал участие в двух конференциях, одна из которых была посвящена библиотеке Зографского монастыря (я делал доклад о восточнославянских рукописных собраниях). На конференции меня познакомили с монастырским библиотекарем отцом Атанасием, и он любезно спросил меня, не интересует ли меня что-то конкретно из их библиотеки. Я сразу вспомнил про Лечебник, о чем и сказал ему, и меньше, чем через месяц стал счастливым обладателем файла, обретая возможность оценить точность и надежность справочников.

Датировка рукописи сомнений, в общем, не вызывает, хотя в предисловии, где находится дата (1748), она обозначает время не написания, а скорее компиляции текста. То, что первоописатели не смогли прочесть литеры филигрании (или филиграней), может объясняться тем, что бумага рукописи не очень высокого качества. Не исключено также, что речь может идти о зеркальном отражении букв¹.

Язык рукописи определен как «русско-польский»², но в реальности речь идет о русско-украинском с полонизмами (см. ниже).

¹ На возможность этого указывает описание № 11 того же собрания (Повесть о Варлааме и Иоасафе и Лавсаик 1760 г.) [Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов, с. 34, № 11], где литеры на неатрибутированном гербе (почти несомненно гербе Ярославля) прочитаны как латинские GAMR (т.е. кириллические ЯМАЗ). Интересно, что в другом случае (с. 83, № 119, Аскетический сборник 1764 г.) те же литеры прочитаны правильно. Использование книгописцами бумаги русского производства выступает таким образом в качестве маркера места создания рукописи, поскольку на Афоне (в том числе и русском монастыре) как минимум до 1860-х гг. использовалась бумага венецианского производства.

² К сожалению, это не вполне точное определение языка повторено и в обоих изданиях Сводного каталога славянских рукописей Афона [Турилов,

Оформление титульного листа (см.: [Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов, с. 318, табл. 172]) навело описателей на мысль, что книга готовилась к изданию [Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов, с. 103–104], однако не менее вероятно, что речь идет здесь о таком пространенном в XVII–XVIII вв. явлении, как подражание печатной книге³.

Тексту Лечебника («Сей Лечебник на всякие болезни и раны в тонкость избавляет и аки (?) окояна в себе вмещает»⁴) предпослан «Аппендикс или придаток и разных достоверных авторов и от искусних людей, о домашних лекарствах, человеческих и других, о здравии на их немощи... (далее два слова неразборчиво) и о некоторых куриозностях собранный. И при сем ГЕРБАРЕ (!) с особливым... (далее два слова неразборчиво). В Санктпетербурге 1748 году... (далее 1 слово и 2 строки затерты и не читаются) – л. 1 (л. 1 об. без текста). Затем следуют «Медицина домовая» (оглавление – л. 2), «Оглавление книжицы сея», «Реестр зелий славенским, латинским и польским диалектом», «Книжица Гербар, Реестр азбучный на Врачебник», «Реестр азбучный», а при конце его Календарь начав от 1748 года и на 112 лет с показанием правим семи планет, своими годами владеющих и господствующих, под планетами же круги солнца, вруцелета, года простие и високосние», «круги луне», «ключ грани[це]»⁵, и на каждый год генеральные прогностики, а под тем, что касается каждой планете», «Пасхалия зрячая, тоже на 112 лет, под законом... церковному расположены» (л. 2 об.). Затем следует начало текста:

ГЕРБАР, СИ ЕСТЬ ТРАВНИК или Зелник доктора и медика Симона Сирениуша. Собран от многих лекарей, о простих из зелей лекарствах, и о некоторых куриозностях, от польска, отчасти же из немецка и латинска язвков. На славенский диалект в Риге переведен, а с того перевода исправно переписан. Кроме только реестр

Мошкова 1999, с. 132, № 317; Турилов, Мошкова, 2016, с. 176, № 317], поскольку составители не работали с ними *de visu*.

³ В качестве наглядного примера можно указать титульный лист милостинного Синодика Пантелеймонова монастыря (Ризница, № 8) 1705 г. (см.: [Турилов, Мошкова, 1999, с. 335, № 834; Турилов, Мошкова, 2016, с. 385, № 834]) в художественной рамке, подражающей современным ей киевским изданиям.

⁴ Здесь и далее цитаты даются в упрощенной орфографии, без учета украинских особенностей (мена «ять»/и, и/ы).

⁵ В оригинале буквы в скобках не дописаны.

азбучный приложен. В Санктпетербурге 1748 году, в июле и в августе месяцев (л. 3).

«Превышний сотворитель от земли врачевание, муж же мудр не имат гнушати ся ими». Екклесиаст, глава 38.

«Пред недугом приемли врачество». Той же, глава 53.

«К тому не пей воды, но мало приемли вина стомаха ради и чистых недугов твоих». Святый апостол Павел. «К Тимофею», глава 25. (л. 3 об.). Далее следуют два силлабических стихотворения («вирши») переводчика:

НА ГЕРБАР

Славна в науках тоика(?) ума медицина
Та, скорбь немощей и помощ(!) едина.
Естеству человеков вся бо пронизает
Физическа внутренняя чрез полс(?) как взяв зиаает.
Алхимии скрвенной согласна, содружна (?)
На тур недостатками потребна и нужна (?)
Людско здравие сохранит, в свете нет дражае
Утоля есть болезни, их же путь при крае
Кто б ни богатейшим был без всякой отмены
Одиан болезнен рад просить замены.
Медицинских закаплю на серебро, на злато
Составов целителних, толко был здрав за то.
Кто ж медицину почеть достойно возможет
И зелийца на всяк день одну может / л. 4/

НА РЕЕСТР: К ЗОИЛЮ

Реестр таков, как сий есть, не был при Гербаре
Сочинен бысть в ползу честным, тебе в прамой харе.
Зоиле – В досаду ти труды хулишь чужди
Сам же ни перстом двигнешь, и нет ми в сем нужди.
Кричиш, воплиш хвастовски, а как твои зубы,
Горло, с крику заболят, то и гербар любый
Сей тебе будет, в нем же сишеш(!) всю ослабу
Сим реестром, так зубам, так и горлу слабу
Чужий, уповаю, труд перестанешь жвати (?)
Прошу простить, что и так яз смеле вооружится
На вас в том и ваш нрав может одобрится (л. 4 об.).
Имена зелий в сем Гербаре и в Аппендиксе или придатке обре-
тающихся и кои в разние лекарства, тако ж в масти, и в плястри (!)

входят. Славенским, латинским и польским наречиями по азбуке изображение и из верних авторов ради охотника собрание.

Если до сих пор нам было известно только имя автора-составителя справочника (Симона («Шимона») Сиреньского, книжная форма Сирениус или Сирениуш), то вирши «На Гербар» открывают и имя переводчика, поскольку сопровождаются акростихом СТЕ-ФАН ЛУКОМСКИ. Для 1748 г. в этом нет ничего невероятного и даже неожиданного. Вполне вероятно, что составители описания 1994 г. не обратили на это внимания, поскольку для болгарской книжности XVIII в. (в отличие от конца IX – первой трети X в., когда в стране активно занимались гимнографическим творчеством ученики Кирилла и Мефодия и их последователи [Попов 2003]) этот полутайнописный прием совершенно не характерен. Открытым остается вопрос о других списках этого перевода и о других переводах памятника, который не фигурирует в справочниках посвященных русским переводам XVI–XVII вв. с польского языка (см.: [Николаев]), но упоминается в монографии Т.А. Исаченко без имени переводчика (см.: [Исаченко, с. 136, подстрочное примечание]) в связи со списком библиотеки Военно-Медицинской академии (без указания номера). В обоих случаях молчание может объясняться двумя взаимосвязанными причинами: 1) имя переводчика и обстоятельства перевода могут быть опущены в позднейших списках (вставка же, напротив, весьма маловероятна); 2) исследователи не догадываются о наличии акростиха, о чем уже сказано выше. К сожалению, в современной российской науке это свойственно не только историкам, но и филологам (см.: [Мурьянов], ср.: [Йовчева]; [Верещагин 1997], ср.: [Попов 2003; Верещагин 1999])⁶.

Имя Стефана (Степана) Васильевича Лукомского (1700 – не позднее 1770), давно и хорошо известно исследователям украинского казачества и историографии XVIII в. То же (с отличием только в тематике и круге исследователей) можно сказать и об авторе

⁶ Автор статьи, будучи уже с конца 1970-х гг. одним из первых последователей Георгия Попова, памяти которого посвящена статья, занимает в этом смысле особое положение, т.к. он, как правило, внимательно читает гимнографические и стихотворные тексты, включая почти такие поздние, как рассматриваемый здесь (см., например: [Турилов, 1981, с. 243–244] (акростихи ДЕЛАЛ ДОКТОР СКОРИНИЧ ФРАНЦИСКУС и ПИСАЛ ДОКТОР СКОРИНИЧ ФРАНЦИСКУС); [Турилов, 1991, с. 196] – ХВАЛУ ПОЮ ВАРЛАМУ НОВОМУ ЧУДОТВОРЦУ. СЕРГИ (!); [Запольская, с. 269] – СЛОВЯНОМ АНТОНИЕ РАДОВАТИСЯ ПРИСНО).

переведенного им «Гербара» Симоне / Шимоне Сиреньском (Сирениусе, Сирениуше)⁷. Начать уместнее будет со второго, хотя бы исходя из времени жизни. Он родился в 1540 г. в Кракове, умер там же в 1611 г., т.е. даже по современным меркам прожил довольно долгую жизнь. Учился в Краковском университете, специализировался по медицине и ботанике, защитил в 1577 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины и был избран профессором Краковской академии. Некоторое время проживал в Львове, бесплатно лечил бедных больных. Занимался составлением иллюстрированного Атласа растений («Гербара»), достигшего к 1610-м гг. объема в 1540 листов и тесно связанного с этим изучением лекарственных свойств трав и др. растений и минералов. Атлас («Гербар», Лечебник) пользовался популярностью среди врачей и их пациентов вплоть до начала XIX в. Вышел в свет только в 1613 г., через два года после смерти составителя, неоднократно переводился на разные языки. Судя по сообщению С.В. Лукомского (см. выше) справочник до 1748 г. был переведен в Риге на «словенский» (т.е. русский, как он его понимал) язык.

В свою очередь Степан / Стефан Васильевич Лукомский (сведения о нем также взяты в основном из Википедии) родился на рубеже XVII и XVIII столетий, в 1701 г. в Умани, в семье, происходившей из древнего дворянского рода, принадлежавшего к казацкой старшине. С 1712 г. учился в Киевских латинских школах, в 1722 г. отправился в «чужестранные края», но в дороге заболел и вынужден был остаться в Польше. В 1726 г. возвратился в Киев, где обучался богословию, с 1730 г. был домашним учителем в семье генерального обозного Якова Лизогуба. В 1732 г. он определился в число канцеляристов Генеральной войсковой канцелярии и в следующем году сделался помощником генерального писаря, а в 1737 г. назначен был Прилуцким полковым сотником. Одновременно с этим он определен был и членом учрежденной императрицей Анной Иоанновной «комиссии для перевода и свода книг правовых», по которым судился украинский народ; имя его находится в числе лиц, подписавших представление об окончании свода. С этого времени он начал заниматься переводами с латыни и с польского исторических сочинений. В 1738 г. Лукомский перевёл дневник польского хрониста Симона Окольского подавлении в 1638 г. польскими войсками крестьянско-казацкого восстания под руководством Д. Гуни

⁷ Все приводимые сведения заимствованы из Википедии.

и Я. Острянина. Уволившись от службы в 1747 г. с чином обозного и побывав в 1748–1749 гг. в Петербурге (где и был переведен рассматриваемый зографский Лекарственник) и Москве, он поселился в Прилуке. Здесь он занялся написанием летописей, начав свою историографическую деятельность переводами польских исторических документов. В 1770 г. перевёл записки польского историка Матвея Титловского о войне Турции против Польши в 1620–1621 гг., дополнив их сведениями о событиях на Украине в соответствующее время. В 1770 г. составил хронику по истории Западной Руси XIV–XVI вв. — «Собрание историческое». Лукомскому также принадлежит перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война».

В литературе, посвященной С.В. Лукомскому, Лекарственник (Лечебник, «Гербар»), насколько могу судить, не фигурирует, да он и не пишет в предисловии, что переводил его сам («с того перевода исправно переписан»), однако, думается, нет оснований сомневаться в исполнении им компиляции памятника. Помимо такого весомого (а по сути дела, решающего) аргумента как авторский акростих в предисловии, на это может указывать и сходство приемов компилятора, почти всегда дополняющего текст своими статьями. В данном случае это по крайней мере «Реестр зелий славенским, латинским и польским диалектом», «Книжица Гербар, Реестр азбучный на Врачебник» (см. выше).

Изучение памятника, по сути, только начинается. Исследователям еще предстоит выяснить вклад Лукомского в Зографский список 1748 г. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь к нему внимание заинтересованных в этом исследователей.

Литература

- Верещагин Е.М.* Особый парафраз канона на Рождество Христово в Декабрьской служебной минее конца XII — начала XIII в. Публикация источника // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 1997. № 4. С. 18–36.
- Верещагин Е.М.* Дальнейшие исследования парафрастического канона Константина Преславского с иным прочтением концовки его акростиха // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 1999. № 4. С. 25–40.
- Запольская Н.Н.* Неизвестная грамматика церковнославянского языка // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. С. 267–282.
- Ильинский Г.А.* Рукописи Зографского монастыря на Афоне // *Известия Русского археологического института в Константинополе*. Т. 13. 1908. С. 253–268.
- Исаченко Т.А.* Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2002.
- Йовчева М.* Старобългарската служба за Аполинарий Равенски от Климент Охридски // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 2002. № 1. С. 17–32.

- Мурыянов М.Ф.* Равеннская тема в письменности Киевской Руси // Palaeoslavica. 2001. № 9. С. 72–82.
- Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. СПб., 2008.
- Попов Г.* Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // La poesia liturgica antica. Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. Roma; Sofia, 2003. С. 30–55.
- Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
- Турилов А.А.* Гимнографическое наследие Франциска Скорины (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 241–247.
- Турилов А.А.* К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в. (соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника // Народная культура Севера: «Первичное» и «вторичное», традиции и новации. Архангельск, 1991. С. 195–197.
- Турилов А.А.* Народные поверья в русских лечебниках // Живая старина, 1998. № 3. С. 33–36 (перезд.: Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002, С. 367–375).
- Турилов А.А., Мошкова Л.В.* Славянские рукописи афонских обителей. Фессалоники, 1999.
- Турилов А.А., Мошкова Л.В.* Каталог славянских рукописей афонских обителей. Белград, 2016.

К вопросу изучения текстов о путях в Китай и Индию, хранящихся в Приказе тайных дел¹

Когда после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. был закрыт приказ великого государя Тайных дел и большую часть его архива рассредоточили по другим приказам, осталось значительное количество документов, многие из которых инвентаризировали в 1713 г. (хранятся в РГАДА, фонд 27). Среди этих документов есть тексты, которые, судя по всему, первоначально представляли собой единый документ, касающийся возможных путей в Китай и Индию. Наиболее существенным из них является краткий рассказ, основанный на подробном дневнике, впервые опубликованном по-голландски, о третьей арктической экспедиции, возглавляемой Виллемом Баренцем в 1596–1597 гг. Русские тексты давно опубликованы и исследовались учеными. Тем не менее, к ним необходимо обратиться еще раз, чтобы определить их возможные источники и авторство.

Заметки о рукописях. Для простоты дальнейшего анализа я обозначил отдельные тексты как части I, II и III. В описи 1713 г. эти три текста фигурируют под отдельными заголовками: «Связка, а в ней описание, чего ради не возможно от Архангелского города морем проходить в Китайское государство и оттуду к Восточной Индеи (ч. I), тут же тетрадка о изыскании проходу мимо Новья Земли в Китайское государство и оттуду к Восточной Индеи» (ч. II); а также отмеченная отдельно «Роспись сухому пути до Индейских земель от Каменного Яицкого города» (ч. III)². В имеющейся на данный момент архивной описи дел Тайного приказа (так же, как и в описи 1713 г.) части I и II фигурируют под одной записью³, а часть III отдельно⁴. Ч. II, в свою очередь, состоит из

¹ Перевод с английского М. Марковой.

² Опись делам Приказа тайных дел 1713 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. 2. 1861. С. 5, 23.

³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 333.

⁴ Там же. Д. 485.

двух отдельных разделов, которые мы определяем как ч. Па (сокращенная версия дневника экспедиции Виллема Баренца) и, следующая за ней без перерыва, но с новым заголовком, ч. Пб («Описание о Земле Новой» в одном абзаце).

Я не исследовал архивные файлы непосредственно (*de visu*); однако существует фотофаксимиле дела № 333, лл. 1–6 [Боярский и др., с. 57–60] и дополнительные заметки о водяных знаках [Державин, с. 102]. Текст на лл. 1–6 написан стандартным «канцелярским» почерком XVII в. В архивной описи указано, что имеются записи, сделанные рукой царя Алексея Михайловича. Если это ссылка на фрагменты надписей на поврежденном л. 6, то идентификация ошибочна, так как сделаны они явно не царской рукой [ср. Щербачев, фототипическая табл.]. Неизвестно, к какому точно месту в рукописи относится замечание архивистов. Исходя из анализа водяных знаков можно предположить, что рукопись состоит из двух отдельных частей, хотя есть некоторая неясность относительно деталей. Установлено, что водяные знаки датированы 1663–1682 и 1667 или 1678 гг. В любом случае, эта рукопись (№ 333 и № 485) датируется ранее, чем 1676 г., когда царь умер, а его Тайный приказ упразднили.

На основе этих свидетельств и самих текстов очевидно, что листы в деле № 333 расположены не в первоначальном порядке. Есть большая вероятность, что л. 6 был просто титульным листом, в котором перечислялось содержание всего документа. Тексты частей Па и Пб на лл. 2–5 об. шли после него, а за ними шла ч. I на листах, теперь пронумерованных как л. 1 и 1а. Есть один почерк переписчика, который можно было бы назвать «скорописью, переходящей в полуустав» и которым написан беловик на лл. 2–5 об., тот же почерк продолжается без изменения стиля на л. 1. Однако с середины л. 1 и до конца л. 1а, стиль становится более свободным, курсивным, а рукописный текст более крупным, возможно, потому что переписчик хотел заполнить место на странице. Объяснением также может быть то, что в конце текста на л. 1а есть ссылка на следующий текст, который я обозначил как ч. III, вероятно, уже скопированный в начале нового листа и теперь хранящийся в виде отдельного документа (№ 485). Я не видел изображения ни с одного из листов № 485, которое, согласно Д.Ф. Кобеко [Кобеко, с. X, примеч. 15], написано несколькими почерками.

Иными словами, информация о рукописях предоставляет довольно ясное свидетельство того, что копия, включающая *все* ч.

I, IIa, IIb и III, была собрана в единый документ до 1676 г. Текст № 333, л. 6, был титульным листом, перечислявшим содержание всей компиляции. Этот вывод важен для дальнейшего обсуждения содержания и истории первоначального состава текстов.

Публикация и научные исследования текстов. Самая ранняя публикация текстов из этой архивной рукописи была сделана Д.Ф. Кобеко. Он включил текст ч. III в качестве приложения [Кобеко, с. 19–25] в своем издании царского наказа посланнику, отправленному к императору Великих Моголов Аурангзебу в 1675 г. Его целью было показать возможные маршруты, вероятно, подобные маршруту посланника, который он мог бы описать по возвращении в Москву. Кобеко, видимо, не пытался определить точный источник сухопутных путей, ограничившись тем, что они были аналогичны маршрутам, которые можно было найти в других московских текстах. Похоже, Кобеко не знал о рукописи № 333. Когда С.А. Белокуров опубликовал чч. I и II [Белокуров, 1893, 1895] из документа № 333, он не знал о публикации Кобеко и указал [Белокуров, 1893, с. 14], что ссылка на сухопутные маршруты в конце ч. I относилась к утраченному тексту. Ч. III была переиздана⁵. В другой публикации переизданы чч. I и III, без повторяющегося раздела в последней части, который включил Кобеко⁶. Редакторы, переиздававшие чч. I и III, предполагали, что тексты были подготовлены в связи с отправкой миссии в Индию Великих Моголов или в связи с миссией Николая Спафария-Милеску в Китай в 1675 г.

В советское время в связи с ростом интереса к исследованию Арктики появилось еще несколько публикаций и исследований, связанных с этими текстами. Важный вклад внес А.И. Малеин, который перевел дневник всех трех Баренцевых экспедиций с первого полного латинского издания. В своем предисловии Малеин цитировал [Белокуров, 1895], описывая текст нашей ч. IIa как «очень краткий пересказ известий корабельного журнала с 18 мая 1596 г. до 27 августа 1597 г.» [Де-Фер, с. 27–28]. Как он правильно указал, «По-видимому, у составителя не было полного печатного издания журнала, и он работал также по какому-то конспекту». Малеин также отметил, что ч. IIb, описание Новой Земли, является текстом

⁵ Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов / сост. Т.Д. Лавренцова и др. М., 1958. № 124. С. 218–220.

⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в двух томах / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников [В 2 т.] М., 1969. Т. 1. № 205, 206. С. 488–490.

«представляющим скорее всего, судя по слогу, перевод какого-то иностранного известия». Более конкретных идей относительно источников ч. II Малеин не предложил.

Обсуждая ранние попытки русских исследований Арктики, Л.С. Берг цитировал *in extenso* публикацию Белокуровым ч. I и предположил, что ее «анонимный автор, очевидно хорошо знакомый с западноевропейской географической литературой того времени, может быть сам Спафарий» [Берг, с. 19–20]. То есть этот текст был частью подготовки переводчика Николая Спафария-Милеску к дипломатической миссии в Китай в 1675 г. По мнению Берга, целью Спафария было подчеркнуть невозможность попасть в Китай по морю через Арктику, поскольку, как следует из его текста, некоторые считали, что Азия была связана с Северной Америкой сушей, что должно было препятствовать морскому проходу на Дальний Восток. Когда Спафарий составлял описание Китая после возвращения из миссии в 1678 г., он, по-видимому, цитировал какой-то вариант этого текста, подчеркивая, что англичане и голландцы не смогли найти Северо-Восточный проход [Там же, с. 21]. Берг не пытался определить источник(и) ч. I в западной географической литературе, а также не упомянул чч. II и III.

Выдающийся историк, исследователь иностранных источников по истории Сибири М.П. Алексеев [Алексеев, с. 426], упоминает вскользь ч. I в обсуждении вклада в исследования Сибири известного голландского чиновника и писателя Николааса Витсена. Однако Алексеев, видимо, не пытался анализировать данный текст. Д.М. Лебедев в книге о географии России XVII в. [Лебедев, с. 97–100] цитировал тексты из публикации Белокурова чч. I и II. Однако он не обсуждал возможную связь между этими двумя частями, ошибочно предположив, что описание путешествия в ч. II принадлежало голландцу Корнелису Наю, который был официальным начальником первой экспедиции, но не принимал участия в двух последующих. Лебедев указал, что хотя тексты не датированы, ч. II могла быть написана в конце XVI – начале XVII в., и цитировал мнение Берга о том, что ч. I мог написать Спафарий.

В издании 1993 г. о результатах Морской арктической комплексной экспедиции включены две статьи, имеющие особую актуальность для нашего исследования. Одна из них исследует историю картографирования Новой Земли [Корякин], а другая [Боярский и др.] делает обзор архивных источников по истории и изучению Новой Земли. Среди обсуждаемых источников есть и тот, которому

посвящена моя статья. В приложении к архивному обзору [Боярский и др., с. 56–60] Боярский и его коллеги воспроизвели ксерокопию документа⁷ вместе с полной транскрипцией текстов. В их краткой характеристике авторы высказали предположение, что данный материал «является копией XVII века более ранних записей, которые были сделаны в 1598 г.», а затем, явно не изучив внимательно более раннюю литературу и сами тексты, описывают издание Белокурова, вышедшее в 1895 г. как «аналогичный документ по неизвестному источнику» [Там же, с. 48].

Частью более крупного исследования экспедиций Баренца, с которым я не знаком [Старков, Державин], является небольшая статья В.Л. Державина [Державин, 2012], где точно указана вероятная последовательность частей в оригинальном документе – ч. Па, Пб, I и III. Автор утверждал, что ч. Пб (описание Новой Земли) возможно была основана на иностранных источниках, одним из которых, могло быть сокращенное повествование о третьей экспедиции Баренца в ч. Па. Он пишет, что «Итогом перевода этих документов на русский язык стало появление служебной записки государю об отсутствии свободного ото льда морского хода в Индию и Китай». Далее он заявляет, основываясь на неподтвержденной гипотезе: «Наконец, приписка, сделанная самим Алексеем Михайловичем, показывает, что царь был знаком с приобретением росписей, предметов, видимо, придавал большое значение» [Там же, с. 103]. Проблема состоит в том, что приписка сделана не рукой царя. Однако на данный момент работа Державина является единственным формальным анализом интересующих нас текстов. Он не пытался установить точный источник и возможного автора ч. Па. Далее мы попытаемся произвести такой анализ.

Голландский источник. А.И. Малеин правильно указал на дневник Г. де Веера о путешествиях Баренца как на главный источник ч. II. Ссылаясь на авторитетную библиографию голландских морских дневников П.А. Тиле, он сделал обзор множества различных публикаций, переводов и сокращенных изданий текста де Веера, который практически сразу после первой публикации (по-голландски) в 1598 г. стал «бестселлером». Сокращенное издание на голландском языке, мимоходом упомянутое Малеиным как опубликованное в 1646 г., на самом деле впервые вышло в 1644 г.

⁷ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 333. Л. 1–6.

в первом томе большого собрания, посвященного главным образом ранним голландским экспедициям в Ост-Индию. Это книга с некоторыми дальнейшими редакторскими правками выдержала несколько изданий [Tiele, p. 112–116; de Veer, p. CLXIX–CLXXI]. Нетрудно понять, почему сокращенная версия оригинала стала настолько популярной. Значительная часть дневника путешествия представляет собой последовательные записи, описывающие погоду, фиксирующие географические координаты местонахождения корабля и астрономические наблюдения, а в тех местах, где были проведены измерения, согласно стандартной практике мореплавателей, указан состав образца морского дна (цвет и состав грунта могли помочь более поздним мореплавателям подтвердить, что они находились в определенном месте).

До настоящего момента не обнаружено каких-либо вариантов в нескольких редакциях данного сокращенного текста де Веера, уникальность которых могла бы указывать на точный источник нашего русского текста. Следует подчеркнуть, что, по-видимому, нет ни одного немецкого издания сокращенного текста де Веера, которое могло бы быть таким источником. Впрочем, как будет показано, одно из голландских сокращений, перепечатанное в 1648 г. [Verhael], является бесспорным источником нашего русского текста (ч. IIa). Этот тонкий буклет (57 стр.) напечатан отдельным изданием, а затем переплетен в составе большой книги вместе с подобными переизданиями дюжины других голландских путешествий с введением и указателем [Oost Indische voyagien] издателя Joost Hartger(t)s в Амстердаме. Получившийся сборник был снабжен титульным листом с гравюрой [Oost en Westindische Voyagien] [Tiele, p. 16–18]. Книжечка о северных плаваниях включает отчеты о трех экспедициях Баренца 1594–1597 гг.; краткое повествование о попытках Генри Гудзона в 1609 г. найти Северо-Восточный и Северо-Западный проход на Восток; рассказ о Русском Севере и Сибири, включая детальное описание рек; рассуждение голландского историка Йохана Исаакса Понтана об описаниях попыток проникнуть в Китай северным путем. Длинный рассказ о третьем плавании Баренца (на с. 10–40) содержит драматические подробности вынужденной зимовки самого Баренца и команды одного из двух его кораблей на Новой Земле, после чего лишь немногие уцелевшие смогли продолжить плавание на Кольский полуостров следующим летом на двух небольших лодках. Сам Баренц умер, но один из выживших, Геррит де Веер, смог опубликовать отчет обо

всех трех путешествиях. Издание Хартгерса 1648 г. включает вставку из книги о Шпицбергене, опубликованной в 1613 г. Хесселем Герритцем [см. Tiele, p. 113], и добавляет некоторые отрывки из оригинального дневника де Веера, исключенные из первого сокращенного издания.

Русский текст. Русское описание третьей экспедиции Баренца (наша ч. IIa), хотя явно основано на голландском источнике, несомненно, является работой переводчика, прочитавшего оригинал, а затем выбравшего лишь несколько отрывков для перевода или краткого изложения. То, что он сделал, во многом напоминает подход к «переводу» западных газет в курантах, составленных после создания Московской заграничной почты в 1665 г.: полные переводы отдельной газеты или отдельных статей приводятся редко. Чаще мы имеем дело с выборками, сделанными переводчиком для передачи информации, которую он считал важной. Сами выборки часто резюмируются, объединяются с другими источниками и даже дополняются комментариями или объяснениями, созданными самим переводчиком. Вот несколько текстовых сравнений и комментариев, иллюстрирующих, как работал автор русского текста об экспедиции Баренца. Я выбрал для сравнения общедоступную детальную транскрипцию текста Белокуровым. В скобках даны редкие случаи исправлений, основанные на сравнении с факсимиле рукописи.

Белокуров 1895	Verhael 1648
<p>(л. 2) В прошлом во 105-м году Галанские земли города Амстрадама бурмистры усуетовав послали того же года в мае месяце к Северным странам 2 корабля для изыскания проходу мимо Новые Земли в Китаиское государство и оттуду к восточной Индии.</p>	<p>[P. 10] Kort Verhael van de derde [...] Seylagie [...] achter Noorweghen, Moscovien ende Tartarien om, near Cathay ende China gedaen, uyt de name ende van wegen des Eerbaren Raets der vermaerde Stadt Amsterdam, in den jare 1596. [...] Op dese conditie zijn de twee schepen in 't beginsel van Meye des voorsz. jaers seyl-rede gheweest [...]</p>
<p>И те карабли пошли от Амстрадама мая в 18 де, и как дошли июня в 1 де до 69 ступен (градусы — на полях), тогда ночи не было им и солнце за оризон не заходило.</p>	<p>Den 18. Mey seylden sy voor de tweede mael uyt het Vlie [...] Den 30. waren sy op de hooghte van 69. graden 24. Min. ende hadden den eersten Junij geen nacht.</p>

<p>Июня в 2 де видели они с тех кораблей на небе чюдное видение: возле естественного солнца по обеим сторонам видели по солнцу же, меж ими же две радуги.</p>	<p>[<i>на поле напечатано</i>: Wonderlijk Hemel-teycken] Den 2. dito / ontrent z.z.o. Son sagen sy een seer wonderlick Hemel-teycken / aen elcke zijde vande sonne / sheen noch een Son / ende daer liepen twee regenbogen door alle drie de Sonnen henen / ende daer en-boven noch twee Regenbogen / de eene wijt rondtomme de Sonnen / de andere dwars door het groote rondt / dit groote rondt stont de onderste kant verheven boven den horizon 28 graden / [...]</p>
---	---

Неудивительно, что сообщение о «чюдном видении» привлекло внимание нашего автора. То, что увидели голландцы, было паргелием, атмосферным явлением, часто наблюдаемым в России и даже изображенным на некоторых рукописных иллюстрациях [см. Waugh, 2022]. Одно из таких изображений с добавленными символами и толкованием того, как небесное «знамение» предвестило победу христианских империй над турками, находилось в другом деле, хранящемся в Тайном приказе. Многие опубликованные отчеты о экспедициях Баренца включали иллюстрации его наблюдений. На раскладном фронтисписе издания 1648 г. показаны шесть сцен, основанных на иллюстрациях из более ранних изданий, одна из которых изображала паргелий.

<p>Июня в 5 де на востоке 74 градусов видели первые лды, идущие от северу.</p>	<p>[P. 11] Den 5. Juny sagen sy 't eerste ijs [...] Den 7. dito bevonden sy des Pools hooghte 74. graden [...]</p>
<p>И в 9 де того же месяца пришли к некоему острову, близ которого на лдине увидели белого медведя и с тем болши часа бились и едва убили;</p>	<p>Den 9. vonden sy een Eylant [...] [<i>На поле напечатано</i>: Beer by de Schip luy doot geslagen.] Den 12. dito sagen sy 's morgens een witte Beer/ ende roeyden met de schuyt naer hem toe / meenende hem een strick om den hals te werpen /maer by hem komende / vonden hem soo geweldigh / dat sy 't niet en dorsten bestaen / hadden derhalven meer gheweer ende volck /ende Ian Cornelisz. maets quamen haer mede te hulpe / Daer bestreden sy t'samen den beer wel vier glasen langh / ende hieuwen hem ten laetsten met een bijl 't hoofd in stucken / so dat de doot daer nae volghde [...]</p>
<p>и на том и на иных островах обрели множество гусей (<i>л. 2об.</i>) диких и яиц их, которые собирая себе ели.</p>	<p>[P. 12] [<i>на поле напечатано</i>: Rotgansen / ende waer sy haer eyeren uytbroeden.] Doen roeyden sy voort aen 't Eylant dat inde midden lagh / ende vonden daer veel eyeren van Rotgansen / die sy op 't nest saghen sitten / ende verjaeghden / smijtende een van de selve met een steen doot / die sy kooecten met omtrent 60. eyers daer toe [...]</p>

В голландском оригинале настолько много описаний встреч с белыми медведями, что наш автор приводит лишь некоторые из них. Несмотря на то, что одно из самых ранних описаний этого датировано 12 июня, автор отнес ее к 9 июня. Такая неточность может объясняться тем, что он начал писать о событиях 9 июня, затем перешел на другую, более позднюю пометку на полях о встрече с медведем и либо не заметил точной даты, либо не придавал ей значения. Иногда встречи с медведями происходили в воде, как в вышеупомянутой сцене, иногда на льдине, как сообщается в обобщенном описании, где автор от себя добавил, что битва с медведем длилась более часа. В оригинальном тексте в нескольких местах упоминаются гуси, их яйца и то, что голландцы собирали и ели их. Как и в случае с медведем, внимание автора привлекла заметка на полях о гусях и их яйцах, и этого оказалось достаточно, чтобы включить эту информацию в краткий пересказ. Он опускает продолжение этого отрывка, где де Веер подробно рассуждает о том, где места размножения этих гусей, известных в Голландии, ранее не были известны.

<p>На тех островах 127 суток непрерывно солнце сияет, а в самые зимние ночи день зело мал бывает.</p>	<p>[P. 13] [<i>на поле напечатано</i>: Dag van 127. etmalen] [...] ende al is 't datter geen landt ter werelt gevonden wort / daer minder nacht ofte duysternis aen den Hemel komt / [want behalven dat de Sonne des somers nae den langen dach van hondert seven ende twintigh mael xxiiij uren (die inde Baye der Engelschen is/) des nachts in 't noorden so weynigh onder den horizon dealt / dat het licht in 't geheele Somersche half-jaer gheensins en kan van den Hemel wegh gaen / ende behalven datter in 't Wintersche half-jaer twee volle maenden zijn dat de Sonne in 't zupen daghen maeckt van twaelf / elf / tien / ende soo voort tot een uren langh / soo komt hy noch / selfs als hy op sijn aller laeghste in 't zupen is / te weten in 't hartjen van de langhe nacht aldaer op 12 ½ graden nae aen den horizon [...]]</p>
<p>А июня в 13 де лды близ брегов такие были великие, что кораблем пристать было невозможно и на берегах снег еще не таял и олени не могли себе пишу приобрести. Вина же таковой стуже есть се: зане солнце в болшие дни над оризон точию 33 градуса и 40 минут восходит</p>	<p>Want den 13. Junij <i>des voorleden Jaers 1613.</i> lagh 't ijs noch soo dicht aen de kust ende in de monden van de havens / datter de Schepen niet in en konden / en de snee (die daer op veel plaetsen altoos blijft leggen) was noch soo wepnigh gedoyt / dat de Rheen geen voetsel wisten te krijghen / ende so mager waren als stocken. d'Oorsake van dese over-lange winter en koude is dat de Sonne aldaer ten hoogsten maer en klimt tot de 33. grad. 40. min. boven den horizon / ende sijn stralen</p>

и лучи своя скось к земли
 оной низпускает, того ради
 силы не иметь, еже бы снег
 и лды разтаяти и мрачные
 мглы разгнати, и для того на
 тех землях никаких древес,
 не лесов, ни человеков не
 обретаеся, но токмо великие
 и высокие снежные и лдяныя
 горы. Бывает же в неких
 местех обретаеся трава
 низкая и мох, от которого
 олени питаются, их же зело
 много там обретаеся

derhalven aldaer soo scheef by 't velt henen
 schieten / dat sy de gront waerlick konnen tot
 warmte brenghen / daerom oock de nevel ende
 damp / die uyt het aerdrick rijst / niet en kan
 vande warmte wechghedreven worden / maer blijft
 op 't gheberghte ende op de Zee drijven / *dat het
 Scheeps-volck al-te-met qualick een Schips-langhte
 van haer konnen sien.* Hier door is het oock / dat dit
 lant ('t welck noch maer en is bekendt aen de Zee-
 kusten / daer men niet en siet dan hooge besneende
 bergen met sommige pleynen) niet en is bewassen
 met geboomte / noch struycken / ofte eenighe
 vruchten / ende men sieter anders gheen groente
 dan kort dicht mosch / *dat uyt den gelen siet / ende
 daer onder veel blauwe bloemtjens / doch segghen
 de Schipluy dat sy daer oock groen gras ghesien
 hebben.* 't Ghedierte dat men daer ghesien heeft
 zijn witte Beeren (grooter dan Ossen) ende Herten
 oft Rheen / dese Rheen weyden op 't mosch [...] *ende
 waren / inmin dan een maent tijds dat onse
 schepen daer op de kust lagen [...]*

Голландцы также отметили еще одно «чудо природы», когда казалось, что солнце находится над горизонтом, в то время, когда оно уже зашло, что было оптической иллюзией, созданной преломлением изображения. Вопрос о том, как далеко к северу находился Баренц в то время (и, следовательно, могло ли солнце быть видно в столь позднюю дату, указанную в журнале) было предметом серьезной дискуссии на Западе и одной из причин вставленного в журнал отрывка (с. 12–15) Геррица. Как видно по первой из двух приведенных выборок, сделанных на основе данных о продолжительности летнего дня в заметке на полях, нашего автора не интересовали детали вставленного текста, в котором содержалась попытка объяснения краткости световых дней и явления рефракции в начале долгой зимней ночи.

Вторая выборка, приведенная выше, показывает, что в значительно сокращенном переводе дискуссии о климате наш автор намеренно удалил из вставки Геррица сведения о годе наблюдения. На самом деле его источник, вероятно, говорил о другом месте в Арктике, и, следовательно, данное описание не является частью, логически связанной с оригинальным дневником де Веера. Отрывки в голландском тексте, выделенные мной курсивом, относятся к числу наиболее запоминающихся элементов описания, удаленных русским автором, целью которого, по-видимому, было сокращение текста до его основных пунктов.

Затем русский текст перескакивает на запись в журнале от 17 июля, пропуская предыдущий отрывок с описанием того, как два корабля экспедиции решили плыть в разных направлениях, и тот, на котором плыл Баренц (и автор дневника де Веер), оказался центром оставшейся части журнала. Упоминание о другом корабле было добавлено позже в записи от 25 августа.

<p>Июля в 17 де увидели они Новую Землю и приплыли к реке Ломбаиской.</p>	<p>[P. 15] Den 17. Julij waren sy op de hooghte van 74. graden. 40. min. ende omtrent zuper Son sagen sy 't lant van Nova Sembla omtrent Lomsbaey.</p>
<p>Августа в 7 [в ркл.: 6] де приплыли к Налсовскому [в ркл.: Нассовскому] берегу (л. 3) и потом к берегу Утешения на Новой же Земле и тамо приплыл на лдине медведь и хотел в малое наше судно влечь и едва его отбили; и тогда такой великой снег пал, что человек человека едва мог на карабле стоя видеть, и лдом зело корабль теснило, едину лдину измерили</p> <p>и толщина тое объявилась 10 сажен, а иных по морю несло по подобию великих островов к верху остро, и в неких местех обрели лдины, которых к берегу прибило толщиною в 32 сажени, 20 сажен под водою, а 12 выше воды. И тако прицепя якорь ко лду карабль из среды лдов вытаскивали;</p>	<p>[P. 16] Den 6. Augusti quamen sy boven den hoec van Nassouw, ende den 7. by de hoec van den Troost, daer sy lange tijdt naer verlanght hadden [...] lagh daer een groote Beer aen 't schip / [...] dan keerde terstondt wederom achter een groote schos ijs daer sy aen vast laghen / ende trat stoutelijk nae haer toe / om voor by 't schip op te klimmen / [...] De Beer wert gheschooten / soo dat hy wegh liep / het sneeude soo seer / dat sy niet sien konden waer hy vervoer / doch vermoeden dat hy achter een hoghen heuvel bleef legghen / die daer veer op de ijs-schos waren. Den 10. Augusti [...] Hier door waren sy ser bevreest datse in 't ijs soude mogen beknelt worden / deden derhalven groote naerstigheyt / arbeyt ende vlijt om van daer te komen [...] sy 't wederom vast aen maecten met het werp-ancker dat sy daer op brachten / ende bleven daer legghen tot den avondt toe [...] soo began de selve schos ijs soo schrickelijck te bersten ende te scheuren / [...] / daer 't op de grondt lagh / was 10. vadem dick / ende boven water twee vadem. [...] ende sagen doen noch een ander schos wat van haer in zee vast legghen / die in de hooghte spits toe-gingh als het spits van een tooren / daer voeren sy aen / ende bevonden dat het wel 20. vadem diep aen de grondt lagh / ende ruym twaelf boven water. [...] <i>[на поле напечатано: Ys schos 32 vadem dick.]</i></p>
<p>и на многих лдинах наверху медведей белых, овогда неких убивали, иных застревывали и сала их на жир топили, на тех же многих лдинах на верху находили землю, чаёт от птиц нанесена есть, на ней же множества яиц гусей диких.</p>	<p>[P. 17] Den 21. [...] 's Morgens [...] maecten 't schip vast aen een stuck ijs / daer sy op klommen / ende haer niet genoegh en konden verwonderen van de seltsaemheyt ende 't vreemde gedaente des selven. Het was boven vol aerde / ende sy vonden daer wel 40 eyeren op / het sagh'er oock niet uyt als ander ijs / maer was lasuer blauw als een blauwen Hemel / alsoo datter onder 't volck groot gespreck van viel / d'een seyde 't was ijs / ende d'ander bevoren lant [...]</p>

Нашему автору, по-видимому, проще было выбрать датированные записи, которые начинаются с нового абзаца, как было с записью от 17 июля и от 6 августа. Длинный рассказ о встрече с медведем был значительно укорочен, а описание борьбы с наступающими льдами и замеры айсбергов сокращены и переставлены. В голландском оригинале есть несколько описаний таких измерений. Предположительно наш автор взял полный размер айсберга «32» из печатной пометки на полях, что могло быть причиной, почему он включил именно этот абзац, а не предыдущий на той же странице. Голландская сажень (*vadem*) не равняется в точности русской, но является разумным приближением. Заключительная часть этого абзаца включает несколько более поздних описаний нападений медведей (и их изображения на деревянных гравюрах, иллюстрирующих книгу). В исходном тексте неоднократно упоминается разделка туши и сдирание шкуры с медведя (чтобы ее сохранить). Возможно, наш автор просто вставил в рассказ упоминание о растапливании медвежьего жира из какого-то другого источника, который он читал (о моржовой или китовой охоте). Например, в заключительной части первого тома «Большого атласа»⁸ (экземпляр которого к началу 1670-х гг. находился в библиотеке Посольского приказа), есть описание «земли ниже Северного полюса», в которое включены сведения о значительном количестве китового жира, нашедшего рынок сбыта по всей Европе.

Начиная с записи от 25 августа, голландский оригинал подробно описывает, как корабль Баренца застрял во льдах за северо-восточным концом Новой Земли. Попытки освободить его в надежде вернуться на западную сторону острова не увенчались успехом, не оставив путешественникам другого выбора, кроме вынужденной зимовки. Далее дневник подробно повествует о строительстве хижины, благодаря которой мужчины смогли выжить. Русский автор собрал в двух абзацах события с конца августа по октябрь, скомпонованные (если не напрямую переведенные) из нескольких разных записей в этом дневнике. По крайней мере, в них можно проследить некоторые из возможных источников конкретной информации:

⁸ *Blaeu J.* *Blaeus grooten atlas oft, Werelt-beschryving, in welke 't aertryck, de zee, en hemel, wordt verтоont en beshreven.* [Amsterdam: J. Blaeu, 1664]. URL: <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/241046> (дата обращения: 31.05.2023).

<p>Августа в 25 де дошли единым кораблем, зане другой прежде отстал, за северной конец Новой Земли и для многих лдов назад возвратились (<i>л. 3 об.</i>) не могли; и видя корабль обсажен водою великими лдами принужденны были с великой нуды и бед на той Новой Земле зимоват(ь).</p>	<p>Den 25. Augusti omtrent z.w. Son begost het ijs met de stroom weder uyt te drijven / ende sy meenden besujden om Nova Sembla west aen na de Weygats te seylden / want overmits sy Nova Sembla nu al gepasseert waren / ende nerghens gheen openinge en vonden / soo gaven sy de moet verloren om daer door te komen / ende waren van sume weder naer huys te keeren / maer komende aen de Stroombaey moesten weder te rugge van 't ijs /dat daer seer vast lach [<i>на поле напечатано</i>: Sy worden in 't ijs beset / ende ghedwongen aen de west-zijde van de Yshaven te verwinteren.]</p>
<p>И взяв ис корабля всякие потребности, пошли на брег</p>	<p>[P. 19] Den 5. dito [=Septembris] [...] In sulcken noot vonden sy raetsaem / haer oude fock / met kruyt / loot / roers / musketten / ende ander geweer aen lant te brengen [...]</p>
<p>и тамо счастливо обрели речку пресные воды и множество лесу, водою к тем местом прибитого, бес которого все б они померли; и о сем хотя в печали великой зело возрадовалис и ис того лесу и из корабельных досок устроили себе на зимовье избу.</p>	<p>Den 7. gingender vijf van de maets op 't lant / maer de twee keerden weder / ende drie gingen voort omtrent een paer mijlen te landewaert in / daer sy een Rivier van soet water vonden / mitsgaders oock groote menighte van hout / dat daer was komen drijven [...] Den 11. Septembris [...] [<i>на поле напечатано</i>: Sy besluyten een huys te maken om in te verwinteren / ende vinden t' allen gheluche hout daer toe dienende / also oock brant hout / om van koude niet te versmagten.] [...] [P. 21] Den 5. dito [= Octobris] [...] Des selven daeghs braeken sy het voor-onder van 't schip op / ende met die delen deckten sy 't huys / inde middel wat hooger voor de af wateringe / ende kregghen 't dien dagh meest dicht.</p>

Короткий абзац, который следует далее («В сентябре... не померли»), так широко обобщает описания опасностей от медведей и лютого холода, что, вероятно, является собственным резюме автора, составленным после чтения какого-то количества похожих друг на друга статей, подчеркивающих трудности, с которыми столкнулись голландцы. В последующих абзацах в русском тексте дневника есть сведения, вызвавшие значительный интерес как у участников экспедиции, так и у читателей. В русском тексте приводится короткая запись на полях о том, сколько времени не было видно солнца до момента его появления в записи от 24 января 1597 г. С другой стороны, наш автор проигнорировал текст дневника, где Баренц высказал, что не мог поверить сообщением, что солнце снова появилось, так как это было на две недели раньше срока согласно наблюдениям других мореплавателей во время путешествий на Крайний Север. Научным объяснением этого яв-

ления было преломление (рефракция), создающее иллюзию, что солнце показывается над горизонтом.

<p>Ноября в 2 де солнце всходило и оказалось токмо половиною круга своего; и с четвертого числа того же месяца солнечного входу во все судки не было, токмо по вся дни мало зариво видели и отступившу солнцу луну по вся ночи имели.</p>	<p>[P. 23]. Den eersten Novembris saghen sy de Maen opgaen / als 't doncker begon te worden / in 't oosten / ende de Son gingh noch efsen so hooge boven den Horizon / hat sy hem noch sien konden. Den 2. dito sagen sy hem opgaen in 't z.z.o. ende ondergaen ontrent z.z.w. hy quam met sijn volle rondigheydt niet boven / maer gingh in den Horizon langhs der aerden henen [...] Den 3. gingh de Son op / z. ten o. wel so z. ende onder z. ten w. wel so z. ende men mocht doen in den Horizon de boven kant van de Son maer efsen sien / nochtans was 't lant daer sy hem op peylden wel so hoogh als de mars van haer schip. Den 4. al wast stille weder / so en sagen sy nochtans de Sonne niet meer / want hy langer niet boven den Horizon quam [<i>на поле напечатано</i>: Sy verliesen de Sonne.] [...] Doen nu de Son haer verlaten hadde / sagen sy wederom dagh ende nacht de Maen sonder onder gaen / also sy in haer hooghste teycken gingh [...]</p>
<p>В декабре месяце учили быть морозы крепчае (<i>л. немеч.</i>) первых и никакo не чаяли единому человеку живу отстатися и на море было страшное тряскание.</p>	<p>[P. 24]. Den 6. dito [=Decembris] was 't soo geweldigh hout / dat de maets malkanderen deerlijck aensagen / vreesende so 't also voortaan noch kouder soude worden / dat sy van de koude souden hebben moeten vergaen [...]</p>
<p>Генваря в 24 де паки солнце объявилоса по отлучении своем 11 недель и 5 дней, и как солнце объявилось, паки медведи учили нас стужать.</p>	<p>[P. 37]. Den 24. Januarij [...] [<i>на поле напечатано</i>: Wederkomst van de Son / die sy nu in 11 weken ende 5 daghen niet gesien en hadden.]</p>

После этой записи, наш автор, очевидно, решил, что следующие несколько месяцев, подробно описывающие борьбу за выживание Баренца и его команды, не представляют большого интереса. Поэтому русский текст перескакивает на июнь 1597 г., сокращая до двух абзацев драматический рассказ о том, как выжившие построили две маленькие лодки, пробыли в море несколько недель и, наконец, с помощью самоедов и русских добрались до Кольского острога, откуда смогли отправиться обратно в Голландию.

В заключительных абзацах есть несколько необъяснимых ошибок, либо из-за небрежности переписчика рукописи, либо из-за того, что наш автор не особенно заботился о точности передачи информации из источника. В голландском тексте, в отличие от рус-

ского, нигде не говорится, что из экипажа выжили только десять человек, а двадцать погибли (де Веер пишет о двенадцати выживших). В оригинальном дневнике рассказывается, как 28 июля, на грани голодной смерти, голландцы наткнулись на русскую лодку, команда которой поделилась с ними едой. В переводе это событие датируется 12 июля («12. dito» — на самом деле август), когда произошла встреча с другой русской лодкой, и этот небольшой рассказ предшествует прибытию в Кольский острог. В русском переводе прибытие в Колу датируется 27 августа, когда вперед был отправлен гонец, а остальные голландцы добрались до острога только спустя много дней.

Некоторый интерес для того, чтобы показать подход нашего автора к источникам, представляет вставка в конце предпоследнего абзаца (л. 4 рукописи) в виде строки, напечатанной в другой части книжечки. Фраза, привлекающая внимание нашего автора, отмечена на полях в описании *первого* путешествия Баренца пометкой «Goudt-steen»: «На той же Новой Земли находили небольшие камешки цветом подобно золоту» («Daer vondense eenighe steentjens die glinsterden also goude / ende noemdense daerom Goud-steentjens») [*Verhael*, С. 3]. Хотя, вероятнее всего, это был железный колчедан («золото дураков»), информация могла иметь значительный интерес для Москвы, где поиск источников драгоценных металлов представлял первостепенную важность.

Другие тексты. Рукопись с копией текста об экспедиции Баренца продолжается еще одним абзацем «Описание о Новой Земле» (эти две работы входят в нашу ч. II). Обе части могли быть написаны одним и тем же автором, опирающимся на источники в европейской географической литературе при представлении информации для царя. Малейн и Державин отметили знакомство автора с европейской литературой в кратком описании, которое выглядит как введение из атласа или космографии. Как пишет Державин [Державин, с. 103], значительная часть содержания могла основываться на дневнике де Веера, выдержки из которого приведены в нашей ч. IIа. Ту же самую информацию цитировал, использовал в выборках и анализировал ряд западных географов и картографов. В тексте упоминается пролив Вайгач, отделяющий Новую Землю от берега Печоры, заблокированный льдом и недоступный для прохода судов на восток к «Татарскому» или «Ледяному» морю, в которое впадают сибирские реки. Разумеется, в последнем разделе брошюры 1648 г. было много сведений о сибирских реках. Как

указывает Державин, русское правительство получало сведения от местных жителей Крайнего Севера, что прибрежное плавание до устьев сибирских рек иногда было возможно. То, что такая информация не была включена сюда, может означать, что нам еще необходимо найти конкретный иностранный текст, являющийся источником краткого «Описания». Представляется вероятным, что «автор» мог видеть одну из подробных печатных карт с информацией из исследований Баренца и изображением западного берега Новой Земли и берега, находящегося за ее северной оконечностью до места, где стояла хижина, в которой зимовал Баренц [см., de Veer, фронтиспис]. Некоторые из этих карт сделаны в масштабе, позволяющем пользователям измерить приблизительное расстояние от Вайгача до этой хижины; в русском тексте предлагается разумное приближение в 1 000 верст.

Текст, который я определил как ч. I, похож на краткое изложение (возможно, написанное для царя) тем же человеком, который написал отчет об экспедиции Баренца в нашей ч. IIa. В первых предложениях ч. I упоминаются безуспешные попытки голландцев и англичан найти Северо-Восточный проход. Этот материал мог быть взят либо из буклета 1648 г., либо из других многочисленных обзоров, опубликованных в космографии или в атласе, некоторые из которых имелись в Москве. Далее в тексте указано, что, поскольку судоходство к востоку от Новой Земли было заблокировано льдом, на тот момент не было полной ясности, был ли это остров или полуостров. По мнению автора, некоторые считали, что путь на Восток был заблокирован, потому что Новая Земля связана с Северной Америкой, поэтому не было даже возможности доплыть до устьев сибирских рек, впадающих в Арктический океан. Здесь снова не принимаются во внимание знания местного населения Русского Севера. Указав на то, что Северо-восточный проход невозможен, текст заканчивается (тем же почерком) и указывает на существование альтернативного сухопутного пути в Индию и Китай, описание которого следует (этот текст мы обозначили как ч. III).

Сухопутный маршрут подробно описывает несколько путей, по которым можно было попасть в Индию Великих Моголов: либо от реки Яик (Урал) через Хиву, либо двигаясь из Астрахани по побережью Кавказа в Персию, а оттуда в Ормуз, где можно было пересечь на корабль. Перечень городов здесь вполне мог быть взят из различных маршрутов, записанных купцами и дипломатами, путе-

шествовавшими в Московию и обратно. Текст многих из них содержит именно такую информацию, которую должны были собирать миссии, посылаемые в Среднюю Азию или Индию с 1646 г.⁹ Однако, в отличие от того, что они сообщали по возвращении, составитель этого текста упоминает, что он получил информацию от иностранцев («немцев»), утверждавших что этими маршрутами будет быстрее добраться на Восток, чем по морю (очевидно имеется в виду путь вокруг Африки и через Индийский океан).

Этот маршрут также замечателен тем, что в нем упоминается Китай: «А та китайская земля словет Хина, а ныне владеют татаровя. В той земле был Федор Байков». Байков был послан в Китай в 1654 г., а в 1658 г. представил в Москву отчет о своей миссии. Упоминание Байкова служит здесь *terminus post quem* для определения времени, когда был составлен наш текст. (Об истории статейного списка Байкова и его копий см. [Демидова, Мясников, с. 101–112].) Был ли текст нашей ч. III первоначально составлен как продолжение ч. I, неизвестно, но в существующей копии обе части образуют логическое целое: сначала идет информация о невозможности плавания через Арктику, затем краткое изложение возможных альтернативных маршрутов.

Автор исследуемых текстов. При изучении текстов, относящихся к последнему десятилетию правления царя Алексея Михайловича, иностранные источники которых были написаны на голландском языке, очевидным кандидатом на роль автора или переводчика можно считать Андрея Виниуса, прекрасно владевшего русским языком, с детства живя в Москве в семье голландских предпринимателей [Юркин; Переводчики..., с. 86–92]. В 1664 г. он начал работать переводчиком в Посольском приказе. Будучи необыкновенно способным и прекрасно образованным, он служил на важных должностях в российском правительстве. Несмотря на то, что кто-то другой мог быть причастен к созданию обсуждаемых здесь текстов, есть очень веские доказательства, указывающие на молодого Виниуса. Наиболее важным является то, что он владел книгой [Oost-Indische Voyagien], в которой была книжечка [Verhael], сообщающая о третьей экспедиции Баренца (источник нашей ч. IIa). Экземпляр книги Виниуса находился в собрании Коллегии иностранных дел в XVIII в. [Белокуров, 1898, с. ССXXI (не упомина-

⁹ Русско-индийские отношения... С. 58–59, 81–82, 110–111, 166–169, 190–191, 203–204; РИБ. Т. 15. СПб., 1894. 7 паг. С. 62, 21.

ется в библиографии, составленной Савельевой)], и, возможно, до сих пор находится в коллекции РГАДА. Возможно, в ней есть его отметки на полях, указывающие на использование именно этого источника в создании нашего текста. Помимо владения самой книгой, Виниус хранил в своем альбоме копию гравюры на титульном листе книги [Oost en Westindische Voyagien], которую он мог держать отдельно в своей коллекции западных рисунков и гравюр [Савельева, с. 248]. Конечно, пока невозможно точно сказать, когда Виниус приобрел эту книгу или гравюру, но сам факт владения ими является весомым аргументом относительно источника нашего текста.

Есть много других косвенных свидетельств, указывающих на Виниуса как на возможного автора наших текстов. Здесь мы можем лишь кратко изложить некоторые из них. Еще в начале своей карьеры в Посольском приказе Виниус был назначен переводчиком во время переговоров в 1665 г. в Москве с голландским посольством, возглавляемым Якобом Борелем. Именно тогда Виниус познакомился с Николаем Витсенем, человеком большой эрудиции, которого он будет много лет снабжать ценными сведениями о Сибири. Хотя у нас нет подробной информации об их общении в Москве в 1665 г., мы знаем, что Виниус приобрел несколько книг для своей библиотеки у членов голландской миссии и по крайней мере одну у Витсена [Савельева, с. 119 (№ 141), 146–147 (№ 205), 177 (№ 235, 236); возможно и 67 (№ 53), 116 (№ 134), 202 (№ 260)]. Мы знаем, что Витсен воспользовался своим визитом в Москву для получения сведений о Сибири от Яна ван Сведена, который занимался созданием первой московской международной почты [Witsen, т. 3, с. 373–388]. Вероятно, Витсен получил в Москве копию отчета о миссии Байкова, что позволяет сделать предположение, что среди его контактов был человек, имевший доступ к дипломатическим архивам. В первую очередь под подозрение попадает Виниус.

У Виниуса были знакомые в голландском торговом сообществе в Москве, среди которых был Владимир Иванов (возможно, зять Виниуса, Wouter Jansz. Houtewall? – см. [Elias, т. 1, с. 273]). В конце февраля 1665 г. Иванов дал Виниусу экземпляр Гарлемской газеты, из которой мы имеем несколько кратких переводов¹⁰. Инте-

¹⁰ Вести-Куранты. [Т. 6]. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корниловой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамина. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009. С. 106–

ресно, что самый длинный раздел в этом пакете курантов касается нападения англичан на голландский торговый флот около Кадиса в конце 1664 г., что ускорило начало Второй англо-голландской войны. Можно предположить, что многое из того, что было переведено для курантов из голландских газет времен той войны, в том числе перечень грузов одного из ежегодных голландских торговых флотов из Индии, было сделано переводчиком (предположительно Виниусом), проявлявшим особый интерес к голландским морским делам и торговле [см. Waugh (в печати)]. Такая подборка новостей могла быть свидетельством личных интересов Виниуса, сына известного голландского предпринимателя в Москве, а не только того, что он выбирал наиболее интересную информацию для царя.

Есть и другие свидетельства того, что Виниус интересовался как торговлей с Востоком, так и географией. У Владимира Иванова был экземпляр очень важной книги, изданной Адамом Олеарием, с подробным описанием Персии и Индии, написанным Иоганном Альбрехтом Мандельсло, одним из членов голштинского посольства, путешествовавшим с Олеарием и оставшимся на Востоке после окончания миссии. Хотя отметка, указывающая на то, что книга принадлежала Иванову в 1669 г., может быть истолкована по-разному (указывает ли она на год, когда книга была продана?), экземпляр этой книги был приобретен Виниусом для своей библиотеки [Савельева, с. 130–131, 142–143]. Среди письменных проектов Виниуса в 1667 г. было составление географического справочника с указанием расстояний между известными городами. Одним из источников для него был знаменитый голландский морской атлас, в котором были приведены подробные карты для помощи мореплавателям [Петров, с. 149–158]. Более поздний отчет о Московии Якоба Рейтенфельса указывает, что Виниус как-то прочертил на карте путь до Китая, но у нас нет сведений ни о конкретном маршруте, ни о карте, которую он использовал [Рейтенфельс, с. 98]. Здесь можно только строить догадки, однако Виниус мог приобрести книгу [Oost-Indische Voyagien] у Иванова или Витсена и консультироваться с голландцами при подготовке наших текстов.

Кроме того, есть дополнительные материалы. Благодаря успеху миссии ван Сведена в Нидерланды для найма корабельного плот-

107; Вести-Куранты. [Т. 6]. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранцы оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М., 2008. С. 460–464.

ника и команды, в 1667 г. началось строительство первого русского военного корабля для защиты торгового судоходства с Персией в Каспийском море. Корабль «Орел» строился по западной модели, а Виниуса назначили переводчиком для нанятого голландского персонала. Во время этой работы он совершил безрассудно смелый поступок, написав начальству докладную записку о целесообразности создания галерного флота на Каспии для более эффективной защиты торгового судоходства¹¹. Исходя из того, что главная цель постройки корабля состояла в защите торговли с Персией и Индией по Каспийскому морю и вверх по Волге, вполне логично, что Виниус доказывал важность этого пути и его предпочтение перед Северо-восточным проходом.

Если он был автором этих текстов, он мог написать их до своей отправки с миссией в Западную Европу в 1672 г. Данная тематика идеально подходит к тому, что мы знаем о его карьере и интересах с середины 1660-х до начала 1670-х гг. Одной из причин его повышенного интереса к изучению возможных путей связи с Востоком могло быть восстание Степана Разина, из-за которого прервалась торговля с Персией, был сожжен «Орел», а низовье Волги временно закрыто для торговли. Виниус мог также написать эти тексты после своего возвращения в 1675 г. Возможно, он приобрел одну или несколько ключевых книг в период своей дипломатической миссии. Работая в Посольском приказе, он, безусловно, имел возможность получать материалы из библиотеки и архива, дополнявшие другие его источники. По мнению более ранних исследователей, сборник текстов, содержащихся в архивных рукописях № 333 и № 485, вероятно, был составлен при подготовке к посольствам в Индию и Китай в 1675 г. К моменту отправки посольств Виниус еще не вернулся в Москву. Если он, как мы предполагаем, является автором имеющихся в нашем распоряжении текстов, то это копии, сделанные с его более ранних работ.

Есть необходимость в проведении дополнительных исследований для проверки представленных здесь гипотез о текстах, касающихся путей в Китай и Индию. Данное исследование призвано обратить внимание на новые возможности в изучении вопроса, какими путями приобретались иностранные книги в Москве и какое значение они имели. Новые сведения о работе переводчиков Посольского приказа продолжают углублять понимание той важной

¹¹ ДАИ. Т. 5. СПб., 1853. С. 404–405.

роли, которую они играли в культурных переменах, происходивших в России накануне Нового времени.

Литература

- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.
- Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
- Белокуров С.А.* «Описание чего ради невозможно от Архангелского города морем проходить в Китайское государство и оттоле в восточной Индии». (Времени царя Алексея Михайловича) // ЧОИДР. 1893. Кн. 4. Отд. 4. С. 13–14.
- [*Белокуров С.А.*] О плавании голладских 2-х кораблей к Северным странам «для изыскания проходу мимо Новые Земли в Китайское государство и оттуда к восточной Индии» // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. Отд. 5. С. 3–5.
- Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
- Боярский П.В., Волков В.А., Куликова М.В.* К истории изучения Новой Земли. Обзор литературных и архивных источников // Новая Земля. Т. 1. Кн. 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции под общей редакцией П.В. Боярского. Вып. 2. Москва, 1993. С. 47–66.
- де-Фер Г.* Плавание Баренца. (*Diarium nauticum*). 1594–1597. Перевод с латинского А.И. Малеина. Под ред. проф. В.Ю. Визе. Л., 1936.
- Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.
- Державин В.Л.* Происхождение и датировка «Описания о Новой Земле» // История и археология Русского Севера. Сборник материалов научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Н.В. Гуслистова. Вологда, 2012. С. 102–104.
- Кобеко Д.Ф.* (Ред.). Наказ царя Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному в 1675 году к великому моголу Аурензебу. СПб., 1884.
- Корякин В.С.* Историческая эволюция карт Новой Земли // Новая Земля. Т. 1. Кн. 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции под общей редакцией П.В. Боярского. Вып. 2. М., 1993. С. 67–78.
- Лебедев Д.М.* География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса. / сост. Савельева Е.А. СПб., 2008.
- Старков В.Ф., Державин В.Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М., 2003.
- Щербачев Ю.Н.* Подписи царей Бориса Годунова и Алексея Михайловича. М., 1894. (Также в ЧОИДР).
- Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007.
- De Veer G.* The Three Voyages of William Barents to the Arctic Regions (1594, 1595, and 1596). Ed. by C.T. Beke. 2nd ed. Works issued by The Hakluyt Society. No LIV. London: Hakluyt Society, 1876.

- Elias J.H.* De Vroedschap van Amsterdam 1578–1795. 2 vols. Haarlem: Vincent Loosjes, 1893–1895.
- Tiele P.A.*, ed. Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais. Amsterdam: Frederik Muller, 1867.
- Oost en Westindische Voyagien met de Beschrijvingen van Indien. Eerste deel. Amsterdam: Joost Hartgers, 1648. 13 pts. in 1 vol. URL: <https://archive.org/details/oostindischevoya00comm/mode/2up> (дата обращения: 31.05.2023).
- Oost-Indische Voyagien Door dien Begin en Voortgangh / van de Vereenighde Nederlandtsche Geoctroyeerde Oost-Indische Compagnie [...] Eerste Deel. Amsterdam: Joost Hartgerts, 1648.
- Verhael van de eerste Schip-Vaert Der Hollandische en Zeeusche Schepen, Door 't Way-gat, By Noorden Noorwegen, Moscovien ende Tartarien om, na de Coninckrijcken Cathay ende China. [...] Amsterdam: Joost Hartgers, 1648.
- Waugh D.C. / Uo D.K.* The Signs in the Heavens over Košice in 1672: A Re-Examination of the Evidence // Источниковедение литературы и языка (археология, текстология, поэтика). Новосибирск, 2022. P. 381–419.
- Waugh D.C.* The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists in the News and in Russian Translation (в печати).
- Witsen N.* Moscovische Reyse 1664–1665. Journaal en Aentekeningen / Ed. by Th. H.G. Locher, P. de Buck, 3 vols. Werken uitgegeven door de Linschoten-Vereeniging, LXVI. 's-Gravenhage: Nijhoff, 1966–1967.

О владении русскими архиереями XVII в. иностранными языками и их участии в переводческой деятельности

Интересным и в настоящее время малоисследованным является вопрос о владении русскими архиереями патриаршего времени иностранными языками и их участии в переводческой деятельности. В отношении XVII в. – периода, когда в России отсутствовала единая система богословского образования, приходится устанавливать факт и степень владения иностранными языками для каждого архиерея в отдельности, обращаясь к биографическим материалам, истории пострижения, основным этапам духовной карьеры и исследованию круга знакомств владыки. В рамках настоящей статьи предпринята попытка общей оценки распространенности владения иностранными языками в среде русского епископата XVII в.

Вполне определенно известно о владении иностранным (прежде всего – греческим) языком нескольких групп архиереев. Прежде всего, это владыки, для которых иностранным являлся сам русский язык. Двое русских епископов рассматриваемого периода были греками по происхождению: Арсений (1550–1625), архиепископ Элассонский, архиепископ при Архангельском соборе Московского кремля, затем архиепископ Суздальский и Тарусский; Нектарий (†1626), архиепископ Охридский, затем архиепископ Вологодский и Великопермский. Первый из них до приезда в Россию являлся преподавателем греческого и цеквнославянского языков в братской школе во Львове и подготовил «Граматику доброглаголиваго еллинословенскаго языка» (Львов, 1591) на двух языках [Зилитинкевич, с. 108; Маштафаров, Флоря, с. 442–443].

Еще двое владык имели сербское происхождение. Серб, митрополит Венчатский (в литературе также используется вариант написания Варшетский/Вершетский) Феодосий (†1671), несколько раз приезжал в Россию в 1660-е гг. Одно из наиболее ранних свидетельств его присутствия в России – подпись на соборном дея-

нии 1 июня 1663 г. по делу суздальского архиепископа Стефана¹. Впоследствии Феодосий участвовал в работе Большого Московского собора 1666–1667 гг., на котором, возможно, оказывал услуги переводчика с греческого на русский язык патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому [К. К-ский, свящ., с. 521]. Феодосий был архиереем при Архангельском соборе Московского кремля, а затем стал первым митрополитом Белгородским и Обоянским. Сербское происхождение имел Иоаким (Дьякович) (†1678), епископ Сербославянский, затем архиерей при Архангельском соборе Московского кремля. Очевидно, что он также владел иностранными языками, но сведений о его биографии и деятельности очень мало (Э.П.П., с. 153).

Выходцы из соседних южно- и западнорусских земель также владели иностранными языками. К этой группе можно отнести Иосифа (Курцевича) (1580-е гг. – 1642) – члена знатной семьи в Речи Посполитой, впоследствии насельника монастыря на Афоне, выпускника итальянского Падуанского университета, епископа Владимиро-Волынского, а затем архиепископа Суздальского и Тарусского [Маштафаров, Флоря, с. 634]. Биографические сведения о нем позволяют предполагать знание им как минимум польского, греческого и латинского языков.

Архиепископ Суздальский и Юрьевский, Псковский и Изборский, а затем митрополит Казанский и Свяязский Маркелл (†1698) знал латинский и польский языки, а также, возможно, греческий, немецкий и татарский. До принятия монашеского сана Маркелл был служащим Посольского приказа, занимался перепиской книг и их переводами [Устинова, с. 730–731]. Можно предполагать, что Маркелл был единственным профессиональным переводчиком среди русских архиереев XVII в.

Наконец, в третью группу можно объединить архиереев русско-происхождения, знавших иностранные языки. Известно, что патриарх Филарет Никитич получил в юности хорошее образование и знал как минимум латинский язык [Луппов, с. 132]. Сведения о распространенности таких знаний в среде русского епископата отрывочны и относятся преимущественно ко второй половине XVII в. Прежде всего это лица, связанные с книжной справой, близкие к Патриаршему двору. Наиболее остро проблема знания языков (прежде всего греческого) встала в 1640–1650-е гг. в связи

¹ ОР ГИМ. Син. грам. 1085. Подпись сделана по-русски.

с началом церковной реформы. Для работы с греческими текстами нужны были опытные книжники, владевшие иностранными языками. Известно, что такими навыками обладали Арсений Суханов, Спиридон Потемкин, дьякон Федор [Сапожникова, с. 446], дополнительно были приглашены переводчики из Киева – Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий. Примечательно, что кандидатов из русских архиереев, знавших греческий язык и способных принять участие в этой работе, в то время в России не нашлось. Фактически справу курировал патриарх Никон, увлекавшийся греческой культурой и языком, но уровень его знаний был недостаточен для переводческой деятельности. В период патриаршества Никон значительно расширил состав келейной библиотеки, в которой более половины томов стали составлять книги на иностранных языках [Луппов, с. 135].

В 1660-е гг. в Москве находилось большое количество греческих иерархов в связи с подготовкой Большого Московского собора. Когда в столицу прибыли греческие патриархи Паисий и Макарий, к ним переводчиками приставили митрополитов Сарского и Подонского Павла и Рязанского Илариона. В литературе переводческая деятельность владык оценивалась скептически лишь с позиции «доведения точки зрения царя до сведения патриархов на совещаниях, проходивших в кельях греков», поскольку «архиереи плохо знали или совсем не владели греческим языком» [Мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский), с. 158]. Действительно, положительных свидетельств о свободном владении митрополитом Павлом Крутицким греческим языком нет. Основные царские встречи с представителями греческой церковной иерархии традиционно организовывались Посольским приказом по протоколу, близкому к дипломатическому и с привлечением переводчиков Посольского приказа [Оборнева, с. 90; Чеснокова, с. 40–54]. Павел произносил обращенные к патриархам речи и зачитывал переводы посланий с греческого. По завершении собора в июле 1667 г. он говорил официальные прощальные речи патриархам Паисию и Макарию «чрез толмача (якож и на встрече)»², и читал их речь, переведенную на русский язык. В сентябре 1667 г. переводил «по тетради полудестевой» обращение патриархов с поздравлениями к царю в день новолетия, а «речь по-русски говорил»³. Вероятно, пере-

² ДАИ. Т. 5. СПб., 1853. С. 129, 143–144.

³ Там же. С. 113.

водческую работу для митрополита Павла выполнял Симеон Полоцкий. На подлинниках речей Симеона Полоцкого встречаются приписки о том, что они написаны для митрополита Павла («scripsi iussu ill-mi Pauli, na roskazanie metr. Paula») [Татарский, с. 108–111].

С другой стороны, Павел имел репутацию одного из образованнейших людей своего времени, и, вероятно, знал иностранные языки, но не в пределах переводческой компетенции. Большую часть обширной библиотеки владыки (149 книг), составляли книги на греческом, латинском, польском языках [Ундольский, с. 65–75]. По окончании Большого Московского собора на Патриаршем Печатном дворе началась переводческая работа над текстом Библии. В мае 1667 г. митрополит Крутицкий Павел был назначен «на Печатном дворе у дела книг печатных»⁴. А в 1674 г. ему было поручено курировать работы по переводу текста Библии (переводчик Епифаний Славинецкий), книжники были размещены на Крутицком подворье.

Митрополит Рязанский Иларион также имел интерес к греческому языку, которому обучался уже будучи церковным иерархом у Иверского архимандрита Дионисия. Протопоп Аввакум писал в челобитной царю Алексею Михайловичу, что «некто гречин – архимандрит Дионисий, учил Илариона архиепископа Рязанского греческим буквам, реку и нравам, внешняя мудрствующим»⁵.

В библиотеках многих русских архиереев имелись книги на иностранных языках, что может служить косвенным свидетельством их владения ими. Так, в библиотеке Афанасия (Любимова) насчитывалось почти 500 томов, имелись книги на латинском, греческом, немецком языках, многие книги были переписаны или переведены по заказу владыки [Верюжский, с. 591–593]. А.М. Верюжский высказал предположение, что Афанасий знал греческий язык [Верюжский, с. 27, 575].

Во второй половине XVII в. владение иностранными языками уже не являлось редкостью среди ученого монашества и представителей знати [Луппов, с. 25–26, 53], но в среде русского епископата владение иностранными языками было распространено слабо и в большинстве случаев определялось происхождением и зарубежным образованием владыки, реже – личным энтузиазмом

⁴ ААЭ. Т. 4. СПб., 1836. С. 205.

⁵ Вторая челобитная Юрьевского протопопа Аввакума Петрова царю Алексею Михайловичу // Материалы для истории русского раскола в первое время его существования. Т. 5. М., 1885. С. 137–138.

в изучении этого вопроса. Их практические переводческие навыки были востребованы редко, как правило для решения подобных задач привлекались «профессиональные» книжники или переводчики из Посольского приказа или Патриаршего дома. Тем не менее для составления целостной картины распространенности знания иностранных языков среди русских иерархов XVII в. необходимо дальнейшее комплексное исследование их индивидуальных биографий.

Литература

- Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908.
- Зиборов В.К., Яковлев В.В.* Павел, митрополит Крутицкий // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 4–8.
- Зилитинкевич В.С.* Арсений Елассонский // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 108–110.
- К. К-ский, свящ.* Феодосий Серб, первый митрополит Белгородский и Обоянский (1667–1671) // Курские ЕВ. 1907. № 29. С. 520–531.
- Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
- Макарий, митрополит Московский.* История русской церкви. Кн. VI–VII. М., 1996.
- Маштафаров А.В., Флоря Б.Н.* Арсений Элассонский // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 442–448.
- Маштафаров А.В., Флоря Б.Н.* Иосиф (Курцевич) // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 634–636.
- Мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский). Иларион // ПЭ. Т. 22. М., 2009. С. 157–159.
- Оборнева З.Е.* Приезд иерусалимского патриарха Паисия в Россию в 1649 г. Греческие переводчики и толмачи // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVII столетия: материалы междунар. научн. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 90–96.
- Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010.
- Татарский И.А.* Симеон Полоцкий. Его жизнь и деятельность. (Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века). СПб., 1886.
- Ундольский В.М.* Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского // Временник ОИДР. Т. 5. Отд. 3. М., 1850. С. 65–75.
- Устинова И.А.* Маркелл // ПЭ. Т. 43. М., 2016. С. 730–731.
- Чеснокова Н.П.* Восточные иерархи в Москве в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Патриарх Никон и его время. Сб. научных трудов / отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 40–54.
- Э.П.П. Иоаким (Дьякович)* // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 153.

Переводы польских гербовников в делопроизводстве Палаты родословных дел конца XVII в.

Делопроизводственный комплекс, отложившийся в ходе деятельности Палаты родословных дел Разрядного приказа, отличает видовое разнообразие источников – представленных служилыми людьми «родословных свидетельств». Их археографическое и исследовательское освоение к настоящему времени неравномерно. Наиболее востребованными оказались актывые источники доромановского периода; некоторые грамоты опубликованы уже неоднократно. В последнее время публикуются родословные росписи¹, однако основной объем документального комплекса, выявленный А.В. Антоновым в ходе подготовки описи-реконструкции [Антонов], остается неизданным и неисследованным. Акты, датированные временем после 1613 г., делопроизводственные документы Палаты родословных дел, челобитные и т.д. не заинтересовали исследователей и археографов. В целом до сих пор остается справедливым упрек Н.П. Лихачева, адресованный А.И. Юшкову. Лихачев уподобил публикаторов, руководствующихся своими исследовательскими интересами при отборе источников, «тем любителям искусства, которые вырезают миниатюры и гравюры из рукописей и книг» [Лихачев, с. 2].

Переводные «родословные свидетельства» привлекли внимание М.Е. Бычковой. Она детально реконструировала процедуру перевода. По ее наблюдениям, Разрядный приказ, имея дело с родословными росписями родов, претендовавших на польско-литовское происхождение, запрашивал Посольский приказ, который располагал польскими хрониками и гербовниками. Здесь переводчики

¹ Например: Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Переславль-Залесский, Ржева Володимерова, Ржева Пустая, Романов, Ростов Великий, Руза, Серпейск, Серпухов, Смоленск, Суздаль, Таруса, Торопец, Тула, Углич, Ярославль / публ. Л.Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2020. Вып. 8. С. 224–412.

Семен Лаврецкий и Николай Спафарий переводили соответствующие отрывки, которые отсылались обратно в Палату родословных дел Разрядного приказа [Бычкова, с. 43–48]. Эти наблюдения предполагают канцелярское происхождение переводов и справедливости для большинства переводных текстов, отложившихся в архиве Разрядного приказа. Между тем есть основания поставить вопрос о внеканцелярском происхождении отдельных переводов и рассмотреть их особенности.

В сентябре 1686 г. пятеро представителей рода Веригиных подали в Палату родословных дел свою поколенную роспись. В ней утверждалось, что предком рода выступал некий Дементий Ермолаевич Веригин, выехавший из Польши «к великому князю Дмитрею Александровичю Переславскому»². Как известно, князь Дмитрий Александрович занимал Переславский стол в 1263–1294 гг., великокняжеский – в 1276–1281 гг. Согласно росписи, Д.Е. Веригин пал в битве под Раковором в 1268 г. и был погребен в новгородском Софийском соборе. «И тому свидетельствует, – отмечают составители росписи, – летописная книга. А написан он, Дементей, в той летописной книге с -вичом»³. Действительно, в ряде летописей содержится краткий список павших в Раковорской битве, но Д.Е. Веригин в нем не упоминается. Это либо осознанно ложная ссылка, либо ссылка вполне добросовестная на неизвестный нам список летописи с соответствующей ранней интерполяцией. Равным образом не подтверждается сообщение родословной об участии Тимофея Пиминовича Веригина в походе 1572 г., когда он якобы был полковым воеводой в большом полку у нагайских людей – в разрядных книгах это известие ожидаемо не отыскивается.

Вероятно, род Веригиных происходил из торопецких помещиков. В торопецкой верстальной десятне 1605/06–1606/07 гг. упомянут Тимофей Горяинов сын Веригин (очевидно, одно лицо с Тимофеем Пименовичем)⁴ и иные Веригины, в своем большинстве не внесенные в роспись. «Toropczenin Tymofsey Wieryhyn» (т.е. Т.П. Ве-

² Родословные росписи... // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2020. Вып. 8. С. 255.

³ Там же.

⁴ Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06) – 115-го (1606/07) гг. / публ. А.В. Малова // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1. М., 2009. С. 27 (л. 48 об.).

ригин) в 1610 г. бил челом королю Сигизмунду о поместьях и вотчинах [Смутное время, с. 113]. Торопчанами называли еще в 1636–1647 гг. сыновей Т.П. Веригина Василия и Ивана [Барсуков, с. 82, 166], а в 1643 г. – его внука Герасима Васильева сына [Азбука, с. 55]. Предположительно, торопецкие Веригины – отрасль помещиков Деревской пятины.

Сведения родословной росписи Веригиных, относящиеся к романовской эпохе, уже приобретают достоверность. После Смуты Веригиных можно видеть в стряпчих (Михаил Григорьевич, 1682/83 г.), стольниках (Федор Иванович, 1657/58–1691/92 гг.; Федор Андреевич, 1685/86 г.), дворянах московских (Андрей Васильевич, 1657/58–1667/68 гг.) [Алфавитный указатель, с. 65; Белоусов, с. 60–61]. В этот же период они стали занимать должности городских воевод: в Изборске (Василий Тимофеевич, 1636–1637 гг.), Кевроле, Мезени и Тюмени (Федор Иванович, 1657–1658, 1684 гг.; Иван Тимофеевич, 1651–1652 гг.), Красноярске (Андрей Васильевич, 1659–1662 гг.) и т.д. [Барсуков, с. 82, 99, 116, 166, 169, 254].

Подлинное «родословное дело» Веригиных не сохранилось, но с него в Разрядном архиве было снято два списка, в 1767⁵ и 1786⁶ годах. Оба воспроизводят оригинал без существенных отличий между собой. В составе дела три документа: родословная роспись, список грамоты Т.П. Веригину на его вотчину в Холмском уезде (1614 г.) и, согласно описи-реконструкции А.В. Антонова, «герб Веригиных и выписка из “Орбиса Полонуса”» [Антонов, с. 111]. Последний текст идентифицирован А.В. Антоновым неверно: Веригины искали доказательства своего происхождения из Польши и принадлежности к гербу Боньча не в трехтомнике Шимона Окольского «Orbis Polonus» (Краков, 1641–1643), а в некоей «польской гербовой книзе, лист четыреста семдесят шестаго (так. – О.Х.)». Точное указание на номер листа позволяет идентифицировать в качестве источника этого текста труд Бартоша Папроцкого «Гербы рыцарства польского» [Paprocki]: здесь на страницах 476–479 и повествуется о гербе Боньча и шляхетских родах, которые им пользовались.

Б. Папроцкий написал свой трактат по-польски со вставками латинских оборотов и цитат – необходимых для писателя XVI в. атрибутов учености. Латинские включения вызвали у переводчика

⁵ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 804. Л. 316–318 об.

⁶ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Кн. 322. Л. 96–98 об.

наибольшие трудности. Уже в самом заголовке он демонстрирует неуверенность в передаче смысла своего оригинала: «O klejnosie Wończa alias Jednoroziec» (т.е. «О гербе Бонча, иначе Единорог») превратилось в «венце стоящаго Бонче и другаго скоро бегущаго единорога». Упоминание епископа Лаврентия у Папроцкого сопровождается фразой «de humili stirpe» («низкого происхождения»). В переводе она передана малопонятным «лето росл покорны»; неясно, каким образом автор перевода смог прийти к этому варианту. Ссылка Папроцкого на текст надгробной надписи в бернадинском костеле («powieda epitaphium pisane») превратилась под пером переводчика в «поведает Естафиево писание». Папроцкий включил в свой текст написанный по-латыни привилей короля Казимира (1471 г.). Переводчик опустил основную часть документа, приведя лишь начальную и заключительную части. Но и здесь допущены неточности. Интитуляция «Casimirus Dei gratia rex Poloniae» передана как «Арация (т.е. gratia. — О.Х.) Казимер, божиею милостию король полский». Заключительная формула «Ad mandatum domini regis» («По приказанию господаря короля») переведена как «Да посольство государям короля».

Очевидно, знание латыни не было сильной стороной переводчика. Но и в польском языке он не был знатоком. В большинстве случаев он не справился с транслитерацией польских географических названий (Kruszwicki — Крушивский; Smogorzow — Могоров; Niznow — Онизнов; podolski — польский) и личных имен (Długosz — Долго; Prokulf — Прокуфь; Strzebiecki — Гребетцкий; Kargowsci — Уарговский и т.д.). Явные трудности переводчик испытывал при переводе терминов, обозначающих чины и должности Речи Посполитой, и поиска для них соответствий в русском языке. В переводе фразы «Listy dawne klasztorne opowiedają Boguslaum comitem de Wscieklicze w r. 1100» должность Богуслава определена сомнительно (здесь же ошибка в дате): «Листы старые монастырские поведают Богуслова полуполковником в Стекличах в лето 1200». «Gubernatory» переводятся как «губные старосты», «rzeczpospolita» (в значении «республика», «государство») — «мирские права», wojski — воин или полк, kasztelan sanocki — думный дворянин; sekretarz — тайные дела, kanclerz koronny — приказ коронный и т.д.

Текст Веригиных отличают курьезные, порой необъяснимые переводы. Так, фразе «w sprawach gycerskich mężowie bywali znaczni» («в рыцарских делах мужи бывали значительны») соответствует «[в] воинских делах мужи бывали грабли». Вполне ясное, даже

без знания польского языка, «zostawił z Pisarską z domu Srzeniawa potomstwo» («оставил с Писарской из дома Срженява потомство») переведена как «оставил в дому писаря дети». По-видимому, в конце XVII в. из русского языка уже вышло из употребления слово «стрый» ('дядя по отцу', 'брат отца'), поскольку фраза «stryj tych romienionych» переведена как «строитель помянутых».

В целом представленный Веригиными перевод представляет собой в основном своем объеме довольно бессвязный, несогласованный текст, смысл которого в ряде случаев непонятен. Оба копииста (в 1767 и 1786 гг.) сомневались в словоразделении. Качество перевода исключает участие в нем таких специалистов, как С.Ф. Лаврецкий и Н.Г. Спафарий, специализировавшихся на польском и латыни [Переводчики..., с. 139, 182]. Этот перевод, без всякого сомнения, внеканцелярского происхождения.

В одном из последних абзацев Веригины поместили фразу, оправдавшую, по-видимому, в их глазах все усилия по поводу поиска польских однофамильцев в гербовниках и подготовки перевода: «Веригинский дом благородный, польским языком Верьгове». Предполагалось, что фамилия Верговы восходила к той же основе, что и Веригины (*verg* → *veriga*). Это неверно: слово *veriga* представлено в древнерусском, старославянском, болгарском, сербохорватском и словенском языках [Фасмер, с. 299]. В польском языке оно, вероятно, не закрепилось; перевод слова *veriga* на польский описательный: «łańcuchy na gołym ciele noszone» ('цепи, носимые на голом теле') [Богушевич, с. 34].

Однако столь важная для Веригиных фраза в гербовнике Б. Папроцкого отсутствует. В оригинале ей соответствует «Wielgowie dom rozrodzony» (Вильга, дом разросшийся). Представители шляхетского рода Вильга (от пол. 'иволга') герба Боньча отмечаются с середины XVI в. [Niesiecki, s. 337] и, конечно, не имеют ничего общего с Веригиными.

Чиновники Герольдии в конце XVIII в. были более требовательными к «родословным свидетельствам». При составлении Общего гербовника за Веригиными оставили желаемый герб Боньча, но все легендарные сведения были опущены. Началом истории рода был назван 1614 г., т.е. дата грамоты Т.П. Веригину [Общий гербовник, с. 122].

Международный словарь по дипломатике (в изложении С.М. Каштанова) по *форме* неподлинности различает «псевдооригиналы», имитирующие внешний вид оригинала (включая его удостове-

тельные знаки), и «псевдокопии», выдающие себя за аутентичную копию никогда не существовавшего подлинного акта [Каштанов, с. 28]. Очевидно, рассмотренный в этом сообщении текст следовало бы назвать «псевдопереводом» — он в значительной степени искажает иноязычный оригинал в угоду интересам переводчика или заказчика перевода. Риск разоблачения такого фальсификата был высоким, достаточно было сверить представленный перевод с доступным оригиналом. Однако в большинстве случаев Палата родословных дел Разрядного приказа не проявляла никакой придирчивости к представляемым «родословным свидетельствам».

Можно предположить, что предъявление псевдопереводов в Палату родословных дел было явлением обыденным. Следует отметить родословную роспись, представленную дяком Прокофием Богдановичем Возницыным⁷. Он претендовал на родство с новгородскими и владимирскими Возницыными, но знакомство с работой Шимона Окольского «*Orbis Polonus*» позволило ему «удревнить» свой род до X в. В отличие от «родословного дела» Веригиных, в которое фальсифицированный перевод был включен как отдельный документ, П.Б. Возницын поместил его в родословную роспись как включенный текст. Вероятно, потому перевод и не привлек внимания предшествующих исследователей.

Из труда Окольского Возницын привел несколько отрывков, которые должны были свидетельствовать о принадлежности его рода к гербу Циолек. Первый объяснял происхождение польских фамилий, восходивших к одному предку: «Вителлины или Тельцы в Польше от именей своих и маетностей наречения разнствующия и прозвания приняли, суть се есть от урочища и местечка, рекомаго Матевиць, речении Матеевские, от Древиц Древицкие, от Желехова Желеховские, от Воз Возницыны и протчии»⁸. Предлагаемая этимология явно надумана; конечно, родовое прозвание Возницыных имеет в основе *возницу*. Но у Окольского столь важная для родословия Возницыных фраза звучит иначе: «*vt á Macieiuwice dicti sunt Macieiuwij, á Drzewice Drzewiecij, á Zelechowo Zelechowscej etc.*» [Okolski, p. 109] — в ней вовсе не упоминаются ни «урочище и местечко» Воз, ни его мнимые владельцы Возницыны.

⁷ Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Великий Новгород) / публ. Л.Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2021. Вып. 9. С. 217–219.

⁸ Там же. С. 218.

Во втором отрывке П.Б. Возницын обнаружил упоминание своих «предков» среди потомков Виганта (Вигулта) Циолека, «котораго сынове от маятностей (имений. — О.Х.) называются Повсинские, Остриленские, Готовские, Возницыны, Пилецкие, Добрынецкие»⁹. Но Возницын просто вписал свою фамилию в этот перечень — в оригинале «vocantur Powśinscij, Ostrolęcćij, Guthowscij, Pileccij, Dobrzynieccij» [Okolski, p. 114].

Наконец, в биографии архиепископа гнезненского кардинала Бернарда Мациевского (1548–1608) П.Б. Возницын обнаружил упоминание его неназванного по имени брата, королевского конюшего и каштеляна завихостского [Okolski, p. 116]. Имелся в виду Каспер Мациевский (ум. 1611) [Polski Słownik Biograficzny, s. 59], который превратился в росписи в «сродника его (т.е. кардинала Бернарда. — О.Х.) Павла Вазницына, конюшего королевского и каштеляна завихостского» [Родословные росписи, 2021, с. 219].

В отличие от Веригиных, сфальсифицированный перевод П.Б. Возницына был признан вполне достоверным: в Общем гербовнике сообщается, что «фамилия Возницыных начало свое восприяла по обладанию предками ее в Польше местностью, называющейся Возница» [Общий гербовник, с. 130]. Герб Циолек также был утвержден за этим родом.

На основании предварительных наблюдений можно утверждать, что, помимо отдельных документов и включенных текстов, среди родословных росписей встречаются и короткие цитаты (в известном объеме мнимые) из польских гербовников и хроник. Их выявление и исследование должны несколько скорректировать бытующие на сегодня представления об использовании иноязычных источников в деятельности Палаты родословных дел.

Литература

Азбука и скоропись XVII века для наглядного изучения. М., 1875.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853.

Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1998.

Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Казань, 2009. Т. 2.

Богусевич Я. Новый подробный русско-польский словарь. Варшава, [1913].

⁹ Родословные росписи... С. 218.

- Бычкова М.Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII века // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 39–50.
- Кашианов С.М.* О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 24–41.
- Лихачев Н.П.* По поводу сборника А.И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Части I–X (1562 герба) / сост. и ред. П.А. Дружинин. М., 2009.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 8: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1912.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986.
- Niesiecki K.* Herbarz polski. Lipsk, 1842.
- Okolski S.* Orbis Polonus. Т. 1. Cracoviae, 1641.
- Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego. Krakow, 1584.
- Polski Słownik Biograficzny. Т. 19. Wrocław, 1974.

**«На встречу к аглинскому послу...
послать неково»: из переписки
Аптекарского и Посольского приказов
третьей четверти XVII в.**

В ноябре 1663 г. Посольский приказ затребовал в Вологду для сопровождения английского посла Чарльза Говарда, графа Карлайла переводчика Аптекарского приказа (а точнее — толмача) английского языка англичанина Ивана Тиу (Тю¹, Tew²), который ранее уже выполнял подобные функции. В самом Посольском приказе таковых в этот момент не оказалось: «А в Посол(ь)ском приказе аглинского язык[а] переводчика и толмача нет, и на встречу к аглинскому послу с приставы послать неково»³. В Аптекарский приказ память из дипломатического ведомства с таким требованием принес толмач этого учреждения Пимен (Юрий) Иванов⁴ — «жидовин» из Италии, служивший там в 1660/61–1665 гг. толмачом «цесарского» (немецкого), латинского, голландского и еврейского языков» [Беляков, с. 144, 304].

Аптекарский приказ ответил категорическим отказом и Ивана Тиу решено было оставить в Аптекарском приказе, поскольку он

¹ Именно такое написание встречается в публикуемой памяти Посольского приказа. В Аптекарском приказе традиционно использовалась другая форма этой фамилии — Тиу.

² Английское написание этой фамилии известно, в частности по автографу отца переводчика — аптекаря Аптекарского приказа Романа Тиу (Robert Tew) в расходной книге Аптекарского приказа за 1650/51 г., где он расписался в получении жалования по-английски. — РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 103. Л. 7 об., 8 об., 10, 11, 12 об., 13 об., 14 об., 15 об., 16 об., 17 об., 18 об., 19 об.

³ Там же. Д. 726. Л. 1–2.

⁴ По понятным причинам толмач Пимен (Юрий) Иванов не указан в справочнике «Переводчики Посольского приказа в XVII в.», поскольку это издание включает в себя лишь «сведения о переводчиках (специалистах по письменному переводу)» [Переводчики..., с. 5, 118–119]. Также логично, по формальным — хронологическим — причинам он отсутствует в списке толмачей, собранном С.М. Шаминам и А.Г. Гуськовым, поскольку упоминания об Иванове в публикуемом нами документе относятся к третьей четверти XVII века, а не к последней [Гуськов, Шамин]. Однако, Пимена (Юрия) Иванова нет и в достаточно объемной картотеке РГАДА [Голубинский].

состоял толмачом при докторе Самуиле Коллинзе⁵ – личном враче царя Алексея Михайловича. Помета дьяка Аптекарского приказа Ивана Десятого на обороте входящей памяти датируется той же датой – 19 ноября, как и сама входящая память⁶. То есть решение о том, что Иван Тиу останется в Аптекарском приказе было принято сразу же. Но три дня ушло на оформление этого решения и, судя по тому насколько много исправлений в черновике, можно судить, что поиск «уважительной причины», чтобы отказать Посольскому приказу занял некоторое время. Аппаратного веса для Аптекарского приказа было достаточно благодаря фигуре его главы – Ильи Даниловича Милославского – тестя царя Алексея Михайловича. Главой Посольского приказа в это время был думный дьяк Алмаз Иванов – тоже фигура весьма значительная [Приказы..., с. 135]. В какой-то мере, вероятно, могла сыграть роль и протекция самого доктора Коллинза, рисковавшего остаться без своего переводчика. Да и отец Ивана Тиу – аптекарь Роман Тиу, наверняка внес свою лепту.

Посольский приказ вынужден был согласиться с этим решением. Автор публикуемой памяти являлся дьяк Посольского приказа Лукьян Голосов. Пройдет ровно шесть лет и в ноябре 1669 г. он станет главой Аптекарского приказа вместо клана Милославских: сначала боярина Ильи Даниловича, а затем окольного Ивана Михайловича – четвероюродного племянника этого боярина. К моменту получения должности судьи Аптекарского приказа Голосов уже стал думным дьяком [Приказы..., с. 34–35]. Предыдущий дьяк – Иван Десятого – был заподозрен в финансовой нечистоплотности и отстранен от дел, а внутри Аптекарского приказа был организован временный «Приказ счета аптекарской казны»⁷. С лета 1670 г. Десятого перешел в Приказ Большой казны, где служил вплоть до 1673 г. [Приказы..., с. 52]. Аптекарский приказ после этой проверки подвергся масштабной реструктуризации и был разделен на два учреждения: (Старый) Аптекарский приказ и Приказ Новой Аптеки⁸. Сам Иван Десятого утверждал, что поводом для финансовой ревизии стал его конфликт с новым судьей Аптекар-

⁵ РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 726. Л. 3–5.

⁶ «Отписать в Посольской приказ, что тому толмачю быть в Аптекарском приказе». – РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 726. Л. 1 об.

⁷ Там же. Д. 723а.

⁸ Там же. Д. 1013, 1076, 1083, 1089.

ского приказа — думным дьяком Лукьяном Голосовым, который его «теснит»⁹.

Чуть более, чем через полгода после назначения Голосова в Аптекарский приказ, 20 июня 1670 г.¹⁰ «Аптекарской полаты переводчику» Христофору Синорацкому¹¹ было поручено перевести книгу «Pharmacopoeia Medicochymica...»¹²: «...велено ему тое кн(и)гу перевести на словенской язык. Christifor Sinoracki knihu wsał u ruku pgużożu»¹³. А для переводу той книги дано ему пять дестей бумаги. Июля в 6-й де(нь)»¹⁴. Синорацкий происходил из смоленского мещанства¹⁵. В Москву в Аптекарский приказ он попал не позднее марта 1670 г. [Домрачев, с. 327], изначально поступив на русскую службу переводчиком польского и латинского языков Посольского приказа, был «крещен в православие» в 1666/67 г. и служил в Смоленске. По мнению Н.Е. Домрачева, «набор языков, которыми он владел, сформировался под влиянием его мещанского статуса

⁹ РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а. Л. 3.

¹⁰ В описи это дело ошибочно датировано следующим 1664 годом, чего фактически не могло быть, учитывая описываемые события.

¹¹ Существуют различные написания этой фамилии на русском языке: Синорадский, Синорадцкий, Синородский, Синарадский, Синарацкий [Переводчики..., с. 180—181]. На сегодняшний день в русскоязычной историографии еще не сложилось устойчивой формы и мы будем использовать наиболее частотную [См.: Белоброва; Богатырев; Домрачев].

¹² Мы не знаем достоверно, какое именно издание этой книги было выбрано для перевода — к 1670 г. их вышло уже несколько: в 1641, 1644, 1649, 1655, 1656, 1662, 1665, 1669 гг. В тексте памяти приведено полное название книги, выполненное почерком, отличающимся от остального русского текста, и, вероятно, написанное кем-то из врачей: «Pharmacopoeia Medicochymica Sive Thesaurus Pharmacologicus, quo Composita quaqu Celebriora; Hinc mineralia, vegetabilia et Animalia chymico-medice, describuntur, atque insuper Principia physica. Hermetico Hippocratica candidè exhibentur». Обратим внимание, что в источнике, в отличие от титульного листа любого из изданий этой книги, написано не через дефис «Medico-chymica», а слитно, а также редуцировано окончание в слове «quaque» («каждый»).

¹³ Эта фраза написана другим почерком. За атрибуцию и перевод этой фразы выражаю благодарность Петру Игоревичу Прудовскому и Николаю Евгеньевичу Домрачеву.

¹⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 903. Л. 1. Это дело опубликовано, но в публикации ошибочно датировано 1662 годом (на что уже обращал внимание Н.Е. Домрачев [Домрачев, с. 327]). Кроме того, выпущена фраза на польском языке — это, по всей видимости, автограф самого переводчика Христофора Синорадского [Матерьялы..., с. 772].

¹⁵ Домрачев полагает, что на сегодняшний день не обнаружено никаких прямых свидетельств о его польском или поморском происхождении (см. разбор историографии: [Домрачев, с. 323]).

и ведением дел в польско-говорящей среде и католической верой, предполагающей молитву на латинском языке» [Домрачев, с. 324]. Авторы словаря «Переводчики Посольского приказа...» относят его службу в Аптекарском приказе к 1674 г.,¹⁶ однако, из приведенного нами выше документа видно, что Синорадский уже в конце июня 1670 г. назван переводчиком «Аптекарской полаты» [Переводчики..., с. 181]. В конце июня (а де-факто в начале июля) того же года ему, как уже было сказано, был поручен перевод «Pharmacosoreia Medicochymica», но уже 12 сентября А.Л. Ордин-Нащокин попросил отозвать его для дел Посольского приказа в Смоленск, где тот и продолжил свою службу.

Домрачев полагает, что бюрократические перемещения Синорадского могли происходить по протекции тогдашнего главы Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина, бывшего патроном переводчика. Однако, представляется, что аппаратный вес Ордина-Нащокина усиливался к тому же бывшим дьяком Посольского приказа Лукьяном Голосовым, управлявшим теперь Аптекарским приказом. Кроме того, Синорадский был совершенно не укоренен в Аптекарского приказе, в отличие от Тиу: там не было никого, кто бы мог удержать его в этом учреждении. Да и сам Синорадский, по наблюдениям Домрачева, стремился вернуться к посольским делам и в Смоленск [Домрачев, с. 327–329].

Таким образом, в публикуемом ниже документе мы обнаруживаем противостояние между Аптекарским и Посольским приказами и один из ранних эпизодов конфликта лично между дьяками Иваном Десятым и Лукьяном Голосовым, который затем будет развиваться.

В публикуемом тексте вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита. Слова под титлами раскрываются, выносные буквы вставляются в строку без указаний, за исключением следующих ситуаций: окончаний слов; пропущенной гласной после выносной согласной, мягкого знака только в положении перед гласной и на конце слова, твердый знак перед гласными – в перечисленных случаях буквы восстанавливаются в круглых скобках. Твердый знак на конце слов не воспроизводится. Все надстрочные знаки не воспроизводятся. Утраченный текст восстанавливается в квадратных скобках. Авторская разбивка тек-

¹⁶ Авторы «Словаря» указали на фиксацию его службы в Аптекарском приказе в 1674 г., а не на время начала службы.

ста на абзацы сохраняется и передается с красной строки. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами пунктуации. Палеографические особенности оговариваются в подстрочных примечаниях.

Приложение

19 ноября 1663 г. Память из Посольского приказа в Аптекарский о переводе толмача Аптекарского приказа в ведение Посольского приказа и отправке его в Вологду для сопровождения английского посла¹⁷. Подлинник.

(Л. 1) Лета 7172 [1663] г(ода) ноября в 19 де(нь). По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу боярину Илье Даниловичю Милославскому да д(ь)яку Ивану Десятому. В прошлом по 170-м [1661/62] году по указу великого государя посыланы были в аглинскую землю с великими послы с столником со князем Петром Прозоровским с товарищи для переводу полковник Ондрей Форот, а для толмачества из Обтекарского приказу агличанин Иван Тю. И как они пришли с послы к Москве и по указу великого государя полковник Ондре[и] Форот отослан в Ыноземской приказ к тебе боярину к Илье Даниловичю. А в Посолском приказе аглинского язык[a] | (Л. 2) переводчика¹⁸ и толмача нет и на встречу к аглинскому послу с приставы послать неково. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал послати на встречу аглинского посла на Вологду с столником с Офонас(ь)ем Нестеровым да з дьяком с Ываном Давыдовым для толмачества аглинского языку агличенина того ж, которой посылан был в аглинскую землю с великими послы Ивана Тю. И пред(ь) ему быти в Посолском приказе и что ему Ивану в Оптеке¹⁹ давано по окладу государева годового денежного жалованья и поденного корму о том отписати и ево Ивана прислати в Посолской приказ. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу боярину Илье Даниловичю Милославско-

¹⁷ РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 726. Л. 1–2.

¹⁸ Наблюдается смена почерка и поле справа становится меньше.

¹⁹ То есть в Аптекарском приказе.

му и д(ь)яку Ивану²⁰ учинити о том по указу великог(о) государя. А столник Офонасеи Нестеров и д(ь)як Иван Давыдов с Москвы отпущены. Лукьян Голосов²¹.

Принес толмач Пимин Иванов²².

(Л. 1 об.) 172 [1663] г(ода) ноября в 19 де(нь). Отписать в Посольской приказ, что тому толмачю быть в Аптекарском приказе.

Литература

- Белоброва О.А.* Синарадацкий Христофор // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 382.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Богатырев А.В.* На благо обретенной отчизны: Христофор Синорацкий // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы IV Международной научной конференции. М., 2020. С. 303–307.
- Голубинский А.А.* Картотека переводчиков, толмачей и гонцов РГАДА // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 250–258.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 278–317.
- Домрачев Н.Е.* «Дорога милостыня во время скудости...»: Новые документы о переводчике Христофоре Синорацком // Сборник статей, посвященных Юрию Дмитриевичу Рыкову (1946–2020) / отв. сост. А.В. Дедук. М., 2021. С. 317–349.
- Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. Вып. III: 1645–1675 гг. СПб., 1884.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / *Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин*. М.; СПб., 2015.

²⁰ Фамилия «Десятово» пропущена.

²¹ Подпись дьяка Лукьяна Голосова.

²² Эта помета теми же чернилами и тем же почерком, что и помета на обороте л. 1. Обе пометы сделаны в Аптекарском приказе.

Предисловия к переводной учебной литературе Петровского времени

Предисловия к новой, неизвестной или непривычной для русского читателя, учебной и научной литературе претерпели в петровских изданиях серьезные и показательные изменения. Предварительно предисловия можно по типу условно разделить на три группы: панегирически-посвятительные, познавательные-разъяснительные и тезисно-практические.

Необходимо учитывать, что характер предисловий во многом зависел от характера издания, а последний практически все время правления Петра Великого зависел напрямую от царя. Именно он выбирал, что переводить, когда и кому. Среди требований Петра I к учебной литературе на первом месте стояло требование внятного перевода, изложения на простом русском (а не церковно-славянском) «языке Посольского приказа». Вторым предпочтением царя было обилие в учебниках иллюстративного материала, чертежей, карт, наглядных пособий, а также практических задач и примеров. Наконец, третьим пожеланием монарха было издание переводной учебной литературы одновременно на двух языках: языке подлинника и русском, чтобы одновременно с наукой учащиеся изучали бы и иностранные языки. Об этом убеждении монарха говорилось неоднократно, например, в предисловии к «Разговорам дружеским Еразма роттердамского» (1716). Все эти требования в большей или меньшей степени выполнялись переводчиками и издателями, а царь постоянно контролировал и проверял качество переводов, нередко заставляя исправлять или даже переводить заново ту или иную книгу.

Первый тип предисловий – панегирически-посвятительный – падает на 1699–1701 гг. и связан с попыткой Петра Великого наладить издание переводной учебной литературы в Амстердаме. Поручая Яну Тессингу издавать познавательную светскую литературу, император определил круг интересующих его тем и цель этих изданий: «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны,

и математическая, и всякие разные и художественные книги на славянском и латинском языках вместе, тако и славенском, и голландском языком по особу, от чего б русские подданные много службы и прибытка могли получить и обучитися во всяких художествах и ведениях». Далее подчеркивалось, что церковную литературу издавать не надо, так как это делается в Москве [Пекарский, с. 11].

Переводчик Илья Копиевский сделал предисловия к самым первым изданиям в традиционно-панегирическом тоне, прославляя Петра Великого. Он заимствует начало Предисловия к «Введению во всякую историю по чину историчному...» (1699 г.) из изданий Печатного двора: «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать и умудряться». Он умалчивает о своей принадлежности к реформатской Церкви, но подчеркивает, что он — христианин и «действует с помощью Бога».

Помимо прославления Петра Великого Копиевский создает панегирик и русскому народу. Он пишет, что не стал бы писать книгу «варварскому какому народу», а сделал это только для великого «славянороссийского народа», прославившегося «паче всех народов благоразумием». И поясняет, что «Прочие народы и порубежного не разумеют языка, славянороссийский же народ сие дарование Божие имеет, яко едва не всю Европу о своим языке преидет... даже до Азьи россеаном откровенный язык». Но кроме того что россияне знают языки многих славянских народов, они наделены от Бога скромностью и смирением, которые Копиевский противопоставляет высокомерию и заносчивости французов и итальянцев: «Славнии италиане, французы, но точию в своей земли, за рубежем — варвари тщеславнии». Заканчивает свой панегирик российскому народу он так: «Славянороссийский же народ славный, не тщеславный, смиренномудренно держится, аще же паче всех тех язык родоязычия имеет», то есть знание чужих языков. Еще один панегирик Петру Великому дан в последней главе книги, где говорится «О еографии или описании всея вселенныя».

Познавательный и учебный смысл данного издания Копиевский лишь упоминает в заголовке книги: «Сей же есть благородным юношам первейший степен, истории и всех премудрых летописцов, хотящим читати; читающим совершенно познавати; познавшим благоразумно о всех древних деяниях размышляти, рассуждати и проповедовати». Источниками перевода Копиевского послужил целый ряд изданий: «Краткое и ясное введение во всемирную

историю» профессора Лейденского университета Георга Хорна, «О четырех великих империях» профессора права Страсбургского университета Иоганна Слейдена середины XVI в., «Всеобщая гражданская и церковная история» врача Яна Ионстона, «Церковная и гражданская история» немецкого теолога-протестанта Даниэля Хартнака» [Зарецкий, с. 18–19].

В том же 1699 г. вышло в свет «Краткое и полезное руковедение во арифметику, или ко обучению и познанию всякого счоту, в сочтении всяких вещей по указу пресветлейшаго и великаго государя нашего царя...». Из 48 страниц текста этого издания только 16 посвящены собственно арифметике, а остальные представляют собой сентенции и притчи (17 притч, изданных впоследствии как «Притчи Эзоповы» в 1700 г.). Отсюда понятно, что арифметика не поддавалась пониманию переводчика, и он фактически от нее отказался, ограничившись элементарными правилами счета. В предисловии Копиевский вновь воздает хвалу Петру Великому и ссылается на его указ, а затем подробно останавливается на притчах «ко благочестию и благим обычаям служащим». Приведу некоторые из них: «Понеже Бог есть дух, писание нам ставит / Должен ты его чистым сердцем славить» или «Пропало дело того господина, / коего учит его же слуговина».

Изданное в 1700 г. «Краткое собрание Льва миротворца мудрейшаго греческаго кесаря, показующее дел воинских обучение от латинскаго языка на славянороссийский достоверно переведено по указу пресветлейшаго нашего государя...». Предисловие на пяти листах рассказывает, что Копиевский сам сделал перевод и поднес его Петру I, что сочинение Льва было написано в 1544 г. и переведено с греческого языка на латинский с посвящением Генриху VIII английскому; что выгравированная на заглавии медаль взята с древних изображений на медалях и монетах, и что, наконец, книга полезна и для военных во время войны, и для граждан, когда бывает осада неприятелем города. К изречениям Льва кесаря Копиевский добавил рассуждения польского писателя Симона Старовольского о качествах полководцев и подобных вещах. С пафосом переводчик воспевает «умелость письмен»: «Сие приношает величество и славу, сие неизреченную красоту воздает». А завершает предисловие заключением: «Сие же есть юнейшим воем, воинственнаго ради обучения списано».

Следующим изданием амстердамского переводчика была «Книга, учащая морскаго плаванья, которую издаде остиндыйския ком-

пании геометра и прославнейший во всей Европе математик, шиперский мастер и учитель Авраам Деграф...» (1701). В ней, кроме предисловия, было объяснение к гравюре и посвящение Федору Головину. Гравюра на меди изображала навигацию в образе женщины, вокруг нее аллегории арифметики, гидравлики и др., а на левой стороне между колонн фигура адмирала Федора Головина, его герб, вверху посредине — двуглавый орел. Посвящение подписано Иваном Иевлевым сыном молодым и Копиевским, а предисловие подписано только Копиевским. В нем переводчик рассказывает, что поспешил перевести эту книгу и поднести ее боярину Федору Алексеевичу в Амстердаме. А далее поместил свои жалобы на Яна Тессинга, который «и сам книг не печатал, и хотящим запрещал», а затем поступил указ от царя об издании книг «всяких разных свободных наук», что и позволило Копиевскому уже в своей «друкарне» отдельно от Тессинга «предать типу сию книгу». Свою типографию Копиевский создал в 1700 г., о чем он подробно рассказал в предисловии к «Латинской грамматике», подчеркивая, сколько понес затрат и трудов.

Судьба типографии и самого Копиевского как переводчика показывает, что в России быстро поняли малые научные познания его и старались направить его деятельность в русло научно-популярной и гуманитарной литературы. В частности, в 1705 г. он издал «Символы и Эмблемата», в 1706 г. «Руководение в грамматику славенороссийскую». В 1707 г. Копиевский перебрался в Россию и должен был работать под руководством Якова Брюса, но последнему требовался умелый переводчик с немецкого языка, а Копиевский не знал немецкого, поэтому Брюс просил избавить его от такого переводчика, который «живет без дела» [Пекарский, с. 15].

Второй тип предисловий — познавательно-разъяснительный — представлен прежде всего предисловием к «Арифметике» Леонтия Магницкого, изданной в Москве в 1703 г. и предназначенной для учащихся открывшейся Навигацкой школы. Эта «математическая энциклопедия», основанная на переводе многих иностранных учебников, о чем говорит и сам автор в предисловии, включала разделы по астрономии, геометрии, навигации и другим предметам. Адресованная учащимся морского дела, книга включала не одно, а несколько предисловий, разъясняющих пользу изучения наук. Слово «польза» — ключевое для всех предисловий, прозаических и стихотворных, к этому изданию.

То, что учебник был «собран», по словам самого Магницкого в прозаическом предисловии к изданию, «из многих разноязыких книг, греческих, латинских, немецких и старопреводных славенских» (а по его же свидетельству в стихотворном предисловии, еще и из «италийских»), говорит не о том, что Магницкий владел всеми этими языками и сам делал переводы необходимых иноязычных источников своего труда. А.В. Лаврентьев, специально изучавший вопрос о владении математиком иностранными языками, пришел к выводу, что он, скорее всего, владел двумя — латынью и немецким [Лаврентьев, с. 72–78]. Остальные языки перечислены либо в этикетных целях, как дань литературной традиции, либо подразумеваются не языки, а страны изданий математической литературы. Т.П. Каменева пришла к выводу, что выявить иностранные источники «Арифметики» вообще вряд ли возможно [Каменева, с. 80]. Под рукописными «старопреводными славенскими» источниками своего труда автор мог подразумевать «Геометрию», переведенную весьма тяжеловесно с английского языка еще в 1630-х гг., а также «Книгу рекому по-гречески Арифметика, а по-немецки Алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость» (рукописную копию XVII в. с оригинала XVI столетия).

Книгу украшал фронтиспис с изображением российского герба вверху листа, Архимеда и Пифагора — внизу. Фигуры античных ученых с атрибутами и символами были в новинку. Слева изображен Пифагор с весами и таблицей арабских цифр в руках, у ног его — деньги и товары; справа показан Архимед в чалме с небесной сферой и таблицей с алгебраическими формулами в руках, с картой и кораблем у ног. Замечу, что две другие гравюры на меди значительно меньше по формату и чуть проще по исполнению: на них изображены сфера мира и роза ветров.

Фронтиспис сопровождали «Стихи на предлежащий герб». Герб — «орел двоеглавный», обозначен как православный. Затем шло рассуждение: две головы его являют «разум некий тайный», и все части тела обозначают силу и крепость власти; раскинутые крылья орла есть знак «милости в бессмертии». Эти рассуждения подкреплялись восклицанием: «От, бы каждый две главы имел, все целые части всего тела!» Далее в «Стихах на предлежащий герб» описывались фигуры Архимеда и Пифагора:

«Архимед же тут представлен.
Древний философ велик явлен.

Где с ним и другой, равный ему,
Лицу представлен есть твоему.
Оный Архимед и Пифагор
Излились как воды от гор.
Первые были снискатели,
Таковых наук писатели.
Равно бо водам излиша,
Многи науки в мир издаша.
Елицы же их восприяша,
Многу си пользу от них взяша.
Сия же польза ко гражданству,
Требна кождому государству».

Далее в стихотворном предисловии читателю сообщалось, что предлагаемое издание «в две книги просто разделено, в первой — общая для всех граждан коего либо государства Арифметика обычайная... всем людям — ремесленникам, художникам, подданным всяким и вельможным», раскрывалось содержание всех пяти частей первой книги (нумерация, четыре арифметических действия, десятичные числа и пр.). Точно так же в стихах раскрывалось и содержание второй части книги — арифметики логистики: квадратные уравнения, геометрия, тригонометрия и др., которую «морскому пловцу, навигатору или гребцу» надлежит знать.

Заканчивались стихи рассказом автора о себе и своей методике. Делалось это порой в шутовском тоне, порой в форме поговорок, но крайне точно с точки зрения соответствия характеру учебника. Например, о себе Леонтий Магницкий заметил: «И мню яз яко то имать быть, что сам себе всяк может учить. Зане разум весь собрал и чин, природно русский, а не немчин». О методике своего труда Магницкий выражается следующим образом: «Ни мудро, ни просто учить, но так, чтобы толк получить»; подчеркивает, что старался писать так доступно и доходчиво, чтобы читатель смог самостоятельно освоить предмет. Завершается стихотворное предисловие словами:

«И желаем да будет сей труд,
добре пользоваться русский весь люд».

Помимо стихотворного предисловия текст учебника предваряло обширное прозаическое предисловие, представляющее собой развернутый философский трактат о человеке, смысле его жизни

и роли науки в тогдашнем обществе. Сначала автор воздал хвалу Петру I за «доброе» управление в гражданстве, «еже от врагов защитити, разпространити и обидимых оборонити, и всячески всех обогатити, яже суть от вне украшающая человека».

В прозаическом предисловии выстраивается стройная система «естественных» достоинств человека, в которой центральное место отводится «зрительной силе ума». Выражается восхищение красотой и совершенством человеческой природы, человеческим телом, которое может «само о себе двизатися и простиратися», пятью чувствами, дающими человеку адекватное представление об окружающем мире, и, конечно же, вершине человеческого естества — уму. Далее ставилась задача развить умственные способности, «удобрить науками» естественный разум, чтобы понять, что есть человек. Совершенно не «по-средневековому» говорилось, что человек должен стремиться и к украшению своей «внешней» жизни. К «внешним украшениям» относилось, прежде всего, «снискание наук» (среди наук выделялась как одна из основополагающих арифметика), а также «довольство нужных», то есть благосостояние: «Довольство несть роскошь, но точию довольство нужных. Егда же нужных лишаемся внешних, тогда естественне ослабеваем внутренними... вся внешняя доволства подают свободу и помощь внутренним силам». Завершало тройку самых важных «внешних украшений» человека снискание «достойной чести мира сего».

Таким образом выстраивалась концепция нового — ученого — человека: стремление к науке, «внешней мудрости» есть естественное свойство человеческого разума; разум должен пройти обработку «удобрением», то есть учением; обогащенный науками разум позволит человеку жить «по достоинству человеческому», в «довольстве нужных» и в «достойной чести мира сего». «Снискание наук» поставлено в один ряд с добродетелями, «сиречь крепкой верой и благочестием». Рефреном звучало пожелание читателям «любить разум и науки, чем богатство им приидет в руки».

Прославление науки продолжалось и далее во всех виршевых и прозаических предисловиях, разбросанных по тексту, а их насчитывалось восемь пространных либо кратких, помещенных перед каждой книгой, а также перед каждой отдельной частью первой книги. Если обобщить все предисловия, то общая их мысль — идея о значимости арифметики, в которой ученик будет цвести, «как лилия благовонная», научится легче и «охотнее» постигать другие науки; она поможет ему «и в лечении ума, если вычисляет вредно»,

во всех военных, морских и гражданских делах и т.п. Наконец, через всю книгу проходила мысль автора о том, что царь Петр Алексеевич «затверделую невежеством и лишением наук российскую землю размягчил и удобною к приятию семени учения сотворил».

Гимн науке, прозвучавший в предисловиях к «Арифметике» 1703 г., был продолжен в последующих учебных изданиях, правда, ни в одном из них прославление науки не достигало того уровня пафоса, как в предисловиях Магницкого. В «Лексиконе трехязычном, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» (1704) говорится о пользе изучения иностранных языков, в частности, латыни, потому что та употребима в «гражданских и школьных делах», а посему нужна и воину, и художнику, являясь и языком науки.

С появлением новых учебных заведений, военных, морских, медицинских, возростала потребность в новых переводных учебных пособиях. Их практическая направленность делала излишним пространное предисловие, разъясняющие смысл науки и учения. В 1708 г. вышла в свет «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» («Книга слюзная»), переведенная с французского языка Борисом Волковым. На двух листах вступления повторено авторское предисловие в сокращении и поясняется, что хотя архитектура во Франции, как и все другие науки, в цветущем состоянии, однако еще мало известно об «архитектуре гидравлической», имеющей предметом речное судоходство, устройство и углубление каналов, шлюзы, доки и т.п. Столь же кратким было и предисловие к книге инженера Вобана «Истинный способ укрепления городов» (1724), переведенной отцом Александра Суворова Василием Ивановичем Суворовым, обучавшим фортификации. Переводчик счел нужным только сообщить, что Вобан является знаменитым математиком, а его метод отличается легкостью, поэтому книга полезна для начинающих изучение фортификации.

Требование Петра I — наглядность через иллюстративный материал — отражает ряд изданий. В 1712 г. издана «Архитектурная книга» — трактат Виньоля, в которой, помимо портрета Виньоля, содержится 101 гравюра-чертеж, причем только к 38 из них есть пояснения, к остальным — только подписи, а иногда и вовсе без подписей. Другое издание — «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное, и на немецком диалекте в Лейпцике напечатанное...» (1719). Здесь в предисловии помещено пять гравюр на

меди с пояснительными надписями, раскрывающими содержание книги. Например, на первой гравюре изображена Европа в виде женщины со скипетром и церковью в руках и надписью «Европы описание — сия трех частей в мудрости царица: в храбрости, в силе, как в звездах денница». Далее шли гравюры с Трудолюбием в виде Атланта с земным шаром на плечах; Азии, представленной несколькими верблюдами, обезьяной и попугаем; Африки (негры, слон, лев и др.), Америки (бобры, змеи, слитки золота).

Появляются и переводные издания вовсе без предисловий. Первая книга, изданная новым гражданским шрифтом, созданным при участии самого Петра Великого, была и вовсе лишена предисловия — как авторского, так и переводческого. «Геометрия, славенски землемерие» (1708) представляла собой сборник задач на построения, изданный в 1690 г. Бурхардом фон Пюркенштейном в Аугсбурге. Книгу перевел Яков Брюс, сознательно опустивший предисловие. Представление о содержании учебника содержалось в дополнительном подзаголовке: «Прием циркуля и линейки, или Избранейшее начало во математических искусствах, им же возможно легким и новым способом вскоре достигнути землемерия и иных онаго происходящих искусств». Брюс опустил предисловие и к своему переводу книги «Вилима Севела искусство нидерландского языка» (1717), начинавшейся сразу с большого трактата о буквах, их произношении и употреблении. Без предисловия было и издание «Юности честного зеркала» (1717), начинавшееся словами: «В первых наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать».

Иногда авторские предисловия не переводятся на русский язык, а даются в подлиннике. Так случилось с книгой «Учение и практика артиллерии Ягана Зигмунда Бухнера» (1711), в которой на главном листе помещена гравюра Пикарта, изображающая Марса, Беллону и Вулкана между двух пирамид, затем следует предисловие на немецком языке и посвящение герцогу Саксонскому, также не переведенное на русский язык.

В зависимости от сложности и новизны излагаемой науки переводчики старались сохранять познавательно-разъяснительные предисловия авторов и дополнять их своими соображениями, советами, наблюдениями. При издании в 1718 г. «Географии генеральной» Бернгарда Варения, в которой рассматривался «небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа», переводчик Федор Поликарпов оставил без изменений предисловие автора,

англичанина, доктора медицины, издавшего свою книгу в Амстердаме около 1650 г. В нем говорилось о делении географии на «генеральную» и специальную. Он также присовокупил предисловие от себя. Примечательно, что начинал он с самоуничижения, называя себя «скудоумным», которому не под силу перевести «сию премудрую и многотрудную книгу», но так как «Любомудрейший монарх повеле», то он «в пользу учащихся и читающих... кораблем смысла моего с прочими на широкий сей океан толкования пустится дерзнул». Не забыл Поликарпов упомянуть, что переводил «не на самый высокий славенский диалект... но множае гражданского посредственного употреблял наречия», то есть выполнял требование монарха писать простым разговорным языком.

Другой капитальный труд – «Феатрон, или Позор исторический» Вильгельма Стратемана (1724) содержал не только пространное предисловие, но и шесть листов посвящения Петру I и Екатерине I. Автор обильно цитирует высказывания о значении истории Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого и Цицерона. Затем говорится о разделении истории на «Топику» («егда описует стран и мест положение... какового состояния жители, земли плодоносие, горы и сим подобная»); на Хронологию («егда изчисляет времена от создания ли мира или от исшествия народа израильскаго из Египта, или от Олимпиад греческих, или от шпанских Эр»); на Генеологию («егда изъясляет домочадства, колена, роды и племена отеческая, благородных человек фамилий») и на Прагматологию («егда описует вещи содеянные и действия славных мужей»).

Нельзя не упомянуть и о том, что сохранялись и традиционные, средневековые по духу предисловия к учебным грамматикам славянского языка. Эти издания в основном повторяли «Граматику» Мелетия Смотрицкого 1648 г., делая лишь небольшие добавления и сохраняя предисловие, где повторялся даже призыв использовать розги для лучшего усвоения учащимися сей науки. Интерес представляет переиздание «Граматики» Смотрицкого в 1721 г., где дано новое предисловие, написанное Федором Поликарповым. В нем он выражает вполне здравую мысль, что излишне уже говорить о пользе, силе и действии грамматики, а надо просто указать на причины, побудившие вновь ее издать в свет. Среди этих причин он называет, во-первых, стремление царя обогатить и украсить свое государство знаниями, утвердив семь свободных наук в училищах греко-латинских, «а славенская грамматика в тех училищах

не преподаваясь за оскудением сих книг». Второй причиной Поликарпов называет посылку за границу многих русских для образования и переводов иностранных сочинений, им крайне необходима отечественная грамматика. Наконец, третья причина кроется в том, что обучающие детей по старинке сначала азбуке, потом по Часослову и Псалтыри, должны обязательно использовать и «Грамматику». Издавая в 1723 г. свою «Грамматику», Федор Максимович аргументировал необходимость ее написания и издания тем, что она крайне необходима при переводах с иностранных языков, о чем он и написал в своем крайне обширном и весьма путанном предисловии, разъясняющем его нововведения. Впрочем, в целом Максимович следовал Мелетию Смотрицкому, вслед за ним он прибавил междометие, а наречие назвал «надглаголением».

В целом на протяжении петровского правления в издательском деле нарастала тенденция к публикации практичных доступных учебных пособий, облегчавших усвоение новых технических, военных, морских, математических и прочих дисциплин. Отсюда и изменения в предисловиях к учебной переводной литературе, ведущие от посвячительно-панегирических текстов к познавательно-разъяснительным и тезисно-практическим.

Литература

- Зарецкий Ю.П.* «Всякая история» Ильи Копиевского и ее российские читатели // Препринт WP19/2022/01. Серия WP19. Исторические исследования. М., 2022. С. 18–19.
- Каменева Т.П.* К истории издания «Арифметики» Магницкого // Книга: Исследования и материалы. Сб. 48. М., 1984. С. 72–81.
- Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997.
- Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.

Переводчики при иностранных специалистах на петровских каналах в начале XVIII века

Создание искусственных воднотранспортных путей как особая отрасль государственного хозяйственного строительства возникла в петровскую эпоху и наряду с другими новациями внесла ощутимый вклад в формирование совокупного образа своего времени. В прокладке каналов принимали участие представители разных профессий. Поскольку инженерно-техническое обеспечение работ выполняли преимущественно иностранные специалисты, рядом с ними трудились и специалисты по переводу — письменному (собственно переводчики) и устному (толмачи).

Цель этого сообщения — собрать, систематизировать и в той степени, в какой это на данном этапе возможно, проанализировать известные автору разрозненные сведения о переводчиках и толмачах, работавших на строительстве первых петровских воднотранспортных путей — соединения Камышинка-Иловля, Ивановского канала и Вышневолоцкой водной системы.

Известные нам упоминания о переводчиках на первых каналах — тех, которые должны были связать реки Камышинка (приток Волги) и Иловля (приток Дона), немногочисленны. Без переводчиков здесь, разумеется, не обошлось, поскольку за техническую сторону ведшихся тут в 1697–1701 гг. работ отвечали иностранцы: немец или швед Яган Брёккель¹, а позже англичанин Джон Перри.

В справочнике «Переводчики Посольского приказа в XVII в.» упомянуты двое переводчиков, в интересующий нас период отправленных к «шлюзному делу». Пребывание одного на канале, строившимся Брёккелем (1697–1698 гг.), очень вероятно, другого — не исключено.

Первый — Ефим Ефимов сын Мейснер (фон Мейснер), переводчик шведского и немецкого языков. С мая 1697 г. он был от-

¹ Родился на территории нынешней Германии, служил шведской, позже английской короне. В Москве остановился на шведском дворе [Клейтман, с. 158].

командирован в приказ Казанского дворца для сопровождения инженеров «шлюзного дела», конкретно инженера Ягана Брёккеля (т.е. Брёккеля). Примечательно, что его прикрепление к другому ведомству состоялось несмотря на ходатайство Л.К. Нарышкина, просившего оставить его в распоряжении Посольского приказа, поскольку тот был единственным переводчиком в нем шведского языка [Переводчики..., с. 151]. Это косвенно свидетельствует о высокой оценке значимости работы по соединению Волги и Дона, которой предстояло заняться Брёккелю — ради нее решились смириться с трудностями, которые неизбежно возникали в Посольском приказе при работе по шведскому направлению. Остается неясной судьба Мейснера после побега Брёккеля и остановки работ на его канале. В указанной словарной статье отмечается, что до 9 ноября 1701 г. он оставался «у шлюзного дела» в Царицыне. Но в районе Царицына в эти годы каналного строительства не велось. Если же подразумевалось продолжение работ по соединению Камышинки и Иловли, то упоминание Царицына не вполне уместно — расстояние между каналом и Царицыным превышает 150 верст. Кроме того, Джон Перри, который вскоре стал строить поблизости от брошенного канала Брёккеля новый канал, был англичанином, и Мейснер ему в качестве толмача не подходил.

Второй переводчик и толмач, связанный с каналами в это же время — Захарей Михайлов сын Белокуров. С 20 января по 24 апреля 1697 г. он также отсылался в Казанский дворец для поездки в низовые города по Волге для «шлюзного дела» [Переводчики..., с. 63—64]. Он переводил с голландского — языка, носители которого в качестве технических специалистов, работавших на соединении Камышинки и Иловли, неизвестны. Остается предположить, что или помимо Брёккеля там присутствовал неизвестный нам иностранный вспомогательный технический персонал, или Белокурова выделили для поездки к месту строительства еще до того, как выяснилось, носителей каких языков потребуются обслуживать.

Летом 1701 г. в России начали строить Ивановский канал, которому предстояло сделать судоходным уже существовавшее естественное водное соединение бассейнов Оки и Дона. Их связь осуществлялась через Иван-озеро, из которого вытекали реки Дон и Шат, приток Упы, в свою очередь являвшейся притоком Оки. Предполагалось углубить озеро и шлюзовать реки, на отдельных участках заменив естественные русла искусственными — каналами. Руководил работами стольник кн. М.П. Гагарин [Миловидов; Юркин, 2020].

Независимо от того, кто подал идею такого соединения (о возможном авторе, старце Покровского монастыря Иакове, см. [Шамина, с. 265]), строительству предшествовал какой-то проект — Гагарин упоминает некий чертеж, которым он руководствовался, начиная строить канал². Разработкой проекта занимался, возможно, иностранный специалист, работавший вместе с переводчиком.

Однако вряд ли им был голландский инженер-гидротехник Элазар Краффорд (Елизарий Крафорт, Графорт), первый известный из документов иностранный специалист, привлеченный для технического сопровождения работ на Ивановском канале. В июле 1699 г. он находился в Азове, а потом работал в крепости Троицкий на мысе Таган Рог, где руководил сооружением каменного магазина. Разойдясь во мнении о том, как нужно строить гавань, он уехал в Москву доказывать свою правоту. В Москве решили в Приазовье его уже не возвращать, а отправить на новый объект — к Ивановскому [Аваков, с. 122—124, 126—128].

Указ «в Епифанском уезде у перекопн[ой] работы с столником с князь Матвее[м] Гагариным быть у слюзного де[ла] мастеру Галанские земли Елизарью Крафорту» был дан в январе 1702 г.³ Краффорд заявил, «что он к тому делу ехать готов, а надобен де ему перевотчик галанского языка, и в тое посылку приговорил с собою иноземца капитана Петра Юрьева сына Дреера»⁴. Из сказанного можно заключить, что инженер не только лично его знал, но где-то (на юге?) с Дреером прежде работал. Однако, скорее всего, не в последние его, Крафферта, месяцы на Таган Роге. Во всяком случае там мы Дреера пока не нашли.

Дальнейшие события развивались согласно распоряжениям, содержащимся в анонимной распорядительной записке от 6 февраля 1702 г., касающийся подготовки объекта ко второму строительному сезону. В одном из ее пунктов, сразу после распоряжения Краффорду ехать с Гагариным к месту работ и слов о выдаче ему жалованья, сказано и «о толмаче означанном... буде он не у дела, дать будет, а буде у дела, приискать ему инога из найму вольного»⁵ (слова «дать будет» понимаю в смысле выплатить жалование также и ему). За сведениями по поводу занятости толмача и величине его оклада обратились в приказ Военных дел, в ведении ко-

² РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Оп. 1. Д. 790. Л. 167.

³ Там же. Д. 797. Л. 62.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 63.

того Дреер состоял. Оттуда сообщили, что капитан Дреер «написан за полками и на службу великого государя; наряду ему февраля по 8 число нынешняго 1702-го году нет»⁶. Поступили сведения и о жалованье: он получал «кормовых денег по адиннацати рублев на месяц, а на год третнаго и за хлеб по пятидесят по одному рублю по дватцати по три алтна по две денги; и то великого государя жалованье ему, Петру, давано по вся годы, а на нынешней 1702-й год годового жалованья ему не дано»⁷. По получении справок боярин Т.Н. Стрешнев 10 февраля 1702 г. «приказал тому капитану быть в толмачеств[е] и с ынжелером Краффортом и великого (так. — *И.Ю.*) жалованья на нынешней 1702-й год выдать из Ыноземского приказу; и о том в Ыноземской приказ писать память». Следующая далее в черновике документа зачеркнутая запись сообщает об отдаленных выписки, содержащей эти сведения, в Денежный стол⁸.

В документах фигура толмача впервые всплывает 6 февраля. Имя его не названо, но пишущему известно — распоряжение навести справки о его положении относится ко вполне конкретному лицу. Все нужное выяснено, решение принято уже 10 февраля — согласимся, что быстро. Это еще одно косвенное подтверждение большого значения, которое придавалось строительству каналов.

Сохранилось несколько документов, отражающих работу Краффорда на строительстве канала. Они имеют правку Гагарина (легко опознаваемую по характерному почерку), что в свою очередь позволяет представить основу, которую тот правил: тексты Краффорда, переведенные на русский Дреером⁹. В одной из отписок Гагарин прямо пишет о получении от Краффорда писаного текста: «И к початку слюзной работы сказал он, Крафорт, что каких припасов надобно к начинанию работы, а не к совершенной отделке, одной слюзы, и тому подал роспись»¹⁰. Обращаю на это внимание, поскольку данный факт проясняет характер деятельности лица, занимавшегося переводом. В составленных в приказе документах Дреер именуется исключительно «толмачем», а деятельность его «толмачеством»¹¹. Между тем Краффорд называет его иначе — «пе-

⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Оп. 1. Д. 797. Л. 60.

⁷ Там же. Л. 60, 64.

⁸ Там же. Л. 19–20.

⁹ Там же. Л. 93, 213–215, 337.

¹⁰ Там же. Л. 132. Документ опубликован [Юркин, 2015, с. 485].

¹¹ Там же. Л. 18, 19, 63.

реводчиком галанского языка»¹². Можно думать, что, имея опыт инженерной работы на Таган Роге и хорошо представляя процедуру «добывания» ресурсов (людей и материалов) для работ, которыми руководил, Краффорд понимал, что ему нужен человек, обладавший навыком не только устного, но и письменного перевода. Примечательно, что он просил прикрепить к нему офицера, т.е. человека заведомо грамотного, причем уже известного ему. Дреера прикрепляют и, показательно, оставляют ему офицерское жалованье.

Сравним, кстати, месячные оклады инженера и переводчика, который его обслуживал: Краффорд – 29 руб. 70 коп., Дреер – 11 руб. Но капитан получал еще и годовое хлебное жалованье в сумме 51 руб. 70 коп., что в пересчете поднимало совокупное месячное жалованье до 15 руб. 31 коп. При посылке с Краффордом Дрееру приказали «жалованье кормовые денги на нынешней 1702 год по окладу ево выдать ему против прежних дач»¹³, т.е. важность его работы в качестве переводчика сочли не меньшей, чем на офицерском посту. Его жалованье, вполне сравнимое с жалованьем переводчиков Посольского приказа [Переводчики..., с. 252–270], а по отношению ко многим из них даже более высокое, было все же почти вдвое меньше жалованья инженера. Но и ответственность на переводчика возлагалась несоизмеримо меньшая.

Срок пребывания Крафферта и Дреера у Иван-озера неизвестен. Гагарин в отписке, направленной с озера 2 октября 1702 г., писал, что «вышепомянутой иноземец галанец Графорт от переконной работы отпущен к Москве»¹⁴.

Тем временем, а именно 29 апреля 1702 г., амстердамский торговый человек Адольф Гаутман, действовавший от имени русского резидента в Гааге А.А. Матвеева, в Амстердаме нанял для службы в России группу голландских специалистов – десять человек каменщиков, кирпичников и плотников. Их нанимали, «дабы им дело слюзное с приналежащим надобием из тех на том месте, где его царское величество изволит учредить, естли то возможно есть, во всей верности построити и совершить по галанскому обыкновению»¹⁵.

¹² РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Оп. 1. Д. 797. Л. 19, 59, 60.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л. 1. Документ опубликован [Юркин, 2015, с. 491].

¹⁵ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30. Л. 1.

Набор специалистов был нужен еще и потому, что в это время «перекопным делом» в верховье Дона каналостроение в России уже не исчерпывалось. В том же 1702 г. приступили к строительству Вышневолоцкой водной системы. За нее сначала отвечал кн. М. П. Гагарин, но 12 января 1703 г. в помощь ему на новом объекте назначили «сродника ево» стольника князя Василия Гагарина¹⁶.

Голландцы прибыли в Россию через Архангельск 21 июля 1702 г.¹⁷ Здесь их разделили пополам – пятеро отправлялись на Иван-озеро, остальные – «к слюзному делу, которое ныне строитца по новгородской дороге к Вышнему Волочку». В указе, предписывавшем это разделение, встречаем упоминание о толмачах – «отпустить» специалистов на объекты следовало, «придав им толмачей и провожатых и ямские подводы»¹⁸.

Слово «толмач» стоит в документе во множественном числе. Сколько же толмачей отпускали с мастерами? В случае, описанном выше, Крафффорд получил личного переводчика. При соблюдении этой пропорции на десять мастеров потребовалось бы десять толмачей.

Ответить на вопрос позволяет указ от 12 августа 1702 г. Он касался той группы, которая направлялась на Вышний Волочек, как выясняется из текста для рекогносцировочных работ – «к тому новому слюзному делу для досмотру». Указ определял материально-техническое обеспечение проезда от Архангельска «и до Вышняго Волочку, и до тех мест, где по Новгородцкой дороге начинаецца новое слюзное дело, то есть водяной проход». Он требовал, «дабы давали слюзного дела иноземцам и толмачю шти человеком з женами их и детми и с людьми» 25 подвод плюс еще 4 посланному для сопровождения поручику¹⁹. После слова «иноземцам» в черновике документа стоит зачеркнутое числительное «пяти», что подтверждает расчет: на пять иностранных специалистов был выделен один толмач.

Обратим внимание на содержание задания, которые получили голландцы в указе от 5 августа 1702 г. Они должны были не только «того нового слюзного дела досмотреть и описать всякие места и урочища, имянно, где чинить то», но также «учинить чертеж» и ответить на вопросы, касающиеся перспектив предстоящей работы («возможно ли будет то слюзное дело учинить безо всякой

¹⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1704 г. Д. 47. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 122. Л. 1.

трудности, и не будет ли где за чем какие остановки»)²⁰. Создание документации, как словесной (аналитического описания), так и графической (чертеж), предполагало участие толмача. Последнему приходилось переводить устную речь иностранца кому-то, кто записывал перевод. Полагаем, однако, что чаще участников коммуникативного акта было меньше: толмач сам же и записывал русскую версию текста. Еще более вероятно такое его участие при переводе на русский язык письменного текста. Так устный перевод превращался в письменный,

Неизменное присутствие в акте коммуникации письменных текстов (их готовил Краффорд, представить их поручалось голландцам, посланным к Вышнему Волочку) позволяет увидеть за частными случаями общую или, во всяком случае, распространенную картину. Служба, которую выполняли иностранные специалисты, в большинстве случаев предполагала тесные контакты кросс-лингвистические контакты, включая письменные. Соответственно и обслуживание их переводчиком не могло замыкаться исключительно на устном переводе — он неизбежно должен был носить еще и письменный характер. В силу этого толмач, обслуживая такого специалиста (независимо от того, в какой казенной службе тот состоял), как правило, переводил не только устную речь, но и письменные тексты. Об этом не следует забывать, реконструируя круг обязанностей толмача и проводя разграничение толмачей и переводчиков. Можно предполагать, что от того, в какой степени толмач, выполняя основные обязанности, обеспечивал при необходимости перевод еще и письменных текстов, зависела оплата его труда.

Теперь обратимся к группе голландских мастеров, отправленных на Иван-озеро. Об их занятиях, соответственно, о работе обслуживавшего их толмача, можем судить по отписке Гагарина от 2 октября того же 1702 г. К нему в Епифанский уезд они прибыли 25 сентября. Несомненно, с толмачом — без него делать здесь им было нечего. Гагарин, прежде чем дать оценку их работе, напомнил, что у него и раньше работали иноземцы: «к перекопной работе к шлейзным делам по ево, великого государя, указу дан был ему иноземец галанец Графорт к делу канала»²¹. Дальше он рассказал о положении дел на строительстве и о занятиях там прибывших иностранцев. По его словам, «вышепомянутые де иноземцы

²⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 122. Л. 1об.

²¹ Там же. Д. 144. Л. 1—2.

тех сшлейзных дел (построенного до них. — *И.Ю.*) ничем не хулят, и никакова дела у тех сшлейз не порочат. А сказали, что в дополнку прибавливать им к тем делам нечего... А от иноземческой де работы, и от надсмотру их, ево великого государя делам чинитца великое медление — от излишних запросов всяких припасов к делам, и работных и мастеровых людей»²². Как видим, занятия иноземцев состояли в ознакомлении со сделанным, в текущем «надсмотре» и составлении «запросов», по мнению Гагарина — завышенных.

Гагарин просил «об отпуске их к Москве от перекопной работы из Епифанского уезду чтоб ему ево, великого государя, указ учинить». Просьбу уважили: было определено послать ему указ, разрешающий отпустить их в Москву, где поставить до указа в Немецкой слободе. Распорядились и в отношении тех, кто занимался рекогносцировкой под Вышним Волочком: «А на Вышней Волочек послать указ: велеть осмотреть, и описать, и зделать чертеж и роспись, что к тому делу чего надобно и работников, и потом уж ехать к Москве». Отметим внимание к теме государя, о чем говорит требование «тое роспись и чертеж прислать в поход»²³. Это рисовало разную перспективу для переводчиков, работавших с группами. Тому, кто отправлялся в Москву, может быть, предстоял короткий отдых. Тому, кто трудился у Вышнего Волочка, следовало погрузиться в новый цикл осмотра-описания-рисования.

После его завершения в 1704 г. указом было велено «строить то слюзное дело иноземцом слюзным мастером Ариану Диркс Гаутеру с товарищи десяти человеком, которые присланы к Москве... из Галанской земли в прошлом 1702 году»²⁴. Судя по числу голландцев (10 человек), здесь к этому времени собрались все приехавшие мастера из Голландии. Тот же указ упоминает имя одного из работавших с ними толмачей: в нем помимо прочего предписывалось «быть при тех иноземцах у того слюзного дела для толмачества другому толмачу иноземцу Михайлу Рукстику впредь до указу»²⁵. Именование Рукстика «другим» толмачем допускает два толкования. Если определение «другой» относить только к одной группе специалистов, оно может означать, что при их переброске прикрепленного к ним толмача заменили. Если же подразумевается уже объединенная группа специалистов, то «другой» можно понимать в смысле «второй» —

²² РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л. 1–2.

²³ Там же.

²⁴ Там же. 1704 г. Д. 47. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Л. 1 об.

раньше с вышневолоцкими голландцами работал один толмач, теперь, после увеличения группы, к нему прибавился второй.

Заканчивая эти заметки, отмечу, что двое из четырех упомянутых на их страницах толмачей и переводчиков — Петр Юрьев сын Дреер и Михаил Рукстик — отсутствуют на страницах словаря «Переводчики Посольского приказа в XVII в.» (включающем материал и по началу следующего столетия). Не обнаружили их мы и в статьях, опубликованных на страницах сборников «Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия», содержащих материалы конференций 2019 и 2021 гг. [Переводчики и переводы... 2019; Переводчики и переводы... 2021]. Уже это оправдывает подготовку данного материала. И, вместе с тем, открывает еще одно перспективное для исследования направление деятельности переводчиков: обслуживание речевой, а отчасти и письменной коммуникации в процессе знаковой для петровской эпохи деятельности — строительстве с участием европейских специалистов каналов и шлюзов.

Литература

- Аваков П.А.* Мастер шлюзного дела Элазар Крафффорд на службе России (1698–1716) // Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Междунар. петровского конгр. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб., 2014. С. 119–132.
- Клейтман А.Л.* Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышинке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695–1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 154–162.
- Миловидов А.И.* Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном (Историко-географический очерк) // ЧОИДР. 1892. Кн. 1(160). С. 1–30.
- Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019.
- Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин*; науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Шамина И.Н.* Деятельность Монастырского приказа в первые годы после его возрождения по расходной книге 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2022. № 3–4(67–68). С. 254–302.
- Юркин И.Н.* Водный тракт Куликова поля. Страницы истории Ивановского канала. Тула, 2020.
- Юркин И.Н.* Документы по истории строительства Ивановского канала (август 1701 — октябрь 1702 г.) // Архив истории науки и техники. Вып. 5 (14). М., 2015. С. 478–492.

Список сокращений

- 1 всел. – 1 Вселенского собора правила
ААЭ – Акты Археографической экспедиции
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
Ап. – Апостольские правила
Арх. Д. – Архангельского древнехранилища собрание
БАН – Библиотека Российской Академии наук
Барс. – Собрание Е. В. Барсова
Белокр. – Собрание Белокриницкое
БМСТ – Библиотека Московской Синодальной типографии
ВВ – Византийский Временник
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ГААО – Государственный архив Астраханской области
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАРО – Государственный архив Ростовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ДАИ – Дополнения к Актам историческим
ДРВ – Древняя российская вивлиофика
ЕВ – Епархиальные ведомости
ИВИ – Институт всеобщей истории
ИИЕТ – Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
ИЛИ – Институт лингвистических исследований
ИПС – Институт программных систем им. А.К. Айламазяна
ИР НБУ – Институт Рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского
ИРГО – Императорское русское географическое общества
ИРИ – Институт российской истории
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИРЯ – Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Исл – Институт славяноведения
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
ИФЛ – Институт филологии
Карфаг. – Карфагенского собора правила
КИД – Коллегия иностранных дел
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МДА – Собрание Московской Духовной Академии
МИД – Министерство иностранных дел
МичГАУ – Вестник Мичуринского государственного аграрного университета
НИОР – научно-исследовательский отдел рукописей
НИОР РГБ – Научно-исследовательский Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки
НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ННГУ – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОЛДП – Общество любителей духовного просвещения
ОР – Отдел рукописей
ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными
П и Б – Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПЭ – Православная энциклопедия
РАН – Российская академия наук
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РНБ – Российская национальная библиотека
РНФ – Российский научный фонд
Сб. РИО – Сборник Императорского Русского Исторического Общества
Син. – Синодальное собрание
СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
СлРЯз XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбИИ – Санкт-Петербургский институт истории
Тагил. – Собрание Тагильского скита
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
Ув. – Собрание А.С. Уварова

Унд. – Собрание В.М. Ундольского
УрФУ – Уральский федеральный университет
Устюж. – Устюжское собрание
Хлуд. – Собрание А.И. Хлудова
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских
ЮФУ – Южный федеральный университет
АМАЕ – Archives du Ministère des Affaires étrangères
АSА – Amsterdam City Archives
ВНГ – Bibliotheca Hagiographica Graeca. Troisième édition. T. I–III. Bruxelles, 1957.
ВOА – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi
Briquet – *Briquet Ch.M.* Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Deuxième édition. T. I–IV. Leipzig, 1923–1928.
СРГ – Clavis patrum graecorum. Vol. I–V. Turnhout, 1974–2003.
DVNS. МНМ – Divân-ı Hümâyûn ve Bâb-ı Âsafî defterleri – Mühimme defterleri
РG 31 – *Migne J.P.* Patrologia Graeca. T. 1–162. Paris, 1857–1866.

Сведения об авторах

- Арсениев Светослав (Болгария, София,
Университет национального и мирового хозяйства)
arsenk@abv.bg
- Бабаева Елизавета Эдуардовна (Москва, МГУ)
llevidova@gmail.com
- Базарова Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург, СПБНИИ РАН)
tbazarova@yandex.ru
- Беляков Андрей Васильевич (Москва, ИРИ РАН)
belafeb@yandex.ru
- Белякова Елена Владимировна (Москва, ИРИ РАН)
elbel@list.ru
- Болотина Наталья Юрьевна (Москва, РГАДА)
bolotina30@rambler.ru
- Бондач Альберт Григорьевич (Москва, РГАДА, РГБ)
bondatch@mail.ru
- Вершинин Константин Владимирович (Москва, ИРИ РАН)
versh-kv@yandex.ru
- Виноградов Александр Вадимович (Москва, ИРИ РАН)
avinogradov1957@yandex.ru
- Воробьева Надежда Николаевна (Москва, АВПРИ, Историко-
документальный департамент МИД России)
nvorobeva2008@yandex.ru
- Герасимов Данила Викторович (Москва, НИУ ВШЭ)
danilagerasimov2212@gmail.com
- Гуськов Андрей Геннадьевич (Москва, ИРИ РАН)
guskov-andrei@mail.ru
- Домрачев Николай Евгеньевич (Москва, РГАДА)
nickolas-house@yandex.ru
- Зарецкий Юрий Петрович (Москва, НИУ ВШЭ)
yzaretsky@hse.ru
- Кочегаров Кирилл Александрович (Москва, ИСл РАН)
kirill-kochegarow@yandex.ru
- Кошелева Ольга Евгеньевна (Москва, ИВИ РАН)
odysseus1980j@mail.ru
- Кулмаматов Дусмамат Саттарович (Ташкент, УзГУМЯ)
kulmamatov1956@mail.ru
- Лисейцев Дмитрий Владимирович (Москва, ИРИ РАН)
Liseitsev@mail.ru

Манин Даниил Олегович (Екатеринбург, УрФУ)
daniil-manin@mail.ru

Михнева Румяна (Болгария, София/Варна, Варненский
свободный университет «Черноризец Храбър» / Общество
русистов Болгарии)
r.mihneva@mail.ru

Моисеев Максим Владимирович (Москва, ИРИ РАН)
maks-moisee@yandex.ru

Морохин Алексей Владимирович (Нижний Новгород, ННГУ;
Москва, ИРИ РАН)
alexmorohin@yandex.ru

Опарина Татьяна Анатольевна (Москва, ИРИ РАН)
t-a-opart@yandex.ru

Пентковская Татьяна Викторовна (Москва, МГУ)
pentkovskaia@gmail.com

Преображенская Анастасия Александровна (Москва, ИРЯ РАН)
anastasja.preobrazhenskaya@gmail.com

Пузанов Владимир Дмитриевич (Шадринск, Шадринский
государственный педагогический университет)
alan1971@bk.ru

Русаковский Олег Владимирович (Армения, Ереван,
независимый исследователь)
ruso0504@gmail.com

Рылик Полина Александровна (Греческая Республика,
Афинский национальный университет имени Каподистрии)
rylikpa@slavstud.uoa.com

Савельева Наталья Вячеславовна (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)
n.v.savelieva@inbox.ru

Севастьянова Светлана Климентьевна (Новосибирск, ИФЛ СО
РАН) sevask@mail.ru

Селин Адриан Александрович (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)
aselin@hse.ru

Сень Дмитрий Владимирович (Ростов-на-Дону,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета)
dsen1974@mail.ru

Смирнова Анна Сергеевна (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)
asmirnova@iling.spb.ru

Сукина Людмила Борисовна (Переславль-Залесский, ИПС РАН)
lbsukina@gmail.com

Тимошина Людмила Алексеевна (Москва,
Научно-исследовательское и издательское
объединение «Альянс-Архео»)
timochalud@yandex.ru

Турилов Анатолий Аркадьевич (Москва, ИСЛ РАН)
Уо Даниель (Сиэтл, Университет штата Вашингтон)
Устинова Ирина Александровна (Москва, ИРИ РАН)
ilustinova@yandex.ru

Хоруженко Олег Игоревич (Москва, ИРИ РАН)
khoruzhenko1@yandex.ru

Худин Кирилл Станиславович (Москва, ИВИ РАН)
khudin1988@yandex.ru

Черная Людмила Алексеевна (Москва, Московский
государственный академический художественный институт
им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств)
tchernie@rambler.ru

Юркин Игорь Николаевич (Москва, ИИЕТ РАН)
ig-yurkin@yandex.ru

Научное издание

**Переводчики и переводы в России
до начала XVIII столетия**

Материалы 12 Международной конференции
«Комплексный подход в изучении Древней Руси»
11–15 сентября 2023 г.

Выпуск 3

Макет и оформление: Л. В. Лобанова

Подписано к печати 15.08.2023.
Формат 60×90/16. Заказ №
28,75 п.л. 25,5 уч.-изд.л.
Тираж 500 экз. (Первый завод 140 экз.)

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: +7 (495) 221-89-80

ISBN 978-5-8055-0425-0

9 785805 504250